

**ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

В.Г. ИВАНОВ

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ:
ОТ НАЦИОНАЛЬНОГО К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОМУ УРОВНЮ**

Учебное пособие

**Москва
2008**

Тема 1. Политические элиты: понятие, сущность, функции

1.1. Введение

Существование элит имманентно социально-политической реальности. С глубокой древности для человечества характерно ранговое деление, выделение особой социальной страты лиц, управляющих и принимающих решения. Термин "[элита](#)" происходит от французского elite (лучший, отборный, избранный). Начиная с XVII в., он употребляется для выделения в социальной структуре "избранных людей", прежде всего высшей знати. В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь (1823 г.), этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе иерархического общества [\[1\]](#). Однако термин "элита" не применялся широко в общественных науках до конца XIX - начала XX вв. Он вошел в научный оборот благодаря итальянскому исследователю [В. Парето](#). В современной политологии, во многом благодаря работам Г. Лассуэлла [\[2\]](#), этот термин стал общепринятой категорией, используемой для определения субъектов власти в лице правящего слоя.

Сама по себе постановка проблемы, касающейся особой роли элиты, не является заслугой западной политологии. Она имеет давнюю и интернациональную традицию. Заслуга [В. Парето](#), [Г. Моски](#), [Р. Михельса](#) - основателей современной элитарной теории - состоит в том, что они пытались вычлениить и систематизировать вопросы, связанные с ролью элиты в политическом процессе, сделать их объектом специального исследования. Благодаря этим авторам, их последователям и оппонентам, изучение элит позже приобрело статус отдельной политологической дисциплины - [элитологии](#).

Существование элиты обусловлено действием следующих основных факторов:

- психологическим и социальным неравенством людей, их неодинаковыми способностями, возможностями и желанием участвовать в политике;
- законом разделения труда, который требует профессионального занятия управленческим трудом как необходимого условия его эффективности;
- высокой общественной значимостью управленческого труда и его соответствующим стимулированием;
- широкими возможностями использования управленческой деятельности для получения различного рода привилегий;
- практической невозможностью осуществления всеобъемлющего контроля за политическими руководителями;
- политической пассивностью широких масс населения, главные жизненные интересы которых обычно лежат вне сферы политики.

1.2. Наука элитология

В 1896 г. в своей работе "Основы политической науки" [Г. Моска](#) сформулировал закон социально-политической дихотомии общества. Он состоит в том, что во всех обществах, начиная с самых неразвитых, едва достигших зачатков цивилизации и кончая просвещенными и высокоразвитыми, существует два [класса](#): класс управляющих и класс управляемых. Первый, всегда более малочисленный, осуществляет все политические функции, монополизирует власть и пользуется присущими ему преимуществами. Второй, более многочисленный, управляется и регулируется первым и поставляет ему материальные средства поддержки, необходимые для жизнеспособности политического организма.

Проанализировав проблему формирования ([рекрутирования](#)) политической элиты и ее специфические качества, Г. Моска пришел к выводу, что важнейшим критерием формирования политического класса является его способность к управлению другими людьми, т.е. организаторские способности, а также материальное, моральное и интеллектуальное превосходство. Хотя в целом этот класс

наиболее способен к управлению, однако, не всем его представителям присущи передовые, более высокие по отношению к остальной части населения качества.

В ходе своей эволюции политический класс постепенно меняется. Существуют две тенденции в его развитии: аристократическая и демократическая. Первая из них - аристократическая - проявляется в стремлении политического класса стать наследственным, если не юридически, то фактически. Вторая - демократическая - состоит в обновлении политического класса за счет наиболее способных к управлению слоев, в том числе и низших.

Независимо от Г. Моски, примерно в это же время теорию политических элит разрабатывал В. Парето. Он, как и Г. Моска, исходил из того, что во все времена миром правило и должно править избранное, наделенное особыми психологическими и социальными качествами меньшинство - элита. Совокупность индивидов, которые отличаются результативностью, действуют с высокими показателями в той или иной сфере деятельности, и составляют элиту. Она делится на правящую, прямо или опосредованно (но эффективно) участвующую в управлении, и неправящую - [контрэлиты](#) - людей, обладающих характерными для элиты психологическими качествами, но не имеющими доступа к руководящим функциям в силу своего социального статуса и различного рода барьеров. Развитие общества происходит посредством периодической смены, циркуляции элит. Поскольку [правлящая элита](#) стремится сохранить свои привилегии и передать их по наследству людям с неэлитарными индивидуальными качествами, это ведет к качественному ухудшению ее состава и одновременно к количественному росту контрэлиты. Последняя с помощью мобилизуемых ею недовольных правительством масс свергает правящую элиту и устанавливает собственное господство.

Крупный вклад в развитие теории политических элит внес Р. Михельс. Он исследовал социальные механизмы, порождающие элитарность общества. В основном солидаризируясь с Г. Моской в трактовке причин элитарности, Р. Михельс особо выделяет организаторские способности, а также организационные структуры общества, стимулирующие элитарность и возвышающие управляющий слой.

1.3. Определение элиты

Обозначим понятие правящей (политической) элиты. Как отмечает [О. Гаман-Голутвина](#), если структурно экономическая элита представляет собой сложную систему бизнес-корпораций, то политическая предстает как сложное дисперсное образование, в состав которого входит высший эшелон репрезентирующих государство и институты гражданского общества структур, что предполагает формы внутренней организации: [группы давления](#), корпорации, кланы, [клиентеллы](#) [3].

По определению Б. Краснова, политическая элита - это относительно небольшая социальная группа, которая концентрирует в своих руках значительный объем государственной и информационной власти, ее отличают высокий социальный статус и интеллект. Она обеспечивает интеграцию, субординацию и отражение в политических установках интересов различных социальных групп и создает механизм воплощения политических замыслов.

Существующие в политологии дефиниции различаются между собой с точки зрения широты понятия [правлящей элиты](#). Сторонники более узкого определения относят к элите только высший эшелон государственной власти, сторонники более широкого - всю иерархию управленцев. Чтобы иерархизировать структурные элементы элиты, существуют термины "стратегические элиты", "суперэлита" и др. По отношению к низшим структурным уровням элиты часто применяется термин А. Сингхема "[субэлиты](#)".

Политическая элита внутренне дифференцирована. Она делится на *правлящую*, непосредственно обладающую государственной властью, и *оппозиционную* - контрэлиту; на *высшую*, принимающую значимые для всего государства решения, *среднюю*, а также *административную* - служащие-управленцы ([бюрократия](#)).

Политическая (правлящая) элита может традиционно определяться по [альтиметрическому критерию](#), на основе [позиционного подхода](#), т.е. в нее включаются те лица, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения. Выделяются следующие "сквозные", функциональные группы элиты: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, [бизнес-элита](#).

Однако такой подход, относящий к элите лиц, возглавляющих важнейшие политические институты стран, несет в себе опасность отождествить формальную и неформальную политические структуры. Вне списка официальных лиц обычно оказываются люди, не занимающие официальных постов, но влияющие на принятие политических решений и на общественное мнение не меньше, а быть может, и больше, чем лица, попавшие в указанный список, что отмечают многие политологи. Ж. Блондель указывал на то, что "формальное положение должно быть отделено от "реальной" власти" [4]. В целом современная политическая реальность ставит под сомнение альтиметрический критерий. Все большее значение приобретают неформальные, теневые механизмы аппроксимации интересов элитных группировок и принятия решений.

Как альтернатива позиционному широкое распространение получил десизионный метод, согласно которому политическая элита включает лиц, принимающих, или оказывающих влияние на принятие стратегически важные решения. Так, в рамках этого подхода различаются прямое, косвенное и номинальное влияние. О. Гаман-Голутвина приводит в качестве примера косвенного влияния Р. Горбачеву и Х. Клинтон, не занимавших официальных постов управленческой иерархии, однако имевших заметное влияние на политический процесс. Примером номинального влияния может быть политический вес парламентария в авторитарном государстве.

1.4. Основные научно-исследовательские подходы к изучению элит

Процесс элитообразования можно рассматривать с разных точек зрения. Классифицируя политическую элиту, необходимо отметить, что есть два основных подхода к этому понятию. Первый -

настоящая, истинная элита воплощает сущность нации (этноса), глубину его группового или национального сознания. В этом случае элита связана с традициями, временем и пространством. Она здесь - это воплощение личной ответственности. Настоящая элита характеризуется своей внутренней, имманентной традицией, этикой, она - живая душа своего общества.

Во втором случае элита - это определенным образом структурированная группа, которая в силу своего положения в обществе обладает потенциалом решающего влияния на большинство других социальных групп. Здесь элиту можно соотнести с таким понятием как "истеблишмент", "[номенклатура](#)", "правлящий класс". Такую элиту часто называют "[псевдоэлитой](#)". Она обладает внешними, формальными признаками реальной элиты, но очень часто не несет ответственности за все общество. В суровые годы испытаний такая элита чаще всего покидает свой народ, а порой и предает его, превращаясь в [антиэлилу](#). История знает немало таких примеров, в том числе и в России.

Выделяются следующие основные исследовательские подходы к политической элите: 1) поведенческий; 2) структурно-функциональный; 3) нормативный.

1) Согласно поведенческому подходу, вертикальная неоднородность групп, их иерархическая упорядоченность, лидерство одних и подчинение других являются биологически обусловленными. Это общий и объективный закон бытия. В традиции [социал-дарвинизма](#) (Г. Спенсер и др.) тех, кто оказался наверху социальной пирамиды, принято было наделять положительными нормативными качествами, они считались самыми достойными, приспособленными, жизнеспособными, разумными и т.п. представителями человечества, причем эти качества передавались генетически. Отсюда делался вывод о возложенной на элиту "высокой миссии" совершенствования человеческого рода путем жесткого "естественного отбора". Выводы многочисленных исследований этологов и антропологов XX в. были не столь однозначны. Было, в частности, доказано что наверху иерархической пирамиды, особенно выстроенной на недостаточно рациональной основе, часто оказываются вовсе не самые компетентные и профессиональные специалисты, равно как и не носители общепризнанно положительных качеств. Скорее, наоборот, существует тенденция захвата власти (особенно в неформальных иерархиях) кучкой властолюбивых, напористых и агрессивных людей. Для иерархической системы власти характерна нестабильность, вызванная постоянной борьбой за власть и ресурсы - "место под солнцем".

Интересную гипотезу генезиса и эволюции элиты выдвинул А. Ефимов. Он представил этот механизм в виде социальной интерпретации биологического закона элитарного ряда. В самом общем виде содержание закона отражает внутреннюю, повторяющуюся, устойчивую связь между элитой и остальными людьми и заключается в том, что определенные виды растений и животных существуют и успешно развивается лишь при наличии у них элитарных групп. В случае же гибели или вырождения элиты растения или особи деградируют, а порой и исчезают. С определенной спецификой данный закон можно применить и к социальному миру.

2) Согласно структурно-функциональному подходу, элита есть категория лиц, осуществляющих управление обществом. Разделение общества является необходимым условием его выживания и обусловлено социальными причинами и мотивациями. Структуризация общества, раздел материальных благ всегда вызывает появление элиты. Без эффективного управления и целеполагания, осуществляемого меньшинством, любой общественный прогресс, даже координированные действия социума не представляются возможными. А. Тойнби [5] выделяет творческое меньшинство общества (в противоположность нетворческому большинству), основная функция которого - искать и находить ответы на постоянные исторические вызовы. Выделение элиты обычно связывается с возникновением классового общества, государства и имущественного неравенства, основанного на эксплуатации и присваивании результатов чужого труда, интенсификацией разделения труда. Возникновение государства, формализованной системы государственной бюрократии и политической сферы можно считать определяющим фактором появления управляющей элиты, хотя признается ее существование и в архаичных обществах. В то же время Р. Михельс сформулировал тезис о неизбежности исторического краха любой бюрократически организованной партийно-государственной элиты [6]. Согласно Р. Михельсу, всякая демократическая структура атрибутивно содержит в себе потенциал [олигархии](#) (т.н. "[железный закон](#)

[олигархии](#)"), по мнению автора, "человек-масса", в отличие от представителей элиты, не способен участвовать в социальном управлении. Следует отметить, что в современной политологии функциональный подход является преобладающим.

3) Весьма распространен также ценностно - нормативный подход (вхождение в элиту есть следствие личных заслуг и достоинств). Уже в силу семантической значимости понятия "элита" он должен рассматриваться как основной. Однако данный подход представляется в большей степени идеологическим, нежели научным. Его сторонники объясняют существование элиты "превосходством" одних людей над другими. Ценностная теория элиты отмечает в элите характерные особенности:

- принадлежность определенного члена общества к элите определяется наличием у него качеств, полезных для всего общества - таланта, профессиональной компетентности и готовности служить общественным интересам;
- элита образуется не в результате ожесточенной борьбы за власть, а в итоге "естественного отбора" обществом наиболее ценных и одаренных личностей.

Идейными предтечами таких элитных теорий были Платон (идея правящего класса, состоящего из философов-профессионалов), Т. Карлейль (противопоставление "героев" и "толпы"), Ф. Ницше (ряд возможных интерпретаций идеала "сверхчеловека"), Г. Спенсер с его "социальным дарвинизмом", идеей господства самых сильных, приспособленных, конкурентоспособных. Х. Ортега-и-Гассет полагал, что представители элиты - люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой, наивысшим чувством ответственности [7]. Основным представителем ценностно- нормативного подхода к осмыслению феномена элиты по праву можно назвать В. Парето.

Исходя из представлений о социальной гетерогенности, predeterminedенной, с его точки зрения, изначальным психологическим неравенством индивидов, В. Парето утверждал, что в каждой области человеческой деятельности индивиду дается некий (реальный либо предполагаемый) индекс, являющийся оценкой его способностей. Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области самую высокую оценку, В. Парето предлагал назвать элитой. Согласно таким взглядам, элита - это избранная часть общества, остальная его часть лишь приспособляется к полученным от нее стимулам. Элите у В. Парето присущи продуктивность и активность, а также умение убеждать, манипулируя людьми вкупе с готовностью применять силу, именно она вносит в общество инновационные импульсы. В. Парето пишет, что эти "люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества, так называемые "высшие классы" и составляют элиту, "аристократию". Большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами - неважно, хорошими или дурными, - которые обеспечивают власть" [8].

Это подчеркивает и т.н. "макиавеллистская школа" элитологии, утверждающая, что:

- у элиты любого общества существуют особые качества, полученные от природы или привитые воспитанием - прежде всего способность к осуществлению управления и стремление бороться за власть;
- все эти качества передаются следующим поколениям элиты по наследству - благодаря этому любая правящая элита имеет наследственный характер;
- элита спланивается в единую группу, противопоставляющую себя остальному обществу, объединенную общностью социального положения и восприятием себя как коллектива избранных людей, призванных руководить обществом;
- элита неизбежно появляется в любом обществе, так как люди не равны от природы, и требуется выделить лучших из них, которые смогут эффективно управлять;
- условием выживания элиты как слоя является постепенное обновление состава и вливание в нее "свежей крови";

- циркуляция элит происходит в ходе борьбы за власть: выигравший получает власть и привилегии, а проигравший исключается из борьбы.

Естественно, ценностно-нормативный или аксиологический подход не может не вызывать споры и критику со стороны ученых-элитологов. Г. Ашин утверждает: "Стремление элитаристов представить элиту в социально-психологическом плане как людей, превосходящих других по уму, наделенных определенными способностями или моральными качествами, легко оборачивается открытой апологетикой элиты. Если подобные суждения можно простить мыслителям древности, то со времени Макиавелли они не могут не звучать наивно. Это особенно относится к современным исследователям элит, которые могут достаточно ясно видеть, сколь высок среди представителей элиты процент людей лживых, лицемерных, аморальных, ловких, изворотливых, беспринципных искателей власти. Можно задать сторонникам ценностного подхода к элите вопрос: почему среди правящей верхушки капиталистических стран процент выходцев из имущих классов во много раз превосходит процент выходцев из неимущих? Неужели среди меньшинства населения - богатейших людей, владельцев основных средств производства - и следует искать самых достойных, мудрых, способных? Для того чтобы считать, что именно представители эксплуататорского меньшинства являются наиболее достойными, высокоморальными членами общества, нужно либо впасть в мистицизм, либо допустить, что классовая ограниченность порой перерастает в полное классовое ослепление" [9].

Ценностный, или [меритократический](#) критерий выделения элиты оказывается в значительной степени нормативным, не коррелирующим с социологическими данными. Отметим при этом, что ценностный подход может вылиться не в апологетику, а, напротив, в критику элиты, в выявление несоответствия ее с нормативом и, таким образом, в программу повышения качества элиты. Как отмечает В. Ки, решающим элементом, от которого зависит благополучие демократии, является компетентность политической элиты: "Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку или катастрофе, то это идет именно отсюда" [10]. Близкую мысль высказывал Д. Белл: "Оценка способности общества справиться со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа" [11].

1.5. Формирование и функции политической элиты

Существует система как положительного, так и отрицательного отбора ([ротации](#)) политической элиты. При положительном отборе в политическую элиту попадают самые достойные представители общества - талантливые организаторы, интеллектуалы. В этом случае страны успешно развиваются. Особенно необходима система положительного отбора элиты в условиях, когда общество находится в состоянии кризиса или сталкивается с серьезными вызовами. По мнению известного этнографа Л. Гумилева, наиболее высока вероятность такого отбора в период подъема пассионарности этноса. И, наоборот, когда этнос переживает снижение пассионарности, начинает функционировать система отрицательного отбора элитных групп. При этом элита стремительно деградирует.

Политический опыт показывает несколько приемов борьбы против деградации политической элиты. Это - предельные сроки пребывания у власти избираемых и назначаемых лиц, их периодическая отчетность, обязательное обновление кадрового состава органов управления, соблюдение принципа альтернативности при замене, конкурсный отбор, контроль за деятельностью госслужащих и др.

Для вхождения в состав элиты необходима определенная ресурсная база. [П. Бурдьё](#) предлагает типологию элит как акторов, монополюбно обладающих определенными типами капитала: властного, символического, экономического и др.

Таким образом, современную политику можно определить как властное распределение дефицитных ресурсов под давлением заинтересованных групп. Подобная дефиниция связана с определением роли и места элит в структуре современного политического пространства, понимаемых как категории лиц, обладающих властью (вне зависимости от того, какие факторы обусловили вхождение во власть).

Важнейшая функция элиты, конституирующая ее видообразующий признак, - принятие стратегических решений и обеспечение их трансляции на уровень массового сознания и поведения. Возможность обратного влияния внеэлитных слоев на вершину властной пирамиды определяется параметрами политического развития (особенности политической культуры, исторические традиции политического развития, тип политического развития и т.п.). В условиях патриархальной или подданической политической культуры возможности влияния внеэлитных слоев на решения элиты существенно ниже, чем в условиях активистской культуры.

Специфика элитного рекрутирования (особенности, механизмы, каналы) представляется наиболее значимым аспектом, позволяющим определить доминирующие алгоритмы элитообразования в различных типах общества (гос. аппарат, органы местного управления, армия, спецслужбы, политические партии, религиозные организации, система образования).

Элиты как правило выступают также и в качестве [референтной группы](#), т.е. рассматриваются другими слоями общества как объекты для подражания.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 1. Политические элиты: понятие, сущность, функции

1. Обоснуйте необходимость и сущность понятия "политическая элита общества".
2. Дайте характеристику критериев и покажите классификацию политической элиты.
3. Перечислите основных классиков элитологии и назовите их работы.
4. Укажите основные научно-исследовательские подходы к политической элите.
5. Определите сущность и покажите на исторических и современных примерах России и СНГ действие закона элитарного ряда.
6. Назовите наиболее эффективные направления деятельности элиты в условиях реформирования общества.
7. Каковы основания элитистского и эгалитаристского подходов к обществу и его политическому устройству?
8. Какое место играет бюрократическая элита в современной политической жизни? Как отличается ее роль в странах с развитой демократией и в странах "третьего мира"?
9. Какие факторы оказывают существенное воздействие на формирование политической культуры элиты?
10. Какие социальные факторы играют наиболее важную роль в образовании и развитии элит в современном западном обществе?
11. Приведите пример "референтной группы", а также транснациональной "референтной группы".

Тема 2. Транснациональная элита: концептуализация феномена

2.1. Становление транснациональной элиты

Одним из характерных признаков современности являются революционные процессы трансформации социальной реальности, оказывающие непосредственное влияние на все человечество. Неизбежно возникает вопрос о том, как соотносятся между собой объективные тенденции глобальных модернизационных и интеграционных процессов и политические стратегии современных [элит](#)? Какой из этих факторов в большей степени определяет современный миропорядок? В этой связи необходимо отметить, что в последние десятилетия мир столкнулся с серьезным изменением состава, мотивации, [идеологии](#) и систем ценностей элит, и мы можем говорить об образовании принципиально нового явления - всемирной транснационализации элиты. Происходит "смещение" власти в глобальном масштабе по вектору от государств и традиционных социально-политических институтов к транснациональным акторам, что потенциально является симптомом отступления демократии как в политической системе, так и в социальных институтах, все более меняющих свою прежнюю логику и переводимых на самоокупаемость.

В настоящее время идет процесс формирования новой [транснациональной элиты](#), порывающей связи со своими национальными государствами. Этот процесс, затрагивающий большинство стран, сопровождается [имплозией](#) национальных государств и серьезными социальными трансформациями. Транснациональная элита, основу которой составляют крупные собственники (включая и владельцев [абсцентиистской собственности](#)), воздействуя на политические элиты, стремится к осуществлению своего проекта решения глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Данный проект основан на корпоративных и [классовых интересах](#), он элитарен, учитывает интересы меньшинства, и его реализация сопряжена с рисками, имеющими глобальный характер. Методы реализации этого проекта являются жесткими и неизбежно приводят к обострению обстановки в мире и нарастанию кризисных явлений на всем политическом пространстве.

Понятие "транснациональная элита" до сих пор не имеет точной дефиниции, оно не включено в научный оборот как однозначное, а используется контекстуально либо трактуется различными авторами по-разному.

Возникает парадокс: общество, которое глобализируется при помощи давнишнего процесса интернационализации всех сфер общественной жизни, процесса, который анализировали многие классики и экономической, и политической мысли, вдруг не имеет элиты, которая бы защищала это глобализирующееся общество. На самом деле, просто политологическая мысль запаздывает. А запаздывает она по простой причине: процессы, с которыми мы сейчас сталкиваемся, являются комплексными, а следовательно, предполагают и требуют междисциплинарного синтеза. В настоящее время транснациональная финансово-политическая элита формируется, происходит ее консолидация, однако уловить этот феномен очень тяжело, так как прежде всего она консолидируется не в формальных институтах и [международных организациях](#), а на неформальных встречах, например "[Большой восьмерки](#)".

Появление транснациональной элиты обусловлено самой логикой [глобализации](#): превращением мира в определенную социальную целостность. Одной из важнейших современных тенденций становится процесс транснационализации прежних национальных элит, направленный на их глубокую конвергенцию с активно формирующейся сегодня общемировой элитой. В этом контексте имеет место утрата современными национальными элитами полноты легитимности и появление нового транснационального субъекта истории, распространяющего свою власть на все мировое пространство и создающего новый формат власти, перешагнувший границы государств и межгосударственных союзов. Как отмечают Дж. Хигли и М. Бартон, одну из важных основ политической глобализации составляет процесс усиления взаимодействия между

национальными элитами, когда "на смену относительно устойчивым альянсам в рамках национальных границ и военно-политических союзов приходит гибкая и меняющая конфигурацию система временных элитных альянсов, преодолевающих государственные рубежи" [1]. Глобализация сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать национальные экономики, а также отчасти сферы политики и культуры, интенсификацией контактов между национальными элитами, обретением ими новых идентичностей, снижением их зависимости перед населением (электоратами) собственных стран. Увеличиваются возможности для элит в новых условиях конвертировать свою власть из одного социального поля в другое (особенно из экономики в политику), власть элит уменьшается на национальном уровне и возрастает на наднациональном. Актуализируются новые властные и экономические возможности элит, получающих новый уровень мобильности, невиданную прежде степень свободы; конституируется общее элитарное транснациональное пространство, происходит ренессанс неограниченного капитализма, но в глобальном масштабе, реабилитируются антропологическая и идеологическая модели капиталистических элит XIX в., модели [элитаризма](#) и антитрадиционализма.

Признавая существование и широкое распространение транснациональных политических и социальных пространств, важно выделять непосредственно транснациональную элиту, доминирующую в этих сферах. Понятие "транснациональная элита" отмечает тенденции, упускаемые другими подходами к элите: принципиальное изменение прежних систем ценностей элит и их мобильности. Так как современные элиты, управляющие становящимся обществом сетевых структур, транснациональны, это лишает национальные государства пространства для маневра, может вести к относительной маргинализации "легальной", институциональной власти, национальной публичной политики, росту влияния альтернативной системы социальной регуляции - "неформальной", десизивной, транснациональной, геоэкономической форм власти. Параллельно этому процессу прогрессирует глобальная экспансия сетевых структур, нарастает конфликт между централизованной иерархией и сетевой культурой, между центристскими и центробежными тенденциями. Взаимопереплетение бизнеса и власти, экономических и политических элит в условиях изменяющейся современности также предполагает определенные риски и негативные социальные процессы, чреватые политическими потрясениями.

В настоящее время в мире наблюдается глобальный "сдвиг власти", обусловленный стремлением транснациональной элиты к представительству своих интересов в системе политической власти, а также к созданию и поддержке альтернативных властных структур. Все большее внимание уделяется проблеме политической субъектности внеинституциональных социальных образований, к коим в первую очередь относятся различные элитные группы, в том числе и транснациональные. Данный аспект при изучении функционирования системы политического управления в большинстве исследований, базирующихся на институциональной методологии, как правило, остается вне научного анализа. Между тем без учета политико-элитного контекста нельзя полностью понять сложные процессы политического властвования.

Особую значимость приобретает вопрос о составе, структуре, функциях и целях новой транснациональной элиты. В этой связи актуализируются противоречивые и нередко тревожные тенденции глобального развития, такие как "управляемая демократия", моноцентричная власть, подчиняющая и контролирующая политическое и информационное пространство, структурное классовое доминирование, ослабление институтов гражданского общества, неспособность массовых слоев влиять на политические процессы и пр. При этом главными социальными акторами являются элиты, вносящие в общество инновационные импульсы. Однако в условиях стабильного демократического развития любого социума политическая сфера должна быть ориентирована на интеграцию и репрезентацию всего широкого спектра общественных сил, представленных в социальной структуре.

2.2. Транснациональная элита: концептуализация феномена (уловить неуловимое)

В связи с вышеописанными процессами обращает на себя внимание появление большого количества политологических теорий, фиксирующих один спектр явлений, но по-разному

интерпретирующих этот процесс с точки зрения различных научно-исследовательских подходов. В то же время необходимо отметить, что концептуальная разработанность понятия является не очень высокой. Сам термин "[транснациональная элита](#)" редко используется авторами в исследованиях, причем в совершенно различных значениях. Так, например, Дж. Биверсток приводит данный термин, анализируя миграционные процессы с точки зрения концепции [сетевого общества](#) [М. Кастельса](#) [2], В. Робинсон отмечает возникновение прозападно ориентированной транснациональной элиты в развивающихся странах [3]. Некоторые исследователи применяют этот термин, говоря о транснациональном бизнес-сообществе или даже о представителях определенных, наиболее мобильных типов капитала (например, финансового или торгового), объединяющих усилия для создания преодолевающей государственные границы структуры экономической и политической власти. В рамках такого подхода некоторыми авторами [4] выделяются "старая версия" транснациональной элиты, распространенная в прошлом (интернационально ориентированная аристократия, торговый капитал, капиталистические династии) [5], и "новая версия" [6], актуализировавшаяся преимущественно в связи с процессами глобализации (когда основным признаком транснациональной элиты является обладание значительным конвертируемым капиталом или определенным типом образования). Указывается на их историческую преемственность, основанную на функционировании капиталистической миросистемы, ее динамике и конъюнктуре.

К. Скоузен [7] фокусирует внимание на отличиях транснациональных капиталистических элит от обычных национальных элит. М. Кастельс [8] обращает внимание на то, что организации и деятельности таких элит свойственна особая сетевая модель, С. Чернышов [9] указывает на ее некорпоративный характер, Д. Колеман или [М. Калашников](#) [10] отмечают скрытые системы и механизмы координации, согласования интересов и принятия решений. Некоторые исследователи традиционно придерживаются [конспирологических](#) сюжетов о скрытой деятельности "мировой закулисы".

Некоторым исследователям транснациональная элита представляется замкнутым клубом небольшого числа миллиардеров и интеллектуалов, другие видят в ней мировое правительство, единый координационный орган, скрытно дергающий за невидимые ниточки правительства многих стран, существуют дискуссии о появлении особой цивилизации или "антицивилизации". Для многих новая элита ассоциировалась с появлением нового [класса технократов](#), выдвигались гипотезы о растущей концентрации власти в руках топ-менеджеров и даже концепции [креакратии](#). Ряд авторов определяют транснациональную элиту как [корпоратократию](#) [11], т.е. власть [ТНК](#) и крупного капитала, тесно переплетенных с правящей элитой западных стран, прежде всего США и Великобритании. Термин "транснациональная элита" используется при рассмотрении процессов бизнес - миграции, различных моделей "сетевого общества" и феномена "[неокочевничества](#)". Приверженцы классового подхода выделяют отдельный класс новой транснациональной буржуазии, осознавшей свои классовые интересы и стремящейся их реализовать. Согласно концепциям [неоколониализма](#) и [миросистемного анализа](#), под транснациональной элитой следует понимать в первую очередь [компрадорские](#) режимы в развивающихся странах, нацеленные на приоритетную реализацию интересов ТНК и западных стран. Некоторые исследователи склонны отождествлять транснациональную элиту с международной мафией, указывая на участие многих ее представителей в незаконных способах давления на элиту национальных государств и устранении своих противников и конкурентов, отмывании денег, уходе от уплаты налогов, контроле за производством и транспортировкой наркотиков, запрещенном экспорте и импорте ядерных материалов и технологий и т.п.

Все эти взгляды, которые будут подробно рассмотрены в дальнейшем, соответствуют действительности, но ни один из них не может претендовать на полноту при описании данного феномена, так как понятие "транснациональная элита" синкретизирует в себе все эти явления и в то же время представляет собой нечто новое.

Принципиальные различия между авторскими подходами проявляются, например, в вопросе о месте и роли транснациональных элит в более широкой системе политических отношений и межэлитной коммуникации в глобальном масштабе: представляют ли такие элиты отдельный политический полюс, обладающий значительными и все увеличивающимися властными ресурсами на фоне ослабления государств и национальных экономик, или речь идет лишь о новой системе динамически меняющейся

конфигурации взаимодействия прежних, преимущественно национальных элит? Подобная дисперсия взглядов и свобода интерпретаций не могут служить достаточным основанием для адекватного и разностороннего рассмотрения и концептуализации транснациональной элиты.

2.3. Определение транснациональной элиты

Представляется важной экспликация понятия "транснациональная элита". Политическую элиту можно определить как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство социальную общность, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом [12]. Однако это определение можно экстраполировать и на более широкий круг лиц, не связанных границами национальных государств. Речь идет именно о сетевой и дисперсной транснациональной элите, обладающей огромным ресурсным и властным потенциалом, оказывающей влияние на большинство стран мира и все в большей степени претендующей на целеполагание и принятие стратегически важных решений.

Транснациональные элиты - это прежде всего западные элиты. Они являются проводниками западного влияния, оказывая значительное воздействие на глобальные и транснациональные процессы, а элиты других стран могут примыкать к ним. Они заинтересованы в реализации собственных интересов в пространстве единого мирового рынка, нередко за счет собственных стран и народов. Совокупность человеческих и социальных отношений для них наиболее эффективно рассматривать как товарные отношения, и, соответственно, одним из важнейших тезисов "новых кочевников" является формула [Бильдербергского клуба](#) "власть - это товар".

Возникновение транснациональной элиты обусловлено политическими, социальными, экономическими и научно-техническими явлениями и тенденциями последних десятилетий.

Соответственно в настоящий момент имеются две взаимообусловленные тенденции:

- усиливается политическая активность транснационально ориентированной [бизнес-элиты](#);
- происходит транснационализация и экстериоризация политической элиты.

Часть политических элит стремится использовать свой политический и властный капитал для получения максимально возможного экономического капитала, для достижения собственных экономических интересов, т.е. фактически продать свой властный капитал, так как имеется платежеспособный спрос со стороны транснациональной бизнес-элиты. Новая экономическая элита заинтересована в инвестициях своих капиталов в политическую сферу, чтобы решать свои экономические и стратегические задачи политическими способами. По выражению [У. Бека](#), происходит "опасная инверсия политики и неполитики. Политическое становится неполитическим, а неполитическое - политическим" [13]. Мы можем говорить также об образовании особой идеологии новой элиты, получившей название идеологии [глобализма](#).

Операциональным является следующее определение транснациональной элиты: это группа лиц, принимающих стратегически важные решения в масштабе глобального мира, чья компетенция выходит за рамки национальных государств. В контексте набирающих силу глобализационных процессов происходит транснационализация мировой элиты, объединение:

1) крупных мировых капиталистов ("новых экономических акторов", к которым можно причислить прежде всего крупных собственников, ТНК, финансовых игроков, крупные инвестиционные фонды и т. д.), имеющих свои экономические интересы во многих странах, а также местных олигархов и компрадоров;

2) части национальных политических элит, соблазненных новыми для них искушениями и возможностями реализации собственных интересов;

3) части интеллигенции, отказавшейся от высокой цели служения отеческой культуре и собственному народу (сюда же мы можем отнести т.н. "транснациональное экспертное сообщество", многих

журналистов, аналитиков и пр.). Последние являются рупором новой идеологии, концептуализируют ее ядро и являются жрецами новой культуры.

Эту новую культуру не без основания можно назвать элитарной по сути. Важная особенностью современного мира состоит именно в растущем [элитаризме](#), отрыве элит от масс в экономической, социальной и политической сферах. Причем в политической сфере элитаризм означает также и авторитарные тенденции. Значительное количество людей, не относящихся к элите, с легкостью принимают ее идеологию, становясь ее опорой, во всем стремясь подражать новой элите, воспринимая ее как [референтную группу](#) и ориентируясь в первую очередь на ее стандарты потребления. Для обозначения этой среды мы используем термин, предложенный А. Сингхемом - [субэлиты](#), тех же, кто не реализовался в качестве субэлиты, но стремится это сделать, можно обозначить как [предсубэлиты](#).

Формирование новой мировой элиты требует научного осмысления, поскольку это явление, в частности, связано с перспективами политического развития России, вынужденной адаптироваться к новым условиям и искать ответы на новые исторические вызовы. Речь идет о противоречии между транснациональными целями современной политической элиты, определенными современным состоянием мира, и национальными интересами России. Многие геополитические и политические процессы современности можно адекватно рассматривать, принимая во внимание широкое распространение транснационализации элиты и действий элит западных стран и транснационального бизнеса, направленных на формирование определенного типа контролируемых элит в более уязвимых странах. Это важный фактор риска, который необходимо учитывать при принятии политических решений.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 2. Транснациональная элита: концептуализация феномена

1. Дайте определение транснациональной элиты. В чем заключаются основные отличия транснациональной элиты от национальной?
2. Что означает термин "субэлита"?
3. Кто из исследователей-политологов предложил термин "субэлита"?
4. Тождественны ли понятия "транснациональная элита" и "бизнес-элита"?
5. Угрожает ли современным политическим элитам утрата легитимности?

Тема 3. Транснациональные элиты в социально - политической структуре современности

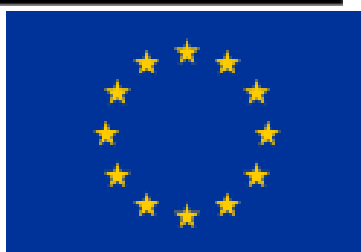
3.1. Влияние процесса глобализации

В последние десятилетия в мире происходит заметное изменение облика и [идеологии](#) политических, экономических и культурных [элит](#). Современная элита существенно отличается от прежней, причем не только по составу. Произошли серьезные изменения роли, статуса, мышления, мотивации и систем ценностей элит. Появление [транснациональной элиты](#) обусловлено самой логикой [глобализации](#) - превращением мира в определенную социальную целостность, возникновением транснационального политического пространства, характеризующегося появлением новых субъектов и новым надгосударственным уровнем принятия решений.

Образование транснационального политического пространства является следствием возникновения [постиндустриальных обществ](#) и кризиса традиционных национальных государств в условиях глобализирующегося мира. Изменение структурной организации социума, экономических и ценностных приоритетов, возникновение единой мировой экономики - все это привело к выходу на политическую авансцену новых акторов - субъектов мировой политики. Помимо традиционных государств к ним следует

отнести [международные организации](#), [неправительственные организации \(НПО\)](#), [транснациональные корпорации \(ТНК\)](#), общественные и гражданские ассоциации и пр. Создание мировой экономики потребовало и создания мировой политической системы, характеризующейся новым надгосударственным уровнем принятия решений и созданием более прозрачных границ, разделяющих традиционных и новых субъектов мировой политики.

Новые субъекты мировой политики:

Современное государство теряет исторически ему принадлежавшие функции, поскольку традиционные государственные институты перестают контролировать экономический процесс как в мировом масштабе, так и в пределах национальных границ. Как следствие, часть государственных функций передается на наднациональный уровень (прежде всего транснациональным структурам, особенно ТНК) или международным организациям ([МВФ](#), [ВБ](#), [ЕС](#) и др.). Происходит размывание суверенитета национального государства, которое следует понимать как расчленение власти между рядом национальных, региональных и интернациональных акторов. В транснациональной политике важное место занимают частные коллективные акторы, обеспечивающие представительство интересов различных общественных групп, а также крупного бизнеса на различных уровнях. Транснациональное политическое пространство не исключает из своей структуры национальные государства, поскольку во многих регионах они остаются наиболее действенными субъектами мировой политики. Однако уже невозможно четко определить границы деятельности других политических акторов, наравне с национальными государствами вырабатывающих алгоритмы разрешения мировых проблем.

В настоящее время наблюдается разрушение единства национального государства и национального общества, возникновение новых силовых и конкурентных соотношений, конфликтов и пересечений между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами - с другой [\[1\]](#). При этом не следует забывать, что мировое политическое пространство является полем конкуренции и даже ожесточенной борьбы различных сил, а инициированные глобализацией процессы приводят к росту поляризации различных стран и социальных слоев и вызывают крайне противоречивые оценки.

В настоящий исторический период практически все национальные государства постепенно и в различной степени переплелись с функциональными частями более крупной модели глобальных преобразований и глобальных потоков. Межнациональные структуры и отношения охватили фактически все

сферы человеческой деятельности. Товары, капитал, люди, знания, связь, оружие и т.д. так же как и преступления, загрязняющие вещества, моды и верования, быстро пересекают территориальные границы [2]. Как отмечает [Д. Хелд](#), из состояния "изолированных цивилизаций" или просто международного сообщества государств мир превратился в глобальную, внутренне взаимосвязанную систему с интенсивными моделями обмена и отчетливыми моделями власти, иерархии и неравенства [3]. В результате становится бесполезным анализировать процессы общественного и политического развития многообразных государственных образований так, "как если бы они были в преобладающей степени внутренне развивающимися структурами, в то время как они являются все в большей мере структурами, созданными всемирными процессами и обретающими свою форму в качестве реакции на процессы" [4].

Возникает своего рода Новый Мир, неисследованный континент, который разворачивается на транснациональной "ничейной" земле, в промежутке между национальными государствами и национальными обществами. Результатом этого является властный конфликт между национально-государственной политикой и полем деятельности мирового общества. Это выражается не только в отношении национальных государств к мультинациональным концернам, где властный конфликт проявляется наиболее зримо, но и в межгосударственных отношениях на разных уровнях. Особенностью этого процесса можно считать то, что национальные государства (особенно развивающиеся страны) проигрывают и сдают, причем нередко добровольно, многие властные и экономические позиции транснациональным элитам и акторам (в первую очередь ТНК, тесно переплетенным с правительствами западных государств и НПО), которые более осознанно воспринимают глобальные тенденции и изменения и активно формируют будущий облик мира в своих интересах. [З. Бжезинский](#) совершенно справедливо отмечает, что в то время как большинство национальных правительств все еще "играет в шашки", транснациональные элиты давно "играют в шахматы" [5]. По выражению [У. Бека](#): "Национальное государство между мировой экономикой и индивидуализацией утрачивает свой суверенитет" [6]. Согласно [А. Турену](#), современный этап развития политического мироустройства является "программируемым", т.е. органически связанным с сознательным воплощением экономических и политических проектов [7]. В настоящее время воплощением и реализацией этих проектов по всему миру, включая даже стратегии развития отдельных национальных государств, все в большей степени занимаются не национальные, а транснациональные элиты, явно добиваясь при этом приоритетной реализации собственных интересов, в первую очередь, экономических. Таким образом, направленность современной мировой политики можно рассматривать и как стремление к властному распределению дефицитных ресурсов под давлением заинтересованных групп.

Актуализация данной проблемы в современных условиях предполагает рассмотрение элит в качестве основных активных субъектов мировой политики, чья деятельность неизбежно влечет за собой рассогласование интересов транснациональных элит и государств, вследствие прозрачности транснационального пространства, когда управленческие органы ТНК выносятся за пределы национального государства, бизнес переносится в [офшорные зоны](#), налоги платятся в наиболее благоприятных зонах, материальное производство переводится в регионы с дешевой рабочей силой. В результате государство остается без налогов, но с множеством порождаемых такими действиями проблем: безработицей, кризисом социальных программ и пр.

В настоящее время суть процесса взаимодействия национальных и транснациональных элит в условиях глобализации такова, что грань между ними во многом стирается, представители элиты свободно перемещаются с должностей в правлениях корпораций на правительственные посты и обратно, тем свободнее, чем выше уровень интеграции страны в глобальные процессы и больше ее удельный вес в этих процессах.

3.2. Глобализм

Феномен, называемый [глобализмом](#) (т.е. не объективная тенденция, а именно политическая цель транснациональных, прежде всего западных, элит - осуществлять контроль и управление

человечеством в рамках миросистемы), безусловно, является революционным по своей сути. Глобализм, как идеология, революционен, революция, как практика нигилистического разрушения, глобальна: предоставленная самой себе, она действительно не способна остановиться. Неслучайно, что в 90 - х гг. XX в. новой элите давали различные определения: "глобальный интернационал", "необольшевики" [8], "новые нигилисты", "пробудившаяся буржуазия" и т.д.

Фрэнсис Фукуяма

Язык глобалиста - это язык революционера. Говоря о происходящем "переделе" всех форм собственности и сотрясении всего прежнего миропорядка как в политическом и экономическом, так и в ценностном, морально-нравственном смыслах, мы невольно вынуждены использовать, казалось бы, устаревшую терминологию.

У многих исследователей глобализация ассоциируется с "запоздавшей мировой революцией", с ["концом истории"](#). Однако она вряд ли соответствует прежним идеалистическим представлениям.

Было бы ошибочно и несправедливо сравнивать идеологию глобализма с коммунистической идеологией или идеологией Просвещения. Идеология глобализма слишком сильно противоречит им: и по сути, и по духу. Она является выражением иной, прямо противоположной позиции. Большинство из массовых завоеваний эпохи Модерна несовместимо с логикой глобализации. В первую очередь это касается понятий демократии и суверенитета, а также характерной для "общества благосостояния" модели отношений в рамках классического треугольника основных субъектов: государство - общество - бизнес. Но главная трансформация сознания, этическое ядро глобализма как идеологии новой элиты, по замечанию [А. Панарина](#), заключается в том, что "величайшее из завоеваний христианского и просвещенческого гуманизма - принцип единой общечеловеческой судьбы, единого будущего - отвергнуто современными глобалистами, которые, судя по всему, исполнены решимости строить будущее для избранных (т.е. ["золотого миллиарда"](#)) за спиной обманутого и обездоленного [третьемирского](#) большинства" [9].

Александр Сергеевич
Панарин

Страны-члены ВТО

Страны-члены ЕС

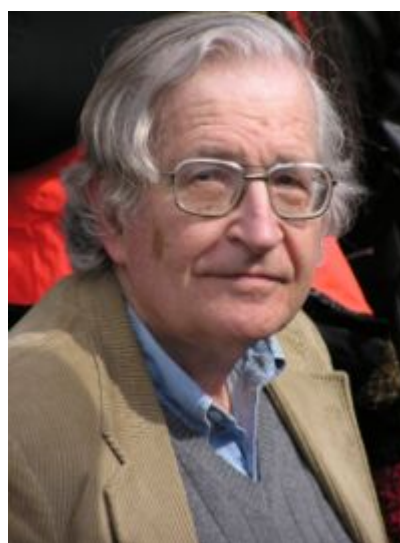

Страны-члены G-8

Подспудно интимная сторона глобализма заключена в позиции последовательного отстранения от местных интересов, норм, традиций. Соответственно растет роль транснациональных межэлитных контактов. Глобализация означает растущие властные возможности и привилегии транснациональных элит, их исторический шанс. Основная цель транснациональной элиты - получить доступ к ресурсам и активам, ранее находившимся в распоряжении национальных государств. Это "революция справа", революция "капитала", а не "пролетариата", даже контрреволюция, отменяющая прежние ограничения в виде социального государства "гарантированного выживания". Цель эта отнюдь не нова, и представить ее как общемировую тенденцию или общечеловеческий идеал не так просто. Поэтому идеология глобализма звучит так неубедительно, а понятие глобализации так расплывчато. По мнению У. Бека, "глобализм - это идеология господства мирового рынка, идеология [неолиберализма](#). Мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность" [10].

У глобализма отсутствует [телеология](#), общечеловеческий идеал, она является идеологией меньшинства, ее носителями и проводниками является [космополитичная](#) и экономически успешная элита, которая до поры до времени не может и не желает раскрывать свои стратегии. К сожалению, нельзя не согласиться со следующим замечанием А. Панарина: "Сегодня быть элитой и реализовать себя как элиту означает поставить себя в независимое положение от национальных интересов и национальных чаяний" [\[11\]](#). Современные элиты представляют собой нечто вроде замкнутого международного клуба со своей корпоративной этикой, ничего общего не имеющей с обычной гражданской и политической этикой, обязывающей служить своей стране, своему народу и государству. И поскольку народам это вряд ли может понравиться, идеология современного глобализма неизбежно включает некий скрытый подтекст, некую эзотерику, напоминающую учение прежних гностических сект. Это еще более роднит ее с идеологией в классическом понимании этого понятия, предполагающем обязательное деление на экзотерическое (массовое) и эзотерическое (элитарное) знание.

Глобалистский дискурс, таким образом, имеет как бы двойное дно. Видимая, внешняя сторона его отражает все прежние штампы эпохи модерна: прогресс, всеобщее благоденствие, права человека. Скрытая, внутренняя, выражаемая тайным языком элиты, понятным только посвященным, будучи раскрытой, способна вызвать настоящее смятение сознания. Внешняя манифестируется и вербализируется в многочисленных книгах и выступлениях, адресованных широким массам читателей и слушателей, внутренняя озвучивается на закрытых совещаниях и конференциях самих элит (вроде [Давоса](#), [Фермонт - отеля](#), совещаний [G-8](#) и т.д.).

Глобализм, устойчивые идеологические модели которого появились в последней трети XX в., развивается и набирает силу во времена всеобщего духовного кризиса. Почву под ногами теряют все идеологии, и глобалистский дискурс в некоторых частях - это уже даже не идеология, а своего рода заклинание. Он представляется некой универсальной безальтернативной моделью, охватывающей все сферы общественной жизни. Согласно В. Максименко "глобализм - это последняя стадия мировоззренчески фальсифицированного (идеологического) постижения мира" [\[12\]](#). Сегодня отчетливо видно, что глобализм в его разных личинах ("глобальное мировое сообщество", "наднациональный континуум", "[новый мировой порядок](#)"), требовательно указывая на конец эпохи Нового времени либо даже на конец христианской традиции (концепции "постхристианского мира"), ставит в центр утверждаемого глобалистской идеологией грядущего порядка знаки "Нового мира" или "Нового века".

3.3. Экономикоцентризм

Как уже говорилось, один из важнейших факторов глобализации можно определить как возросшее влияние экономических акторов, идентичностей, технологий и принципов на политическую и социальную сферы общества и элиту. Это приводит к созданию глобального мира - системы, подчиненной принципам экономической целесообразности, служащей для удовлетворения интересов небольшого количества транснациональных экономических акторов и тесно связанных с ними политических элит.

На протяжении значительной части XX в. в странах Запада "невидимая рука рынка" была ограничена и контролировалась социальным государством "всеобщего благосостояния". [Социалистическая экономика](#) практически отменила рыночный регулятор. И только в последние десятилетия мы сталкиваемся с возрождением олигархического капитализма, с революцией справа, нашедшей свое теоретическое обоснование в ренессансе прежних либеральных и космополитических учений, выразившихся в идеологии глобализма и неолиберализма. "Рыночный фундаментализм" (основанный на ["Вашингтонском консенсусе"](#)) представляет для устойчивого развития и будущего человечества определенную опасность. По словам бывшего президента Бразилии Ф. Кардозо, "рынок важен для производства товаров, достижения эффективности, но он не предлагает решений для всех проблем. Рынок подвержен маниям, панике и кризисам. Рынок не является решением там, где проблемы завязаны на фундаментальные этические ценности, такие как мысль о том, что все люди рождены равными" [\[13\]](#).

Усиливаются претензии [бизнес-элиты](#) на главенство в обществе. Активно обсуждаются различные дискурсы, вплоть до концепций о некоей возникающей "цивилизации бизнеса". Если говорить о взаимовлиянии экономики и других дисциплин, то обращает на себя внимание появление и широкое распространение на все общественно-научные дискурсы таких понятий, как социальный капитал, политический капитал, культурный, интеллектуальный, символический и т.д. Представители неэкономических специальностей со своей стороны пытаются показать значимость социальных сетей, ресурсов, примордиальных форм социальных организаций, таких как семья, норм отношений между людьми, религиозных организаций, немаргинализованных сообществ, социального доверия, которые, не будучи экономическими феноменами, обеспечивают выживание и воспроизводство общества, его эффективность в осуществлении коллективных действий. Они указывают на то, что рыночная стихийность соседствует с устойчивостью сомнительных управленческих решений, исправить которые могут только государство и общество.

Немецкие исследователи Г.-П. Мартин и Х. Шуман отмечают: "Более чем через 100 лет после смерти [К. Маркса](#) капитализм вновь устремился в направлении, которое этот экономист, совершивший революционный переворот в общественном сознании, так точно описал для своего времени. "Общая тенденция капиталистического производства заключается в том, чтобы не повышать, а понижать средний уровень зарплаты, тем самым доводя в той или иной мере стоимость труда до ее минимального предела" [\[14\]](#), - докладывал он в 1865 г. генеральному совету Первого Интернационала в Лондоне, не помышляя о том, что примитивный капитализм однажды будет подчинен демократическому управлению. Однако после реформ социал-демократического столетия начинается контрреформация исторического масштаба; движение в будущее - это движение в обратном направлении" [\[15\]](#). [М. Калашников](#) еще более заостряет проблему: "К. Маркс и Ф. Энгельс, по наивности, свойственной, вероятно, XIX веку, возмущались изъятием прибавочной стоимости, проклиная капиталистов за то, что они оставляют работнику не больше того, что ему нужно для каждодневного пропитания и рождения потомства. Но они не видели нынешнего рынка эпохи глобализации! Сегодня речь идет об изъятии прожиточного минимума и о разрушении всей системы даже самого простого воспроизводства. Сегодня появился строй, который отнимает у работника даже возможность прокормиться самому, строй, который даже не сохраняет уже созданного! Что бы сказали К. Маркс и Ф. Энгельс, увидев мир, в котором заработная плата не дает работнику возможности даже детей на свет производить?" [\[16\]](#). Действительно, создаваемая сейчас мировая экономическая система является реализацией "дикого капитализма" на более высоком уровне, несмотря на все призывы придать процессу глобализации "человеческое лицо". Мы можем видеть, как формируется своеобразный наднациональный союз элит и олигархов, все больше захватывающий сферу принятия политических решений.

Следует отметить, что интеграционные процессы в экономике, а также глобализация финансового рынка ведут к "стиранию" государственных границ, к ослаблению государственного суверенитета в финансовой сфере. Менее 30% рынка ценных бумаг наиболее развитых стран контролируются государством или подчинены государственным интересам. За последние десятилетия мир покрылся планетарной, но непрочной, нестойкой к потрясениям "пленкой" международных финансовых рынков. Непрерывное движение частного капитала и всевозможных финансовых инструментов ([фьючерсы](#), производные ценные бумаги и пр.), деятельность возникших в недавнее время [хедж-фондов](#), которые практикуют займы под залог ценных бумаг ([РЕПО](#)) и игру на валютных курсах, - все это носит теперь, в отличие от еще недавнего прошлого, действительно глобальный характер. Многомиллиардные долларские суммы благодаря телекоммуникационным технологиям в секунды и 24 часа в сутки перебрасываются из одной части света в другую, циркулируя в едином планетарном контуре. Так, по оценкам, только в 1997 г. сумма покупок и продаж валюты в рамках игры на разнице курсов и процентных ставок достигла 400 трлн. долл. [\[17\]](#) Спекуляции фиктивным капиталом идут в отрыве от материального производства, и их объемы значительно возрастают, что неизбежно ведет к развалу мировой финансовой системы. Уже в 1998 г. ежедневный объем мировой торговли физическими товарами был равен 12 млрд. долл., тогда как объем финансовых сделок - примерно 420 млрд. долл. [\[18\]](#).

По темпам роста финансовые операции с фиктивным капиталом занимают первое место в мире, на втором находится наркобизнес, тогда как темпы роста материального производства - немногим более 1%. Каждый месяц примерно 3 трлн. долл. меняют владельцев, из них 2 трлн. долл. - деньги, неконтролируемые государством. Только 10% этих средств инвестируются в производство, остальные используются с целью заработать на самой операции.

В то время как мировой ВВП растет на несколько процентов в год, оборот спекулятивного капитала - в несколько раз. [Дж. Сорос](#) отмечает: "Если все, что касается политики и безопасности, по-прежнему строится на принципе суверенности государств, то экономическая деятельность приобрела в полном смысле глобальный характер. <...> Процентные ставки, курсы валют и акций в разных странах тесно взаимосвязаны, а глобальные финансовые рынки оказывают огромное влияние на экономическую ситуацию в каждом государстве. В свете этого решающего значения, которое международный финансовый капитал имеет для богатства любой страны, вполне уместно говорить о

глобальной капиталистической системе" [19]. Глобализация финансовой деятельности послужила причиной появления в поле мировой экономики таких новых реалий, как феномены глобального риска, контролируемой деструкции и организованного хаоса. Частный капитал имеет большие резервы, чем центральные банки государств, и беспрепятственно мигрирует в места наиболее выгодного приложения. Таким образом, не национальные правительства, а частный капитал определяет ситуацию на мировом финансовом рынке.

Д. Кортен справедливо отмечает: "Собственно, процесс "устойчивого развития" 5 лет двигался в противоположном направлении - мы видим консолидацию корпораций и растущую приверженность правительств интересам ТНК. Мы двигались не к устойчивому развитию и равным экологическим правам и ответственности, а по пути наращивания неустойчивого потребления, что выгодно менее чем 1% населения - держателям акций ТНК. Свободная торговля без границ, которую сейчас пропагандируют, на самом деле подрывает и демократию, и рынок - так как дает власть нескольким монополиям" [20]. Т.е. власть в мире переходит от демократически избранных правительств к ТНК, обладателям финансового капитала и крупным собственникам. В их руках сосредотачиваются ресурсы, власть и сила, управляющие мировым хозяйством, а значит, и людьми, и даже народами. ТНК и НПО пытаются обрести официальный статус в структурах ООН [21].

Согласно некоторым статистическим данным, которые, однако, из-за высоких темпов глобализации (турбокапитализма) несколько опаздывают с описанием текущей ситуации, под контролем западных государств и связанных с ними ТНК уже находятся до 70% всех мировых ресурсов. Такая ситуация характеризуется следующими цифрами: доходы 200 крупнейших ТНК составляют более четверти доходов всей мировой экономики, а работу они дают 20 млн. человек, т.е. 0,35% населения планеты [22]. Практически все крупнейшие корпорации мира - убийцы рабочих мест (т.н. job killers), их приход в страны сеет панику. Но корпорации слабо интересуют национальные законы и социальные проблемы. Действует правило: "чем меньше наемного труда и чем он дешевле - тем выше прибыли". Утверждается, что это происходит в рамках закона. Но реальность такова, что и закон, и рынок, и демократия часто меняют свою сущность на противоположную. Закон, в рамках которого принимаются экономически выгодные решения для транснационального бизнеса и поддерживающей его политической элиты, оставляет вне закона миллионы людей, которые не вписались в экономические схемы рынка, и лишает тем самым их права на сколь-либо полноценные условия жизни. Многие авторы отмечают, что в последние десятилетия характерно появление нового поколения менеджеров, "приверженцев культа действий по американскому образцу" [23]. Они зарабатывают больше, чем прежде, их власть также увеличилась (например, они меньше ограничены профсоюзами), фактически они являются проводниками глобализации и ведут наступление на общество, заставляя его меняться, их главная задача - рост прибыли любыми средствами.

Сугубо национальных экономик в большинстве стран мира уже не существует, правительства вынуждены вписываться в глобальные экономические процессы. Крайне важно отметить то, что процветание граждан, их обеспечение уже не является целью национальной экономики. Как уже говорилось - налицо постепенное лишение государства экономической власти. Экономическая роль правительств государств все чаще сводится к обеспечению рамочных условий для функционирования бизнеса на территории страны, основным требованием является способствование оптимальной интеграции национальной экономики в систему мирового рынка.

Принципиальная проблема возникла в связи с ширящимся разрывом между масштабом транснациональных процессов и способностью государств управлять ими. У. Бек видит основы глобализации в следующем: "Идеологическое ядро глобализма заключается в том, что здесь ликвидируется основополагающее различие Первого модерна, а именно различие между политикой и экономикой. Главная задача политики - определять правовые, социальные и экологические рамочные условия, в которых

хозяйственная деятельность вообще становится общественно возможной и узаконенной. Глобализм позволяет управлять таким сложным образованием, как страна: т.е. государством, обществом, культурой, внешней политикой - как простым предприятием. Глобализация имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности" [24]. Мир переходит к "плановой" экономике ТНК и финансово-индустриальных групп. Но ТНК - не государство и решение социальных вопросов для них - несвойственная и вынужденная функция которая и реализуется лишь для достижения главной цели бизнеса - получения прибыли, и только для сотрудников. Остальные - лишние. Для государства же, в отличие от корпорации, ориентированной на экономическую целесообразность, не существует лишних людей. Для повышения своей конкурентоспособности на мировом открытом рынке производители, в первую очередь ТНК, вынуждены сокращать издержки (в первую очередь за счет инфраструктуры и заработной платы). Страны же, конкурируя между собой за инвестиции, должны фактически предоставлять свои экономики в пользование ТНК, создавать наиболее благоприятные для них экономические условия, освобождать от налогового бремени и пр.

Естественно, ТНК и иные транснациональные структуры стремятся ослабить национальное государство, но не с тем, чтобы низложить его как способ политической организации, а для того, чтобы превратить его в послушного донора, спонсирующего совместные проекты, предоставляющего инфраструктуру, создающего удобные правовые и экономические условия и печатающего деньги. Значительную роль играют и международные организации, выдвигающие государствам условия, ограничивающие их суверенитет. Правительства, которые не идут навстречу, считаются "недружественными", и могут столкнуться со сложностями. Разбивая цикл производства, иностранные компании могут выбирать, в какой стране платить налоги, где держать штаб-квартиру, где жить самим менеджерам. У. Бек отмечал, что глобализация предполагает "не-привязанность к определенному месту общности, труда и капитала" [25]. Т.е., что плодами государственных и общественных инвестиций в образование, инфраструктуру, науку, экономику и т.д. пользуются транснациональные структуры, которые к тому же практически не платят налогов с прибыли. Таким образом, реализуется противоречивая формула "капитализм без труда + капитализм без налогов". В то же время, транснациональный капитал вынужден сотрудничать с национальной элитой. Даже апологеты глобализации понимают, что и национальный и транснациональный капитал нуждаются в использовании государственных институтов и норм, большинство ТНК располагают базами в национальных экономиках и потому напрямую зависят от национальных государств.

Сколь бы глобальными ни были их операции, эти корпорации не в состоянии создать все необходимые им условия (в том числе социальные и правовые) внутри страны. Чем шире экспансия ТНК в другие суверенные государства, тем сильнее корпорации зависят от согласия заинтересованных стран в вопросе о целях, нормах и принципах управления международным бизнесом. По сути, глобализация опирается на национальные государства, сильные политически и экономически. Речь идет в первую очередь о странах "ядра" миросистемы: [ОЭСР](#), G-8 и прежде всего США, являющихся своеобразным проводником процессов глобализации. Более того, глобальный бизнес экономически не был бы столь эффективен, если бы фактически не перераспределял государственную собственность и национальные сбережения в свою пользу.

О кризисах госбюджетов и вытекающем отсюда кризисе демократии, о безработице, как об одной из важнейших проблем современности, пишет У. Бек: "Безработица уже не периферийное явление, она затрагивает потенциально всех - и демократию, как форму жизни, в том числе. <...> Два хронических бедняка - общество и частные лица, пока еще занятые в производстве, должны финансировать то, чем заодно с удовольствием пользуются и богатые, - "роскошь Второго модерна" [26].

Еще в середине 90 - х гг. XX в. была оформлена знаменитая концепция общества 20:80. Суть ее проста: в XXI в. для функционирования глобальной мировой экономики будет достаточно 20% населения Земли. Пятой части всех ищущих работу хватит для производства всех товаров и предоставления всех услуг, какие мировое сообщество сможет себе позволить. Напомним, что социалистическая экономика, например, в СССР, реально являлась экономикой всеобщей занятости. Право на труд было закреплено в Конституции и действительно соблюдалось. Поэтому в этом отношении экономика СССР обладала реальным преимуществом перед либеральной, рыночной моделью, с ее имманентной дилеммой "инфляция или безработица" [27].

С. Забелин пишет, что "фундаментальным аспектом кризиса является "переход" большинства человечества в категорию ненужных с точки зрения экономики людей. Технологический прогресс к концу XX века сделал так, что для обеспечения человечества всем необходимым достаточно, чтобы работали всего 20%, а остальные 80% могут "отдыхать", другими словами, безработица есть объективное следствие данной формы технического прогресса, мотивированного желанием освободить человека от труда. Однако доосвобождались до того, что неотменимая общепринятая социальная норма - "кто не работает, тот не ест" - ставит под вопрос физическое выживание большинства в условиях отсутствия дефицита средств существования" [28]. Что же касается оставшихся 80%, то их судьба идеологов глобализации совершенно не волнует. Они не будут иметь возможности продать свою рабочую силу как товар на глобальном рынке, соответственно, не будут получать денег, что заставит их все более включаться в [неформальную экономику](#) [29] или даже опуститься до уровня натурального хозяйства [30], заниматься преступной деятельностью или надеяться на гуманитарную помощь. Более того, сказать, что человек, получающий по доллару в день, включен в товарные отношения и способен делать покупки по мировым ценам, нельзя. Хуже всего придется жителям огромных городов-конурбаций развивающихся стран и пауперизированному, обезземеленному вследствие рыночных реформ крестьянству. Многим гражданам нашей страны в рамках изложенной модели также будет крайне тяжело выжить без помощи государства (к сожалению, этот процесс наблюдается уже давно).

С этой достаточно пессимистичной точкой зрения соглашаются далеко не все исследователи. К примеру, [М. Кастельс](#) утверждает, что "в пространстве финансовых потоков работники не исчезают, а работы остается в избытке. <...> Сегодняшний мир характеризуется большим числом рабочих мест и более высокой долей занятости самодельного населения, чем когда-либо в истории. В основном это объясняется широким привлечением женщин к оплачиваемому труду во всех индустриально развитых обществах. Таким образом, распространение информационных технологий, несмотря на все изменения структуры труда и уничтожение определенных рабочих мест, не привело и вряд ли в будущем приведет к массовой безработице" [31]. С такой точки зрения автор, очевидно, прав. Однако его интересует лишь вопрос сохранения труда в развитых странах, "в этом новом мире информационного капитализма" [32].

Правомерным вопросом задается А. Уткин: "Согласится ли мир на господство союза чемпионов эффективности из индустриальных зон развитых стран и космополитического капитала из финансовых столиц? <...> В конце концов, в век демократий "легитимность любой современной экономической системы должна измеряться качеством жизни, достижимым многими, а не привилегиями меньшинства. Повсюду среди рабочей силы эти обстоятельства вызывают растущую реакцию против условий глобального порядка" [33]. Нужно обратить внимание на то, что наиболее разрушительно воздействие глобализации именно там, где не существует независимых профсоюзов или преследуется их организация. Во многих развивающихся странах секторы экономики, ориентированные на производство экспортных товаров и на привлечение инвестиций (т.е. основные секторы экономики), не имеют профсоюзов - это оговоренная плата за участие в глобализации. По мнению многих авторов, искусственное сдерживание трудящимся в "южном" поясе заработной платы на минимальном уровне неизбежно ведет к тому, что большинство этих трудящихся живет ниже официальной черты бедности в собственных странах. Отказ от предоставления многих естественных прав, в частности на заключение коллективных договоров с работодателями, потенциально чреват неизбежным социальным взрывом на "Юге".

При этом затраты развитых стран на оказание помощи странам "третьего мира" неуклонно снижаются: так, Германия в 1994 г. истратила на них 0,34% своего бюджета, а в 1996 - уже 0,31% [34]. А. Уткин отмечает, что среди индустриальных стран США занимает последнее место по доле предоставляемой другим помощи [35]. Американская помощь опустилась до уровня 17 млрд. долларов - около 1% федерального бюджета. Причем эти деньги в основном получает государство Израиль либо они расходуются на "обеспечение региональной безопасности", т.е. прямой экономической помощи из этих средств развивающиеся страны практически не получают. Тот факт, что частные инвестиции из богатых стран превысили официальную помощь развивающимся странам, не вызывает сомнения, однако в действительности эти средства ни в коей мере не делают погоды на глобальном уровне. Да и выгоду от этой помощи получили только несколько регионов. Как отмечается в декларации международной неправительственной конференции по борьбе с голодом ("Декларация Белладжии"), продовольственная ситуация в мире к концу 90 - х гг. XX в. характеризовалась следующими показателями: миллиард людей на Земле не обладает денежными средствами, достаточными для приобретения продовольствия, обеспечивающего нормальную работоспособность; половина из них слишком бедна даже для покупки продовольствия, поддерживающего минимальную жизненную активность [36] и т.д. Данная проблема весьма актуальна и для стран с переходной экономикой и даже для значительной части граждан развитых и в целом благополучных государств. Так, в США, по оценкам министерства сельского хозяйства, насчитывается около 38 млн. голодающих или находящихся на грани голода [37]. Примерно 1/4 россиян имеет доходы ниже прожиточного уровня [38]. Если в 1990 г. суточный рацион питания в расчете на одного человека по энергетическому эквиваленту составлял в РФ около 3 тыс. ккал, что соответствовало норме, то в настоящее время он сократился до 2 тыс. [39].

Глобальный рынок не планирует кормить этих людей, ему не нужен их труд. Во многих странах мира распадается прежний "социальный контракт", разрушается прежде сбалансированная система отношений государства, бизнеса и общества. У. Бек формулирует проблему таким образом: "Диагноз звучит так: капитализм не нуждается в труде и плодит безработицу. В результате распадается исторический союз между рыночной экономикой, социальным государством и демократией, который до сих пор сплачивал и узаконивал национально-государственные проекты модерна. С этой точки зрения неолибералы являются ликвидаторами западной цивилизации - даже если они выдают себя за ее реформаторов" [40]. При всем уважении к, безусловно, компетентной позиции У. Бека, необходимо отметить, что Россия и Германия или Австрия находятся на совершенно разных полюсах миросистемы и глобализационного процесса. Западных исследователей волнует скорее вопрос, "почему процветание "национальной" индустрии перестает совпадать с процветанием граждан этой нации?". В этих странах рост безработицы (примерно 45 млн. официальных безработных в развитых странах в 2005 г.) закономерно приводит к обоснованным протестам, но там они имеют характер скорее лишь страха перед бедностью, в отличие от большей части мира.

3.5. Отступление государства

Вынужденные сокращения государственных расходов могут низвести политиков до уровня простых исполнителей. Это подрывает основы демократического государства. Однако хронические финансовые проблемы - лишь один из многих признаков упадка политики. Государства не только отстают в экономической сфере, многие из них в значительной степени утрачивают свой суверенитет между мировой экономикой, системой международных отношений, становящимися международными правовыми институтами, регионализацией, индивидуализацией и транснационализацией элиты.

Важно отметить принцип, провозглашающий приоритетность международного права и международных договоров над национальным законодательством (он закреплен также и в российской Конституции 1993 г. [41]). При этом произошел ряд основополагающих юридических преобразований, приведших к изменениям в глобальной политике. Д. Хелд выделяет три таких преобразования:

- 1) если прежде международное право признавалось действующим только и исключительно между государствами, то в настоящее время индивиды и группы были также признаны субъектами международного права;

2) было отвергнуто представление о том, что международное право занято в первую очередь политическими и геополитическими проблемами. Согласно новой концепции, оно больше связано с координированием и регуляцией экономических, социальных и коммуникативных проблем;

3) было подвергнуто сомнению представление о том, что подлинным источником международного права являются только соглашения между государствами. Сегодня целый ряд других источников международного права добивается признания [42].

Следует отметить, что наряду с валютным, налоговым, информационным, правовым и другим суверенитетом пошатнулось еще одно завоевание национального государства - монополия на насилие, так как от снятия с экономики законодательных оков выгадывают не только банки и корпорации, но и криминальные мультинационалы. Во всех индустриально развитых странах полиция и суды сообщают о скачкообразном росте организованной преступности. Достаточно давно уже была выведена закономерность: "что хорошо для свободной торговли, то хорошо и для преступников". Государство действительно все больше теряет возможность пресекать на своей территории преступную деятельность и судить собственных граждан за преступные действия. Достаточно отметить бессилие следователей конфисковывать активы подозреваемых компаний, а также возможность лиц, подозреваемых в совершении преступлений, скрываться и отсиживаться за границей. В нашей стране многие прежние государственные монополии и предприятия практически отданы на откуп организованной преступности. Организованная преступность является сейчас наиболее быстро растущей отраслью мировой экономики. По данным ООН, среднегодовой доход преступных транснациональных организаций составляет порядка 1 трлн. долл., сумма, эквивалентная общему ВВП стран с низким уровнем доходов (согласно категориям Всемирного банка) и 3 миллиардами жителей [43]. Использование в финансовой системе новых технологий обеспечивает быстрый оборот средств и исчезновение следов от нелегальной прибыли (по крайней мере, до определенного времени). Более того, банки часто заинтересованы в создании предпочтительных условий для криминальных структур. Перечень направлений, по которым государство отстает перед лицом анархии мирового рынка, можно долго продолжать. Во всем мире правительства теряют возможность даже управлять развитием своих стран. При этом прогрессирующее бессилие государства отнюдь не сопровождается повсеместным сокращением административного аппарата, наоборот, во многих странах он разрастается. Неспособные на далеко идущие реформы министры и государственные служащие вынуждены заниматься своего рода суррогатом политики, неэффективной имитацией политической и законотворческой деятельности.

3.6. Глобализация и вопросы гражданства

Возникновение и активная деятельность транснациональной элиты неизбежно затрагивает вопрос гражданства. Любой человек обязан иметь гражданство, однако в наше время это понятие пережило существенные трансформации и во многом обесмыслилось, что создало в определенном смысле прецедент и правовую основу транснационализации элиты. В современном мире гражданство можно сравнительно легко сменить или иметь двойное гражданство, многие государства просто торгуют своим гражданством. Благодаря широкому распространению легальных схем бизнес-иммиграции, включающих и возможности продажи государствами консульских должностей [44], связь транснациональной элиты с отдельными странами стала чисто условной. У тех из ее представителей, кто нарушал закон, появилась еще одна возможность избежать ответственности, просто "купив" гражданство другой страны по отлаженной схеме бизнес-иммиграции, многие готовы сменить гражданство для получения налоговых льгот, или просто из-за климата. Многими странами допускается ускоренное получение гражданства за "вклад в экономику".

Политическая элита последовала в том же направлении: стало возможным легко получать политическое убежище в других странах, занимать высокие государственные должности, имея двойное гражданство (пример Б. Березовского и вызванный им общественный резонанс весьма показателен), более того, часто по окончании своих полномочий высокое должностное лицо обретает свободу пространственного перемещения и может легко уехать из своей страны, заниматься бизнесом в других

странах или даже занимать там политические посты (показателен пример Е. Адамова, который, по идее, должен был бы на всю жизнь стать невыездным).

В таком положении вещей отчасти повинны сами национальные государства, конкурирующие между собой за привлечение бизнес-мигрантов и инвестиций. Например, в рамках неолиберальной модели государства "либерализуют" законодательства о валютном регулировании, фактически узаконивая вывоз капитала и транснационализацию бизнес-элит.

Ряд социологов, изучающих процессы миграции, например, Д. Биверсток, использует термин "транснациональная элита мировой системы" именно по отношению к высокопрофессиональным и образованным международным мигрантам, таким, как сотрудники корпораций и др. Они - основные агенты аккумуляции капитала и знаний, их виды деятельности основаны на транснациональных сетях и практиках [45], важное значение в организации и координации их деятельности имеют транснациональные организационные сети. Образовался новый тип миграции - хорошо образованная и высококомобильная "транснациональная элита". По мере того как транснациональные мигранты становятся более номадическими, они развивают все более прочные связи в транснациональных отношениях. Такие элиты являются центральными столпами описанного М. Кастельсом "[сетевое общество](#)", потому что они осуществляют "циркуляцию знания, умений, интеллекта, "наилучших практик" и социальных отношений" [46].

Наряду с прочими, указанные явления привели к изменению социально- психологического восприятия гражданства и гражданской идентичности значительной частью населения, особенно представителями высшего [класса](#). М. Жирар выделяет пять типов гражданства [47], которые члены общества могут осуществлять на основе их т.н. "предпочтительной ориентации" (например, национальной или транснациональной):

- эгоцентричное,
- альтруистское,
- идеологическое
- апатичное,
- демократическое.

При крупномасштабных переходах от одного типа гражданства к другому их последствия должны явно обнаруживаться как в самих институтах и политике стран, так и в существующих между ними отношениях.

М. Жирар указывает, что отличительной чертой отношения эгоцентричного гражданства к политике является большое значение, придаваемое личным целям, при слабом внимании к общественным проблемам. В этом смысле личные интересы становятся основным источником социальной и экономической активности. Это не означает, что все эгоцентричные граждане обязательно ставят во главу угла личные интересы, лишь пользуясь той системой, в которой живут, однако это очень распространенное явление. М. Жирар называет таких лиц "безбилетными пассажирами" обществ и полагает, что коллективная производная их поведения ведет к обострению общих тенденций, к замкнутости и дроблению в обществе. Эгоцентричные граждане интересуются общественными проблемами лишь тогда, когда окружающий их хаос создает угрозу их личному благополучию и благоприятному для них статус-кво. Когда экономическое положение ухудшается (например, вследствие проводимых реформ или изменения рыночной конъюнктуры), и социальные связи становятся все более хрупкими, происходит упадок модели "демократического гражданства", а модель эгоцентричного гражданства становится все более распространенной.

3.7. Трансформации элит и госслужбы в условиях глобализации

Дж. Хигли и М. Бартон [48] полагают, что ядро политической глобализации заключается в процессе усиления взаимодействия между национальными элитами. Новое качество межэлитных контактов

заключается в том, что на смену относительно устойчивым альянсам в рамках национальных границ и военно-политических союзов приходит гибкая и меняющаяся конфигурация система временных элитных альянсов, пересекающих государственные рубежи. Глобализация сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать национальные экономики, а также отчасти сферы политики и культуры. С одной стороны, постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет степень влияния на принятие решений общегосударственного масштаба как рядовых граждан, так и сформировавшихся [групп давления](#) и [групп интересов](#).

Иначе говоря, в условиях глобализации субъекты принятия решений менее доступны и легитимны, а их решения принимаются менее гласно и они менее понятны для общества. Необходимость предварительной тщательной проработки вопросов закономерно приводит к интенсификации контактов между национальными элитами. Некоторые авторы пишут о "всемирной координации правительств" [49]. Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных организаций и конференций негосударственных объединений стимулирует формирование взаимозависимых элит. [С. Хантингтон](#) справедливо отмечает возникновение "культуры Давоса" и приходит к выводу, что так образуется отчетливо осознающая свою автономность транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам, а значит, процессы глобализации усиливают политическую власть элит. С другой стороны, способность политических элит контролировать национальные электораты, не считая манипуляцию и пропаганду, снижается. Принимаемые на наднациональном уровне решения нередко стимулируют проведение политики, противоречащей интересам подавляющего большинства населения многих стран. Отсюда - недоверие и часто даже ненависть народов по отношению к своим элитам. Как полагает [О. Гаман-Голутвина](#), "опосредованным эффектом глобализации является возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, считавшееся нормой в историческом прошлом. Таким образом, в условиях глобализации власть элит возрастает на наднациональном и снижается на национальном уровне" [50].

Далее, как отмечают Дж. Хигли и М. Бартон, произошли значительные изменения этических норм государственной службы. Этические стандарты госуправления становятся весьма похожими на присущие бизнес-менеджменту, а нормативные различия между этими двумя сферами стираются. Переход от ценностей гражданственности, равенства, представительства, ответственности и нейтральности к ориентации на потребителя, на эффективность, соревновательность, менеджеризм и партнерство. Уже давно высказываются оправданные опасения, что смещение этических акцентов госслужбы в сторону принятых в бизнесе принципов идет вразрез с традиционными для этой области идентичностью, легитимностью и моралью. В рамках новой концепции госслужбы граждане рассматриваются прежде всего в качестве потребителей, а принципы равенства и представительности заменяются на эффективность и соревновательность. Демократические нормы государственной ответственности уступают место принципам автономности общественной сферы, а вместо традиционно присущего госслужбе принципа справедливости утверждается модель партнерства. Эрозия этики госслужбы и ее замена нормами бизнеса может привести к ситуации, когда трудно будет обнаружить различия между государственными учреждениями, предназначение которых - служить обществу, и структурами бизнеса. Более того, изменение этических норм государственной службы привело во многих странах к замене прежних принципов функционирования госслужбы не только на присущие бизнесу, но и на явно криминальные. Налицо криминализация как госслужбы, так и крупного бизнеса.

Госуправление все более становится похожим на менеджмент, публичная политика - на маркетинг. Происходит "маркетизация" политики. В то время как политические "связи с общественностью" превращаются в маркетинг, тот становится настоящей политикой [51]. Все больше стирается и грань между государством и бизнесом, экономикой и политикой, политической пропагандой и маркетингом, этикой госслужбы и менеджментом.

В этой связи утрачивается доверие к институту госслужбы со стороны граждан. Госслужба превращается в институт, ориентированный на получение прибыли. Дрейф госслужбы в сторону рыночного института обычно рассматривается положительно одними классами граждан (теми, кто относится к элитам и

[субэлитам](#) или инкорпорировал транснациональное мироощущение. Обычно это высшие классы, для которых характерно стремление решать проблемы, выходящие за рамки собственно экономической деятельности и товарных отношений при помощи денег, т.к. для них это самый простой и эффективный способ реализации собственных интересов); и отрицательно другими (большинством населения, ориентированным на традиционные ценности и национальные интересы. Для них приоритетная реализация национальных интересов важна потому, что позволит поднять уровень жизни всего населения страны и создать новые возможности для различных социальных групп. Коммерциализация социально-политической сферы вызывает у них серьезные опасения лишиться важных социальных прав и возможностей политического влияния, т. к. они не смогут конкурировать с высшими классами). Степень общественного доверия к реформированному госсектору, равно как и к политикам, во многих странах низкая, что в конечном счете подрывает легитимность госслужбы.

Наконец, очевидно, что инкорпорирование рыночных ценностей и норм бизнеса госслужащими отрицательно влияет на их моральные качества и мотивацию. Престижность госслужбы как минимум способна подвергнуться эрозии, если чиновники будут больше походить на бизнесменов, ориентированных на получение прибыли. Во многих странах зарплаты в госсекторе низки, соответственно растут коррупция, [клиентелла](#), местничество.

Становясь транснациональной, элита нередко разучивается мыслить глобально, в долгосрочной перспективе, интересы элиты становятся предельно партикулярными. Так, госслужащие в нашей стране должны быть заинтересованы в улучшении сбора налогов и увеличении доходной и расходной частей бюджета, однако часто происходит совершенно обратное: именно госслужащие отменяют одну за другой монополии государства, приватизируют государственную собственность и пр., т.е. их деятельность даже в краткосрочной перспективе может приводить к сокращению и их собственного *легального* дохода.

3.8. Заключение

В своей совокупности указанные явления, обусловленные глобализацией, определяют облик элит и изменение властных конфигураций по всему миру. В то же время многие из них являются следствием более ранних социально-политических и экономических тенденций. Более того, сам феномен глобализации был во многом обусловлен существенными трансформациями состава, [этноса](#) и мотивации элит.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 3. Транснациональные элиты в социально - политической структуре современности

1. Перечислите новых современных субъектов мировой политики.
2. Что означает имплозия национальных государств? В чем она проявляется?
3. В чем суть модели общества "20/80"?
4. Что такое "культура Давоса"?
5. Дайте определение глобализма.
6. В чем проявляется кризис государства "благосостояния"? Какие причины обуславливают его?
7. Как вы понимаете утверждение З. Бжезинского о том, что транснациональные элиты играют в шахматы, а национальные - в шашки?
8. Перечислите основные современные тенденции эволюции государственной службы.
9. В чем проявляется изменение этических норм госслужбы в условиях глобализации?
10. Перечислите особенности госслужбы в РФ (по сравнению с другими странами).

Тема 4. Транснациональные элиты в логике миросистемного подхода

4.1. Введение в миросистемный анализ

В качестве методологической основы анализа глобализационного процесса плодотворно использовать миросистемный подход, который наряду с формационными, цивилизационными и модернизационными теориями является одной из наиболее общих концептуальных схем анализа социального бытия, в первую очередь его экономических и социально-политических характеристик. Данный подход представляется адекватным для объяснения актуальных экономических, политических и социальных процессов (в частности, процесса формирования и функционирования транснациональной элиты), так как в разных странах они происходят похожим образом и определяются местом страны в центропериферийном делении мира в не меньшей степени, чем межцивилизационными различиями.

Миросистемный подход - одно из наиболее влиятельных направлений современного обществоведения. Его основатели - крупнейший представитель французской исторической школы "Анналов" Ф. Бродель и американский историк И. Валлерстайн. Среди сторонников миросистемного подхода выделяют также А. Франка, С. Амина, К. Чейз-Данна, Ж. Абу-Лугход и др.

Основой миросистемного подхода является анализ мира не как совокупности стран или обществ, так как они, с точки зрения его представителей, мало что могут объяснить в глобальных процессах, а как определенной исторической системы - "миросистемы" или "мироэкономики", основанной на иерархии эксплуатации и разделении труда в мировой экономике, "центром" которой на протяжении последних веков выступает капиталистический Запад.

Понятие "мироэкономика" было введено Ф. Броделем применительно к хозяйственной самодостаточности отдельных регионов [1]. Мирэкономика существует поверх политических, культурных и религиозных границ, она со своими законами и конъюнктурой в конечном счете "оказывается сильнее" отдельных государств и обществ [2]. Пространство мирэкономики делится на несколько взаимозависимых, иерархически упорядоченных зон, ее история подчинена временным циклам, сложение которых составляет т.н. "время мира". И. Валлерстайн разработал концепцию миросистемы - надгосударственной социально-экономической системы, имеющей границы, структуру, правила легитимации и согласованность, чье функционирование определяется конфликтующими силами [3]. Современной моделью миросистемы является мирэкономика, отличительная особенность которой состоит в том, что она не имеет социальных ограничений для развития производства [4], вследствие освобождения экономики от диктата политической власти (в Европе - начиная с XVI в.). Возникшая в тот исторический период капиталистическая мирэкономика в итоге победила остальные социальные системы и, "втянув" их в себя, стала глобальной.

Мирэкономика базируется на обширном разделении труда (обусловленном географически и социально), открытой торговле, механизмах свободного перемещения и перераспределения капитала,

неэквивалентного обмена, международной задолженности и пр. Составные части миросистемы: "центр (ядро)", "полупериферия" и "периферия", население которых разбито на статусные группы и [классы](#). В состав миросистемы входят в разной степени открытые страны, интегрированные в мировую экономику и представленные в международных институтах, в противном случае они подвергаются изоляции. В разные исторические периоды различные страны отделялись от миросистемы, однако в целом она имеет тенденцию расширяться. При этом чем более развитыми и независимыми являются отдельные страны в рамках миросистемы, тем более закрытую и протекционистскую политику проводят государства этих стран, тем выше значение и самостоятельность политической сферы, больше вес государства в экономике. Разделение труда и неравномерность обмена между "центром" и "периферией" провоцирует перманентное напряжение между ними, которое стимулируют развитие и экспансию мировой капиталистической системы.

Зона "центра", получающая экономические и политические дивиденды при неэквивалентном обмене с другими частями мироэкономики, заинтересована в сохранении преимуществ своего положения и, более того, стремится расширить свое влияние и диспаритет в глобальном масштабе [\[5\]](#) и претендует на управление мировыми процессами посредством механизмов миросистемы. Для "ядра" характерны экономический рост, политические свободы, развитие науки, сильное, эффективно функционирующее государство, проводящее экспансивную политику на международной арене, активно поддерживающее национальный капитал и защищающее свои рынки.

"Центр" миросистемы состоит из ряда наиболее развитых капиталистических стран, большинство из которых относится к западной цивилизации. В рамках "центра" выделяется государство-гегемон как неперемное условие существования миросистемы и управления ею, обычно он втягивает в сферу мироэкономики новые районы мира. Завоевание и утрата гегемонии, этапы расширения миросистемы также подчинены циклам (т.н. "закон чередования гегемонии").

В современном миропорядке "гегемоном" являются США [\[6\]](#), группа капиталистических государств при лидерстве Соединенных Штатов представляют собой единый глобальный полюс однополярного мира. Переход "центра" в [постиндустриальную](#) фазу, монополизация ряда "прорывных" технологий, обеспечивающих лидерство на мировых рынках, концентрация им политической и военной мощи, а также запуск процесса [глобализации](#) в выгодном "центру" виде сформировали такие глобальные "правила игры", при которых развитие большинства стран, не принадлежащих к "центру", оказывается серьезно затруднено и искусственно сдерживается.

Возрастает давление на другие страны и их [элиты](#) посредством широкого спектра способов, страны "ядра" стремятся контролировать их развитие, политику и ценности. Наиболее универсальным и действенным средством достижения этой цели является воздействие на национальные элиты с целью привлечения тех на свою сторону. Легко проследить связь мироанализа с концепцией империалистического капитализма [В. Ленина](#) (например, пять признаков [империализма](#) [\[7\]](#)), базирующейся в свою очередь на работах [К. Маркса](#), а также с концепциями "[неоколониализма](#)" [\[8\]](#) и современного "глобального неоколониализма".

Взаимодействие противоположных полюсов миросистемы может происходить как на уровне международных отношений, так и посредством капиталистической системы. Таким образом, в рамках миросистемы исторически транснациональные отношения играли важную роль и руководствовались собственной логикой, хотя и были тесно связаны с системой международных отношений.

4.2. Экономические отношения в миросистеме. Конфликт между "центром" и "периферией"

Политика исторически идет рука об руку с экономикой. [ТНК](#) и инвестиционные компании при поддержке спецслужб и нередко правительств США и Великобритании подавляли сопротивление национальных элит и переводили их на свою сторону, взламывали национальные экономики, захватывали активы, обретали монопольный доступ к ценным сырьевым ресурсам, промышленность западных стран перерабатывала это сырье для выпуска конечной продукции, а банки получали в свое распоряжение

значительную часть средств, полученных развивающимися странами от экспорта сырья, и распоряжались ими по своему усмотрению, инвестируя в наиболее рентабельные отрасли экономики.

В политико-идеологическом пространстве манифестируется построение монополярного мира Pax Americana либо североцентричного универсума [G-8](#). К парадигме перманентного расширения миросистему толкает логика капиталистического накопления, лежащая в ее основании. Мирэкономика (мировая экономическая система) нуждается в постоянной экспансии, в том числе и для разрешения собственных противоречий.

Внутри этой непрерывно расширяющейся системы повсеместно утверждался единый принцип экономического развития - принцип бесконечного накопления капитала. Таким образом, миросистема изначально складывалась как капиталистическая система и именно в таком качестве постепенно охватила весь мир. Капитализм возник одновременно как мировая экономическая система и как способ производства. Мирэкономика (глобальная капиталистическая система) является самостоятельной силой, субъектом истории, определяющим развитие стран по всему миру. Капиталистическая мирэкономика, согласно своей имманентной логике, должна расширяться, отношения "центра" и "периферии" в глобальной экономике - интенсифицироваться.

[Р. Люксембург](#) одной из первых обратила внимание на то, что цикл расширенного капиталистического воспроизводства не может быть замкнут только благодаря труду занятых в нем рабочих, за счет их прибавочной стоимости. Для него необходимо наличие "третьих лиц" в виде некапиталистических слоев, покупателей вне зоны капитализма, а также непрерывное привлечение ресурсов из стран вне капиталистической системы. Также Р. Люксембург указала на неизбежную экспансию капиталистической системы, неспособную остановиться, так как в этом случае она неизбежно сталкивается с кризисом и рецессией: "Капиталистическое накопление зависит от средств производства, созданных вне капиталистической системы. Непрерывный рост производительности труда, который является главным фактором повышения нормы прибавочной стоимости, требует неограниченного использования всех материалов и всех ресурсов почвы и природы в целом. Сущность и способ существования капитализма несовместимы ни с каким ограничением в этом плане. <...> Начиная с момента своего зарождения капитал стремился привлечь все производственные ресурсы всего мира" [\[9\]](#). Именно такой характер процесса накопления капитала и породил, с ее точки зрения, империалистическую стадию капитализма, а неуклонное сужение сферы колониальных владений определяло исторические пределы существования капитализма. Об этом писал и Ф. Бродель: "Капитализм является порождением неравенства в мире, для развития ему необходимо содействие международной экономики... Он вовсе не смог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда" [\[10\]](#). Таким образом, мировая капиталистическая система изначально нуждалась в особой формации "дополняющей экономики", сосредоточенной на "периферии". Модель капитализма на "периферии" отличается от капитализма в "центре", он является более эксплуататорским и менее развивающим, направлен практически исключительно на извлечение прибыли, имеет репрессивный и реакционный характер, часто управляется извне.

Из "периферии" извлекается столь важная для транснационального бизнеса сверхприбыль, особенно в недавно включенных в капиталистическую систему районах мира. Эксплуатация "периферии" позволяет экстернализовать издержки, страны "центра" используют ее для того, чтобы решать свои проблемы за пределами своих стран. Для достижения сверхвысокого уровня потребления развитых стран осуществляется сверхэксплуатация "периферии".

Рыночный, чисто экономический подход недостаточен для контроля над "периферией", постулаты о свободной торговле и честной конкурентной борьбе звучат на этом фоне как идеологизированные. "Центру" приходится применять и политическое давление и военную силу, чтобы удерживать "периферию" в своей орбите и привлекать к единой системе обмена и разделения труда. Можно сказать, что политическое и военное давление стран "ядра" и деятельность экономических акторов в разные исторические периоды, в разных регионах Земли и при разных обстоятельствах дополняют и заменяют друг друга, они - комплиментарны, степень актуализации каждого из них зависит от конкретной ситуации.

Согласно миросистемному подходу, "периферии" со стороны "центра" как правило дается возможность развиваться лишь до уровня, определяемого иностранными государствами и транснациональными экономическими акторами, исходя из своих интересов. С точки зрения современных тенденций, обусловленных глобализацией, [М. Делягин](#) так характеризует разрыв между странами: "Данный разрыв углубляется кардинальным изменением ключевых ресурсов развития: это уже не пространство с закрепленным на нем производством, но в первую очередь мобильные финансы и интеллект. Соответственно, эффективное освоение территории - уже не оздоровление находящегося на ней общества, но, напротив, изъятие (обычно через кризис) его финансов и интеллекта. При этом прогресс более развитого общества идет за счет деградации и разрушения осваиваемого, и масштабы деградации, как всегда при развитии за счет разрушения, превосходят выигрыш более развитого общества. Таким образом, глобализация качественно изменила сотрудничество между развитыми и развивающимися странами: созидательное освоение вторых первыми при помощи прямых инвестиций уступает место разрушительному освоению при помощи изъятия финансов и интеллекта. Осмысление этого перехода породило понятие "конченных стран" ("failed states"), утративших не только важнейшие интеллектуальные ресурсы, но и способность их производить" [\[11\]](#).

Экономические инструменты влияния "центра" представляют собой встроенные в систему неэквивалентный обмен, стремление монополизировать высокие технологии, особую систему разделения труда, долговую систему, и особенно либерализацию потоков капитала. Вследствие действия объективного экономического закона - тенденции к концентрации капитала, открытая экономика, навязываемая странам "периферии", означает неизбежность перераспределения капитала в пользу "центра". Неравенство усугубилось в связи с появлением сообщества постиндустриальных держав, подчеркнувшего, по выражению В. Иноземцева, "раздел планеты на постиндустриальную зону и остальной мир" [\[12\]](#).

4.3. Социально политические противоречия миросистемы. Парадокс "третьей волны" демократизации

Ход одних и тех же процессов в "центре" и на "периферии" диаметрально противоположен. Как подчеркивает В. Крылов: "В отличие от метрополий, общества которых воплотили в самой своей структуре цивилизующие функции капитализма, общества зависимой от него периферии явились структурной материализацией его нереволюционизирующих общественных процессов и консервативных тенденций" [\[13\]](#). Такие понятия, как "демократия", "права человека", "экономический рост" на "периферии" имеют совсем иное значение, чем в "центре". Так, экономический рост в странах "[третьего мира](#)" вовсе не

означает развития, а также не приводит к росту уровня жизни [14] [15]; "права человека" понимаются не в абстрактно-политическом смысле, а с точки зрения их реального социально-экономического наполнения (право на труд, жилье, доступ к здравоохранению и пр.) [16] [17]; понятие "демократия", часто дискредитированное элитами, ассоциируется с горечью разочарования, виртуализацией политики, социальными и экономическими потрясениями, неэффективностью власти, утратой независимости; "демократические ценности" малопонятны для масс, так как не затрагивают большинства населения, вызывают ассоциации с двойными стандартами, давлением из-за рубежа, "пятой колонной", к тому же их "проводниками" являются элиты, которым не доверяют; федерализм в странах "периферии" зачастую тормозит [демократизацию](#) общества и экономическое развитие [18].

У стран, демонстрирующих "периферийные" черты, обычно возникают сложности с разработкой [идеологии](#); причем она может являться скорее [симулякром](#), так как часто возникают серьезные проблемы на стадии ее реализации из-за того, что возможности несистемного развития для стран, степень свободы элит национальных государств в современном мире существенно ограничены. Многие из них страдают от перманентного кризиса идентичности, а элита и интеллигенция мучаются "комплексом неполноценности". По всей видимости, элиты, в частности, из-за этого выбирают транснациональное пространство для своей реализации.

Сложившаяся структура миросистемы, равно как особенности функционирования капитализма в глобальном масштабе, ставит серьезные препятствия на пути демократизации и формирования гражданского общества значительного количества стран, содержит механизмы структурного воспроизведения и усиления неравенства в глобальном масштабе.

При существующей модели включенности стран "периферии" в глобальное разделение труда, если учесть характер глобализации и транснационализации финансовых потоков, становится очевидным, что для сохранения равновесия системы, демократия в ряде стран "периферии" не является необходимой. Например, И. Валлерстайн уверен в принципиальной ограниченности возможностей широкой демократизации по западному сценарию в большинстве стран мира, так как "демократизация ни раньше, ни сегодня не соответствовала и не соответствует интересам капиталистов" [19]. Такой подход представляется излишне прямолинейным, однако следует признать, что реакционные прозападные авторитарные политические режимы, активно применяющие репрессивные меры, часто очень удобны как международным экономическим акторам, так и государствам "центра", стремящимся реализовать свои геополитические интересы.

Включение страны в мирохозяйственную систему в качестве поставщика сырья и рынка сбыта для ТНК предопределяет формирование соответствующей олигархической элиты, власть которой опирается на извлечение ренты и делает политически и экономически невозможными попытки реализации внесистемных сценариев развития. В ряде стран с двухуровневой хозяйственной системой, развитым сырьевым экспортным сектором демократизация прежде всего усиливает давление на высшие слои, побуждая их делиться доходами от экспорта, "природной рентой", а это не соответствует интересам верхов [20]. Демократизация, как отмечает Р. Пребиш, "тесно переплетена с борьбой за участие в распределении плодов экономического развития и потому носит конфликтный характер" [21]. Ключевыми как во внутренней, так и во внешней политике оказываются отношения между государством и капиталом [22], причем все более транснационально ориентированным.

"Периферийная" интеграция развивающихся стран в мировую экономику и соответствующая ей [олигархическая](#) модель социально-политической организации неизбежно приводит к циклически повторяющимся острым кризисам. При этом власть может непредсказуемо и резко сменяться, капитализм превращаться из олигархического в [бюрократический](#) и обратно, не переставая быть отсталым и "периферийным".

Кроме того, нередко свободные демократические выборы дорого обходятся развивающимся странам, приводя к бегству капитала, с легкостью покидающего любую страну из-за малейших политических рисков, связанных с приходом к власти новых политических сил (т.н. феномен "[политического цикла](#)"). Сбывается прогноз Дж. Нэбита, сделанный на заре "информационной эры": международная

телекоммуникационная система - "это своего рода страховой полис для демократического государства со стабильным политическим строем. Любое государство сообщества, где к власти придет коммунистическое или фашистское правительство, неминуемо потерпит фиаско, потому что... половина национального богатства этой страны будет переведена с помощью телекоммуникаций за границу уже в первый час пребывания такого правительства у власти" [23]. Естественно, на основании этой возможности возникают новые формы доминирования, манипулирования и господства. Однако такое давление направлено в значительной степени произвольно на страны "периферии" и "полупериферии", чтобы они не пошли по некоему "своему", альтернативному, пути, не вписывающемуся в конфигурацию миросистемы и глобальные планы ее архитекторов.

Структура общества и характер социального конфликта в "центре" и на "периферии" различаются. Главным отличием, как утверждает И. Валлерстайн, является то, что правящие круги в странах "центра" обладают существенно большими ресурсами, а значит и большими возможностями для нахождения социального компромисса и формирования консенсуса. В результате политические системы западных стран оказываются устойчивее, демократии - стабильнее, политические и избирательные процессы более "чистыми" и т.д. По мнению Б. Кагарлицкого: "Не наличие "богатой демократической традиции" предопределяет устойчивость западной свободы, а напротив, неизбежная экономическая неустойчивость "периферии" делает невозможным формирование "богатых демократических традиций" [24]. Такой взгляд может показаться спорным, так как он недостаточно учитывает межцивилизационные различия, и тем не менее, применительно к современным условиям, когда индустриальные, урбанизированные общества и в целом индивиды по всему миру скорее качественно похожи друг на друга (т.е. обладают рядом важнейших общих признаков), именно экономический фактор проводит основное различие между ними. Многие исследователи прослеживают тесную связь между уровнем экономического развития и демократией [25]. В то же время, как отмечает А. Мадатов, влияние экономических изменений на политические процессы осуществляется опосредовано, через определенные изменения в социальной структуре (например, развитие гражданского общества) [26].

Хроническая нехватка средств, отсутствие необходимого экономического фундамента для [консолидации демократии](#) препятствует ее развитию. В качестве иллюстрации можно привести попытки создания устойчивого федерализма в России на фоне того, что число субъектов федерации с дотационными бюджетами в разные годы колебалось от 54 до 81 [27]. Легко заметить, что распространенность демократии варьируется по мировым регионам и в целом географически соответствует иерархии миросистемы (несмотря на имеющиеся исключения).

У стран "ядра" есть колоссальные возможности оказывать воздействие на ход политических процессов в других странах. В то же время влияние стран Запада на процессы демократизации в других странах достаточно противоречиво и неоднозначно, это амбивалентный процесс. С одной стороны, выступая в качестве "адепта демократизации", западные страны делают многое для ее распространения, построения демократических институтов и привития демократических ценностей по всему миру. С другой стороны, Запад создает условия, делающие невозможным полноценный демократический процесс в "опекаемых" странах. Как результат - те не становятся подлинно демократическими даже при соблюдении многих демократических процедур и создании демократических институтов. Иначе говоря, несмотря на присутствие формальных институциональных черт демократии, с процессуальными чертами дела обстоят гораздо сложнее. Получила распространение схема: демократическая легитимизация, более или менее устойчивые демократические институты, преимущественно авторитарное принятие решений с сохраняющейся возможностью отката к авторитаризму. Политические режимы, характеризующиеся данной схемой, можно определить как гибридные, и они достаточно широко распространены.

Как справедливо утверждает [Д. Хелд](#), "сердцевину, или "глубинную структуру" современной системы демократических национальных государств характеризует ряд поистине поразительных особенностей: демократия в национальных государствах и недемократические отношения между государствами; укрепление подотчетности и демократической законности внутри государственных границ и преследование национальных интересов (и максимального политического преимущества) за пределами этих

границ; демократия и права гражданства для тех, кого считают "своими", и сплошь и рядом отрицание этих же прав за теми, кто живет по ту сторону границы" [28].

Для объяснения этого противоречия гносеологически эффективно применение миросистемного подхода в совокупности с другими теоретическими школами, например школой "[зависимого развития](#)" [29], и сравнительно-институциональным подходом [30]. Амбивалентная роль стран "ядра" (Запада) как в процессе демократизации, так и во внешней экономической политике с точки зрения логики миросистемного подхода объясняется желанием "центра" способствовать выгодным для себя изменениям на "полупериферии" и "периферии", и в то же время сохранить и упрочить собственные доминирующие позиции в миросистеме. Поэтому они заинтересованы в создании определенного типа лояльной элиты в других странах, что заставляет их постоянно вмешиваться в ход политического процесса в других странах, "наблюдать" за выборами и поддерживать определенные политические силы. Причем это стремление к контролю возводится в абсолют и снимает все ограничительные барьеры [31]. Страны "ядра" в своем желании сохранить статус-кво консолидированы (на наш взгляд, именно с этой позиции следует рассматривать концепции "демократического мира"), в то время как страны "полупериферии" и "периферии" разобщены по интересам и ценностям.

Особенность миросистемы, особенно на нынешнем историческом этапе, заключается в том, что в ней все страны связаны между собой и зависят как от глобальных процессов, так и от транснациональных акторов. Тип политического режима государства и тип национальной экономики оказываются одновременно проблемами и внутренней, и внешней политики, поскольку типы экономического роста и типы государства соответствуют положению страны в международной системе.

Таким образом, в современном мире уровень демократии связан с местом страны в глобальной иерархии миросистемы, степень демократизации определяется прежде всего уровнем и устойчивостью экономического развития, "качеством" элиты (как государственной элиты, так и национального капитала), ролью государства и социальными макропоказателями. Эти же факторы играют важную роль в определении степени суверенитета государства. Такой взгляд ближе и к исторически сложившемуся традиционному представлению о демократии, как о средстве достижения "Общего Блага".

Многие страны, с формальной точки зрения более продвинувшиеся в процессе демократизации (в рамках "режима демократизации"), фактически в среднесрочной перспективе движутся в обратном направлении, ослабляя своей политикой социальные и экономические факторы, влияющие на успешность демократизации, что формирует предпосылки для возможного отката к авторитаризму. В то же время более авторитарные государства (часто подвергающиеся за это критике извне), посредством более эффективной политики способствуют развитию этих факторов, тем самым подготавливая почву для демократизации. В таких странах после достижения определенного уровня развития возможен безболезненный демонтаж или модификация авторитарной или гибридной системы.

Движущей силой "[третьей волны](#)" демократизации, поднявшейся в современном мире с середины 70-х гг. XX в. [32], являлось уже не только государство, но ведущую роль играли экономические акторы, и демократизация отождествлялась с [неолиберальной](#) экономической политикой. В это время обозначился окончательный уход от национальной авторитарно-модернизационной парадигмы 1960-х и 1970-х гг.: "слабый бизнес - сильное государство" к новой парадигме: "сильный бизнес - сильное государство" [33], соответственно изменяется модель их диалога.

Тем не менее в разных регионах роль государства и роль национального капитала была различной. Если в Латинской Америке "двигателем" экономических и политических преобразований выступал преимущественно бизнес [34], то, к примеру, в странах Юго-Восточной Азии лидирующая роль принадлежала государству. Легко разглядеть видимые диаметрально противоположные результаты политики, проводимой элитами этих стран. Для стран Юго-Восточной Азии (т.н. "тигров") характерен экономический рост на базе производственных, науко- и капиталоемких секторов экономики, рост уровня

жизни и стабильность политических институтов, для латиноамериканских "новых демократий" - прямо противоположное.

Говоря о "третьей волне демократизации", Т. Ворожейкина отмечает, что либерализация, рыночные принципы в экономике и открытие ее вовне не обязательно укрепляет демократические тенденции в обществе и демократические институты в политической сфере. Более того, эти два процесса могут быть направлены в разные стороны, и в ряде стран (к которым, по мнению автора, относится и Россия) рыночные реформы, осуществляемые по неолиберальной модели, с неизбежностью подрывают хрупкие основания демократии, отменяют прежние социальные завоевания [35].

4.4. "Циклы Кондратьева"

Общепризнанно, в том числе и школой миросистемного анализа, что на отрезках большой исторической длительности мировая капиталистическая система управляется т.н. "кондратьевскими циклами", оказывающими воздействие и на систему международных отношений, и на трансформации социумов.

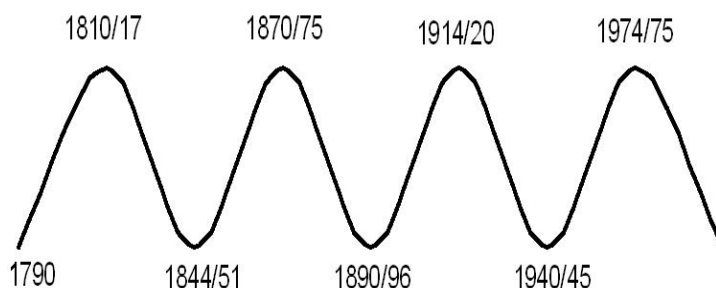
Таким образом, для исследования данной проблематики мы выбрали в качестве дополнения к методологической базе концепцию длинных циклов, цикличности мирового развития и мировой экономики, предложенную отечественным ученым [Н. Кондратьевым](#) [36] (в дальнейшем его теорию применяли Ф. Бродель, Д. Арриги и др.).

В общем виде теория длинных волн исходит из того, что экономическая система постоянно находится в состоянии отклонения от макроэкономического равновесия. Н. Кондратьев первым пришел к выводу о существовании больших циклов в развитии капитализма, они неравномерны по времени и занимают обычно по 40-60 лет, воспроизводя одну и ту же динамику. Сначала наблюдается "повышательная волна" (А-фаза) - производство, цены и прибыли устойчиво растут, причем рост производства опережает рост инфляции, кризисы оказываются неглубокими, а депрессии непродолжительными. Затем наступает период спада - "понижательная волна" (В-фаза). Рост экономики неустойчив, кризисы становятся более частыми, депрессии затяжными, периоды подъема сменяются длительными периодами застоя. Смена цикла мировой капиталистической экономики неизбежно затрагивает и все страны, причем нередко трагическим образом [37].

Как указывает Н. Кондратьев, каждый большой цикл связан с обновлением технологий, после того как возможности повышения эффективности в рамках используемых научно-технических принципов исчерпаны, через некоторое время наступает эпоха [НТР](#), дающая начало новой волне.

Циклы Кондратьева

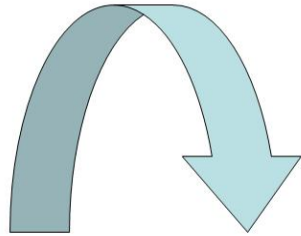

Однако кроме новых технологий и оборудования появляются новые рынки, меняется соотношение сил между акторами, происходит перемещение капиталов. Прежняя система производства, как и система социальных отношений, имеет свой предел развития, и они должны сменяться (модифицироваться) с определенной периодичностью. Неизбежность этой смены, часто сопровождающейся социальными и политическими потрясениями, доказывает открытый К. Марксом закон-тенденция стремления нормы прибыли к понижению [38]. Поэтому, как обнаружил Н. Кондратьев, для капиталистической системы оказалось принципиально важным втягивание в мировой рынок все большего числа стран, расширение его орбиты [39]. И с точки зрения теории длинных волн, и с точки зрения мироанализа, и с точки зрения политэкономии [марксизма](#) колониализм является для капитализма естественным спутником.

Таким образом, мы приходим к выводу о существовании двух основных (традиционных) способов преодоления кризисов, обусловленных "циклами Кондратьева":

- 1) осуществление НТР;
- 2) расширение капиталистической системы, открытие новых рынков и перекачка капиталов и ресурсов из других стран, империалистическая экспансия.

Динамика

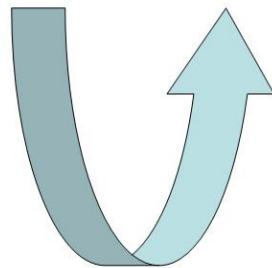
**Снижение нормы
прибыли**

Насыщение рынков

Рост конкуренции

**Необходимость
модернизации
производства**

Динамика

Осуществление НТР

**Экспансия, расширение
миросистемы**

Периодически возникающие кризисы ведут, по И. Валлерстайну, к процессам реструктурирования, которые обостряют борьбу за распределение власти и углубляют неравенство [40]. Одновременно растет уровень противоречий в рамках мировой системы.

Таким образом, глобальные элитарные тенденции, распределение и сдвиги власти в глобальном масштабе, появление и активизация новых элит, согласно мироанализу, связаны с процессами реструктурирования миросистемы, обусловленными "кондратьевскими циклами" ее развития.

4.5. Современные тенденции в миросистеме, обусловленные сменой цикла

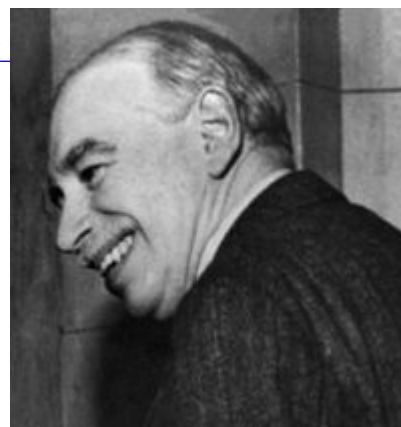
Из теории Н. Кондратьева вытекает актуальное для текущего времени положение о том, что в период В-фазы глобальный капитализм в целом может выступать как реакционная сила, опирающаяся на империализм и стремящаяся затормозить нежелательные для себя изменения в миросистеме, прежде всего

путем подавления альтернативных политических сил и движений и затягивания сроков наступления НТР (а также превентивного устранения конкурентов, которые могли бы осуществить НТР), чреватой потрясениями сложившегося порядка. Как отмечает Б. Кагарлицкий, "революция выступает для капитализма механизмом модернизации, но она же представляет для него смертельную угрозу" [41]. В настоящее время в мире актуализировалась близкая к описанной ситуация.

Поскольку, по подсчетам Н. Кондратьева, каждый "цикл" составляет 40-60 лет, это означает, что последний из замеченных им таких "циклов", начавшийся в 1890-1896 гг., должен был закончиться где-то в середине XX в., в последние годы Второй мировой войны. Этот прогноз актуализировался - Вторая мировая война, с ее гигантской встряской всей структуры миросистемы, была завершением предыдущей В-фазы (пиком которой стала "Великая депрессия"). С 1945 по 1967 г. капиталистическая мировая экономика действительно вступила в полосу очередного подъема, притом очень мощного, с опорой на государство и национальное развитие. А затем, с начала 70-х гг. XX в., система вновь вступила в полосу спада, или В-фазы очередного "кондратьевского цикла".

В 1950-60-х гг. мир был упоен "технократической эйфорией" [42], основанной на технологической революции 1940-50-х гг., НТП, как тогда казалось, сулил разрешение всех основных противоречий и затруднений. На базе НТП произошла своеобразная "реабилитация" капитализма [43]. На место государства, выполнявшего роль "ночного сторожа" капитализма, пришло т.н. "Welfare State", "социальное государство", в Европе прочные политические позиции заняли умеренные левые. После "Великой депрессии" и Второй мировой войны на Западе восторжествовала т.н. "фордистская модель" экономики [44], существенно модернизированная в дальнейшем. Государственное регулирование, перераспределение средств в пользу менее богатой части общества, программы социального обеспечения и образования для населения стали экономической необходимостью, своеобразной гарантией против повторения кризисов перепроизводства. Модель регулирования рынков и монетарной политики, предложенная Дж. Кейнсом (т.н. "кейнсианская" модель), стала общей доктриной большинства правительств развитых стран, невзирая на идеологическую ориентацию.

Необходимо отметить, что в СССР и в социалистических странах после Второй мировой войны также имело место свое "экономическое чудо", началось построение собственной модели социального государства. "Технократическая эйфория" не обошла и общественную мысль социалистических стран, хотя и была представлена в иной идеологической интерпретации [45]. Таким образом, с НТП связывались надежды на "светлое будущее" всего человечества. Вопрос в духе идеологической конфронтации того времени ставился в первую очередь о том, какой общественный строй - капиталистический или социалистический - является более адекватным ее выражением и, следовательно, по какому пути пойдет дальнейшее развитие цивилизации [46]. В интеллектуальных кругах в то время наряду с идеями линейного прогресса и научного оптимизма приобретает популярность "модернистская" идея "единства человечества", "человеческой цивилизации" и "единой общечеловеческой судьбы".

Однако, как показала история, будущее человечества оказалось вовсе не таким радужным. В начале 1970-х гг. обозначился мировой экономический кризис. Рубежом стал 1973 г., когда во время очередной арабо-израильской войны резко выросли цены на нефть. В это время подходит к концу очередной цикл глобального экономического подъема, достигаются "пределы роста" как в рамках кейнсианской, так, уже позднее, и социалистической модели, и капитализм вступил в затяжной кризис перенасыщения, снижения нормы прибыли и все более острой конкуренции на мировых рынках. На этом фоне "внезапно" обнаружилось и подверглись рефлексии негативные последствия НТП. Технологические возможности и действие эффекта наращивания производства были в основном исчерпаны [47], предел экстенсивного развития достигнут [48], экономический рост начал захлебываться, рост рынков замедлился, а в экономике стало появляться все больше "бесприбыльных зон" [49]. В то же время не были достигнуты

условия для нового подлинного научно-технического прорыва (НТР), даже в обозримом будущем. В итоге - ни депрессии, ни роста, а годы стагнации.

Достижение "пределов роста" оказало существенное влияние на элиту. Произошло изменение правил ведения бизнеса: многие крупные компании, традиционно делавшие ставку на увеличение рыночной доли и рост объемов производства, столкнулись с тем, что "в какой-то момент времени они словно уперлись в стену, которая преграждает им дальнейший путь к прибыли" [50]. Восстановить послевоенные нормы прибыли не удавалось, так как государственная бюрократия, профсоюзы и лоббизм основных отраслей заставляли западные правительства гасить признаки депрессии и сохранять "социальное государство" в полном объеме, а без новой депрессии рынки не могли избавиться от "избыточных", нерентабельных мощностей и трудовых ресурсов и снизить свои издержки (за счет экологии, труда, социальных расходов и инфраструктуры). Дополнительное давление на капиталистов оказывала все время усиливающаяся конкуренция, принимавшая глобальный характер и заставлявшая снижать цены.

Резко обозначились очевидные ограничения капиталистической системы: поддерживая стабильность капитализма, она все дороже обходилась капиталистам. Уже устоялась и воспринималась как нечто естественное система, когда капиталистическая элита должна была покупать социальный мир ценой уступок трудящимся. И цена эта, по ее мнению, становилась непомерной. К примеру, [Ж. Аттали](#) отмечал, что главная причина актуализировавшегося кризиса заключается не в росте цен на энергоносители, а в затратах на образование и здравоохранение, поглощающих все большую часть производимых ценностей и уменьшающих рентабельность экономики [51].

В сложившихся условиях в качестве приоритетных были осознаны задачи экспансии миросистемы, а так как возможности этого были ограничены, снова встала задача извлечения дополнительной прибыли также и из собственного населения.

Указывая на "объективные научные законы", представители крупного бизнеса пришли к выводу, что высокие зарплаты рядовых сотрудников, социальные расходы, качественное среднее образование и пр. идут в ущерб экономическому росту и подрывают конкурентоспособность стран. Покрывать эти "издержки" масштабами производства уже не получится, единственный вариант - экономия ("оптимизация") и перевод многих социальных институтов на самокупаемость. Потребовались также освобождение капитализма от бремени налогов и "финансовая дисциплина".

Опираясь на методологию, разработанную чикагскими интеллектуалами и аналитическими центрами компаний, бизнес элиты выработали новую социально-экономическую стратегию и добились ее реализации, опираясь на таких политиков как [М. Тэтчер](#) и [Р. Рейган](#).

40-й Президент США Рональд Рейган и премьер-министр Великобритании Маргарет Хильда Тэтчер - политики, осуществившие "неоконсервативную революцию"

"Неоконсервативная революция" М. Тэтчер и Р. Рейгана [52] политически обеспечила освобождение капитала от прошлых обязательств и механизмов регуляции, что привело к лихорадочному поиску новых производственных условий по всему миру. При этом бюрократия, прежде довольно жестко контролировавшая экономическую сферу и более консервативная, резко сменила ориентацию, став радикальной и ультралиберальной. Произошла транснационализация капитала. Капитал как бы "позабыл" о своей национальной принадлежности, в массовых объемах бросившись туда, где благодаря стабильности, низким издержкам и высокой эффективности труда достигается максимальная норма прибыли, что привело к переходу "к новой системе, в которой центром внимания являются потребители и прибыль" [53]. ТНК внешне вышли из-под опеки национальных правительств, и в результате приобретенной ими самостоятельности переток капитала стал самодовлеющим процессом. Глобализация дала ТНК возможность еще больше разбогатеть, не увеличивая при этом объемов производства, т.е. за счет более низких налогов, оплаты труда и более дешевых ресурсов.

В этот период стали обозначаться контуры глобализации, проявился социальный конфликт, воспроизводящий себя в глобальном масштабе: конфликт труда и капитала по поводу цены на труд (в традиционных секторах) и права на работу, жесткое противопоставление корпоративной прибыли и зарплаты (рассматривающихся как обратно пропорциональные величины), сопровождающийся расширяющимся социальным и пространственным расколом между бизнесом и обществом, трудящимися и управляющими, населением и элитой (суть этого конфликта в экономо - политическом ракурсе показывает т.н. модель кривой [границы факторной цены](#) [54]).

Выросло политическое влияние бизнеса, это сначала выразилось в "неоконсервативной революции", тетчеризме и рейганомике. Позже неolibеральная доктрина стала распространяться по всему миру. Крупный капитал и политические элиты совместно и сознательно пошли на демонтаж социального государства.

В это же время произошла транснационализация и виртуализация финансового капитала [55]: выход из энергетического кризиса 1974-1975 гг. стран с резервными валютами был обеспечен координацией их действий с международными экономическими организациями и развитием международного рынка ссудных капиталов, предоставившего основные инструменты для перекачки капиталов [56]. Таким образом, странам "центра" достаточно дорогой ценой подлинной транснационализации финансовых потоков и ослабления центральных банков в пользу транснациональных и международных финансовых институтов и организаций удалось сконцентрировать огромные объемы

капитала из развивающихся стран и сохранить таким образом свое лидерство в миросистеме. Одновременно был создан механизм т.н. "экспорта инфляции" в развивающиеся страны [57], позволивший стабилизировать макроэкономическую ситуацию. К этому же периоду относится крушение [Бреттон-Вудской системы](#), и доллар становится все в большей степени виртуальной и спекулятивной валютой.

Параллельно с "неоконсервативной революцией" элиты США и Великобритании инициировали крупномасштабный перевод государственных фондов из общественного в частный сектор, зачастую оправдываемый требованиями "безопасности". Огромные средства посредством различных программ и механизмов пошли на поддержку бизнеса особенно стратегически важных ТНК. Заданный вектор в целом поддерживался в дальнейшем, однако в последние годы он достиг своего предела, что выразилось в катастрофических размерах внешнего долга и дефицита бюджета США.

Так как государственные промышленные предприятия, особенно производившие блага "общего пользования", оказывались не слишком рентабельными, они либо закрывались, либо управление ими передавалось бизнесу, по всему миру началась самая массовая в истории волна приватизации.

Изменились и тенденции в фискальной сфере - бремя налогообложения было переложено с капитала на граждан [58].

Данные трансформации революционным образом сказались на социальной и политической сферах. В социальной сфере стали заметны отступление, уход государства, ослабление позиций гражданского общества, размывание среднего класса. Государство встало на сторону капитала и ущемило интересы трудящихся. Усилилось давление на "периферию", через некоторое время сказавшееся в виде падения там уровня жизни и деградации социальных макропоказателей, вырос диспаритет в доходах и увеличился уровень социальной напряженности.

Изменилась и система ценностей общества, став более прагматичной, индивидуалистичной, экономикоцентричной, пропитавшись духом возрожденного [социального дарвинизма](#), навязываемого "сверху" элитами. Однако такая система ценностей не может быть полноценной, так как многие общества после введения неолиберальной модели утратили способность к воспроизводству.

Наметился резкий отрыв системы ценностей элит от масс. Среди элит актуализировались идеологии номадизма, социального дарвинизма, неокOLONиализма, неомальтузианства, менеджеризма и иные конструкты идеологии транснациональной элиты.

При этом, убеждая общество в необходимости экономии и "финансовой дисциплины", сама элита "затягивать пояса" не собиралась. В указанный период обнаружилась прямая корреляция между ростом потребления элит и бюджетными затруднениями государств, причем быстрее всех богател крупный транснациональный бизнес [59]. Эмпирически установлено, что подобная корреляция характерна для исторических периодов, предшествующих падениям империй и революциям.

В период с окончания Второй мировой войны по 1980-е гг. в развитых странах практически не появлялось новых миллиардеров, в экономике торжествовали социал-демократические принципы, а знаком эпохи была прогрессивная шкала подоходных налогов, которые для сверхбогатых людей могли составлять более 90% [60]. В социалистических странах появление долларовых миллиардеров было невозможно в принципе, вплоть до конца социализма. Однако после "неоконсервативной революции" в Великобритании и США, а затем и по всему миру получила распространение плоская шкала подоходного налога [61]. В настоящее время число долларовых миллиардеров в мире увеличивается с каждым годом, невиданными прежде темпами, как и размер аккумулируемого ими капитала [62], что отражает перераспределение средств в глобальном масштабе. А после недавнего принятия во многих странах законов о сокращении налогов на наследуемый капитал, богатство имеет тенденцию все в большей степени становиться наследственной привилегией, что обычно ведет к деградации элиты.

Общепризнано, что в послевоенный период в развитых странах сложился социальный консенсус, "только беднейшие 20% выпадали из этого консенсуса" [63]. Элитарная парадигма сменилась парадигмой "общества благоденствия", однако в последней четверти XX в. элитарная парадигма снова

вернулась вместе с растущими "ножницами доходов" между классами. Если в начале 1970 - х гг. 1% самых богатых граждан владел 17% национального богатства, то в 2000 г. уже 41% [64].

Корпоративные интересы крупного бизнеса и тесно связанных с ним политических элит возобладали и стали навязываться обществу. В глобальном масштабе происходит смена приоритетов - от экономики удовлетворения базовых потребностей к экономике престижного потребления.

Кризис проявился не только в экономике, но и обозначился как экологический, и, кроме того, оказал существенное влияние как на массовое сознание, так и на сознание элит, вызвав широкое распространение апокалиптических настроений.

Когда-то самоуверенный принцип индустриальной цивилизации - покорение природы и стремительный рост производства - был переосознан как опасность необратимого кризиса экосистемы. Первыми это осмыслили стратегические элиты Запада. Это осознание и порожденный им стресс вызвали изменения коллективного сознания значительной части элит. Именно эта часть элит, "ястребы", агрессивно мыслящие элиты как это часто бывает в истории получили власть в условиях осознаваемого кризиса.

Нарастающие непредсказуемые явления, а также опыт работы над масштабными проектами (в частности, военными и космическими) предопределили кристаллизацию идеи мониторинга будущего, необходимости "искать пути понимания нового мира со множеством до сих пор скрытых граней, а также познавать... как управлять новым миром", которая формулируется в виде конкретной задачи "создания принципов мирового планирования с позиций общей теории систем" [65]. В виде рабочего алгоритма актуализировалась элитарная идея, выраженная в девизе "Мы строим историю".

В начале 1970-х гг. создается ряд новых центров по исследованию мировой проблематики. Помимо упрочившего свое положение [Римского клуба](#), в 1972 г. были созданы Международная федерация институтов продвинутых исследований, Международный институт прикладного системного анализа и др. организации. В 1973 г. образуется [Трехсторонняя комиссия](#), объединившая влиятельных лиц, перспективных политиков и известных интеллектуалов США, Европы и Японии, в 1975 г. возникает новый мировой регулирующей орган, [Большая шестерка \(G-6\)](#).

В это время впервые была реализована идея глобального моделирования (Мир - 2, Мир - 3 и пр.), причем большинство моделей предсказывало, что человечество идет к неминуемой катастрофе [66]. Например, Д. Медоуз в знаменитом докладе "Пределы роста" прогнозировал, что через 75 лет сырьевые ресурсы Земли будут исчерпаны, а нехватка продовольствия станет катастрофической [67].

Актуализировались неомальтузианские идеи и настроения, возникли разнообразные концепции "лишнего" или "нерентабельного" населения, программы сокращения населения и ограничения рождаемости, трансформации семьи. Население "замороженных" в своем развитии (decoupled) стран в условиях бедности деградирует и никакой функциональной ценности для "первого мира" не представляет, создавая в то же время глобальные социальные проблемы. Были разработаны социальные технологии сокращения подобного населения. В разных вариантах эти концепции излагались уже в 1970-е гг. в докладах Римского клуба.

На закрытых элитных форумах все чаще признавалась необходимость установления контроля над ресурсами Земли в руках промышленно-финансовой элиты мира. Эта цель должна была достигаться не посредством прямого контроля западных государств, но посредством более "легитимного" контроля ТНК. Не случайно программа [ООН](#) по экономическому и социальному развитию на 1990-е гг. [68] уже не содержала принятых в 1960-е и 1970-е гг. установок на неотъемлемый суверенитет народов над их природными богатствами. Это привело к важному сдвигу в представлениях о праве: те силы, которые обладали экономической и военной силой для того, чтобы формулировать принципы "[Нового мирового порядка](#)", по сути, объявили свое право владения и распоряжения ресурсами всего мира. Эта мысль широко вошла в сознание элит. Как замечает С. Кара - Мурза, западные элиты открыто стремятся "избежать риска разбазаривания сырья по национальным квартирам" [69].

На международных совещаниях элиты поднимались и обсуждались вопросы о необходимости переосмыслить идею национального государства. В третьем докладе Римского клуба идет речь о

"глобальной гомеостатической системе", управляемой "благотворительной диктатурой [технократической элиты](#)" [70]. Похожие идеи все чаще вербализовывались на закрытых совещаниях элиты в то время, т.е. уже тогда элиты были готовы совершить важный сдвиг - отказ от демократии и обоснование диктатуры и ограничения суверенитета отдельных стран ради поддержания равновесия миросистемы. Безусловно, этот доклад не с лучшей стороны характеризует членов данного клуба, часть из которых поддалась паническим настроениям и была готова пойти на все для сохранения текущего миропорядка. Появилась масса рассуждений о том, что демократия не обеспечивает "управляемости мира", что "расширение демократизма угрожает демократии" и т.д.

Констатировалось, что производственному истеблишменту принадлежит в современном мире в текущий исторический период ключевая роль.

Констатировалась необходимость принять меры, чтобы обеспечить рационализацию производственной системы и передислокацию промышленности в пределах планеты. Были выдвинуты разнообразные концепции "нулевого роста" и "замораживания роста".

Было рекомендовано пересмотреть кредитную систему и наладить более тесное взаимодействие между частными банками, правительственными органами, институтами ООН, [Мировым банком](#), [МВФ](#) и др. международными организациями и институтами.

Была разработана в общих чертах концепция "силового [глобализма](#)", реализованная после развала СССР.

В эти же годы [З. Бжезинский](#) одним из первых формулирует тезис о стратегической цели, к которой должен стремиться Запад: создание системы глобального планирования и долгосрочного перераспределения мировых ресурсов [71]. Социальные и политические ориентиры, очерченные им в работе "Между двумя эпохами", представляют следующие позиции:

- замена демократии почти неограниченным господством элиты; - формирование наднациональной власти (но не на путях объединения наций в единое сверхгосударство, а в результате сплочения ведущих индустриально развитых стран); - создание элитарного клуба ведущих государств мира.

В исследуемых координатах налицо увеличивающийся разрыв между развитыми и развивающимися странами. [Н. Хомский](#) так обрисовывает перспективу продолжения данной тенденции: "Существует много факторов, влекущих глобальное общество в будущее с низкой зарплатой, медленным развитием и высокими прибылями, с растущей поляризацией и социальной дезинтеграцией. Другое последствие (процесса корпоративной глобализации) - это увядание осмысленных демократических процессов принятия решений, ибо принятие решений передается частным организациям и срастающимся с ними квазиправительственным структурам, которые "Файнэншл таймс" называет "всемирным правительством де-факто", действующим тайно и без всякой отчетности" [72].

В это же время обозначились политические тенденции, получившие дальнейшее распространение впоследствии:

1) "Новый империализм", причина возрождения которого, согласно неомарксизму, кроется в исчерпании модели госрегулирования, ранее привязавшей капитализм к национальным границам, и в нараставшем после кризиса 1973 г. стремлении транснациональных экономических акторов избежать издержек социальной и экологической ответственности [73]. Широко распространено мнение, что в связи с глобализацией борьба за рынки перешла в виртуальную область и физическая аннексия территорий для использования ресурсов и развития торговли перестала быть актуальной, однако это не совсем так.

Кризисные тенденции в капиталистической мирэкономике, необходимость укрепления своих позиций за счет других, расширения миросистемы и своего влияния, также, как и стратегические планы элиты (выдвигаются точки зрения, что цель элиты - оттянуть неизбежный кризис капиталистической системы хотя бы на время жизни этого поколения элиты), вынуждают США двигаться по пути империализма.

П. Кеннеди, автор политической теории "наступательного реализма" предсказывает скорый тупик такой политики. Предел любых имперских проектов ставится принципом стратегического

перенапряжения [74], который аналогичен экономическому принципу снижения отдачи на затраты, актуальному в последние десятилетия. Стремление государств к власти чревато имперской гигантоманией, приобретение имперских активов (территории, народы, стратегические пути сообщения) оборачивается инфляцией средств контроля (военных баз, тыла, вооружений, флотов и т.д.). Даже если противники империи ослаблены или уклоняются от активного противодействия, наступает опасный предел, за которым даже не самые крупные поражения или финансовые проблемы могут вызывать каскад непредвиденных последствий, которые империя уже не сможет контролировать [75]. Все в большей степени ожидается кризис имперской политики США и соответственно гегемонистских претензий за счет подрыва экономической мощи, по мере накопления кризисных явлений и прежде всего огромного долга, чрезмерного потребления и деиндустриализации.

В то же время, как справедливо отмечает Г. Дерлугьян, остановить имперский тренд очень трудно как по объективным, так и по психологическим факторам, из-за нарциссизма правящей элиты и миража вечного успеха [76]. Наличие значительных силовых возможностей открыло, по словам американского эксперта А. Басевича, "перспективу быстрого и приемлемого решения насущных проблем, вооруженные силы стали предпочтительным инструментом американского государственного искусства. Результатом стала обновленная, интенсифицированная и, возможно, необратимая милитаризация американской внешней политики" [77]. Таким образом, растущие тенденции империализма США, как гегемона миросистемы, представляются амбивалентными, неустойчивыми и сопряженными с рисками, как и роль транснациональной элиты в этих процессах.

2) Давление на демократию (совпавшее с широким распространением в мире институтов формальной демократии). В сознание стратегических элит проникло осознание того, что по выражению И. Валлерстайна, "чересчур дорогим стал тренд демократизации мировой системы как результата геокультуры, которая легитимирует его в расчете на политическую стабилизацию" [78]. Частичное отступление демократии (субстанциональной) неизбежно, так как: а) становится все меньше средств у общества и государства, б) вследствие внедрения индивидуалистической и социал-дарвинистской идеологии, разрушающей коллективизм и солидарность, в) вследствие общественного конфликта между населением, государством и бизнесом, поляризации интересов, разрушения прежнего социального порядка, г) растет значение экономической сферы, господствующий класс усиливает свои позиции (за счет государства), д) усиливается влияние на государства, политические и социальные институты, волеизъявления электоратов извне, влияние внешних сил и процессов, е) распыление во многих государствах важной составляющей демократии, а именно, наций, посредством транснационализации элиты, с одной стороны, и слабо контролируемых процессов миграции - с другой, ж) препятствием демократизации становится также деятельность международных финансовых и торговых институтов, навязываемая ими правительствам политика неолиберализма и открытых рынков, з) как следствие, давление конкуренции в мировом масштабе вынуждает правительства закрывать глаза на недовольство электоратов.

Как мы уже отмечали, несмотря на "третью волну" демократизации, во многих странах, пошедших по этому пути, подлинная демократизация не наступает, наоборот, наблюдается определенное движение в обратном направлении. К 70 гг. XX в. во многих регионах созрели тенденции и предпосылки к демократизации, однако они не осуществились в полной мере. Западные страны "приватизировали" демократию, увязали ее в своих интересах с неолиберальной экономикой, создав на этой базе т.н. "режим демократизации", вступая в который многие страны движутся фактически в обратном от демократии направлении.

3) Обширное обновление как господствующего класса, так и политической элиты, усиление позиций транснациональных акторов и бизнес-элиты, "массированное наступление богатых на власть" начиная с "неоконсервативной революции" [79], ее растущий отрыв от общества.

4.6. Вызов будущего: в ожидании новой НТР

Как уже отмечалось, для нового экономического подъема и реализации новой социальной парадигмы (возвращения социального государства), как и для новой конфигурации международных отношений, требуется осуществление полноценной НТР и тех структурных геополитических и геоэкономических последствий, которые она может вызвать. До этого времени, и это подтверждает модель Н. Кондратьева, текущее "полудепрессивное" состояние и обусловленные им последствия будут сохраняться.

В этой связи стоит отметить, что т.н. "[информационная революция](#)" не являлась НТР и очевидно ее влияние на ход мировых процессов было существенно переоценено. Рассмотрение информационной революции в качестве подлинной НТР представляется ошибочным, рынок и биржевые индексы давно доказали обратное [\[80\]](#), применение ИТ в производстве, а не сбыте, имеет достаточно ограниченный эффект. Информационная революция не имеет и социальной роли, присущей НТР - на ее основе не удастся построить более демократичное общество [\[81\]](#), поднять уровень жизни населения и обеспечить его права.

Вместо новой НТР произошло расширение миросистемы, включение в нее новых стран и их фактическое форсированное разграбление, элита пошла по экстенсивному пути экспансии миросистемы, предполагающему большие издержки, экстернализируемые за счет стран "периферии" и наиболее уязвимых слоев населения. Это, на наш взгляд, являлось основной причиной краткосрочного экономического бума начала 1990 - х гг.: в результате, странам Запада удалось отложить на некоторое время кризисные явления, которые вновь актуализировались в наше время.

В этой связи идет серьезная борьба и конкуренция за то, кто будет играть главную роль в осуществлении новой НТР, возможно, сопровождающейся и новой социальной парадигмой, и получит основные преимущества от ее реализации в результате наступления очередной экономической и технологической А-фазы. Эта конкуренция идет главным образом между тремя регионами: Североамериканском, Азиатским и [ЕС](#). Каждый из конкурентов старается посредством новых возможностей, предоставляемых глобализацией, "легально" экспортировать спад своих прибылей, инфляцию, безработицу и пр. в зону другого. Эта игра вдобавок сильно политизирована, поскольку одной из ее задач является стремление каждого региона сохранить свою политическую стабильность и силу. Более важной задачей является борьба за контроль над новыми отраслями потенциальной монопольной и высокоприбыльной продукции, так как именно эти производства станут основой очередного подъема. Есть опасения, что реализацию новой НТР на фоне деиндустриализации и бюджетных дефицитов развитых государств могут осуществить по своему сценарию транснациональные акторы, аккумулирующие технологии, производственные мощности и стратегически важные активы, и монопольно получать с этого разнообразные выгоды.

В этом отношении транснациональный бизнес и элиты западных государств выступают и в довольно реакционном, даже репрессивном качестве. Их цель - не допустить внезапных, неконтролируемых революций в технике. Самой консервативной сферой является энергетика нефти и газа, обеспечивающая сверхприбыль и стратегическое влияние на мировую конъюнктуру.

Представляется в преждевременным распространенное и почти общепринятое заключение о том, что в 1980 - 90-е гг. страны Запада, "несмотря на сохраняющийся циклический характер их хозяйственного развития и определенные социальные и политические трудности, преодолели наиболее болезненные противоречия и проблемы, которые угрожают стабильности западной цивилизации" [\[82\]](#). Основные обозначенные проблемы и противоречия не являются окончательно преодоленными, но лишь частично и временно сглаженными, а системный эффект их негативного воздействия был отложен на некоторый срок (ничтожный по историческим меркам) за счет огромной цены, заплаченной многими обществами. Допинг, полученный Западом после падения СССР за счет выкачивания из страны прибавочного продукта, запасенного за время социализма, иссякает, надвигается кризис в сфере обращения. Это подтверждают и кризисы 1990 - х гг. и обозначившаяся в целом неблагоприятная рыночная конъюнктура.

4.7. Заключение

В данной теме, основываясь на логике вышеизложенных научно-исследовательских подходов, были обозначены особенности процесса смещения власти и образования предпосылок для процессов экономической глобализации и транснационализации элит. Экономическая рецессия 1970 - х гг., достижение "пределов роста" индустриальной цивилизации, кризис сложившейся общественной модели, обозначение возможности экологического кризиса инициировали соответствующие изменения в структуре и сознании стратегических элит и ряд важнейших тенденций, в первую очередь изменение роли национальных государств, а также определили специфику реформационных процессов, запущенных в большинстве стран.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 4. Транснациональные элиты в логике миросистемного подхода

1. Каковы особенности стратификации в "миросистеме" И. Валлерстайна?
2. Какое место в современной миросистеме занимает Россия? Какие признаки сближают ее с "центром" а какие с "периферией"?
3. В чем, согласно мироанализу, проявляется специфика политического процесса на "периферии"?
4. Укажите особенности "третьей волны" демократизации.
5. Каковы условия успешной консолидации демократии в свете современных теорий мировой экономики?
6. Что такое циклы экономической конъюнктуры Н. Кондратьева?
7. В чем проявляется влияние смены "кондратьевских циклов" миросистемы на процессы элитообразования?
8. В чем состоит актуальность прогнозов И. Валлерстайна относительно России?
9. Что такое "неоконсервативная революция"?

Тема 5. Транснациональная элита как господствующий класс в современном мире

5.1. Классовый подход

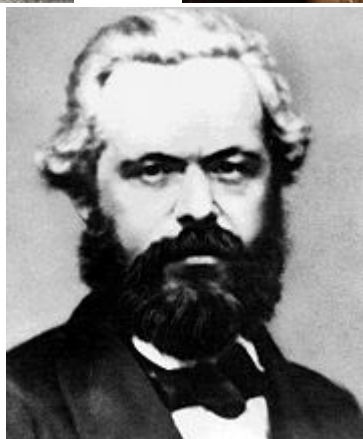
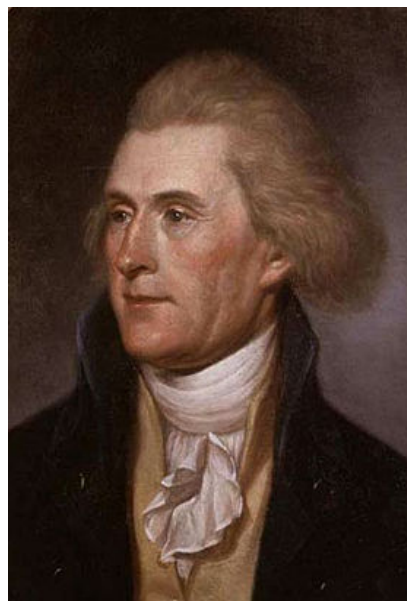
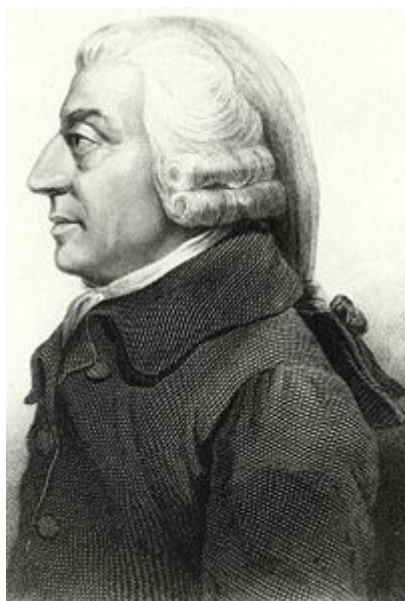
Возникновение [транснациональной элиты](#) началось в западных странах и было во многом обусловлено логикой капиталистического развития в рамках миросистемы. Поэтому логично обратить внимание на социально-политические явления, имевшие место в первую очередь в этих странах, тем более что они стали широко распространяться и воспроизводить себя по всему миру.

Традиционно среди политологов распространены 2 подхода к изучению [элиты](#):

1) Наиболее распространенный в среде непосредственно элитологов подход, рассматривающий [правлящую элиту](#) в отрыве от классовой структуры общества и, более того, противопоставляющий дихотомию элита - масса [марксистскому](#) учению о [классах](#) и классовой борьбе [1].

2) Подход, который можно назвать марксистским или классовым. Сторонники классового подхода склонны в целом отождествлять элиту и правящий класс. К нему относятся взгляды марксистских и неомарксистских элитологов, а также т.н. "макиавеллистской" школы и ряда других исследователей.

Оба вышеуказанных подхода уходят корнями в работы Н. Макиавелли, классический либерализм [А. Смита](#), Дж. Локка, Д. Юма, Ф. Хатчесона и др., и особенно в идеи "отцов - основателей" США и классиков "Федералиста" - [Т. Джефферсона](#), А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Дж. Джея и др.

Наибольший интерес для изучения транснациональных элит представляют теоретические положения классового подхода. Ведь подавляющее большинство человечества продолжает жить в классовом обществе. В русле марксистского подхода политические институты действуют не самостоятельно, а отражают более широкое распределение власти в обществе (внутри социально - экономической системы). Исследователи, принадлежащие к данному течению, традиционно не связаны условностями истеблишмента и ориентированы в первую очередь на вскрытие прагматического интереса господствующих классов. Доступ людей к власти - производный признак, вытекающий из социально-классовой дифференциации [2] [3]. Власть концентрируется в руках крупного капитала и зависимых от него элитных групп (в первую очередь политической и военной элиты). Так как, согласно классовому подходу, господствующий класс формируется, прежде всего, на основе собственности на средства производства и финансового могущества, то в современном мире он все в большей степени становится транснациональным (следовательно, власть переходит от национальных элит к транснациональному классу буржуазии). Таким образом, классовый подход может быть гносеологически эффективным для исследования транснациональной элиты.

Классовый взгляд на элиту получил широкое распространение начиная с А. Смита, указывавшего, что "главными архитекторами" политики в Британии являлись "купцы и мануфактурщики", использующие государственную власть ради обслуживания в первую очередь собственных интересов, какое бы воздействие это не производило на общество [4]. Они формируют общественные цели и "общие интересы", истинные или мнимые. При этом он указывал на возможную опасность захвата ими власти и

определения политики, что, по его мнению, может отрицательно сказаться на всем обществе. Яркой иллюстрацией данной модели являются США. "Отцы-основатели" США во многом повторяли идеи британской буржуазной элиты и ее идеологов. Господствующая доктрина была выражена президентом Континентального Конгресса и одним из авторов "Федералиста" Д. Джеем: "Люди, которым принадлежит страна, должны управлять ею". Многие исследователи сходятся во мнении, что конституция США была, по сути, аристократическим документом. Конституционная система должна была обеспечить "постоянные интересы страны", которые понимались в первую очередь как права собственников (как у Дж. Локка). Власть должна была достаться не "невежественным людям и плебейм", а "достойным мужам", автоматически наделяемым и выдающимися нормативными качествами [5]. Свобода отождествлялась с собственностью, недаром "Федералист" часто называли "гимном собственности". Народ, масса, должен быть отстранен от непосредственного участия в правлении (см. ст. 10, 63). Основы этой идеи выразил Дж. Мэдисон, противопоставляя "республику" и "чистую демократию" [6]. Дж. Мэдисон предлагал доверить политическую власть тем, "кто владеет богатством нации и представляет его", "более способному кругу людей". Интересы господствующего класса были положены в основу сложившейся политической системы, функции управления в значительной степени были сконцентрированы в его руках.

Интересен также тот факт, что уже с этого времени в США сформировались теневые закрытые сетевые организации элиты. Причем они были в определенном смысле транснациональными, так как имели связи с аналогичными европейскими организациями, в первую очередь в Великобритании и международным еврейским капиталом. Все "отцы-основатели" были высокопоставленными масонами, так же, как и руководители Конвента [7]. Рядом историков указывается на роль масонского ордена "Фи - Бета - Каппа" в формировании политической системы США [8]. Таким образом, элита была объединена не только по интересам, но и по ценностям.

В то же время неверно рассматривать сложившуюся систему как [олигархию](#). "Отцы-основатели" США не были олигархами (классические олигархии появились во 2-й половине XIX в.), они были представителями капиталистического класса, патриотами и стратегическими элитами в подлинном смысле этого слова. Наоборот, в систему были заложены действенные средства борьбы с олигархиями посредством стабильных демократических институтов и сильной исполнительной власти. Особую роль в этой системе играла государственная [бюрократия](#). "Отцы-основатели" американской демократии предостерегали и от потенциальных угроз для этой демократии, исходящих от банковской системы, финансового капитала [9]. Авторы конституции уделяли первостепенное значение политической стабильности [10], механизму разделения властей и согласования интересов различных социальных групп, особенно групп интересов в рамках самого господствующего класса. США были созданы как идеальная модель государственно - капиталистической демократии. Конституция доказала свое значение и с 27 поправками эффективно действует по настоящее время.

Таким образом, речь идет о структурном классовом господстве, а не власти олигархов, которых интересуют в первую очередь партикулярные интересы. Допуская значительное влияние бизнеса на политику, легализуя его, развитые страны не допускают в эту сферу нерезидентов, в то же время на "периферии" иностранный капитал часто может влиять на государство (особенно на исполнительную власть) больше, чем национальный.

В результате на рубеже XIX - XX вв. сложилась практически классическая система взаимодействия крупного капитала и политической сферы (при этом сфера капитала была совсем неоднородной). Эта система обозначила несколько основных уровней воздействия крупного бизнеса на политическую сферу в капиталистических государствах формальной демократии:

- 1) Самый универсальный механизм - создание или поддержка политических партий.
- 2) Воздействие на главу исполнительной власти (обычно через членов семьи или администрацию).
- 3) Воздействие на органы законодательной власти (т.н. [лоббизм](#))- самый распространенный вариант, давно легализованный и относительно прозрачный во многих странах.

4) Воздействие на решения правительства, т.е. коррупция в классическом виде.

5) Воздействие на суды и судебные решения (особенно арбитраж). В развитых странах правовая система является значительно более совершенной и препятствует широкому распространению этой практики. В то же время отлаженная юридическая система - завоевание сравнительно недавнего времени [11].

6) Контроль над СМИ (посредством прав собственности). Однако поскольку СМИ находятся главным образом в частных руках, то способны лишь воздействовать на власть, но не являются составной частью власти.

7) В настоящее время можно выделить еще один уровень - воздействие путем вовлечения международных институтов и организаций или мнения "мирового сообщества".

В XIX в. американское правительство не принимало никаких мер против олигархии. Однако такие возможности и предпосылки созрели в начале XX в., когда олигархия стала сдерживать развитие страны и правящая элита, возглавляемая Т. Рузвельтом, опираясь на бюрократию и поддержку населения, ограничила политическое и экономическое влияние крупного бизнеса, законодательно изменила "правила игры" и произвела демополизацию экономики [12].

В то же время, многими политологами, наряду с признанием неоспоримых плюсов данной модели, выдвигаются сомнения в демократичности ("эгалитарности") подобной модели демократии.

Например, Ч.Р. Миллс, автор концепции "властвующей элиты" ("power elite"), рисует пирамиду власти в США включающую 3 уровня: 1) высший - реальная власть, осуществляющаяся властвующей элитой, 2) средний - отражающий групповые интересы и играющий второстепенную роль, 3) низший - уровень фактического "бесправия масс" [13].

Конечно, неверно полагать, что "США управляет Уолл-стрит". Власть внутренне элитарна, но до определенной степени "дисперсна", ее оболочка демократична. Существующие устойчивые демократические институты, развитая бюрократия, волевой глава исполнительной власти (например, оба Рузвельта, Ф. Кеннеди, Р. Никсон и др.) способны серьезно ограничивать власть правящего класса. Тем не менее, такая модель является классической для классовых капиталистических обществ с развитой демократической традицией.

Согласно методологии классового подхода, господствующий класс не представляет собой абстрактную недифференцированную целостность, он включает в себя ряд слоев, политически активную и политически пассивную части, роль которых в обеспечении власти этого класса и особенно в политическом управлении различна. При этом классовый интерес осознается его членами и объединяет их. Для политического управления обществом господствующий класс может даже формировать политическую систему: создает политические партии и другие организации своего класса, формирует слой функционеров, лидеров, осуществляющих политическое руководство. Политическая власть гарантирует привилегированное положение класса, его контроль за средствами производства. Ту часть господствующего класса, которая

непосредственно осуществляет руководство обществом и обладает соответствующей квалификацией и легитимностью, определяют как политическую элиту (этот подход объясняет распространенный механизм перемещения элит с политических на экономические должности и обратно, более того, указывает на необходимость существования такого механизма). Господствующий класс порожден определенным способом производства материальных благ, правящая элита - это порождение и элемент политической системы общества [14].

В структуре правящего класса можно выделить определенные элементы:

1) политическую элиту, к которой можно отнести наиболее авторитетных, влиятельных и политически активных членов правящего класса, слой политических функционеров этого класса и бюрократии;

2) интеллектуалов - идеологов, вырабатывающих политическую [идеологию](#) класса.

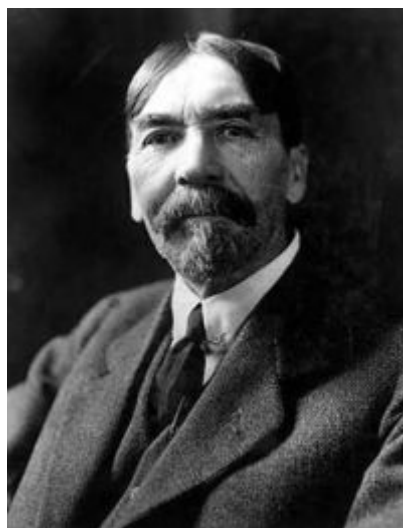
Как отмечает М. Нарта, "наиболее оправданным будет понимать под элитой специфические властно-политические группы, которые в условиях классово-антагонистического общества представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса" [15]. К управленческой деятельности правящий класс обычно привлекает и наиболее способных представителей других классов и слоев населения. Вошедшие в состав элиты "неофиты" интегрируются в господствующий класс.

Правящая элита, особенно в демократических государствах, состоит отнюдь не только из представителей господствующего класса, однако его представители стремятся в значительной степени подчинить и государство и общество своим интересам. Субстанциальная недемократичность такой "элитарной демократии" бросается в глаза, она хорошо изучена [16]. Основа [элитаризма](#) - полноправие правящего меньшинства, в то время как юридический принцип демократии - признание воли народа в качестве источника власти [17]. В этой связи в научном сообществе достаточно давно существуют серьезные сомнения [18] относительно самой возможности подлинно демократического правления, при котором народ является не объектом, а подлинным субъектом политического управления [19].

Капиталистический класс неоднороден, власть не является наследственной прерогативой узкого круга лиц, но он обладает высокой степенью интегрированности. А. Пиренн одним из первых показал, что эволюция капитализма не была плавным и последовательным развитием, а класс капиталистов постоянно обновлялся, особенно в результате значимых изменений условий (конъюнктуры) рынка, появления новых отраслей и открытия новых рынков, в связи с экономическими циклами. За одно или два поколения большинство капиталистических династий превращается из "приумножателей капитала", в лучшем случае в акционеров или инвесторов [20], утверждается новая генерация богачей, обладателей стратегически важных и наиболее прибыльных активов [21], усиливается их политическое влияние.

Эта динамика наглядно демонстрирует отмеченную выше закономерность смены циклов "властвующая элита" - "элитный плюрализм". Естественно, указанные процессы обретают значение в глобальном масштабе, причем импульсы исходят от стран "центра", основные тенденции заметны при их изучении.

Внутри господствующего класса существуют различные влиятельные группы с конкурирующими интересами, наблюдается борьба за влияние на власть и конкуренция за статус и место в нем. В то же время, в рамках этого класса, между его членами (например, менеджерами корпораций) существует множество непрозрачных механизмов координации действий и взаимной поддержки: экономической (например, широко распространен т.н. [bail out](#) [22], в том числе и за счет бюджетных средств), информационной, политической. Представители высших привилегированных классов образуют собственное закрытое элитарное общество, отгороженное и в значительной степени противопоставленное более широкому обществу. Они принципиально и демонстративно следуют стилю жизни, совершенно отличному от распространенного и общепринятого в обществе (эффект "демонстративного потребления", отмеченный [Т. Вебленом](#) применительно к представителям т.н. "[праздного класса](#)").

Экономической элитой современных капиталистических обществ выступают крупные собственники или их представители (СЕО крупных корпораций, главы банков и инвестиционных фондов, топ менеджеры и т.п.). Идеологи класса, деятели культуры и науки, создающие духовные ценности этого класса, владельцы средств массовых коммуникаций и т.д. составляют культурную (и идеологическую) элиту, причем значительная часть культурной элиты выходит за пределы господствующего класса. Транснационализировавшиеся элиты таким образом можно считать наиболее активной и успешной частью этого класса.

Большой интерес вызывает влияние (формальное и неформальное) господствующего класса на политическую сферу обществ.

Особенностью классового подхода является то, что он ставит под сомнение [альтиметрический критерий](#). Господствующий класс неизбежно должен выстроить неформальные или полуформальные механизмы влияния на принятие политических решений, не вписывающиеся в формальные рамки политической системы. Значительную роль в политическом процессе имеют такие механизмы, как поддержка или выдвижение определенных политиков и кандидатов, создание и поддержка политических партий, лоббизм, влияние [групп давления](#), т.н. [government relations](#), "[мягкие деньги](#)", неформальное воздействие на политическую элиту и пр. В современном мире растет значение неформального сектора и неформальных контактов и факторов в принятии политических решений (что в целом не является демократической тенденцией).

Осуществляя свои функции, правящая (политическая) элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную автономию по отношению к своему классу и обычно воспринимается не как проводник узкоклассового, но всеобщего интереса. Это не отменяет классовой природы элиты, но модифицирует и, в известной мере, маскирует ее, что и дает основание многим политологам говорить о бесклассовости элиты.

Как пишут Т. Дай и ряд других политологов, власть в капиталистических странах "структурна", т. е. не зависит от персональных изменений и других преходящих факторов, она прочно удерживается в руках элиты. Устойчивая политическая система, система каналов [рекрутирования](#) правящей элиты способствует обеспечению классового господства, "структурной" власти независимо от того, какая из ориентирующихся на сохранение капиталистических отношений политическая партия находится у власти.

Интересы бизнеса (и шире буржуазии и связанных с ней слоев) и общества, по определению, по многим пунктам не совпадают, и государство должно аппроксимировать эти интересы. Политическая элита не может и не должна полностью зависеть от бизнеса и подчиняться ему. В то же время использование политической власти в условиях рыночной экономики, по выражению Л. Туроу, "сродни хождению по проволоке под куполом цирка", т.к. постоянно приходится балансировать между различными группами интересов. Между обществом, государством и бизнесом постоянно достигаются компромиссы.

Политическая элита может опереться на население и говорить с бизнесом от лица всего остального общества.

Относительная самостоятельность правящей элиты по отношению к господствующему классу связана с различием, а порой и противоположностью интересов элементов этого класса. В то же время политические элиты концентрируют в своих руках несравненные властные возможности ("максимум власти") и у них есть возможность отнюдь не только лавировать между интересами отдельных групп и слоев правящего класса, но и принимать решения, против которых выступает большинство представителей этого класса (например, т.н. "новый курс" Ф. Рузвельта). История показывает, что часто политическая элита лучше понимает насущные и долгосрочные потребности самого господствующего класса (а также и всего общества), чем подавляющее большинство его членов.

5.2. Транснациональная элита как "господствующий класс" в современном мире

Небезосновательно экстраполировать эту системную связку "господствующий класс" - "правящая элита" на глобальный уровень.

В настоящее время происходит диффузия властного ресурса. На передовые позиции выходят экономические элиты, они обретают свободу и власть, каких никогда прежде не знали. Мировой рынок все чаще ставит под свою зависимость государства, причем под удар попадают не только страны "третьего мира".

В данный период, господствующий капиталистический класс в значительной мере транснационализируется, в то же время выделяемый рядом авторов как его подвид, транснациональный капиталистический класс приобретает все большее влияние. Грань между ними все в большей степени стирается. Как пишет [У. Бек](#), вследствие "расширения глобально дезорганизованного капитализма, его гегемония не насаждается властью - ни политической, ни экономической, <...> ...повседневная жизнь и действия перешагнули национально-государственные границы и покрыли государства плотной сетью взаимных зависимостей и обязанностей" [23]. Современный глобальный капитализм, таким образом, определяется как "не - привязанность к определенному месту общности, труда и капитала", манифестируется "наличие мирового общества без всемирного государства и без всемирного правительства" [24].

Как уже отмечалось, после достижения "пределов роста" бизнес разорвал прежний социальный контракт, скреплявший общество Модерна; транснационализовавшись в результате [глобализации](#), он еще больше отделился от общества и своих стран. Кроме того, он стал предельно жаден до "общественных" денег и на национальном, и на транснациональном уровне.

Крупный транснациональный бизнес все более стремится к временам практически неограниченного капитализма XIX в. В то же время втянувшиеся в глобализацию транснациональные элиты начали испытывать на себе болезненные кризисы того же типа, как и в XIX в. Глобальное высвобождение капитала превратилось в проблему не только для общества, но и для самой транснационализирующейся буржуазии. Реакцией ее правого крыла на противоречия разрегулированной глобализации являются также и экспансия "нового [империализма](#)", ограничение гражданских прав и свобод, в том числе и в развитых странах, ужесточение повседневной репрессивной практики капитализма - явления, явно актуализировавшиеся в последнее время.

Имеет место постоянная напряженность, вызванная конфликтом между интересами отдельных акторов и необходимостью сохранять единство. Цели элит, с одной стороны, являются предельно партикулярными, в то же время они заинтересованы в сохранении существующей системы, в эффективности механизмов согласования интересов.

Этот класс аккумулировал огромные материальные активы и финансовые средства, особенно в связи с глобализацией привлечения капитала. В то же время неверно утверждать, что почти все мировые богатства и экономические рычаги сосредоточены в руках буржуазии, это не так. Наоборот, ее позиции

довольно уязвимы, что заставляет ее опираться на политические элиты национальных государств и стремиться всячески защищать свою собственность и приобретать контроль над новыми активами (вплоть до провоцирования империалистических войн).

Здесь проходит различие между [бизнес-элитами](#) "центра" и "периферии". Последние не могут в той же степени опереться на свои государства для защиты своих деловых интересов, поэтому они являются в подлинном смысле маргинальными, ими можно легко манипулировать извне, они осознают свою уязвимость и часто обслуживают интересы других стран и иностранного капитала.

На наш взгляд, за экспансией транснационального бизнеса и стоящей за ним буржуазии можно увидеть не просто жадность отдельных элит, но безликий глобальный рынок, подчиняющийся собственной логике и оказывающий давление на страны. Система транснационального акционерного капитала, международных бирж, виртуального перемещения капиталов и глобальных инвестиционных возможностей создает особую модель капиталистической системы, являющейся самодовлеющим фактором, заставляющим элиты разных стран адаптироваться к ее нажиму.

С особой остротой проявляется грань между преимущественно национально ориентированной элитой государств и транснациональной - в первую очередь глобального бизнеса, мировой капиталистической системы, хотя они достаточно тесно переплелись между собой. Транснациональная буржуазия в данный момент является единственным транснациональным классом. Политическая элита преимущественно остается национальной.

В то же время, в связи с процессом глобализации, заметна децентрализация и деконцентрация власти. Н. Хансен справедливо отмечает: "Сегодня мир, почти лишенный путевой нити, пытается наощупь найти новый баланс, новое соотношение сил между государством, рынком и гражданским обществом" [25]. Как утверждают апологеты глобализации, "мировая политика будет вращаться вокруг глобальной экономики. А главные международные разграничительные линии будут проходить не между цивилизациями, а между теми, кто либо отверг ее (как Афганистан или Северная Корея), либо по той или иной причине оказался неспособным играть по ее правилам (как Россия или Эквадор)" [26].

В современном мире поднимаются вопросы и о глобальном экономическом и политическом управлении с использованием соответствующих международных институтов и организаций (политических (ООН), экономических (МВФ, ВТО), правовых). Отмечен рост влияния между- и наднациональных экономических, политических и военных организаций, которые все больше получают статус действующих лиц мировой политики, что, как отмечается некоторыми исследователями, неизбежно ведет, в том числе, и к усилению хаотичности в принятии решений этими организациями, что негативно влияет на возможности глобальной стратегической стабилизации [27]. Настойчиво указывается на уход национальных государств из традиционных сфер [28] [29]. Миру предлагается согласиться на слом старых государственных границ и широкое предоставление права национального самоопределения [30]. Утверждается прогрессирующий хаос в сообществе национальных государств. М. Ван Кревелд констатирует: "Наиболее характерным процессом нашего времени является политическое расщепление, децентрализация и даже дезинтеграция современных государств. <...> Природа политики подвергается изменению. Каждый раз, когда возникает новая [международная организация](#), все большее число государств чувствует себя попавшими в тенета этих организаций. Процесс расщепления идет в ущерб государственным структурам, способствуя огромному росту значимости таких организаций как [ТНК](#), [НПО](#) и [СМИ](#). Этот процесс отбрасывает нас в Средние века. Место императора начинает занимать президент США, а место римского папы - Генеральный секретарь ООН. Первый владеет военной силой, а второй желает властвовать над общественным мнением" [31].

Д. Харви видит в настоящее время главное противоречие капитализма в мировом характере накопления при отсутствии координационного аппарата - мирового правительства. [Форум в Давосе](#), по его мнению, пока светский раут, а не "исполнительный комитет буржуазии" [32]. Об этом пишет и У. Бек: "Мировое общество без мирового государства подразумевает общество, организованное не на политической основе, общество, в котором для не узаконенных демократическим путем организаций появляются новые властные возможности" [33].

Согласно логике такого подхода, у господствующего класса должна быть своя система циркуляции и кооптации элит, связь между звеньями и свои координационные органы, ответственные за принятие стратегических решений.

Транснациональная буржуазия образуется всюду, по мере накопления в каждом обществе, она начинает захват власти, точнее, говоря языком О. Тоффлера, происходит "смещение" власти [34]. У нее существует собственная идеология и своя система ценностей, которые она распространяет, одновременно дискредитируя другие системы ценностей.

В тех странах, где власть "смещается" в пользу транснациональной буржуазии, и нет действенных механизмов ее ограничения, государство выражает в первую очередь ее интересы. Госслужащим и политическим элитам предлагается "обуржуазиться", стать частью этого класса, принять его идеологию и играть по его правилам и в его интересах. Публичная сфера политики, выборы нередко превращается в маркетинг, в политический спектакль. Связь политических элит с господствующим классом в частности проявляется в валентности "полей" бизнеса и политики. Они по всему миру отстаивают и распространяют интересы и ценности этого класса (но также и государства, которому служат политические элиты, являющиеся по идее представителями всего общества). Интересы общества и бизнеса они в целом синхронизируют. В западных странах и политические и экономические элиты традиционно заинтересованы в сохранении и распространении миросистемы. Если последовательно придерживаться этой методологии, западные политические элиты - это стратегические элиты транснационального правящего класса, которые могут оказывать влияние на ход процессов по всему миру. "Западнизированные" элиты развивающихся стран можно рассматривать как агентов на местах, подобно главам региональных филиалов ТНК.

Однако далеко не вся политическая и бюрократическая элита принимает такие правила игры. Не всех устраивает доминирование господствующего класса. В руках государства сосредоточены огромные ресурсы и властные возможности и полномочия (как юридические, так и силовые), они сохраняют свой суверенитет [35]. Общество также параллельно оказывает сопротивление (хотя бы даже символическое) растущему влиянию экономических и транснациональных акторов (которых никто не избирал) на политическую сферу и навязываемой ими неолиберальной политике, разрушающей сложившийся жизненный порядок. Э. Гидденс пишет об этом конфликте так: "Глобализаторы-космополиты атакуют ретроградов-фундаменталистов, которые пытаются сохранить рушащиеся традиции" [36]. Неудивительно, что новый конфликт традиции и инновации в незападных странах, приобретающий также характер конфликта "западников" и "почвенников", распространяется по всему миру. Однако "почвенники" в большинстве стран мало что могут противопоставить своим оппонентам. Несмотря на напоминания о великих национальных традициях и "особой роли" государства, призыв к изоляции и закрытости в стандартном светском обществе не вызывает одобрения масс по целому ряду причин.

Как мы уже отмечали, образовался и все более расширяется конфликт между демократией и глобальным капитализмом, что отмечают многие авторы [37]. Например, Л. Туроу так формулирует суть этого конфликта: "Демократия и капитализм по-разному понимают, как должна быть распределена власть.

Демократия подразумевает абсолютное равенство политических прав - "один человек, один голос", тогда как капитализм исходит из того, что экономически сильный должен вытеснить слабого и довести его до хозяйственного краха. "Выживание сильнейших" и неравенство покупательной способности составляют суть экономической эффективности при капитализме. Люди и фирмы стремятся достичь эффективности ради обогащения. В крайних своих проявлениях он сопоставим с рабством. Демократия же несовместима с рабством" [38]. Далее он отмечает: "В демократическом капиталистическом обществе существуют два источника власти - богатство и положение в политической иерархии. В течение последних двух столетий действовали два фактора, позволявшие сосуществовать этим двум системам, основанным на противоположных принципах распределения власти. Во - первых, всегда можно было превратить экономическую власть в политическую и наоборот - политическую власть в экономическую. Во - вторых, правительство активно использовалось в целях регулирования деятельности рынка и более равномерного распределения доходов. Без взаимодействия этих двух факторов давно уже образовалась бы зияющая пропасть между демократическим и капиталистическим принципом распределения власти" [39].

И в странах "ядра" миросистемы и в странах "полупериферии" роль транснационального капитала и ТНК возрастает, равно как и влияние крупного бизнеса на политический процесс. Государства испытывают хроническую нехватку средств. Таким образом, все больший объем власти переходит от национальных правительств к национальным и транснациональным акторам, которые действуют в рамках принципиально иной логики. Главное для них - партикулярные интересы и рыночная эффективность. Этот процесс позволяет многим авторам (прежде всего европейским, так как эти процессы отчетливо заметны в Европе) говорить об атаке на уже устоявшуюся демократию [40]. Во многих странах происходит не рост, а размытие, сокращение среднего класса как количественное, так и с точки зрения его роли в принятии политических решений. Часто обусловленная глобализацией погоня за конкурентоспособностью ставит страны перед лицом "альтернативы без выбора", вынуждает правительства принимать непопулярные меры, прежде всего в интересах бизнеса, тем самым девальвируя волеизъявления электоратов.

В. Федотова отмечает: "Главный враг демократии, раковая опухоль западных обществ - либертаризм, требование неограниченной свободы, которое разрушает общественную солидарность и нормы. Опухоль кажется доброкачественной, так как с точки зрения природы никто не может запретить многообразия новых стилей жизни. Но опыт истории дает примеры гибели богатых обществ из-за отсутствия ценностно-нормативного консенсуса. Открывшиеся возможности свободы оказались столь соблазнительными, что западный капитализм начал отходить от своих веберовских и хайковских начал, ориентирующих его на экономическую рациональность и конкурентоспособность, без которых инновативность обретала черты погони за все новыми благами, доходами и видами удовольствий" [4].

Интересной представляется позиция [Дж. Сороса](#), он пишет: "В утверждении, что капитализм ведет к демократии, кроется некая фундаментальная проблема. В системе мирового капитализма отсутствуют силы, которые могли бы толкать отдельные страны в направлении демократии. <...> Чтобы не погрешить перед истиной, надо сказать, что связь между капитализмом и демократией в лучшем случае незначительная. Здесь различные ставки: целью капитализма является благосостояние, демократии - политическая власть. Критерии, по которым оцениваются ставки, также различаются: для капитализма единица исчисления - деньги, для демократии - голоса граждан. Интересы, которые, как предполагается, должны удовлетворять эти системы, разнятся: для капитализма - это частные интересы, для демократии - общественный интерес. В США напряженность между капитализмом и демократией символизируют уже ставшие притчей во языцех конфликты между Уолл-стрит и Мэйн-стрит" [42].

Многие авторы отмечают стремление к захвату власти транснациональной элитой, преимущественно понимаемой как бизнес-сообщество. [С. Хантингтон](#) замечает: "Архитекторы власти в США должны создать силу, которую можно будет ощутить, но не увидеть. Власть остается сильной, если она остается в потемках; при солнечном свете она начинает испаряться" [43]. Поднимаются дискурсы о возникновении некоей новой глобальной модели тоталитаризма [44] или о появлении вместо демократии "множества рассогласованных и разнузданных тоталитарных практик" [45].

[А. Панарин](#) предупреждал об угрозе "экономического тоталитаризма". Он отмечал у экономической элиты ("экономической власти") те черты, которые составляют структуру тоталитарного комплекса:

1) тоталитарная структура не признает законную оппозицию, претендуя на монополию власти и монополию истины; 2) она отрицает принцип разделения власти, не признавая никаких сдержек и противовесов; 3) тоталитарная власть, не довольствуясь одним механическим повиновением подданных, требует от них энтузиазма. Ей мало контролировать поведение - она желает контролировать помыслы граждан, требуя от них безусловной, экзальтированной веры.

А. Панарин отмечает, что такой тип власти, диктат экономической сферы, близкий к архаичным деспотическим формам власти имманентно сосуществует в демократией в западных странах и в последнее время выходит из под контроля и распространяет свое влияние на весь мир [\[46\]](#).

Похожей позиции придерживается и [Н. Хомский](#), утверждая, что "ради обмана общественности" и исключая ее из процесса принятия решений, элитам проще вести тайные переговоры. С этим борется гражданское общество как напрямую, так и посредством различных организаций и ассоциаций, представители законодательной власти и т.д.

Н. Хомский предполагает, что для демократии в современных капиталистических обществах все более характерно выделение "достойных" и "недостойных" избирателей, полагая, что основу первых составляют в первую очередь представители делового мира. Соглашения и сферы, касающиеся регулирования международных отношений, миросистемы, глобальных и транснациональных процессов, очевидно, решаются и регулируются самими элитами, закрытым образом, без участия электоратов, т.е. недемократическим путем, что неизбежно [\[47\]](#). Создается своего рода "виртуальный сенат", в котором обладающий высокой концентрацией капитал будет навязывать собственную социальную политику недовольному населению, наказывая отклоняющиеся от нее правительства бегством капиталов.

По мнению Н. Хомского, населению предоставляется роль "зрителей", но не "участников" в политической сфере. В демократии "управляемые" имеют право только на согласие. Таким образом, выборы, особенно на высоком уровне, остаются по сути плебисцитарными. Однако население (широкая общественность) удалено с экономической арены [\[48\]](#), где в значительной степени определяется то, что происходит в обществе.

Впрочем, представляется неверным сводить сложные тенденции современности к доминированию экономики. Как уже отмечалось, происходит именно инверсия экономики и политики, их взаимопереплетение, особенно на уровне элит. В этой связи можно говорить о "коллективной ответственности" элит. В частности, [Д. Пилджер](#) предупреждает об опасности "умеренной" точки зрения, которая не желает принять во внимание "неприкрытую алчность" государственной власти: "Последний крик моды в СМИ - заявлять, что мир попал в руки огромных ТНК, ни перед кем не ответственных, а правительства низведены до роли угодливых лакеев большого бизнеса. Это лишает доводы против глобализации политического смысла, кроме этого, из виду упускается усиление власти государства на Западе" [\[49\]](#).

"Глобализация означает не бессилие государства",- пишет [Б. Кагарлицкий](#), - "а отказ от смягчения общественных противоречий ради усиления машины подавления, безответственность правительств и конец демократических свобод" [\[50\]](#). [Д. Пилджер](#) отмечает: "Иллюзия ослабевающего государства завораживает, но на самом деле, это дымовая завеса, пущенная создателями современной централизованной власти. М. Тэтчер собирала в кулак исполнительную власть, утверждая прямо противоположное, Т. Блэр делает то же самое. Объединение Европы задумано для расширения пределов государственной власти. Китай привечает "свободный" рынок, укрепляя огромный государственный механизм. Американское правительство никогда раньше не было столь полномочным. Замечание, что [Дж. Буш](#) "пресмыкается перед крупными энергетическими корпорациями", наивно. Короли нефти, как и короли оружия и продовольствия, всегда были заодно с обитателями Белого дома и правительством США. Их просто не различишь. Без господдержки некоторые крупнейшие корпорации давно лопнули бы" [\[51\]](#).

Многие авторы справедливо призывают не преувеличивать самостоятельную сущность ТНК. При всей их космополитичности практически о каждой из ТНК можно твердо сказать, где ее подлинная штаб-квартира, кому она платит налоги, чей флаг приветствует, какое правительство считает своим и т.д. Критики глобалистских теорий указывают, что столь громко декларируемая интернациональность, космополитизм крупных компаний - определение, не соответствующее действительности [52]. Среди крупнейших корпораций мира нет ни одной, национальная принадлежность которой была бы не ясна, которая являлась бы просто глобальной. По всем параметрам компании легко прослеживается ее принадлежность.

Неизбежно возникновение конфликтов между национальным и транснациональным капиталом (что зависит от уровня развития страны и типа экономики) по поводу интересов и ценностей. С этой точки зрения, разница между странами заключается и в силе и развитости гражданского общества, устойчивости и полномочиях политических институтов, уровне государственного аппарата, что в значительной мере определяет уровень сопротивляемости общества. При этом экономическое и социально - политическое давление на население в развитых странах значительно ниже, чем на "периферии", они получают значительную часть прибылей, полученных ТНК в других странах, для них поддерживается стабильно низкий уровень цен на многие товары, у них есть больше возможностей для самореализации в новых условиях и пр.

Самостоятельность политической элиты по отношению к господствующему классу в разных странах может быть различной, что зависит от многих факторов. На "периферии" элитам сложно консолидировать интересы всего общества и господствующего класса, они могут вставать на его сторону, и тогда им приходится подавлять массы. Там вполне возможно подчинение государства бизнесу, что помимо расцвета коррупции способно превратить государство в простой и грубый инструмент реализации коммерческих интересов [53].

В западных странах и на "периферии" могут различаться модели отношений господствующего класса и политической элиты. Если на "периферии" буржуазия в значительной мере экстерниоризирована, ориентирована вовне, а государство может быть слабым и коррумпированным, гражданское общество немногочисленное и слабое, то в "центре" сильны позиции гражданского общества, государственный аппарат может быть сильным, правовая система более эффективной, а демократические институты устойчивыми, бизнес более патриотичен.

С этой точки зрения особого внимания заслуживает тот факт, что на "периферии" местные элиты, национальная буржуазия становятся всё более тесно связаны с глобальными, особенно с западными элитами. Так, У. Робинсон отмечал появление и широкое распространение "транснациональной буржуазии" [54] в "периферийных" странах. В отличие от прежних элит, тесно связанных с национальной культурой, традициями и образом жизни, новая транснациональная элита воспринимает себя скорее как часть мирового правящего класса. Местная принадлежность все чаще рассматривается как второстепенное обстоятельство, ее капитал и бизнес неотделимы от глобального рынка, для них имеет большое значение глобальный потребительский рынок, "аттракторы", производимые за рубежом. В отличие от национальной элиты и буржуазии прошлого, транснациональные элиты не собираются конфликтовать с "имперскими" правящими классами, бороться за независимость и отстаивать культурную самобытность. В настоящее время потенциал сопротивления национальных экономических и политических элит большинства "периферийных" стран в значительной мере исчерпан, что объясняется на наш взгляд целенаправленным и разносторонним воздействием на них извне и дискредитацией альтернативных парадигм развития [55].

В свою очередь, население испытывает по отношению к транснациональным элитам растущую неприязнь, так как они маргинальны по отношению к обществу, в котором живут. Это своего рода привилегированные глобальные неококевники, рассматривающие любое общество, в котором им довелось разместиться, как источник ресурсов, внешнюю среду, не имеющую значительной самостоятельной ценности. Ряд исследователей указывают на возможный центр противостояния между транснациональной элитой (капиталистическим классом) и средним классом, при том, что государственная бюрократия все в большей степени становится на сторону первой.

Эпоха глобализации породила новый средний класс, часть которого тождественна понятию транснациональной [субэлиты](#). Часть его может сохранить прежние идентичности, часть инкорпорировать новые космополитические ценности и идентичности (существует особое обозначение "homo economicus"). По основным социально-экономическим критериям новый средний класс во всех странах находится в числе выигравших от общественных трансформаций последнего времени (особенно от глобализации), хотя его доля в каждом обществе различна [\[56\]](#). Этот средний класс состоит из противоречий: является одновременно "глобальным" и "локальным", он включен в мировую систему взаимосвязей и привязан к национальным культурам, он пользуется современными технологиями, но страдает и от трудностей повседневной жизни в "периферийной" стране.

Однако средний класс теряет политическое влияние по мере ослабления национального государства и форсирования процессов глобализации. Он не имеет даже контроля над собственной работой, собственным будущим - неустойчивость мировой экономики оборачивается для его представителей личными драмами. Таким образом, благополучие среднего класса уязвимо и неустойчиво, и неустойчивость возрастает по мере развития глобализованного капитализма. Все более очевидными становятся проблемы и противоречия восторжествовавшей неolibеральной системы, и чем острее кризис, тем дальше расходятся пути элит и средних слоев. Средний класс подвергается [имплозии](#): часть его сохраняет свои позиции или поднимается выше, часть - опускается ниже, теряет способность поддерживать уже достигнутый уровень.

В отличие от транснациональной буржуазии, средний класс, даже в эпоху глобализации, не может полностью оторваться от своих корней. Его представители могут более или менее свободно перемещаться по миру в поисках работы, но они не могут так же свободно перемещать свою собственность, более того, чем больше они достигли, тем больше они привязываются к одному месту. При всей стандартизации, быт среднего класса отнюдь не однороден глобально. Все более очевидным среднему классу, как основе гражданского общества (в частности рядовым держателям акций), становится классовый интерес крупнейших ТНК и экономических акторов, что может привести к развитию конфликта между ними и дискредитации всей системы капиталистического "доверия", к которому так призывал Ф. Фукуяма [\[57\]](#). Пока система развивается успешно, средний класс может выполнять роль связующего звена между транснациональной элитой и обществом. Но, в условиях кризиса или стагнирования социальной деградации, средний класс готов "предъявить счет" элитам от имени общества. В ряде стран основной конфликт разгорается между людьми, по выражению [А. Паршева](#), стремящимися вывезти из страны все активы, а затем уехать, и теми, кто собирается в стране оставаться [\[58\]](#).

Неудивительно, что, казалось бы, традиционная опора господствующего класса, средний класс, может становиться источником проблем (в своей лучшей части), т.н. ["антиглобализационные движения"](#)

(например, в Сиэттле, Праге, на форумах ВТО, или совещаниях в Давосе, или демонстрации против империалистических войн) представляют собой движение части среднего класса, повернувшейся против транснациональных элит.

Д. Кортен призывает средний класс солидаризироваться и активизировать политическую деятельность: "В данной ситуации мне кажется, что только гражданское общество может изменить процесс. Подобные встречи в ООН дают возможность для создания международного гражданского сообщества, интернационализации гражданского движения. Оно должно стать политической силой - чтобы люди получили назад власть, которую их правительства отдали бизнесу. Сейчас задача общественных организаций - показать людям, что есть альтернатива нынешнему пути развития и что существующие институты власти можно и нужно сделать действительно подотчетными обществу" [59].

Тем не менее средний класс и пролетариат в современном мире не представляются нам надежными союзниками. Сопротивление реформам со стороны широких слоев населения и части среднего класса может канализироваться популистскими политическими движениями.

Итак, экономическая поляризация общества усиливается, экономическая элита все более богатеет, обретает глобальную свободу и сокращает зависимость от государств. Политическая элита все большего количества национальных государств становится более податливой и управляемой. Благодаря "информационной революции" и современным средствам связи капиталы становятся моментально перемещаемыми, виртуальными.

З. Бауман делает следующий вывод: "Элиты разных стран сейчас консолидируются в общество имущих, чтобы защищать от остальных захваченные богатства. Даже в обыденной жизни они отгораживаются от общества высокими заборами, вооруженной охраной, а "неблагонадежных" членов общества изолируют в тюрьмы. <...> После окончания войны за пространство самым мощным и вожделенным фактором расслоения в мире стала мобильность..." [60]. Характерной становится "экстерриториальность новой элиты и территориальность, насильно навязанная остальным" [61].

Таким образом, можно сделать вывод, что в современном мире транснациональные элиты являются важнейшими субъектами политики. Хотя они пока не определяют ход всего мирового процесса, но, очевидно, оказывают на него сильнейшее за всю историю влияние, если учесть такие описанные выше явления, как "давосская культура", концепция "золотого миллиарда", ТНК, растущая безработица, распыление властного ресурса, утрата суверенитета национальными государствами и т.д.

Однако представляется важным также рассмотреть характер, состав и структуру нового господствующего класса, современные научные подходы к его рассмотрению, фиксирующие новые тенденции и явления. Если рассматривать транснациональную элиту прежде всего как класс, необходимо выявить его особенности. Однако следует отметить, что ряд авторов, в целом разделяя классовый взгляд на происхождение элиты, считает, что применение по отношению к ней понятия класс устарело или является неоправданным. В этой связи представляется оправданным также изложить концепции "абстрактного общества" и "сетевого общества".

В социальных науках понятие класс описывает место определенной группы людей в системе неравенства и дифференциации, в сопряженной с ней совокупности связей и отношений, а также иерархию субъектов функционирования социальных институтов. Деление на классы осуществляется по социально -

экономическому основанию - обладанию собственностью или доступом к власти, а, как следствие, профессиональными, образовательными, культурными и идеологическими отличиями [62].

В последние десятилетия, как отмечают многие исследователи, мир столкнулся с изменениями капиталистического класса. В контексте его транснационализации выдвигается ряд различных концепций, манифестирующих образование "транснационального капиталистического класса" (Л. Склэр), "новой буржуазии в глобальном мире" (А. Панарин) или "транснационального гражданского общества" (У. Бек), "новой мировой буржуазии" (Дж. Розенау) и др. Транснациональная элита - это важный, наиболее динамично развивающийся сегмент господствующего класса. В мире, где, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса "буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим" [63], именно класс транснациональных экономических акторов должен доминировать в классовой структуре.

Возможен самый простой вариант определения его состава - автоматически заносить всех легальных долларовых миллионеров в этот класс, представляя его как "общество имущих", в той или иной степени связанных с глобальным рынком (в таком случае их число можно определить примерно в 10 млн. человек, плюс члены семей [64]), а долларовых миллиардеров и самых богатых людей мира считать стратегической "суперэлитой", но это представляется нам существенным упрощением. В результате такой аппроксимации получается схема, близкая к классической, практически неограниченной олигархии, "власти денег" в глобальном масштабе, что не соответствует действительности.

Для анализа необходимо использовать субстанциальные признаки класса. Согласно марксизму, это в первую очередь контроль над средствами производства, все более перемещающийся к транснациональным акторам, принимающим управленческие решения в глобальном масштабе и распоряжающихся средствами, привлеченными из разных стран. Наличие идеологии, социально - политическое влияние, капитал, личное богатство, осознание классовых интересов, общая система ценностей - основные признаки принадлежности к господствующему классу.

А. Панарин предлагал в контексте глобализационных тенденций расширить понятие "средств производства", владение которыми традиционно характеризует положение господствующих классов. Он отмечает: "Теперь, по всей видимости, речь должна идти о средствах обеспечения предельной транснациональной мобильности, ибо постмодернистская эпоха - это реванш мобильных над укорененными, релятивистов - над фундаменталистами. В частности, преимущества транснациональных корпораций над национальными сегодня измеряются не столько прежними критериями, относящимися к размеру капитала и других мобилизованных ресурсов, сколько критериями самой экстерриториальности - свободы от вынужденной подчиненности нормам и социальному контролю" [65].

Транснационализация капиталистической элиты представляет собой диалектический процесс, в котором присутствуют два начала: творческое и разрушительное, имеются положительные и отрицательные моменты. От того, какое из двух начал или основных факторов мотивации преобладает, зависит облик конкретной модели капитализма. Бизнес элита, как класс, может быть ориентирована на творчество и развитие (например, в сфере высоких технологий), а может беспринципно преследовать партикулярные, трофеистские и по своему воздействию деструктивные цели (например, в сфере спекулятивных операций). Эти разные типы элиты преобладают на разных полюсах миросистемы, хотя и сосуществуют в рамках каждой сферы. В сложившейся системе "качество" элит, равно как и их самостоятельность в проведении политики, довольно жестко соответствует уровню научно - экономического развития страны. Двойственность проявляется, например, в том, что ТНК, с одной стороны, производя необходимые товары и стимулируя НТП, с другой стороны, стремятся сокращать число рабочих мест и объем уплачиваемых налогов. Можно, например, противопоставить их на примере R&D отделов современных ТНК, с одной стороны, и маркетинговых и юридических отделов с другой. С одной стороны, преимущественно технократы, ориентированные на творчество, развитие и расширение возможностей, с другой - жесткие и прагматичные менеджеры, ориентированные исключительно на извлечение прибыли или "оптимизацию" налогообложения. Тем не менее - это представители одного класса.

Говоря о положительных сторонах описываемого нами явления, следует отметить возросшую горизонтальную мобильность (при слабом изменении вертикальной) и интернационализацию, приводящие к тому, что представители разных стран и национальностей могут занимать высокие посты в ТНК и других странах, в различных международных организациях. В целом ничего революционно нового здесь нет: XX в., как полагают многие, был веком миграции. Значительное количество представителей современной элиты были родом из мигрантских семей, среди элиты всегда было множество полукровок. Однако в связи с процессом глобализации эти процессы интенсифицировались. Как указывает Р. Стил, "когда американец валлийского происхождения становится руководителем корпорации Sony, то подобный интернационализм - или пусть даже глобализация - мне по душе" [66].

Однако в данных процессах заключается много опасностей и вызовов. Интернационализация элиты имеет свойство осуществляться "против кого-то", в данном случае против широких слоев населения, национальных государств и общепринятых культурных ценностей. Союз зачастую маргинальных индивидов с хищными и асоциальными установками, с целью получения больших денег и удовлетворения амбиций (естественно, мы не переносим автоматически эти качества на представителей данного класса), даже если они разных рас и вероисповеданий не вызывает интернационалистского умиления.

На первый взгляд, нельзя назвать этот класс по-настоящему сплоченным, можно подумать, что он имеет только экономический, безыдейный характер, однако это не совсем так. В рамках транснациональной элиты присутствует собственная иерархия. Ранжирование людей и социальных групп, согласно марксизму, идет по уровню собственности на средства производства или распоряжения ими, участия в выработке классовой идеологии и реализации классовых интересов. В этой связи обращает на себя внимание характерная особенность изменившегося капитализма, а именно: появление влиятельной социальной группы - менеджеров - профессиональных управляющих активами, параллельно с "виртуализацией" капитала. Это привело к тому, что собственники (т.е. "классические капиталисты") все в большей степени вверяют управление своими активами, принятие стратегических решений топ-менеджерам. Возникли разнообразные концепции, сводящиеся к тому, что основу господствующего класса составляют топ-менеджеры корпораций, захватившие власть.

5.3. "Менеджерская революция" Дж. Бернхэма

Так, согласно концепции "менеджерской революции" Дж. Бернхэма, к власти должен прийти новый "правящий класс" - элита управляющих. Ссылаясь на концепцию о разделении собственности и контроля, автор, как в последствии многие другие исследователи, полагал, что происходит отчуждение функции управления от функции собственности и что первая приобретает решающее значение, подлинной элитой оказываются не акционеры, а исполнительные директора (CEO) корпораций, так как собственники контролируют капитал косвенно, а менеджеры - непосредственно. Автор предупреждал о возможном появлении особого типа "корпоративной эксплуатации" [67].

Действительно, в связи с глобализацией эти тенденции актуализировались, акционерный капитал стал еще более дисперсным, а слой топ-менеджеров - подлинно транснациональным. Владельцы ТНК часто не могут контролировать действия своих топ-менеджеров и к тому же вынуждены считаться с мнением многочисленных миноритарных акционеров. Трудно сказать, кому принадлежит компания Coca-Cola. Среди юридических владельцев компаний могут оказаться пенсионные фонды, инвестиционные банки из разных стран, либо, по выражению М. Кастельса, "прохожий на улице Сингапура, вкладывающий средства в аргентинский рынок с помощью банковского автомата" [68]. Однако процесс отделения собственности на капитал от приложения капитала не означает перехода власти (тем более политического влияния) от собственников к менеджерам. Элита менеджеров вербуетя из высших классов (при этом большое значение имеет и соответствующее элитное образование), они контролируют только отдельные корпорации или отрасли.

В связи с глобализацией действительно актуализировался вопрос о том, кому принадлежит реальная власть в управлении корпорациями. Одно время речь шла даже о кризисе корпоративного

управления [69]. С одной стороны, топ-менеджеры крупнейших корпораций создали собственное лобби, стремящееся затруднить возможность для держателей акций номинировать кандидатов в совет директоров, нередко им удается блокировать резолюции акционеров. Однако это во многом объясняется тем, что сами держатели акций, как правило, редко вмешиваются в дела топ-менеджеров, осуществляющих управление их фирмами, хотя имеют для этого необходимые юридические возможности.

В целом, как отмечает журнал The Economist, дисбаланс в системе корпоративного управления в США конца 90-х гг. XX в., в последние годы скорректирован. Государство, и особенно прокуратура, могут легко устранить этот дисбаланс и привести к отставке "возомнивших себя абсолютными монархами" [70] топ-менеджеров (чему способствует, например, недавно принятый известный [закон "Сарбанеса-Оксли"](#)). Аналоги этого закона впоследствии могут быть приняты и в странах ЕС.

5.4. Концепция "Транснационального капиталистического класса" Л. Скэра

Значительно интереснее выглядят современные, методологически проработанные социологические подходы к интересующему нас понятию. Среди последних следует выделить концепцию Л. Скэра. Автор предложил понятие транснационального капиталистического класса (ТКК) как социальной группы и структуры, оказывающей влияние на транснациональное предпринимательство и играющей активную роль в процессе глобализации. Субстанциальной особенностью этого класса является стремление "отстаивать интересы глобального капитала больше, нежели любого национального государства" [71]. Транснациональный капиталистический класс, по его мнению, имеет возможности реализации собственных интересов, превышающие возможности любых других социальных классов.

Этот класс имеет собственную иерархию, а его члены могут занимать различные позиции в разных сферах на национальном и глобальном уровнях. Он состоит не только из лиц, связанных с ТНК и корпоративным сектором, но также и из других социальных групп. Автор делит транснациональный капиталистический класс на четыре части:

- корпоративная фракция (сотрудники ТНК и их местных филиалов и подразделений);
- глобализирующиеся бюрократы и политики (государственная фракция);
- глобализирующиеся специалисты (техническая фракция);
- сектор торговли и масс-медиа (потребительская фракция).

Эти фракции демонстрируют различные типы капитала, которые мобилизуются для достижения интересов глобальной капиталистической системы.

Л. Скэр также определяет 4 цели этого класса:

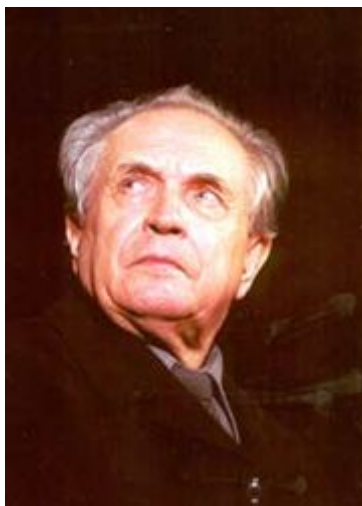
- он претендует на контроль над процессами глобализации,
- он стремится доминировать в ряде социальных сфер,
- еще одна цель - распространять идеологию [консьюмеризма](#),
- опосредованными целями данного класса являются восстановление конфликта интересов между классами, большой экономический диспаритет среди стран и экологический кризис [72].

Транснациональный капиталистический класс стремится создать новую мировую культуру, основу которой составляет потребительское мировоззрение.

Л. Скэр использует теорию миросистемы (называя ее глобальной системой). Он утверждает, что различные действия, импульсы и практики пересекают национальные границы, но они осуществляются негосударственными агентами [73]. Капитализм организован политически в глобальном масштабе посредством транснационального политического класса, действующего рационально, преследуя свои основные интересы.

Автор точно улавливает конфликт труда и капитала и указывает, что одним из главных вызовов капитализму в экономической сфере может быть ослабление возможностей корпораций аккумулировать дополнительную прибыль за счет рабочей силы [74]. По его мнению, сопротивление наступлению "глобального мировоззрения" может быть действенным лишь разрушая эффективные и отработанные практики корпораций, особенно механизмы извлечения сверхприбыли [75].

Как уже отмечалось, многие исследователи полагают, что общества структурно изменяются, и марксистское понятие "класс" уже не способно объяснить ход глобальных процессов, не вписывающихся в рамки национальных государств и обществ модерна, речь идет скорее о становления нового, специфического типа общества. Актуальность применительно к изучению современной элиты в рамках системы глобального капитализма получают концепции "[открытого общества](#)" [К. Поппера](#), "неокощевничества" [Ж. Аттали](#), "расчлененного общества" Ф. Хайека, "сверхобщества" [А. Зиновьева](#) и др.

5.5. Модель "Сверхобщества" А. Зиновьева

Так, А. Зиновьев, анализируя современные элиты, полагал, что речь идет не о классе, а о становящемся сверхобществе [76] более высокого уровня организации, чем общество, содержащем в себе основные признаки общества "в снятом виде".

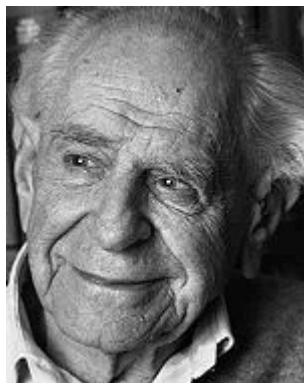
В сверхобществе, согласно методологии А. Зиновьева, можно различить две части: базисную, включающую "снятые" свойства общества, и надстроечную, включающую ряд новых признаков, образующих новое эволюционное качество. Разделение между ними не имеет четко обозначенной границы. В политической реальности могут быть многочисленные явления, в которых перемешаны базисные и надстроечные компоненты. Например, сравнив положение президента страны в обществе и в сверхобществе и обнаружив, что во втором случае он фактически подчиняется некоей негосударственной власти, можно отнести эту власть к надстроечной части [77]. Соответственно выделяются параллельно существующие элиты национальных государств и традиционных институтов и более скрытые элиты становящегося глобального сверхобщества.

Явления сверхобщества маскируются в явления общества, что создает трудности их вычленения, они как бы накладываются друг на друга. Становление сверхобщества, по мнению А. Зиновьева, шло параллельно в СССР (коммунизм) и на Западе (западнизм), после ухода с исторической арены и превращения России в "колониальную демократию", остается одна модель сверхобщества, претендующая на власть в мировом масштабе под эгидой западнизма. Это "западнистское" сверхобщество постепенно развивается, воспроизводя себя в разных регионах мира и устанавливая свой контроль над традиционными институтами обществ.

Важнейшим источником "западнистского сверхгосударства", согласно А. Зиновьеву, является сверхвласть, вырастающая в сфере экономики: "Она не афиширует себя, но дает о себе знать настолько ощутимо, что некоторые теоретики считают ее главной властью западного общества, а государство ее

марионеткой. Но суть дела серьезнее: в западных странах складывается новый уровень власти, который уже не есть ни государство, ни экономика, а качественно новое явление, поглощающее то и другое" [78]. В этой связи А. Зиновьев отмечает возникновение власти "сверхгосударства" над государством, новый "сверхэкономический" уровень в экономике: "Это уже больше, чем экономика; она способна властно влиять на политику государств. В сверхобществе значительно меняются социальные структуры. Над прежними национальными элитами надстраиваются сверхэлитарные образования, т. е. сверхэлита. Западный мир объединился в единое целое, и в нем сложилась мировая элита. В нее входят обладатели больших состояний, руководители крупных финансовых организаций, огромных экономических и информационных империй. К сверхэлите можно причислить миллионы людей. Они объединены в разветвленные структуры, внутри этих которых установлены отношения совсем иного типа, чем внутри элит на уровне привычных обществ" [79]. Как отмечает А. Зиновьев, сверхэлитные образования захватили власть в менталитетной сфере, идеологии, культуре. Главная цель сверхэлиты - обретение и сохранение власти над миром.

Сфера сверхгосударственности, по мнению А. Зиновьева, не содержит в себе "ни крупинки демократической власти". В ней нет политических партий, разделения властей, публичность сведена к минимуму или исключена совсем, преобладает принцип секретности, кастовости, личных контактов и сговоров, вырабатывается особая "культура управления", которая со временем обещает стать деспотичной властью. Надстроечные явления сверхгосударственности не обладают и законодательными функциями, остающимися за национальными государствами. Если надстроечной части требуются изменения в законодательстве, она "для этой цели имеет в своем распоряжении государственность", которая при этом фактически утрачивает суверенитет. "Надстроечная часть" обладает негосударственными (такими, как личные связи, СМИ, манипуляции сознанием и пр.) средствами принуждать элиты государств поступать так, как это требуется сверхгосударственности.

5.6. "Открытое общество" К. Поппера

Одной из первых и самой известной из "неклассовых" концепций капиталистического общества является предложенная К. Поппером концепция "открытого общества", противопоставляемого множеству "закрытых" [80]. К. Поппер отмечает: "Закрытое общество в его лучших образцах можно справедливо сравнить с организмом, оно представляет собой полуорганическое единство, члены которого объединены полубиологическими связями: родством, общей жизнью, участием в общих делах, одинаковыми опасностями, общими удовольствиями и бедами, а не только такими абстрактными социальными отношениями, как разделение труда и обмен товаров" [81]. Вследствие "потери органического характера", социальной дисперсии, транснационализации и разрыва с традицией "открытое общество" постепенно становится "абстрактным обществом": "Оно может в значительной степени потерять характер конкретной или реальной группы людей или системы таких реальных групп. Мы можем вообразить общество, в котором люди практически никогда не встречаются лицом к лицу. В таком обществе все дела совершаются индивидами в полной изоляции, и эти индивиды связываются друг с другом при помощи писем или телеграмм и разъезжают в закрытых автомобилях. Такое выдуманное общество можно назвать "полностью абстрактным или безличным обществом". Интересно, что наше современное общество во многих

отношениях напоминает такое совершенно абстрактное общество" [82]. "Абстрактное общество", концептуализированное К. Поппером одним из первых, не признает национальных границ и отказывается от традиционных целей и ценностей - это общество "новых кочевников". В то же время автор признает: "Никогда не было и не может быть совершенно абстрактного общества. <...> У людей есть социальные потребности, которые они не могут удовлетворить в абстрактном обществе. Однако большинство социальных групп современного общества являются не более, чем суррогатами, поскольку они не создают действительных условий для общественной жизни. И многие из них не обладают реальной функцией в жизни общества в целом" [83].

Таким образом, речь идет о некоем "абстрактном обществе", находящемся поверх реального, многие из представителей которого не имеют или не хотят иметь "реальных социальных функций" в "реальных обществах". Глобальное открытое общество по всему миру объединяет индивидов, нацеленных на реализацию своих интересов на мировом рынке в условиях глобализации. Это сравнительно жестко стратифицированное, сетевое, элитарное общество богатых людей, которые имеют интересы во многих точках земного шара, свободно перемещаются по всему миру, часто имеют несколько домов в разных странах и несколько гражданств, общаются друг с другом безлично, осуществляя свои деловые контакты в различных частях земного шара при помощи Интернета, мобильной связи, армии посредников (субэлиты), они не признают национально-территориальных границ, считают себя людьми высшего сорта, осознают групповые интересы и при этом не прекращают конкурировать друг с другом. Некоторые из них утратили прежние идентичности, другие нашли им замену, третьи, наоборот, сохранили прежние идентичности.

В этой связи мы критически относимся к концепциям К. Поппера и Ф. Хайека, рисующих подобное общество в качестве подлинно рационального и в значительной мере самодостаточного. Такой партикулярный прагматизм, возведенный в абсолют, будучи реализованным, представляет собой в конечном счете лишь дисперсный хаотический иррационализм. Это заметно в конструкциях Ф. Хайека и К. Поппера: их апелляции к критическому рассудку в деле деконструкции всевозможных холистских утопий приводят к противоречивой модели "открытого общества", в котором рациональность частного при отсутствии телеологии и общего проекта ведет к предельной иррациональности целого. Конечно, такое "открытое общество" не может существовать само по себе, но лишь как некая транснациональная элитная надстройка, в значительной степени управляемая иными силами.

5.7. "Абстрактная империя" Дж. Сороса

Дж. Сорос предлагает свою, также отличающуюся от классовую, модель рассмотрения глобального капитализма как "абстрактной империи", и соответствующий взгляд на элиту этой "империи". По Дж. Соросу, система капитализма существует, но это абстрактная концепция, ее не следует материализовывать или персонифицировать. Однако этот факт не делает ее менее важной: "Она управляет нашими жизнями так же, как и любой политический режим управляет жизнями людей. Систему капитализма можно сравнить с империей, которая является более глобальной, чем какая-либо из существовавших ранее империй [84]. Она "управляет всей цивилизацией", "ойкуменой" и, как в случае с другими империями, проводит грань между цивилизацией и варварами (согласно такой логике, все население, не вписанное в экономические схемы транснационального капитала, является с его точки зрения некими "новыми варварами" и обречено на "варваризацию").

Это нетерриториальная империя, поскольку она не имеет суверенитета и всех сопутствующих ему атрибутов. Суверенитет государств, входящих в эту империю, является единственным фактором поддержания ее власти и влияния, "империя почти невидима, поскольку не имеет официальной структуры. Большинство ее граждан даже не знает, что они подчиняются ей, или, более корректно, они признают, что подвержены действию неличных и иногда разрушительных сил, но они не понимают, что представляют собой эти силы" [85].

Аналогия с империей в данном случае оправданна, потому что система мирового капитализма управляет теми, кто к ней принадлежит, из нее нельзя выйти без сопротивления. Несмотря на экстерриториальный характер, она, как настоящая империя, функционирует согласно "центр-периферийной" логике. Система мирового капитализма также проявляет империалистические тенденции, она не ищет равновесия, а одержима экспансией. Она не может быть спокойна, пока существуют какие-либо рынки или ресурсы, которые еще не вовлечены в ее орбиту, и хочет охватить все человечество, а государства часто являются препятствиями на пути экспансии системы капитализма (это верно даже в отношении развитых стран и США).

Система мирового капитализма, по своей природе, является чисто функциональной и служит экономической функции. По мере того как система расширяется, экономическая функция начинает доминировать над жизнью людей и обществ, проникая в сферы культуры, политики, науки и пр. Основу ее элиты составляют, следовательно, бизнес-элиты, причем в том числе и "абстрактные", такие как сам Дж. Сорос.

5.8. Заключение

Итак, существует широкий спектр взглядов на данную проблематику. Вопрос заключается в том, можно ли говорить о существовании господствующего класса транснациональной буржуазии, или его заменила иная и менее понятная структура, например, сеть. Возможно синкретизировать оба подхода. Капиталистический класс существует и к нему в целом применима неомарксистская методология.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 5. Транснациональная элита как господствующий класс в современном мире

1. В чем заключаются методологические различия элитаристского и классового подходов?
2. Что такое bail out?
3. В чем проявляется растущий конфликт в рамках треугольника: государство - бизнес - гражданское общество?
4. В чем, согласно Дж. Бернхему заключаются основные предпосылки "менеджерской революции?"
5. Чем объясняется высокая степень интегрированности "господствующего класса"?
6. Актуальна ли неомарксистская методология (в частности, трактовка процессов элитообразования) в современном мире?
7. Перечислите основные формы воздействия крупного бизнеса на политическую сферу.

Тема 6. Инверсия элит: транснациональные элиты в логике миросистемного подхода

6.1. Введение

Разные государства занимают различное место в процессах [глобализации](#), по-разному используют ее результаты. Существует несколько взглядов на этот процесс. Есть ряд стран, безусловно, существенно выигравших от глобализации, например - Китай (впрочем, на наш взгляд, Китай и в 70-80-е гг. XX в., опираясь на собственные силы, довольно успешно шел по пути развития). Есть страны и даже регионы, сравнительно слабо затронутые многими аспектами процессов глобализации (например, страны Ближнего Востока, за исключением военно-политического и финансового аспектов). В то же время, большинство стран выигрывают или проигрывают от процессов глобализации, хотя часто бывает трудно оценить данные потери и приобретения. Предельно упрощенно это явление можно сформулировать таким образом: взаимодействие различных стран (в первую очередь в рамках центр - периферийной логики) может развиваться, как "игра" с положительной, отрицательной или нулевой суммой для стран, находящихся на разных полюсах миросистемы. Согласно традиционным [неолиберальным](#) идеологическим представлениям, выигрывают обе стороны (например, т.н. "[теорема Хекшера-Олина](#)"), более непредвзятые подходы (например, неореализм или [мироанализ](#)) утверждают, что в то время как одна группа стран проигрывает, другая выигрывает, хотя и в несколько меньшей степени из-за феномена контролируемой деструкции, наконец в последнее время все чаще стали раздаваться и концептуализироваться положения о том, что сложившаяся система международного обмена в долгосрочной перспективе является "игрой с отрицательной суммой", от которой, в конечном итоге, скорее проигрывают все, из чего выводятся идеи о необходимости ее реформирования.

Руководствуясь логикой миросистемного подхода, как самоочевидный, представляется вывод о том, что многие современные социально-экономические трансформации, связываемые с глобализацией, были инициированы [элитами](#) стран "центра" глобальной мировой капиталистической системы и направлены в первую очередь на страны вне "центра", а также ориентированы на углубление социального конфликта внутри стран "ядра", разрыв исторически сложившегося в XX в. "социального контракта", и таким образом, в среднесрочной перспективе направлены также против интересов гражданского общества и пролетариата этих стран. При этом пролетариат также может рассматриваться как все более транснациональный [класс](#).

Такой подход подчеркивает преимущественно политический (вернее политизированный) характер транснациональной элиты, причем в рамках миросистемной логики. Транснационализация элит развивающихся стран - следствие имперской стратегии США и экспансии капиталистической экономики. Государствами развитых стран инициируется создание в своих странах агентов влияния для управления глобальными процессами и слоя компрадоров (Н. Хомский называет их "новыми мандаринами") в развивающихся странах. Все они инкорпорируют западные ценности и элитаристскую модель "праздного класса", их деятельность в различной степени может координироваться из Атлантистского центра. Это ведет к образованию олигархии и враждебного по отношению к обществу господствующего капиталистического класса. Такая модель рассматривается как продолжение колониализма, повторяет многие его формы и механизмы, отождествляется с практикой неоколониализма.

Таким образом, согласно этому подходу, "транснациональные элиты" - это в первую очередь часть правящей элиты и господствующего класса "периферийных" стран, пошедших по пути неолиберальных преобразований, а также "неокочевые" олигархи, возникновение которых вытекает из логики развития миросистемы, они экстерииоризируются (внося свою плату за входение в элитарный транснациональный клуб за счет своих стран и народов) и могут входить в транснациональный клуб миллиардеров и миллионеров (при этом один из основных и самый традиционный канал перехода бизнес-элиты незападных стран в транснациональное элитарное сообщество, начиная с эпохи колониализма -

Великобритания, Лондон (Р. Абрамович, М. аль Файед, Л. Миттал и мн. др.)). Они редко входят в состав непосредственно стратегической элиты, которая преимущественно концентрируется на Западе. Политическая элита менее мобильна, она слабо интегрируется и интернационализируется, политики превращаются скорее в агентов влияния на местах.

На "периферии" образуется своя [транснациональная элита](#), в "центре" - своя, в более независимых странах (особенно отделившихся от миросистемы) ее влияние может быть незначительным или она может отсутствовать вовсе. Таким образом, транснациональная, глобальная ориентация национального капитала и политических элит - является степенью и индикатором вовлеченности страны в глобальную миросистему. Можно провести параллель между степенью вовлеченности страны в капиталистическую миросистему и образованием транснациональной элиты.

Во многих попадающих в зависимость странах происходит возникновение транснациональных элит, предпринимающих действия, идущие вразрез с национальными интересами и желаниями населения, что является одной из глобальных проблем современности. Элита "центра" обретает большую власть в глобальном масштабе и увеличивается роль экономической суперэлиты, получившей рычаги глобального влияния. Они меняют законодательства, экономики и политические институты многих стран в пользу большей открытости, посредством в том числе и идеологического, и политического, и военного воздействия государств, [НПО](#), [международных организаций](#).

7.2. "Вашингтонский консенсус"

После Второй мировой войны начинается новый виток расширения капиталистической миросистемы, Запад переходит в очередное "цивилизационное наступление", миросистема переформируется в сторону дальнейшего расширения, приобретения глобального масштаба. Одновременно, происходит смена гегемона миросистемы, им становятся США. Особую роль в этом процессе играет крупный бизнес, осознавший свои интересы в глобальном масштабе.

Именно представители господствующего класса "Уолл-стрит, банкиры и адвокаты" разработали т.н. "доктрину Трумэна" [\[1\]](#), новую, более централизованную систему управления вооруженными силами США, был учрежден пост министра обороны для помощи президенту в осуществлении глобальных имперских функций и создан Совет национальной безопасности, сформулированы новые концепции "национальных интересов", предполагавшие глобальный охват.

В качестве угрозы для этих интересов рассматривались страны соцлагеря (и социалистическая система в целом), но также и "излишне" независимо ("националистически") настроенные политические режимы в странах [третьего мира](#), стремившиеся к "чрезмерному" и несистемному развитию и выходу из-под контроля [\[2\]](#).

В тот период США придали форму современной глобальной экономике в [Бреттон-Вудских соглашениях](#) 1944 г., для воплощения этого проекта в жизнь в тот же период был создан ряд международных институтов, подготовивших почву для дальнейшего ренессанса т.н. "рыночного фундаментализма" (основанного на ["Вашингтонском консенсусе"](#) министерства финансов США, [МВФ](#) и [Мирового банка](#)). Некоторые исследователи называют упомянутые институты "фактическим мировым правительством новой имперской эры". [Н. Хомский](#) пишет: "Главными архитекторами неолиберального "Вашингтонского консенсуса" являются хозяева капиталистической экономики, контролирующие значительную часть международного хозяйства и обладающие средствами, позволяющими им как определять политику, так и формировать общественное мнение. В этой системе США по вполне очевидным причинам играют особую роль, так как, как совершенно справедливо заметил старший историк ЦРУ Дж. Хейнс, "после Второй мировой войны США ради собственной выгоды взяли на себя ответственность за благополучие мировой капиталистической системы" [3].

Как один из инструментов этой политики с самого начала рассматривалось воздействие на элиту развивающихся стран с привлечением ее на свою сторону или устранением и заменой на более лояльную. Межблочная позиционная геополитическая борьба за сферы влияния по всему миру только обострила этот процесс. Ряд подобных операций начал осуществляться сразу после II мировой войны - широкомасштабные акции в Европе, и прежде всего в Италии (т.н. проект "Гладиус"), а также в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии. Правительствам стран "периферии" надлежало исполнять свои служебные функции без "излишних забот о всеобщем благосостоянии" или "чрезмерном индустриальном развитии", которое может посягнуть на интересы США и союзников.

В связи с процессом глобализации, начавшемся в конце 70-х-начале 80-х гг. XX в. и часто рассматриваемым как вторая фаза глобального общемирового сближения в рамках капиталистической миросистемы [4], последующим уходом с исторической арены СССР, распространением "безальтернативной" неолиберальной парадигмы, процесс формирования транснационально ориентированной элиты в "полупериферийных" и "периферийных" странах усилился.

Интересы транснациональных элит во многом схожи, и они в целом действуют совместно, тем не менее ход глобальных процессов в значительной степени координируется из "центра" миросистемы. Современная стратегическая элита, поскольку речь идет о глобальном уровне управления и глобальном масштабе принятия решений, - это в первую очередь элиты стран "ядра" и США, вернее сказать, элиты, чьи базы расположены в этих странах.

Можно выделить 2 уровня транснациональной элиты: одна часть (высший уровень элиты консолидированный в метрополиях) руководит глобальными процессами, преимущественно созидательно относится к своим странам, другая ([компрадорская](#)), из-за логики миросистемы и глобализирующегося мира, преимущественно более разрушительная, трофеистская [5]. Различия между ними сформированы в исторически сложившихся различных моделях капитализма на разных полюсах миросистемы и объясняются геостратегическими интересами. Расширение миросистемы приводит к вестернизация и экстериоризация элиты "периферии", однако из-за предкризисного состояния, в котором находится сама миросистема, негативные стороны глобального капитализма все более затрагивают и сами страны "центра".

6.3. "Корпоратократия" и "экономические убийцы"

В этой связи представляет интерес концепция ["корпоратократии"](#), предложенная [Дж. Перкинсом](#) в качестве характеристики сложившейся глобальной капиталистической системы с лидерством США, которую он характеризует как "глобальную империю" или "империум". Процесс становления "корпоратократии", по его мнению, связан с американским гегемонизмом и [империализмом](#) и активно шел после окончания Второй мировой войны. Но становление корпоратократии состоялось после окончания холодной войны, а свои законченные формы она приобрела в связи с глобализацией. Дж. Перкинс пишет: "По большому счету это касалось не только США. Глобальная империя наконец стала сама собой, перешагнув все границы. Ранее считавшиеся американскими корпорации стали по-настоящему

международными, даже с юридической точки зрения. Многие из них были зарегистрированы или открыли свои филиалы в разных странах. Теперь они могли работать по тем правилам и предписаниям, которые сами выбирали из множества, а огромное количество международных торговых организаций и соглашений еще больше упрощало такую деятельность. Слова "демократия", "[социализм](#)" и "капитализм" почти вышли из употребления, стали ненужными. Корпоратократия стала реальностью, и она прилагала все больше усилий, чтобы стать единственным фактором, влияющим на мировую экономику и политику" [\[6\]](#).

Элиту корпоратократии он характеризует следующим образом: "Тесно спаянное братство горстки людей, в первую очередь глав корпораций, правительств и банков, цель которого - создание глобальной империи" [\[7\]](#). "Члены братства" свободно перемещались с должностей в правлениях корпораций на правительственные посты [\[8\]](#). В качестве одного из самых ярких примеров "рыцаря корпоратократии" он отмечает [Р. Макнамару](#), сменившего кресло президента "Форд" на пост министра обороны США, а затем президента Всемирного банка. Глядя на его карьеру, мы наблюдаем очевидное пренебрежение нарушением принципа разделения властей [\[9\]](#).

Функционирование и прежде всего расширение этой системы возможно (и происходит) путем воздействия на элиты незападных стран, привлечения их на свою сторону, при помощи широкого спектра методов воздействия. Транснациональная элита обычно формируется не сама по себе, а в результате различных видов внешнего воздействия. Цель Атлантистского центра - создать такую элиту, привязать ее к себе: она - орудие его политики (наиболее надежное, дешевое и универсальное).

Такой подход стал актуальным и сменил прежнюю политику прямого силового воздействия прежде всего из-за возникновения в XX в. мощного центра силы - СССР, обладавшего мощной армией и присутствовавшего во многих регионах мира, прогресса в развитии вооружений, а также смены "гегемона" в западном мире. Сдвиг этот был осознан США в начале 50-х гг. XX в., когда мир стоял на грани атомной войны, а объединенные войска западных стран (прежде легко расправлявшиеся со своими колониями) бесперспективно увязли в Корее, неся тяжелые потери. Силловые решения стали слишком рискованными и дорогостоящими.

Как отмечает Дж. Перкинс, решающий момент наступил в 1951 г., когда в Иране к власти пришел М. Моссадык, национализировавший нефтяную промышленность страны. Тогда вместо военного вторжения в Иран был послан агент ЦРУ К. Рузвельт, который посредством воздействия на определенную часть элит сумел осуществить смену власти в этой стране на прозападный режим.

Эта операция, по выражению Дж. Перкинса, изменила прежние стратегии построения империй [10]. Однако необходимо было найти подход, при котором государства и спецслужбы не были бы задействованы в подобных операциях напрямую. В связи с последующим усилением позиций ТНК и международных организаций, спецслужбы получили новые рычаги воздействия - они готовили агентов, которые в последствии входили в штат международных корпораций, получая деньги в частном секторе. Поэтому, в случае разоблачения, их деятельность можно было бы списать на корпоративную жадность, а не на политику правительств. Кроме того, нанимавшие их корпорации имели ряд преимуществ, повышающих их эффективность: они находились вне зоны контроля законодательных органов и внимания общественности, а также могли использовать возрастающее количество правовых инициатив, защищающих интересы транснациональных экономических акторов.

Впоследствии были выработаны и прошли апробацию эффективные разноплановые способы воздействия на элиты на различных уровнях (многие из них были заимствованы из колониальной практики), они оказались сравнительно дешевы и эффективны. Дж. Перкинс писал об этапах этого воздействия: на первом этапе оно осуществляется через транснациональные структуры посредством различных как формальных, так и неформальных методов (в первую очередь взятками, обещаниями, угрозами и шантажом), если это не приводит к требуемым результатам - начинается давление на государственном уровне, в ход могут вступать угрозы и санкции, затем начинается работа спецслужб по подрыву текущего политического режима, если и это не помогает, возможна угроза применения силы или силовая акция. В настоящее время действует стратегия действия по всем азимутам, но целенаправленно и эффективно можно воздействовать только на ограниченное количество стран. После фактического ухода России с мировой арены, эта политика стала более прямолинейной, все чаще полагаясь на силовые действия, в том числе экономические санкции, и даже открытые военные вторжения.

6.4. Неолиберализм

В последние десятилетия широкое распространение в качестве инструмента такой политики получила доктрина неолиберализма, внедряемая в развивающихся странах как универсальная модель развития. Будучи реализованной в какой-либо стране "бывшего второго" или "третьего мира", она обычно включала в себя совокупность идей, принципов и мер таких, как "свободная рыночная экономика" (приватизация, либерализация, стабилизация); отказ от элементов национального суверенитета; создание общества, управляемого по единым правилам, исходящим из "мирового центра"; приоритет международного права и международных институтов и т.п. Контроль над финансовыми потоками переходит к международным финансовым центрам (МФЦ), а контроль над производством осуществляют ТНК. Таким образом, с помощью неолиберальной модели обычно создавались условия для экспансии корпораций в развивающихся странах через "навязывание" неравных условий "свободного рынка", а также создается долговременная стратегия распределения природных ресурсов в пользу развитых стран.

Этот курс предлагался или навязывался правительствам и [бизнес-элитам](#) развивающихся стран разными способами (как напрямую, так и опосредованно, на всех уровнях межэлитных контактов), обычно

при участии и по рекомендациям правительств государств, различных международных (МВФ, Всемирный банк, ЕБРР и пр.), государственных (например, USAID), и неправительственных организаций, фондов, банков и ТНК, а также частных лиц. Как отмечалось выше, в большинстве случаев лидирующая роль в реформах принадлежала именно национальному капиталу, наиболее заинтересованному в переменах.

Обычно обещается быстрый экономический эффект: ускорение экономического роста, сокращение инфляции, приток в страну инвестиций, модернизация экономики и социальной сферы, кредиты по выгодным ставкам и т.п. Такие реформистские программы также предполагают быструю реализацию, поэтому их часто отождествляют с "шоковой терапией", при этом ссылаясь на опыт передовых стран, примеры удачного применения модели, авторитет многочисленных нобелевских лауреатов по экономике [11].

Нередко такая модель развития настойчиво предлагается в рамках получения международной помощи [12]. Также проведение реформ по неолиберальной модели с ориентацией на интересы крупного национального капитала (в большинстве, с транснациональной или сугубо партикулярной ориентацией) обычно связывалось с демократизацией в рамках "третьей волны демократизации" - т.н. "режим встроеного либерализма" и "встроеной демократизации" [13].

Зачастую курс реформ предстает также в роли программы неотложной структурной корректировки, системы антикризисных мер. Его основные направления обычно включают в себя либерализацию уровня цен ("выправление цен") и финансовой сферы, борьбу с инфляцией ("макроэкономическая стабильность"), осуществление приватизации. Для "снятия барьеров" и привлечения инвестиций, правительство должно "уйти с дороги" - а значит, и население тоже, хотя этот вывод явно и не афишируется [14].

Еще один метод - принуждение за долги. Так, правительствам, чьи страны оказались в затруднительном положении, предлагается своеобразный "кодекс должника", который предусматривает выполнение ряда обязательных условий для получения помощи по выходу из кризиса.

Национальным государствам, развивающимся по неолиберальной модели, выдвигаются "жесткие монетаристские требования сбалансировать бюджет и обеспечить устойчивость денежного обращения. Вместо концепций импортозамещающей индустриализации всячески пропагандируются идеи экспортно-ориентированного развития, преимущественно с участием ТНК. Право на существование имеют только конкурентоспособные по международным стандартам предприятия, которые расположены в первую очередь в развитых странах" [15].

Фактически национальным государствам предлагается открыть свои экономики, установить рыночные свободы во внутренних и международных отношениях, обеспечить макроэкономическую стабильность за счет проведения определенной монетарной политики, приватизировать государственную собственность и отказаться от выполнения социальных функций государства, любой ценой добиться бюджетного профицита, снижать налоги на бизнес ("фискальная дисциплина"), создавать максимально комфортные условия для ТНК и транснационального капитала с целью их привлечения, исправно выплачивать внешнюю задолженность. Одновременно агенты как развитых стран, так и всевозможных транснациональных организаций начинают "обрабатывать" элиты предложениями о закупке тех или иных иностранных товаров, необходимых для развития и "повышения конкурентоспособности", заказе определенных строительных работ, вариантах размещения капитала, совместных проектах и пр., завышая рентабельность проектов и объем работ, вынуждая страны подписывать невыгодные договоры, увеличивать свой внешний долг и т.д. [16] Большое значение для успешного осуществления этой политики имеет появление узкого слоя элит, выигрывающих именно от такой модели и заинтересованных в ней. В качестве совершенно "нормальных" мер поддержания макроэкономической стабильности неолиберализм подводит правительства многих стран к необходимости девальвации национальной валюты, "долларизации" финансовой сферы, сокращения занятости и доли зарплат в ВВП, распродажи государственной собственности, отказа от самостоятельной модели развития и т.п. Это тот случай, когда лекарство хуже болезни. "Стабильность" в таком понимании означает благоприятствование и безопасность для господствующих классов и крупных иностранных компаний, транснациональной бизнес-элиты, чье

благополучие выгодно для стран "центра" [17], отсутствие препятствий на пути перемещения капиталов, опустошающих экономики многих стран.

Формально предполагалось, что все предложенные меры приведут к экономическому развитию "периферийных" стран, хотя еще в 1948 г. небезызвестный Дж. Кеннан писал: "У нас 50% мирового богатства, но только 6,3% населения. В такой ситуации наша задача на ближайший период - изобрести систему отношений, которая позволит нам удерживать наши позиции в этом неравенстве. Для этого нам нужно освободиться от чувствительности...<...>...нам следует перестать заботиться о правах человека, поднятии уровня жизни и демократизации" [18].

Впоследствии оказалось, что применение общих стандартов либерализации и дерегулирования при полнейшем игнорировании существующих социально-экономических условий способствовало появлению и развитию кризисных явлений в этих странах. Официально признано, что неолиберальная модель экономических реформ не способствовала стабильному экономическому росту (не говоря о развитии) в большинстве латиноамериканских стран [19], кроме Чили [20], и не привела их к демократизации. Реализация этой модели на постсоветском пространстве привела к трагическим последствиям, что открыто признали и многие из ее непосредственных архитекторов [21]. Дальнейшее развитие подобных ситуаций в перспективе может вести к дальнейшему геополитическому расколу мира [22].

Современный международный опыт показал, что неолиберальная модель глобализации подавляет национальную экономику в развивающихся странах, не заинтересована в установлении демократии внутри этих государств, она не приводит к формированию гражданского общества, усиливает их экономическую зависимость, формирует финансовый долг, способствует перераспределению ресурсов в пользу развитых стран и транснационального бизнеса. М. Алмонд совершенно справедливо отмечает: "В действиях Запада, который одновременно проповедует идеи гражданского общества и шоковой терапии, скрыта некая ирония, поскольку нельзя получить и то и другое. Западные советники в качестве приоритета выдвигают экономические перемены, но выполнение их рекомендаций всегда приводило к бедности, а не к плюрализму" [23].

Индустриальные страны, обладавшие высоким уровнем развития, например, бывшие социалистические страны, также испытали на себе реализацию неолиберальной модели. Их опыт является свидетельством ее деструктивного, грабительского характера, неспособности даже сохранять уже созданного. В этих странах их же элитами проводится форсированная деиндустриализация и демонтаж важных структур - носителей цивилизационных черт (например, науки), население испытывает "стресс модернизации", проблема национальной идентичности отпадает сама собой [24]. Неолиберальная доктрина, будучи примененной, разрушает социум, лишает его способности даже самостоятельно воспроизводить свою численность и сохранять культуру и идентичность (причем как в развитых странах, так и в развивающихся). Деструктивность данной модели действительно, судя по всему, не имеет границ и может в короткие сроки привести к разрушению даже целой цивилизации.

6.5. "Народ без элиты: между отчаянием и надеждой..."

Представляется целесообразным рассмотреть характерных особенностей транснациональной элиты, возникающей на "периферии" (оговоримся, что речь идет об "идеальном типе").

Согласно [А. Панарину](#), западная элита (в первую очередь господствующий класс) рассматривается в качестве [референтной группы](#) элитами многих стран. Практика глобального неэквивалентного обмена предполагает не только экономическое доминирование над мировой "периферией", но и духовную власть над ней. Современный мир характеризуется растущим единством социокультурных, экономических и символических стандартов, которые для одних групп оказываются реалистичными, а для других - менее достижимыми. Поле притязаний выравнивается по стандартам высокоразвитых стран, но реальные возможности расходятся, следовательно - практика единого социокультурного стандарта "плодит неврастеников", пытающихся реализовать свои явно чрезмерные в

рамках конкретного общества притязания, возникает феномен массового социокультурного отчуждения [25].

Элиты более бедных стран не могут себе позволить желаемый уровень притязаний, вследствие чего, у них развивается "комплекс неполноценности" и синдром подражания, основанный на эффекте "завистливого сравнения", применительно к элите подробно изученный Т. Вебленом [26]. Для элиты традиционно очень важно демонстративное потребление, в том числе и символических ценностей (это прекрасно понимают западные элиты, "выставляя на витрине" всевозможные аттракторы, в первую очередь глобальный потребительский рынок престижных товаров, и обещая элитам "периферийных" стран новые степени свободы). Чтобы поддерживать высокий уровень собственного потребления и личной автономии (часто жестко увязанный с космополитизмом и транснациональной мобильностью), элитам менее развитых стран часто приходится усиливать давление на свои страны или "торговать" национальными интересами, стремясь приобщиться к своей референтной группе.

Естественно, это предполагает наличие определенного личностного типа элиты. В социальной психологии описаны свойства личности, находящейся на рубеже культур, отлучившей себя от прежней социальной группы и культуры, но еще полноценным образом не приобщившейся к новым. Рассогласованность между целями и нормами, иллюзорность ориентаций, быстрые и спонтанные переходы от эйфории к отчаянию, общая психологическая дестабилизация, лабильность и эмерджентность поведения - характерные свойства пограничной личности. Этот эффект усиливается, когда целые слои общества находятся в пограничном состоянии, дрейфуя от традиционных национальных интересов и ценностей к чужим, но привлекательным (порой только внешне) и открывающим новые возможности.

Глобальные эффекты появляются тогда, когда "критическая масса" элиты видит свою референтную группу в лице элит Запада. Здесь открывается поле для прозападного консенсуса между зачарованными элитами и следующими за ними массами. Когда происходит капитуляция в области культуры - отстраненность от национальной традиции в пользу заемной, утрата идентичности, политическая капитуляция становится лишь вопросом времени.

А. Панарин отмечает: "В стратегии однополярного мира решающую роль призвана сыграть не традиционная политика завоевания, а политика привлечения национальных элит на сторону завоевателя и превращение их в его пособников" [27]. Элиты добровольно присягают Западу, массы, соблазненные обещаниями лучшей жизни, готовы их в этом понять - образуется своеобразный консенсус, как правило, временный, так как интересы элит и масс имеют тенденцию расходиться, что сопровождается ростом имущественного неравенства, их территориальным расселением, ценностной диверсификацией.

Не принимая во внимание указанные процессы, невозможно объяснить многие исторические события. Например, тот поразительный факт, что самая вооруженная в мире страна СССР, с ВВП равным 60% от ВВП США, из политического и экономического гиганта за несколько лет превратился в "рабский организм" по выражению аналитиков "Washington Post" [28]? Трудно себе представить, что политик, возглавлявший великую империю, мечтал о том, чтобы зарабатывать чтением лекций и рекламой пиццы.

Такая политическая элита склонна к авторитарным методам принятия решений, что в целом удобно для ТНК, податлива к лоббизму и восприимчива к готовым решениям и рекомендациям, указываемым извне, даже противоречащим национальным интересам и волеизъявлениям электоратов. Н. Нарочницкая объясняет такое предательство элиты: "Идеология саморазрушения не нова. Еще в эпоху Возрождения появился принцип "ubi bene ibi patria" - "где хорошо, там и отечество", сформировавшийся затем в либеральную концепцию "гражданина мира", который имеет право быть непричастным к делам своего Отечества и даже желать ему поражения. Космополитизм возводится в ранг добродетели, традиционные понятия национальных интересов высмеиваются и обличаются" [29].

Если вести речь о "качестве" транснациональной элиты, возникающей в "периферийной" зоне мира, важно отметить, что на "периферии" образуются преимущественно не транснациональные элиты, а экстерриториальные богатые люмпены (хотя имеется множество исключений), дисперсно рассеянные, а потому управляемые. Крупный бизнес попавших в зависимость стран, согласно такой логике, оказывается

более чем бизнес стран "центра", ориентирован на внешнеэкономические связи и рыночную прибыльность, он больше боится рисковать и инвестировать свои средства в развитие или реализацию смелых проектов, он менее ответственен перед обществом, мировоззренчески он более "мещанский", его привлекает получение сверхприбыли на внешнем или внутреннем рынке за счет экспорта/импорта, ножниц цен, неэквивалентного обмена и взимания ренты, т.е. тех сфер, которые быстро окупаются, приносят валюту и не требуют значительных собственных инвестиций. Эта буржуазия, за редкими исключениями, успела зарекомендовать себя люмпен-буржуазией - социально безответственным, не обладающим стратегическим мышлением классом. Их важной особенностью является участие в мировом процессе концентрации капитала посредством открытого вывоза капитала из своих стран вместо того, чтобы превращать его в инвестиции, что является агрессивным шагом по отношению ко всему обществу. Более того, одной из целей, реализуемой посредством влияния на контролируемые элиты государств, является закрепление структурного господства над странами, превосходящего срок пребывания у власти отдельной генерации элит (например, посредством распродажи активов или роста внешней задолженности, способного превратить страны в послушных исполнителей навязываемых решений, а их экономики - в машины для обслуживания долга).

Национальный капитал в пространстве глобальной конкуренции должен опираться на государство - защитника своих интересов, однако у элит других стран практически нет этой опоры (в чем они могут быть сами виноваты), своих глобальных [СМИ](#) (Аль Джазира, несмотря на свое большое значение, освещает преимущественно один регион) и своих банков, сопоставимых с западными или японскими. Свои средства они держат преимущественно в резервных валютах и иностранных банках. В любой момент их счета можно заблокировать, или арестовать, или даже "пехлевизировать". Этот циничный термин появился, когда конфисковали вклады Р. Пехлеви, ограбив народ Ирана. Страх перед потерей активов очень характерен, в частности, и для отечественной элиты [\[30\]](#). Таким образом, чужие государства или группы государств, например, США или [ЕС](#), являются краеугольным камнем либерального мифа, референтной группой и службой безопасности компрадорских элит одновременно.

6.6. Заключение

Резюмируя данную тему, следует заметить, что, как указывают многие исследователи и политики, учитывая современную международную обстановку, национальным элитам (особенно развивающихся стран) следует остро осознавать вышеописанную проблему и предпринять ряд мер, как внутри-, так и внешнеполитических, вплоть до изменения вектора внешней политики и отдельных аспектов законодательства (например, административного и уголовного, законов об НПО, валютном контроле и пр.) и реформирования политической системы, чтобы минимизировать влияние направленных на элиты негативных импульсов, исходящих извне и сопряженных с ними рисков.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 6. Инверсия элит: транснациональные элиты в логике миросистемного подхода

1. Что такое Вашингтонский консенсус?
2. В чем заключается деятельность "экономических убийц"?
3. Что такое "корпоратократия"?
4. В чем проявляется специфика неолиберальных реформ в развивающихся странах?
5. Какие факторы, по мнению Дж. Сороса, подрывают в среднесрочной перспективе основания гегемонии США?
6. Какое политическое будущее России в рамках складывающихся геополитических тенденций прогнозирует З. Бжезинский?

7. Как на ваш взгляд, можно противодействовать экстерииоризации элит и деятельности "экономических убийц", с целью обеспечения национальной безопасности страны?
8. Можно ли охарактеризовать т.н. "цветные революции" как элемент экспансионистской политики США?

Тема 7. Технократический подход к транснациональной элите

7.1. Становление постиндустриального общества и формирование технократии

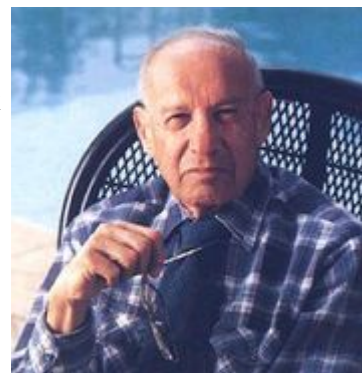
При систематическом изучении многочисленных исследований, представляющих собой осмысление стремительно изменяющейся реальности, того структурного сдвига, который происходит в последние десятилетия, нетрудно заметить в череде прочих одну закономерность. Различные исследователи, выделяя виды деятельности, являющиеся новыми, инновационными или набирающими все большее значение, и фиксируя социальные или профессиональные группы, являющиеся носителями новых умений, знаний или специальностей, нередко "наделяют" их властными функциями. Так, в различные периоды новейшей истории актуализировались дискурсы и целые нарративы, манифестирующие власть ученых, и шире "профессионалов", революцию менеджеров, институционализацию технократии. В первую очередь это было связано с необходимостью рефлексии заката индустриального общества в наиболее развитых странах и определения нового, зарождающегося типа общества с иным (как предполагалось) типом властного ресурса.

Наибольший интерес в данном контексте представляет концепция технократии [1], представляющая собой один из наиболее распространенных подходов к осмыслению процесса формирования новой [элиты](#) и обусловленного этим процессом "сдвига власти".

Существует значительное количество научных теорий о становлении [постиндустриального](#) или даже "постэкономического" общества, где, согласно широко распространенному мнению, произойдет переосмысление проблем стоимости и богатства, а знание будет играть доминирующую роль во всех сферах жизни общества и соответственно станет источником социального неравенства, основным фактором при формировании элиты общества. Среди ученых, придерживающихся этой концепции, оказались многие западные классики второй половины XX в.: Д. Белл, О. Тоффлер, А. Турен, Дж. К. Гэлбрейт, [П. Дракер](#) и другие. Из отечественных авторов следует отметить В. Иноземцева, Н. Моисеева и др.

Во второй половине XX в. в развитых странах выросла роль науки и знания, соответственно увеличились и инвестиции в НИОКР и образование. Так, основатель теории постиндустриального общества Д. Белл в числе трех фундаментальных характеристик постиндустриального общества называл центральную роль теоретического знания, создание новой интеллектуальной технологии и рост [класса](#) носителей знания. В русле этого методологического направления вопрос о новой социальной структуре и господствующей группе определяется в первую очередь классовым самосознанием работников, занятых в наукоемких отраслях. Примерно в то же время П. Дракер предсказывал начало эпохи "общества знания" ("knowledge society"), "означенной становлением такого экономического порядка, при котором ключевым ресурсом является знание, а не труд, не сырье или капитал; главным вызовом является неравенство, основанное на обладании знанием; и образа правления, при котором от правительства не стоит ожидать решения социальных и экономических проблем" [2].

Эти теории основываются на 2-х основных процессах, которые имеют место в развитых западных обществах последних десятилетий. Как отмечает В. Иноземцев [3], первый из них - быстрое снижение социальной роли рабочего класса, рассматривавшееся как естественное следствие становления сервисной экономики, связанное с частичной деиндустриализацией, вызванной разукрупнением и переносом промышленных предприятий в страны с дешевой рабочей силой. Второй процесс, занимавший социологов и политологов, - это формирование новой

элиты, господствующего класса постиндустриального общества. В 1960-е и 1970-е гг. большинство исследователей отказалось от гипотезы о [бюрократический](#) природе новой страты и стали определять ее как социальную общность, объединяющую носителей информации о производственных процессах и о механизме общественного прогресса в целом. Дж. К. Гэлбрейт отметил, что "она включает всех, кто приносит специальные знания, талант и опыт в процесс группового принятия решений" [4]. В 1973 г. Д. Белл писал, что "вместо господства промышленного пролетариата мы наблюдаем доминирование в рабочей силе профессионального и технического класса", называя этот процесс "новой революцией в классовой структуре общества" [5]. О. Тоффлер констатировал, что "переход власти от одной личности, одной партии, одной организации или одной нации к другой - это не самое важное; главное - это скрытые смещения во взаимоотношениях между насилием, богатством и знаниями" [6].

К середине 1970-х гг. господствующим классом стали называть "[технократов](#)", умело манипулирующих уникальными знаниями на трех основных уровнях: национальном, где действует правительственная бюрократия; отраслевом, представленном профессионалами и научными экспертами; и на уровне отдельных организаций, соответствующем техноструктуре. П. Дракер констатирует уход со сцены класса т.н. "синих воротничков", которые все в большей степени превращаются во вспомогательных работников, параллельно сокращается их политическое влияние, роль профсоюзов и т.д. Его место занимает т.н. "белый воротничок" - "некто, способный работать не только руками, но и оперировать теоретическим знанием". Появилась новая доминирующая группа - "работники знаний", при этом новые рабочие места открывают гораздо больше возможностей для профессионального, карьерного и личностного роста и лучше оплачиваются [7]. Подъем класса, приходящего на смену промышленным рабочим, отнюдь не означает новые возможности для этих последних, но вызов им. Большинство новых профессий требуют формального образования и способности к овладению и применению теоретических и аналитических знаний, наличия навыка постоянного обучения. Таким образом уволенные промышленные рабочие "не могут просто переместиться на работу, требующую специальных знаний или в сферу услуг - то есть поступить так, как в свое время сделали, переместившись в производственный сектор, фермеры и домашняя прислуга, потерявшие привычную работу" [8], а их рабочие места будут выведены в страны "третьего мира".

По определению А. Турена, технократы превратились не только в доминирующий класс постиндустриального общества, но и в субъекта подавления остальных социальных слоев и групп [9]. П. Дракер утверждал, что общество, в котором доминируют "работники знания", "находится в опасности нового классового конфликта: между значительным меньшинством "работников знания" и большинством населения, которое будет продолжать зарабатывать на жизнь традиционным образом" [10].

Во второй половине 1970-х гг. было предложено множество новых наименований господствующей элиты: "новый класс", "доминирующий класс", "правлящий класс", "высший класс" и т.д., в обществе утверждалось представление: основой власти является не статусное положение, а реальные способности человека к творческой, созидательной деятельности, к усвоению, обработке и продуцированию информации и знаний. В это же время было выделено несколько фундаментальных особенностей, характерных для нового "господствующего класса":

Во-первых, основной собственностью, позволяющей представителям этого класса занимать ведущие позиции, являются не материальные вещи, не собственность на средства производства, а информация и знания, т.е. личный капитал, следовательно, формирующийся господствующий класс не столь замкнут и однороден, как прежняя преимущественно индустриальная элита. Это не аристократия, хотя данная социальная группа пополняется главным образом за счет состоятельных слоев общества.

Во-вторых, предполагалось, что технократический класс, господствующий в постиндустриальном обществе, представлен правительственной бюрократией, профессиональными и академическими экспертами и техноструктурой, т.е. лицами, так или иначе причастными к процессу управления и формирующими информационные потоки.

В-третьих, новое общество способно стать менее [эгалитаристским](#), нежели прежнее, поскольку, хотя по мнению ряда исследователей информация есть наиболее демократичный источник власти [11],

капитал как фактор влияния и могущества заменяется знаниями, так как они, в отличие от труда, являются редким производственным фактором [12], имеющим наибольший спрос при ограниченном предложении [13].

По этой причине складывающееся меритократическое социальное устройство может быть только "пародией на демократию", и новые возможности социальной мобильности не устраняют, а даже подчеркивают его элитарный характер. Если в классическом индустриальном обществе разница между классовым большинством и меньшинством заключалась в том, что один был беден, а другой состоятелен, то в классическом "обществе знания" первый менее образован и квалифицирован, нежели второй. А. Турен, обративший внимание на противоречия постиндустриальной социальной структуры, отметил, что классу технократов противостоят подавленный класс исполнителей и отчужденный класс, состоящий из представителей устаревающих профессий, членов замкнутых региональных сообществ и т.п. В этом контексте переход от индустриального общества к постиндустриальному можно рассматривать как "переход от общества эксплуатации к обществу отчуждения" [14].

Более того, как отмечает В. Иноземцев, "в новых условиях господствующий класс не только владеет средствами производства, являющимися невозпроизводимыми по своей природе (земля) или созданными трудом угнетенного класса (капитал) на основе сложившихся принципов общественной организации, но сам создает эти средства производства, обеспечивая процесс формирования и самовоспроизводства информационных ценностей. Таким образом, низший класс оказывается в изоляции, ведь прежде по отношению к высшему классу он играл роль "его иного", без которого тот не мог существовать. В результате претензии низшего класса на часть национального продукта, которые ранее представлялись более чем обоснованными, сегодня выглядят гораздо менее аргументированными, чем в значительной мере и объясняется нарастающее материальное неравенство представителей высшей и нижней общественных страт" [15].

Таким образом, рассуждая в рамках концепции "постэкономического" общества, есть основания выделять в процессе его становления два вполне оформившихся полюса социального противостояния. С одной стороны, это высший класс, представители которого происходят, как правило, из образованных и обеспеченных семей, имеют прекрасное и престижное образование и набор "элитарных" навыков [16], исповедуют постматериалистические ценности и заняты в высокотехнологичных отраслях производства, имеют в собственности или свободно распоряжаются необходимыми им средствами производства (т.е. либо руководят промышленными или сервисными компаниями, либо занимают высокие посты в корпоративной или государственной иерархии). С другой стороны, это низший класс нового общества, рекрутирующий представителей рабочих профессий или неквалифицированных иммигрантов, не имеющих хорошего образования, которое не входит в разряд приоритетных ценностей; движимые в основном материальными мотивами, обычно они заняты в массовом производстве, сфере услуг (либо являются безработными - временно или постоянно). При этом указанные два полюса имеют тенденцию отдаляться друг от друга. Средний класс, являющийся основой индустриального общества, подвергается имплозии.

Этот подход совершенно правильно отметил растущие тенденции и социальные проблемы развитых (преимущественно западных) обществ, все более склоняющихся к элитаризму. "Технократы" представляют собой очень влиятельную социальную группу. Однако ошибочно было бы утверждать, что "технократы" составляют основу господствующего класса. Скорее наоборот, прежний господствующий класс обрел ряд черт технократии, при этом часть технократической элиты из высокооплачиваемых и высокопрофессиональных бюрократов превращается в бизнесменов-миллионеров, меняет технократические нормы и ценности, на свойственные сфере бизнеса. Этот слой не оказался настолько многочисленным и политически активным, как казалось в то время, а многие прогнозируемые социальные конфликты были решены за счет увеличения сектора сервисной экономики.

Основной минус теорий технократии в том, что они не показывают из-за чего и каким образом технократическая элита должна превратиться в политическую, взять на себя ответственность за принятие стратегических решений и аккумулировать активы, принадлежащие капиталистам. Интеллектуальную и научно-техническую элиту можно определить скорее как "маргинальную", в том смысле, что большинство

ее представителей обладает высокими показателями лишь по одному или нескольким признакам, рассматриваемым как элитарные (например, образование). Класс "технократов" неоднороден. Д. Белл выделяет 3 уровня: 1) "творческую элиту ученых и высшей профессиональной администрации", 2) "средний класс" инженеров и ученых, 3) "пролетариат умственного труда". Только высший уровень можно отнести к элите. В целом, на нынешнем этапе в развитых странах капитал и интеллект дополняют друг друга, точнее капитал (и шире - капиталистический Запад) как бы "присвоил" значительную часть интеллектуальных ресурсов планеты [17].

"Работники знания" не станут большинством в "обществе знания", - резюмирует свой прогноз П. Дракер, - Но во многих, если не во всех развитых обществах они составят наибольшую отдельную группу населения и рабочей силы. И даже там, где их будут превосходить по численности другие отдельные группы, "работники знания" создадут возникающему "обществу знаний" его особый характер, его лидерство, его социальную позицию. Они могут не быть правящим классом "общества знаний", но они уже стали его лидирующим классом. И по своим характеристикам, социальной позиции, ценностям и ожиданиям они фундаментально отличаются от любой группы, которая когда-либо в истории занимала лидирующее положение в обществе" [18]. Д. Белл также берет назад свой радикальный вывод о том, что элита ученых будет управлять обществом. Он не верит, чтобы технократы и ученые могли реально добиться такой власти, "ибо в современном обществе политика превалирует над всем" [19]. Но, поскольку политическая элита основывает свои решения на рекомендациях экспертов, их мнение все чаще будет оказываться определяющим.

Теория технократии совершенно верно указывает на имманентную политической реальности неразрывную связь власти и знания, отмечаемую многими исследователями. Ф. Лиотар справедливо указывает не то, что в современном изменяющемся обществе "знание и власть есть две стороны одного вопроса: кто решает, что есть знание, и кто знает, что нужно решать? В эпоху информатики вопрос о знании более чем когда-либо становится вопросом об управлении" [20]. Интеллектуальная стратегическая элита принимает решения в глобальных масштабах, обладает все большей властью, выходящей за пределы национальных государств. Но это не "технократия", а именно стратегическая элита.

Описанный выше подход к проблемам элитобразования в современных обществах подчеркивает также важность такого механизма циркуляции элит, как образование, растущее значение т.н. "educational networks" в современном мире. Он отмечает значение образования как обязательного типа личного капитала, необходимого для вхождения в элиту, манифестирует магистральный путь к высокому социальному положению через посредство формального образования, также становящегося все более транснациональным. Хотя образование само по себе вовсе не обязательно подразумевает власть или богатство. Можно провести грань между двумя основными моделями образования - демократичной, предназначенной для среднего класса, и элитарной, чьей основной функцией является неявный отбор и подготовка непосредственно управляющей элиты. Эта система представляет собой специфический механизм циркуляции управляющей элиты, обеспечивающий связь "правлящего класса" и "стратегической элиты" как в масштабе отдельной страны, так и на транснациональном уровне.

Действительно, определенный тип образования (не обязательно лучший, скорее - самый престижный) традиционно и все в большей степени является одним из инструментов отбора, наряду со связями, капиталом и т. д. при формировании как современных элит развитых обществ, так и транснациональных элит. Однако если еще столетие назад многие сферы знания были преимущественно монополизированы определенными социальными стратами, то в XX в. актуализировалась потребность в массовом высшем образовании. В социалистических странах почти сразу была создана демократичная система образования, после Второй мировой войны умеренные левые партии в Западной Европе создали систему качественного общедоступного образования, дополнив Оксфорд, Кембридж и Сорбонну, где учились дети элиты, множеством т.н. "кирпичных университетов" для выходцев из рабочих семей. В этом явно прослеживалась и политическая цель - изменить соотношение сил в обществе. Однако с конца 1970-х гг. западные элиты планомерно проводят политику, направленную на ухудшение качества среднего образования и ограничение доступа к качественному высшему (посредством высокой платы или жесткой

специализации). Поэтому представители не всех классов могут использовать образование как канал вертикальной мобильности.

Итак, не следует абсолютизировать теорию о технократическом характере новой элиты. Совершенно очевиден прогресс науки в XX в. Выдающиеся научные открытия и технические достижения обеспечили людям власть над природой, облегчили их труд и быт. Наука превратилась в непосредственную производительную силу. Любое государство, рассчитывающее на статус сверхдержавы или просто на экономическую успешность вынуждено субсидировать НИОКР и общественное образование, крупные технологические проекты. Это прекрасно осознают и граждане, вспомним пакистанцев, вышедших на демонстрации с лозунгами: "Мы будем есть траву, но у нас будет ядерное оружие". Осознание значения науки было характерно не только для стран Запада, не меньшее значение развитию науки и техники, образованию уделялось в СССР и других социалистических странах, там существовал культ науки. Но не только превращение науки в непосредственную производительную силу вызвало в XX в. небывалый рост ее общественного престижа. Ее духовный авторитет, ее герои и мученики сыграли в этом большую роль. Неудивительно, что образ ученых идеализировался, их авторитет еще в XIX в. был настолько высок, что в обществе сложился устойчивый стереотип, что в любом споре за наукой оказывается последнее слово и истина в последней инстанции за учеными. Поэтому и основные [идеологии](#) XIX - XX вв. настаивали на своей научности.

Основой господствующего класса все же является не технократия, не собственно управленцы и ученые - это устаревший подход, заимствованный из научно - фантастической литературы, а, как и прежде, крупные собственники (говоря понятиями [Т. Веблена](#), политическое влияние, равно как и собственность на средства производства, осталось в руках "бизнеса", а не "инженеров"). Как справедливо замечает К. Веддерберн: "Замещение денежного капитала интеллектуальным не изменило сути дела: часть членов общества обладает дефицитным производственным ресурсом, а часть - нет; поэтому, хотя современный работник лучше образован, натренирован и обладает лучшими навыками, он все еще не занял равного положения со своим оппонентом - нанимателем" [\[21\]](#). Научно-технический прогресс не интериоризирован, он не может осуществляться без значительных инвестиций, без поддержки государства, в отрыве от средств производства. Технократ в современном обществе остается прежде всего привилегированным наемным работником.

Безусловно, общественная роль ученых и технократов выросла за последние десятилетия. Требование обладания престижным образованием и, желательно, научной степенью становится все более обязательным для политической элиты. Но знание само по себе не стало властным ресурсом. Стремление элит монополизировать доступ к определенным знаниям и умениям, используя терминологию [П. Бурдьё](#), к определенным типам "символического капитала" через закрытую для большинства систему образования, действительно заметно в последнее время (в том числе и в России [\[22\]](#)) и вполне вписывается в общую тенденцию, однако это отнюдь не новое явление. Достаточно вспомнить, например, печально известный секретный циркуляр "о кухаркиных детях", изданный министерством народного просвещения России в 1887 г. Наоборот, особенностью современности является растущая доступность огромного объема информации благодаря распространению информационных технологий, рост общего числа учащихся, интернационализация образования и т.п. Так, О. Тоффлер и Д. Драркин отмечали, что в современном [информационном обществе](#) информация становится все более доступной для всего общества, независимо от социальной стратификации, наоборот, многие социальные группы теряют контроль над теми видами информации, которой они обладали прежде монопольно [\[23\]](#). Однако большинство людей просто не в состоянии стать потребителями этой информации или найти ей какое - либо применение. Кроме того, не следует упускать из вида символическое, знаковое значение престижного образования, а также социальные факторы (приобретение знакомств, связей, контакты с потенциальными работодателями и пр.).

Постиндустриальное общество - пока в первую очередь теоретический конструкт, причем весьма противоречивый. Он является объектом различных интеллектуальных спекуляций. Читая многих западных авторов, можно удивиться, казалось - бы, их оторванности от реальности: они, подобно футурологам, рисуют новое сетевое общество мирных творческих интеллектуалов с инкорпорированными

постматериальными ценностями, их свободные отношения, основанные на толерантности, доверии и праве. По всей видимости, речь идет преимущественно о высшей страте общества, связанной с транснациональными сферами бизнеса. При этом, как правило, указывается, что такая модель общества возможна только в странах "центра" и неизбежно предполагает наличие своей "периферии". Как правило, исследователями обращается внимание и на наличие в постиндустриальном обществе жесткого классового конфликта и обширного социального дна. Как справедливо отмечал [Ж. Аттали](#), новое западное общество является скорее не постиндустриальным, а сверхиндустриальным [\[24\]](#), хотя и в известной степени деиндустриализованным, оно производит и потребляет гораздо больше промышленных товаров, чем прежде. Утверждается, что мировоззрение новой элиты близко к технократической идеологии, однако, строго говоря, это не обязательно соответствует действительности [\[25\]](#).

По сути дела, подобные теории - очередной техногенный миф, в основании которого лежит абсолютизация инструментализма. Выше было отмечено, что человечество в последние десятилетия живет в мире "неэффективных технологий" (В-фаза "кондратьевского цикла"). О "неэффективности", естественно, идет речь применительно к текущим потребностям человечества и состоянию биосферы. Эта неэффективность проявляется в том, что: 1) нынешний уровень технологий и организации производительных сил не способен полностью удовлетворить даже базовые экономические потребности большинства населения Земли, 2) современная экономика не может поддерживать стабильную даже не очень высокую норму прибыли в основных индустриальных отраслях без ухудшения положения пролетариата, т.е. без усиления эксплуатации, 3) доказано разрушительное воздействие на биосферу экономики, основанной на технологиях текущего уровня, и не существует возможности минимизировать это воздействие; кроме того, она настолько ресурсоемка, что может исчерпать разведанные и прогнозные запасы полезных ископаемых за несколько десятилетий [\[26\]](#).

7.2. Значение "Информационной революции"

В последние десятилетия вперед вырвались сферы электроники и информатики, что привело к осуществлению т.н. "[информационной революции](#)". Именно эти сферы развивались наиболее динамично и обеспечивали наибольшую норму прибыли. Высокие зарплаты также переместились в эти отрасли из традиционных отраслей индустриального производства [\[27\]](#). Изменилась и методология оценки бизнеса, капиталообразование все больше использовало НМА - нематериальные активы, чья доля в совокупной рыночной стоимости компаний неуклонно росла [\[28\]](#). Уже в 90-е гг. XX в. в структуре американского бизнеса произошел тектонический сдвиг в пользу компаний, специализировавшихся в информационной сфере. Они по своей финансово-экономической мощи, отраженной в позициях на фондовых биржах США, стали представляться символом экономического могущества США, как прежде General Motors. Возникла необычная на первый взгляд ситуация, когда маленькие, никому прежде не известные компании со скромным штатом сотрудников, без активов, но высокоприбыльные и быстрорастущие, вдруг оценивались рынком, словно "голубые фишки". Бывший министр финансов США Л. Саммерс неоднократно публично заявлял, что объем капитализации только одной фирмы Microsoft стал превышать капитализацию американской авиакосмической, автомобильной и сталелитейной промышленности вместе взятых. Б. Гейтс и П. Аллен входят в десятку богатейших людей планеты. Переоценка ИТ - компаний, особенно т.н. "доткомов" достигла астрономических величин. Капитализация только одной поисковой Интернет-службы "google" превышала капитализацию компании ЮКОС.

Соответственно выросло и государственное и общественное значение данного бизнеса, эти сферы стали рассматриваться в качестве приоритетных в любой развитой стране, а многие "технократы", определяющие развитие отрасли, действительно благодаря своим талантам и образованию (а также благоприятной конъюнктуре, в частности обширному предложению венчурного капитала из-за его перенакопления), с "низов" поднялись до высшего уровня [бизнес-элиты](#) (впрочем, при подробном рассмотрении можно увидеть, что число выходцев не из высших классов совсем не велико). Однако к настоящему времени, отрасли и рынок в целом сформировались и перешли либо к стадии высокой

конкуренции, резко снижающей норму прибыли, либо к стадии монополизма. Оба варианта не предусматривают скорого появления новой элиты теми темпами, как это было в 1980-1990 гг.

В то же время знание и информация являются одними из самых мобильных и транснациональных видов капитала. "Деньги и фабрики, информация, машины и эмблемы фирм не привязаны к определенной точке на карте, носители знания и опыта - в еще меньшей степени" - пишет [У. Бек](#) [29]. Дж Кантуэлл замечает, что если исторически научно-исследовательская база [ТНК](#) была сосредоточена в их родных странах, то в эпоху [глобализации](#), национальных систем инноваций для обеспечения преимущества над конкурентами явно становится все более недостаточно, что провоцирует распространение международных сетей разработки новых технологий и диверсификацию научных исследований [30], имеющих тенденцию к концентрации в рамках государств [ОЭСР](#) [31]. Формирующееся в мире "информационное сообщество" специалистов, естественно, тяготеет к самоконцентрации в богатых и относительно безопасных государствах, в крупных городах или наукоградах, которые способны обеспечить его членам высокий уровень жизни, профессиональный рост и профессиональную среду общения. Однако, с другой стороны, благодаря развитию Интернета в настоящее время широко распространена практика "аутсорсинга", не предполагающая локализации интернациональной "технократии".

Многие исследователи полагают, что в странах "триарного капитализма" создается особый тип техногенной информационно - космической цивилизации. У многих складывается впечатление, что информатизация общества - глобальная социальная революция, ведущая к радикальному изменению существующего экономического и социального порядка по всему миру. Такую направленность имели концепции Д. Белла (постиндустриальное общество), [З. Бжезинского](#) ("технотронная эра"), Ж.-Ж. Сервайн-Шрайберга ("информатизированное общество"), М. Понятовского и О. Тоффлера ("телематическая революция", "организационная революция"), М. Маклюэна, Р. Паппэ, Ю. Ногуты, и многих других авторов [32]. Как отмечал Р. Цвылев, информационную революцию многие стали отождествлять с научно-техническим прогрессом. К началу 90-х годов XX в. широкое распространение получили не менее 75 таких концепций и теорий [33].

Как отмечает Я. Нейматов, "иллюзорное стремление разрешить с помощью техники (прежде всего электроники) все социальные проблемы является техноидиллией, типичной для западной философии последних десятилетий" [34].

В целом значение информационной революции было существенно переоценено и мифологизировано, многими авторами выдвигались дискурсы об осуществлении на ее основе кардинальной ноосферной трансформации социального развития [35]. Она даже сравнивалась с неолитической революцией, рассматривалась как реальное средство решения глобальных проблем [36], поднимались дискурсы о том что информация пришла на место энергии, о возникновении особой "инфосферы" и пр. Указанные концепции представляют в значительной степени технологический редукционизм и детерминизм - оторванность мышления специалиста от более широкого социального контекста человеческой деятельности и служат питательной средой для порождения "научного" мифотворчества.

В настоящее время в кругу исследователей-обществоведов активно поднимаются дискурсы относительно функционирования элиты в информационном поле, манифестируется даже появление некоей "информационной элиты", осуществляющей управление и обратную связь, манипулируя потоками информации. Развитие информационных технологий породило ряд концепций т.н. "электронной демократии" [37]. Звучат также и предостережения о возможности изменения способа мышления и мировоззрения "информационной элиты", ее отрыва от народной массы и потери эффективности. Поднимаются и дискурсы об опасности появления тоталитарного "всемирного правительства" на основе технократической элиты и установления тотального контроля, "электронного рабства" посредством, в том числе, и информационных технологий [38] [39]. В частности, Г. Зюганов использует термин "технотронный фашизм" [40].

7.3. Концепция "креакратии"

Кроме концепции технократии существуют и иные взгляды, фиксирующие изменение социальной структуры и появление новых элитарных групп. Как известно, в последние десятилетия динамично развивались и показывали высокую норму прибыли также, отрасли связанные с дизайном и т.н. "креативом" (мы принципиально разделяем "креатив" и творчество). Соответственно дизайнеры, копирайтеры, маркетологи, "креативщики", имиджмейкеры и пр. "креаторы", "генерирующие" и поддерживающие бренды [41] (к примеру, рыночная капитализация марки Coca-Cola составляет 70 млрд. долл.), имиджи, привлекательные для целевых групп дизайнерские решения и всевозможные "аттракторы" также можно рассматривать как важную часть господствующего класса (наравне с традиционно включенной в него творческой элитой и звездами "шоу бизнеса" - "властителями дум"). Они создают дополнительную прибыль практически из ничего, они мобильны, важную роль играют знания, умения и врожденные способности. Как замечает А. Панарин, "в контексте прежнего, "фаустовского" понимания интеллектуальная рента связывалась с высокой долей творческого труда в производстве того или иного товара. Однако со временем под интеллектуальной рентой (ныне достигающей 65 - 70% стоимости товаров стран первого мира) стали понимать все то, что воплощает виртуальную стоимость, касающуюся престижного имиджа товара, его статусной символики. С этой точки зрения те представители творческого труда, которые работают над приращением соответствующего символического содержания товара, могут быть рассмотрены как часть господской среды, пользующейся паразитарными рентами [42].

Например, манифестируя наступление эпохи "креакратии" А. Двоскин [43] обращает внимание на виртуализацию современной политической сферы, распространение политтехнологий и рост влияния СМИ.

По мнению О. Матвейчева, одного из сторонников данной теории, "власть давно уже принадлежит не официальным лицам, а тем, кто придумывает сценарии и заставляет играть по ним политиков-актеров. Политики, парламенты монополию на власть давно потеряли. Всякий может поставить собственное политическое шоу, написать собственный сценарий и, если хватит мужества, сыграть его" [44].

На взгляд автора, в настоящее время складывается "электорат будущего", состоящий из тех, кто родился в новую постиндустриальную "креакратическую" эпоху, что, по его мнению, неизбежно приведет к тому, что "никто не захочет голосовать за героев индустриального века", и к власти станут приходить "другие" люди (креативщики или креакраты). По мнению автора, "яркие личности", например, пришедшие в политику из шоу-бизнеса, более активны, "креативны", эффективны и привлекательны для электоратов, выросших на массмедийной культуре, т.о. попадают в состав элиты благодаря, в первую очередь, своим личным качествам, неважно, реальным или виртуальным, "имиджевым".

Не составляет труда увидеть, что эта концепция представляет попытку анализа феномена, описанного Г. Дебором как "общество спектакля" [45], но на более низком уровне абстракции. Данный подход достаточно широко распространен и меняет местами субстанцию и акциденцию. Из него следует, что именно "катодные политики" и создающие их имиджи политтехнологи являются некоей элитой будущего, способной манипулировать массами. Идеологи уступают место технологам [46].

По мнению провозвестников "креакратии", для "электората будущего" значение имеет преимущественно имидж кандидата, и таким образом они априорно наделяют политика, обладающего ярким имиджем также и всей совокупностью качеств эффективного политического лидера (не говоря уже о том, что большинство "катодных политиков" являются несамостоятельными фигурами). Т.о., политический спектакль, видимость политики в их представлении заменяет саму политику [47], симулякр подменяет собой реальность.

Отчасти это действительно так, в условиях современности, "символизации политики" трансформация нормативно-символической сферы привела к тому, что главным системообразующим конструктом в матрице политического сознания стал имидж, распространение и потребление которого становится условием гражданской идентификации и источником формирования подвижных политических общностей.

7.4. "Медиакратия" и "медиаимпериализм"

Многие исследователи сравнительно недавно ведут речь о грядущей эпохе "медиакратии" - власти СМИ, которые уже не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению. Основанием этой концепции является тот факт, что СМИ оказывают значительное влияние на формирование политического сознания индивидов и поведение электоратов. В частности, Э. Денис полагает, что "СМИ "формируют" наше мышление, "воздействуют" на мнения и установки, "подталкивая" к определенным видам поведения" [48]. О. Кузьмин отмечает: "Благодаря возможности придавать общественному мнению массовость, СМИ обладают способностью управлять и даже манипулировать им" [49].

При этом некоторые авторы, опираясь на концепцию П. Бурдые [50], констатируют, что общественного мнения, как некоего усредненного мнения всего народа (или его части), не существует. Например, Ю. Солодухин утверждает, что "пресса самым непосредственным образом участвует как в производстве, так и в распространении мнений, то есть она не выражает, а создает общественное мнение, не отражает представления людей о мире, а формирует сами эти представления, а значит, и их видение мира... Производство артефакта, называемого общественным мнением, - весьма важная "властная" функция СМИ" [51]. Ю. Солодухин утверждает в этой связи: "...как показывает история, в определенные периоды сила политического влияния СМИ становится сопоставимой с силой государственной власти. При таком понимании деятельность СМИ правомерно рассматривать как своеобразную форму власти" [52]. Неслучайно по поводу СМИ нередко используется выражение "четвертая власть".

Однако далеко не все исследователи уверены в актуальности "медиакратии". Д. Меррилл пишет: "Возможно, средства массовой информации и обладают силой фокусировать наше внимание на определенных вещах, но это не та власть, которая заставляет действовать" [53]. Данные многих эмпирических исследований не подтверждают серьезного влияния СМИ на формирование политического сознания и политическое поведение населения, что привело к возникновению противоположной концепции "минимального воздействия" СМИ на массовое сознание [54].

Могущество СМИ ограничивает также и сравнительный плюрализм информационного пространства. В целом можно утверждать, что возможности влияния СМИ на массовое политическое сознание и поведение населения в целом далеко не безграничны. В периоды выборов, политической нестабильности или революционных трансформаций, социальная роль и влияние СМИ возрастают, особенно через их кумулятивный эффект [55]. Напротив, в периоды стабильности, когда население в своем большинстве "уходит" в собственную индивидуальную жизнь, СМИ теряют массовую политическую влияние, оставаясь значимыми преимущественно для узкого круга политической элиты и ее интеллектуального окружения. Миф о всеисильности СМИ и наступлении "медиакратии" выгоден, прежде всего, самим СМИ для реализации корпоративных интересов, так как обладание символическим капиталом "влиятельности" позволяет при определенных обстоятельствах конвертировать его в экономический капитал.

Владельцы СМИ приобретают таким образом политическое влияние, они важны для власти, но не являются ее основой, нельзя сказать, что массмедиа являются политическим институтом, а и их собственники определяют политику. В то же время М. Афанасьев отмечает, что в то время как политические "обратные связи с общественностью" превращаются в маркетинг, тот становится настоящей политикой [56]. В условиях "размораживания" партийных систем и размывания идеологических идентификационных механизмов связующим управляющих и управляемых является политический рынок. На Западе маркетинг рынка ограничивается наследием гражданского общества и укорененностью политических партий. Там, где таких ограничителей нет, маркетинг политики особенно быстра и цинична [57].

Однако у концепции "медиакратии" есть еще одно измерение, это т.н. медиа-империализм, связанный с текущими глобальными политическими тенденциями, претензиями ряда стран и транснациональных акторов на гегемонию в телекоммуникационной (и шире, информационной) сфере. Все более очевидным становится тот факт, что США уверенно завоевывают господство в мировом информационном пространстве. Такой взгляд выражает, в частности, Дж. Най [58], когда пишет о "мягкой власти" ("soft power") Атлантистского центра, имея в виду все средства влияния, относящиеся к сфере культуры и идеологии.

Медиа-империализм может осуществляться либо опосредовано - через воздействие на элиту и владельцев СМИ разных стран, либо непосредственно. В этой связи вызывает опасения идея либерализации рынка глобальных телекоммуникаций, нашедшая поддержку как среди транснациональных финансовых кругов и медийных компаний, так и среди ряда государств [59]. Особое значение в этой связи имеет т.н. "Соглашение ВТО по основным телекоммуникациям", вступившее в силу в 1998 г. с целью "демонополизации" телекоммуникационной сферы [60], принятое большинством стран, несмотря на нежелание многих государств реформировать исторически сложившуюся монополию на рынке телекоммуникационных услуг, в связи с особым значением телекоммуникаций для национальной безопасности. Участники соглашения обязались применить режим наибольшего благоприятствования к телекоммуникационным услугам, предоставить права иностранным инвесторам делать без ограничений капиталовложения в этой сфере. В результате "очевидно, что выгоду получают американские и англо-американские телекоммуникационные корпорации, которые смогут подавить слабые монополии, поддерживаемые правительством, длительное время господствовавшие в сфере телекоммуникаций в Европе и Азии" [61].

По мнению многих аналитиков, это соглашение дает США "новый инструмент международной политики" [62], возможность более широко экспортировать свои ценности, в то время как многие страны оказываются беззащитными против угроз и манипуляций в информационно-психологической сфере. Это еще один шаг к утрате государствами, по выражению У. Бека, "национально-государственной информационной независимости как части политического суверенитета" [63].

Кроме того, США уже давно монопольно используют ряд преимуществ Интернета, например, создавая закрытый "Интернет-2", в полной мере доступный лишь крупным корпорациям и госструктурам США. На его основе создается информационная система "Абеллена", соединенная с глобальными спутниковыми подсистемами перехвата всех электронных сообщений планеты - "Эшелон" и "Оазис" [64].

э

7.5. Заключение

Резюмируя данный раздел, следует отметить, что концепции технократии и медиакратии, несмотря на их эвристичность, явно недостаточны в качестве моделей, фиксирующих наиболее заметные трансформации элит и "сдвиги", актуализировавшиеся в последние десятилетия. Однако их использование для концептуализации феномена транснациональной элиты и в целом для изучения современных элит представляется важным, так как они отмечают и анализируют важные и актуальные факторы власти.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 7. Технократический подход к транснациональной элите

1. Что такое "информационная революция"?
2. Перечислите основных авторов концепции "технократии".
3. Согласно прогнозам Д. Белла, П. Дракера и др. ученых, какая социальная группа должна стать доминирующей в постиндустриальном обществе?
4. Каково значение образовательного канала элитного рекрутирования в настоящий исторический период.

5. Что такое "медиаимпериализм"?
6. Какие средства воздействия лежат в основании soft power ("мягкой власти")? Чем определяется эффективность ее воздействия?
7. В чем состоит специфика "Соглашения ВТО по основным телекоммуникациям" 1998 г.?
8. Являются ли СМИ "четвертой властью"?

Тема 8. Транснациональная элита как "новое кочевничество": логика транссоциальных пространств и сетевого общества

8.1. Феномен транснациональных социальных пространств

В ряду концептуальных подходов к объяснению современных [элитарных](#) тенденций, обусловленных процессами информационной революции, [глобализации](#) и либерализации движения капиталов, достаточно серьезное место занимает теория "[нового кочевничества](#)", или "неономадизма". "Неокочевничество" - достаточно широкое понятие. Можно выделять распространение самих "номадов" и распространение свойств, качеств, ценностей и предметов "номадизма". Эти концептуальные построения связаны с феноменом транснационального социального пространства.

Транснациональные социальные пространства рассматриваются как предоставленные самим себе экстерриториальные транснациональные поля действия, созданные и поддержанные "заинтересованными организациями" и лицами [\[1\]](#). В них входят "транснациональные организации, органы, группы, личности, которые создают и развивают паутину социальных отношений" [\[2\]](#).

Транснациональные социальные пространства аннулируют привязку общностей к определенному месту (в национально - государственных понятиях) [\[3\]](#) и отличаются от стандартной миграции. Индивиды и социальные группы могут постоянно находиться в этих пространствах. Как отмечает [У. Бек](#): "Мыслительные и исследовательские послыки транснациональных социальных пространств допускают возникновение чего-то нового, третьего: социальных взаимосвязей жизни и деятельности, для которых приемлемы "здесь и там", "не только, но и". Под и между обособленными и упорядоченными мирами образуются "социальные ландшафты" [\[4\]](#).

Принято считать, что подобные пространства в силу своей маргинальности могут нести в себе немалый деструктивный заряд. "Неокочевники" приносят в жертву сиюминутной конъюнктуре долгосрочные интересы, живут по принципу "здесь и сейчас", принципиально безответственны (ибо и не перед кем). Подобное экстерриториальное пространство с собственной иерархией можно обозначить как некое параллельное общество или даже "анти-общество".

8.2. "Новые кочевники"

Если вести речь о [транснациональной элите](#), то следует отметить, что значительная ее часть находится в подобном пограничном пространстве (например, представители [ТНК](#), кочующие по миру, финансовые спекулянты, находящиеся на бирже или в [оффшоре](#), [глоб-троттеры](#) и т.п.), гражданство для них является товаром, национальная привязанность во многом просто фикция. "Неономады" различаются по уровню обладания капиталом (в том числе и личным капиталом). Условно возможно выделить 3 уровня:

- 1) элита, крупные транснациональные экономические акторы,
- 2) средний класс - мигрирующие специалисты, менеджеры и пр.,
- 3) бедные кочевники - мигранты и беженцы.

Исследователи, затрагивающие это явление, обычно упоминают, что "неономады" подрывают основы демократии и размывают нации, они часто провоцируют как финансовые кризисы, так и социальную напряженность, действуя на разных уровнях и создавая различные, часто причудливые формы транснациональных пространств. У них есть своя "селективная" или сетевая корпоративная этика в

различных формах: наподобие менталитета диаспоры, масонства или "Шулхан Арух" и т.п. Неономадам, особенно элитам, свойствен трофеизм - они как бы совершают набеги на страны из своего "параллельного" транснационального экстерриториального пространства и скрываются в нем.

В то же время, как отмечают исследователи данного подхода, под глобальный номадизм должна быть подведена техническая база, основанная на достижениях "информационной революции", и, в отдаленной перспективе, генной инженерии, микробиологии и пр., манифестируется возможное изменение самой человеческой природы, человеческий инжиниринг.

В этих взглядах много футуристического, но ряд тенденций современности отмечен достаточно точно.

[Ж. Аттали](#), автор концепции неономадизма, связывает возникновение неокочевничества с наступлением

"девятой рыночной формы", характеризующейся "информационной революцией" и появлением новых портативных предметов, заменяющих услуги, которые он называет "номадическими предметами". Эти новые портативные вещи "современного кочевника" (мобильные телефоны, компьютеры и пр., автор предсказывает и некие "искусственные органы") преобразовывают саму организацию труда, подготавливают индивидуализацию и индустриализацию услуг в сфере досуга, преподавания, здравоохранения и т.д. Ж. Аттали предполагает, что в новом современном обществе возобладает т.н. "кочевническая культура": в условиях [неолиберальной](#) рыночной экономики "новые номады" - богатые граждане-потребители будут странствовать по миру, совершая сделки, приобретая товары, информацию, новые впечатления и ощущения. В структуре культуры будут преобладать "царство карнавала", апология нарциссизма, индивидуализма, устареют подлинно массовые [СМИ](#), люди станут самостоятельными потребителями информации и зрелищ по своему выбору и пр. [\[5\]](#)

Ход глобальных процессов, согласно Ж. Аттали, будет определять довольно узкий круг транснациональной элиты. В описанном обществе высокие доходы будут уделом тех, кто обладает рентой знания или информации, им будут противостоять "бедные номады", которые бегут из "испытывающей нужду периферии" в поисках лучшей жизни.

Ж. Аттали отмечает, что в этой новой социальной форме человек станет номадом без стабильного адреса и семьи: он будет носить на себе и в себе все, что составит его социальное значение. Эфемерное станет законом, нарциссизм - главным источником желания. Логика развития науки и экономики ведет, по мнению Ж. Аттали, к возникновению неких "генетических протезов", в результате чего, "сама Жизнь станет номадическим предметом" [\[6\]](#).

По мнению автора, эта новая человеческая форма разовьется прежде всего в развитых странах. В долгосрочной перспективе причины, вызвавшие ее появление, представляют угрозу для человечества [\[7\]](#).

Безусловно, такое "кочевничество", маргинализация портит людей, редко приносит подлинное счастье в долгосрочной перспективе. Как полагает Ж. Аттали, ""номадические предметы" представляют собой также фактор мятежа. Тот, кто не привязан ни к чему, готов ко всему; новые предметы не заполняют отсутствия смысла и стабильности; свобода, если это свобода скуки, стремится заполнить пустоту путешествиями, в том числе и такими, откуда не возвращаются" [\[8\]](#).

[А. Панарин](#) отмечает еще один важный аспект: глобальный индивид современности кочует не только в физическом пространстве мира. Он кочует и в "межтекстовом пространстве культуры, нигде особенно не задерживаясь, заключая лишь временные соглашения с попадающей ему на пути социальной средой. При этом его пространственные и "межтекстовые" странствия имеют определенный вектор: он мигрирует из мест, где нормы более жесткие, в места с разреженным нормативным пространством, в которых ни его практики, ни его "чувственность" никто не посягает упорядочивать и подчинять коллективному интересу [9].

Таким образом, свобода от нравственных норм, национальных и общественных интересов основывается на свободе миграции в межкультурном и межстрановом пространстве. В итоге, резюмирует А. Панарин: "наиболее свободными оказываются не те, кто в самом деле находится на вершине культуры или несет в себе программу саморазвития человечества, аккумулируя высшие достижения цивилизации, а всего лишь наиболее мобильные, которым дано право и возможности беспрепятственно кочевать по миру, в противоположность вынужденно привязанным к месту и, следовательно, вынужденно лояльным" [10].

В настоящее время заметна тенденция ускорения темпов количественного увеличения "неономадов" (как "бедных", так и "богатых"), с целью, как полагают некоторые исследователи, создания некоего "всемирного сетевого общества "новых кочевников". Лица, оторванные от прежних идентичностей, часто ввергаются в хаос личностной неопределенности, как следствие, ими очень просто манипулировать. Как утверждает С. Бородин, не предусматривается возможности полноценного возвращения "человека-кочевника" в его прежнюю "родную среду", что предполагает создание условий принципиальной бесповоротности случившегося [11]. По его мнению, современные транснациональные элиты заинтересованы в целенаправленном формировании цивилизации "новых кочевников", основанной на ликвидации национально - родовых отношений.

Воздействие на население состоит в привитии идеологических штампов номадического образа мышления. В общественный оборот был успешно внедрён широкий спектр психологически комфортных идеологием, формирующих притягательность облика "нового кочевника". "Цивилизация номадов", таким образом, существует в групповом сознании, носители её ценностных установок начинают стремиться к воплощению их в реальную жизнь в любом месте и при любых условиях, какие бы должности они не занимали и к какому социальному слою не принадлежали. Они часто оказываются в составе элиты.

Среди исследователей-обществоведов поднимаются дискуссии о том, что верхний уровень элит, особенно связанных с глобальными сферами, становится все более номадическим как по составу, так и по ценностям. Складывается новая система отношений между элитами и массами, управляющими и управляемыми. Этот вопрос крайне широкий и имеющий как гуманитарные (прежде всего, социально-психологические), так и политические и экономические аспекты.

Существует особый тип элит ([Т. Веблен](#) называл их "праздным классом", [Ж. Аттали](#) - "новыми кочевниками", [А. Зиновьев](#) - "глобальным сверхобществом"), которые не привязаны к конкретной стране и соответственно культуре, у которых дома, бизнес и даже развлечения разбросаны по всему миру. Структуры новых кочевников, словно сети, охватывают почти весь мир. Транснациональная элита ориентируется на Запад в первую очередь потому, что это их преференциальная среда обитания с самыми лучшими условиями существования [12].

Образовываются определенные элитные группы, располагающиеся преимущественно в отдельном транснациональном пространстве, где все мобильно и виртуально, отсутствуют либо ослаблены общепринятые морально-нравственные запреты и нормы, и оттуда разрушающие привычную социальность. Так, например, их экономическая функция часто бывает деструктивной (например, финансовые спекулянты).

Подобные элиты принципиально асоциальны, точнее транссоциальны, не вписываются в любое общество, в том числе и западное, стоявшее на триаде Модерна: рынок, демократия и право. "Неокочевникам" не нужен честный, прозрачный рынок - т.к. в его основе лежит эквивалентный обмен. "Неокочевник" же, по своему определению, не хочет обмениваться с кем-либо результатами своего труда -

он стремится отнять и обмануть, взять трофей насильно. Демократические процедуры и многие правовые нормы также часто воспринимаются транснациональной элитой как ограничители их свободы, анахронизмы Модерна, поддающиеся коррекции со стороны заинтересованных групп.

Многие страны и политические режимы являются только инструментами в руках этих элит. "У них образовалась особая культура реактивных лайнеров, шикарных отелей и компьютерных сетей, своя внутрикорпоративная этика, это сеть нового кочевничества, особая "цивилизация - паразит" - пишет [М. Калашников](#): "Они оперируют огромными деньгами и не обращают внимание на то, сколько стоит та или иная вещь: они всегда могут купить все и за любые деньги. Им даже выгодна дороговизна - так все самое новое и современное оказывается недоступным громадному большинству людей, а им - доступно" [13]. По всему миру они воздействуют на власть, чтобы гарантировать себе привилегированный, если не монопольный, доступ к важнейшим активам.

По мнению многих исследователей, это методологически сближает их с "классическими" олигархами, но без национально - государственной привязки. Широко признано, что главный источник [олигархического](#) капитала - сферы, образующие сверхприбыль или ренту [14] и спекулятивные операции. Таковы же преимущественно и источники капитала транснациональных элит, при этом они оперируют в глобальном масштабе. Транснациональные капиталистические элиты, как отмечает К. Скоузен [15], отличаются от обычных национальных элит во многих отношениях:

- они преимущественно [космополитичны](#) и интернациональны;
- они всячески сближаются с правительствами и политическими элитами разных стран и крайне озабочены влиянием на них;
- их интересы преимущественно направлены на сферу обращения, торговые, финансовые и фондовые операции;
- они обычно фанатичные приверженцы дефляции, роста корпоративной прибыли, отдачи на капитал и сокращения издержек;
- они являются сторонниками секретных не прямых действий, например, скрытого финансового влияния на политическую сферу стран, их транзакции обычно носят непрозрачный характер;
- они больше всех выигрывают от экономической глобализации, открытости границ, либеральных преобразований.

При таком подходе неоолигархи справедливо рисуются в виде "пожирателей активов", "баронов-разбойников" либо, как у М. Олсона, "промышляющих грабежом кочевников" [16]. Их паразитическое мировоззрение (столь точно описанное Т. Вебленом) склонно рассматривать их собственные страны и народы как доноров, источник получения ресурсов.

Как полагает М. Калашников, в определенный момент (совпавший с обозначившейся В-фазой большого "Кондратьевского цикла") "новые кочевники" сочли,

что традиционная цивилизация подрывает их власть над историей, делает мир менее управляемым, и вообще уничтожает среду их обитания. Более того, они опасаются новых и труднопредсказуемых рисков, в результате возможной [НТР](#). В результате, мировая экономика занялась бесконечным совершенствованием предметов роскоши и потребления, а также различных "номадических предметов", бурный прогресс которых за последние годы несомненен, а не революционными прорывами в технике наподобие тех, чем в прошлую эпоху стали изобретение двигателя внутреннего сгорания, электричества, радиосвязи и атомной энергии. За последние несколько десятилетий "нео-номады" искривили научно - техническое развитие мира, остановили потенциально великие революции: отказ от нефти, как главного энергоносителя, переход на атомную энергетику без обогащения урана. Они прекратили экспансию в космос (развивается только узкопрагматичный,

без обогащения урана. Они прекратили экспансию в космос (развивается только узкопрагматичный,

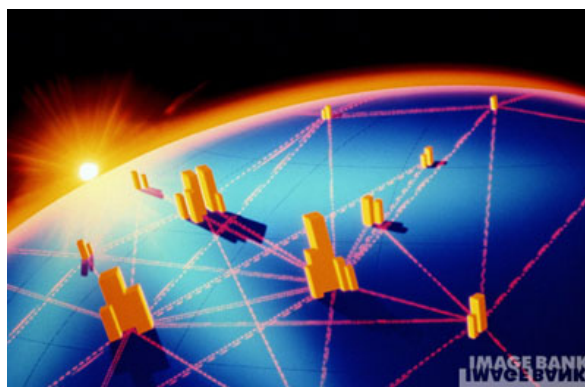
"шпионский" и коммерческий космос) и на шельф Мирового океана, развитие нелекарственной медицины и пр. Вместо новых дешевых и экологичных источников энергии человечество в начале XXI в. получило дикое сочетание из компьютеров, массмедийных развлечений, почти рабского труда азиатских рабочих, грязной "огневой" энергетики, нефтяных вышек и масс структурно нищего населения.

В качестве приоритетной социальной задачи такие элиты навязывают не борьбу с бедностью и безработицей и повышение образовательного уровня населения, а скорее наоборот, консервацию отсталости и сосредоточение ресурсов для повышения и без того невероятно высокого уровня потребления избранной части человечества.

Растущая власть "неокочевых элит" зиждется на их контроле над потоками капитала, энергетикой и технологиями. Таким образом, им необходимо как можно дольше сохранить мир в современном виде, без переворотов - потому что такой мир ими досконально изучен и, следовательно, поддается управлению. Поднимаются дискурсы о том, что в настоящее время "новые кочевники" превратились в наднациональную силу, цель которой - создать удобный им [новый мировой порядок](#) - управляемый и программируемый мир, похожий на пирамиду, в котором человечество поделено на господ (элиты), их слуг ([субэлиты](#) и обслуживающие слои) и практически бесправную массу (все остальное человечество).

8.3. "Сетевое общество"

Также представляется интересным взгляд на транснациональную элиту с точки зрения распространенной в настоящее время концепции "[сетевое общество](#)" [М. Кастельса](#) и др. исследователей. Данная методология исходит из того положения, что к современному капитализму больше подходит не понятие "[класс](#)", а понятие "сеть".

М. Кастельс обращает внимание на то, что в условиях "информационной эры" доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей и "сетевой" логики, ведущей к появлению социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы: власть структуры оказывается сильнее структуры власти [17]. Принадлежность к определенным сетям становится одним из важнейших источников власти и перемен в становящемся "обществе сетевых структур".

Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов, открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети (совместимые производственные мощности, общие ценности и т.п.). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций. Одновременно морфология сетей выступает в качестве источника перестройки отношений власти. Подсоединенные к сетям "рубильники" (точки перехода в другие "сети", например, политики, экономики, СМИ) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь узкому слою стратегических элит. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью.

Таким образом, указывается на то, что глобальное общество строится вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации. Сетевое общество, в любых его институциональных

воплощениях, является буржуазным обществом, а капиталистический способ производства впервые определяет социальные взаимоотношения повсюду в мире. Эта разновидность капитализма выделяется на фоне прежних тем, что:

- 1) она носит всемирный характер,
- 2) в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков.

Согласно М. Кастельсу, эту систему возглавляют "капиталисты, которые стоят во главе всех и всяческих экономик и одновременно распоряжаются людскими жизнями" [18]. Капитал либо изначально носит глобальный характер, либо обретает его с целью приобщения к процессу накопления в условиях экономики, строящейся вокруг электронных информационных сетей.

М. Кастельс отрицает существование такой категории, как глобальный класс капиталистических элит. Вместо него имеется взаимосвязанная, глобальная система капитала, движение и изменчивая логика которого в конечном счете определяют экономику и сказываются на судьбе любого общества: "над многообразием буржуа во плоти, объединенных в группы, восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями. Это явление нельзя сводить к простому выражению абстрактной логики рынка, поскольку этот феномен не вполне подчиняется законам спроса и предложения: он реагирует на всякого рода явления, обусловленные психологическими и социальными факторами в не меньшей степени, чем экономическими процессами" [19].

Эта глобальная мегасеть капиталистических сетей одновременно объединяет и ставит под свой контроль центры накопления капитала, определяя структуру поведения акторов капиталистической мирэкономии. Отдельные капиталисты следуют своим стратегиям, двигаясь по контурам и цепям этой глобальной сети, оказываясь в зависимости от "внечеловеческой логики произвольно обработанной информации, подчиняющейся компьютерам" [20]. М. Кастельс характеризует современный капитализм так: "Это капитализм в его наиболее чистом выражении, живущий только для денег и ради денег и производящий товары ради производства других товаров. Однако деньги практически окончательно потеряли свою зависимость от производства, они ушли в сети электронных взаимодействий более высокого порядка, которые едва ли понятны даже тем, кто выступает в качестве их менеджеров. Капитализм по-прежнему остается правящей системой, однако капиталиста во плоти можно встретить только случайно, а капиталистические классы ограничены конкретными регионами мира, где они процветают в качестве придатка к мощному процессу, воля которого находит свое проявление в колонках биржевых ведомостей, мигающих на экранах компьютеров по всему миру" [21]. Управляет этой системой узкий круг стратегических элит - "небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей".

Как и многие другие авторы, М. Кастельс видит противоречие между глобальным характером капитала, и локальным - труда. Сети сливаются друг с другом, образуя метасеть капитала, объединяющую капиталистические интересы на глобальном уровне, труд же теряет свою коллективную самобытность, становится все более индивидуализированным. Труд и капитал "живут за счет друг друга, но друг с другом не связаны" [22]. В этом заключена угроза всему человечеству - исчезает прежняя социальная реальность, капитал стремится уйти в свое "гиперпространство". Борьба между капиталистами и трудом - различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия.

8.4. Заключение

Резюмируя настоящий раздел, следует подчеркнуть, что транснационализацию элит и часто сопряженный с этим явлением феномен неокочевничества следует рассматривать не в качестве конструкта совокупности маргинальных концепций или некоего эзотерического знания, но как одну из актуализировавшихся и изученных глобальных проблем современности, требующую осознания, концептуализации и вербализации.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема 8. Транснациональная элита как "новое кочевничество": логика трансоциальных пространств и сетевого общества

1. Кто такие "неономады" в концепции Ж. Аттали? В чем заключается особенность их кочевничества?
2. Что такое "номадические предметы"?
3. В чем, по мнению У. Бека заключается специфика трансоциальных пространств?
4. Что представляет собой социально-политический проект "новых кочевников" с точки зрения М. Калашникова?
5. Возможно ли выделить "новых кочевников" среди российской политической и бизнес элиты?
6. Чем отличается модель "сетевого общества" М. Кастельса от предыдущих моделей капитализма?

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

Тема I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ

1. Обоснуйте необходимость и сущность понятия "политическая элита общества".
2. Дайте характеристику критериев и покажите классификацию политической элиты.
3. Перечислите основных классиков элитологии и назовите их работы.
4. Укажите основные научно-исследовательские подходы к политической элите.
5. Определите сущность и покажите на исторических и современных примерах России и СНГ действие закона элитарного ряда.
6. Назовите наиболее эффективные направления деятельности элиты в условиях реформирования общества.
7. Каковы основания элитистского и эгалитаристского подходов к обществу и его политическому устройству?
8. Какое место играет бюрократическая элита в современной политической жизни? Как отличается ее роль в странах с развитой демократией и в странах "третьего мира"?
9. Какие факторы оказывают существенное воздействие на формирование политической культуры элиты?
10. Какие социальные факторы играют наиболее важную роль в образовании и развитии элит в современном западном обществе?
11. Приведите пример "референтной группы", а также транснациональной "референтной группы".

Тема II. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА

1. Дайте определение транснациональной элиты. В чем заключаются основные отличия транснациональной элиты от национальной?
2. Что означает термин "субэлита"?
3. Кто из исследователей-политологов предложил термин "субэлита"?
4. Тожественны ли понятия "транснациональная элита" и "бизнес-элита"?
5. Угрожает ли современным политическим элитам утрата легитимности?

Тема III. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО - ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

1. Перечислите новых современных субъектов мировой политики.
2. Что означает имплозия национальных государств? В чем она проявляется?
3. В чем суть модели общества "20/80"?
4. Что такое "культура Давоса"?
5. Дайте определение глобализма.
6. В чем проявляется кризис государства "благополучия"? Какие причины обуславливают его?
7. Как вы понимаете утверждение З. Бжезинского о том, что транснациональные элиты играют в шахматы, а национальные - в шашки?
8. Перечислите основные современные тенденции эволюции государственной службы.
9. В чем проявляется изменение этических норм госслужбы в условиях глобализации?
10. Перечислите особенности госслужбы в РФ (по сравнению с другими странами).

Тема IV. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ЛОГИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

1. Каковы особенности стратификации в "миросистеме" И. Валлерстайна?
2. Какое место в современной миросистеме занимает Россия? Какие признаки сближают ее с "центром" а какие с "периферией"?
3. В чем, согласно мироанализу, проявляется специфика политического процесса на "периферии"?
4. Укажите особенности "третьей волны" демократизации.
5. Каковы условия успешной консолидации демократии в свете современных теорий мировой экономики?
6. Что такое циклы экономической конъюнктуры Н. Кондратьева?
7. В чем проявляется влияние смены "кондратьевских циклов" миросистемы на процессы элитообразования?
8. В чем состоит актуальность прогнозов И. Валлерстайна относительно России?
9. Что такое "неоконсервативная революция"?

Тема V. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

1. В чем заключаются методологические различия элитаристского и классового подходов?
2. Что такое bail out?
3. В чем проявляется растущий конфликт в рамках треугольника: государство - бизнес - гражданское общество?
4. В чем, согласно Дж. Бернхему заключаются основные предпосылки "менеджерской революции"?
5. Чем объясняется высокая степень интегрированности "господствующего класса"?
6. Актуальна ли неомарксистская методология (в частности, трактовка процессов элитообразования) в современном мире?
7. Перечислите основные формы воздействия крупного бизнеса на политическую сферу.

Тема VI. ИНВЕРСИЯ ЭЛИТ: ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ЛОГИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

1. Что такое Вашингтонский консенсус?
2. В чем заключается деятельность "экономических убийц"?
3. Что такое "корпоратократия"?
4. В чем проявляется специфика неолиберальных реформ в развивающихся странах?
5. Какие факторы, по мнению Дж. Сороса, подрывают в среднесрочной перспективе основания гегемонии США?
6. Какое политическое будущее России в рамках складывающихся геополитических тенденций прогнозирует З. Бжезинский?
7. Как на ваш взгляд, можно противодействовать экстерииоризации элит и деятельности "экономических убийц", с целью обеспечения национальной безопасности страны?
8. Можно ли охарактеризовать т.н. "цветные революции" как элемент экспансионистской политики США?

Тема VII. ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЕ

1. Что такое "информационная революция"?
2. Перечислите основных авторов концепции "технократии".
3. Согласно прогнозам Д. Белла, П. Дракера и др. ученых, какая социальная группа должна стать доминирующей в постиндустриальном обществе?
4. Каково значение образовательного канала элитного рекрутирования в настоящий исторический период.
5. Что такое "медиаимпериализм"?
6. Какие средства воздействия лежат в основании soft power ("мягкой власти")? Чем определяется эффективность ее воздействия?
7. В чем состоит специфика "Соглашения ВТО по основным телекоммуникациям" 1998 г.?
8. Являются ли СМИ "четвертой властью"?

Тема VIII. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК "НОВОЕ КОЧЕВНИЧЕСТВО": ЛОГИКА ТРАНССОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

1. Кто такие "неономады" в концепции Ж. Аттали? В чем заключается особенность их кочевничества?
2. Что такое "номадические предметы"?
3. В чем, по мнению У. Бека заключается специфика транссоциальных пространств?
4. Что представляет собой социально-политический проект "новых кочевников" с точки зрения М. Калашникова?
5. Возможно ли выделить "новых кочевников" среди российской политической и бизнес элиты?
6. Чем отличается модель "сетевого общества" М. Кастельса от предыдущих моделей капитализма?

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Политические элиты: понятие, сущность, функции. Алгоритмы образования и функционирования политических элит в современном мире.
2. Основные научно-исследовательские подходы к рассмотрению политических элит.
3. Особенности современного мирового политического пространства.

4. Миросистемный подход как актуальная методология анализа современных глобальных процессов.
5. Новые субъекты политики. Проблема разнообразия политических акторов: концептуальные подходы.
6. Международная деятельность неправительственных организаций и финансово-экономических структур.
7. Транснациональные элиты: понятие, сущность, основные исследовательские подходы.
8. Трансформации института государственной службы в эпоху глобализации.
9. Постиндустриальное общество и концепция технократии.
10. Глобализация и регионализация как мировая тенденция. Глобальные вызовы. Участие России в процессах глобализации.
11. Определение роли и места российских регионов, общественно-политических организаций и финансово-промышленных групп России в международном сотрудничестве.
12. Основные модели глобального управления.
13. Специфика элитного рекрутирования (особенности, механизмы, каналы).
14. Особенности классового подхода к феномену транснациональной элиты.
15. "Медиакратия" как четвертая власть: за и против.
16. "Информационная революция": сущность, значение и влияние на политическую сферу.
17. Специфика транссоциального пространства и феномен "неокочевничества"
18. Транснационализация политических и экономических элит в России.
19. Идеология глобализма: основные аспекты.
20. Защита национальных интересов России в условиях глобализации: проблемы, особенности, современные тенденции.
21. Основные тенденции трансформации политического сознания и политической культуры современных элит.

ТЕМЫ ДОКЛАДОВ И ЭССЕ ПО КУРСУ

1. Политическая элита и безопасность российского государства.
2. Кто такие "экономические убийцы" и их методы. На основе книги Дж. Перкинса "Исповедь экономического убийцы".
3. Состав, особенности, специфика сознания и поведения "праздного класса". На основе книги Т. Веблена "Теория праздного класса".
4. Трансформации политических элит в условиях глобализации. На основе книги А. Панарина "Искушение глобализмом".
5. Остановить бегство капитала из России: миссия выполнима?
6. Спор за место под технологическим солнцем. Перспективы участия России в грядущей НТР.
7. "Новые кочевники" среди российской элиты.
8. "Демонстрация праздности" и "расточительное потребление" - неперенный атрибут современной элиты?
9. Портрет выдающегося политического лидера.
10. Транснациональная элита как референтная группа.
11. Современные элиты: утрата и поиск идентичности.
12. Медиакратия: за и против.
13. Миросистемный подход И. Валлерстайна.
14. "Общество спектакля" как следствие виртуализации политики.
15. Идеология глобализма.
16. Проблема неравенства в современном мире: политическое измерение.
17. "Циклы Кондратьева" в логике миросистемного подхода.

18. Предательство элит на примере развивающихся стран.
19. Волны демократизации. Специфика "третьей волны" демократизации.
20. Распад СССР: анализ причин с точки зрения элитологии.
21. Проблема новых политических акторов.
22. Трансформации политического сознания и культуры современных элит.
23. "Новый империализм": причины, тенденции, перспективы.
24. Современный медиаимпериализм как форма "мягкой власти".
25. Транснационализация политических и бизнес-элит: причины и следствия.

Выдающийся американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц о глобализации и экономической политике США

Глобализация означает, что проблемы и их решение, которые мы обсуждали выше, - адекватная роль государства, ограниченность рыночного механизма, формирующее воздействие экономики на индивидуумов и общество -- нужно обсуждать в глобальном масштабе. Мы снова пишем правила игры, но на сей раз эти правила должны быть написаны международными экономическими институтами, в которых некоторые страны и особые узкогрупповые интересы и конкретные идеологии пользуются огромным влиянием. И в то время, как Америка рассуждает о «правовом государстве», проводимая ею политика учета только односторонних интересов отражает отказ от правопорядка на международном уровне. Америка за установление глобальных правил игры, но обеспокоена тем, что Всемирная торговая организация или Международный уголовный суд будут наделены некоторым суверенитетом. Короче, Америка за правопорядок, но лишь постольку, поскольку исходы его применения будут соответствовать ее потребностям. Немного рефлексии позволит себе представить, что если Америка обеспокоена тем, что может быть ущемлен ее суверенитет, то каковы чувства других стран, особенно развивающихся, когда они видят, как в международных институтах верховодят Соединенные Штаты и другие передовые промышленные страны?

Проблема состоит в том, что экономическая глобализация обогнала глобализацию политическую. Соединенные Штаты преуспели в распространении идеи демократии по всему миру. Демократия означает, что ни один индивидуум не может навязывать всем свою волю. При демократических режимах каждая партия стремится убедить других в своих достоинствах; лидерство, как правило, связано с процессом формирования консенсуса, с помощью которого достигается приемлемый компромисс конкурирующих точек зрения и интересов. Но на мировой арене Соединенные Штаты неоднократно давали понять, что осуществляться должна их воля. Они могут навязывать ее, используя все виды мощи, которыми они располагают, высокую экономическую мощь, если это им удастся. Если же навязать свою волю не удастся, то Соединенные Штаты прибегают к односторонним действиям, игнорируя мнение других. Например, при Джордже У.Буше Соединенные Штаты, крупнейший загрязнитель в мире по состоянию на 2001 г., односторонним порядком вышли из международного соглашения о сокращении выброса парниковых газов, оказывающих ощутимый эффект на климат, содействуя глобальному потеплению.

Глобализация означает, что все страны мира все более охватывает интеграция, а интеграция неизбежно влечет за собой возрастающую потребность в коллективных действиях для решения общих проблем. В мире существует одна атмосфера на всех, и выброс загрязнителей в одной стране -- Соединенных Штатах может иметь серьезные последствия для других стран; например, может приводить к наводнению в Бангладеш или даже привести к полному затоплению некоторых островных государств Тихого океана. Но Америка отказывается признать, что это ее решение, затрагивающее весь мир, должно приниматься в согласии с демократическими принципами. <...>

Соединенные Штаты фактически не приняли и принципы взаимности (золотого правила^[*]). Например, мы настаивали (и, как я полагаю, вполне законно) на том, чтобы Таиланд не использовал сетей для лова креветок, создающих угрозу черепахам. Но, следуя той же самой логике, остальной мир мог бы потребовать, чтобы мы не загрязняли атмосферу нашими парниковыми газами.

Глобализация также требует, чтобы мы перешли к решению проблем социальной справедливости на глобальном уровне. Принципы честности и справедливости руководят нами в наших отношениях с членами нашей семьи, нашего сообщества и нашими соотечественниками. Разумеется, на каждом уровне мы не забываем и о своих собственных интересах. Но при коллективном принятии решений индивидуумы, по всей видимости, пытаются выйти за пределы своих интересов, по крайней мере в своей риторике. Каждый защищает свою позицию, утверждая, что она исходит из общих интересов. Но с развитием глобализации будет возрастать потребность в том, чтобы мы руководствовались принципами честности и справедливости в наших отношениях с членами нашего глобального сообщества.

Многие в Соединенных Штатах, переходя на глобальный уровень, продолжают объяснять свою позицию, просто исходя из узко эгоистических интересов Америки, хотя в последние годы участились попытки придавать политике, отвечающей интересам Америки, *вид*, якобы отвечающий интересам других стран, в том числе развивающихся. Мы говорим: «Если они только примут принципы глобализации, которые мы предлагаем, примут рыночный фундаментализм, они могут тоже обеспечить себе такое же процветание, как Америка!» Проблема, однако, заключается в том, что за рубежом мы проталкивали политику, которую мы не соглашались бы проводить у себя дома, и так как мы действовали лицемерно, наша аргументация оказывалась выхолощенной, а результаты политики крайне неудовлетворительными.

Когда я говорю, что с нравственной точки зрения нам пора начинать думать о «честности» с позиций глобальной перспективы -- а не только с позиций наших эгоистических интересов, -- я считаю, что это обеспечивает и долговременные интересы Соединенных Штатов. Глобализация означает, что мы больше не можем изолировать себя от того, что происходит в остальном мире, как нам с такой страшной силой показали события 11 сентября. Терроризм также легко преодолевает границы, как и деньги, которые его финансируют.

Мы можем в кратковременном аспекте добиться успехов в войне против терроризма, ведущейся физическими средствами. Но в долговременной перспективе это борьба за сердца и умы молодых на всей Земле. Если эти люди сталкиваются с миром отчаянья, безработицы и нищеты, глобального лицемерия и неравенства, глобальных правил поведения, заведомо обеспечивающих интересы передовых промышленных стран (или точнее особые узкогрупповые интересы внутри этих стран) и обделяющих тех, кто и так обездолен, молодежь перенесет свою энергию из области созидательной деятельности, где можно построить лучший мир для себя и своих детей, в область деятельности разрушительной. И мы все на себе испытываем последствия этого.

*Стиглиц Д.Ю. Ревущие девяностые. Семена развала.
М.: Современная экономика и право, 2005. С. 364-368.*

Выдающийся американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц о политике «рыночного фундаментализма»

Многие считали, что с окончанием холодной войны наступит конец идеологиям. Система свободного предпринимательства одержала победу. Все мы можем теперь обратиться к задаче совершенствования этой системы. Полагали, что поражение коммунизма есть поражение исторической патологии, извращенного, тупикового ответвления хода исторического процесса, авторитарного режима, борьба с которым отвлекала внимание от решения более широких и глубоких проблем, связанных с тем, какое общество мы хотим построить.

Но сейчас в мире много такого, что ставит вопрос о кризисе капитализма. Серия скандалов, начиная с Энрон, сделала очевидным, что корни проблем уходят очень глубоко...

В ответ защитники рыночной экономики указывали на беспрецедентное процветание, которое она принесла, и не только немногим передовым промышленно развитым странам. Они хотели бы списать кризис капитализма, как небольшое отклонение, незначительный сбой в работе в остальном безукоризненно работающей машины.

Действительно, рыночная экономика добилась огромных успехов. Она принесла процветание, превосходящее самые радужные мечты. Она сделала средний класс центром нашего сообщества. Но она не покончила, как утверждают некоторые, с политикой перераспределения доходов. <...>

Рыночная экономика обладает огромной мощью, но находится в рамках серьезных ограничений. Мои собственные научные исследования концентрировались на проблемах, связанных с информационной асимметрией, проблемах, значение которых непрерывно возрастало в нашей экономике, основанной на информации. Наша борьба идет за понимание этих ограничений с тем, чтобы мы могли улучшить функционирование нашей экономики. Экономическая жизнь может страдать от избыточного вмешательства государства, но также и нести ущерб, если государство не выполняет того, что от него требуется - не осуществляет адекватного регулирования финансового рынка, не содействует развитию конкуренции, не защищает окружающую среду, не создает базовой страховой сетки для населения.

Я твердо придерживаюсь критики «однобокого подхода»: я не считаю, что существует единственный набор политических решений, который осчастливит нас, всех и каждого... Есть некие общие ценности, к которым обращаются все политики вне зависимости от убеждений: «демократия», «семейные ценности», «сообщество», «равенство возможностей», «социальное равенство», «свободный рынок», «свобода», «справедливость» -- но то, что стоит за этими лозунгами, может очень существенно различаться. <...>

Глобализация затрагивает общества всех типов, существующих в мире. И именно потому, что остальной мир хорошо понимает это, столь высок накал эмоций вокруг глобализации: мы проводили и проводим политический курс, ведущий к росту неравенства за рубежом и в некоторых случаях подрывающий традиционные институты.

Но существует альтернативное видение, основанное на глобальной социальной справедливости и сбалансированной роли государства и рыночного механизма. И это есть видение, которое мы должны стремиться претворить в жизнь. <...>

Когда я перешел с поста председателя президентского Совета экономических консультантов на должность главного экономиста во Всемирном банке, мне показалось наиболее тревожным то обстоятельство, что МВФ и министерство финансов США часто выступали за рубежом именно с таких позиций, которые были прямо противоположны тому, что мы отстаивали у себя на родине. Мы боролись у себя против приватизации Системы социального обеспечения в то время, как проталкивали ее за рубежом....

В Соединенных Штатах мы признавали границы рыночного механизма и считали, что государство должно играть важную (хотя и ограниченную) роль. Но хотя мы сами не верили в рыночный фундаментализм, как в концепцию, согласно которой рыночный механизм может сам решить все проблемы экономики (и общества); мы пропагандировали рыночный фундаментализм для остального мира.

*Стиглиц Д.Ю. Революция девяностые. Семена развала.
М.: Современная экономика и право, 2005. С. 368-371, 279-280.*

Сергей Кара-Мурза. Концепция "золотого миллиарда" и Новый мировой порядок

Термин "золотой миллиард" образовался как синтез двух крупных идей современной западной культуры, которые принимают самое разное обличье - от квазинаучных до сугубо идеологических и даже мистических, религиозных. Одна идея - представление о "Золотом веке" прогресса и благоденствия. Другая - пессимистическое признание ограниченности ресурсов Земли и невозможности распространения этого благоденствия на все нынешнее население планеты.

Разумеется, термин "золотой миллиард", как сильно "идеологически нагруженная" метафора, не употребляется в официальных документах. Там он заменяется набором уклончивых понятий и определений, так что смысл становится ясен из контекста. Так, когда ряд ученых и экспертов ООН объявляют, что благополучная жизнь на Земле возможна только для одного миллиарда человек, они по сути используют понятие "золотой миллиард".

Показательно мнение авторов книги "Мегатенденции", сторонников нового религиозного течения "New Age" - "Новый век", которое представляет собой смесь иудейско-протестантских идей с восточными мистическими учениями и новейшими психотехнологиями. Они утверждают, что главная дилемма сегодня: "Апокалипсис или золотой век? Выбор за нами!". Что подразумевается под "золотым веком", понятно из фразы "В следующем десятилетии мы станем свидетелями того, как Северная Америка, Европа и Япония образуют золотой треугольник свободной торговли".

В последнее время на Западе термин "золотой миллиард" приобрел широкое хождение и стал означать население стран "первого мира", входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития - ОЭСР. Сейчас в ней 24 страны Европы и мира.

Появление понятия "золотой миллиард" в России

В СССР, видимо, первым связал термин "золотой миллиард" с идеями сокращения населения земли публицист А. Кузьмич (псевдоним юриста-международника А.К. Цикунова) [1]. По его мнению, за этим термином стоит определенная, целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция: развитые страны, сохраняя для своего населения высокий уровень потребления, будут военными и экономическими мерами держать остальной мир в промышленно неразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов. Население этих "замороженных" в своем развитии стран в условиях бедности деградирует и никакой функциональной ценности для "первого мира" не представляет, создавая, в то же время глобальные социальные проблемы. Это население должно быть сокращено с помощью целой системы новых социальных технологий.

В газете "Воскресенье" в своей первой статье "Россия и рынок (В свете советского и международного права)" А. Кузьмич писал: "наша перестройка - часть всемирной перестройки. Первый этап мировой перестройки начался после энергетического кризиса 1973 года, наглядно показавшего развитым странам с рыночной экономикой, какую опасность несет нехватка сырья и энергии. По данным ООН, сырья и энергии хватает (при оптимальном использовании) только на 1 млрд. человек. На 1 января 1990 года на Земле проживало уже более 5,5 млрд. человек..., к 2000 году ожидается более 8 млрд. Не случайно, что в золотой фонд "одного миллиарда" входят только такие страны как США, Япония, страны ЕЭС и т.д., в то время как 4/5 населения Земли из Азии, Африки, СССР, Латинской Америки, обладающие основной массой сырья и энергии, вытеснены с "места под солнцем" и, по существу, являются сырьевыми колониями вышеназванных стран..."

Западные специалисты справедливо считают, что удержать в узде 7 млрд. населения в 2000 году практически невозможно: "голодные" съедят "сытых" вместе с ядерным оружием.... Вот почему в 90-х годах XX века появилась и укрепляется новая теория так называемой "интернационализации и взаимозависимости" государств, суть которой в создании мирового центра с единым централизованным

распределением капиталов, товаров и рабочей силы, в конечном счете - сырья, где железная гвардия международных вооруженных сил ТНК (транснациональных корпораций) будет создавать "мировой правопорядок и стабильность".

Далеко идущая цель: сохранение контроля над естественными и природными ресурсами Земли в руках промышленно-финансовой элиты мира. Не случайно, что программа ООН по экономическому и социальному развитию на 1990-е годы не содержит бывших в 60-е и 70-е годы установок на неотъемлемый суверенитет народов над их естественными и природными богатствами. Как говорят дипломаты, следует избежать риска "разбазаривания" сырья по национальным "квартирам"...

На повестке дня искусственное сокращение населения в Азии, Африке, СССР. В документах ООН (комитеты по народонаселению и сырьевым ресурсам) все население Земли делится на основное (обеспечиваемое сырьем, 1 млрд.), полуосновное (около 1 млрд.) и вспомогательное народонаселение, нерентабельное в условиях индустриализации, оно не окупает вложенных в него средств для производства и для жизни" [1].

Примечательно, что в СССР статьи А. Кузьмича воспринимались (даже в кругах "цивилизованной оппозиции") как пророчески обличительные, недопустимо антиперестроечные и антизападные. С этими статьями нельзя было полемизировать в "приличной" печати. Они были представлены как выражение крайнего, архаичного экстремизма. В действительности же в западной и даже советской либеральной литературе все утверждения и оценки, которые в изложении А. Кузьмича выглядели обличением, даются без всяких эмоций, как самые обычные рациональные рассуждения. Это и есть признак того, что понятие "золотой миллиард" вошло в культуру и мышление современного либерального общества на уровне коллективного бессознательного. Следовательно, стало важным фактором мировой общественной жизни и политики.

Научная и культурная подготовка западного общества к принятию концепции "золотого миллиарда"

Разработка моделей решения глобальных проблем ведется на Западе как открыто, даже нарочито открыто, с рекламными кампаниями (Римский клуб), так и с разной степенью закрытости (созданная в противовес Римскому клубу по инициативе Н. Рокфеллера "Трехсторонняя комиссия" под руководством З. Бжезинского, РЭНД-корпорейшн и аналитические центры спецслужб и государств, и корпораций). Интенсивно эта работа началась на переломе 60-х и 70-х годов - большое значение имели волнения 1968 г. и нефтяной кризис 1973 г. Многие уже тогда отметили, что энергетический кризис активизировал мальтузианские настроения на Западе. Как писал известный французский биолог из Лионского университета Ж. Леге [2] "совершенно очевидно, что умышленное смешение проблем, связанных с энергетическим кризисом, демографическим развитием и загрязнением окружающей среды, есть не что иное, как политика завуалировать общий кризис капитализма".

Остановимся кратко на деятельности Римского клуба, выпустившего важнейший для нашей темы доклад "Пределы роста". В 1970 г. Римский клуб заказал группе Д. Медоуза в Массачусетском технологическом институте (МТИ) провести "двухгодичное исследование причин и долговременных последствий роста численности населения, промышленного капитала, производства продуктов питания, потребление ресурсов и загрязнения окружающей среды". В 1972 г. по результатам этого исследования вышла книга "Пределы роста" [3]. Авторитет МТИ и Римского клуба, мощная рекламная кампания сделали из книги сенсацию.

А. Печчеи так характеризует выводы этого первого Доклада: "доклад Медоуза ... подтвердил и развил предварительные выводы Форрестера ("Мировая динамика", 1970). В нескольких словах это можно выразить так: при сохранении нынешних тенденций к росту в условиях конечной по своим масштабам планеты уже следующие поколения человечества достигнут пределов демографической и экологической экспансии, что приведет систему в целом к неконтролируемому кризису и краху... Задача "сводилась к тому,

чтобы выявить катастрофические последствия существующих тенденций и стимулировать политические изменения, которые помогли бы их избежать" [4].

Вывод доклада: "Необходимо принять меры, чтобы обеспечить рационализацию всей производственной системы и передислокацию промышленности в пределах планеты". Методы для достижения этой глобальной цели еще не предлагались.

Второй доклад Римскому клубу "Человечество на перепутье" вышел в 1974 г. В нем использовалась новая методика анализа и расчета сложных систем, созданная Месаровичем (Кливленд, США), и названная им "теория многоуровневых систем". Мир в этой модели был разделен на 10 региональных подсистем, что теоретически позволяло решать проблемы одних регионов за счет других.

Второй доклад - большой шаг вперед по направлению к концепции "золотого миллиарда". Здесь названо "главное противоречие" эпохи: "Две пропасти, постоянно расширяющиеся, характеризуют современные кризисы человечества: пропасть между человеком и природой и пропасть между Севером и Югом, богатыми и бедными". Отсюда центральный тезис: причина международных кризисов - нехватка жизненно важных ресурсов.

Еще одним исследованием по заказу Римского клуба был проект Ханса Линнеманна, посвященный проблеме продовольствия. Была использована математическая модель, прослеживающая варианты каждого года до 2010 для 10 геоэкономических регионов. Подсчет для идеальных условий показал, что Земля, причем даже при достигнутом уровне производства, в состоянии прокормить гораздо больше людей, чем предрекали самые смелые прогнозы, но при условии, что наличная пища будет распределяться между людьми по справедливости и в соответствии с их потребностями. Однако реальное моделирование на ЭВМ показало, что масштабы голода в мире будут увеличиваться. К 2010 году ожидается увеличение масштабов голода в мире более чем в 3 раза.

"Неужели, - восклицает А. Печчеи - вслед за вооружением и нефтью продовольствие тоже превратится в политическое оружие и средство политического давления, и нам из-за собственного безрассудства суждено в конце концов стать свидетелями такого "решения" проблемы, как возрождение феодального монопольного права сортировать людей и целые народы и решать кто получит пищу и, следовательно, будет жить" [4]. Таким образом, под прикрытием "страдающего гуманизма" была сформулирована идея селекции, выбраковки той части человечества, которой будет запрещена жизнь.

Философские и методологические установки "подготовительной" программы

Основные установки докладов Римского клуба (самых умеренных, гуманистических документов) подвергнуты анализу в самой западной литературе.

Прежде всего, по своей методологии эти доклады есть выражение жесткого позитивизма - философии науки времен классического ("дикого") капитализма. Это значит, что рассмотрение общественных проблем ведется в полном отрыве от этических ценностей, от моральных норм и ограничений. Доклад Месаровича, как он сам пишет, "рассматривает мир не с незыблемых идеологических позиций, а основывается непредубежденно - насколько это по-человечески возможно - на данных и научной методике". Это обещание свободы от этики ("идеологии") при изучении общества людей является верным признаком тайного включения идеологии. Ибо человеческое общество вне этики исследовано быть не может.

Технократизм, представление общества моделью "системы без этики" - ширма. Немецкий политолог В. Нарр писал о методике этих докладов: "Уже в начале анализа общество как система не является больше предметом обсуждения. Исследуется уже не система как проблема, а только проблемы системы".

В статье "Два типа мирового будущего" Э. Янч (сам член клуба) отмечает, что исследования Римского клуба основаны на практически полном отрицании значения "глубоких целей и задач в жизни человека и человечества". А если и подразумеваются цели и идеалы человечества, как это имеет место в

отчете Э. Ласло "Цели для глобального общества" [5], то и здесь, как пишет Э. Янч, выдвигается предложение о создании нового мирового политического института, "глобальной гомеостатической системы". Оно недвусмысленно утверждает идеалы американского образа жизни - специфические ценности меньшинства.

Второй принцип - методологический индивидуализм (порождение Реформации и буржуазной революции). Это - представление человечества как конгломерата индивидов (атомов человечества), "человеческой пыли". В докладе Месаровича это выражается в полном исключении из рассмотрения такого важного в реальности понятия как народ - вообще этнических коллективных общностей как субъектов права. Более того, как отмечает биолог и социолог из ФРГ Э. Гэртнер, "народы как действующая сила представляют собой для Римского клуба, для Киссинджера и для "Трехсторонней комиссии" только источник опасности, угрожающий их мировой системе".

Отсюда следует радикальный мондиализм - отрицание суверенитета народов над их территорией и ресурсами. Это повело к важному сдвигу в представлениях о праве. Те силы, которые обладали экономической и военной силой для того, чтобы формулировать принципы "нового мирового порядка", по сути объявили свое право владения и распоряжения ресурсами всего мира. Это настолько вошло в сознание, что практически никто из влиятельных сил не ставил под сомнение, например, право Запада "наказать" Ирак, который поставил под угрозу равновесие цен на нефть. Как сказано выше, Запад открыто стремится избежать риска "разбазаривания" сырья по национальным "квартирам".

В 1977 году А. Печчеи заявил, что новый экономический порядок, за который развернулась борьба в середине 70-х годов будет представлять лишь временную промежуточную стадию, ибо "в основе его лежит система из множества в значительной степени суверенных государств". Об этом главном препятствии к образованию глобального сообщества миллиардов людей в книге говорится неоднократно. Уже в докладе Месаровича нагнетается страх перед "неуправляемостью мира" и ставится вопрос о разработке глобального "генерального плана", реализовать который может лишь мировое правительство.

Следующим принципом является поиск равновесия - концепция, лежащая в основе классической политэкономии и социальной философии капитализма. Это равновесие, которое поддерживается именно в "ядре" мировой системы (т.е. "первом мире") изначально обеспечивалось перемещением ресурсов и отходов, для чего использовались "буферные" емкости сначала колоний, затем "третьего мира". Сегодня к этим емкостям совершенно открыто причисляется Россия. Каковы масштабы этого маневрирования, можно видеть на простейших примерах. Когда во Франции в 20-х годах прошлого века возник кризис аграрного перенаселения, она колонизовала соседние страны той же "средиземноморской цивилизации" (Магриб). В Алжире французам-колонистам была просто передана половина (!) культивируемых земель. Напротив, когда в США при избытке земли возникла острая нехватка рабочей силы, в Африке были захвачены и обращены в рабство 7 миллионов самых сильных и здоровых молодых мужчин. Современные расчеты показывают, что только невидимое изъятие стоимости "первым миром" из "третьего" составляет около 400 млрд долл. в год (сюда не включается вывоз прибылей иностранного капитала, проценты на внешний долг и "бегство" капиталов компрадорской буржуазии). В результате уровень эксплуатации рабочих в "первом мире" снижается на 40%.

Как же предполагают сегодня поддерживать равновесие (гомеостаз)? И здесь мы видим важный философский сдвиг - отказ от демократии и обоснование диктатуры. У Э.Ласло прямо речь идет о "глобальной гомеостатической системе", управляемой "благотворительной диктатурой технократической элиты". Появилась масса рассуждений о том, что демократия не обеспечивает "управляемости мира", что "расширение демократизма угрожает демократии" и т.д.

Это явно проявилось уже во втором докладе Римского клуба. Его соавтор Э. Пестель (Ганновер, ФРГ) писал: "два важных института нашей западной демократии, парламентская демократия и социальное свободное рыночное хозяйство, страдают известной слабостью - они способны реагировать преимущественно лишь краткосрочно". Антидемократический и антирыночный пафос второго доклада был столь явным, что орган предпринимателей ФРГ так комментировал этот доклад: "За отсутствием благоразумия мировой план требует диктатуры, чтобы функционировать. И поэтому хотя второй доклад

Римского клуба интересен, но для политики он не приносит пользы, поскольку в качестве решения может предложить лишь войну". Как мы увидим дальше, это опасение было снято ликвидацией СССР и экспериментом "Бури в пустыне". Новый мировой порядок прямо взял за основу модель глобального гомеостаза.

Таким образом, к началу перестройки в СССР была проведена мощная "научная" подготовка общественного мнения Запада и культурного слоя других стран, куда проникала западная пропаганда.

70-е годы: попытка дискуссии

И методологические принципы, и расчеты, и выводы футурологов, которые готовили общественное мнение к принятию концепции "золотого миллиарда", вызвали как научную, так и философскую критику на Западе. Указывались методологические изъяны модели Месаровича-Пестеля даже в ее технократическом измерении, сильная зависимость модели от выбранных постулатов и допущений, предопределенных теориями неоллиберализма - сильно идеологизированным, "фундаменталистским" течением в политэкономии.

1 мая 1974 года Генеральная Ассамблея ООН приняла "Декларацию об установлении нового международного экономического порядка" и соответствующую "Програму действий". Как пишет А. Печчеи, "Это всемирная социально-политическая революция бедных. Она будет набирать силу, движимая не столько теми или иными положениями идеологического порядка, сколько гневом, возмущением и протестом против несправедливости. Миллиарды людей будут настойчиво требовать перераспределения власти, богатств, доходов. Невозможно предсказать, какие именно формы примет в дальнейшем это движение и какова будет реакция на него более благополучных стран, несколько ошеломленных натиском и не имеющих единой тактики действий. Однако можно с уверенностью утверждать, что эти революционные процессы невозможно остановить и что самые бурные события еще ждут нас впереди" [4].

Для исследования возможных путей разрешения выявленных проблем в 1974 году был начат проект ООН "Перестройка международного порядка" (РИО - Reshaping the International Order). Этот проект возглавил лауреат Нобелевской премии по экономике Ян Тинберген. Доклад "РИО - перестройка международного порядка", опубликованный в 1976 году, предложил в течение 40 лет сократить разрыв в доходах между бедными и богатыми с 13:1 до 3:1 (3:1 - это предельно допустимое соотношение между богатыми и бедными районами Европейского экономического сообщества), или, что более реально, хотя бы до соотношения 6:1.

В Докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию "Наше общее будущее", подготовленный в 1987 г. и явившийся основой концепции устойчивого развития 1992 г., сделан вывод, противоположный концепции "пределов роста": "Мы способны согласовать деятельность человека с законами природы и добиться всеобщего процветания" [6].

Культурная подготовка в 90-е годы: нагнетание страха

Победа Запада в "холодной войне" и ликвидация блока соцстран, а затем и СССР кардинально изменили ситуацию. 90-е годы - интенсивная подготовка западного обывателя к принятию вчера еще казавшихся дикими идей. Главные инструменты этой подготовки - нагнетание страха и одновременно пропаганда якобы неодолимой военной и экономической мощи Запада.

Основной источник страха - размножающееся с невероятной скоростью и столь же быстро нищающее большинство людей в странах "третьего мира". У жителей Запада искусственно создается "синдром осажденной крепости", который нередко доходит до состояния психоза. По словам нового президента Римского клуба, ситуация стала хуже, чем 20 лет назад, жители Запада "все более превращаются в некое гетто, которое окружают возмущенные, готовые к бунту орды голодных, неграмотных и безработных". Президент подтверждает старую мысль: "В своей нынешней форме

демократия вряд ли пригодна для решения предстоящих задач". Американский философ Э. Тоффлер в книге "Сдвиг власти" в 1990 г. пишет: "подобно сдвигу тектонических плит перед землетрясением, надвигается одно из уникальных событий в мировой истории - революция самой сущности власти" [7]. Куда же сдвигается глобальная власть, отрицающая демократию?

Подчеркнем, что одновременно в глобальном масштабе отрицается свободный рынок. Влиятельный деятель мировой политики, советник президента Франции Франсуа Миттерана и президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали в 1990 году написал книгу "Тысячелетие. Победители и побежденные в грядущем мировом порядке. Линия горизонта". Она переведена в России в 1993 году под названием "На пороге нового тысячелетия" [8]. В ней Аттали, утверждает ту же мысль: "Если все надежды на строительство нового общества связывать только с рынком, то завтра это приведет к появлению принципиально настроенных революционеров, которые, возмущаясь богатством жителей привилегированных мировых центров, непременно поднимут восстание".

Тезис о том, что Земля перенаселена, формулируется все более и более жестко. Аттали прямо указывает, кто "перенаселил" планету: "Демография и неумолимая логика развития лягут тяжелым бременем на будущее планеты. К 2050 году на Земле будут проживать 8 миллиардов людей. Более двух третей рождающихся сегодня жителей планеты будут расти в двадцати самых бедных странах. Через 30 лет население Китая увеличится на 360 миллионов человек, Индии - на 600 миллионов и на 100 миллионов в Нигерии, Бангладеш и Пакистане".

Целый легион профессоров создает этот демографический психоз. Вот заявления ученых из США. "Рост населения - главная причина бедности, и нынешний его темп есть планетарный экопатологический процесс" (У. Херрн, 1990). "С нынешним населением Земли, превышающим 5 млрд., мы, вероятно, уже давно исчерпали возможность устойчивого развития" (Д. Пиментел, 1987). Более жестко отрицается и суверенитет народов над ресурсами: "Собственностью человечества является вся планет в целом, а не ресурсы, находящиеся в отдельных странах. Национальный суверенитет неспособен справиться с такими проблемами, как парниковый эффект, кислые дожди или загрязнение океана" (Хейфиц, 1991).

При обсуждении демографических проблем стало модным упоминать т.н. "блок Хейфица", который в 1991 г. опубликовал статью под названием "Рост населения может блокировать развитие, которое могло бы замедлить рост населения". С помощью математических расчетов Хейфиц пытается показать, что рост населения в "третьем мире" является фатальным, так что ситуация для ее стабилизации требует "неординарных" внешних мер. Разумеется, все эти утверждения о "перенаселении" планеты бедными как причины экологической катастрофы являются абсолютно ненаучными. Однако тоталитаризм нелиберального мышления таков, что практически никто в научных кругах не рискует указать на это. Тот миллиард, который населяет "первый мир", потребляет 75% ресурсов и выбрасывает в окружающую среду 75% отходов. Остальные 4 миллиарда потребляют и выбрасывают в три раза меньше, то есть один бедняк производит на Землю нагрузку в среднем в 10 раз меньшую, чем житель Запада. Кем же перенаселена Земля? Что касается парникового эффекта, то вклад одного жителя США равен вкладу 1450 жителей Индии. То есть, Индия с ее 600 миллионами жителей составляет как бы 2% от США - несущественная величина.

Ж. Аттали формулирует тезис о "золотом миллиарде" совершенно откровенно: "В грядущем новом мировом порядке будут и побежденные и победители. Число побежденных, конечно, превысит число победителей. Они будут стремиться получить шанс на достойную жизнь, но им, скорее всего, такого шанса не предоставят. Они окажутся в загоне, будут задыхаться от отравленной атмосферы, а на них никто не станет обращать внимания из-за простого безразличия. Все ужасы XX столетия поблекнут по сравнению с такой картиной" [8].

От мальтузианства либерализма - к идее "золотого миллиарда" неолиберализма

Понятие "золотой миллиард" есть прямое и необходимое следствие того "возврата к истокам", которое означал в западной цивилизации неолиберализм. Он вытекает из политэкономии капитализма и социальной философии гражданского общества. Вспомним историю.

В точном переводе "гражданское общество" - общество цивилизованное, цивилизованное. Из кого же оно состоит и каковы их отношения к тем, кто находится вне его, вне этой "зоны цивилизации"? Эту модель общества разработали в XVII в. философы Гоббс и Локк в развитие идей протестантской Реформации. Они дали представление о частной собственности, она и стала осью гражданского общества. Те, кто признают частную собственность, но не имеют ничего, кроме тела, живут в состоянии, близком к природному (нецивилизованному); те кто имеют капитал и приобретают по контракту рабочую силу, объединяются в гражданское общество - в Республику собственников. Это - ядро всей системы. Оно спланируется необходимостью борьбы.

Вот слова Дж. Локка: "главная и основная цель, ради которой люди объединяются в республики и подчиняются правительствам - сохранение их собственности". Таким образом, гражданское общество основано на конфронтации с неимущими. Внутри себя "республика собственников" демократичная и правовая, но под этим правом - террор Французской революции, который был предписан философами Просвещения и Кантом как совершенно необходимое и даже моральное явление. Большая кровь есть основа "социального контракта" гражданского общества. Читаем в фундаментальной многотомной "Истории идеологии", по которой учатся в западных университетах: "Гражданские войны и революции присущи либерализму так же, как наемный труд и зарплата - собственности и капиталу. Демократическое государство - исчерпывающая формула для народа собственников, постоянно охваченного страхом перед экспроприацией. Те, кто не имеет ничего, кроме себя самих, как говорил Локк, не имеют представительства в демократии. Поэтому гражданская война является условием существования либеральной демократии". Это - война классов, война "ядра" против первой оболочки - пролетариев Запада ("Цивилизация против Природы").

Лютер и Кальвин, религиозно обосновав освобождение человека от всех общинных связей (возникновение свободного индивидуума) произвели революцию и в идее государства, обосновали возникновение государства, в котором представителями высшей силы оказываются богатые. Здесь уже не монарх есть представитель Бога, а класс богатых. Читаем у Лютера: "Наш Господь Бог очень высок, поэтому он нуждается в этих палачах и слугах - богатых и высокого происхождения, поэтому он желает, чтобы они имели богатства и почестей в изобилии и всем внушали страх". Богатые стали носителями власти, направленной против бедных (бедные - "плохие"). Государство перестало быть "отцом", а народ перестал быть "семьей". Общество стало аренной классовой войны. А за морями от Запада жили люди, не признающие частную собственность. Согласно теории гражданского общества, эти люди находились в состоянии дикости. Западная философия создала образ дикаря, которого надо было завоевать, а то и уничтожить ради его же собственной пользы.

Теория гражданского общества и классическая политэкономия (либерализм) соответствовали той фазе развития капитализма, когда "первый мир" был разделен на нации-государства. Сегодня на смену региональным геополитическим представлениям пришли глобальные, которые потребовали пересмотра мышления. Возникла идеология (и, шире, целое культурное течение) - неолиберализм. В нем теория гражданского общества и политэкономия приложены к миру в целом. "Ядром" становится "первый мир", а главный его конфликт, его постоянная гражданская война, разыгрывается уже не с первой оболочкой (свои пролетарии приручены) - а с теми, кто находится в состоянии "дикости" (конфликт Север-Юг).

Вывод: как защитит себя "золотой миллиард"?

По расчетам влиятельного американского ученого Д. Пиментела (1987), "относительно высокие стандарты жизни могут быть обеспечены для всех живущих на Земле лишь если ее население составляет примерно один миллиард". Он и будет включать в себя победивших в войне за установление Нового мирового порядка. Он и будет "золотой миллиард".

Что же будет с теми, кто в него не будет принят? Аттали описал их судьбу в самых общих чертах. У него эта судьба представлена как бы результатом действия стихийных сил. Это совершенно противоречит всем глобалистским моделям, в которых предполагается реализация генерального плана, целенаправленные действия некоей "диктатуры элиты".

Надо изучать и слова, и дела. Выше мы приводили "слова", отвергающие национальный суверенитет над ресурсами, которые объявляются "общечеловеческой" собственностью - владением сильных. А вот слова, в принципе предполагающие лишение "слабых" народов права на воспроизводство. А. Печчеи сказал: "право давать жизнь нельзя безоговорочно отождествлять с правом деторождения, оно должно регулироваться исходя из общечеловеческих интересов" [4]. Философское утверждение огромной важности.

К области "слов", то есть культурной обработки людей, относится поднявшаяся в 80-е годы волна евроцентризма - в глубине своей расистской идеологии, согласно которой есть лишь одна цивилизация (западная), а все другие просто от нее отстали. Идеи евроцентризма воплощались в самые разные формы - от высокой философии (фон Хайек) до самого вульгарного расизма фильмов Коппола и репортажей ТВ.

Интенсивная идеологическая обработка шла во время операции " Возвращение надежды" в Сомали. ТВ неявно внушало оттуда западному обывателю мысль, что африканцы хоть и напоминают людей, но это низший, беспомощный подвид. ТВ регулярно показывало сомалийских детей с разрушенным нехваткой белка организмом, умирающих прямо перед камерой от голода. Рядом, как стандарт настоящего человека, показывался розовощекий морской пехотинец или очаровательная девушка из ООН. Приучая зрителей к образу умирающих африканцев, ТВ вовсе не делало белого человека более солидарным. Напротив, в подсознании (что важнее дешевых слов) происходит утверждение расистского представления об африканцах как низшем подвиде. Надо заботиться о них (как о птицах, попавших в нефтяное пятно), посылать им немного сухого молока. Но думать об этике? По отношению к этим тощим детям, которые глупо улыбаются перед тем как умереть? Сама постановка вопроса приводит среднего интеллигента в недоумение.

Важной культурной программой, готовящей среднего обывателя к новым технологиям контроля над "бедными", был показ войны в Персидском заливе - и даже не столько войны, как эмбарго на торговлю с Ираком. При этом пресса скрупулезно докладывала о страданиях населения, о детской смертности из-за нехватки питания и лекарств, публиковались страшные снимки штабелей мертвых младенцев, уложенных в коробки от обуви. Это был эксперимент: принимает ли человек Запада такое обращение с бросившим вызов народом "иного мира"? Ведь эмбарго означало, что Запад присвоил себе право брать в массовые заложники мирных жителей и уничтожать их с целью оказать давление на противника. Типичное военное преступление. Эксперимент показал, что подавляющее большинство среднего класса Запада согласно на преступную политику в отношении "дикарей". Этому имеется множество и других, более мелких подтверждений.

В культуру Запада целенаправленно внедряется двойная мораль: человечество демонстративно разделяется на два подвида - избранных и подчиненных. Это также принято обыденным сознанием: обыватель искренне возмущается репрессиями Багдада против курдов своей страны, но совершенно равнодушен к интервенции в Ирак большой армии союзника по НАТО, который совершает карательный рейд против курдов.

Можно считать, что на данный момент западное общество психологически и идеологически подготовлено к любым, самым разрушительным действиям против "возмущенных голодных орд", которые вздумают как-то угрожать благоденствию "золотого миллиарда".

Часто говорится: цивилизация на распутье. А каков же выбор? Само умолчание является очень тревожным признаком. Между тем, выбор "вычисляется" просто. Кризис может быть преодолен двумя способами. Первый из них таков: мир "перерастает" индустриализм с его хищническим отношением к Природе и человеку, с бесконечным и бессмысленным наращиванием потребления в "ядре" - перейдет к

"нерыночному" постиндустриализму с восстановлением человеческой солидарности и соединением экологичных, экономных форм хозяйства и потребления с самой современной наукой и этикой. Второй способ: полное подчинение всей Земли как источника ресурсов "первому миру"; разделение человечества на два подвида, находящиеся в смертельной горяче-холодной войне - так, что победители составят "золотой миллиард"; этот "золотой миллиард" будет представлять собой особую интернациональную расу, обладающую совершенно иной моралью и иными правами, нежели "побежденные"; воспроизводство населения "побежденных" будет регулироваться исходя из "общечеловеческих интересов" (реально будет быстро сокращаться). Контроль за поведением оставленных для жизни "побежденных" будет осуществляться самыми жесткими средствами, находящимися "по ту сторону добра и зла".

Неолиберализм толкает к второму выбору. И это - не просто экономический и геополитический интерес, этот выбор является философским, а подспудно религиозным. Он означает "сотворение" человека "золотого миллиарда", нового "сверхчеловека" - завершение богоборческого (титанического) проекта индустриализма. Духовный лидер неолиберализма Ф. фон Хайек предположил необходимость изъятия естественных человеческих инстинктов солидарности и сострадания. Этот новый шаг к свободе противоречит биологической природе человека, в эволюции которого врожденный групповой инстинкт играл и играет огромную роль. Его искусственное подавление послужило важной причиной тяжелых социальных душевных болезней (наркомания, психозы) и периодических разрушительных вспышек возврата к групповой солидарности в виде фашизма.

Таким образом, речь идет о выборе, который означает собой сознательное создание идеологии, экономических и военно-политических структур глобального фашизма. Новизна в том, что это не привычный нацизм - фашизм одного государства-нации. Это - сплочение "золотого миллиарда" как новой глобальной расы господ, предупреждающих угрозу "революции бедных".

Мы ясно видим соединение в неолиберализме 1990-х годов соединение четырех родовых признаков фашизма:

-отказ от демократии как "неспособной справиться с глобальными проблемами". Сочетание технократизма с тягой к иррациональному.

- отказ от свободного рынка в отношениях с "чужими", ориентация на административно-командные рычаги "генерального плана".

- потребность в создании особой высшей расы "золотого миллиарда".

- замена естественного, традиционного языка "новоязом" с полностью искаженными смыслами слов.

Сдвиг глобальной власти к фашизму - это и есть тот "тектонический сдвиг", та "революция власти", на которую намекают философы. Пока что мир находится в неустойчивом равновесии - жребий еще не брошен. В сторону фашизма чаша весов резко качнулась вследствие неолиберальной революции в СССР.

"Золотой миллиард" и идеологическая борьба в СССР (РФ)

Как и полагается новообращенным, советские неолибералы и прикрывавшая их верхушка КПСС, старались быть святее папы и выступали с резкими, часто скандальными мальтузианскими утверждениями. Понятие "золотой миллиард", хотя долго не использовалось в явной форме, было важной частью программы перестройки.

В крайне евроцентристской статье в "Вопросах философии" Н.Ф. Реймерс и В.А. Шупер ставят все точки над *i*: " На кончике иглы можно поместить сколько угодно чертей, но наша планета приспособлена не более чем для 1-1,5 млрд. людей "! Радикальный шаг от концепции Римского клуба. Право жить на Земле советские гуманисты теперь оставляют лишь каждому четвертому! Необходима селекция человечества, и на ее идеологическое обоснование были брошены огромные культурные силы.

Радикалы возродили культ сверхчеловека, убогую имитацию Ницше. Та антропологическая модель, которая была положена евроцентристами-радикалами в основу их идеологического похода, ведет к диктатуре ничтожного меньшинства, уверенного, что оно призвано командовать стадом, недочеловеками. Один из духовных лидеров демократической интеллигенции Н.Амосов дает такую трактовку человека: "Человек есть стадное животное с развитым разумом, способным к творчеству... За коллектив и равенство стоит слабое большинство человеческой популяции. За личность и свободу - ее сильное меньшинство. Но прогресс общества определяют сильные, эксплуатирующие слабых".

Здесь дана жесткая формула: человечество делится на подвиды; меньшинство ("сильные") подавляет и эксплуатирует большинство ("слабых"); носителем свободы и прогресса является меньшинство, эксплуатирующее "человеческое стадо".

В общественное сознание внедрялась "биологическая" аргументация в доказательство того, что у нас якобы произошло генетическое вырождение населения и оно в ницшеанской классификации уже не поднимается выше категории "человек биологический". Н.Амосов обосновывал необходимость, в целях "научного" управления обществом, "крупномасштабного психосоциологического изучения граждан, принадлежащих к разным социальным группам" с целью распределения их на два классических типа: "сильных" и "слабых".

В этой философии налицо и целый ряд других признаков тоталитарного мышления. Так, в ней органично присутствует идея не только диагностики, но и селекции людей. Вот Н.М. Амосов публикует свое кредо ("Мое мировоззрение") в "Вопросах философии": "Не исключено, что исправление генов зародышевых клеток в соединении с искусственным оплодотворением даст новое направление старой науке - евгенике - улучшению человеческого рода. Впрочем, это уже не очень отдаленное будущее. Еще ближе массовая генетическая диагностика физических, а может быть, психических недостатков у зародышей и ранние прерывания беременностей. По всей вероятности, изменится настороженное отношение общественности к радикальным воздействиям на природу человека, включая и принудительное (по суду) лечение электродами злостных преступников... Но здесь мы уже попадаем в сферу утопий: какой человек и какое общество имеют право жить на земле, и как это право реализовать". Налицо тяга к технократизму, отрицающему саму духовность и существование хоть каких-то "жестких" нравственных ценностей. Опять кредо Н. Амосова: "Точные науки поглотят психологию и теорию познания, этику и социологию, а следовательно, не останется места для рассуждений о духе, сознании, вселенском Разуме и даже о добре и зле. Все измеримо и управляемо...". Итак, идеал - устранение гуманитарного знания, отказ от самих понятий добра и зла.

В качестве идеального глобального порядка совершенно определенно предлагается мондиалистская формула мирового правительства с усмирением "бунтующих голодных орд". Н. Амосов пишет: "Созревание - это движение к "центральному разуму" мировой системы, возрастание зависимости стран от некоего координационного центра, пока еще не ставшего международным правительством... Можно предположить, что к началу XXI века вчерне отработается оптимальная идеология... - частная собственность 70 проц. и демократия - в меру экономического созревания...

Это не означает бесконфликтности и даже не гарантирует постоянного социального прогресса... Будет сохраняться несовпадение интересов, продуцируемое эгоизмом и агрессивностью на всех уровнях общественных структур. Особенно опасными в этом смысле останутся бедные страны. Эгоизм, нужда могут мобилизовать народы на авантюрные действия. Даже на войны. Но все же я надеюсь на общечеловеческий разум, воплощенный в коллективной безопасности, которая предполагает применение силы для установления компромиссов и поддержания порядка. Гарантом устойчивости мира послужат высокоразвитые страны с отработанной идеологией и с достаточным уровнем разума".

Обширные цитаты из Н. Амосова приведены потому, что это - не изолированное, экстравагантное явление. Он издал важные книги и опубликовал, по сути, ряд манифестов советского неолиберализма в самых престижных газетах и журналах. Его авторитет в среде интеллигенции исключительно высок - согласно опросам, как духовный авторитет он в 1990-1991 гг. делил второе-третье

место с Д. Лихачевым. Можно считать, что утверждения Амосова в какой-то степени отражали умонастроения политической части интеллигенции.

Отечественным вариантом малого "золотого миллиарда" стало понятие "новых русских" (new russians) - многонациональной касты избранных, живущих в совершенно ином, нежели основная масса населения, экономическом, правовом и этическом пространстве. Предполагается, что они и составят "квоту" России для включения в "золотой миллиард". Вся идеологическая подготовка к принятию деления русских на две расы, была исключительно жесткой и агрессивной - даже спустя всего два года шокирует та оскорбительная фразеология, которая была обрушена на головы "старых русских". Прогнозы же были с самого начала угрожающими. В 1991 г. в газете "Утро России" (органе Демократического союза) гражданин В. Кушнир пишет в статье "Война объявлена, претензий больше нет": "Война лучше худого лживого мира. После взрыва, находясь в эпицентре сверхситуации, ведя войну всех со всеми, мы сумеем стать людьми. Страна должна пройти через испытания... Война очищает воздух от лжи и трусости. Нынешняя "гражданка" скорее будет напоминать американскую, между Севером и Югом... Сражаться будут две нации: новые русские и старые русские. Те, кто смогут прижиться к новой эпохе и те, кому это не дано. И хотя говорим мы на одном языке, фактически мы две нации, как в свое время американцы Северных и Южных штатов. Я уверен, современная "гражданка" будет иметь смысл и полноценную победу".

Это - крайние выражения идеологии, но под ними была и философская основа, которая не вызвала никакого отторжения либеральной интеллигенции. Это - понятия "нового мышления" и "общечеловеческих ценностей". Если первое понятие обосновывало евроцентристскую утопию и разрыв с традиционными ценностями России (возникновение расы "новых русских"), то "общечеловеческие ценности" означали переход партийно-государственной верхушки на позиции мондиализма и капитуляцию в холодной войне. Но для нас здесь важнее то, что принятие формулы "общечеловеческих ценностей" логически ведет именно к глобальному фашизму и принятию идеи "золотого миллиарда".

Суть в том, что эта формула означает ту же духовную мутацию, что претерпела немецкая философия, породив фашизм - биологизацию ценностей. А значит деление людей на подвиды (или даже виды) по ценностным критериям. Человек - существо двух ипостасей: биологической и культурной. Культуры специфичны, обусловлены исторически, этнически и социально. Биологически люди составляют один вид *homo sapiens*. В гуманистической традиции принимается, что общечеловеческим могут быть только филогенетические, биологические структуры. Самая близкая к культуре врожденная система - инстинкты. Ценности же - продукт культуры.

Что означает формула "общечеловеческие ценности"? Означает, что ценностям придается статус биологического свойства человека. Следовательно, те этносы, которые отрицают или не понимают ценностей, признанных "общечеловеческими", не вполне принадлежат к человеческому роду. Кто же составляет список "общечеловеческих ценностей", которые служат критерием отнесения к тому или иному подвиду? Именно те, кто входит в необъявленное мировое правительство. Когда нам во время перестройки излагали этот список, было очевидно, что речь идет о совершенно убогом наборе западных, даже более узко - иудейско-протестантских ценностей. Например, такая ценность как "свобода" (которой якобы не обладают народы России) формулировалась строго в понятиях протестантизма - как свобода индивидуума, а не соборной личности.

На этой общеидеологической базе конкретизировались частные утверждения, которые все жестче привязывались к идее "золотого миллиарда".

Вот, на первой странице газеты "Московский комсомолец" в 1991 г. член-корр. АН СССР А. Яблоков с негодованием пишет в адрес союзного правительства: "На четырех конференциях, проведенных ООН, принимались решения о необходимости сдерживания численности роста человечества. СССР упорно делает вид, что это его не касается. Касается! Неконтролируемое увеличение населения СССР влечет резкое падение уровня жизни, и молодежь почувствует это особенно остро". Это совершенно далекое от науки утверждение несколько не смущало коллег-либералов, которые обвиняли СССР за то, что он "держит" такие малозаселенные пространства.

Важные положения высказаны в докладе ведущих российских экологов и администраторов в области экологической политики (включая министра В.И. Данилова-Данильяна) "Проблемы экологии России" [9]. В предисловии к этой книге дана позиция авторов: "Политическая основа стратегии устойчивого развития - желание сохранить status quo в мире, прибегнув к поправкам и починкам современной системы, но оттягивая момент неприятной истины, заключающейся в том, что безусловно прогрессивная на некий переходный период стратегия устойчивого развития в долгосрочной перспективе все равно неизбежно ведет к экологическому тупику, то есть к гибели человечества как биологического вида.

Авторы далеки от мысли, что рост экономики или научно-технический прогресс являются виновниками возникшей глобальной экологической катастрофы. Отказаться от цивилизации все равно, что выпрыгнуть из быстро идущего поезда, то-есть погибнуть. Причина кризиса в чрезмерно выросшем населении, выросшем настолько, что стабилизация его на современном уровне уже не вернет мир к докризисному устойчивому состоянию" [9, с. 4-5].

Таким образом, вопреки собственным данным, которые показывают, что причиной экологического кризиса являются критические техногенные нагрузки (то есть, буквально "рост экономики и научно-технический прогресс"), причем эти нагрузки создаются небольшой, практически не растущей популяцией жителей развитых стран, авторы делают мальтузианский вывод: виноваты слишком быстро размножающиеся "бедные".

И даже полное прекращение роста народонаселения авторов не устраивает: "Проблема выживания связана с необходимостью сокращения потребления энергии на порядок, а следовательно, и соответствующего уменьшения численности живущих на Земле людей. Задача заключается не в снижении прироста и не в стабилизации населения в будущем, а в его значительном сокращении... Задача значительного сокращения численности населения мира по сравнению с настоящим временем, в то время как оно быстро растет, - невероятно сложная для реализации и нелегко воспринимаемая проблема" [9, с. 312-313]. Как мы видим на практике, сложность реализации задачи по резкому повышению смертности и снижению рождаемости в России министров не испугали. Так что политика нынешнего режима, ведущая к сокращению населения России, отвечает "общечеловеческим интересам" и научно обоснована неолиберальными экологами.

Концепцию "золотого миллиарда" приняли и некоторые деятели националистического толка. Активно подхватил термин "золотой миллиард" один из идеологов "патриотической" оппозиции П.М. Хомяков. Он предлагает политикам приложить усилия, чтобы российский народ вошел в "золотой миллиард", поскольку Россия якобы имеет на это неоспоримые права и силу. Тем более, что при глобальном потеплении климата Россия окажется в выигрыше [10]. Эта наивная (или демагогическая) аргументация, сродни призывам М. Горбачева "пойти жить в наш общий европейский дом", скрывает главную цель - убедить общество принять саму идею возможности и правомерности селекции человечества на две расы.

Специалист в области эволюции и историк науки Ю.В. Чайковский [11] рассматривает перспективы концепции "золотого миллиарда" с системной точки зрения и приходит к выводу, что эта система даже в идеализированных условиях недолговечна, а в реальности неосуществима. То есть, речь идет о мальтузианской утопии. Ю.В. Чайковский сравнивает 3 варианта стратегии на будущее:

1. Продолжать плыть как прежде, успокаивая себя "рациональным природопользованием", оставляя проблемы выживания будущим поколениям. Фактически при этом к выбрасыванию за борт предназначаются именно будущие поколения.

2. Прекратить технический прогресс, вернуться к донаучным способам отношений с природой. Эта позиция, начиная с концепции "пределов роста" Римского клуба, неоднократно обсуждалась и, недавно был, наконец, сделан вывод, у нас в стране стыдливо умалчиваемый: если отказаться от потребления невозобновимых источников энергии (не говоря уж об остальной технике), то население Земли должно будет сократиться в десять раз за ближайшие сто лет. Однако заставить всех ограничиться возобновимыми ресурсами и одним ребенком на семью нельзя без очень жестких мер. Иными словами, "пределы роста"

означают вовсе не мирный переход к "нулевому росту" (как полагают мечтатели), а кровавую диктатуру наподобие диктатуры Пол Пота.

3. Обеспечить комфорт "золотому миллиарду". Если стратегия "отказа от прогресса" предполагает общее сокращении населения и душевого потребления, то стратегия "золотого миллиарда" неявно предлагает выбросить за борт цивилизации такое же количество людей, но целыми регионами. Хотя благополучие "золотого миллиарда" недолговечно, в среднесрочной перспективе стратегия его спасения вполне реалистична. Во всяком случае, более реалистична, чем стратегия тотальной борьбы с техническим прогрессом.

Ю. Чайковский видит выход в новом, более сложном (диатропическом) взгляде на мир, внедренном во многие области деятельности, особенно в экономику. По сути, речь идет о возникновении новой, постиндустриальной общественно-исторической формации.

Главный вывод Ю. Чайковского относительно "золотого миллиарда": последние данные науки говорят о недолговечности такой системы. Во-первых большая система не может долго существовать не развиваясь, т.е. прогресс необходим и неизбежен; во-вторых в больших системах невозможна и та равномерность (одинаковое число детей на семью, минимальное душевое потребление, единая стратегия разных стран), какую предлагают различные варианты "пределов роста". При существующих социокультурных условиях неизбежно устанавливается гиперболическое распределение величин, при которых основная масса благ принадлежит небольшому числу носителей ("слева почти все, справа почти все"). Это значит, что даже если наделить почти всеми благами "золотой миллиард" реально, невозможно равномерно распределить на Земле миллиард примерно одинаково обеспеченных людей. "Золотой миллиард" снова "расщепится" на две расы.

Заключение

Концепция "золотого миллиарда", предполагающая искусственное выделение из человечества нового "избранного народа", является утопией. Эта утопия порождена в ответ на нынешний общий кризис индустриализма и индустриальной цивилизации. Философской основой этой утопии является пессимистический индивидуализм, разрыв общинных связей человеческой солидарности, отказ от этики религиозного братства и коллективного спасения.

Те, кто считает себя причисленными к "золотому миллиарду", все более и более ощущают себя в осажденной крепости, которой угрожают быстро размножающаяся орда голодных, возмущенных бедняков. Утопия "золотого миллиарда", нереализуемая в принципе, порождает, однако, растущую агрессивность - вначале в идеологии и культуре, затем в политической и военной сфере. Уже есть все признаки консолидации новой, глобальной фашистской идеологии, которая может побудить к самым разрушительным действиям.

Принять или не принять саму идею "золотого миллиарда" - дело морального и даже религиозного выбора, ибо эта идея является радикально антихристианской (как и антиисламской и тем более антибуддистской). На волне неолиберальной и евроцентристской идеологии в России некоторая часть интеллигенции, видимо, впала в соблазн этой утопии и является ее радикальным пропагандистом. Эта часть оказывает и большое влияние на политический режим.

Что касается России, то имеется множество признаков того, что та часть мировой элиты, которая определяет экономическую и военную политику и контролирует СМИ, ни в коем случае не включает народы России в число тех, кто имеет шанс попасть в спасательную шлюпку "золотого миллиарда".

Литература:

1. Кузьмич А. Россия и рынок (В свете советского и международного права) // Воскресенье, 1990, № 4, а также в книге А. Кузьмич. Заговор мирового правительства (Россия и "золотой миллиард"). М.

2. Лере Ж. Экология и политика // Мир науки, 1976. № 2. с. 8-97
3. Meadows D. et al. The Limits to growth. New York: Universe Books, 1972; Д.Х.Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерс. За пределами роста. М.: Прогресс, "Пангея", 1994. - 304 с.
4. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.
5. Laslo E. Goals for Mankind: a report to Club of Rome on new horizons of human system. № 4. 1975.
6. "Наше общее будущее. Доклад международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР)". М. Прогресс. 1989. 372 с.
7. Toffler A. Power Shift. New York. 1990. p. 4.
8. Жак Аттали. На пороге нового тысячелетия. М.: "Международные отношения", 1993. 135 с.
9. Лосев К.С., В.Г. Горшков, К.Я. Кондратьев, В.М. Котляков, М.Ч. Залиханов, В.И. Данилов-Данильян и др./под ред. В.И. Данилова-Данильяна и В.М.Котлякова. М. 1993. 348 с.
10. Хомяков П.М. Россия и золотой миллиард // Интервью, 1993. № 1, а также в книге: Хомяков П.М. Национал-прогрессизм. М.: Паллада, 1995. С. 44-51.
11. Чайковский Ю.В. Познавательные модели, плюрализм и выживание // Путь, 1992. № 1. с. 62-108.

*Сергей Кара-Мурза Концепция "золотого миллиарда" и Новый мировой порядок
<http://www.situation.ru/app/rs/books/articles/oro1.html>*

Современные тенденции развития государственной службы

"Новый менеджизм"

В целом традиционная модель государственного управления испытывает сейчас в мире определенный "кризис легитимности", т.е. падение доверия граждан к ней, к ее "человеческой составляющей" - чиновничеству, а также к ее принципиальной способности эффективно реагировать на "вызовы" сегодняшнего и тем более завтрашнего дня. В связи с этим понизился социальный престиж государственной службы и соответственно общественный статус самих служащих. В ответ на это изменение обращенных к аппарату управления общественных ожиданий происходит серьезное переосмысление концептуальных основ административной организации, и в частности государственной службы. Так, получили популярность идеи "постбюрократической организации", т.е. отказа от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства, кооперации, рыночного обмена в сфере управления, перехода от "логики учреждения" к "логике обслуживания", к развитию "нового государственного менеджмента".

Последнее направление стало особенно модным. Почти во всем мире ведутся поиски в области развития "государственного предпринимательства". Например, в Англии и даже в Новой Зеландии с руководителями среднего звена заключаются контракты на конкретный срок, предусматривающие достижение возглавляемой ими службой определенных результатов продление контракта поставлено в зависимость от этого. И на первых порах перевод на коммерческую, контрактную основу (маркетизация) части традиционных функций и структур госслужбы принес положительные результаты: повысилась ее эффективность, понизилась цена управленческих услуг, сократилась численность бюрократии. Однако позднее выявились негативные стороны этих мероприятий, издержки расчетов рыночные механизмы как ключ к решению проблем государственного управления: размывание специфики госслужбы как института общественного служения и соответственно дискредитация самих ее работников как людей, занятых удовлетворением общественных потребностей, а не просто являющихся особой категории коммерческими агентами.

Перемены в административной культуре

К счастью, изменения идут не только в этом направлении. Осознана первостепенная роль в управлении, в том числе и государственном, культурных факторов, формирования новой культуры государственной службы. Так, план реформы госслужбы, предложенный правительством Канады, на 10% состоит из изменений в области законодательства, на 20% - из новаций в структуре и функциях органов и на 10% - из улучшения культуры взаимоотношений и атмосферы государственных учреждений. Магистральным направлением совершенствования культуры государственной службы стала ее "этизация", т.е. повышение внимания к морально-этическим аспектам поведения государственных служащих. Так, во многих странах существует или вводится в действие кодекс поведения служащего, включающий, как правило, и правовые, и нравственные нормы. Считается, что без этического компонента любые административные реформы имеют мало шансов на успех. Заметная часть новейшей литературы по административной науке посвящена именно этим вопросам.

Еще одна сторона процесса принципиальных изменений в государственной службе - это ее поворот в сторону населения. Гражданин рассматривается более не как "управляемый", а как своего рода "клиент" государственных учреждений. Из статуса "подопечного", "просителя" он переходит в статус реализующего свои права потребителя предоставляемых ему государством услуг. Отсюда приобрели новую актуальность вопросы прав гражданина в отношениях с государством и гарантий их соблюдения, а также участия в управлении, открытости административной организации, ее "отзывчивости", приближения к людям, доступа граждан к информации и т.п. Не случайно Всемирный конгресс административных наук, проходивший в 1998 г. в Париже, так и назывался - "Гражданин и государственное управление". Движение и поиски в данном направлении порой входят в довольно серьезный конфликт с накатанной традицией бюрократического управления, выдвигающего в качестве главного доказательства своей незаменимости высокую функциональную эффективность.

В целом происходящий в последние десятилетия на Западе частичный пересмотр основных принципов госслужбы можно свести к следующим основным направлениям:

- анализ и институционализация политической роли бюрократии и механизмов реализации ею своих корпоративных интересов;
- поиск оптимального соотношения политических и профессиональных начал в администрации;
- уменьшение роли вертикальной административной иерархии, развитие функциональных органов, "плоских" структур и т.п.;
- децентрализация, удешевление, сокращение администрации;
- ограничение роли традиционной административной "лестницы чинов";
- "менеджеризация" и даже маркетизация значительной части госслужбы;
- максимально возможная открытость, "отзывчивость" бюрократии на потребности и ожидания граждан;
- значительное повышение внимания к культурным и морально-этическим аспектам госслужбы.

Разумеется, существует и "противотечение", зачастую весьма эффективное и аргументированное, со стороны классической административной идеологии и практики деятельности. Традиционная бюрократия даже имеет перспективы развития: примером тому служит относительно новое и беспокоящее многих явление - рост почти неподконтрольной гражданам и даже национальным правительствам наднациональной бюрократии - служащих международных организаций (ООН, ЕС, ЮНЕСКО и др.). Однако общий вектор, на наш взгляд, все же направлен в сторону "обуздания" бюрократии.

Многие специалисты считают, что можно говорить о том, что произошел определенный общий упадок статуса бюрократии, однако я не готов присоединиться к столь безоговорочному выводу.

Более того: сторонники нового подхода даже берут на себя смелость говорить о якобы происходящей постбюрократической (или административной) революции, хотя, как мне кажется, для подобных радикалистских умозаключений пока нет достаточных оснований.

Государственный аппарат по-прежнему существует и отнюдь не собирается самоликвидироваться. Более того: если бы какой-нибудь захвативший власть безумец попытался сделать что-то подобное, это привело бы общество к немедленной катастрофе. В полной мере сохраняют свою силу, несмотря на все изменения, и объективные социально-правовые характеристики статуса государственного служащего. Видимо, после изложения общей теории и истории-вопроса имеет смысл обсудить его государственно-правовую сторону.

Понятие статуса госслужащего

Итак, статус государственного служащего предполагает, во-первых, непосредственную причастность по роду работы к подготовке, принятию и (или) проведению в жизнь решений в сфере исполнительно-распорядительной деятельности государства, причем в ряде случаев указанные действия влекут за собой заметные экономические и иные социальные последствия для всего общества ИЛИ какой-либо его части; во-вторых, наличие у госслужащего правомочий и возможности выступать в пределах своей компетенции от имени государственного органа (и тем самым как бы от лица государства), представляя государственный интерес; в-третьих, сочетание строгой нормативной регламентированности деятельности в формально-процедурном отношении с довольно широкими возможностями принятия волевых решений на основе субъективной интерпретации как ситуации, так и регулирующих ее законодательных норм; наконец, в-четвертых (но отнюдь не в последнюю очередь по важности), принадлежность к особой профессионально-статусной группе, хотя и состоящей из представителей разных профессий, но объединяемой фактом работы в государственных органах. Это предполагает наличие у принадлежащих к ней лиц определенных государственно-властных полномочий и тем самым более значительной, нежели у подавляющего числа их сограждан, возможности оказывать влияние на развитие дел в обществе и, следовательно, повышенной ответственности за их состояние.

Государственная служба (комплексный подход):

Учеб. пособие. - 2-е изд. - М.: Дело, 2000. - СС. 29-33.

Мануэль Кастельс. Становление общества сетевых структур

Исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение "сетевой" логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Да, сетевая форма социальной организации существовала и в иное время, и в иных местах, однако парадигма новой информационной технологии обеспечивает материальную основу для всестороннего проникновения такой формы в структуру общества. Более того, я готов утверждать, что подобная сетевая логика влечет за собой появление социальной детерминанты более высокого уровня, нежели конкретные интересы, находящие свое выражение путем формирования подобных сетей: власть структуры оказывается сильнее структуры власти. Принадлежность к той или иной сети или отсутствие таковой наряду с динамикой одних сетей по отношению к другим выступают в качестве важнейших источников власти и перемен в нашем обществе; таким образом, мы вправе охарактеризовать его как общество сетевых структур (network society), характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием.

Прежде всего я хотел бы дать определение понятию сетевой структуры, коль скоро последняя играет столь важную роль в моей характеристике общества информационного века. Сетевая структура представляет собой комплекс взаимосвязанных узлов. <...> Конкретное содержание каждого узла зависит от характера той конкретной сетевой структуры, о которой идет речь. К ним относятся рынки ценных бумаг и обслуживающие их вспомогательные центры, когда речь идет о сети глобальных финансовых потоков. К ним относятся советы министров различных европейских государств, когда речь идет о политической

сетевой структуре управления Европейским союзом. К ним относятся поля коки и мака, подпольные лаборатории, тайные взлетно-посадочные полосы, уличные банды и финансовые учреждения, занимающиеся отмыванием денег, когда речь идет о сети производства и распространения наркотиков, охватывающей экономические, общественные и государственные структуры по всему миру. К ним относятся телевизионные каналы, студии, где готовятся развлекательные передачи или разрабатывается компьютерная графика, журналистские бригады и передвижные технические установки, обеспечивающие, передающие и получающие сигналы, когда речь идет о глобальной сети новых средств информации, составляющей основу для выражения культурных форм и общественного мнения в информационный век. Согласно закону сетевых структур, расстояние (или интенсивность и частота взаимодействий) между двумя точками (или социальными положениями) короче, когда обе они выступают в качестве узлов в той или иной сетевой структуре, чем когда они не принадлежат к одной и той же сети. С другой стороны, в рамках той или иной сетевой структуры потоки либо имеют одинаковое расстояние до узлов, либо это расстояние вовсе равно нулю. Таким образом, расстояние (физическое, социальное, экономическое, политическое, культурное) до данной точки находится в промежутке значений от нуля (если речь идет о любом узле в одной и той же сети) до бесконечности (если речь идет о любой точке, находящейся вне этой сети). Включение в сетевые структуры или исключение из них, наряду с конфигурацией отношений между сетями, воплощаемых при помощи информационных технологий, определяет конфигурацию доминирующих процессов и функций в наших обществах.

Сети представляют собой открытые структуры, которые могут неограниченно расширяться путем включения новых узлов, если те способны к коммуникации в рамках данной сети, то есть используют аналогичные коммуникационные коды (например, ценности или производственные задачи). Социальная структура, имеющая сетевую основу, характеризуется высокой динамичностью и открыта для инноваций, не рискуя при этом потерять свою сбалансированность. Сети оказываются институтами, способствующими развитию целого ряда областей: капиталистической экономики, основывающейся на инновациях, глобализации и децентрализованной концентрации; сферы труда с ее работниками и фирмами, основывающейся на гибкости и адаптируемости, сферы культуры, характеризуемой постоянным расчленением и воссоединением различных элементов; сферы политики, ориентированной на мгновенное усвоение новых ценностей и общественных умонастроений; социальной организации, преследующей своей задачей завоевание пространства и уничтожение времени. Одновременно морфология сетей выступает в качестве источника далеко идущей перестройки отношений власти. Подсоединенные к сетям "рубильники" (например, когда речь идет о переходе под контроль финансовых структур той или иной империи средств информации, влияющей на политические процессы) выступают в качестве орудий осуществления власти, доступных лишь избранным. Кто управляет таким рубильником, тот и обладает властью. Поскольку сети имеют множественный характер, рабочие коды и рубильники, позволяющие переключаться с одной сети на другую, становятся главными рычагами, обеспечивающими формирование лица общества наряду с руководством и манипулированием таким обществом. Сближение социальной эволюции с информационными технологиями позволило создать новую материальную основу для осуществления таких видов деятельности, которые пронизывают всю общественную структуру. Эта материальная основа, на которой строятся все сети, выступает в качестве неотъемлемого атрибута доминирующих социальных процессов, определяя тем самым и саму социальную структуру.

Таким образом, можно говорить о том, что новые экономические формы строятся вокруг глобальных сетевых структур капитала, управления и информации, а осуществляемый через такие сети доступ к технологическим умениям и знаниям составляет в настоящее время основу производительности и конкурентоспособности. Компании, фирмы и, во все большей степени, другие организации и институты объединяются в сети разной конфигурации, структура которых знаменует собой отход от традиционных различий между крупными корпорациями и малым бизнесом, охватывая секторы и экономические группы, организованные по географическому принципу. Поэтому трудовые процессы обретают все более индивидуализированный характер, происходит фрагментизация деятельности в зависимости от производственных задач с ее последующей реинтеграцией для получения конечного результата. Это

находит свое проявление в осуществлении взаимосвязанных задач в различных точках земного шара, что означает новое разделение труда, основывающееся на возможностях и способностях каждого работника, а не на характере организации данной задачи.

Ориентация на сетевые формы управления и производства отнюдь не означает заката капитализма. Общество сетевых структур, в любых его институциональных воплощениях, в настоящее время является буржуазным обществом. Более того, капиталистический способ производства сегодня впервые определяет социальные взаимоотношения повсюду в мире. Однако эта разновидность капитализма коренным образом выделяется на фоне своих исторических предшественников. Ее отличают два главных признака: она носит всемирный характер и в значительной степени строится вокруг сети финансовых потоков. Капитал работает в глобальном масштабе и в реальном времени, причем он реализуется, инвестируется и накапливается прежде всего в сфере обращения, т.е. как финансовый капитал. Последний всегда составлял основную часть капитала, однако сегодня мы являемся свидетелями несколько иного феномена: дальнейшее накопление капитала и финансовая деятельность все чаще осуществляются на глобальных финансовых рынках; из этих сетевых структур притекают инвестиции во все области хозяйственной деятельности: информационный сектор, сферу услуг, сельскохозяйственное производство, здравоохранение, образование, обрабатывающую промышленность, транспорт, торговлю, туризм, культуру, рациональное использование окружающей среды и т.д. <...> Некоторые виды деятельности оказываются более доходными, чем другие, проходя через различные циклы, переживая взлеты и падения рынка, испытывая влияние глобальной конкуренции. При этом, вне зависимости от того, что именно обеспечивает получение прибыли (производители, потребители, технология, природа или институты), она попадает в метасеть финансовых потоков, где любой капитал уравнивается в условиях обращенных в продукт демократии денег. В этом вселенском казино, которым управляют компьютеры, различные виды капитала расцветают или, наоборот, обесцениваются, определяя при этом судьбу корпораций, семейных сбережений, национальных валют и региональных экономик. Общий итог равен нулю, поскольку выигрыш победителей оплачивают проигравшие. Однако выигравшие и проигравшие меняются ежегодно, ежемесячно, ежедневно, ежесекундно, и эти перемены отражаются на мире компаний, рабочих мест, зарплат, налогов, общественных служб, на том самом мире, который подчас считают "реальной экономикой" и который я бы предпочитал называть "нереальной экономикой", поскольку в век капитализма сетевых структур настоящая реальность, где делают или теряют, размещают или сберегают деньги, находится в финансовой сфере. Все другие виды деятельности (за исключением деятельности во все более сокращающемся государственном секторе) выступают либо в качестве основы для получения необходимых свободных средств, которые можно было бы вложить в глобальные финансовые потоки, либо же в качестве результата уже помещенных сюда капиталовложений.

Однако чтобы финансовый капитал мог работать и конкурировать, он должен опираться на знания и информацию, получающие обеспечение и распространение благодаря информационной технологии. Таково конкретное содержание взаимосвязи между капиталистической формой производства и информационной формой развития. Капитал, которым распоряжаются чисто по наитию, всегда подвержен опасностям и в конечном счете размывается под воздействием элементарной статистической вероятности в условиях произвольных колебаний финансовых рынков. Процесс его накопления заключается не в чем ином, как во взаимодействии между выгодным размещением средств в соответствующих фирмах и использованием накопленных прибылей для их обогащения в условиях глобальных финансовых сетей. Таким образом, накопление капитала связано с производительностью, конкурентоспособностью и наличием необходимой информации относительно инвестиций <...> в каждом секторе экономики. Фирмы, занимающиеся разработкой высоких технологий, зависят от финансовых средств, без которых они неспособны продолжать свой бесконечный поиск инноваций, обеспечивая производительность и конкурентоспособность. Финансовый капитал, действуя непосредственным образом через банковские институты либо же опосредованно, через динамику фондовых рынков, определяет судьбу высокотехнологичных отраслей. С другой стороны, технология и информация выступают в качестве решающих средств, обеспечивающих получение прибылей и завоевание рынка. Таким образом, финансовый

капитал и промышленный капитал, связанный с высокими технологиями, оказываются во все большей взаимозависимости, пусть и сохраняя свою специфику в том, что касается формы деятельности каждой из отраслей.

Итак, капитал либо изначально носит глобальный характер, либо обретает его с целью приобщения к процессу накопления в условиях экономики, строящейся вокруг электронных сетей. По принципу сетей фирмы организуют как свою внутреннюю структуру, так и внешние связи. Благодаря этому потоки капитала и вызываемая ими к жизни деятельность, связанная с производством, управлением и распределением, растекаются по взаимосвязанным сетям самой различной конфигурации. Но кто же тогда в этих новых технологических, организационных и экономических условиях выступает в качестве капиталистов? Вряд ли в их число входят юридические владельцы средств производства, которыми могут оказаться, к примеру, ваш или мой пенсионный фонд либо прохожий на улице Сингапура, вкладывающий средства в растущий аргентинский рынок с помощью банковского автомата. К числу капиталистов нельзя отнести и менеджеров корпораций, как это предлагают сделать некоторые авторы, ибо они контролируют конкретные корпорации и конкретные участки глобальной экономики, однако ничего не знают о систематических, повседневных подвижках капитала в финансовых сетях, развитии знаний в сетях информационных или об эволюции стратегий в многогранном комплексе сетевых предприятий. Менеджеры бывают представителями верхушки глобальной системы капитала; так обстоит дело в японских корпорациях. Их можно выявить и в рамках традиционной буржуазии, например, в зарубежных сетевых структурах китайского бизнеса, причем у этой категории прослеживаются отчетливо выраженные культурные связи, зачастую семейные или личные, наряду с общими ценностями и, подчас, политическими контактами. В Соединенных Штатах сложился причудливый портрет современного капиталиста, у которого одновременно просматриваются черты традиционных банкиров; спекуляторов-нуворишей; гениев, обернувшихся предпринимателями и самостоятельно поднявшихся на вершину социальной лестницы; магнатов глобального масштаба и менеджеров многонациональных корпораций. В других случаях в качестве капиталистов выступают государственные корпорации (примером могут служить Французские банки и компьютерные фирмы). В России бывшие представители коммунистической номенклатуры конкурируют с молодыми "дикими" капиталистами, стремясь урвать кусок государственной собственности в условиях становления самой молодой провинции капиталистического мира. И во всех странах деньги, отмываемые самыми различными криминальными структурами, стекают в глобальную финансовую сеть, единовластную хозяйку всех накоплений.

Итак, речь идет о капиталистах, которые стоят во главе всех и всяческих экономик и одновременно распоряжаются людскими жизнями. Но можно ли объединить их в класс? Ни социологически, ни экономически такой категории, как глобальный класс капиталистов, не существует. Вместо него имеется взаимосвязанная, глобальная система капитала, движения и изменчивая логика которого в конечном счете определяют экономику и сказываются на судьбе любого общества. Таким образом, над многообразием буржуа во плоти, объединенных в группы, восседает безликий обобщенный капиталист, сотканный из финансовых потоков, управляемых электронными сетями. Это явление нельзя сводить к простому выражению абстрактной логики рынка, поскольку этот феномен не вполне подчиняется законам спроса и предложения: он реагирует на всякого рода встряски, на не поддающиеся прогнозу подвижки, обусловленные психологическими и социальными факторами в не меньшей степени, чем экономическими процессами. Эта глобальная сеть капиталистических сетей одновременно объединяет и ставит под свой контроль конкретные центры накопления капитала, определяя структуру поведения капиталистов на основе их подчинения самой себе. Отдельные же капиталисты следуют своим конкурирующим либо, напротив, взаимодополняющим стратегиям, двигаясь по контурам и цепям этой глобальной сети, оказываясь, тем самым, в конечном счете в зависимости от внечеловеческой логики произвольно обработанной информации, подчиняющейся компьютерам. Это капитализм в его наиболее чистом выражении, живущий только для денег и ради денег и производящий товары ради производства других товаров. Однако деньги практически окончательно потеряли свою зависимость от производства, включая производство услуг; они ушли в сети электронных взаимодействий более высокого порядка, которые едва ли понятны даже тем, кто

выступает в качестве их менеджеров. Капитализм по-прежнему остается правящей системой, однако капиталиста во плоти можно встретить только случайно, а капиталистические классы ограничены конкретными регионами мира, где они процветают в качестве придатка к мощному процессу, воля которого находит свое проявление в колонках биржевых ведомостей и в рейтинге фьючерных сделок и опционов, мигающих на экранах компьютеров по всему миру.

Что же происходит с такой категорией, как труд, как социальные производственные отношения, в этом новом мире информационного капитализма? В пространстве финансовых потоков работники не исчезают, а работы остается в избытке. Вопреки апокалиптическим пророчествам, основывающимся на примитивном анализе, сегодняшний мир характеризуется большим числом рабочих мест и более высокой долей занятости самодельного населения, чем когда-либо в истории. В основном это объясняется широким привлечением женщин к оплачиваемому труду во всех индустриально развитых обществах, причем этот контингент рынка труда удалось в целом абсорбировать без особых проблем. Таким образом, распространение информационных технологий, несмотря на все изменения структуры труда и уничтожение определенных рабочих мест, не привело и вряд ли в будущем приведет к массовой безработице, даже несмотря на ее рост в Европе, который, скорее, больше связан с социальными институтами, чем с новой производственной системой.

Однако, несмотря на то, что работа, работники и трудящиеся классы существуют и даже получают все большее распространение в мире, социальные взаимоотношения между трудом и капиталом претерпевают коренные преобразования. Капитал по самой своей сути носит глобальный характер, а труд, как правило, — локальный. Историческая реальность развития информационных технологий такова, что ведет к концентрации и глобализации капитала, причем именно благодаря непреодолимому децентрализующему воздействию сетевых структур. Труд оказывается расчлененным в зависимости от осуществляемых операций, раздробленным по организационному признаку, диверсифицированным в аспекте наличия или отсутствия работы, отдельным в условиях коллективной деятельности. Сети сливаются друг с другом, образуя метасеть капитала, объединяющую капиталистические интересы на глобальном уровне, вне зависимости от сфер и участков деятельности; это не может не сопровождаться конфликтами, однако подчиняется одной и той же общей логике. Труд же теряет свою коллективную самобытность, становится все более индивидуализированным с точки зрения возможностей работников, условий труда, заинтересованности в нем и перспектив на будущее. Кто владелец? Кто изготовитель? Кто хозяин? Кто слуга? Эти понятия становятся все более размытыми в условиях системы производства, характеризуемой меняющейся конфигурацией, совместной работой, созданием сетей, привлечением внешних источников, использованием субподрядов. Вправе ли мы утверждать, что стоимость создается отупевшим от работы на своем компьютере изобретателем новых финансовых средств, чей труд отчуждается брокерами корпораций? Кто участвует в создании стоимости в электронной промышленности? Изобретатель чипа в Кремниевой долине или же девушка, работающая на конвейере фабрики где-то в Юго-Восточной Азии? Несомненно, они оба, хотя и совершенно в разной пропорции. Так что же, их обоих можно отнести к новому рабочему классу? Тогда почему в это понятие не зачислить и специалиста по компьютерам в Бомбее, которого на основе субподряда привлекают для разработки программы создания того или иного конкретного дизайна? Почему не включить сюда и разъездного менеджера, который мотается или просто сидит на связи между Калифорнией и Сингапуром, занимаясь урегулированием вопросов производства и сбыта электронных чипов? В рамках комплексных, глобальных сетей, которые взаимодействуют друг с другом, производственные процессы объединяются в одно целое. Однако одновременно происходит и дифференциация трудовых процессов, расслоение работников, расчленение труда в глобальных масштабах. Таким образом, если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются (ведь во многих экономиках доминирующая логика сегодня в гораздо большей мере носит капиталистический характер, чем когда-либо), то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое время повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше и меньше зависит от конкретного труда и

все больше и больше от накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей.

За этой двойственностью кардинального характера по-прежнему кроется значительный объем социального многообразия, слагаемыми которого служат ставки инвесторов, усилия рабочих, мастерство человека, людские страдания, найденная и потерянная работа, повышение и понижение по службе, конфликты и переговоры, конкуренция и заключение временных союзов; обычная жизнь продолжается. Но на более глубоком уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде больше не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия.

Процессы преобразований, находящие свое выражение в идеальном типе сетевого общества, выходят за пределы сферы социальных и технических производственных отношений: они глубоко вторгаются в сферы культуры и власти. Проявления культурного творчества абстрагируются от исторических и географических факторов. Их обуславливают скорее сети электронных коммуникаций, взаимодействующие с аудиторией и в конечном счете формирующие оцифрованный, аудиовизуальный гипертекст. Коммуникация в основном распространяется через диверсифицированную, всеобъемлющую систему средств информации, и поэтому политическая игра все чаще и чаще разыгрывается в этом виртуальном пространстве. Лидерство становится персонализированным, а путь к власти лежит через создание имиджа. Речь не идет о том, что любая политика может быть низведена до уровня средств информации, как она не идет и о том, что ценности и интересы не испытывают влияния со стороны политики.

Однако вне зависимости от того, о каких политических деятелях идет речь, они оказываются вовлечены в игру, ведущуюся через средства массовой информации и самими средствами массовой информации. <...> Зависимость от языка средств информации, имеющих под собой электронную основу, приводит к далеко идущим последствиям для характеристик, организации и целей политических процессов, политических деятелей и политических институтов. В конечном счете власть, которой располагают сети средств информации, занимает второе место после власти потоков, воплощенной в структуре и языке этих сетей.

На более глубоком уровне происходит преобразование материальных основ общества, организованных вокруг пространства, которое пронизано потоками и где отсутствует время. За этой метафорой стоит серьезная гипотеза: доминирующие функции организуются в сетевые структуры в пространстве потоков, которое объединяет их по всему миру, одновременно разобщая второстепенные функции и самих людей в ином пространстве, состоящем из локалий, которые все больше и больше разделены и оторваны друг от друга. Безвременье оказывается результатом отрицания времени, настоящего и будущего, в сетевых структурах пространства потоков. Часовое же время, количественная характеристика и ценность которого определяются для каждого процесса по-разному, в зависимости от его положения в сети, по-прежнему сохраняет свою действенность в отношении второстепенных функций и конкретных локалий. Конец истории, нашедшей свое воплощение в бесконечном обороте компьютеризированных финансовых потоков и в завершающихся в мгновение ока "хирургических" войнах, подминает под себя биологическое время нищеты и механическое время труда на производстве.

Социальное построение новых форм пространства и времени ведет к развитию метасети, которая отключает второстепенные функции, подчиняет социальные группы и ведет к обесцениванию целых территорий. В этом процессе образуется дистанция между метасетью и большинством отдельных людей, видов деятельности и локалий по всему миру. При этом ни люди, ни локалии, ни отдельные виды деятельности не исчезают; исчезает их структурное значение, переходящее в незнакомую ранее логику

метасети, где формируются ценности, создаются культурные коды и кодексы и принимаются решения, связанные с властью. Общество сетевых структур, выступая в качестве нового социального порядка, большинству людей все чаще и чаще видится как метасоциальный беспорядок, как автоматизированная, произвольная последовательность событий, следующая неконтролируемой логике рынка, технологий, геополитических факторов или биологической детерминанты.

С точки зрения более широкой исторической перспективы общество сетевых структур представляет собой качественное изменение в жизни человека. Если мы посмотрим на старую социологическую традицию, согласно которой общественная деятельность на изначальном уровне может быть понята как структура изменчивых взаимоотношений между природой и культурой, мы убедимся, что действительно вступили в новую эпоху.

Первая модель взаимосвязей между этими двумя диаметрально противоположными полюсами людского бытия на протяжении тысячелетий характеризовалась господством природы над культурой. Кодексы социальной организации служили делу борьбы за выживание перед лицом внешних необузданных сил; об этом свидетельствует такая наука, как антропология, проследившая кодексы общественной жизни вплоть до корней формирования нашей биологической сущности.

Следующий тип взаимоотношений сформировался на заре современной эпохи. Он связан с промышленной революцией и с победой разума, когда культура возобладала над природой. Наше общество сформировалось тогда, когда человечество скинуло иго природных сил и одновременно изобрело свои собственные формы подчинения и эксплуатации.

Сегодня мы вступаем в новую эпоху, когда культура настолько подчинила себе природу, что ее приходится искусственно восстанавливать в качестве одной из культурных форм: именно в этом, по сути, заключается смысл экологических движений. <...> Мы приблизились к созданию чисто культурной структуры социальных взаимодействий. Именно поэтому информация стала основным компонентом нашей социальной организации, а потоки идей и образов составляют основную нить общественной структуры. Это отнюдь не означает, что история завершилась счастливым примирением человечества с самим собой. На деле все обстоит совсем иначе: история только начинается, если понимать под ней то, что после тысячелетий доисторической битвы с природой, сначала выживая в борьбе с ней, а затем покоряя ее, человеческий вид вышел на такой уровень знаний и социальной организации, который дает нам возможность жить в преимущественно общественном мире. Речь идет о начале иного бытия, о приходе нового, информационного века, отмеченного самостоятельностью культуры по отношению к материальной основе нашего существования. Но вряд ли это может послужить поводом для большой радости, ибо, оказавшись в нашем мире наедине с самими собой, мы должны будем посмотреть на свое отражение в зеркале исторической реальности. То, что мы увидим, вряд ли нам понравится.

М. Кастельс "Становление общества сетевых структур" // "Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология" (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999. С. 494-505

Ульрих Бек. Что такое глобализация?

1. Введение

1. Виртуальные налогоплательщики

В мирном крахе берлинской стены и закате советской империи многие увидели начало конца политики как таковой, полагая, что наступила эпоха по ту сторону социализма и капитализма, утопии и эмансипации. Но шло время, и радостные декларации прощания с политикой все больше сбавляли тон. Ибо непременно возникающее сегодня в любой публичной дискуссии пугающее слово «глобализация» говорит не столько о закате политики, сколько о том, что политическое вырывается за категориальные рамки

национального государства и даже из ролевой схемы того, что считалось «политическим» и «неполитическим» действием. На какой бы содержательный аспект "ни указывала новая риторика глобализации (экономика, рынки, борьба за рабочие места, производство, товары и услуги, финансовые потоки, информация, стили жизни), в каждом случае бросаются в глаза политические последствия, вызванные к жизни действием механизмов экономического риска глобализации: институты индустриального общества, до того как бы полностью закрытые для политики могут «дать трещину» и открыться для политического вмешательства. Предпосылки социального государства и пенсионной системы, социального обеспечения и коммунальной политики, функционирований инфраструктуры, организованная сила профсоюзов, межпроизводственная система переговоров по вопросам тарифной автономии, так же как государственные расходы, налоговая система и «справедливое налогообложение» все плавится под палящим солнцем глобализаций отливается в формы, делающие возможным (как предполагается) политическое воздействие. Реагировать, тем или иным образом отвечать на это должны все действующие лица общества, причем ответы будут даваться не по старой типичной схеме (деление на правых и левых) политического поведения.

Можно сказать так: то, что для рабочего движения в XIX веке было вопросом классовой борьбы, для транснациональных предприятий на рубеже XX—XXI столетий стало вопросом глобализации. С тем, однако, существенным различием, что рабочее движение выступало как оппозиционная сила, в то время как глобальные предприятия до настоящего времени действуют без (транснационального) оппонента.

Почему глобализация означает политизацию? Потому что приведение в действие механизма глобализации позволяет предпринимателям и их объединениям отвоевать у демократически организованного капитализма свободу действий, сдерживаемую политикой социального государства. Глобализация делает возможным то, что, по-видимому, всегда скрытно присутствовало в капитализме, но на стадии его укрощения социальным демократическим государством оставалось замаскированным: предприятия, особенно работающие в глобальном масштабе, играют ключевую роль не только в организации экономики, но и общества в целом - хотя бы уже «только» потому, что они в состоянии отнимать у общества его материальные ресурсы (капитал, налоги, рабочие места).

Функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств. Тем самым открывается путь субполитизации совершенно нового размаха и с непредсказуемыми последствиями. Речь идет о том, чтобы в новом раунде борьбы элегантно отодвинуть старого противника по имени «труд» на запасной путь истории; но также — и, прежде всего — о том, чтобы одновременно заявить о расторжении договора с «идеальным совокупным капитализмом», как Маркс называл государство, т. е. чтобы избавиться от пут труда и государства как они сложились в XIX и XX веках.

«Все сословное, все стародавнее, все окостеневшее и заскорузлое испарилось», — заявлял Маркс уже в Коммунистическом манифесте, не скрывая ликования по поводу заложенного в капитализме революционного потенциала. «Сословной» теперь стала социально-государственная и профсоюзная организация труда, а «окостеневшими и застывшими» оказались "бюрократические контрольные установки и налоговые ограничения (национального) государства. При этом эффективность и элегантность обосновываются совершенно новыми измерениями политики объективной необходимости» глобализации.

Повсюду утверждают, будто бы не интересы предприятий, а «глобализация» делает необходимыми мучительные разрывы и надломы. Под давлением «законов» глобализации ради достижения определенной цели якобы нужно действовать в направлении, противоположном движению к цели; к примеру, чтобы обеспечить людей работой там, где они живут, рабочие места необходимо радикально упразднить или переводить в другие местности. Именно потому, что занятость в сфере труда может и должна сокращаться во имя повышения прибыли, нынешняя политика превращается в свою противоположность. Кто подстегивает экономический рост, тот в конечном итоге плодит безработицу. Кто понижает налоги, чтобы повысить шансы на получение дохода, тот, вероятно, тоже порождает безработицу. Необходимо подвергнуть научному изучению и критическому осмыслению политические и общественные парадоксы транснациональной экономики, которая заманивает обещаниями «упразднить

инвестиционные препоны» (читай: упразднить экологическое, профсоюзные и социально-государственное, налоговое регулирование) во имя все большего сокращения рабочих мест и одновременно дальнейшего роста производства и доходов. Это означает, что введение в действие механизма глобализации несет в себе фактор угрозы, т. е. политика глобализации нацелена на избавление только от профсоюзных, но и от национально-государственных ограничений она имеет цель ослабление национально-государственной политики. Риторика занимающих важные посты представителей экономики против политики социального государства предельно ясна. В конечном итоге речь идет о том, чтобы предельно уменьшить возложенные на государство задачи и прекратить государственный аппарат, осуществить мечту анархического рынка – утопию минимального государства. При этом происходит довольно парадоксальная вещь: глобализация нередко влечет за собой ренационализацию.

Многие не понимают, что глобализация представляет опасность не только для профсоюзов, но и для политики как таковой, для государства. Представители разных политических партий и восхищенные глобализацией, «размягчающей государственные и общественные институты», только начинают смутно догадываться, что они, по словам старика Маркса, обречены стать своими собственными «могильщиками». Я, по крайней мере, с невольной иронией смотрю на то, как некоторые политики требуют рынка, рынка, как можно больше рынка и явно не замечают, что тем самым они умерщвляют свой собственный жизненный нерв, перекрывают кран, из которого текут деньги и властные полномочия. Видели ли вы когда-нибудь подобное бездумно-радостное театральное представление публичного самоубийства?

На чем строится новая власть и могущество транснациональных предприятий? Из чего рождается, каким образом прирастает их стратегический потенциал?

Он рождается из вторжения в материальные жизненные артерии современных национально-государственных образований, вторжения, которое происходит без революции изменения законодательной базы и тем более конституции, а только в процессе нормального функционирования, так сказать, в *business as usual*, обычной деловой активности.

Во-первых, предприятия могут экспортировать рабочие места туда, где расходы по найму рабочей силы и налоги самые низкие.

Во-вторых, они в состоянии (на основе создания информационно-технической близости и соседства в любой точке планеты) благодаря разделению труда таким образом рассредоточивать производство продуктов и оказание услуг в разных местах мира, что рациональная принадлежность фирм способна только вводить в заблуждение.

В-третьих, они в состоянии сталкивать лбами национальные государства и таким образом устраивать глобальные закулисные торги в поисках мест с самыми низкими налогами и самой благоприятной инфраструктурой; они могут также «наказывать» национальные государства, если сочтут их слишком «дорогими» или «враждебно относящимися к инвестициям».

Наконец, в-четвертых, они могут в произведенных и контролируемых ими дебрях глобального производства самостоятельно определять место для инвестиций, для производства, для уплаты налогов и для жительства и противопоставлять их друг другу. В результате капитаны бизнеса могут жить в самых красивых местах, а налоги платить там, где они самые низкие.

И все это, разумеется, без обращения в парламент или консультации с ним, без решения правительства, без изменения в законодательстве; для этого не нужна даже публичная дискуссия. Это дает право ввести понятие «субполитика» — не как (теоретическую) возможность заговора, а как дополнительный шанс для деятельности и узурпации власти за рамками политической системы, шанс, который во все большей мере получают предприятия, действующие на всем пространстве мирового общества. Баланс власти нарушается, договор о распределении полномочий первого модерна индустриального общества расторгается и — без участия правительств и парламентов, общественности и судов - переписывается в пользу самостоятельного управления экономической деятельностью самой собой. Переход к еще не выторгованной, но, во всяком случае, заново переписывающей правила игры в обществе

политике глобализации произошел незаметно, в нормальном режиме, в ходе разворачивающейся своим чередом модернизации.

Национальное государство есть государство территориальное, его власть ждётся на связи с определенной местностью (контроль над членством, издание действующих законов, защита границ и т. д.). Мировое общество, которое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных не связанных с определенной территорией зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Это проявляется во всех важнейших сферах, на которых держится национально-государственный авторитет: в налоговой политике, в высших полномочиях полицейского аппарата, во внешней политике, в области военной безопасности. Для примера рассмотрим внимательнее налоговую политику.

Взимание налогов — не просто один из принципов авторитета национального государства, а его главный принцип. Суверенное распоряжение налогами связано с контролем за хозяйственной деятельностью в пределах определенной территории. Но расширение возможностей хозяйствования в рамках мирового общества делает эту предпосылку все более эффективной. Предприятия могут производить продукцию в одной стране, платить налоги в другой, а требовать государственных субсидий в форме мероприятий по созданию инфраструктуры — в третьей. Обладающие богатством частные лица стали мобильнее, изобретательнее в поисках и использовании лазеек в законодательстве национального государства; те, кто располагает пользующимися спросом знаниями, могут использовать их там, где им будет выгоднее; наконец, бедные могут уехать туда, где, как они думают, в кисельных берегах текут молочные реки. Напротив, попытки национальных государств отгородиться от этих процессов сталкиваются с противоречиями: чтобы выдержать глобальную конкурентную борьбу, отдельным государствам приходится привлекать капитал, людей и знания.

Гладиаторы экономического роста, обхаживаемые политиками, подрывают авторитет государства, когда ратуют за увеличение производства и одновременно уводят у государства налоги. Пикантность ситуации заключается в том, что именно самые богатые становятся виртуальными налогоплательщиками, и их богатство не в последнюю очередь покоится на виртуальной ориентации в виртуальном мире. Они подрывают (чаще всего) легальными, но нелегитимными способами благосостояние демократического общества, возможностями которого пользуются.

Журнал «Фортуне», который регулярно публикует список пятисот крупнейших предприятий мира, добившихся наибольших успехов, с ликованием возвещает, что они «преодолели границы ради завоевания новых рынков и подавления локальной конкуренции. Чем больше стран, тем выше доход. Доходы крупнейших пятисот предприятий выросли на 15%, а их оборотные средства только на 11%».

«Доходы ползут вверх, рабочие места сокращаются, — пишет "Шпигель", — экономическое чудо особого рода отпугивает нацию. На предприятия проникло новое поколение руководителей концернов — приверженцев культа акции по американскому образцу. Самое фатальное заключается в том, что биржа поощряет этих губителей рабочих мест». Предприниматели открыли философский камень богатства. Новая магическая формула гласит: капитализм без труда плюс капитализм без налогов. Поступления от налогов корпораций и налогов на доходы предприятий упали с 1989 по 1993 год на 18,6%; их доля в общих налоговых сборах государства уменьшилась почти наполовину. Социальная система нуждается в перестройке, для нее должна быть создана новая база, — аргументирует Андре Горц. — Но в ходе этой перестройки — не демонтажа — следовало бы спросить себя, почему создается впечатление, что она не финансируется. Страны Европейского Союза (ЕС) за последние двадцать лет стали богаче на 50-70%. Рост экономики значительно превышал рост населения. И все же ЕС насчитывает сегодня двадцать миллионов безработных, пятьдесят миллионов бедных и пять миллионов бездомных. Куда же девалось дополнительное богатство? Известно, что в США рост экономики обогатил только десять процентов населения. Эти десять процентов получили девяносто шесть процентов дополнительных доходов. В Европе дела обстояли не столь удручающе, но и не намного лучше.

В Германии доходы предприятий выросли с 1979 года на девяносто процентов, зарплата — на шесть процентов. Поступления с подоходного налога за последние десять лет удвоились; налоги с корпораций уменьшились наполовину и составляют всего лишь тринадцать процентов общих налоговых сборов. В 1980 году они составляли двадцать пять процентов; в 1960-м — даже тридцать пять. Останься они на уровне двадцати пяти процентов, государство получало бы в последние годы дополнительно 86 миллиардов марок ежегодно.

Подобное же развитие наблюдается и в других государствах. Большинство транснациональных фирм, таких, как «Сименс» или БМВ, больше не платят налоги внутри страны... Если в этой сфере ничего не изменится... то люди вряд ли станут покорно взирать на то, как сокращаются их пенсии, заработная плата, услуги социального характера». I

Транснациональные организации превосходят самих себя рекордными доходами — и массовым сокращением рабочих мест. В конце хозяйственного года правления одно за другим сообщают о фантастических прибылях. А в это время политики, в обязанности которых входит оправдание массовой безработицы, настаивают на дальнейшем понижении налогового бремени в чаще всего тщетной надежде, что дополнительное богатство богачей даст хотя бы немного новых рабочих мест.

Как следствие этого накапливаются конфликты — в том числе и в хозяйственной сфере, а именно между виртуальными и реальными налогоплательщиками. В то время как транс национальные корпорации в состоянии уклоняться от налогообложения в рамках национального государства, малым и средним предприятиям, создающим большую часть рабочих мест, приходится истекать кровью под прессом перестроившейся налоговой бюрократии. Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается в проигрыше от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать всё, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущее будущее демократии.

Но и противоречия «капитализма без труда» дают о себе знать. Менеджеры мультинациональных концернов переводят свои правления в Южную Индию, а своих детей посылают учиться в лучшие европейские университеты, финансируемые национальными государствами. Им и в голову не приходит перебраться жить туда, где они создают рабочие места и платят низкие налоги. Сами они, как чем-то само собой разумеющимся, пользуются дорогостоящими основными, политическими, социальными и гражданскими правами, общественное финансирование которых ими же и торпедируется. Они ходят в театры. Наслаждаются природой и ландшафтами, уход за которыми требует больших денег. Околачиваются в еще относительно свободных от насилия и криминала метрополиях Европы. Но своей ориентированной на прибыль политикой они вносят существенный вклад в разрушение этих европейских форм жизни. Позволительно спросить, где будут жить они или их дети, когда государства и демократия в Европе лишатся финансирования?

Что хорошо для «Дойче банк», давно уже нехорошо для Германии. Транснациональные корпорации выходят из национально-государственных рамок и де-факто расторгают договор о лояльности с институтами национального государства. По этой причине падает внутренний уровень социальной интеграции соответствующих стран, и падает тем, ниже, чем больше он обосновывался чисто экономическими факторами. В этот коварный водоворот попадают прежде всего благоденствующие социальные государства: им приходится выплачивать кодифицированные пособия постоянно растущему числу безработных около пяти миллионов в одной только Германии, причем число это увеличивается по мере утраты государствами контроля над налогами, ибо у транснациональных предприятий в их игре за право размещать производство по своему усмотрению на руках оказались одни только козыри. Эти предприятия дотируются многократно: во-первых, оптимизируя мероприятия по созданию инфраструктуры, во-вторых, собирая дотации, в-третьих, уменьшая до минимума налоги и, в-четвертых, экстернализируя расходы по содержанию безработных.

Водоворот, тянущий вниз социальное государство, проявляет себя не только убывающими ресурсами при скачкообразно растущих расходах, но и отсутствием средств для его умиротворения, в то время как пропасть между бедными и богатыми становится все шире. Поскольку национально-

государственные рамки утрачивают свою обязательность, те, кто выигрывает от глобализации, и те, кто от нее проигрывает, оказываются, так сказать, сидящими за разными столами. Новые богатые больше не нуждаются в новых бедных. Добиться какого-то равновесия между ними трудно хотя бы уже потому, что отсутствуют рамки общности, в которых можно было бы локализовать и урегулировать этот выходящий за границы национального государства конфликт. Не составляет труда представить себе, как логика конфликта капиталистической игры с нулевой суммой заявляет о себе все острее, в то время как средства умиротворения сокращаются и оказываются недостаточными для того, чтобы при форсированном экономическом подъеме возникали условия для роста общественного пирога.

Так проявила свою ненадежность модель Первого, национально-государственного модерна, задуманного и осуществленного на принципе единства культурной идентичности («народ»), пространства и государства; при этом пока не просматривается идея нового единства человечества, планеты Земля и мирового государства или хотя бы желанного такого единства.

Список использованной литературы:

Giddens A. Jenseits von Links und Rechts, Frankfurt/M.1997.

Beck U. Die Erfindung des Politischen, Frankfurt/M.1993.

Fortune, New York. 5.8.1966, цит. по: Frederic F. Clairmont, Endlose Profite, endliche Welt, in Le monde diplomatique, 11 April 1997, S.1

2. Национальное государство между мировой экономикой и индивидуализацией утрачивает свой суверенитет: что делать?

Вывод витает в воздухе: проект модерна, по всей видимости, провалился.

Первыми свидетельство о смерти/притязаниям науки на разум и рационализм радостным энтузиазмом выдали философы постмодернизма. То, что выдает себя за универсализм западного просвещения и прав человека, есть не что иное как голос «мертвых, старых, белых мужчин», которые подавляют права этнических, религиозных и сексуальных меньшинств, возводя в абсолют свой партийный «метарассказ».

Столетняя тенденция к индивидуализации, утверждают далее постмодернисты, привела к ослаблению социальных связей, к утрате обществом коллективного самосознания и, следовательно, способности к политическому действию. Поиски политических ответов на судьбоносные вопросы о будущем лишились субъекта и локализации в пространстве. Экономическая глобализация лишь завершает в этой мрачной перспективе то, что постмодернизм готовил в интеллектуальной сфере, а индивидуализация в политической — распад модерна. Диагноз звучит так: капитализм не нуждается в труде и плодит безработицу. В результате распадается исторический союз между рыночной экономикой, социальным государством и демократией, который до сих пор сплачивал и узаконивал национально-государственный проект модерна. С этой точки зрения неоллибералы являются ликвидаторами западной цивилизации — даже если они выдают себя за ее реформаторов. Их модернизация, если иметь в виду социальное государство, демократию и общество, ведет к смерти.

Но упадок начинается в голове. Фатализм — болезнь, в том числе и болезнь языка. Прежде чем бросаться с Эйфелевой башни, не мешало бы сходить к логопеду. «Понятия стали пустыми, они больше не захватывают, не проясняют, не вдохновляют. Серая пелена, нависшая над миром... возможно, объясняется и тем, что слова заплесневели» что представляется распадом, могло бы, если бы удалось преодолеть ортодоксальность взглядов, приведших к краху Первый модерн, стать началом превращения во Второй модерн.

В книге «Дети свободы» я попытался показать, что с так называемым «распадом ценностей», по-видимому, приходит ней коллективной ортодоксии политической деятельности, а не политической

деятельности как таковой социально-моральная среда блекнет, но параллельно с этим вырабатываются основы жизненного мира для всемирного республиканства, в центре которого свобода отдельного человека.

Разумеется, выступать против мощного мирового рынка нелегко. Это можно делать только при условии, что будет разрушено сложившееся в головах людей представление о всемогуществе этого рынка, которое подавляет способность к действию? Против этого мегапризрака, что бродит по Европе, мне хочется в своей книге пустить в ход камнемет различения — различения между глобализмом, с одной стороны, и глобальностью и глобализацией, с другой. Это различие имеет целью разрушить территориальную ортодоксию политического и общественного, сложившуюся в проекте Первого модерна, привязанном к национальному государству, и получившую статус категориально-институционального абсолюта. Глобализмом называю понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измерению, которое мыслится к тому же линейно, и обсуждает другие аспекты глобализации — экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, — если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка. Само собой разумеется, при этом не следует отрицать или преуменьшать центральную роль глобализации, в том числе в выборе и восприятии акторов хозяйственной деятельности. Идеологическое ядро глобализма заключается, скорее, в том, что здесь ликвидируется основополагающее различие Первого модерна, а именно различие между политикой и экономикой. Главная задача политики — определять правовые, социальные и экологические рамочные условия, в которых хозяйственная деятельность вообще становится общественно возможной и узаконенной, выпадает из поля зрения или утаивается. Глобализм позволяет управлять таким сложным образованием, как Германия, - т.е. государством, обществом, культурой, внешней политикой - как простым предприятием. В этом смысле можно говорить об империализме экономической составляющей, благодаря чему предприятия требуют для себя таких рамочных условий, в которых они могут добиваться своих целей с оптимальным успехом.

Странность здесь в том, что таким образом понимаемый глобализм подчиняет своему влиянию и своих оппонентов. Существует не только утверждающий, но и отрицающий глобализм, который, будучи уверенным в неотвратимом господстве мирового рынка, спасается в различных формах протекционизма:

черные протекционисты оплакивают распад ценностей и ослабление национального начала, но, противореча самим себе, занимаются неолиберальным разрушением национального государства;

зеленые протекционисты видят в национальном государстве отмирающий политический биотоп, защищающий экологические стандарты от вторжения мирового рынка и поэтому, в свою очередь, нуждающийся в защите;

красные протекционисты уже на всякий случай стряхивают со своих одежд пыль классовой борьбы; глобализация для них — всего лишь подтверждение их «правоты». Они радостно отмечают праздник возрождения марксизма. Но это утопическая, слепая правота.

От этих ловушек глобализма следует отличать то, что я - следуя за англосаксонской дискуссией — называю глобальностью и глобализацией.

Под глобальностью понимается то, что мы давно уже живем в мировом обществе, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга. Различные формы экономического, культурного, политического взаимодействия сталкиваются друг с другом, поэтому само собой разумеющиеся вещи, в том числе и самоочевидности западной модели, приходится оправдывать заново. «Мировое общество» имеет в виду общность социальных отношений, которые не могут интегрироваться в национально-государственную политику или определяться ею. При этом ключевую роль играет (инсценированная национальными средствами массовой информации) самоидентификация, в результате чего под мировым обществом (в узком смысле) - тут я предлагаю операционный (и политически релевантный) критерий - понимается воспринимаемое, рефлексивное мировое общество. Вопрос о том, в какой мере оно существует на самом

деле (по теореме Томаса, согласно которой то, что люди считают реальным, и становится реальностью), эмпирически оборачивается другим вопросом: как и в какой мере люди и культуры мира воспринимают себя во взаимном переплетении своих различий и в какой мере это самовосприятие в рамках мирового общества становится существенным фактором поведения.

«Мир» в словосочетании «мировое общество» означает, следовательно, различия, многообразие, а «общество» — не-интегрированность, поэтому (вместе с М. Олброу) мировое общество можно понимать как многообразие без единства. А это предполагает — как будет показано в настоящей книге - очень разные по своей сути вещи: транснациональные формы производства и конкуренцию на рынке труда, глобальную отчетность в средствах информации и транснациональный покупательский бойкот, транснациональные формы жизни, воспринимаемые как «глобальные» кризисы и войны, использование атома в военных и мирных целях, разрушение природы и т.д.

Напротив глобализации имеет в виду процессы, в которых национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности.

Существенным признаком, различия между Первым и Вторым модерном является невозможность устранить уже возникшую глобальность. Это означает, что рядом друг с другом существуют различные собственные логики экологической, культурной, экономической, политической и общественно-гражданской глобализации, несводимые друг к другу и не копирующие друг друга, а поддающиеся расшифровке и пониманию только с учетом их взаимозависимостей. Легко предположить, что именно благодаря этому открывается возможность и простор для политического действия. Почему? Потому что только так можно выйти из подчинения деполитизированному глобализму, только при появляющемся в перспективе условии многомерной глобальности лопаются и разлетаются на куски принудительная идеология глобализма. Что же не позволяет устранить глобальность? Восемь причин, сразу обозначу их в кратких тезисах:

1. Расширение географии и нарастающая плотность контактов в сфере международной торговли, глобальное переплетение финансовых рынков, увеличивающаяся мощь транснациональных концернов.
2. Продолжающаяся информационная и коммуникационно-технологическая революция.
3. Повсеместно выдвигаемые требования соблюдения прав человека, т.е. принцип демократии (на словах).
4. Изобразительные потоки охватившей весь мир индустрии культуры.
5. Постинтернациональная, полицентрическая мировая политика — наряду с правительствами существуют транснациональные акторы, могущество и количество которых постоянно растут (концерны, неправительственные организации, Организация Объединенных Наций).
6. Вопросы глобальной нищеты.
7. Проблемы глобального разрушения окружающей среды.
8. Проблемы транскультурных конфликтов на местах.

В этих условиях новое значение приобретает социология — как исследование того, что значит человеческая жизнь в западне, в которую превратился мир. Глобальность отражает то обстоятельство, что отныне все, что происходит на нашей планете, несводимо к локально ограниченному событию, что все изобретения, победы и катастрофы касаются всего мира и что мы должны нашу жизнь и наши действия, наши организации и институты подвергнуть реориентации реорганизации в соответствии с осью «локальное — глобальное». Глобальность понимаемая таким образом, означает новое положение Второго модерна. Это понятие одновременно сводит воедино важнейшие причины, по которым стандартные ответы Первого модерна становятся противоречивыми и непригодными. Для Второго модерна, поэтому политика Второго модерна должна быть заново определена и обоснована.

В отличие от понятия глобальности глобализация есть, выражаясь старомодным языком, диалектический процесс, который создает транснациональные социальные связи и пространства, обесценивает локальные культуры и способствует возникновению третьих культур. «Немножко того, немножко этого — вот путь, каким приходит в мир новое» (Салман Рушди). В этой сложной системе отношений можно по-новому ставить вопросы о масштабах и границах глобализации, имея в виду прежде всего три параметра:

во-первых, расширение в пространстве;

во-вторых, стабильность во времени;

и, в-третьих, плотность транснациональных сетей связи, отношений и телевизионных потоков.

В этом понятийном контексте можно поставить и следующий вопрос: в чем заключается историческая особенность нынешней глобализации и ее парадоксов в определенных местах (например, в сравнении с развивающейся уже со времен колониализма «мировой капиталистической системой», о которой говорит Иммануэль Уоллерстайн)?

Особенность процесса глобализации заключается сегодня (и, возможно, будет заключаться в будущем) в устанавливаемых эмпирическим путем расширении, плотности и стабильности взаимодействующих регионально-глобальных сетей связи и их массмедиальной самоидентификации, а также социальных пространств и их телевизионных потоков на культурном, политическом, хозяйственном, военном и экономическом уровнях. Мировое сообщество — не мега- национальное сообщество, вбирающее в себя и ликвидирующее все национальные общества, а отмеченный многообразием и неподдающийся интеграции мировой горизонт, который открывается тогда, когда он создается и сохраняется в коммуникации и действии.

Люди, скептически относящиеся к глобализации, спросят: что тут нового? И ответят: ничего действительно важного. Но они не правы ни в историческом, ни в эмпирическом, ни в теоретическом отношении. Новы не только повседневная жизнь и действия, перешагнувшие национально-государственные границы и покрывшие государства плотной сетью взаимных зависимостей и обязанностей; нова и «непривязанность к определенному месту» общности, труда и капитала; новы также осознаваемые угрозы экологии и связанные с этим арены действия; ново не поддающееся разграничению восприятие транскультурных «других» в собственной жизни со всеми противоречащими друг другу достоверными фактами; нов уровень циркуляции «глобальной индустрии культуры» (Скотт Лэш/Джон Урри); новы и увеличившееся количество европейских государств, и могущество транснациональных акторов, институций и договоров; наконец нов размах экономической концентрации, который, правда, притормаживается новой, не признающей государственных границ, конкуренцией.

Под глобализацией, таким образом, подразумевается и отсутствие всемирного государства. Точнее: наличие нового общества без всемирного государства и без всемирного правительства. Речь идет о расширении глобально дезорганизованного капитализма. Ибо не существует насаждающей гегемонию власти и интернационального режима — ни в экономическом, ни в политическом смысле.

III

Шок глобализации: запоздалая дискуссия

Дискуссия о глобализации достигла нашей страны и потрясла ее с опозданием. В Великобритании, к примеру, о «g-word», слове, начинающемся на «г», вот уже более десяти лет ведут оживленные и плодотворные споры все политические партии с участием ученых- экономистов, социологов, политологов и историков. Тем неожиданнее оказался шок глобализации в Германии.

Одна из причин этого шока состоит в том, что, по преобладающему у нас мнению, глобализация односторонне связывается в первую очередь уменьшением рабочих мест для местного населения и их перемещением в страны с низкой оплатой труда — и это в то время, когда общество, на

непрекращающийся экономический рост и стремительно повышающиеся прибыли транснациональных концернов, терзает массовая безработица, напоминающая безработицу в Веймарской республике.

Наряду с этим можно назвать еще четыре причины политического шока, вызванного глобализацией и охватившего Центральную Европу, Францию, Австрию, Швейцарию, Италию и особенно Германию.

Во-первых, страны и общества с первичным экономическим самосознанием — «национализм немецкой марки», «экспортирующая нация» — чувствуют себя особенно ущемленными и Подвергаемыми опасности со стороны надвигающейся якобы извне глобализации — этим детищем мирового рынка.

Во-вторых, социальные государства, такие, как Франция и Германия, относятся, в отличие от США и Великобритании, к странам, проигрывающим от процесса глобализации. Они попали в затруднительное положение из-за социальной политики в эпоху экономического глобализма: развитие экономики уходит из под национально-государственного контроля, в то время как социальные последствия этого процесса — безработица, миграция, нищета — накапливаются в системе национального социального государства.

В-третьих, глобализация до основания потрясает самоидентификацию гомогенного, закрытого, замыкающегося на себя национального — государственного пространства, называемого Федеративная Республика Германия. Великобритания, напротив, была мирной империей, и глобализация для нее — лишь приятное воспоминание о прошлом. Правда, Германия тоже давно представляет собой глобальное пространство, в котором сталкиваются культуры мира и их противоречия. Но эта реальность была до сих пор затемнена господствующим представлением о себе как о в значительной мере гомогенной нации. Все это выяснилось в ходе дебатов о глобализации. Ибо глобализация, как уже говорилось, означает прежде всего денационализацию — эрозию, но и возможную трансформацию национального государства в государство транснациональное.

Шок глобализации как шок деционализации ставит под сомнение не только ключевые категории послевоенной идентичности немцев, корпоративную «Германию как модель» с ее специфической социальной системой. Этот опыт и вызов, в-четвертых, плохо согласуется в конечном счете с теми спорными проблемами, которые были вызваны объединением двух Германий. Ведь драма объединения (кое в чем напоминающая супружескую драму) обернулась тем, что немцы стали заниматься собой и задаваться вопросом, что осталось от «немецкой» общности после полувековой жизни врозь и какие элементы этой общности заслуживают того, чтобы идентифицировать себя с ними? И в ту фазу, когда у немцев пришла пора посмотреть на самих себя и задать себе вопросы, вдруг врывается сообщение о глобализации: национальное государство утрачивает, сверх запланированных уступок компетенций в рамках общего европейского рынка, суверенитет и субстанцию, причем во всех сферах — финансовых ресурсов, политической и экономической свободы действий, информационной и культурной политики, повседневной идентификации граждан. Вопрос о том, как могут возникать «транснациональные государства» в ответ на глобализацию, что это означает в экономическом, военном, политическом и культурном отношении, обсуждается только в форме кратких тезисов.

Если в угаре удивительного 1989 года еще считалось, что «срастается все, что по сути едино» (Вилли Брант), то теперь в ходе дискуссии о глобализации ее участники приходят к выводу, что в основе этих надежд — и последующего разочарования в них — лежит устаревшее представление о национально-государственной идиллии. Если унаследованная модель национального государства вообще имеет шанс выжить в новой структуре власти, порожденной мировым рынком и транснациональными акторами и движениями, то только в том случае, если процесс глобализации станет критерием национальной политики во всех сферах (экономика, право, армия и т.д.)

Признать это не дано отдельным людям или общественным и политическим организациям по их собственному усмотрению. Новая ситуация, сложившаяся в мировом обществе, в результате которой становится фикцией представление о «национальном» продукте, национальных фирмах, национальной индустрии (и даже о национальных спортивных союзах), вынуждает под наказания в виде экономического,

политического и культурного упадка с пониманием отнести к возможностям, идеологиям, парадоксами истериям эры глобализации. Но прежде всего к новой расстановке сил, от которой зависят все — кто в большей, кто в меньшей степени. Другими словами глобализация есть неустранимое условие человеческой деятельности в конце XX века.

В связи с этим должны быть заново осмыслены основы Первого модерна. Что значит толерантность? Какое содержание вкладывается в понятие «права человека», которые, в отличие от культуры, должны быть одинаковыми для всех? Кто гарантирует права человека в постнационально-государственном мире? Как спасти, как реформировать перед лицом обостряющейся глобальной нищеты и сужающегося рынка труда социальные гарантии, которые до сих пор в значительной части были заботой национальных государств? Вспыхнут ли в результате разрушения национальных государств новые религиозные войны, чреватые экологическими катастрофами? Или же мы движемся навстречу миру без насилия, который после триумфа мирового рынка придет к отказу от войн? Быть может, мы даже стоим на пороге второго Просвещения. Все это всплывает в ходе дебатов о глобализации, но никто не знает, не может знать, как ответить на затрагивающие основы цивилизации вопросы, как преодолеть противоречия между бедностью и богатством, между этническими образованиями, между континентами и религиями с их крайне запутанной, полной насилия историей.

Ульрих Бек. Что такое глобализация? м.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 6-34.

Александр Сергеевич Панарин. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой

Кто нами правит?

Десять лет, которые потрясли страну, - это новый феномен не только национальной, но и мировой истории. Название этому феномену - глобализация. Обычно под этим понимается новый мир с прозрачными как никогда границами, небывало взаимосвязанный, помещенный в единое экономическое, политико-правовое и информационное пространство.

Но при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что, когда говорят о глобальном мире, на самом деле имеют в виду не мир народов, а мир элит, неожиданно вышедших из-под системы национального контроля и принимающих решения за спиной местного населения. Мы никогда не разберемся ни в причинах крушения СССР, ни в механизмах приватизации, если не поймем, что главной характеристикой новой политической, экономической и интеллектуальной элиты, захватившей позиции в августе 1991 года, является то, что эта элита мыслит и действует не как национальная, а как глобальная, связавшая свои интересы и судьбу не с собственным народом, а с престижной международной средой, куда она в обход этого народа стремится попасть.

Глобализация означает в первую очередь выход элит из системы гражданского консенсуса: разрыв не только с национальной культурной традицией, но и теми решениями и компромиссами, на которых держались гражданский мир и согласие. Главным условием гражданского консенсуса между предпринимательской элитой и национальным большинством было социальное государство. Меньшинству давалось право обогащаться посредством свободной экономической инициативы, большинству гарантировались меры социальной защиты и цивилизованный минимум жизненных благ. Этот консенсус складывался нелегко: более 150 лет было потрачено в Европе на то, чтобы социализировать дикий капитализм, привив ему недостающую социальную и национальную ответственность.

И вот теперь, воспользовавшись банкротством мирового социалистического эксперимента, современная экономическая элита решила подвергнуть ревизии сложившийся гражданский консенсус, заявив, что более не намерена содержать и терпеть обременительное социальное государство и все то, что ему сопутствует в области культуры и морали - защиту и покровительство слабым. Подчеркиваю: разрыв былого гражданского консенсуса - феномен всемирный. Во всем мире экономическая элита начала шантажировать собственные правительства тем, что будет вывозить капитал за границу, если на местах ее станут обременять высокими налогами и социальными обязательствами. Характерны в этой связи решения

немецкого союза предпринимателей, принятые на съезде в Дюссельдорфе три года назад. Наказ этого съезда своим исполнительным органам - довести до немецкого народа и правительства, что терпение патроната истощилось.

Особенность российской ситуации в том, что наш новый предпринимательский класс, появившийся в результате приватизации, с самого начала начал формироваться в условиях оспоренного гражданского консенсуса. Расставание с коммунизмом было истолковано как расторжение союза со слабыми в пользу сильных.

Но разрыв с "экономически не приспособленным" большинством собственного народа автоматически означал необходимость союзников на стороне - в глобальной международной среде. Положение усугублялось тем, что номенклатурная приватизация не была легитимной - товарищи по партии и товарищи из спецслужб поделили между собой бывшую государственную собственность втихую, за спиной народа. Идеологически это следовало оправдать тем, что народ к владению собственностью не готов по причине своей дурной исторической наследственности: неискоренимой общинности и соборности. Другая причина поворота от национального к глобальному состояла в том, что в туземных условиях не было возможности реализовать сполна все прелести нового образа жизни: вся старая инфраструктура благ и услуг была рассчитана не на элитарный, а на советский образ жизни, который нуворишам приватизации стал казаться уныло аскетическим. А самое главное, конечно, состояло в том, что, не получив настоящей легитимации - одобрения нации, новая собственность находилась под угрозой русского бунта, "бессмысленного и беспощадного". Вот почему наша новая экономическая элита вместе со своими попутчиками из лагеря политиков и интеллектуалов готова была более радикально порвать со своим старым национальным статусом в пользу нового глобального, чем это до сих пор делали представители западных элит.

Глобальное сообщество с пониманием отнеслось к заботам наших новоявленных собственников, посоветовав им держать свои вклады в более надежных местах, чем эта непредсказуемая страна - Россия. Но и за предоставленные гарантии собственности, и за право быть представленными в престижных клубах новой глобальной элиты от наших приватизаторов кое-что потребовали.

Во-первых, демонтажа тоталитарной сверхдержавы как свидетельства демократической благонамеренности и полного отказа от имперского наследия во всем постсоветском пространстве. Соответствующая программа ныне находит свое завершение в отказе России от военных баз в Абхазии и Приднестровье и в ликвидации военного присутствия за пределами национальных границ вообще.

Во-вторых, потребовали открытия страны для международного капитала, на что тоже было получено согласие. И дело здесь не только в специфической зависимости нового российского меньшинства, более опасавшегося собственного народа, чем бывших противников в холодной войне. Дело и в общем принципе нового естественного отбора, который требует ликвидации любых средств, помогающих слабым и неприспособленным защищаться от напора сильных и приспособленных.

Важнейшее из этих средств - национальное государство, оказывающее протекционистские услуги своей экономике и своему населению. Тот самый социал-дарвинистский принцип, который требовал разрушения социального государства - прибежища неприспособленных внутри страны, требует демонтажа национального суверенитета и границ, рассматриваемых как прибежище неприспособленных народов, уклоняющихся от законов мирового рыночного отбора. Иными словами, в новых правилах, предписываемых глобальным сообществом нашей новой элите, содержалось не только прагматическое требование расплатиться за оказанные услуги и гарантии частью национальных ресурсов, но и новый идейный норматив, связанный с идеологией социал-дарвинизма.

Глобальное открытое общество понимается как социал-дарвинистская среда, в которой ресурсы и территории все более беспрепятственно перемещаются из рук менее умелых и приспособленных, в которых они оказались по воле исторической случайности, в руки более приспособленных и достойных. Если на основе этого самого принципа более приспособленная номенклатура отняла национальное богатство у неприспособленного национального большинства, она не может оспаривать действие этого

принципа в глобальном масштабе и утаивать свои национальные ресурсы под устаревшим предлогом национального суверенитета.

Свидетельством того, что правящая элита России вняла этому требованию, является проект нового земельного кодекса, внесенный правительством на рассмотрение Государственной Думы и уже одобренный во втором чтении. Земля - это национальный ресурс, обычно защищаемый не только по соображениям экономической и политической прагматики, но и согласно принципам национального суверенитета и идентичности. С землей связаны самые сокровенные из национальных воспоминаний и чаяний, из всех ресурсов она более всего наделяется сверхэкономическим ценностным значением. Именно поэтому вопрос о том, оставить ли ее в статусе неприкосновенного национального достояния или, в духе принципов открытого общества, выставить на свободный международный торг, где выигрывают не те, кто милее, а те, кто сильнее, стал для нашей элиты проверкой на "глобальную зрелость".

И судя по всему, она полна решимости выдержать этот экзамен, то есть доказать глобальному сообществу, что нет на свете ничего такого, что она зарезервирует за собственным народом в ущерб требованиям глобального естественного отбора. В проекте нового Земельного кодекса прямо заявлено, что граждане РФ не будут иметь никаких преимуществ перед иностранцами и лицами без гражданства в праве собственности на российскую землю. Таким образом, этот проект стал чем-то большим, чем очередной документ либерального реформаторства: он стал манифестом глобализма - свидетельством окончательного перехода нашей правящей элиты с национальных на глобальные позиции!

Но новый Земельный кодекс, как и все реформаторские экономические решения, ему предшествующие, свидетельствует не только о перемене статуса элиты с национального на глобальный. Он лежит в контексте еще одного эпохального переворота, разворачивающегося на наших глазах: перехода от продуктивного капитализма веберовского типа к новому спекулятивно-ростовщическому капитализму, связанному с постпродуктивными практиками валютных манипуляций, неэквивалентного обмена и получения всякого рода нетрудовых рент.

Элиты, пожелавшие стать глобальными, не только отказались от национальной идентичности и от защиты национальных интересов. Они отказались разделять с собственными народами тяготы существования, связанного с заповедью "в поте лица своего добывать хлеб насущный". Элиты заявили о своем праве свободно мигрировать из трудных в легкие, привилегированные пространства, из сфер, требующих напряжения и ответственности, - в прекрасный новый мир, где царят легкость и безответственность.

Реабилитация элит, произошедшая в постфеодальную эпоху, была как раз вызвана тем, что элиты подключились к продуктивным видам деятельности, связанным с соединением творческого труда с производством. Творческое напряжение и повседневная социально-организаторская ответственность элит по большому моральному счету могли оцениваться никак не ниже, чем повседневное усердие масс. Более того: элиты стали выступать в роли инновационных групп, первыми осваивающими новые возможности эпохи модерна и постепенно делающими их всеобщим достоянием. Именно таким был цивилизационный механизм модерна, связанный с воспроизводством на массовом уровне достижений элитарных творческих групп.

И вот теперь в глобальную эпоху мы столкнулись с элитами, предпочитающими, во-первых, имитаторскую и плагиаторскую активность, связанную с внешними заимствованиями, тяготам и рискам собственного творческого поиска; во-вторых, стремящимися зарезервировать все передовые достижения исключительно за собой, не чувствуя при этом никаких обязательств перед собственными нациями. Так появился в мире новый тип глобалистов-западников.

При этом подвергся существенной реинтерпретации сам эмансипаторский процесс эпохи модерна: прежде его понимали как раскрепощение инициативной "фаустовской" личности, требующей не свободы сибаритства, а свободы напряженной творческой инициативы во всех областях жизни. И вот со временем какой-то микроб подточил энергию и нравственное здоровье прежнего "фаустовского типа". Он заново открыл для себя современность: уже не как поле свободного труда и творческого дерзания, а как

десоциализированное пространство гедонистического индивидуализма, не желающего знать никаких социальных заданий и обязательств.

Новоевропейский проект эмансипации личности незаметно был подменен проектом эмансипации инстинкта - главным образом инстинкта удовольствия. В особенности такая подмена устраивала наших нуворишей приватизации, мнящих себя новыми элитами. Приобщиться к мировой элите по стандартам творчества они заведомо не могли, а вот вписаться в нее по потребительско-гедонистическим стандартам они пожелали всерьез. К этому толкованию элитарного существования их уже частично приучила советская система спецраспределителей, и тогда надежно спрятанная от "этого" народа. Литературная классика описала энтропийный процесс, воплощаемый буржуа в третьем поколении: внуки первопроходцев рынка демонстрируют куда больше находчивости в том, как растратить доставшиеся им богатства, чем в том, как его сохранить и приумножить. М. Горький в романах "Дело Артамоновых" и "Фома Гордеев", Т. Манн в "Будденброках" все это нам показали. Особенность наших новых русских, в основном вышедших из старой партийно-комсомольской и гэбистской номенклатуры, состоит в том, что гедонистическую метаморфозу они пережили еще в советской утробе в качестве пользователей системы спецраспределителей. Поэтому в социокультурном отношении они сразу явились нам в качестве деградировавших буржуа третьего поколения, так и не приобщившихся в первопоколенческому аскетическо-героическому этосу первооткрывателей рынка.

Но может быть, на еще более скрытую тайну наших нуворишей указывает античная политическая классика в лице Платона. В своем "Государстве" он прямо-таки предусмотрел случай приватизации государственной собственности профессионалами службы безопасности, открывшими для себя более легкую роль, чем служилая доля: "А чуть только заведется у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут они хозяевами и земледельцами; из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависть, питая злые умыслы и их опасаясь, будут они все время жить в большем страхе перед внутренними врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сами они, и все государство устремится к скорейшей гибели". Платон сделал акцент на одной опасности - опасности превращения былых "стражей" в компрадорскую среду, более опасующую собственного народа (не признающего легитимность приватизации), чем бывших внешних противников. Но не меньшего внимания заслуживает другая опасность - заражение предпринимательской среды установками тех, кто привык к явным и скрытым привилегиям и не способен вести действительно предпринимательское существование, связанное с личным экономическим творчеством, риском и ответственностью.

Этим микробом чванливого сибаритства оказалась зараженной не только среда наших новых русских, наследующих дорыночную психологию номенклатуры, сегодня им заражена и мировая предпринимательская среда стран старого капитализма, уставшего от настоящих усилий, растерявшего потенциал фаустовской личности. Правящий слой Запада в целом ведет себя в мире как номенклатурная среда, с рождения приученная к привилегированному статусу. Вчера это был статус колониальных держав, извлекающих нерыночную сверхприбыль из своего положения мировой метрополии, сегодня - статус победителей в холодной войне, рассчитывающих на аннексии и контрибуции в постсоветском пространстве.

Мировая западная элита в целом потерпела неудачу в важнейшем из проектов европейского модерна: в проекте приобщения масс к просвещенному творчеству в ходе перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Еще 30 лет назад под индустриальным обществом на Западе подразумевалась социально-экономическая система, в центре которой находится не промышленное предприятие, а университет. Вложения в науку, культуру и образование признавались самыми рентабельными из экономических инвестиций. В перспективе это сулило переход все большей части самодельного населения из нетворческого труда в материальном производстве в сферу духовного производства, становящегося массовым. Консенсус между элитой и массой надеялись укрепить на базе творческого принципа.

Однако в последние годы что-то сломалось в этом механизме формационного творческого возвышения. Можно даже сказать, что не столько творческой элите удалось перевоспитать тяготящуюся бременем монотонного труда массу, сколько массе, уставшей от усилий и переориентированной на

потребительские ценности, удалось перевоспитать элиту. Или, что, может быть, исторически точнее, среди самой элиты лидерские культурные позиции заняли не те, кто самоотверженно занимались творческим трудом, а те, кто стал специализироваться в области культуры досуга, постигнув все его гедонистические потенции.

Так вместо трудовой миграции из индустриальной в постиндустриальную эру возобладала на уровне и личного, и коллективного проекта миграция из сферы труда в сферу досуга, из творческой напряженности в гедонистическую расслабленность. Вопрос о постиндустриальном обществе был решен не на путях новой творческой мобилизации людей, приглашенных к участию в массовом духовном производстве, а на путях их досуговой демобилизации. Стиль и образ жизни западного человека - а он является референтной группой для западников всего мира - стал определяться не творческим, а досуговым авангардом, распространяющим в обществе декадентско-гедонистическую мораль постмодерна. И, учитывая безусловную культурную гегемонию этого типа, мы вправе спросить себя: а как он воспитает другие социальные группы, и в частности господствующую сегодня предпринимательскую группу?

Что такое современный предприниматель как досуговый (в глубине своей души) тип?

На этот вопрос отвечает современный опыт, свидетельствующий о многозначительной метаморфозе так называемого экономического человека. Этот человек, то есть предприниматель новейшего образца, категорически избегает таких практик и инициатив, которые ему приписывает веберовская теория, ссылающаяся на традицию протестантской аскезы. Новые предприниматели заведомо не возьмутся за дело, сулящее нормальную по классическим эталонам прибыль в 5-7% годовых и связанную с методическими ежедневными усилиями. Новый авантюрист досуга, сменивший протестантского методиста, ориентируется на такие венчурные формы экономической деятельности, которые по психологическим ощущениям напоминают игру в рулетку и другие азартные игры досуга, а по ожидаемым результатам сродни экономическому чуду. Соответствующие поиски привели к воскрешению средневековых и ренессансных образов ростовщика, менялы, пирата, с одной стороны, получателя феодальных рент, с другой.

О размахе нового спекулятивного капитализма говорят цифры: ежедневно в поисках спекулятивной прибыли государственные границы пересекает капитал в 1,5 триллиона долларов. Чудодейственная рентабельность манипуляций с курсами валют и других игр краткосрочного спекулятивного капитала, в сотни и тысячи раз превышающая рентабельность законопослушных промышленных инвестиций, привела к невиданному валютному голоду промышленности и других отраслей производящей экономики. Буржуа-постмодернист, вкусивший всех прелестей азартно-игрового существования (по модели богемного досуга), стал носителем микроба деиндустриализации. Речь идет, повторяю, не об историческом "снятии" индустриального образа жизни творческо-постиндустриальным, связанным с наукоемкой экономикой, а об регрессивном обрыве: из модерна - в контрмодерн, из продуктивной экономики - к спекулятивно-ростовщической.

Ясно, что у представителей этой виртуальной экономики, манипулирующих мнимыми величинами, но требующими в обмен на это полноценных благ, добываемых народным трудом, есть веские основания выйти из системы национального контроля в неконтролируемое глобальное пространство. Вот почему все представители теневых практик, связанных с паразитарной экономикой спекуляций и перераспределений, выступают ныне в авангарде экономического либерализма. Они решительнее всех отстаивают принцип невмешательства государства в экономическую и социальную жизнь, осуждают национальные суверенитеты в качестве пережитка "агрессивного традиционализма" и ратуют за всемирное открытое общество, в котором никто не берет на себя защиту ни национальных богатств, ни социальных и человеческих прав туземного населения.

Словом, в отличие от интеллигентских романтиков либеральной идеи, эти господа пользуются ею вполне профессионально - как средством избавиться от всякого законного государственного контроля. Они предложили свою версию информационной экономики, в корне отличную от того ее понимания, которое было связано с новой ролью человеческого капитала науки и образования. Отныне под этим понимается не информация, которую фаустовская личность мобилизовала для открытия и последующего производственного применения новых видов вещества и энергии, под этим теперь разумеется информация,

касающаяся разницы между сегодняшним и будущим курсом международных валют, а также информация, лежащая в основе так называемых интеллектуальных рент.

В контексте прежнего "фаустовского" понимания интеллектуальная рента связывалась с высокой долей творческого труда в производстве того или иного товара. Однако со временем под интеллектуальной рентой (ныне достигающей 65-70% стоимости товаров стран первого мира) стали понимать все то, что воплощает виртуальную стоимость, касающуюся престижного имиджа товара, его статусной символики. Экономический обмен между Западом и Востоком, Севером и Югом организован по правилам социокультурной асимметрии: натуральные и функциональные качества товара - добротность его фактуры и функциональная надежность - ценятся намного ниже его свойства быть носителем престижности. Достаточно самого знака страны-изготовителя, указующего на господскую, привилегированную часть мира, чтобы цена товара была в несколько раз выше цены такого же товара, но запятнавшего себя признаками плебейского происхождения.

С этой точки зрения те представители творческого труда, которые работают над приращением соответствующего символического содержания товара, могут быть рассмотрены как часть господской среды, пользующейся паразитарными рентами. К ним относятся творцы рекламного и шоу-бизнеса, многочисленные дизайнеры и другие мастера соблазнительных упаковок, прячущих технологически устаревшее и интеллектуально убогое содержание. Эти новые интеллектуалы, творческое воображение которых обращено не столько к природе, таящей новые источники вещества и энергии, сколько к природе декадентской личности, таящей новые игры и авантюры гедонистического досуга, выступают как досуговый авангард постмодерна. Во-первых, потому, что избегают настоящих творческих усилий, связанных с сопротивлением природной материи, переориентируясь на неврастеническую податливость современного гедонистического потребителя. Во-вторых, потому, что растущая часть их рецептов и рекомендаций утрачивает связь со сферой настоящего дела, адресуясь в основном к слоям, занятым праздными играми. Усилия этого нового интеллектуального авангарда фактически направлены на то, чтобы ускорить распад некогда единых наций на не имеющий местной привязки глобальный авангард и туземную массу, лишенную прежних интеллектуальных и политических защитников.

При этом не нужно думать, что декадентские элиты, разлученные с трудом и ответственностью и взыскующие изоощренных гедонистических игр, являются пацифистами по самой своей досуговой сути. Нам надо отдавать себе отчет в том, что не желающие прилагать усилий, но желающие всем владеть, по логике самого своего существования являются не пацифистами, а империалистами, несущими психологию будущих рабовладельцев и расистов. Постольку, поскольку действуют технологии манипуляции и обмана, они могут оставаться приверженцами переговорного процесса (как внутри страны, так и на международной арене). Но если эти мягкие манипулятивные технологии дают сбои, глобальный авангард не останавливается перед показательными гуманитарными акциями (типа той, что США продемонстрировали в Югославии) или прямыми призывами к пиночетовской диктатуре.

Здесь мы имеем дело с параллельными процессами. С одной стороны, изобретаются все новые виды спекулятивных игр и рент, с другой - формируются силы быстрого реагирования и заградительные отряды. В частности, свободная продажа земли, предусмотренная новым Кодексом РФ, станет источником новой ренты для бесчисленных грабителей и авантюристов, ставших глобалистами, то есть ушедших с высокозащищенного пространства Запада в утратившие государственную защиту российские просторы. Вскоре наиболее ценные земли, способные быть площадками высокоэффективных производств, промышленной и социально-территориальной инфраструктуры, будут скуплены за бесценок, а их владельцы обложат российских промышленников и все население новой данью: платой за аренду собственной территории. И без того малоконкурентная российская промышленность окончательно утратит конкурентоспособность, а населению придется, судя по всему, потесниться, сосредоточившись в малоудобных для жизни местах и новых резервациях.

Что с нами сделали?

Никто еще, кажется, не продумывал с должной тщательностью все последствия этого небывало откровенного и сознательного разрыва элит с собственными нациями. А последствия - потрясающие. Прежде всего, речь идет о полном пересмотре демократических завоеваний эпохи модерна. Принцип демократического суверенитета народа предполагает выборность правящей элиты и возможность контроля за ее действиями. Сегодня глобализация порождает наднациональные центры власти, которые законодательно не контролируются избирателями. Неконтролируемые решения по определению становятся все более догматическими и далекими от реальной жизни, с одной стороны, все более своекорыстными, учитывающими лишь интересы тех, кто их принимает, с другой. Именно таким характером отличаются решения МВФ, МБ и других инстанций, предписания которых, ревностно выполняемые компрадорскими правительствами, опустошили и отбросили на столетие назад целые регионы планеты. Характерно, что те самые люди, которые проявляют завидную бдительность в отношении пережитков авторитаризма и тоталитаризма на Востоке, приветствуют бесконтрольную авторитарную власть глобалистов, прямо угрожающую народам социальным геноцидом.

Зададимся вопросом: почему так катастрофически падает качество принимаемых решений?

Постсоветская элита, хотя и не отличается особой образованностью, вряд ли существенно уступает в этом престарелым вождям позднесоветской эпохи. Но тем не менее столь катастрофических поражений внутренней и внешней политики в советскую эпоху не было. Дело, следовательно, не в профессиональных качествах элиты как таковых, а в ее новом статусе. Превенная элита еще не утратила свою национальную привязку и идентичность - коллективное "мы", объединяющее народ и элиту данной страны. Новая элита изначально не отождествляет себя с "этим" народом: ее "мы" больше относится к международным центрам власти - интернационалу глобализма, чем к туземному населению. Она держит капиталы, имеет виллы, учит своих детей - не в "этой" стране. Соответственно, судьба "этой" страны ее менее всего интересует. Вместо единого национального пространства, созданного в ходе великих сдвигов модерна и просвещения, сегодня образуются параллельные, практически нигде и никак не пересекающиеся пространства туземной массы и глобализирующейся элиты.

Давайте задумаемся не только о политических, но и об онтологических, антропологических, экзистенциальных последствиях этого разрыва. Что такое элиты для нации? Что они призваны делать и сегодня не делают?

Во-первых, элита является голосом нации. Все страстные, но не находящие адекватного самовыражения томления народа, его глубинные интересы, его мечты и протесты - все это улавливается сыновним чувством элиты и отливается в творения литературы, в политические инициативы, в новые административные решения.

Сегодня мы наблюдаем катастрофу национального молчания. Никогда еще нацию не отбрасывали так далеко назад, не похищали так дерзко ее ресурсы и права, и тем не менее она молчит. А все дело в том, что элита, переориентированная на глобальные приоритеты, перестала быть полпредом нации и ее голосом. Отсюда поразительная неадекватность и неэффективность протестного слова, становящегося маргинальным и уже поэтому третируемым.

Во-вторых, элита является аккумулятором национальных достижений. Сам прогресс есть не что иное, как действующий механизм обратной связи между творческими достижениями элиты и народной жизнью. Элитарные группы делегируются нацией, предварительно оснащенной всеми доступными ресурсами, для освоения новых, более эффективных способов жизни. И затем эти блудные сыновья прогресса, набравшиеся нового опыта, возвращаются к отчему дому для того, чтобы его лучше обустроить.

Задумаемся, что произойдет, если этот механизм обратной связи даст сбой. Если все инициативные и талантливые, получившие новые знания и профессии, приобщившиеся к более высоким стандартам решат, отныне и навсегда, что эта туземная среда - не их среда, что их новые возможности - не для этого народа, а являются всего лишь личным взносом для вхождения в международный клуб избранных?

Если противостояние государства с гражданским обществом рождает тоталитаризм, то противостояние элит местному населению рождает колониальное гетто, у которого нет выхода во внешнюю среду и нет будущего. Когда говорят о глобализации как о новой победе коммуникационного принципа над изоляционистским, забывают уточнить, что речь идет об игре с нулевой суммой: новая коммуникабельность элит оплачена невиданной изоляцией массы, запираемой в немое пространство гетто.

Как назвать этот изолированный мир, из которого все активное и перспективное уходит, уже не возвращаясь?

Наверно, здесь и заключена тайна четвертого мира, который сегодня противопоставляется не только первому, западному, но даже и третьему, ибо из третьего еще возможен путь вверх, а из четвертого - никогда. Дело в том, что в третьем мире действовали модернизационные элиты в собственном смысле слова: все то, чему они обучились в процессе временных миграций - практических или текстуальных - в среде первого мира, они стремились донести до сознания соотечественников, сделать общенациональным достоянием. Так возникли новые индустриальные страны третьего мира - тихоокеанские "тигры", иная быстроногая фауна прогресса.

В четвертом мире царит иной закон: жизнь, оставленная элитой, успевшей припасти для себя легкие и удобные пространства. В пространстве четвертого мира действуют только центробежные силы, уже не нейтрализуемые центростремительными. Чем большее число инициативных, дерзких и талантливых уехало, тем невыносимее становится жизнь для оставшихся, и тем выше вероятность того, что в следующем поколении соответствующий отток станет еще больше.

Так происходит ускорение контрцивилизационного процесса: уже порвавшие с туземной средой снижают ее перспективы, что в свою очередь подталкивает к уходу следующих. Прогресс - это великое слово эпохи модерна, сменяется эмиграцией - словом, изобличающим совсем иную перспективу, иные ожидания. Прогресс - есть процесс подключения дополнительной энергии и информации к социальной среде, которую питают новаторские устремления и мессианское усердие национальной элиты. Миграция элит из национального в глобальное пространство есть вычет из прогресса - перечеркивание шансов народов, оставленных теми, на кого они традиционно рассчитывали.

Причем в той мере, в какой глобализирующиеся элиты рвут со своими народами, они рвут и с продуктивной экономикой и с подлинным творчеством. Легкость существования, которой они взыскуют, заставляет их искать не только легкого для жизни пространства, но и все более легких занятий, становящихся лишь имитацией подлинного творчества. Глобальная среда, рекрутируемая по критерию легкости и свободы от усилий, неминуемо становится паразитарной.

У человечества, таким образом, вряд ли есть утешение в том, что прогресс, оставивший мировую периферию, концентрируется теперь в мировых центрах. О прогрессе можно сказать то же самое, что гетевский Мефистофель сказал о правде: его нет на грешной земле периферии, но его нет и выше. Прогресс никогда не отменял библейскую заповедь: "в поте лица своего..." Он обещал облагородить трудовые усилия человека, переводя их из монотонно механического в творческий план, но не обещал заменить усилия перманентной праздностью.

Элиты, пожелавшие порвать со всем трудным и обременительным, дистанцируются не только от народов, но и от сферы настоящего творческого профессионализма. Глобалистская элита ускользает из реальности в гедонистическое зазеркалье. Не случайно именно в ее среде рациональность Просвещения сменяется на удивление примитивным мифотворчеством и погружением в виртуальные миры. Не действует ли здесь мстительный рок, обращающий нигилистическое элитарное отрицание в самоотрицание?

В старых странах Запада мы еще имеем переплетение нового способа существования элиты, связанного с глобальной отстраненностью, с прежним, выражающимся в пережитках национальной и профессиональной идентичности. Поэтому там пространство четвертого мира - внутреннего гетто - растет значительно медленнее. В России же, где новая постсоветская элита изначально осваивала статус глобальной отстраненности от страны и народа, воронка четвертого мира стремительно расширяется, захватывая огромную державу.

Для уточнения того, кто именно заполняет пространство четвертого мира, необходимо обратить внимание на группы, еще во времена модерна не сумевшие запастись средствами эффективной самозащиты и самоорганизации. Модерн на месте средневековой органической целостности породил дихотомию формального большого и малого неформального пространства.

Большой мир - это система предприятий, политических партий, большой прессы и бюрократических организаций. Этот мир с самого начала захватило крикливое меньшинство, монополизировавшее право на современность, на то, что считается передовым и прогрессивным. Вне его оставалось крестьянство - древнейшая социальная группа, связанная с самой природой, женщины, чей труд у очага никем не учитывался и не оплачивался, старики, взятые на подозрение из-за своей привязанности и приверженности прошлому, оболганному прогрессивными идеологиями. Сюда относятся и этносы, не спешившие расстаться со своей традицией и потому заподозренные в саботаже комиссарами модернизации и эмиссарами вестернизации.

Прогресс страдал от удивительного несоответствия скорости преобразований и улучшений, касающихся большого мира, связанного с производством, войной и публичностью, и архаикой малых локальных миров, заполненных менее организованными и защищенными социальными группами. Прогресс явно экономил свою энергию и ресурсы на них - им предлагалось потерпеть. Появившиеся с середины 60-х годов новые социальные движения - женские, молодежные, коммунитарные - впервые заявили о правах и претензиях этого малого мира повседневности, так долго игнорируемых прогрессом. Возникла надежда, что прогресс подвергнется реорганизации, обеспечивающей его обращенность к жизненному миру повседневности - первичной структуре нашего бытия. Одни при этом уповали на технику малых форм, другие - на инициативу местных малых групп, следующих принципу "малое - прекрасно".

Для ликвидации дисгармонии прогресса, обнаружившего странную слепоту в отношении жизненного мира, требовалась переориентация элит - тех, кто свой творческий и организаторский талант отдал миру публичности и больших организаций. Все ожидали появления новой элиты, чувствительной в отношении хтонических (идуших от земли) и женских начал, подавленных солярной мифологией прогресса. Неформальные группы, прямые горизонтальные коммуникации, человеческие отношения - все эти концепты альтернативных движений и гражданских инициатив были направлены на выявление первичных базовых предпосылок человеческого существования, не учтенных идеологией прогресса. Речь шла о том, чтобы прервать молчание жизненного мира, дав ему голос и введя его представителей в круги, где принимаются решения.

Создавалось впечатление, что сознание наиболее чутких элементов новейшей элиты разрывалось между двумя полюсами: мифом прогресса с его большими целями и мифами повседневности, циркулирующими в неформальных коммуникациях семьи, соседства, общины. Сама теория глобальных проблем и глобального экологического кризиса содержала обещание, адресованное жизненному миру. Загрязнение среды, демографические проблемы и проблемы голода, тайные недуги земли, обремененной грузом промышленности, повседневная стабильность и благополучие, принесенные в жертву гонке вооружений и другим амбициозным проектам, - все эти темы обнаруживали поразительную близость глобального и локального. Глобалистика обещала заговорить языком репрессированной повседневности, языком наиболее задавленных и приглушенных групп общества.

Если бы это в самом деле удалось, человечеству открылись бы возможности коррекции прогресса, преодоления его специфического дальтонизма, выражающегося в зоркости к большому и далекому и подслеповатости в отношении малого и близкого. Но случилось иное.

Победил глобализм иного рода, значительно более враждебный жизненному миру и нуждам молчаливого большинства, чем течения и идеологии классического модерна. Вся критика технического, политического, государственно-бюрократического и иного отчуждения, которым оказался чреват большой мир модерна, была реинтерпретирована так, чтобы послужить алиби безответственному сибаритству новых элит. В тяжбе больших и малых миров победил первый, небывало расширивший свои масштабы - до глобального размера. Глобалистика XX-XXI веков отличается от глобалистики 60-х гг. XX века тем, что вся

критика экономической элиты, алчность которой рождает экологические и социальные кризисы и деградацию повседневности, превращена в ее апологетику.

Глобализм новейшего образца - это глобализм апологетический, связанный с восхвалением всего того, против чего негодовал демократический глобализм 60-х гг.: технической цивилизации в ее противостоянии природе, экономической среды в ее противостоянии социальной, Запада в его противостоянии Востоку, Севера в его противопоставленности Югу. Если прежний глобализм питался чувствами сострадания к потерпевшим и безгласным, то новейший питается расистскими и социал-дарвинистскими комплексами, презрительной ненавистью к неприспособленным.

Глобалисты старого толка требовали реорганизации прогресса, реинтерпретации его целей, коррекции его механизмов - в духе мягких экономических технологий, щадящих природу, мягких социальных технологий, щадящих социально незащищенных, мягких организационных технологий, щадящих оппозицию. Глобалисты новейшего призыва, напротив, выступают в качестве откровенных гонителей всего хрупкого, незащищенного и неадаптированного, относящегося к кругу малого и местного. Победа Запада в холодной войне была истолкована победителями как новый реванш Запада над Востоком, цивилизации над природой, экономического начала над социальным, приспособленных над неприспособленными. Прерогативы победителей были истолкованы в явно расширительном духе, так что они вобрали в себя все прежде скрываемые помышления ненасытной алчности, непомерной гордыни и воинственности, неукротимого властолюбия.

Новый глобальный порядок не только перечеркнул надежды неудовлетворенных и неуспокоенных, но и выбил почву из-под ног тех, кто уверовал в свою причастность модерну и доказал это на деле: квалифицированных рабочих промышленности, инженерного корпуса, научно-технической интеллигенции - всех, олицетворяющих национальный порыв к лучшему будущему. Но наибольшую агрессию новый глобализм обнаружил в отношении тех групп, в которых воплощена хрупкость жизненного мира. Новая экономическая власть, ставшая тоталитарной, не терпящей сдержек и противовесов, изгнала с предприятий женские, молодежные, профсоюзные организации, нагло отобрала завоеванные социальные гарантии, вернула промышленный образ жизни к жестоким образцам 200-летней давности.

Фактическим репрессиям сопутствуют и символические. Глобалисты не только лишают свои жертвы элементарных жизненных прав, но и стараются всеми способами дискредитировать их. Организаторы масштабной деиндустриализации, лишившие миллионы людей права на труд, говорят о неисправимой лениности "этого" народа. Ликвидаторы социального государства, лишившие женщин всяких социальных и профессиональных гарантий, кроме права продавать свое тело, неистовствуют против порчи нравов. Культуртрегеры вестернизации, поспешившие дискредитировать народную культуру и мораль, заподозренную в традиционализме, кричат о люмпенской психологии народных низов.

Словом, всем гонимым и заподозренным в неадаптированности к мировому рынку навязывается образ изгоев, враждебных современной цивилизации. Перед лицом этих изгоев и люмпенов глобальное цивилизованное общество, разумеется, имеет право защищаться. С одной стороны, посредством особых гуманитарных акций, типа той, что была применена американцами в отношении сербов, с другой - разного рода протекционистскими барьерами, ужесточением иммиграционного законодательства и других мер по созданию стерильно чистой среды для избранных. Судя по многим признакам, глобалисты вынашивают идею глобальных заградительных отрядов, посредством которых компрадорская среда на местах и глобалистская среда метрополии будет защищаться от фильтрации отчаявшихся групп мировой периферии.

Пропагандистская война с неадаптированным большинством мировой и национальной периферии скорее всего является подготовкой к физическому насилию и геноциду. Та невиданная социальная поляризация, которую вызвали реформы глобализма на всем пространстве расширяющейся мировой периферии, не может кончиться добром. Прежде такая поляризация вызывала у интеллигенции протест против не считающегося с другими господского меньшинства. Теперь она почему-то все чаще провоцирует протесты либерального истеблишмента против самого обездоленного большинства.

Вчера еще обездоленность выступала как социальное понятие, связанное с несправедливыми условиями, которые надлежит исправить. Сегодня обездоленность выступает как расовое понятие, обозначающее неисправимую ментальность тех, кто обездолен и на самом деле достоин своей участи. Ну, а как поступают со злостно неисправимыми и неполноценными, нам уже показал опыт классового и расового террора тоталитарных режимов XX века. Судя по всему, к этому опыту уже присматриваются прагматики нового мирового порядка, который они собираются отстоять от натиска "неполноценных и неприспособленных".

На что нам надеяться?

Как избежать грядущей тотальной катастрофы - мировой гражданской войны, подготовленной неслыханной социальной поляризацией? Если бы глобалисты в самом деле хотели ее предотвратить, они бы не демонтировали социальное государство и не дискредитировали "неадаптированное" народное большинство. Следовательно, они готовятся к мировой гражданской войне. Их оплотом в этой войне является победившая сверхдержава, ставшая отечеством глобалистов, порвавших с прежними отечествами.

Наметилась удивительная однозначность идейно-политических позиций, внутренних и внешних. Те, кто исполнен расистской ненависти и глухоты к социально потерпевшим слоям туземного населения, неизменно демонстрируют пламенный американизм. Американофильство стало лакмусовой бумажкой социал-дарвинистского мышления: чем больше определенные круги проявляют непримиримость к социально незащищенным, тем более они уповают на США как носителя нового мирового порядка.

Следовательно, американская мощь воспринимается как главный резерв сил глобального социал-дарвинизма в их гражданских войнах с обездоленными народами. В качестве ответа можно обсуждать две альтернативы.

Первая, спровоцированная беспримерной наглостью глобалистов, - как помочь народам победить в этой гражданской войне?

Вторая, выводящая нас за пределы двузначной логики нового классового противостояния, - как преодолеть саму тенденцию небывалой взаимной отчужденности верхов и низов мирового социального центра и мировой периферии? И коль скоро мы придали такое значение элитам и связанным с ними механизмам прогресса, - можно ли так преобразовать мотивации и менталитет следующих "морали успеха", чтобы они снова стали полпредами своих народов в авангарде прогресса? Можно ли ожидать, что эти избранные или мечтающие стать таковыми, преисполненные снобистского или даже расистского презрения к многочисленным изгоям национальной и мировой периферии, вдруг воскресят в себе чувство национальной идентичности и социальной солидарности, демократическую протестную энергетику?

Сама трудность здесь состоит даже не в том, чтобы поверить в моральное преображение глобализированных элит, а в том, чтобы вернуть им веру в прогресс в его прежнем демократическом качестве: как светлое будущее для всех, а не для избранных. Двести лет назад, в эпоху Просвещения, прогресс стал мировой религией, обещающей спасение не одному только избранному народу, а всем. Теперь религия прогресса снова из мировой превращается в племенную или расовую: она обещает спасение только избранному меньшинству первого мира.

Главный теоретический и метафизический вопрос: случайна ли эта деградация религии прогресса или в ней с самого начала содержались некие роковые изъяны, предопределившие ее вырождение в новый расизм и социал-дарвинизм?

Я лично склоняюсь ко второму варианту. Глобалистика 60-х гг. открыла экологический изъян прогресса - его безжалостность к природе. Однако в нем заключен и иной изъян, связанный с безжалостностью ко всем, кому приписывается реакционная позиция и приверженность к прошлому. Большевики стали первыми, кто продемонстрировал не только классовую ненависть к богатым, но и презрительную ненависть к слабым и добрым в рядах самих эксплуатируемых. Они открыли черты

нищееанского сверхчеловека среди эксплуатируемых, которых они готовили к беспощадной гражданской войне.

Нынешние глобалисты открыли черты сверхчеловека в среде господского меньшинства, научив его социальной безжалостности. И те и другие клялись верности прогрессу и духу современности. Не означает ли это, что сам прогресс заражен этой мотивацией сверхчеловека - безжалостным титанизмом?

В таком случае подлинную альтернативу следует искать среди тех, кто отличается повышенной чуткостью не к зову прогресса, а к мольбам тихих неудачников, не зарезервировавших себе места ни среди левых, ни среди правых адептов неумолимой современности. По специфическим меркам прогресса, меняющего свои критерии, но упрямо подтверждающего противоположность передового и отсталого и безжалостность к последнему, современные маргиналы четвертого мира лишены перспективы. Нет у них ни признаков, по которым помечает своих экономический человек либерализма, ни черт, по которым выделял своих политический человек марксизма.

Общим знаменателем и основой искомым черт прогрессистского признания несомненно является титанизм - гордыня покорителя и завоевателя. По-видимому, прогресс сублимировал энергетику старого героизма, известного нам со времен языческой античности. Герои промышленного и экономического прогресса отличаются той же напористостью и безжалостностью, какими характеризовались кровожадные герои "Одиссеи" и "Илиады". Не случаен их антихристианский энтузиазм и презрение к морали смирения. Их энергетика больше питается ненавистью, чем любовью, протестом, нежели терпением, желанием заявить о себе, нежели готовностью помочь тем, кто тихо страдает рядом.

Словом, в морали и философии больше героического и титанического, связанного с нетерпеливым самоутверждением, чем христиански сострадательного и чуткого. И потому, как ни малы сегодня надежды на появление новой, постъязыческой элиты, способной воскресить мотивации христианской жертвенности и сострадательности, они все же выше, чем надежды на демократическое обновление прогресса и его коррекцию с учетом прав неадаптированных и незащищенных.

Прометеева титаническая мораль обращена к силе - будь то экономическая сила буржуазии или политическая сила диктатуры пролетариата. Языческий восторг перед силой и эффективностью - психологическое ядро прогрессистской морали. Как бы ни меняла эта мораль свои плюсы и минусы на противоположные, любовь к левым на любовь к правым и обратно, она неизменно будет обращена против неорганизованных и неэффективных. В этом отношении наблюдается поразительное совпадение между большевистской критикой "дряблого гуманизма" христианского типа и современным либеральным социал-дарвинизмом, с похожим неистовством громящим старую мораль.

О

ба вида титанической критики поразительно едины в своей презрительной ненависти к России. "Железные люди" большевизма более всего презирали ее за переизбыток всего того, чему нет места в строго организованной, победоносной публичности тотального государства. У "железных людей" нового социал-дарвинизма Россия - на не меньшем подозрении. Но чем больше вслушиваешься и в ту и в другую критику старой России (а она сегодня предстает прогрессистскому взору не менее старой, чем сто лет назад), тем сильнее убеждаешься в антихристианской, языческо-титанической подоплеке этой критики.

Есть какая-то тайна в том, что Россия, вчера еще бывшая второй державой мира, неуклонно скатывается в четвертый мир. Старые рецидивы имперского мышления, в основном проявляющиеся в военной среде, немедленно и эффективно подавляются компрадорскими элитами-глобалистами. Анализ показывает, что сегодня сопротивление гегемонистским планам США, как и планам деиндустриализации и разоружения нашей страны, могло бы возникнуть только на базе мощной националистической реакции. Сопrotивляться глобализму на силовой основе мог бы мобилизованный национализм, вооруженный одной из фундаменталистских идей.

Однако ни националистической идеологии, ни заметного национального движения постсоветская Россия не породила. Объясняется это тем, что господствующая элита слишком далеко зашла по пути глобализации, а националистической контрэлиты страна так и не дождалась. Причины последнего

коренятся в большой российской культурной традиции, которая никогда не была узконационалистической. И русская литература, и российская политика по-своему работали над вселенскими, общечеловеческими проектами - ни на что меньшее русский тип духовности не мог согласиться.

Национализм сегодня был бы не меньшим отказом от великой русской традиции, чем компрадорский глобализм; он потребовал бы вынесения за скобки не только всего петровского исторического наследия, но и христианского. Не случайно современные националистические маргиналы культуры и политики не находят ничего лучшего, как заниматься плагиатом у западных ультраправых и пытаться воскресить мифы язычества.

Означает ли это, что четвертый мир, который сегодня - будем вполне откровенны - олицетворяет российская действительность (вместе с большинством постсоветского пространства), - это просто мир распада?

Если мерить его привычными мерками успеха - то да. Российское народное большинство вряд ли подлежит реабилитации по критериям экономического успеха или державного могущества. Об этом ему не без злорадства напоминают идеологи либеральных реформ, вчера еще заявлявшие, что "Россия обречена на процветание". Десятки миллионов людей в результате инициированной реформаторами деиндустриализации вытолкнуты из большого мира в малый - мир примитивного натурального хозяйства и натурального обмена, семейной взаимовыручки (когда старики пенсионеры кормят неприкаемую молодежь).

Интересно, что идеологи новых социальных движений - адепты критического глобализма 60-х гг. предсказывали подобный крах большого индустриального мира в планетарном масштабе. Эти предсказания сегодня сбываются в России. Россия как четвертый мир - это страна, уходящая из большого пространства модерна в какое-то еще не структурированное и таинственное новое пространство. Повторяю, некоторые его характеристики в виде малого натурального хозяйства и безденежного обмена услугами были предсказаны новыми левыми критиками буржуазной цивилизации. Но сегодня господствующая пропаганда пытается вытравить всякую память об этой критике, объясняя все провалы реформаторства уникальной незадачливостью русского народа. На самом деле крах всей эпопеи модерна давно уже предвиделся наиболее чуткими умами, в том числе и на самом Западе. Пожалуй, не был предусмотрен только тот парадокс, что ликвидаторами индустриального модерна и просвещения станут сами "передовые элиты". Они бесконечно далеки от экологической и социальной критики прогресса; они просто решили приватизировать большое пространство модерна. Глобализация стала улицей с двусторонним движением; по мере того, как элиты расширяют пространство своего обитания до планетарных масштабов, массы выталкиваются в новые локусы и резервации. Чем больше лайнеров с пассажирами бизнес-класса пересекает континенты, тем меньше пассажиров плацкартных вагонов пересекают границы собственной области - у них нет на это средств. Глобализируется американская массовая культура в качестве господской; великая русская культура, как и другие культуры, не принадлежащие к первому миру, напротив, превращается в изгойскую субкультуру. Но модерн, ставший достоянием господского меньшинства, теряет и свои перспективы и свое моральное оправдание. Одно из двух: либо маргинализованному большинству планеты предстоит быть вытесненным в резервации по законам модерна, либо заново реабилитированным, но уже по другим законам.

Сегодня мы имеем противоречивую ситуацию: всех бедных и неприспособленных уже лишили и реальных перспектив и моральной репутации, но объявить им прямо уготовленную участь глобальная элита еще не решает. Нельзя прятаться от дилеммы: либо мы должны освоиться с перспективой еще не виданного в человеческой истории массового геноцида целых континентов, либо найти формы и способы новой реабилитации выталкиваемого из модерна народного большинства.

Судя по всему, былая военно-политическая биполярность мира сменяется новой, в которой Америке и России опять отводится роль противоположных полюсов. Те, кто уже решил, что естественный экономический отбор должен довершить свое дело и у потерпевшего народного большинства нет алиби, сосредотачивают свои ряды вокруг США - этого пристанища нового "экономического человека". Те, кого великая религиозная традиция сострадательности к "нищим духом" обязывает не верить естественному

отбору и торжеству сильных над слабыми, сосредотачиваются в России и будут сосредотачиваться вокруг нее. Компрадорская элита не в счет - ее представители давно уже чувствуют себя внутренними эмигрантами в собственной стране.

Противостояние Америке, как носителю языческого культа силы и успеха, уже не будет как прежде разворачиваться в плоскости военно-технического и политического соперничества. В этом качестве роль России как сверхдержавы, по-видимому, принадлежит прошлому. Новое противостояние полюсов экономического человека и человека социального, морали успеха - и солидаристской морали будет протекать в духовной и культурной, ценностной сфере. Те, кого по-прежнему одолевает гордыня успеха, займут позицию американоцентризма. Но тем, кто не может согласиться с перспективой вымирания собственной страны и большинства планетарной периферии, предстоит найти основание своей сострадательной морали в великих религиозных традициях, которые намного старше модерна и переживут модерн.

Сегодня в мире складывается ситуация, напоминающая ту, которую застали первые христиане. На одной стороне они видели горделивый Рим, питающийся соками всей ойкумены, на другой - море страдающего человечества, которому господа отказали во всем, вплоть до права на жизнь. Языческий гуманизм мог им предложить одно: станьте вровень со своими господами в силе, организованности и просвещенности, и тогда вы сможете успешно противостоять им. Но Христос сказал им иное: не соревнуйтесь в силе и гордыне - "блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие... напротив, горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение" (Лук. 6: 20,24).

Вопросы социальной и моральной реабилитации большинства, которому приватизированный прогресс отказал в перспективе, является главным вопросом нашей эпохи. И этот вопрос не может быть положительно решен на базе прогрессистской идеологии успеха. Об этом свидетельствуют те наиболее последовательные адепты этой идеологии, которые оставили свои надежды на бедных и пошли служить богатым. Следовательно, реабилитация должна прийти со стороны принципиально другой традиции, ничего общего не имеющей с "моралью успеха".

Многозначительная загадочность состоит в том, что человечество сохранило свои великие монотеистические традиции, обращенные к неуправляемому, несмотря на грандиозный секулярный натиск модерна. Зачем-то ему понадобилась эта память! Сегодня богатый Север можно отнести к областям стилизованной религиозности: там в нее играют, как и в другие игры досуговой культуры. Но в регионах четвертого мира религиозное обетование нищим духом наполняется новым экзистенциальным содержанием. Без этого обетования и расшифровки его на современном языке, простом и убедительном, большинству уже не воскреснуть духовно и социально.

Следовательно, требуется появление новой пророческой элиты, озабоченной вовсе не тем, чтобы соперничать с нынешней и занять ее место. Задача этой элиты - формирование нового ценностного кодекса эпохи, альтернативного кодексам прогресса, успевшего обрести расистские черты. Мы еще не знаем, где будет подвизаться эта новая элита, пошедшая в народ, какие из нынешних институтов она сможет использовать, а каких станет сторониться. Но стоящие перед ней задачи уже вырисовываются.

Во-первых, это реабилитация всех нищих и неприспособленных четвертого мира. К ним будут применены не "отцовские" критерии, ибо отцы больше любят детей, продемонстрировавших успех, а материнские, связанные с эмоциональной предпочтительностью в отношении хрупких и ранимых. Как знать: не им ли, впечатлительным и ранимым, дано скорректировать фаустовский проект покорения природы и истории в духе посттехнических и постэкономических приоритетов - щадящего отношения и к внешнему миру природы, и к внутреннему миру человеческой души.

Во-вторых, это новый тип мотиваций. Человеческая энергия сегодня обнаруживает явные признаки ускоренного угасания. Это проявляется, с одной стороны, в стремлении передоверить технике решение всех наших жизненных проблем, а с другой - в отказе от принципа реальности в пользу принципа удовольствия - досугового гедонизма и виртуального погружения в инфантильные фантазии. Сферу реальности - систему эффективных практик - явно монополизирует новое племя беззастенчивых; почему-то

сегодня только им дано сохранить напористость и энергетику модерна. Не потому ли практики модерна так часто становятся теневыми практиками?

Для того, чтобы мобилизовать энергию лучших, а не худших, требуется качественно новая редакция общественно признанных целей. Энергетика самоутверждения десоциализирует людей: новые робинзоны постмодерна не способны не только к настоящей кооперации в рамках сотрудничающего гражданского общества, но и к элементарному цивилизованному и законопослушному поведению. Альтернативная энергетика альтруизма, сострадания, сочувствия - вот источник будущего, который новой пророческой элите предстоит открыть в недрах великой религиозной традиции. Тридцать - сорок лет назад все упования будущего связывались с научно-технической элитой. Высшим метафизическим оправданием ее деятельности было убеждение в том, что искусственное лучше естественного; поэтому рукотворный мир технической среды выдавался за обетованную землю будущего.

Затем настал черед и экономической элиты. Высшим ее оправданием была беспримерная рациональность рынка: освободите механизм рынка от бюрократических помех, и все устроится наилучшим образом. Экономическая элита оклеветала низы общества, усмотрев в них источник главного экономического зла - разрушительной инфляции. Якобы это их давление на государство, выступающее под знаком вездесущего социального патернализма, обесценивает экономические усилия лучших, приспособленных и плодит неприспособленных, не умеющих зарабатывать, но желающих потреблять. Таков был главный вывод капиталистического манифеста "чикагской школы".

Но сегодня со всей очевидностью выступает другое: галопирующую инфляцию порождает сама предпринимательская среда, переориентированная с продуктивной на спекулятивную прибыль. Новый экономический авангард тяготеет к продуктивной экономике как чем-то глубоко архаичным; он предпочитает азартные игры виртуальной экономики. Фиктивный спекулятивный капитал сегодня в сотни раз превышает капитал, связанный с реальными инвестициями. Невозможно отрицать, что именно он сегодня главный источник разрушительной инфляции и главная питательная среда всех теневых практик.

Почему "чикагцы" нам в этом не сознаются - это вопрос, касающийся специфической морали "экономического человека" и обслуживающей его новой интеллектуальной элиты. Но настоящая элита - не та, что связана с изощренными экспроприаторскими практиками, а та, которая видит свое призвание в защите человечества от них, - должна открыть глаза современникам. Если элита означает "лучшие", то ее настоящие представители могут появиться не в эпицентре воинствующего экономикоцентризма и рыночного социал-дарвинизма, а именно в четвертом мире. Поскольку у этого мира нет надежды на экономический реванш, ему не остается ничего другого, как совершить пересмотр всех приоритетов модерна, не оставляющих шансов отставшему большинству.

Эти приоритеты не изобретаются на пустом месте: за ними стоит великая письменная традиция мировых религий. Модерн исказил изначальную иерархию человеческих ролей, поставив дельцов впереди брахманов и кшатриев. Именно это стремление передоверить нормотворческие функции "экономическому человеку", представляющему дельцов, сотворить из него элиту, определяющую приоритеты человечества, привело к помрачению современного цивилизованного сознания, неслыханной духовной и нравственной деградации. Настоящая элита сочетает брахманические функции носителей морали и мудрости с защитными функциями кшатриев, вдохновляемых не деньгами, а доблестью.

Четвертому миру, оставленному продажными "мудрецами" и корыстолюбивыми "стражниками", нужна новая элита - та, что не продается. Ибо наряду с экономической мотивацией были и будут более высокие, способные дать то вдохновение и воодушевление, которые для экономического человека в принципе недостижимы. Сегодня нас хотят убедить в том, что вся мировая духовная традиция, представленная великими религиями и выросшими из них великими литературами, ошибалась по части приоритетов, и только новое чикагское учение не ошибается.

Но тех, кто не порвал своих связей с великими традициями, переубедить нельзя. Они знают, что по самой своей сути человек не экономическое, а религиозное животное и только поэтому ему дано

подняться над животным уровнем. Настоящая элита - страж и пестователь этого духовного начала, и ей дано открыть человечеству такие перспективы, которые в иных измерениях остаются закрытыми.

Россия, ставшая эпицентром разрушительной работы глобалистов, не может выжить, не открыв этих новых перспектив. Новый интернационал четвертого мира, который она по всей вероятности возглавит завтра, будет воплощением альтернативного глобализма демократических низов. В качестве второго мира, меряющегося с первым по критериям силы и успеха, Россия потерпела поражение и погибла. Возродиться она способна только как четвертый мир, отвергающий ложные критерии и прерогативы первого. Дать этому миру истинное вдохновение - задача постэкономической элиты, обращающейся к народам через голову глобального либерального истеблишмента.

Александр Сергеевич Панарин. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой // "Наш современник", № 11, 2001 г.

Майкл Паренти. Тайна. Как богатство создает бедность во всем мире

Существует «тайна», которую мы должны объяснить. Почему корпоративные инвестиции, зарубежная помощь и международные займы в бедные страны резко выросли за последние полвека, равно как и бедность? Количество людей, живущих в бедности, растет быстрее, чем население мира. Что с этим делать?

За последние полвека американские промышленные компании и банки (и другие западные корпорации) активно инвестировали в бедные регионы Азии, Африки и Латинской Америки, известные как Третий мир. Эти ТНК привлекали богатые природные ресурсы, высокая отдача от низкооплачиваемой рабочей силы и практически полное отсутствие налогов, экологического регулирования, пособий для рабочих и охраны труда.

Американское правительство субсидировало эту утечку капитала, гарантируя корпорациям налоговые уступки по отношению к их иностранным инвестициям, и даже оплачивая некоторым из них издержки по перемещению, к ярости профсоюзов, видящих, как исчезают их рабочие места.

ТНК вытесняют местный бизнес в Третьем мире и захватывают его рынки. Американские сельскохозяйственные картели, в значительной мере субсидируемые американскими налогоплательщиками, направляют лишнюю продукцию в другие страны по более низким ценам, чем местные фермеры. Как описывает Кристофер Кук в своей «Диете для мертвой планеты», они отбирают лучшую землю этих стран для выращивания товарных культур на экспорт, при этом, обычно это монокультурное хозяйство, требующее большого количества пестицидов и оставляющее все меньше земли для сотен разновидностей органически выращиваемых растений, служивших пищей местному населению.

Вытесняя местное население с земли и разоряя его, корпорации создают перенасыщенные рынки труда, где отчаявшиеся люди вынуждены отправляться в городские трущобы, чтобы усердно трудиться за нищенские зарплаты (когда они в состоянии работать), зачастую нарушающие законы этих стран о минимальной оплате.

Например, в Гаити корпоративные гиганты, вроде Disney, Wal-Mart, и J.C. Penny платят рабочим 11 центов в час. США – одна из немногих стран, отказавшихся подписать международную конвенцию, запрещающую детский и принудительный труд. Эта позиция происходит из активного использования детского труда американскими корпорациями в Третьем мире и самих США, где двенадцатилетние дети являются жертвами большого количества травм и несчастных случаев, а получают оплату ниже минимального уровня.

Экономия, которую большой бизнес извлекает из дешевого заграничного труда, не превращается в низкие цены для потребителей. Корпорации перемещают производство в далекие регионы не для того, чтобы американские потребители могли сэкономить. Они перемещают производство, чтобы поднять норму прибыли. В 1990 г. туфли, которые делали индонезийские дети, получающие 13 центов в час, стоили только 2,60 доллара, но продавались за 100 долларов и дороже в США.

Американская зарубежная помощь обычно идет рука об руку с инвестициями ТНК. Она субсидирует создание инфраструктуры, нужной корпорациям в Третьем мире: портов, автомобильных дорог и нефтеперерабатывающих заводов.

Помощь, которую получают правительства Третьего мира, сопровождается дополнительными рамками. Она зачастую должна быть потрачена на американские продукты, и страна-получатель должна предоставить инвестиционные преимущества американским компаниям, смещая потребление с произведенных в стране товаров и продуктов на импортированные, и порождая еще большую зависимость, голод и долг.

Значительная часть помощи никогда не выходит на свет, идя прямо в карманы коррумпированных чиновников в странах-получателях.

Помощь (или нечто в этом духе) идет и из других источников. В 1944 г., ООН создали Всемирный банк и Международный валютный фонд (МВФ). Право принятия решений в обеих организациях определяется финансовым вкладом страны. Как крупнейший «донор», США имеют главный голос, за ними идут Германия, Япония, Франция и Великобритания. МВФ действует в сговоре с группой банкиров и штатом министерств финансов, в основном из богатых стран.

Предполагается, что Всемирный банк и МВФ должны помогать странам в их развитии. Что происходит на самом деле – это совсем другая история. Бедная страна занимает у Всемирного банка, чтобы укрепить какой-либо сектор ее экономики. Если она не сможет вернуть заем назад, из-за уменьшения экспорта или еще по какой-либо причине, она должна занимать снова, на этот раз, у МВФ.

Но МВФ навязывает «программу структурных преобразований», по которой страна-должник обязана снизить налоги на ТНК, уменьшить зарплаты и не делать никаких усилий по защите местных предприятий от зарубежного импорта или взятия под контроль. На страны-должники оказывают давление, чтобы они провели приватизацию, продавая по скандально-низким ценам свои государственные шахты, железные дороги и коммунальные предприятия частным корпорациям.

Их заставляют открывать свои леса для вырубki, а землю – для открытых разработок, безотносительно к экологическому ущербу. Страны-должники также обязаны сократить субсидии на здравоохранение, образование, транспорт и сельское хозяйство, чтобы больше денег можно было потратить на выплату долга. Когда их заставляют выращивать товарные культуры на экспорт, они становятся все менее способны прокормить собственное население.

Поэтому, по всему Третьему миру реальные зарплаты снижаются, а национальный долг растет до такой степени, что его выплата поглощает большую часть экспортной прибыли бедных стран, что создает дальнейшее обнищание, так как у страны-должника остается все меньше возможностей обеспечить потребности населения.

Таким образом объясняется эта «тайна». Конечно, это никакая ни тайна, если не принимать на веру мистификации о «просачивании». Почему бедность растет, если растут зарубежная помощь, займы и инвестиции? Ответ: Займы, инвестиции и большинство форм помощи разработаны не для борьбы с бедностью, а для увеличения богатства транснациональных инвесторов за счет местного населения.

На самом деле, нет никакого просачивания, а только откачивание от многих тяжело работающих к немногим богачам.

В своем постоянном замешательстве, некоторые либеральные критики заключают, что зарубежная помощь и «структурные преобразования» МВФ и Всемирного банка «не работают». Конечный результат – это уменьшение самодостаточности и рост бедности в странах-получателях, говорят они. Почему же тогда богатые страны продолжают финансировать МВФ и Всемирный банк? Может быть, их лидеры не так умны, как критики, указывающие на то, что проводимая ими политика производит обратный эффект?

Нет, глупы именно критики, а не западные лидеры и инвесторы, которые владеют столь многим в мире и вознаграждаются необъятным богатством и успехом. Они осуществляют свою помощь и зарубежные займы потому, что эти программы работают. Вопрос в том, для кого. Cui bono?

Цель, стоящая за их инвестициями, займами и программами помощи – не подъем благосостояния масс в других странах. Это совсем не их дело. Настоящая цель данных программ – служить интересам глобального накопления капитала, захватывать земли и местные экономики народов Третьего мира, монополизировать их рынки, понизить их зарплаты, связать их труд огромным долгом, приватизировать их общественный сектор и предотвратить торговую конкуренцию со стороны этих стран, не давая им нормально развиваться.

В этом отношении, инвестиции, зарубежные займы и структурное преобразование работают очень хорошо.

Настоящая тайна в другом – почему некоторые люди считают подобный анализ невероятным и порожденным «теорией заговора»? Почему они с таким скептицизмом относятся к тому, что правители США сознательно продвигают столь безжалостную политику (снижение зарплат, устранение экологической защиты, уничтожение общественного сектора, сокращение социальных служб) в Третьем мире? Эти правители проводят такую же точно политику у себя дома!

Не пора ли либеральным критикам перестать думать, что люди, владеющие столь многим – и желающие владеть всем – «некомпетентны», «введены в заблуждение» или «не видят непредвиденных последствий своей политики»? Вряд ли вас можно назвать очень умным, если вы считаете, что ваши враги не столь умны, как вы. Они знают, в чем состоят их интересы, и мы должны знать, в чем состоят наши.

*Майкл Паренти. Тайна. Как богатство создает бедность во всем мире.
<http://www.zmag.org/sustainers/content/2006-09/28parenti.cfm>*

Виллем Фрейхоф. Космополитизм.

Люди начали путешествовать по свету и задумываться о том, что собой представляет Европа, задолго до того, как в XVIII в. космополитизм стал философией, состоянием души, образом мысли, стилем жизни, габитусом и, что особенно важно, формой самоидентификации культурных элит Просвещения. Действительно, философский космополитизм восходит еще к Древней Греции. На протяжении веков его содержание обогащалось как в политическом, так и в культурном плане. Вслед за Эпиктетом Цицерон охотно цитировал Сократа, провозгласившего себя гражданином мира. Диоген был первым из тех, кто назвался "космополитом". После стоиков и христианских апологетов (Оригена, Тертуллиана) тему космополитизма подхватили гуманисты Возрождения: она оказала глубокое влияние на идеалы Эразма, Вивеса, Мора и Монтеня.

Однако в своих сочинениях и поступках *civis mundi* Эразм был не вполне последователен: он объявлял себя то гражданином Роттердама, то галло-германцем, то космополитом. Что же отличало космополита XVIII в. от его двойника - путешественника, авантюриста, литератора или философа Возрождения? Ключ к ответу дает тот же Эразм: его представление о "гражданине мира" было позаимствовано у Тертуллиана, а тот, в свою очередь, связывал его с Иерусалимом - "градом небесным". Отголоском этого стала идея Св. Августина о всеобщем "граде божьем", а позже - средневековое понятие *christianitas*. В отличие от эразмовского, просвещенческий космополитизм имел светский характер. Процесс обмирщения начался с того момента, когда Гийом Постель заново изобрел термин "космополитизм" (1544), вложив в него уже не небесный, а земной смысл: он представлял *orbis terrarum consordia* как наднациональное и внерелигиозное братство людей, основанное на свободном выборе каждого. Постель называл себя "космополитом" (1560) с той же гордостью, с какой барон Анахарсис Клоотс объявил себя в Учредительном собрании "оратором рода человеческого".

С конца XVI и на протяжении всего XVII в. "космополиты" освобождались от традиционных религиозных уз, проникаясь чувством универсальности, которое в то время включало в себя и герметизм. Так, например, алхимика Михаила Сендивогиуса, прозванного Космополитом (1566-1646), или Кловиса Эсто более не стесняли конфессиональные или национальные рамки - они ощущали свою непосредственную

принадлежность к высшей космической общности, объединенной знаниями. Родство с герметизмом объясняет, почему в XVIII в. космополитизм оказался так тесно связан с масонством, а позже - с иллюминизмом (орден иллюминатов, основанный баварцем Адамом Вейсгауптом в 1776 г., был запрещен в 1784 г.).

Именно масонство благодаря своей структуре и своим идеям стало одним из первых и главных очагов космополитизма. Ведь для него весь мир представлялся одним большим братством, а нации в нем - семьями ("Масонская лира", 1763). Герцог д'Антен, великий магистр Большой ложи Франции, провозглашал дело масонства "делом рода человеческого". Умозрительную картину республики-Европы, разделенной на государства-провинции можно найти и у Монтескье, и у Вольтера ("Век Людовика XIV", 1756). Космополитичный идеал разделяли представители всех течений масонства - деисты, пантеисты, материалисты, республиканцы.

Кроме того, сторонники новой всемирной общности исповедовали пацифизм. Уставшие от бесконечных войн европейцы возлагали вину за межгосударственные распри на сторонников раздробленной Европы. Один за другим стали возникать проекты вечного мира: "Querela pacis" Эразма Роттердамского (1517); "Новый Кинеад" Эмерика Крюсе (1623); "Проект установления вечного мира между христианскими монархами" аббата де Сен-Пьера (1713); "План всеобщего и вечного мира" Джереми Бентама (1789); "За вечный мир" Иммануила Канта (1795). Основанные на неогуманистическом космополитизме, имевшем довольно сильную политическую окраску, они были полны оптимистической веры в человечество и предлагали учредить то Сообщество Наций, то международные Трибуналы - прообразы всемирных федеративных структур. В этом же ключе следует рассматривать и иренизм Греция, Лейбница и Боссюэ, и "пангармонический" идеал Коменского, и унитаристские мечты его друзей-миллениариев. У Канта космополитизм, выразивший человеческую всеобщность, стал основополагающим элементом антропологии. Философ даже намечал на страницах газеты *Berlinische Monatsschrift* (1784) "контуры всеобщей истории с космополитической точки зрения". Кант задавался вопросом о том, не является ли "космополитичное состояние" естественным состоянием человека, и видел в нем венец человеческой истории.

С начала XVIII в. понятия "космополит", "космополитизм" и их синонимы стали использоваться по всей Европе почти одновременно: в 1701 г. в Германии появился термин *Weltbürger*; в 1709 г. англичанин Шефтсбери в работе "Моралист" (1709) рассуждал о *citizen or commoner of the world* во Франции ему вторил автор "Диалога мертвых" Фенелон (1712), а вслед за ним шевалье де Рамсей - адепт герметизма, превративший учение алхимиков в масонскую идею. В 1721 г. слово "космополитизм" вошло в "Словарь Треву". На фоне "кризиса европейского сознания" (о котором писал П. Азар), перед новыми национальными и конфессиональными барьерами, возведенными в ходе европейских конфликтов XVII в., в условиях укрепления языковых границ (чему способствовал, в частности, упадок латыни) космополитизм казался решением проблем: приемлемым в философском плане, неизбежным - в духовном, успешным - в интеллектуальном, многообещающим в плане политики и плодотворным в плане культуры. Он обращал человеческую любознательность на весь свет, а не только на его европейскую часть, хотя Просвещению так и не удалось в полной мере согласовать идею совершенствования и прогресса (которая неизбежно подразумевала, что неевропейские народы стоят ниже европейцев) и чувство братства, основанное на универсальном эгалитаризме естественного права. Итак, космополитизм воспринимался в первую очередь как печать новой свободы и эмансипации личности, которая исследует мир вокруг себя, открывает в нем пространство без границ и сама становится объектом внимания других культур. Вот почему на протяжении всего XVIII столетия космополитизм колебался между открытостью к миру и внутренней самореализацией, между интересом к "иному" и утверждением новой идентичности - всемирной по замыслу, но несущей в себе европейские образы и ценности.

В своем стремлении к раскрепощению интеллектуальных контактов и к созданию сообщества свободно мыслящих людей космополитизм, разумеется, мог опираться на уже давно сложившуюся "литературную республику", ведь она также часто и охотно подчеркивала свою свободу, братство, транснациональность и надрелигиозность. Многие мыслители, в частности Пьер Бейль, вполне осознанно

считали себя и гражданами своей страны, и гражданами мира. Однако у космополитизма имелось несколько существенных отличий от "литературной республики". Последняя (кстати, она часто зависела от монарха-мецената, что порой вынуждало ее быть услужливой, если не угодливой) ставила во главу угла эрудицию. А для космополитизма главным была общая духовная позиция, универсалистский менталитет и стиль жизни, преодолевающий национальные различия. Замечено, что именно в централизованных монархиях (например, во Франции), где государство бдительно контролировало культурную жизнь, интеллектуальный космополитизм развивался особенно бурно. Со второй четверти XVIII в., расширив свои ряды и раздвинув социальные рамки, он стал альтернативой уже сложившейся "литературной республике". Космополитизм распахнул свои двери не только для эрудитов, но для всех людей без исключения.

В этом контексте начали появляться первые крупные фигуры космополитов, вокруг которых вращалась интеллектуальная жизнь. Конечно, среди них были философы и литераторы, чья роль определялась масштабом личности (Вольтер, Гёте, Франклин). Но большинство все же составляли люди, обладавшие особым талантом - поддерживать отношения и распространять идеи. Оказавшись на перекрестке наций и культур, эти люди - дипломаты, военные, служители культа, коммерсанты - приняли плести сети своего интеллектуального влияния. Таковы, например, принц де Линь (1735-1814) или секретарь неаполитанского посольства в Париже аббат Фердинандо Галиани (1728-1787). Таков и барон Мельхиор Гримм (1723-1807) - друг Дидро, агент немецких дворов в Париже и автор знаменитой "Литературной корреспонденции". Пожалуй, одна из наиболее типичных фигур в этом ряду - Франческо Альгаротти (1712-1764). Неутомимый путешественник, человек универсальных знаний, Альгаротти побывал на службе у многих монархов (Польши, Савойи, Пруссии) и вел переписку с широчайшим кругом корреспондентов. Он был не только знатоком искусств и наук, но и умелым популяризатором: ему принадлежали труды по вопросам физики, в частности, "Ньютонизм для дам" (1733), работы по языкознанию, архитектуре и оперному искусству.

В тех краях Европы, где государственная машина была не столь сильна (например, в Нидерландах) старая "литературная республика" по-прежнему беспрепятственно пользовалась свободой слова, одновременно поставляя международному эрудитскому космополитизму те средства выражения, которыми сама располагала, в первую очередь, периодические издания и книги. Почти полное отсутствие цензуры влекло в голландские издательства иностранных философов, но собственно нидерландские писатели выдавали книжную продукцию вполне умеренного толка. В этих странах культурный космополитизм укоренялся, главным образом, в наиболее обеспеченных слоях общества. Он стал своеобразным стилем жизни и образом мысли, позволявшим образованным людям из разных уголков Европы под держивать отношения друг с другом. Безусловно, наиболее яркая представительница этой среды - госпожа де Шарьер (Белла ван Зейлен), писательница, происходившая из аристократической нидерландской семьи и стоявшая на равной ноге со всей образованной Европой. Госпожа де Шарьер состояла в связи с Бенжаменом Констаном, подолгу жила в Швейцарии и говорила на языке международного общения - французском, хотя и не была страстной поклонницей Франции. Ее пример, как и пример госпожи де Сталь и других "салонных дам", показывает что мир космополитов был не до такой степени миром мужчин, как мир эрудитов старой "литературной республики". Значит, и в этом отношении кое-что изменилось.

Таким образом, вырисовываются две группы или две социальные среды. Авангард просветительского космополитизма составляют философы и литераторы во главе с Вольтером и молодым Руссо. Они воплощают интернациональный дух Просвещения, лозунг космополитизма начертан на их интеллектуальном гербе. Они же представляют собой старшее поколение космополитов. Для них самих космополитизм - прежде всего отличительный признак просвещенной интеллектуальной элиты. Их ключевые слова - "разум", "человечность", "терпимость", "благотворительность", "общественная польза" - наднациональные категории, которые призваны сменить ценности приходящего в упадок христианства. Поэтому в ряду добродетелей космополитизма дидактическая немецкая поэзия (Милюс, Хагедорн, Витгоф) воспевает равенство граждан, личную свободу и критический взгляд на собственную культуру.

И все же без перехода в политическую плоскость космополитизм философов остался бы декларативным. Именно политизация была необходимым условием для более широкого его распространения, для проникновения в слои иных социальных элит XVIII в., для повсеместного утверждения космополитизма в качестве стиля жизни. Отныне не только литература, но и культура в целом стала объединяющим фактором. Столкновение универсализма философских идей и культурных запросов, с одной стороны, и закрытости национальных культур - с другой, порождало глубокие раздумья об отношениях между людьми, об общих ценностях и политических устремлениях. Осознание этого началось с изгнания понятия "нация" из обихода интеллектуальной элиты. В статье "Родина" своего "Философского словаря" Вольтер проницательно замечал: "Печально, если для того, чтобы стать настоящим патриотом, приходится быть врагом остального человечества", и делал вывод: "Гражданином мира может считаться лишь тот, кто желает, чтобы его родина была не больше и не меньше, не богаче и не беднее, чем она есть сейчас" ("Dictionnaire philosophique", 1764). Руссо, в свою очередь, на страницах "Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми" (1755) с пылом превозносил "великие всемирные души, которые преодолевают воображаемые преграды, разделяющие народы, и по примеру создавшего их Верховного существа обнимают своими благими деяниями весь человеческий род". Путешествия, общение, переписка, браки - вот средства, с помощью которых социокультурный универсализм эффективно рушил национальные преграды. Создаваемая таким образом сеть культурных контактов пронизывала определенные социальные слои, выходя за пределы национальных границ. Да и сама Европа, заразившись "лихорадкой Востока" (Ostfieber), раздвигала свои контуры. Вновь возникший интерес к России свидетельствовал о том, что космополитизм утолял жажду преобразовывать мир: страна, подобная остальным и в то же время незнакомая, воспринималась как полигон для созидания нового, для осуществления запретных или заветных мечтаний (Дидро!). Наилучшим выражением коллективного культурного опыта стала, пожалуй, музыка. Моцарт и Глюк, Бетховен и Паганини, другие великие композиторы и виртуозы, перемещаясь из столицы в столицу, впервые объединили все элиты в едином эстетическом ощущении.

Универсализм XVIII в. совершенно реален. Европейские династии, придворная аристократия, политическая элита маленьких республик и независимых городов, международное братство литераторов, гугенотский интернационал, масоны, янсенисты, крупные религиозные ордена, сообщество книгоиздателей, банкиры, еврей-финансисты, коммерсанты образовывали разнообразные сети международных контактов и служили эффективной опорой социального и культурного космополитизма. Государство смотрело на этот процесс с тревогой, но без ущерба для себя остановить его не могло. Все эти сети укрепляли представление об общности культуры и пропагандировали универсалистские подходы, рассматривавшие Европу как реальность, а мир как виртуальную родину. Особые надежды возлагались на международную торговлю: подразумевалось, что она способна установить всеобщее братство. Об этом писали еще Монтескье и Буажелен, но особенно Дюпон де Немур (1766) и Мерсье де Ла Ривьер (1767). Перекрестки международной торговли - Ливорно, Кадис, Константинополь, Смирна действительно походили на людские муравейники. Там космополитизм был ежедневной реальностью.

Вместе с тем международное сообщество видело в космополитизме инструмент для распространения передовых идей и утверждения наднациональной экономической общности. Поэтому газеты того времени порой нападали на физиократов, сторонников свободного торгового обмена, банкиров и прочих "экономистов", называя их "космополитами": негативный оттенок делал это слово созвучным понятию "враг интересов нации". И хотя государства не могли обойтись без международной торговли, им все же удалось сокрушить одного из главных проводников культурного интернационализма - Общества Иисуса (1759-1773). Правда, католическая Европа дорого заплатила за это: после разрушения системы иезуитских учебных заведений в образовательных программах надолго восторжествовал национализм.

Космополитизм игнорировал национальные границы, однако нуждался в едином языке общения, понятном для всех. Избрав французский язык и французский этикет, интернационал духа стал постепенно превращаться в интернационал людей "приличных". Французская культурная модель - многим обязанная итальянской и испанской придворной культуре, отшлифованная в Версале и окончательно

ограниченная в парижских салонах - доминировала в Европе с конца XVII в. Конечно, Италия по-прежнему сохраняла свою притягательность и вдохновляла современников: огромен был престиж искусства Возрождения; Италия оставалась главной целью путешественников, отправлявшихся в Grand Tour; в Италии началось "возрождение" Гёте; там Винкельман проповедовал подражание античности. Однако именно французская модель снабжала международную элиту устойчивыми нормами поведения и стереотипами: из нее черпались правила этикета, образцы вкуса, стиля, речи, форм общения. Она преобразила театр и отобрала у Италии искусство оперы. В "Речи об универсальности французского языка" (1785), представленной на конкурс Берлинской академии, Ривароль подчеркивал триумфальное шествие французского языка по Европе.

Неудивительно поэтому, что Франция, и в особенности Париж, долгое время оставались меккой космополитов: если своей родиной они считали весь мир, то свое поведение строили по французскому образцу. Еще в 1750 г. один анонимный голландский "космополит" предрекал повсеместное распространение французских нравов. Общую позицию космополитов весьма точно выразил Дэвид Юм в письме, направленном Гилберту Эллиоту из Парижа 22 сентября 1764 г.: "Я гражданин мира, но если бы мне надо было выбрать какую-то страну, я выбрал бы ту, в которой сейчас нахожусь". Восхищение международной элиты французским придворным и буржуазным этикетом отразилось, в частности, в письмах лорда Честерфилда к сыну (1774), зафиксировавших поведенческие нормы английской аристократии. Символично также название брошюры маркиза Караччоли - "Париж как образец для остальных народов, или Французская Европа" (1777). Само распространение французской модели многим обязано экспансии культурного космополитизма. Они долгое время шли рядом, но порой не в ногу, ибо французская культурная модель не всегда сочеталась с наднациональными интересами франкоязычного и галлофильского космополитического сообщества. Равновесие между любовью к Франции и любовью к французской культуре было весьма зыбким. Французы иногда заблуждались на этот счет, о чем свидетельствуют их отношения с Фридрихом II, казавшимся самым большим галлофилом из всех европейских монархов. Поэтому упадок космополитизма, начавшийся в некоторых странах во второй половине XVIII в., чаще всего был связан с недоверием к французской политике (хотя кое-где, разумеется, он стал следствием зарождающегося или возрождающегося национализма). Насмешки англичан или голландцев над своими офранцузенными соотечественниками выявляли изъяны космополитизма и на контрасте с ним подчеркивали достоинства собственной культуры, содействуя таким образом оформлению национальной идентичности. Во Франции ту же роль играла англomania и идиллическое восприятие Нидерландов, которые виделись многим (в первую очередь, Дидро) страной гуманной, толерантной и эгалитаристской - примером для подражания.

В Германии, где царил политическая раздробленность, но процветала культура, отношения между космополитизмом и национальным чувством были довольно напряженными. Немецкие писатели - Гете, Лессинг ("Натан Мудрый", 1779), Виланд, Шиллер - с разной степенью убежденности объявляли себя космополитами, однако не прекращали поисков аутентичной немецкой культуры. В 1770-х годах радикальный космополитизм *Aufklärung*, столкнувшись с подъемом узкорегionalного патриотизма, начал склоняться к пан-германскому национализму. Так например, педагог-теоретик Базедов, называя себя космополитом, настаивал на необходимости патриотизма ("Агатократор", 1771). Гердер, со своей стороны, также подписывался под гуманистическими идеалами космополитизма, но опасался их слишком абстрактного характера: он предлагал лишить культурный патриотизм узкого политического звучания и сделать его конкретным. Так достигалось определенное равновесие между ценностями универсального, патриотического и национального характера.

Националистические высказывания Фихте в "Речах к германской нации" (1807-1808) могут быть поняты только с учетом его масонских убеждений, согласно которым "в космополите любовь к родине тесно сплетена с чувством всеобщности: его любовь к родине выражается в том, что он делает, а космополитизм - в том, что он думает" ("Философия масонства", 1800). Ясно, что национальные революции стали страшным ударом по гуманистическим идеалам космополитизма. Например, немец Ф. Бутерверк в своей космополитической философии истории (1794) решительно выступал против Французской революции:

события 1789-1792 гг. превратили бывших друзей-французов в злейших врагов. Бутерверк же исповедовал подлинно гуманистичный космополитизм, полагая, что только он способен погасить всеобщую жестокость, которая грозила охватить человечество, если только новый порядок будет основываться не на разуме, а на природе.

Слишком широкое распространение космополитического образа жизни, охватывавшего все новые и новые слои социальной элиты, вело в конечном счете к интеллектуальному ослаблению и последующему размыванию самого понятия "космополитизм". Появление в середине XVIII в. таких авторов, как Фужере или Оливер Голдсмит ("Гражданин мира, или Письма китайского философа", 1762), свидетельствовало о том, что космополитизм уже начал пресыщаться своим гуманистическим бременем. За неимением норм и ценностей, которые в национальных сообществах играли роль сдерживающих центров, космополиты второго поколения стали рассматривать международное пространство как структуру, пригодную для извлечения удовольствий и проявлений либертинства.

Наиболее откровенно в этом отношении автобиографическое повествование Луи-Шарля Фужере де Монбронна "Космополит или Гражданин мира" (1750). Фужере с вызовом демонстрирует полнейший разрыв и со своим отечеством, и с какой бы то ни было моралью. Он с очевидным удовольствием играет роль попирающего законы скептика, который развенчивает одну за другой все культурные или общественные иллюзии и обнажает всю грубость человеческой природы. Словно откликаясь на этот памфлет (но отсылая читателей к античным авторам), "Энциклопедия" определяет космополита как "человека без определенного места жительства" или как "человека, который нигде не чувствует себя иностранцем" (статья "Космополит". 1754. Т. IV). Насмешливый тон статьи свидетельствует о тревоге, которую вызывают разнузданные гедонисты, отрицающие под предлогом универсализма всяческую мораль и законы. Некоторые писатели пытаются взглянуть на эти странности европейской культуры глазами неевропейцев (реальных или вымышленных персов, китайцев, американских индейцев...) с тем, чтобы лучше подчеркнуть подлинный космополитизм. Таким образом, космополитизм попутно способствует зарождению этнографического взгляда на далекие и близкие народы (в 1782 г. в Гёттингене формулируется понятие *Volkskunde*).

Появление сатир, подобных сочинениям Фужере, говорило о том, что космополитичный образ жизни распространился также и на тех людей, которым попросту не хватало приключений или возможности ездить по миру. Иначе говоря, космополитизм стал еще и модной литературной темой. Многие космополиты Просвещения никогда не вставали из своих кресел: они "путешествовали" в воображаемом пространстве, переживали захватывающие приключения в стенах своих библиотек, а о столкновении культур и пороках национализма рассуждали в своей гостиной, в ближайшем клубе, кафе, академическом или литературном кружке. Появление специальных периодических изданий свидетельствовало о том, что космополитизм стал одним из основополагающих элементов зарождавшегося общественного сознания и объектом очень широкой дискуссии в образованных кругах. Так, например, в Германии в 1741-1742 гг. выходил листок Лампрехта "Гражданин мира"; а в Голландии с 1776 г. издавалась газета "Космополит, или Гражданин мира". К этому времени остро встал вопрос о соотношении космополитизма и политической ангажированности.

Споры о политической сущности универсальных ценностей вернули в обиход понятие "нация", превратившееся в "патриотизм". Противоречия между "космополитизмом" и "патриотизмом" прорывались еще у Руссо. Разочарованный в тенденциях общественного развития, он восклицал в "Эмиле" (1762): "Не поддавайтесь космополитам: их книги уносят нас в далекие края в поисках обязанностей, до которых они не снисходят у себя дома. Иной философ любит татар, чтобы быть избавленным от необходимости любить своих соседей". Абстрактности космополитического понятия "человеческий род" Руссо противопоставлял реальность "родины" - общности, управляемой всеобщей волей. Один из авторов "Энциклопедии", шевалье де Жокур, в статье "Патриотизм" корректировал эту мысль: "Наилучший род патриотизма - тот, при котором человек настолько проникается правами человеческого рода, что соблюдает их по отношению ко всем народам на земле" (т. VII, 1765).

От патриотизма до ксенофобии - один шаг. Многие делали этот шаг не задумываясь. И здесь двойную роль сыграла Французская революция: несмотря на ее универсалистские лозунги Европа сочла революцию взрывом обостренного национализма. На первых порах космополитизм был для нее эталоном всеобщего родства (революционеры активно использовали лексику "родственных отношений": "дети нации", "братство", "республики-сестры") и инструментом для распространения гражданских и религиозных идеалов ("космополитический культ" разума, "всеобщая мораль"). Поэтому на первый план так легко выдвигались иностранцы, сочетавшие политическую галлофилию с интеллектуальным универсализмом: Томас Пейн, Анахарсис Клоотс. Но вскоре идеалистический космополитизм вошел в противоречие с потребностями Первой Республики, нуждавшейся в более бескомпромиссных патриотах. Федеративные, а порой и центробежные устремления интернационалистов (не говоря уже об их утопических мечтах) натолкнулись на революционный унитаризм и тягу к централизации. В 1793-1794 гг. космополитизм был заклеямен, чему способствовала, в частности, латентная ксенофобия общества. Революция коренным образом изменила свое отношение к проблеме: отныне любое проявление космополитизма рассматривалось как предательство интересов нации. С этого момента космополитизм исчезает с политической сцены, уходя в романтизм Стендаля или в идеалистическую мистику Уильяма Блейка и Новалиса. В течение всего XIX столетия его прибежищем остается литература - до тех пор, покуда космополитизм не возродится вновь в универсалистских устремлениях больших общественных потрясений XX в.

Фрейхоф Виллем. Космополитизм // Мир Просвещения. Исторический словарь. М.: Памятники исторической мысли, 2003, с. 31-41.

Жак Аттали. На пороге нового тысячелетия.

ГЛАВА IV

КОЧЕВНИКИ

Человечество вступает в сверхиндустриальный век. Богатые, процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами. Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности, этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье. Новые предметы, которые я называю номадическими (кочевыми), так как все они - небольшого размера, изменят в будущем взаимоотношения во всем спектре современной жизни. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе.

Эти предметы, эмбриональные формы которых, типа портативного компьютера фирмы "Сони", сегодня можно встретить повсюду, помогут создать совершенно другого человека. Мужчины и женщины больше не будут обнаженными номадами периода первых примитивных обществ, построенных на порядке священства, странствующими от колодца к колодцу в поисках воды, чтобы не умереть от жажды. Не будут они и опасными гонимыми номадами тех времен, когда царил порядок, установленный силой. Нет, привилегированные жители как Европейской, так и Тихоокеанской сферы, а также богатейших примыкающих к ним провинций станут освобожденными, наделенными властью номадами, связанными между собой лишь желанием, воображением, алчностью и амбицией. Такая новая кочевая элита уже формируется, уже разрывает свои связи с родными местами - своим народом, своими ближними.

Люди всегда владели кочевыми предметами, этими основными инструментами, позволявшими человеку выжить. Камень и кремь - для разведения огня; амулеты - чтобы уберечься от злых духов и болезней; молотки и прочие инструменты - для строительства жилья; оружие, от копий до пистолетов, - для

защиты во время войны; монеты и аккредитивы - на предмет покупки и продажи товаров. И , это лишь несколько примеров. Эти ценные предметы часто служили определенным мерилom могущества их владельца. На протяжении всей истории три вида существовавших порядков, основанных на священстве, на силе и на деньгах, наделяли все эти предметы особым значением.

Сегодня, когда мы вступаем в девятую рыночную структуру, создаются новые кочевые предметы. Всевозможные виды услуг трансформируются в предметы, и их функции все больше и больше призваны обладать портативным, то есть кочевым, характером. Например, купцы всегда мечтали о легких предметах и товарах, которые можно было бы запросто носить с собой, избегая лишних затрат. Такие предметы, которые теперь выпускает промышленность, а завтра их будут изобретать все больше - становятся все менее громоздкими и тяжелыми. Они будут весьма мобильными, сосредоточат в себе определенный объем знаний, обеспечат связь, окажут тысячи видов услуг и тем самым вытеснят тех людей, которые сегодня занимаются такими услугами. Эти миниатюрные машины, некоторые из них толщиной в три человеческих волоса, как ожидают, окажут громадное воздействие на развитие промышленности в целом и обеспечение охраны здоровья человека в частности.

Номадические предметы будущего подскажут вам, как нужно устанавливать новые отношения с городом и семьей, как относиться к жизни и смерти. На самом деле они куда радикальнее изменят жизнь во втором тысячелетии, чем это удалось сделать автомобилю и телевидению в XX веке. Все эти новые товары не появятся целиком готовенькими из бредовых фантазий толпы или у гораздых на технические выдумки чудаков. Нет, они явятся благодаря соревновательному духу индустрии, которая всегда чутко следит за желаниями и потребностями человека, чтобы превратить их в изделия, приносящие хорошую прибыль. Создание этих новых, безудержно привлекательных с социальной точки зрения, экономически выгодных предметов уже до некоторой степени может быть технически осуществлено.

Чтобы описать зарю наступающего века, мне, вероятно, придется заниматься вычислениями, подобно астроному, который рассчитывает траекторию звезды, существование каковой хотя и предполагается, но точно все же не подтверждено, и для этого он изучает особенности передвижения и характеристики подобных звезд. Поступая как этот астроном, мы яснее пойдем динамические рыночные силы, которые принуждают нас к изобретению в будущем номадических предметов. Мы сами убедимся в том, до какой степени кризис, переживаемый восьмой рыночной структурой, уже сам по себе является основополагающим фактором их создания.

Начиная с XIII века все рыночные структуры отмирали главным образом в силу одной и той же при чины: когда центр (пусть это будет Антверпен, Амстердам или Лондон) стремился удержать в кулаке мировую экономику, он неизбежно старался закрыть брешь между растущей себестоимостью производимых товаров и услуг, сокращающимися прибылями, прибегая к новому займу, который он в состоянии выплатить только с помощью вновь созданных материальных ценностей. Большие долги всегда ведут к инфляции, банкротству и финансовому краху. С исторической точки зрения вслед за кризисом, вызванным таким займом, внедряются новые технологии, которые с гораздо большей эффективностью производят эти же товары, чем сокращают относительную себестоимость услуг, необходимых для поддержания рыночной структуры.

Это происходит тогда, когда различные отрасли бизнеса оказываются способными к внедрению новой технологии с целью производства услуг, прежде пребывавших вне рыночных рамок, тем самым трансформируя их в товары, которые можно производить в массовом порядке на стоимостно эффективной основе (т. е. основе, приносящей прибыль) для удовлетворения социального спроса. Такой кризис обычно завершается реконструкцией новой рыночной структуры, организованной вокруг другого географического центра и с помощью выпуска нового потребительского товара. Новая технология - вот двигатель, позволяющий создать новое состояние.

В середине 60-х годов нашего столетия себестоимость производства услуг двигалась по спирали вверх, когда экономика стремилась к удовлетворению растущего социального спроса со стороны в основном зажиточных потребителей. Рост цен в энергетике только усугубил проблему. Но он не стал ее главной причиной. Три вида услуг - образование, здравоохранение и обороноспособность - несли на себе

большую часть вины, так как все вместе они начали потреблять непропорционально высокую долю от общего национального продукта, производимого этими индустриально развитыми странами.

Бум, наступивший в 60-е годы в области высшего образования, особенно в США, частично объясняется беспокойством, охватившим американцев в связи с успешным запуском советского спутника Земли, и это привело к организации больших университетов с множеством различных филиалов, таких, например, как Калифорнийский. Такой шаг в значительной степени увеличил бюджетные ассигнования на нужды образования. В те же 60-е годы рождение системы здравоохранения "Медикэр" подтвердило право каждого американского гражданина на охрану здоровья, что привело к громадной напряженности федерального бюджета (американцы ежегодно тратят на нужды здравоохранения 600 миллиардов долларов). В то же время продолжали расти военные расходы, связанные с эскалацией "холодной войны", гонки вооружений и войной во Вьетнаме.

В условиях отсутствия ликвидности, которая могла бы поддержать покупательную способность населения, американский потребитель обратился к системе безналичного расчета - кредитным карточкам "виза" и "мастер кард", а в это время корпорации продолжали накапливать долги, расширяя производство без достаточного количества акций только ради того, чтобы не прогореть и остаться в бизнесе или же не допустить его перехода в чужие руки. К 1986 году результаты такой деятельности не замедлили сказаться. По словам ученого Гарвардского университета Бенджамина Фридмана, долг среднего американца достиг беспрецедентного уровня - 66 процентов его дохода, а долг корпораций равнялся 57% всех доходов, полученных от бизнеса.

Растущее беспокойство, связанное с невозможностью выплаты такого долга (такое же тяжелое положение наблюдалось в Японии и Европе), привело к финансовому хаосу в 80-е годы на главных мировых валютных рынках. Крах всей ссудно-кредитной системы в Соединенных Штатах в конце 80-х годов, как и ослабление активности других главных банковских учреждений, только нагляднее продемонстрировал исторически сложившийся стереотип. Как и в прошлом, рыночные структуры начинают спотыкаться и резко идти вниз, когда расходы, необходимые для поддержания мирового превосходства, превышают стоимость всех созданных в стране материальных ценностей. Рост объема предоставляемых услуг, которого ожидают и даже, более того, требуют привилегированные обитатели центра, наподобие тех, какими обеспечивались врачи и преподаватели в быстро растущих секторах образования и здравоохранения американской экономики, далеко обгоняет рост продуктивности в этих областях. Это резко контрастирует с производством товаров, где эффективность обычно растет по мере расширения производства и сокращения себестоимости за каждую произведенную единицу. Так, несмотря на все усилия сдерживать расходы на нужды здравоохранения в Соединенных Штатах, они все же за последнее десятилетие выросли с 8 до 10 процентов стоимости национального валового продукта, а расходы на образование за тот же период увеличились с 3 до 6 процентов. Отсюда можно извлечь следующий урок: с исторической точки зрения рост объема услуг всегда снижает общую прибыльность экономики и сокращает ресурсы, необходимые для капиталовложений в промышленность.

Обычным ответом богатых обществ на падение прибылей является стремление загнать потребителей в еще больший долг, что позволит им приобретать больше, чем прежде, товаров и сполна за них платить.

С помощью рекламы, особенно телевизионной, у потребителя пробуждают прежде недоступные ему мечты и желания. Теперь каждый автомобиль должен быть оснащен стереосистемой, каждая семья просто обязана обладать кассетным видеомэгафоном; каждый "плеер" должен теперь иметь компактный дисковый механизм; каждый стопроцентный американец, высшая категория статуса которого определяется царящей повсюду страстью к приобретательству, должен теперь обязательно иметь машину "BMW" стоимостью 40 тысяч долларов. Все жили только сегодняшним днем, никто не заботился о том, что завтра наступит другой. "Приобретайте сейчас, платите потом!" - таков был лозунг времени, и денежные сбережения растаяли.

Рост потребительского долга, в свою очередь, только усугубил кризис посредством производства и удержания на определенном уровне роста услуг для контроля за долгом и манипуляций

информацией в отношении кредита. Множились всевозможные банки, как и различные потребительские финансовые компании. Все больше людей находили работу в сфере услуг. Число рабочих мест росло, а здоровье экономики постоянно ухудшалось. Обострялся структурный кризис, а его окончательное решение все время откладывалось. Но экономическая наука учит, что только через трансформацию услуг, превращение их в массовую продукцию, производимую индустриальным методом, можно добиться получения прибылей и удержания их на определенном уровне.

Например, обратите внимание на величайшую новинку технологии XVI и XVII веков - скоростную плоскодонную голландскую лодку - изобретение, с которым было связано в те годы перемещение Амстердама в центр мировой экономики. Впервые разработанная около 1540 года, эта "летающая лодка" и ее создание обошлись значительно дешевле, чем другие суда подобного типа. Если верить авторитетной книге К.Г.Д. Хейли "Голландцы в XVII веке", то голландцы сумели совершить такой подвиг из-за своего "относительно широкого и стандартизированного производства с помощью рационализаторской технологии - подъемных кранов для погрузки тяжелых бревен и, что самое важное, лесопилок, приводимых в движение силой ветра". Для "летающей лодки" требовалась меньшая по численности команда, и она была значительно более экономичной в эксплуатации. Далее Хейли пишет: "Голландское судно водоизмещением в 200 тонн для своего обслуживания требует десять моряков, в то время как английское судно такого же размера должно иметь на борту до тридцати матросов. Если, кроме того, справедливо, что заработная плата на таких судах была ниже, а довольствие одного моряка обходилось дешевле, то в результате достигался двойной эффект, что позволяло голландцам устанавливать плату за фрахт в треть, а то и в половину того, что запрашивали за такие же услуги их британские конкуренты в XVII веке". В истории существует немало подобных примеров. Экономическое обновление становится возможным только с введением и массовым применением новых технологий, способных снизить стоимость социального спроса с помощью замены услуг продукцией.

Основой технологии будущего, которая дает возможность появиться на свет девятой рыночной структуре, является микросхема. Она уже проложила дорогу к индустриализации услуг в широком спектре областей - от автоответчика до определения медицинского диагноза. Микросхема - это крошечный квадратик кремния, на котором размещены миллионы и миллионы битов информации, причем ее можно "снять" со скоростью света. Сегодня до 16 миллионов цифр и букв можно перенести на одну такую схему; к концу столетия на ней уместится миллиард таких знаков. Так называемые суперкомпьютеры, основанные на технике, известной под названием массивной параллельной обработки, обладающие способностью осуществлять более триллиона математических операций в секунду, по словам "Нью-Йорк тайме", "помогут ученым и инженерам в таких областях, как проверка реакции организма на новое лекарство без привлечения для таких опытов живых людей; составление схем генетической структуры человека для лучшего понимания протекания наследственных болезней; выработка моделей различных климатических условий на Земле с целью изучения изменений, вызванных загрязнением воздуха; применение разговорного языка и речевых образов для усиления универсальности фабричных роботов". Будучи приспособленными к выполнению практических задач по снижению себестоимости как самого производства, так и трудоемких услуг, созданные на основе микросхем машины приведут к примечательному экономическому росту и получению громадных прибылей, тем самым обеспечивая значительные суммы для новых капиталовложений.

Микросхема - этот современный прототип "летающей лодки" или появившегося позже парового двигателя, который во много раз превзошел мощь живой тяги, - является главным источником роста производства во всем современном индустриальном мире. Роботы, оснащенные микропроцессорами, снизили себестоимость производства автомобилей. По словам Кеничи Омаэ, ведущего японского аналитика, специалиста по менеджменту и автора книги "Мир без границ", японские автомобильные компании используют труд более 600 тысяч рабочих для производства 12 миллионов автомашин ежегодно. Какой контраст по сравнению с Детройтом, где 2,5 миллиона рабочих производят такое же число автомобилей!

В XXI веке настоящий рост производства начнется тогда, когда сперва в средствах связи, а затем в здравоохранении и образовании услуги будут трансформированы в такие изделия, которые ввиду

того, что к ним перешли функции, прежде выполняемые людьми, можно более удачно назвать объектами. Объект, машина, инструмент, оборудование - здесь трудно подобрать слово, которое точно передавало бы смысл нового индустриального общества. Благодаря компьютеру все больше и больше объектов будущего приобретет способность двигаться, разговаривать, работать. Тогда они будут больше похожи на машины и инструменты. Если я не использую эти названия, то только потому, что они относятся к первоначальным технологиям, основанным на использовании энергии, а не на манипуляции информацией, которая является, вероятно, основной характерной чертой кочевого объекта будущего. В более общем смысле слово "объект" точнее соответствует природе этих предметов, которые остаются прежде всего изделиями, независимо от своего технического назначения.

Подобно объектам языческой античности, кочевые объекты будущего не будут инертными, они будут сосредоточивать в себе жизнь, разум, а также ценности тех, кто их создает и затем использует. Они в основном станут как бы продолжением наших органов чувств, функций нашего организма. Компьютеры, например, расширяют рамки мозговой деятельности человека и в будущем, вероятно, представят нам какой-то искусственный интеллект.

Новые компьютеризованные учебные пособия, которые, по сути дела, передадут в распоряжение, любого студента содержимое всех хранилищ Библиотеки конгресса США или Британского музея, будут в индивидуальной форме копировать образование, которое когда-то получали обычным, стандартным путем в школах. Транзистор - эта самая главная новинка - вначале сделал портативным радио (вот вам наглядный пример первоначального кочевого предмета), а затем сделал мобильным прослушивание музыки. Появившийся позже магнитофон, а затем мини-компьютер "Сони Уолкман" дали возможность потребителю - путешественнику, перемещающемуся в пространстве, - слушать музыку, когда он этого пожелает и где пожелает. Точно так же видеоманитофон позволяет ему путешествовать во времени. Подчиняясь программе, составленной кварцевыми часами, видеоманитофон может накапливать изобразительный ряд, который можно просмотреть позже. Он заменяет собой дорогостоящую услугу (телепередачу) частным предметом (кассетой). Компактный диск и видеодиск позволили нам увидеть, услышать и "сложить" в чрезвычайно маленьком пространстве звуки и образы, которые мы можем впоследствии продавать в многочисленных копиях, собирать для себя дома. Наконец, передача образов, различных форм и звуков получила еще большее развитие благодаря появлению синтезаторов, многоэкранных телевизоров и сканеров.

Совсем недавно личный компьютер - миниатюрный аппарат, осуществляющий счетные операции для нужд бизнеса, - заменил собой бесчисленные „услуги, которые прежде оказывались одними частными лицами - секретарями, исследователями, бухгалтерами - другим частным лицам. Он дает прямой доступ к игровым программам (досуг и развлечение), к всевозможным банкам данных (образование) или к составлению программ (например, по здравоохранению). Индивидуальный потребитель может воспользоваться этим замечательным предметом для решения задач или для получения услуг. Специально закодированные "карты памяти", такие как "карты" автоматических ответчиков, позволяют потребителю платить за услуги и накапливать информацию для служебного пользования. Он устанавливает новые взаимоотношения с деньгами и форсирует реорганизацию банковской системы.

Средства связи для современного кочевника-номада становятся все более простыми и удобными в обращении. Различного рода сообщения можно получать по телефону-ответчику, с которого можно даже с далекого расстояния считать информацию. Благодаря портативному телефону кочевник может продолжать общественную и частную жизнь, общаться с другими людьми и делать это независимо от своего местопребывания в данную минуту: ведет ли он автомобиль, гуляет ли по пляжу, летит ли в самолете. Теперь отпадают все ловкие отговорки, нет больше никаких священных уединений, человеку нигде нельзя спрятаться. Конечно, во всем таком технологическом развитии заложена известная ирония. Явно освобождая людей от их "привязки" к определенному месту, такие кочевые предметы в значительно большей степени, чем прежде, затрудняют возможность скрыться от постоянной работы. Когда-то считалось, что преодоление скудости общества, замена его избытком позволят людям сократить свое рабочее время и значительно усилить свой активный досуг. Но произошло как раз обратное. Человеку-

кочевнику придется трудиться постоянно, бесконечно, так как у него исчезнут представления о естественном делении суток на дневное и ночное время, как, в общем, и всякое понятие о времени. Факсимильная машина сокращает время на передачу изображений, чертежей, рукописей, писем и всевозможных посланий, доводя этот процесс до продолжительности обычного телефонного разговора. Впервые у человека не будет адреса. Чувство привязанности к тому месту, которое рождало все культуры в прошлом, превратится лишь в слабое, достойное сожаления воспоминание.

Кочевые предметы, вторгаясь в нашу жизнь, несут целую вселенную товаров, которые на первый взгляд находятся в полном беспорядке и не связаны друг с другом. Но на самом деле они объединены одним направляющим принципом: все они созданы для манипуляции информацией - образами, формами, звуками, причем делают это на громадных скоростях, трансформируют услуги, оказываемые вам другими людьми, в предметы, одновременно полезные и портативные, производимые в ходе индустриального процесса. Например, приготовление и доставка пищи являются той областью, в которой зависимые от времени услуги уже превратились в предметы массового производства. Замораживание позволяет осуществить длительное хранение пищевых продуктов. Микроволновые печи полностью изменили процесс приготовления пищи. Теперь, не занимаясь приготовлением пищи, можно купить упакованный и изготовленный в массовом порядке продукт и съесть его либо дома, либо на работе. Его теперь можно довести до полной готовности в несколько минут или даже секунд. Теперь человек может есть там, где захочет и где бы он ни находился: в автомобиле, самолете, в поезде, на пароходе или дома; теперь можно есть на ходу, не теряя напрасно времени. Быстро приготовленные блюда, готовые к употреблению, пользуются большим спросом.

Всего за несколько лет кочевые предметы широко распространились, изменив повседневную жизнь как тех, кто может себе позволить их иметь, так и тех, кто еще только мечтает об их приобретении. Их появление, однако, едва сказалось на экономическом функционировании восьмой рыночной структуры, так как все эти предметы оказали свое значительное влияние только на два жизненно важных сектора экономики - образование и здравоохранение.

Тем не менее эти кочевые предметы, побуждая потребителя пользоваться ими, а промышленность - их производить как в секторе связи, так и в пищевом, тем самым проложили путь к появлению подобных предметов повсюду.

Но разве можно изобрести такие предметы? Смогут ли они на самом деле заменить те услуги, которые нам предоставляет врач или учитель? Судя по всему, ответ должен быть негативным. Кажется просто невозможным исключение человека, отстранение его от самого акта исцеления или же от обучения других. Но такой процесс уже начался. Логика рынка влечет его вперед, и для этого процесса уже подготавливается необходимая почва. Повсюду в привилегированных регионах люди просто поклоняются культуре здоровья и хорошей сформированности. Стандарты красоты, которые когда-то так отличались друг от друга и были столь разными в том или другом обществе, теперь утрачивают свои четкие очертания и сводятся к одному однородному поблекшему идеалу. Любой человек стремится сохранить свое здоровье, продлить жизнь и поддерживать активную жизнедеятельность и физическую форму с помощью различных упражнений и соблюдения контроля за собственным весом. Рынок тех, кто постоянно стремится находиться в форме и обладать необходимой информацией, довольно обширен и приносит большие прибыли. Успех повсюду в мире спортивного режима, поддерживаемого Джейн Фондой, а также пастырские наставления Роберта Фульгума лишней раз свидетельствуют о громадной привлекательности таких идеалов. Постоянные призывы к соблюдению правильного режима питания, к отказу от дурной привычки курения, к борьбе с ожирением воспринимаются должным образом повсюду.

Граждане мира, обладающего большей мобильностью, если только они готовы воспользоваться его преимуществами, должны напряженно трудиться, чтобы сохранить свое право на автономию. Чтобы дожить до преклонного возраста, чтобы работа вас не утомляла, гражданин-потребитель должен закалять свое здоровье и заботиться о своем образовании. Успешное достижение карьеры зависит от получения определенного уровня образования и постоянного поддержания такого уровня. В области неквалифицированного труда нет будущего. Машины - вот новый пролетариат. Рабочий класс получает

свои "вольные". Кочевой человек понимает, что если он хочет поскорее получить рабочее место, то не должен слишком уповать на общество, чтобы сохранять свою физическую форму. Он должен видеть в себе собственного скульптора. Этим и объясняется небывалый рост различных клубов здоровья, широкий выпуск книг "Помоги себе сам" и ускоренных университетских курсов.

Культурным идеалом всех таких устремлений является либо кинозвезда, либо манекенщица. То, что началось на сцене популярной музыки и моды - "хит-парады" и модная одежда, теперь стало социальным феноменом, который приобрел поистине глобальные масштабы, отказываясь уважать классовые, этнические или национальные границы. Медленно, но верно, с известной долей соблазна определение желаемого постепенно слилось с понятием приемлемого. Вместе они сформировали могучий и опасный консенсус, отказываясь оттого, что считается ненормальным и уродливым. "Козел отпущения" теперь - это не тот человек, у которого просто нет денег, а тот, кто не находится в хорошей физической форме: упитанный, лишенный человеческих форм, ленивый, больной и невежественный индивид.

Важные номадические технологии в области здравоохранения и образования появятся в ответ на требование униформизма внешнего вида людей.

Социальная функция врачей и учителей заключается в удостоверении ими, что каждый человек отвечает тем стандартам, которые общество косвенным образом накладывает на своих членов. Такие предметы, которые призваны осуществлять контроль за внешним видом человека и его здоровьем, же существуют. Некоторые из них используются в частном порядке и изобретены давно, такие как зеркало, которое отражает вашу красоту, или весы, которые указывают на ваш вес, термометр, который измеряет температуру вашего тела. В число кочевых предметов недавнего происхождения можно включить самопроверку на уровень принятого алкоголя, содержание жира в организме и даже тесты, определяющие беременность. Прочие используются в работе только профессионалами, например электрокардиографы или тонометры. Но развивающаяся технология все в большей мере лишает врача-профессионала смысла его существования.

Самодиагностические предметы будут все время усложняться. В них будут применяться микропроцессоры для измерения какого-то параметра, после чего показатели будут сравнены с нормой и объявлен результат обследования. В течение определенного времени в будущем использование таких новых аппаратов останется привилегией врачей. Но они будут упрощены, станут миниатюрными, будут производиться по очень низкой себестоимости и практически окажутся доступными для всех потребителей, несмотря на стойкое сопротивление со стороны медиков-профессионалов, с которыми они смогут успешно конкурировать. В один прекрасный день у нас на запястье появится инструмент, который постоянно будет отмечать частоту сердцебиения, состояние артериального давления и уровень холестерина в крови.

И однажды даже лечение от рака вплоть до проведения операций может быть поставлено на "самообслуживание". Исполнительный вице-президент исследовательского отдела компании "Тойота" Исеми Игараси занимается разработкой микроскопической капсулы, которую предполагается вводить в кровеносную систему человека и таким образом доставлять к пораженному раковым заболеванием месту в организме. Исследователи уже совершенствуют крошечный биомедицинский сенсор, измеряющий поток крови пациента. В будущем микроаппаратов скрыто столько надежд, что в августе 1990 года японский министр промышленности и торговли назвал такие устройства следующей индустриальной задачей для всей нации. Заместитель директора отдела машиностроения этого министерства Кенцо Инагаки считает, что в будущем "мы сможем проводить операции дома, экономя тем самым на проведении операции в больничных условиях и на самой госпитализации".

Желание добиться полного контроля над собой, оснастить себя системой раннего оповещения, способной "засечь" возникновение заболевания или начало ухудшения физического состояния, постоянное углубление знакомства с экранами "дисплеев" и компьютерными изображениями, растущее опасение медицинских учреждений вместе с растущей верой в технологическое превосходство (даже непогрешимость) кочевых предметов - все это откроет обширные рынки для сбыта таких приспособлений. Врачи-практики, которые в результате лишатся какой-то доли своих традиционных функций, тем не менее сумеют найти новую роль в лечении заболеваний, которые, если бы не кочевые предметы, так и прошли бы

незамеченными. Они также смогут оказывать помощь в производстве таких медицинских "самонаблюдательных" аппаратов и при их использовании пациентами.

Самодиагностические устройства окажут помощь и в области образования. Уже сейчас различные компьютерные тесты и образовательные игры готовят широкую публику к такой вероятности в будущем. Как и бинарные игры, требующие лишь двух ответов - "да" или "нет", эти игры можно легко заложить в память компьютера, тем самым давая возможность даже детям использовать персональный компьютер для углубления своих знаний. Существующие программы позволяют теперь каждому студенту проверить, что он или она усвоили, и готовиться к экзаменам в домашней обстановке по многим предметам и на различном уровне. Кочевые предметы такого же разряда, но значительно более сложные позволят детям самостоятельно приобрести те знания, которые сегодня предоставляются целым сонмом школ и учителей. Различие между игрой и учебой начнет стираться - со - временная педагогика уже сегодня готовится к приходу такого дня.

Учиться - значит жить по доверенности, путешествовать с помощью образов. Кочевой человек будет учиться в любом возрасте, глядя на экран и рассматривая те образы, которыми он сам будет манипулировать, подчиняясь необходимости получения информации, стремлению быть в курсе всего того, что происходит в мире, в этой эфемерной череде трагедий и комедий. На видеодисках будут записаны целые словари. Завтра дети будут прислушиваться к учителю-компьютеру точно так же, как они сегодня используют калькулятор, не уча наизусть таблицу умножения. "Камкордер" станет куда более сложной машиной. Сегодня - это инструмент досуга, завтра он станет инструментом для постоянной записи информации. Он станет инструментом для ее восстановления при присоединении к персональному компьютеру. В таких портативных видеокomпьютерах будут храниться целые библиотеки. Кочевой человек сможет находить все, что ему нужно.

Все эти предметы используют магнитную или оптическую память, объем которой может достичь нескольких тысяч миллиардов знаков. В будущем они окажутся для нас столь же необходимыми, как сегодняшняя копировальная машина или телефакс, без которых мы, право, не знаем, как выжить в нашем мире. Такие предметы будут поддерживать экономический рост на протяжении длительного периода в будущем. Поскольку они наделят нас таким могуществом, которым мы не обладали никогда прежде, с помощью этих портативных инструментов мы сможем свободно выбирать место для жизни, оставаться в контакте друг с другом, покинув свои фабрики и здания контор прошлого.

Я выбрал слово "номад" вполне намеренно. Это понятие, по моему мнению, не только отлично характеризует будущие предметы, но это еще и ключевой термин для обозначения культуры потребления и определения стиля жизни в будущем тысячелетии. Например, развлечение и досуг будут посвящены идеалу путешествий; уже сейчас телевидение позволяет нам путешествовать во времени и пространстве, в реальном и придуманном мирах. Более того, мы можем это делать, не покидая своего уютного кресла: Таким образом, мы можем принимать участие в кочевой жизни через посредство телевизора, переключая один канал за другим. Живя жизнью, открывающейся через электронные образы, мы в полной безопасности путешествуем по миру вместе с другими и набираемся жизненного опыта. Таким образом, телевизионная программа - это особенно прибыльный товар, и на него еще долгое время будет существовать большой спрос.

В то же время желание на самом деле совершить путешествие приведет к беспрецедентному развитию туризма. Туризм - эта важнейшая область экономического развития - потребует постоянного расширения сети отелей и системы транспорта, морских и воздушных портов, железнодорожных линий и шоссейных дорог в Тихоокеанской и Европейской сферах как и в живописной, хотя и опасной, периферии. Все эти удобства создадут для путешественника такой же комфорт, которым он пользуется у себя дома. В то время как телезрители совершают путешествия, оставаясь на месте, настоящие туристы, совершая путешествия, будут постоянно окружены необходимыми предметами, которые были у них в доме.

Те, кому окажутся недоступными такие кочевые объекты и мечты о настоящих путешествиях, будут совершать путешествия с помощью отработанных образов поездок, совершаемых по миру другими людьми, или же - что значительно хуже - употреблять различного рода стимуляторы, особенно наркотики и

алкоголь. Необходимо признать, что индустриальная экспансия основывается на пропаганде таких ценностей (культура выбора), которая приводит к их использованию. Наркотики - это кочевая субстанция для побежденных грядущего тысячелетия, отрешенных и отверженных. Они дают возможность для внутренней миграции, становятся чем-то вроде побега из того мира, который ничего им не предлагает. Это, конечно, извращение.

Автомобили, самолеты, поезда и суда (средства транспорта, которые прежде всего сделали возможной кочевую жизнь) станут привилегированными местами накопления кочевых предметов второго и третьего поколений (телефоны, факсимильные машины, телевидение, видеодисковые плееры, компьютеры, микроволновые печи). Так как такие предметы являются искусственными изделиями, которые призваны сделать путешествие менее затруднительным для человека, они будут разговаривать и работать так, словно это живые существа. Они будут использовать разнообразные виды энергии - солнечную, ядерную, водородную. Номады станут рассматривать их так, как цыгане взирают на желанные кибитки.

Ручные часы превратятся в самый совершенный кочевой предмет, в главный символ престижа и полезности, самую главную необходимость. Уже сейчас у них появилось множество других функций, кроме определения времени: они могут содержать в себе ряд телефонных номеров, адресов, даже калькулятор. Они могут определять влажность и температуру атмосферы. Они могут иметь электронный календарь, а также накапливать бесчисленные биты информации, различные документы, перечень пред почтении культурного характера. Они могут служить связующим звеном с внешним миром, напоминать о приеме того или иного лекарства. Они также желанный атрибут наряда кочевника; искусное изделие, украшение, сокровище кочевого человека. В один прекрасный день, когда будет закодирован звук, они будут подчиняться вашим командам, подаваемым голосом.

Телефонный аппарат скоро будет доведен до размеров визитной карточки, которую можно будет вставлять в крошечное портативное устройство. Подключив его через радио к сложным электронным сетям, человек получит возможность связаться с тем, с кем хочет, не раскрывая при этом места своего пребывания. Чтобы идентифицировать номада следующего тысячелетия, достаточно назвать либо его число, либо имя. Одного этого будет достаточно, чтобы поговорить с ним или написать ему. В свою очередь, факсимильный аппарат тоже скоро достигнет размеров визитной карточки, его можно будет поместить в любое устройство, получать всю почту на свое имя, не предоставляя предварительно никому ни своего адреса, ни своего места нахождения. "Памятная" визитка станет главным искусственным приспособлением. Она одновременно будет служить удостоверением личности, чековой книжкой и телефонным аппаратом и "факсом", то есть фактически превратится в паспорт кочевника будущего. Это будет что-то вроде искусственного "самого себя".

Для его использования потребуется лишь подключить это устройство в глобальные электронные сети информации и торговли - эти оазисы новых номадов. Эти электронные сети будут отличаться полной доступностью, однородностью и напоминать интегрированную схему сегодняшнего автоматического банка, чьими услугами мы пользуемся, лишь вводя в его щель наши банковские карточки. Такие сети будущего будут расположены в банках, магазинах, во всех общественных местах (по крайней мере, в большинстве состоятельных районов метрополии). И скоро команда будет подаваться обычным голосом.

Номады среднего уровня будут пребывать в неприметных местах, таких как отели, которые сегодня окружают все аэропорты в мире. Только самые состоятельные кочевники будут располагать средствами, чтобы стать владельцами собственности в больших городах, которые будут магнитными полюсами для их собратьев во всех областях и регионах мира. Города-эти опасные места, это сердце электронных сетей с запутанной начинкой, это пересеченное кабелями поле грез - будут значительно укреплены.

Кочевые предметы самоконтроля позволят человеку перевести свое поклонение на алтарь Нарцисса. Любой потребительский предмет предстанет перед кочевником, словно амулет, явившийся из древности, призванный продлить жизнь и отвести смерть. Точно так, как зеркало бесполезно без косметики, а самодиагностика - без инструментов для определения состояния своего организма, так и кочевые

предметы завтрашнего дня будут необходимы человеку-кочевнику, чтобы добиться своего внешнего совершенства. Произведенные в массовом порядке индустриальные изделия позволят любому человеку вернуться к прежнему, "нормальному" состоянию, если только им удастся определить его отход от здорового, социально одобренного стандарта. Таких примеров вокруг немало: медицинские препараты, которые вызывают потерю лишнего веса; имплантаторы, восстанавливающие красоту; парики, прикрывающие облысение; презервативы и таблетки, которые препятствуют беременности; специальный шагомер, регулирующий ритм работы сердца.

Значительный скачок в будущее произойдет после того, как нам удастся подключать микропроцессоры к различным органам тела, чтобы постоянно следить за возможными отклонениями от норм и немедленно восстанавливать нужное равновесие. Уже сейчас можно автоматически вводить в организм инсулин при диабете; скоро детям таким же образом будут вводиться витамины. Такие микропроцессоры должны создаваться вначале из толерантных для человека материалов, но потом могут быть заменены биоматериалами. Они будут вводить в организм лекарства через определенные интервалы времени.

Приспособления для частичного протезирования, копии тех органов, которые они призваны восстановить или заменить, внесут революцию в лечение различных заболеваний. На протяжении многих лет промышленность изготавливала и продавала искусственные суставы, пальцы, линзы, кости, сердечные клапаны, ноги, зубы, а также аппараты для искусственной речи и передвижения человека. Завтра мы начнем производить искусственные легкие, почки, желудки и сердца. Возможно, когда-то и печень. Можно ли вообразить себе невообразимое? Что даже мозг человека можно создать в искусственных условиях? Во всяком случае, генные инженеры разрабатывают такие методы, которые позволят организму человека получать необходимую стимуляцию либо для своего восстановления, либо для своей защиты с помощью генной терапии, через имплантацию генетически измененных клеток. В число современных терапевтических средств входит выращенный в человеке гормон, применяемый в борьбе с малорослостью.

Можно предположить, что в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет. Со вставленными в него искусственными органами он станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар. Фантастика? Простая экстраполяция проявляющихся ныне тенденций? Ну что ж, давайте проанализируем конкретнее такую возможность.

Живые предметы продавались и покупались довольно длительное время. Животные и растения - не только предметы рынка. Очень скоро все особи животных и растений могут стать запатентованными. Их можно будет производить и продавать, как любой прочий товар. Критический порог был преодолен в тот момент, когда производитель был признан легальным владельцем живых особей. Требования диеты уже привели к выведению определенных пород скота и искусственным процессам выращивания растений. Для того чтобы получить прибыль от таких исследований, промышленность потребовала право защиты своих продуктов с помощью патентования. Недавно в силу тех же причин патенты были выданы на производство одноклеточных организмов, а потом и многоклеточных.

Отдавая себе отчет в том, что сам человек - это определенный сложный организм, мы не можем исключать в будущем и такую перспективу, что некоторые дельцы захотят запатентовать и человека. Человечество уже сделало первый шаг на этом пути, ведущему к кошмару. Сегодня многие люди хотят обладать правом решать свою судьбу и иметь только одного ребенка. Искусственное осеменение, или витрофертилизация, которая вначале была освоена с целью оказания помощи бесплодным родителям, одновременно позволяет зачинать детей без использования живого самца. Вполне можно вообразить себе ситуацию, когда в скором времени женщина будет накапливать свои яйцеклетки, чтобы в результате иметь детей в более поздний, выбранный по ее желанию период с помощью спермы известного ей или вовсе не известного донора. Она сможет выбирать по собственному вкусу пол своего ребенка, что нарушит одно из главных статистических равновесий в истории человечества.

Можно также вообразить себе такое время, когда родители начнут выбирать физические характеристики своих детей. Вначале, разумеется, люди будут стараться избегать иметь таких детей,

которые подвержены риску наследственных заболеваний или же физических изъянов. И кто же сможет запретить им это? Врачи попытаются измерить степень такого риска с помощью анализа генов. Сегодня уже возможно определить генетические основы кистозного фиброза и синдрома Дауна. Для определения таких изъянов предпринимаются попытки нанести на карту и декодировать более ста тысяч генов, которые существуют у человека. Если такие исследования увенчаются успехом, то они могут привести к появлению некоей карточки генетической индивидуальности каждого человека. Это серьезный вызов со стороны науки, один из самых дерзких, которые когда-либо в прошлом наблюдались в области медицины. Но кто может всему этому противостоять?

Как всегда, опасная тропа проходит по скользкому склону. Вначале мы начнем манипулировать генами, чтобы снизить возможный риск. Затем мы пойдем по пути прогресса от лечения патологических случаев к модифицированию нормального случая. Появление карточки индивидуальности человека позволит нам в момент оплодотворения вначале избежать зарождения такого эмбриона, который может пострадать от ошибки, допущенной в его генетической программе. Затем мы захотим исправить генетические ошибки. Наконец, мы попытаемся зачать в самом начале "нормальный" эмбрион.

Можно представить себе, что в далеком будущем человек научится создавать серию той модели, которую он сам определил. В таком случае он будет испытывать сильный соблазн продавать и покупать своих собственных двойников, "копии" любимых людей или же специально подготовленных мечтателей и фантазеров, гибриды, созданные на основе подаренных особенных свойств, выбранных с вполне определенными целями. Уже сегодня продаются и покупаются зародыши человека, а здоровая печень умершего перепродается живому. И когда-то каждый из нас будет вынужден сделать инвентарный перечень всех частей своего организма, организма других людей, заняться поисками необходимого "материала" на специальных складах живых органов, потреблять других людей, как и прочие предметы, и странствовать в чужих организмах и мозгах.

В результате возникнет что-то вроде номадического безумия. Человек начнет создавать себя сам так, как он создает товары. Различие между культурой и варварством, между жизнью и смертью исчезнет. Где же мы найдем смерть? В разрушении последнего собственного клона или же в забвении? И сможем ли мы еще поговорить о жизни, когда о человеке будут думать только как о продукте или о предмете?

Все это ознаменует собой очень важный поворотный пункт в истории.

Культура выбора, соединенная с логикой рынка, выделит для человека средства достижения беспрецедентной степени личной автономии. Владение кочевыми предметами (или доступ к ним) будет повсюду рассматриваться как признак свободы и могущества. Ибо как когда-то язычник набирался сил от потребления тех предметов, которые, как он считал, содержат в себе жизненный дух, так и человек грядущего тысячелетия позволит потреблять себя кусок за куском в рыночном смысле этого слова. Таким образом, он приобщится к тому, что в конечном счете восходит к культуре индустриального каннибализма.

Аттали Ж. На пороге третьего тысячелетия.

Международные отношения, М. 1993. Гл. 4.

Джон Перкинс. Исповедь экономического убийцы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Экономические убийцы (ЭУ) - это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих «помощь» зарубежных

организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка при выборах, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую как мир игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ.

Я написал эти слова в 1982 году. Так начиналась книга с рабочим названием «Совесть экономического убийцы». В книге рассказывалось о президентах двух стран, моих клиентах, людях, которых я уважал и считал родственными душами: Хайме Ролдосе, президенте Эквадора, и Омаре Торрихосе, президенте Панамы. Незадолго до написания книги оба погибли в ужасных авариях. Их смерть не была случайностью. Их устранили, потому что они выступили против братства глав корпораций, правительств и банков, цель которого - создание глобальной империи. Нам, ЭУ, не удалось вовлечь Ролдоса и Торрихоса в эту компанию, и в игру вступили убийцы другого рода - направленные ЦРУ шакалы, которые всегда подстраховывали наши действия.

Тогда меня отговорили писать эту книгу. В течение последующих двадцати лет я четыре раза брался за нее снова. Каждый раз к этому меня подталкивало какое-нибудь событие в мире: вторжение США в Панаму в 1989 году, первая война в Заливе, события в Сомали, появление Усамы бен-Ладена. Но всякий раз угрозами или взятками меня убеждали остановиться.

В 2003 году президент крупного издательства, которым владеет влиятельная международная корпорация, прочитал черновик того, что впоследствии превратилось в книгу «Исповедь экономического убийцы». По его словам, это была «захватывающая история, которую следует рассказать». Затем, печально улынувшись и покачав головой, он сообщил мне, что не возьмет на себя смелость опубликовать эту книгу, поскольку его начальству в международной штаб-квартире это может не понравиться. Он посоветовал написать на основе книги художественное произведение. «Мы могли бы продавать твои книги, если бы ты выступил как романист - подобно Джону Ле Карре или Грэму Грину».

Но эта книга - не художественное произведение. Это реальная история моей жизни. Более смелый издатель, чье издательство не принадлежит международной корпорации, согласился помочь мне рассказать ее.

Эта история должна быть рассказана. Мы живем во времена ужасного кризиса - и невероятных возможностей. История этого конкретного экономического убийцы - это история о том, как мы оказались там, где мы есть сейчас, и почему мы столкнулись с кризисом, который кажется нам непреодолимым. Эта история должна быть рассказана, потому что, только осознав ошибки, совершенные в прошлом, мы сможем использовать во благо возможности, открывающиеся нам в будущем; потому что произошли события 11 сентября, потому что началась вторая война в Ираке, потому что помимо трех тысяч людей, погибших от руки террористов 11 сентября 2001 года, еще двадцать четыре тысячи умерли от голода. Фактически, двадцать четыре тысячи людей гибнет каждый день оттого, что они не имеют достаточно еды для поддержания жизненных сил. Но самое главное - эта история должна быть рассказана, потому что впервые за всю историю одно государство имеет возможности, средства и власть, достаточные для изменения всего этого. Это государство, в котором я родился и которому служил в качестве ЭУ: Соединенные Штаты Америки.

И все-таки что же заставило меня забыть про взятки и угрозы?

Короткий вариант ответа состоит в следующем. Моя единственная дочь, Джессика, закончив колледж, вступила в самостоятельную жизнь. Когда не так давно я сообщил ей, что собираюсь написать эту книгу, и поделился своими опасениями, она сказала: «Не волнуйся, папа. Если до тебя доберутся, я продолжу с того места, где ты остановишься. Мы должны сделать это для внуков, которых я надеюсь когда-нибудь тебе подарить». Это короткий ответ на вопрос.

Более длинный вариант ответа связан с преданностью стране, в которой я вырос; с любовью к идеалам, сформулированным отцами-основателями нашего государства; с моими обязательствами по отношению к Америке, которая сегодня обещает «жизнь, свободу и возможность счастья» для всех людей и

езде; с моим решением после 11 сентября не сидеть сложа руки, наблюдая, как ЭУ превращают республику в глобальную империю. Это скелет длинного ответа; его кровь и плоть читатель найдет в нижеследующих главах.

Это реальная история. Я прожил каждую ее минуту. Все описанные мною суждения, разговоры и чувства были частью моей жизни. Это рассказ обо мне, и все же он существует в контексте глобальных событий, которые повлияли на нашу историю, привели нас туда, где мы сегодня находимся, и заложили основы будущего наших детей. Я старался максимально точно отразить все события, описать действующих лиц и передать разговоры. Рассуждая об исторических событиях или воссоздавая диалоги, я пользуюсь несколькими источниками: уже опубликованными документами; своими записями; воспоминаниями - как собственными, так и других участников; пятью начатыми мною ранее рукописями; историческими отчетами других авторов, особенно опубликованными недавно, содержащими ранее засекреченную или закрытую по тем или иным соображениям информацию. Система ссылок позволяет заинтересовавшимся читателям более подробно разобраться в том или ином вопросе.

Мой издатель спросил, действительно ли мы называли друг друга экономическими убийцами. Я заверил, что так оно и было, хотя преимущественно использовалась аббревиатура. В 1971 году, когда я начал работать со своим преподавателем Клодин, она сообщила мне: «Моя задача - сделать из вас «экономического убийцу». Никто не должен знать о вашей работе, даже жена». Потом она стала серьезной: «Если вы принимаете решение этим заниматься, вы будете заниматься этим всю жизнь». Впоследствии она редко употребляла словосочетание «экономический убийца», мы стали просто «ЭУ».

Роль Клодин - это прекрасный пример манипулирования, лежащего в основе того бизнеса, частицей которого я стал. Красивая, умная, она всегда знала и добивалась, чего хотела; она находила мои слабые точки и использовала их с максимальной пользой для себя. Сам характер ее обязанностей и то, как она их исполняла, наглядно показывают, какие изощренные люди стояли за этой системой.

Клодин не стеснялась в выражениях, описывая то, что мне придется делать. Моя работа, говорила она, будет заключаться в «подталкивании лидеров разных стран мира к тому, чтобы они становились частью широкой сети по продвижению коммерческих интересов Соединенных Штатов. В конце концов эти лидеры оказываются в долговой ловушке, которая и обеспечивает их лояльность. Когда нам будет это необходимо, мы сможем использовать их для удовлетворения наших политических, экономических или военных нужд. В свою очередь, они укрепляют свое политическое положение, поскольку дают своим народам технопарки, электростанции, аэропорты. А тем временем владельцы инженерных и строительных компаний США становятся сказочно богатыми».

Сегодня мы видим, что результаты этой системы вышли из-под контроля. Руководители наших самых уважаемых корпораций нанимают людей на мизерные зарплаты для работы в нечеловеческих условиях на производствах где-нибудь в Азии. Нефтяные компании бездумно сливают отраву в протекающие через ливневые леса реки, по сути осознанно убивая людей, животных и растения, совершая геноцид в отношении древнейших культур. Фармацевтические предприятия лишают миллионы ВИЧ-инфицированных африканцев доступа к необходимым для выживания лекарствам. Двенадцать миллионов семей в наших родных Соединенных Штатах не знают, будет ли у них завтра еда. Энергетическая промышленность породила «Энрон». Финансовая индустрия дала нам «Андерсен». Соотношение доли душевого дохода 1/5 населения мира в наиболее развитых странах к доле 1/5 в беднейших странах взмыло от 30 к 1 в 1960 году до 74 к 1 в 1995 году. США тратят более 87 миллиардов долларов на войну в Ираке, тогда как, согласно подсчетам ООН, меньше чем половины этой суммы достаточно, чтобы обеспечить чистой водой, питанием, медицинской помощью и базовым образованием всех и каждого на планете.

И после этого мы удивляемся, почему на нас нападают террористы?

Кое-кто может сказать, что причина проблем - тщательно организованный заговор. Ах, если бы все было так просто! Заговорщиков можно было бы выявить и предать суду. Нынешняя система зиждется, однако, на вещах более опасных, чем заговор. Ею правит не умысел малочисленной кучки людей, а непререкаемая, как Евангелие, вера в то, что экономический рост несет благо всему человечеству и что чем

выше этот рост, тем больше выигрывают все люди. Из этого кредо вытекает следующее: тот, кто высекает благословенную искру экономического роста, должен быть возвышен и вознагражден; стоящий же в стороне подлежит эксплуатации.

Конечно, эта концепция неверна. Мы знаем, что во многих странах экономический рост приносит пользу только небольшой части населения, при этом часто ставя большинство в чрезвычайно тяжелое положение. Такая ситуация подкрепляется проистекающим отсюда общепринятым мнением, что промышленные магнаты, управляющие этой системой, должны обладать особым статусом. Это мнение лежит в основе многих из наших нынешних бед, и, возможно, именно оно стало одной из причин такого распространения теории заговора. Когда в людях поощряется жадность, жадность становится главным мотиватором разложения. Когда мы оправдываем безоглядное пожирание ресурсов планеты; когда учим наших детей подражать людям, ведущим неуравновешенный образ жизни; когда считаем, что большие группы населения земного шара подчинены элитарному меньшинству, - мы сами напрашиваемся на неприятности. И получаем их.

В своем стремлении к глобальной империи корпорации, банки и правительства (совокупно называемые «корпоратократией») используют свою финансовую и политическую мускулатуру для того, чтобы наши школы, фирмы и средства массовой информации исповедовали то же кредо со всеми вытекающими выводами и логическими продолжениями. Они уже подвели нас к точке, когда вся наша мировая культура превратилась в чудовищную машину, непрестанно пожирающую все большее количество топлива и нуждающуюся во все усложняющемся обслуживании. В конце концов она истребит все вокруг и, не имея другого выбора, начнет пожирать самое себя.

Корпоратократия - это не заговор, однако основные действующие лица в обоих случаях исповедуют единые ценности и связаны общими целями. Одна из наиболее важных функций корпоратократии - сохраняя, постоянно расширять и укреплять систему. Жизнь тех, кому она «удалась», их реквизит - дома, яхты, частные самолеты - преподносятся нам как образцы для подражания, чтобы вдохновить нас всех на потребление, потребление и потребление. Используется любая возможность, чтобы убедить нас в том, что покупать вещи - это наш гражданский долг, что разграбление природных богатств полезно для экономики и, следовательно, служит нашим высшим интересам. Такие люди, как я, получают возмутительно высокие зарплаты за то, что выполняют приказы системы. Если мы ошибаемся, в дело вступают наши страшные двойники, шакалы. А если и шакал ошибается, тогда за работу берутся военные.

Эта книга - исповедь человека, который, будучи ЭУ, имел относительно немного коллег. Сейчас таких людей стало больше. Названия их должностей ласкают слух. Они ходят по коридорам «Монсанто», «Дженерал электрик», «Найк», «Дженерал моторе», «Уол-Март» и многих других крупнейших в мире корпораций. На самом деле «Исповедь экономического убийцы» - книга не только обо мне, но и о них.

Эта книга и о тебе, читатель, о твоём и моём мире, о первой поистине глобальной империи. История подсказывает, что, если мы не изменим ход повествования, оно закончится трагически. Империи не живут вечно. У всех империй был трагический конец. Стремясь к расширению своих владений, они уничтожают многие культуры, а потом сами приходят в упадок. Ни одна страна или союз нескольких стран не могут бесконечно процветать за счет эксплуатации других.

Эта книга была написана для того, чтобы мы задумались и изменили нашу жизнь. Я уверен, что, когда достаточно людей осознает, как нас эксплуатирует экономический механизм, возбуждающий неутолимую потребность в природных ресурсах, и в результате создает системы, возвращающие рабство, мы больше не сможем терпеть это. Тогда мы пересмотрим нашу роль в этом мире, где единицы купаются в роскоши, а большинство задыхается в нищете, грязи и насилии. Тогда мы посвятим себя поискам пути к состраданию, демократии и социальной справедливости для всех.

Осознание проблемы есть первый шаг к ее решению. Признание греха есть путь к его искуплению. И пусть эта книга станет началом нашего спасения. Пусть она поднимет нас на новые ступени сознательности и поможет воплощению мечты о гармоничном и достойном уважении обществе.

Глава 29. Я БЕРУ ВЗЯТКУ

В тот период моей жизни я пришел к пониманию, что мы вступили в новую эру экономики. То, чему положил начало Роберт Макнамара - человек, служивший мне примером, - в свою бытность секретарем по вопросам обороны и президентом Всемирного банка, обострилось свыше моих самых мрачных опасений. Подход Макнамары к экономике, основанный на кейнсианском учении, его пропаганда агрессивного руководства стала широко распространяться. Понятие ЭУ было расширено и стало включать все типы руководителей в самых разнообразных сферах. Возможно, их не всегда отбирало и проверяло УНБ, но они выполняли сходные функции.

Теперь единственное различие заключалось в том, что у корпоративных руководителей - ЭУ не всегда была необходимость использовать средства международного банковского сообщества. В то время как старая, то есть моя ветка продолжала разрастаться, молодая поросль на ней становилась все более ядовитой. Молодые мужчины и женщины, выросшие из среднего руководящего звена в 1980-х годах в твердой уверенности, что цель оправдывает средства. Глобальная империя представляла собой просто путь к повышению прибылей.

В той сфере, где я работал, появились новые тенденции. "Акт о предприятиях коммунальной сферы" (PURPA) был принят конгрессом в 1978 году, прошел через несколько юридических инстанций и в конце концов стал законом в 1982 году. Конгресс первоначально предполагал, что закон будет поощрять небольшие независимые компании, как моя, в их разработке альтернативного топлива и других новаторских подходов в производстве электроэнергии. Этот закон обязывал крупные электрические компании покупать энергию, произведенную маленькими компаниями, по разумным ценам. Такая политика была результатом стремления Картера снизить зависимость США от нефти -любой нефти, не только импортируемой. Изначально закон принимался для того, чтобы поощрить разработку альтернативных источников энергии и одновременно развитие независимых компаний, которые отражали предпринимательский дух Америки. Однако на деле все обернулось иначе.

В 1980-х и начале 1990-х упор стали делать не на предпринимательство, а на дерегулирование. Я наблюдал, как большая часть других мелких независимых компаний проглатывается большими инженерными и строительными фирмами и самими предприятиями коммунального хозяйства. Последние нашли лазейку в законе, позволявшую им создавать холдинговые компании, которые могли владеть и регулируемыми государством коммунальными предприятиями, и нерегулируемыми независимыми корпорациями - производителями энергии. Многие из них развернули агрессивные программы, направленные на приведение независимых фирм к банкротству для последующей их покупки. Другие просто создали свои аналоги независимых компаний с нуля. Идея уменьшения нашей зависимости от нефти умерла сама собой. Рейган был в глубоком долгу у нефтяных компаний; Буш сделал себе состояние на нефти. Большинство ключевых игроков и членов кабинета в обеих администрациях либо участвовали в нефтяном бизнесе, либо в строительных и инженерных компаниях, тесно связанных с этим бизнесом. Да и в конечном итоге нефть и строительство не были делом только одной партии: с ними работали и от них получали деньги и многие демократы. "Ай-пи-эс" продолжала выступать за энергию, безопасную для окружающей среды. Мы были привержены целям PURPA, и жизнь наша складывалась неплохо. Мы были одной из немногих независимых компаний, которые не только выжили, но и процветали. Я не сомневаюсь, что основной причиной тому была моя прошлая служба корпоратократии.

То, что происходило в энергетике, отражало тенденцию, захлестнувшую весь мир. Забота о социальном благополучии, об окружающей среде и других аспектах качества жизни уступила место жадности. Особое значение придавалось развитию частных фирм. Поначалу это обосновывалось теоретически; в частности, тем, что капитализм превосходит социализм и должен победить его. Однако потом выяснилось, что в таком обосновании нет нужды. Просто было принято априори, что, если проект финансируется состоятельными частными инвесторами, он изначально лучше, чем тот, который финансируется правительством. Международные организации, такие, как Всемирный банк, немедленно стали сторонниками таких взглядов и начали выступать за прекращение госрегулирования и приватизацию

систем водоснабжения, канализации и водоочистки, коммуникации и связи, энергетических систем и других, ранее находившихся в ведении правительства.

В результате стало возможным распространить концепцию ЭУ в более широкие сообщества, посылать сотрудников из разнообразных фирм для выполнения задач, которые ранее считались прерогативой избранных - членов эксклюзивного клуба. Эти сотрудники разлетелись по планете. Они выискивали самую дешевую рабочую силу, легкодоступные ресурсы, крупнейшие рынки. Они были беспощадны. Как и их предшественники - ЭУ вроде меня в Индонезии, Панаме, Колумбии, - они нашли способы обосновать свои неблагоприятные действия. Как и мы, они заманивали в свои сети целые общества и страны. Они обещали богатство: страны могли выбраться из долгов с помощью частного сектора. Они строили школы и автодороги, дарили телефоны и телевизоры, предоставляли бесплатные медицинские услуги. Однако если они открывали источник более дешевой рабочей силы и доступные ресурсы в другом месте, они тут же сворачивались. Когда они покидали сообщество, в котором поселили надежду, последствия были самые ужасные, но они делали это без тени сомнения, не чувствуя ни малейших укоров совести. Иногда я думал: а влияет ли это каким-то образом на их психику? Чувствуют ли они временами сомнения, как это было со мной? Стояли ли они когда-нибудь на берегу загаженного канала, наблюдая, как в нем купается молодая женщина, в то время как выше по течению испражняется старик? Неужели больше не осталось гвардов паркеров, способных задать неудобные вопросы? Хотя меня радовал успех "Ай-пи-эс" и я наслаждался семейной жизнью, временами я испытывал жесточайшую депрессию. Я был отцом маленькой девочки, и меня беспокоило, какое будущее мы оставим ей в наследство. Меня подавляло чувство вины за ту роль, которую я когда-то играл.

Оглядываясь назад, я не мог не видеть пугающей исторической тенденции. Современная международная финансовая система была создана в конце Второй мировой войны, на встрече лидеров многочисленных стран, проходившей в Бреттон-Вудс, в Нью-Гемпшире - моем родном штате. Всемирный банк и Международный валютный фонд были созданы для реконструкции разоренной Европы, и они достигли замечательных успехов. Система быстро расширилась и вскоре была официально одобрена всеми крупнейшими союзниками Соединенных Штатов и провозглашена панацеей от угнетения. Мы были уверены, что она спасет нас от смертельных когтей коммунизма. Но я не мог не задумываться о том, к чему нас все это может привести. К концу 1980-х годов, после развала Советского Союза и международного коммунистического движения, стало очевидным, что победа над коммунизмом не могла быть самоцелью; настолько же очевидным было и то, что глобальная империя, выросшая из капитализма, теперь будет свободно править. Джим Гаррисон, президент форума "Ситуация в мире" (State of the World) пишет:

"Если посмотреть на процесс в целом, интеграция мира, особенно в терминах экономической глобализации и мифических качеств "свободного рыночного" капитализма, представляет собой не что иное, как своего рода "империю"... Ни одна страна на земле не смогла устоять перед неодолимым магнетизмом глобализации. Единицам удалось избежать "структурной адаптации" и "обусловленности" Всемирного банка, Международного валютного фонда или Всемирной торговой организации. Эти международные финансовые учреждения, как бы несовершенны они ни были, по-прежнему определяют, что значит экономическая глобализация, каковы правила, кого следует поощрить за послушание, а кого наказать за нарушения. Сила глобализации такова, что еще при нашей жизни мы станем свидетелями интеграции (пусть и не в равной степени) всех национальных экономик в мире в единую глобальную рыночную систему".

Размышляя над всем этим, я решил, что пришло время возобновить работу над моей книгой откровений - "Совесь экономического убийцы". Я не делал ни малейшей попытки держать эту работу в тайне. Даже и сегодня я не принадлежу к тем писателям, которые могут работать в одиночестве. Мне необходимо обсуждать с кем-то мою работу. Я получаю вдохновение от общения с людьми; я обращаюсь к ним, чтобы они помогли мне вспомнить и правильно выстроить события прошлого. Я люблю зачитывать отрывки друзьям, чтобы услышать их мнение. Я понимаю, что это может быть рискованным, но я не знаю другого способа писать. Поэтому не стало секретом то, что я пишу книгу о своей работе в МЕЙН. Однажды днем мне позвонил бывший партнер МЕЙН и предложил очень выгодную работу: должность консультанта в "Стоун энд Уэбстер инджиниринг корпорейшн" ("ЗШЕС"). В то время это была одна из крупнейших

инженерных и строительных компаний; она пыталась захватить ведущие позиции в меняющемся мире энергетики. Мой бывший сослуживец объяснил, что я буду работать в их новом подразделении, созданном по образу таких компаний, как моя собственная "Ай-пи-эс". Я с облегчением узнал, что мне не придется участвовать ни в каких международных или связанных с деятельностью ЭУ проектах.

Глава 31. ПРОВАЛ ЭУ В ИРАКЕ

Должность президента "Ай-пи-эс" в 1980-х и консультанта в "SWEC" в конце 1980-х и 1990-х годах давала мне возможность получать информацию об Ираке, недоступную для большинства людей. Действительно, в 1980-х годах большинство американцев очень мало знали об этой стране. Она просто не находилась в поле их зрения. Однако я был заинтригован происходящим там.

Я поддерживал отношения со старыми друзьями, сотрудниками Всемирного банка, USAID, Международного валютного фонда, с другими финансовыми организациями, а также с сотрудниками "Бектел" (включая моего тестя), "Халлибертон" и других крупнейших инженерных и строительных компаний. Многие инженеры, работавшие на субподрядчиков "Ай-пи-эс", также имели отношение к проектам на Ближнем Востоке.

Я прекрасно знал, что ЭУ усердно работали в Ираке. Администрация Рейгана и Буша была намерена превратить Ирак в еще одну Саудовскую Аравию. У Саддама Хусейна было много веских причин следовать примеру дома Сауда. Ему приходилось довольствоваться лишь созерцанием тех выгод, которые саудовцам принесла операция по отмыванию денег. С момента подписания сделки в саудовских пустынях выросли современные города, пожирающие мусор козы Эр-Рияда уступили место чистеньким грузовикам, а саудовцы наслаждались плодами самых передовых технологий в мире: современными опреснительными заводами, системами очистки сточных вод, системами связи, энергетическими системами.

Несомненно, Саддам Хусейн знал и о том, что к саудовцам было особое отношение и в вопросах международного права. Их хорошие друзья в Вашингтоне закрывали глаза на многие деяния саудовцев, включая финансирование фанатически настроенных группировок, многие из которых в мире считались радикальными и чуть ли не террористическими, а также укрывание международных преступников. Фактически, Соединенные Штаты активно добивались от Саудовской Аравии финансовой поддержки для Усамы Бен Ладена в его войне против Советского Союза в Афганистане и получили ее. Администрация Рейгана и Буша не просто поддерживала саудовцев в этом отношении; она оказывала давление и на другие страны с тем, чтобы они поступали так же или, по меньшей мере, смотрели на происходящее сквозь пальцы.

В 1980-х в Багдаде было много ЭУ. Они полагали, что Саддам в конце концов поймет, что от него требуется; я был вполне согласен с этим предположением. В конечном итоге, если бы Ирак достиг с Вашингтоном таких же договоренностей, как саудовцы, Саддам мог бы остаться вполне самостоятельным в управлении страной и даже расширить сферу своего влияния в этой части света.

И даже не имело значения, что он - патологический тиран, что на его совести - массовые убийства, что своими манерами и жестокостью он напоминает Гитлера. Соединенные Штаты не раз мирились и даже поддерживали подобные личности и раньше. Мы были бы счастливы предложить ему государственные ценные бумаги в обмен на нефтедоллары, на гарантии нефтяных поставок, на сделку, по которой получаемый доход от ценных бумаг шел бы на оплату американских подрядчиков, развивавших инфраструктуру Ирака, строивших новые города, превращавших пустыни в оазисы. Мы готовы были продавать ему танки и истребители, строить химические заводы и атомные реакторы, как это делалось во многих других странах, даже если эти технологии, как нетрудно было догадаться, могли быть использованы для производства современных систем вооружения.

Ирак был исключительно важен для нас, значительно более важен, чем это может показаться на первый взгляд. Вопреки расхожему мнению, Ирак - это не только нефть. Это вода и геополитика. Реки Тигр и Евфрат протекают через Ирак. Таким образом, Ирак - единственная страна в регионе,

контролирующая важнейшие источники воды, потребность в которой все больше возрастает. В 1980-х годах значение воды - и в политическом, и в экономическом отношении - стало очевидным для тех из нас, кто работал в энергетике и в инженерно-строительном бизнесе. В приватизационной гонке многие крупные компании, положившие глаз на небольшие независимые энергетические компании, теперь задумались о приватизации водных систем в Африке, Латинской Америке и на Ближнем Востоке.

Помимо нефти и воды, стратегическую ценность представляет и само местоположение Ирака. Он граничит с Ираном, Кувейтом, Саудовской Аравией, Иорданией, Сирией, Турцией; ему принадлежит часть береговой линии Персидского залива. Расстояние до Израиля и до бывшего Советского Союза легко может быть преодолено ракетами. Военные стратеги приравнивают Ирак к долине реки Гудзон в период войн с французами и индейцами и в период Американской революции. В XVIII веке французы, англичане и американцы знали: кто контролирует долину Гудзона, тот контролирует континент. Сегодня всем известно: кто контролирует Ирак, тот держит ключ к контролю над Ближним Востоком.

В дополнение ко всему, Ирак представляет собой обширный рынок для американских технологий и инженерии. Тот факт, что в его недрах находится одно из крупнейших нефтяных месторождений в мире (по некоторым оценкам, крупнее, чем в Саудовской Аравии), гарантировал бы возможность финансирования Ираком гигантских программ индустриализации и развития инфраструктуры. Все крупнейшие игроки - инженерные и строительные компании; поставщики компьютерных систем, производители самолетов, ракет и танков; фармацевтические и химические компании - все сосредоточили внимание на Ираке.

Однако к концу 1980-х стало ясно, что Саддам не купился на сценарий ЭУ. Это вызвало огромное разочарование и замешательство у администрации Буша. Как и Панама, Ирак внес свой вклад в создание имиджа Дж. Буша как слабовольного человека. Буш искал выход; Саддам сам помог ему. В августе 1990 года он вторгся в богатый нефтью соседний эмират Кувейт. Ответом Буша было осуждение Саддама за нарушение международного права, хотя еще и года не прошло со времени незаконного и одностороннего вторжения в Панаму, организованного им самим. Неудивительно, что президент в конце концов пошел на решительную военную атаку. Американские части численностью пятьсот тысяч человек были посланы в страну в составе международной группировки. В начале 1991 года военные и гражданские объекты в Ираке подверглись бомбардировке с воздуха. За ней последовала сточасовая атака на земле, в результате которой войска Ирака, значительно уступающие в численности и вооружении, стремительно отступили. Кувейт был спасен. Настоящий деспот понес наказание, хотя и не попал в руки правосудия. Рейтинг популярности Буша у американцев подскочил до 90 процентов. Во время вторжения в Ирак я был на заседаниях в Бостоне - это был один из немногих случаев, когда меня попросили действительно что-то сделать для "SWEC". Я ясно помню, с каким энтузиазмом было встречено решение Буша. Естественно, сотрудники "Стоун энд Уэбстер" были взволнованы, но не только потому, что мы дали отпор диктатору-убийце. Для них победа США в Ираке означала увеличение объема работы, огромные прибыли, продвижение по службе, повышение зарплаты. Но радовались не только те, кому война напрямую приносила выгоду. Люди во всей стране жаждали увидеть доказательства военной силы государства. Думаю, для таких ожиданий было много причин, включая перемену в философии властей, которая произошла, когда Рейган одержал победу над Картером на выборах; были освобождены заложники в Иране и Рейган объявил о своем намерении пересмотреть соглашение о Панамском канале. Вторжение Буша в Панаму раздуло затухавшее пламя.

Думаю, однако, что за патриотической риторикой и призывами к действию крылись значительно более тонкие перемены в том, как американские корпорации - и соответственно все люди, работавшие на них, - оценивали мир. Марш по направлению к глобальной империи, участником которого стали многие страны, был реальностью. Идеи глобализации и приватизации глубоко внедрялись в наше сознание.

По большому счету это касалось не только Соединенных Штатов. Глобальная империя наконец стала самой собой, перешагнув все границы. Ранее считавшиеся американскими корпорации стали по-настоящему международными, даже с юридической точки зрения. Многие из них были зарегистрированы или открыли свои филиалы в разных странах. Теперь они могли работать по тем правилам и предписаниям,

которые сами выбирали из множества, а огромное количество международных торговых организаций и соглашений еще больше упрощали такую деятельность. Слова "демократия", "социализм" и "капитализм" почти что вышли из употребления, стали ненужными. Корпоратократия стала реальностью, и она прилагала все больше усилий, чтобы стать единственным фактором, влияющим на мировую экономику и политику.

Так получилось, что я уступил корпоратократии, когда в ноябре 1990 года продал "Ай-пи-эс". Для меня и моих партнеров это была выгодная сделка, однако основной причиной было то, что "Эшлэнд ойл компани" стала оказывать на нас сильное давление. Мой опыт подсказывал, что борьба с ними потребует очень больших затрат, тогда как продажа компании обогатит нас. По иронии судьбы нефтяная компания становилась владельцем моей фирмы, производившей альтернативную энергию, - в чем-то я чувствовал себя предателем.

Работа в "SWEC" почти не отнимала времени. Иногда меня просили прилететь в Бостон для участия в заседаниях или помочь подготовить деловое предложение. Иногда меня посылали в такие места, как Рио-де-Жанейро, чтобы пообщаться там с местными воротилами. Однажды мне пришлось лететь в Гватемалу на частном самолете. Я часто звонил проектным менеджерам, чтобы напомнить, что я получаю зарплату и готов к работе. Я испытывал угрызения совести, потому что, получая такие деньги, почти ничего не делал. Я хорошо знал бизнес и стремился быть полезным. Но этого просто не требовалось. Меня преследовал образ человека, про каких обычно говорят "ни нашим, ни вашим". Я хотел делать что-то, что оправдывало бы мое существование и обернуло все негативные стороны моего прошлого в нечто позитивное. Я продолжал тайком - и урывками - работать над "Совестью экономического убийцы", хотя и не обманывал себя надеждой, что она когда-нибудь увидит свет.

В 1991 году я начал сопровождать небольшие группы людей в Амазонию, где они общались с шуарами и учились у них. Шуары были готовы поделиться своими знаниями о взаимодействии с природой и о древних методах лечения. В течение следующих лет спрос на такие поездки резко возрос; в результате сформировалась некоммерческая организация "Дрим чейндж коалишн". Пытаясь изменить взгляд людей из промышленно развитых стран на нашу землю и взаимоотношения с ней, "Дрим чейндж" обрела последователей в мире и помогла создать организации с аналогичными задачами во многих странах. Журнал "Тайм" назвал ее в числе тринадцати организаций, чьи сайты в Интернете наилучшим образом отражают идеалы и задачи Дня земли.

На протяжении 1990-х я все больше втягивался в мир некоммерческих организаций: одни помогал создавать, в других состоял членом правления. Многие из них стали результатом самозабвенной работы сотрудников "Дрим чейндж". Они работали с местными племенами в Латинской Америке - шуарами и ачуарами в Амазонии, кечуа в Андах, майя в Гватемале - или рассказывали людям в Соединенных Штатах и Европе об этих культурах. "ЗУУЕС" одобряла эту филантропическую деятельность; она была в русле приверженности самой "ЗУУЕС" идеям "Юнайтед уэй". Кроме того, я писал книги о туземных культурах, избегая любых упоминаний о моей деятельности в качестве ЭУ. Помимо того что эта работа скрашивала мою скуку, она давала мне возможность поддерживать связь с Латинской Америкой, а также быть в курсе политических событий, которые меня всегда интересовали. Но как я ни старался убедить себя в том, что моя некоммерческая деятельность и писательский труд уравнивают чаши весов, что я в чем-то искупаю вину за свою деятельность в прошлом, мне приходилось все труднее. В глубине души я понимал, что перекладываю ответственность на свою дочь. Джессика унаследует мир, в котором миллионы детей уже рождаются должниками, и они никогда не смогут выплатить этот долг.

И ответственность за это нес я.

Мои книги становились популярными, особенно одна: "Мир таков, каким ты его хочешь видеть". Успех этой книги привел к тому, что меня стали все чаще приглашать для проведения семинаров и чтения лекций. Иногда, стоя перед аудиторией в Бостоне, Нью-Йорке или Милане, я удивлялся иронии ситуации: если мир таков, каким ты хочешь его видеть, то почему я хотел видеть его именно таким? Как я мог играть такую активную роль в претворении в жизнь этого кошмара?

В 1997 году "Омега институт" пригласил меня провести недельный семинар на Карибах, на острове Сент-Джон. Я прилетел поздно вечером. Проснувшись утром, я вышел на маленький балкончик и обнаружил, что смотрю на тот самый залив, где семнадцать лет назад я принял решение уйти из МЕЙН.

Я повалился на стул и разрыдался.

Всю неделю я проводил большую часть свободного времени на этом балконе, глядя на залив и пытаясь разобраться в своих чувствах. Я понял, что, хотя я и уволился из МЕЙН, я не сделал следующего шага и что мое решение оставаться "ни нашим, ни вашим" ежедневно и настоятельно требовало расплаты. К концу недели я пришел к заключению, что мир вокруг меня был не таким, каким я хотел бы его видеть, и что мне необходимо сделать в точности то, чему учил своих студентов: изменить свои мечты таким образом, чтобы они отражали то, чего я действительно хотел в своей жизни.

Вернувшись домой, я отказался от своей должности консультанта. Президент "SWEC", принимавший меня на работу, к тому времени уже вышел на пенсию. Его место занял новый человек. Он был моложе меня, и, по всей видимости, его не волновали мои откровения. Он начал программу снижения расходов и был очень доволен, что ему больше не придется платить мне мою заоблачную зарплату.

Я решил закончить книгу, над которой работал так долго, и уже само это решение принесло мне чувство облегчения. Я поделился соображениями о книге со своими близкими друзьями, в основном из некоммерческого мира, которые занимались туземными культурами и сохранением ливневых лесов. К моему удивлению, они пришли в ужас. Они опасались, что мои откровения поставят под угрозу и мою преподавательскую деятельность, и некоммерческие организации, которые я поддерживал. Многие из нас помогали амазонским племенам защищать свои земли от нефтяных компаний; твои признания, говорили мне, подорвут доверие к тебе и помешают всему движению. И опять я прекратил работу над книгой. Вместо этого я стал сопровождать людей в дебри Амазонки, показывая им места и племена, еще не тронутые цивилизацией. Там я и был 11 сентября 2001 года.

Глава 32. 11 СЕНТЯБРЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ЛИЧНО ДЛЯ МЕНЯ

10 сентября 2001 года я находился в Эквадоре. Вместе с Шакаймом Чумпи, моим соавтором по книге "Дух шуаров", мы спускались по течению одной из рек в бассейне Амазонки. Мы сопровождали группу из шестнадцати североамериканцев в его общину, жившую в дебрях ливневых лесов. Эти люди приехали, чтобы узнать о его народе и помочь им в сохранении драгоценных лесов.

Незадолго до этого Шакайм с оружием в руках участвовал в конфликте между Эквадором и Перу. Большинство людей в крупнейших странах, потребляющих нефть, никогда не слышали об этой войне, хотя она велась прежде всего за то, чтобы их продолжали бесперебойно обеспечивать нефтью. Давний пограничный спор между соседями потребовал немедленного разрешения. Срочность объяснялась тем, что нефтяным компаниям необходимо было знать, с какой страной вести переговоры о нефтяных концессиях на определенные участки нефтеносных земель. Необходимо было четко определить границы. Шуары стали первой линией обороны Эквадора. Они всегда были беспощадными воинами, способными противостоять превосходящему по численности и вооружению противнику. Шуары ничего не знали о политической подоплеке этой войны и о том, что исход войны откроет двери нефтяным компаниям. Они сражались, потому что их предки были воинами и потому что они не собирались допускать иностранных солдат на свои земли.

Пока мы продвигались на лодке по реке, наблюдая за раскричавшимися над нашими головами попугаями, я спросил 1Щкайма, соблюдается ли все еще перемирие.

- Да, - ответил он, - но боюсь, я должен сказать, что теперь мы готовимся к войне с вами. - Он стал объяснять, что, конечно, не имел в виду меня лично или людей из группы. - Вы наши друзья, - заверил он меня.

По его словам, он имел в виду наши нефтяные компании и военных, которые придут в джунгли, чтобы охранять нефтяников.

- Мы видели, что они сделали с племенем гуарани. Они уничтожили их леса, загрязнили реки, убили много людей, и даже детей. Сегодня гуарани уже практически не существуют как народ. Мы не допустим, чтобы такое случилось с нами. Мы не допустим на наши земли ни нефтяные компании, ни перуанцев. Мы все поклялись бороться до последнего человека.

В тот вечер наша группа сидела вокруг костра в красивом шуарском традиционном длинном Доме племени, построенном из расщепленного бамбука, воткнутого в землю и накрытого соломенной крышей. Я рассказал им о своем разговоре с Шакаймом. Мы все подивились, как много людей в мире испытывали сходные чувства по отношению к нефтяным компаниям и нашей стране. Сколько людей, подобно шуарам, ужасались при мысли, что мы войдем в их жизнь и уничтожим их культуру и их земли? Сколько ненавидели нас?

На следующее утро я пошел в маленький офис, где находилась рация. Мне нужно было договориться с пилотами, чтобы нас забрали через несколько дней. Я разговаривал с ними по радиации, когда услышал крик.

- Боже мой! - закричал мой собеседник по сеансу радиосвязи. - Атака на Нью-Йорк! - Он включил погромче работавший у него другой радиоприемник, который до этого тихо играл музыку, чтобы мне было его слышно. В течение получаса мы слушали репортаж о событиях, разворачивающихся в Соединенных Штатах. Это время я, как и все другие, никогда не забуду. Вернувшись во Флориду, я решил посетить "Граунд Зеро" - место, где раньше находились башни Всемирного торгового центра. Я прилетел в Нью-Йорк днем и зарегистрировался в отеле. Стоял солнечный ноябрьский день, воздух был насыщен ароматами. Полный энтузиазма, я шел вдоль Центрального парка, а затем направился к той части города, где когда-то проводил много времени, - к тому месту около Уолл-стрит, которое теперь называлось "Граунд Зеро".

По мере приближения к этому месту мой энтузиазм сменялся ужасом. Виды и запахи подавляли: это были невысказанные разрушения. Искоруженные, оплавленные остовы когда-то величественных зданий; обломки; тошнотворный запах дыма, обуглившихся развалин, горелой плоти. Я видел это по телевизору, но находиться здесь - это было совершенно другое.

Я не был к этому готов, и особенно - увидеть людей. Прошло два месяца, а они все стояли вокруг, те, кто жил или работал неподалеку, те, кому удалось выжить. Перед своей обувной мастерской сидел египтянин. Он покачивал головой, все еще не в силах поверить в то, что произошло.

- Не могу к этому привыкнуть, - пробормотал он. - Я потерял многих клиентов, многих друзей. Мой племянник там погиб. - Он показал на небо. - По-моему, я видел, как он прыгнул. Я не знаю... Так много людей прыгали. Они махали руками, как будто могли летать.

Удивляло то, как люди разговаривали друг с другом. В Нью-Йорке. Я говорю не о словах. Они встречались глазами. Лица были хмурые, но люди обменивались взглядами, полными сострадания, печальными полуулыбками, которые говорили больше, чем миллион слов.

Но было и еще что-то необычное в самом месте. Сначала я не мог понять, что это. Потом понял: солнечный свет. В те времена, когда я совершал поездки в эту часть города, чтобы организовать финансирование для "Ай-пи-эс", когда я обговаривал стратегию с инвестиционными банкирами за ужином в ресторане "С видом на мир" на башне торгового центра, нижний Манхэттен был похож на темное ущелье. Если кому-то хотелось видеть лучи солнца, ему приходилось подниматься на вершину Всемирного торгового центра. А теперь свет достигал даже уровня первого этажа. Ущелье разверзлось, и нас, стоявших на улице рядом с развалинами, согревало солнце. Я не мог удержаться от мысли: не вид ли неба, не свет ли помогали людям открыть свои души? Но уже само то, что я думал об этом, порождало чувство вины.

<...> Внизу мое внимание привлекла табличка. На ней было изображено здание, на ступенях которого я только что сидел. Надпись уведомляла прохожих, что здание было возведено "Херитэдж трэйлз оф Нью-Йорк". На табличке было написано:

"Дом 14 по Уолл-стрит спроектирован так, словно разработчики желали водрузить Галикарнасский Мавзолей на колокольню Святого Марка в Венеции и поместить эту конструкцию на

пересечении Уолл-стрит и Бродвея. В небоскребе высотой 539 футов, бывшем одно время самым высоким банковском зданием, первоначально располагался головной офис "Бэнкерс траст", одного из самых влиятельных финансовых учреждений страны".

В благоговейном трепете я взирал на это здание. В начале прошлого века дом 14 по Уолл-стрит играл ту же роль, которую впоследствии стал играть Всемирный торговый центр; это был символ власти и экономического господства. В нем располагался "Бэнкерс траст" - организация, финансировавшая мою энергетическую компанию.

Рядом со следующим зданием стояла огромная статуя, закутанная в голубую пленку. Надпись на каменном фасаде здания сообщала о том, что здесь был "Federal Hall", знаменитый зал Федерального собрания в старой нью-йоркской мэрии, дом 26 по Уолл-стрит, где 30 апреля 1789 года Джордж Вашингтон принес присягу, вступая в должность президента - первого президента Соединенных Штатов. На этом самом месте принес присягу первый человек, которому доверили ответственность за жизнь, свободу, возможность счастья для всех людей. Так близко к "Граунд Зеро"; так близко к Уолл-стрит.

Обогнув квартал, я вышел к Пайн-стрит, где уткнулся в здание, в котором располагался головной офис основанного Дэвидом Рокфеллером "Чейз" - банка, взошедшего на нефтяных деньгах, урожаи которого пожинали такие люди, как я. Этот банк, обслуживавший ЭУ и умело продвигавший глобальную империю, во многих отношениях был символом корпоратократии.

Я читал, что Дэвид Рокфеллер начал строить Всемирный торговый центр в 1960-х и что сейчас этот комплекс считался устаревшим. Оснащенный неудобной и дорогостоящей системой лифтов, он не вписывался в современный мир оптоволоконной связи и Интернета. Когда-то башни получили прозвища "Дэвид" и "Нельсон". Теперь зданий не было.

Я медленно, почти с неохотой, брел по улице. Несмотря на теплый день, я чувствовал озноб. Я испытывал странную тревогу; мною овладело нехорошее предчувствие. Не в состоянии понять источник этой тревоги, я попытался стряхнуть ее, возобновив свой путь. И вот опять я смотрел на эту обугленную дыру, искореженный металл - страшный шрам на теле земли. Опершись на стену соседнего, уцелевшего здания, я стал смотреть в яму. Я пытался представить себе, как металась люди, предпринимая отчаянные попытки выбраться из разваливавшегося здания, как врывались в здание пожарники, чтобы помочь им. Я пытался думать о людях, которые прыгали из окон, какое отчаяние они чувствовали. Но эти мысли не достигали моего сознания. Вместо этого я видел, как Усама бен-Ладен получает деньги и оружие на миллионы долларов от сотрудника консалтинговой фирмы, имеющей контракт с правительством США. А потом я увидел себя, сидящего перед пустым экраном компьютера.

Я посмотрел в сторону, противоположную "Граунд Зеро" - на улицы Нью-Йорка, не тронутые огнем. Они возвращались к своей обычной жизни. Что думали люди, спешившие сегодня по улице, обо всем этом - не просто о разрушенных башнях, а об уничтоженных гранатовых фермах, о тех двадцати четырех тысячах, ежедневно в страданиях умирающих от голода. Задумываются ли люди об этом вообще? В состоянии ли они оторваться от своей работы, от своих пожирающих бензин машин, от процентных выплат - оторваться от всего этого, чтобы задуматься о собственном вкладе в тот мир, который мы передаем своим детям. Что они знали об Афганистане - не о том, который они видят по телевизору, - заставленном палатками и танками американских военных, а об Афганистане того старика? Что думают те двадцать четыре тысячи людей, каждый день умирающие от голода?

А потом я опять увидел себя, сидящего перед пустым экраном компьютера.

Я заставил себя снова взглянуть на "Граунд Зеро". Сейчас ясно было только одно: моя страна намерена мстить - и все зло собирается выместить на таких странах, как Афганистан. Я думал о других местах в мире, где люди ненавидят наши компании, наших военных, нашу политику и нашу твердую поступь строителей новой глобальной империи.

А что Панама, Эквадор, Индонезия, Иран, Гватемала, большая часть Африки? - думал я.

Оторвавшись от стены, я возобновил свой путь. Невысокий смуглый человек, размахивая газетой, что-то кричал по-испански. Я остановился.

- Венесуэла на грани революции! - кричал он, пытаясь перекрыть шум моторов, гудки машин, гомон толпы. Купив у него газету, я несколько минут изучал передовую статью. Она была посвящена Уго Чавесу, демократически избранному президенту, известному антиамериканскими настроениями. Кроме того, в ней говорилось о волне ненависти, которую вызывала политика США в Латинской Америке.

А что же Венесуэла?

Глава 33. ВЕНЕСУЭЛА: СПАСЕННАЯ САДДАМОМ

Я следил за Венесуэлой много лет. Это был классический пример страны, поднявшейся из ничего за счет нефти. Пример того, какую кашу могут заварить нефтяные деньги. Это была страна состояний, возникших на нефти, страна контрастов между богатыми и бедными, страна, бессовестно эксплуатируемая корпоратократией. Она могла бы послужить образцом того места, где старомодные ЭУ вроде меня работали рука об руку со своими коллегами нового образца - корпоративными ЭУ.

События, о которых я прочитал в тот день в газете, стоя у "Граунд Зеро", стали прямым результатом выборов 1998 года, когда бедные и обездоленные в Венесуэле подавляющим большинством голосов избрали Уго Чавеса своим президентом. Он немедленно ввел драконовские меры, установив контроль над судами и другими учреждениями и распустив конгресс Венесуэлы. Он обвинил Соединенные Штаты в "бесстыдном империализме", яростно выступал против глобализации и ввел закон об углеводородах, напоминая, даже названием, разработанный Хайме Ролдосом в Эквадоре незадолго до крушения его вертолета. Закон предусматривал двойное увеличение сборов с иностранных нефтяных компаний. Затем Чавес поставил под сомнение традиционную независимость государственной нефтяной компании "Петролеос де Венесуэла", заменив ее руководство своими людьми.

Нефть Венесуэлы имеет первостепенное значение для многих стран в мире. В 2002 году Венесуэла была четвертым по величине экспортером нефти и третьим поставщиком нефти в США. "Петролеос де Венесуэла", имея сорок тысяч сотрудников и продавая ежегодно нефти на 50 миллиардов долларов, обеспечивает 80% экспортных доходов страны. Сегодня она остается важнейшим фактором экономики Венесуэлы. Установив контроль над нефтяной промышленностью страны, Чавес стал важным игроком на международной арене.

Многие венесуэльцы поняли это как исполнение предначертанного ранее, как завершение процесса, который начался восемьдесят лет назад. 14 декабря 1922 года огромный фонтан вырвался из-под земли около Маракайбо. В течение последующих трех дней в воздух ежедневно выбрасывалось сто тысяч баррелей сырой нефти, и это геологическое событие изменило Венесуэлу навсегда. К 1930 году Венесуэла была крупнейшим экспортером нефти в мире. Венесуэльцы смотрели на нефть как на решение всех своих проблем.

Доходы от продажи нефти позволили Венесуэле, одной из беднейших стран в мире, превратиться в одно из самых богатых государств Латинской Америки. Все важнейшие статистические показатели экономики начали улучшаться: здравоохранение, образование, занятость, продолжительность жизни, снизился уровень детской смертности. Бизнес расцвел.

Во время нефтяного эмбарго ОПЕК 1973 года цены на нефть взмыли, и бюджет Венесуэлы вырос вчетверо. На дело вышли ЭУ. Международные банки наводнили страну кредитами на модернизацию инфраструктуры, промышленные проекты, высочайшие небоскребы на континенте. Затем, в 1980-х, появились корпоративные ЭУ. Для них это была прекрасная возможность поточить прорезавшиеся зубы. Средний класс Венесуэлы значительно увеличился, представляя собой готовый рынок для широкого спектра товаров, хотя все еще оставалась значительная доля беднейшего населения, из которого можно было черпать трудовые ресурсы для потогонных линий и фабрик. А потом произошел обвал цен на нефть, и Венесуэла оказалась не в состоянии выплачивать долги. В 1989 году МВФ потребовал введения жестких мер экономии и оказал давление на Каракас по ряду направлений в целях поддержки корпоратократии. Венесуэльцы ответили яростным протестом: в столкновениях погибли более двухсот человек. Иллюзия о

неисчерпаемом нефтяном ресурсе была развеяна. В период между 1978-м и 2003 годами доход на душу населения упал на 40%. С ростом нищеты росло и недовольство. В обществе углубилась поляризация; при этом средний класс оказался противопоставленным беднякам. Как это часто бывает в странах, где экономика зависит от нефти, радикально изменились демографические показатели. Ухудшение положения дел в экономике сказалось на среднем классе; многие оказались вытолкнуты в категорию бедняков.

Новая социально-демографическая ситуация подготовила приход Чавеса - и конфликт с Вашингтоном. Придя во власть, Чавес предпринял действия, которые бросали вызов администрации Буша. Как раз перед 11 сентября Вашингтон обдумывал дальнейшие действия. ЭУ потерпели неудачу; не пора ли выпускать шакалов?

Но 11 сентября изменило приоритеты. Президент Буш и его союзники были заняты тем, что убеждали мировое сообщество поддержать действия США в Афганистане и вторжение в Ирак. К тому же экономика США находилась на спаде. Венесуэла отошла на задний план. Однако было ясно, что в какой-то момент Буш и Чавес снова столкнутся. Поскольку нефтяные поставки из Ирака и других ближневосточных стран находились под угрозой, Вашингтон не мог себе позволить надолго забыть о Венесуэле.

Мое посещение "Граунд Зеро" и прогулка по Уолл-стрит, встреча с афганским стариком, статья о Венесуэле Чавеса подвели меня к той черте, которую я в течение многих лет пытался не переходить, и заставили прямо взглянуть на последствия того, что я делал в последние три десятилетия. Я не мог отрицать ни ту роль, которую сыграл, ни тот факт, что моя работа в качестве ЭУ теперь оказывает самое негативное влияние на поколение моей дочери. Я знал, что больше уже не могу откладывать свои действия, направленные на искупление моей вины. Мне нужно было очиститься от своей жизни, очиститься таким образом, чтобы помочь людям пробудиться, узнать о существовании корпоратократии и понять, почему столько людей в мире ненавидят нас.

Я снова начал писать, но по мере написания книги я стал понимать, что моя история слишком стара. Мне надо было как-то увязать ее с современностью. Я подумывал, не поехать ли в Афганистан, Ирак и Венесуэлу, чтобы написать современный комментарий об этих трех странах. Похоже, они воплощали всю иронию современной обстановки в мире: все они прошли через болезненные политические потрясения; сейчас их возглавляли лидеры, оставившие желать много лучшего (жестокие и деспотичные талибы, психопат Саддам, экономический неумейка Чавес), и все-таки ни в одном случае корпоратократия не пыталась разрешить более глубокие проблемы этих стран. Вместо этого ее действия сводились лишь к попыткам подорвать положение лидеров, вставших на пути нефтяных компаний. Во многих отношениях Венесуэла таила в себе интригу. Военное вторжение в Афганистан уже произошло, а в Ираке вот-вот должно было начаться. Действия же администрации в отношении Чавеса оставались загадкой. На мой взгляд, вопрос заключался не в том, был ли Чавес хорошим руководителем; дело было в реакции Вашингтона на лидера, который встал на пути продвижения корпоратократии к глобальной империи. Однако еще до того, как у меня появилось время для организации такой поездки, опять вмешались обстоятельства. По делам некоммерческой организации я несколько раз приезжал в Латинскую Америку. В одной из поездок я путешествовал вместе с венесуэльской семьей. Их фирмы обанкротились в период правления Чавеса. Мы подружились; я увидел ситуацию их глазами. Я также познакомился с латиноамериканцами, находившимися на противоположном краю экономического спектра. Они считали Чавеса спасителем. События, разворачивавшиеся в Каракасе, были симптоматичны для мира, созданного нами, ЭУ.

К декабрю 2002 года ситуация в Венесуэле и Ираке достигла критической точки. Эти две страны представляли собой противоположности. В Ираке все усилия как ЭУ, так и шакалов принудить Саддама к послушанию провалились. Теперь мы готовились к последнему средству - к вторжению. В Венесуэле администрация Буша готовилась ввести в игру модель Кермита Рузвельта в Иране. "Нью-Йорк тайме" писала:

"Сотни тысяч венесуэльцев сегодня заполнили улицы, чтобы заявить о своей поддержке всеобщей забастовки, идущей уже 28 дней, требованием которой является отставка президента Уго Чавеса.

Забастовка, в которой участвуют около тридцати тысяч рабочих-нефтяников, грозит посеять хаос в этой стране, пятом по величине поставщике нефти в мире, на долгие месяцы...

В настоящее время ситуация зашла в тупик. Чавес использует не участвующих в забастовке рабочих, чтобы нормализовать работу государственной нефтяной компании. Однако его оппоненты, возглавляемые коалицией бизнесменов и профсоюзных лидеров, утверждают, что их забастовка приведет компанию и, соответственно, правительство Чавеса, к краху".

Именно таким образом ЦРУ свергло Моссадыка и вернуло власть шаху. Прослеживалась совершенно четкая аналогия. Казалось, история опять повторяется пятьдесят лет спустя. Прошло пять десятилетий, а нефть по-прежнему оставалась движущей силой. 4 января 2003 года произошли столкновения сторонников Чавеса и его оппонентов. Двое скончались от огнестрельных ранений, десятки были ранены. На следующий день я беседовал со своим старым другом, который в течение многих лет работал с шакалами. Как и я, он никогда не состоял на зарплате у государственных организаций, однако проводил тайные операции во многих странах. Он рассказал мне, что к нему обращалось частное лицо, пытаясь нанять его для организации забастовок в Каракасе и подкупа военных (многие из которых прошли обучение в Школе двух Америк) с целью обратить их против законно избранного президента. Он отклонил предложение, но, по его выражению, "человек, который взялся за эту работу, знает, что делает".

В тот же месяц цены на нефть поднялись, и американские запасы упали до уровня двадцатилетней давности. Учитывая ситуацию на Ближнем Востоке, я знал, что администрация Буша задействует все средства, чтобы низложить Чавеса.

Вскоре пришло сообщение, что они преуспели в этом: Чавеса сбросили. "Нью-Йорк тайме", описывая события в Венесуэле, дала читателям небольшой экскурс в историю, а также сообщила, кто играл роль Кермита Рузвельта в сегодняшней Венесуэле:

"В ходе "холодной войны" и после ее окончания Соединенные Штаты... поддерживали авторитарные режимы в Центральной и Южной Америке, обеспечивая защиту своих экономических и политических интересов.

В небольшой Гватемале Центральное разведывательное управление в 1954 году организовало путч, в результате которого демократически избранное правительство было низвергнуто; ЦРУ поддерживало и пришедшие на смену правительству правой ориентации в их борьбе против левых повстанческих групп в течение четырех десятилетий. Примерно 200 000 гражданских лиц погибли.

В Чили путч, поддержанный ЦРУ, привел к власти генерала Пиночета, правившего страной с 1973 года по 1990-й. В Перу еще неустойчивое демократическое правительство все еще расследует роль ЦРУ, которое почти десять лет поддерживало отстраненного от власти и скомпрометировавшего себя президента Альберто К. Фу-химори и пользующегося сомнительной репутацией главу его разведки Владимиром Л. Монтесиноса.

В 1989 году Соединенным Штатам пришлось вторгнуться в Панаму, чтобы убрать ее наркодиктатора, Мануэля А. Норьегу, который в течение почти двадцати лет был ценным информатором для американской разведки. А попытки в 1980-х годах любыми средствами (включая продажу оружия Ирану с целью получения денег) развернуть невооруженную оппозицию в Никарагуа, где в это время у власти были левые, привели к тому, что под судом оказались высокопоставленные сотрудники администрации Рейгана.

Среди тех, в отношении кого проводились расследования, - Отто Рейч, ветеран латиноамериканских сражений. Ему не были предъявлены обвинения. Впоследствии он стал послом США в Венесуэле, а сейчас служит помощником госсекретаря по межамериканским делам. Это назначение было сделано президентом. Падение Чавеса - еще один охотничий трофей Рейча".

Если мистер Рейч и администрация Буша отмечали свержение Чавеса, то вечеринку им пришлось свернуть. События приняли неожиданный оборот: Чавес собрал силы и одержал победу. Меньше чем через двадцать два часа он снова был у власти. В отличие Моссадыка в Иране Чавесу удалось удержать военных на своей стороне, несмотря на все попытки настроить руководство армии против него. Кроме того,

на его стороне была мощная нефтяная компания. "Петролеос де Венесуэла" не обратила внимания на тысячи бастующих рабочих и вернулась на сторону Чавеса. Когда пыль осела, Чавес взял под жесткий государственный контроль служащих нефтяной компании, избавился от нескольких нелояльных военных, предавших его, и заставил ряд своих противников покинуть страну. Он потребовал двадцати лет тюремного заключения для двух ключевых лидеров оппозиции, которые совместно с шакалами руководили общенациональной забастовкой.

В конечном итоге вся последовательность событий обернулась для администрации Буша дополнительной головной болью. "Лос-Анджелес тайме" писала: "Чиновники администрации Буша признали во вторник, что в течение нескольких месяцев они проводили переговоры с военными и гражданскими лидерами Венесуэлы о свержении президента Венесуэлы Уго Чавеса... Действия администрации в связи с провалившимся путчем изучаются особенно внимательно".

Было очевидно, что потерпели поражение не только ЭУ, но и шакалы. Венесуэла 2003 года очень сильно отличалась от Ирана 1953 года. Я думал о том, предвещало ли это какие-то изменения или было просто аномалией и каков будет следующий шаг Вашингтона.

Я думаю, что, по крайней мере, на какое-то время в Венесуэле был предотвращен серьезный кризис и Чавес был спасен Саддамом Хусейном. Администрация Буша не могла одновременно заниматься Афганистаном, Ираком и Венесуэлой. В тот момент она не обладала ни достаточной военной силой, ни политической поддержкой для этого. Однако я знал, что столь благоприятное для Чавеса стечение обстоятельств может быстро измениться и что венесуэльскому президенту наверняка придется столкнуться с сильнейшей оппозицией в ближайшем будущем. Тем не менее, Венесуэла была напоминанием о том, что немного изменилось за последние пятьдесят лет - кроме результата.

Глава 35. ПРОРЫВАЯ НАРУЖНЫЙ СЛОЙ

Вскоре после моего возвращения из Эквадора в 2003 году Соединенные Штаты вторглись в Ирак - второй раз за срок чуть больший чем десять лет. ЭУ потерпели неудачу. Шакалы ничего не смогли сделать. Поэтому молодых мужчин и женщин послали умирать в песках пустыни. Вторжение подняло очень важный вопрос, вопрос, над которым могли задуматься немногие американцы: какие последствия это будет иметь для Саудовской монархии. Если американцы победят Ирак, в котором, по многочисленным оценкам, нефти больше, чем в Саудовской Аравии, не будет необходимости соблюдать пакт, заключенный с саудовской королевской семьей в 1970-х, - сделка, выросшая из операции по отмыванию денег.

Конец Саддама, подобно концу Норвегии в Панаме, изменит стороны уравнения. В случае с Панамой, восстановив наших марионеток, мы получили контроль над Каналом, вопреки условиям договора, подписанного Торрихосом и Картером. Если мы будем контролировать Ирак, сможем ли мы сломать ОПЕК? Можно ли будет убрать саудовскую королевскую семью с арены глобальной нефтяной политики? Некоторые эксперты уже задавали вопрос, почему Буш напал на Ирак, вместо того чтобы сосредоточить все силы на уничтожении Аль-Каиды в Афганистане. Могло ли быть так, что с точки зрения этой администрации - этой нефтяной семьи - пополнение нефтяных запасов, равно как и основания для строительных контрактов, было более важно, чем борьба с террористами?

Однако были возможны и другие варианты развития событий: ОПЕК могла попытаться снова заявить о себе. Если Соединенные Штаты получают контроль над Ираком, другие страны, богатые нефтью, мало что потеряют, подняв цены или уменьшив поставки нефти. Эта вероятность хорошо увязывалась с другим сценарием, имевшим последствия, вряд ли понятные людям, далеким от мира международных финансов, но которые могли сдвинуть чашу весов геополитического баланса и в конечном итоге поломать систему, с таким усердием построенную корпоратократией. Фактически, это могло стать единственным фактором, который привел бы первую в истории поистине глобальную империю к самоуничтожению.

В конечном итоге глобальная империя в значительной степени зависит от того, что доллар имеет хождение как резервная мировая валюта и что Вашингтон имеет право печатать эти доллары. Мы даем кредиты таким странам, как Эквадор, прекрасно зная, что они никогда не выплатят их. Фактически мы и не хотим, чтобы они их выплачивали, потому что неспособность возратить долг дает нам в руки рычаги давления, наш фунт живой плоти. При нормальных обстоятельствах мы рисковали бы опустошить наши собственные резервы: в конце концов, ни один кредитор не может позволить себе, чтобы количество невозвращенных долгов было слишком большим. Однако мы находимся не в обычных обстоятельствах. Соединенные Штаты печатают деньги, не обеспеченные золотом. Они вообще ничем не обеспечены, кроме уверенности всего мира в нашей экономике и способности руководить силами и ресурсами империи, которую мы создали для поддержания самих себя. Возможность печатать деньги дает нам безмерную силу. Она означает, кроме всего прочего, что мы можем продолжать раздавать кредиты, которые никогда не будут возвращены - и что мы сами можем накапливать значительные долги. К началу 2003 года национальный долг Соединенных Штатов превысил ошеломляющую отметку в шесть триллионов долларов и к концу года должен был достичь семи триллионов - примерно по 24 000 долларов на каждого гражданина США. Значительную часть этой суммы мы должны азиатским странам, в частности Японии и Китаю. Они приобретают ценные бумаги министерства финансов США (в основном облигации) на деньги, которые получают от продажи потребительских товаров, включая электронику, компьютеры, машины, одежду, в Соединенных Штатах и на мировом рынке.

Пока мир принимает доллар как резервную валюту, этот громадный долг не является серьезным препятствием для корпоратократии. Однако если появится другая валюта, способная вытеснить доллар, и если кто-то из кредиторов США (например, Япония или Китай) потребуют выплаты по долговым обязательствам, ситуация может радикальным образом измениться. Соединенные Штаты окажутся в весьма шатком положении. Фактически, такая валюта сегодня уже не гипотетическая возможность: 1 января 2002 года на международной финансовой арене появился евро. С каждым месяцем он наращивает престиж и силу. Евро представляет необычную возможность для ОПЕК, если она сочтет нужным ответить на вторжение в Ирак или если по какой-либо другой причине решит пригрозить Соединенным Штатам. Решение ОПЕК о замене доллара на евро для ведения взаимных расчетов потрясет империю до самого основания. Если это произойдет и если один или два наших кредитора потребуют возвращения долга в евро, последствия будут чудовищные.

Я размышлял об этом 18 апреля 2003 года, в Страстную пятницу, входя в свой гараж, оборудованный под офис. Сев за стол, я включил компьютер и, как обычно, зашел на сайт "Нью-Йорк таймс". Мне бросились в глаза заголовки; они немедленно вернули меня от моих размышлений о новых реальностях международного финансового мира, о национальном долге, о евро к моей старой профессии: "Соединенные Штаты заключают с "Бектел" крупнейший контракт на восстановление Ирака".

В статье говорилось: "Сегодня администрация Буша предоставила "Бектел груп", Сан-Франциско, первый крупный контракт, связанный с обширным планом по реконструкции Ирака". Далее авторы информировали читателей о том, что "Ирак будет работать с Всемирным банком и Международным валютным фондом - организациями, в которых Соединенные Штаты имеют значительное влияние, - для перестройки экономики страны".

"Значительное влияние"! Это было мягко сказано.

Я перешел к другой статье в "Тайме": "Компания имеет связи в Вашингтоне и Ираке". Пропустив несколько абзацев, в значительной степени повторявших предыдущую статью, я прочитал: "Бектел" имеет давние связи с учреждениями национальной безопасности... Одним из директоров компании является Джордж П. Шульц, занимавший пост госсекретаря при президенте Рональде Рейгане. До работы в администрации Рейгана господин Шульц, который также является старшим советником в "Бектел", был президентом компании, работая там вместе с Каспаром У. Уайнбергером, занимавшим руководящий пост в офисе компании в Сан-Франциско до своего назначения министром обороны. В этом году президент Буш назначил генерального директора "Бектел", Райли П. Бектела, на должность в Совете по экспорту при президенте США".

В этих статьях, как в капле воды, отражалась вся суть современной истории, движение к глобальной империи. Описанные в утренних газетах события в Ираке были результатом работы, которой обучала меня Клодин тридцать пять лет назад, и работы, которую делали другие люди, стремившиеся построить карьеру, сходную с моей. Происходившее там показывало, на какой точке находится корпоратократия в своем движении к установлению влияния над каждым человеком на планете.

Газетные статьи говорили о вторжении в Ирак в 2003 году и о подписанных сейчас контрактах для устранения причиненных нашей же армией разрушений и для строительства страны заново по западному образцу. Новость этого дня, 18 апреля 2003 года, возвращала нас, хотя и не упоминая об этом, к началу 1970-х и операции по отмыванию денег Саудовской Аравии. ЗАМА и контракты, выросшие оттуда, создали новые прецеденты, позволившие - а фактически, давшие предписание - американским инженерным и строительным компаниям и нефтяной промышленности монополизировать развитие этого государства в пустыне. Тем же мощным ударом ЗАМА установила новые правила для глобального управления в нефтяной сфере, пересмотрела геополитику и заключила с саудовской королевской семьей союз, обеспечивший ее правление и обязавший играть по нашим правилам.

Читая эти статьи, я не мог удержаться от мысли: многие ли знали, как я, что Саддам до сих пор находился бы у власти, играй он по тем правилам, которым следовали саудовцы? У него были бы и ракеты, и химические заводы; мы бы сами построили их ему, и наши люди отвечали бы за их модернизацию и обслуживание. Это могла бы быть замечательная сделка - такая же, как у саудовцев.

До сих пор основные средства массовой информации с осторожностью относились к публикации подобных фактов. Но сегодня они в газете. Да, пусть это был лишь тонкий намек: статьи отражали прозрачную тень реальной ситуации, но все-таки правда пробиралась наружу. Я решил проверить, была ли "Нью-Йорк таймс" единственным изданием, сообщившим об этих фактах. Зайдя на сайт Си-эн-эн, я прочитал: "Бектел" получает контракт в Ираке". Публикация Си-эн-эн очень походила на статью в газете, но в ней было добавлено следующее:

"На получение контракта в разное время претендовал ряд других компаний, выступавших либо в качестве самостоятельных участников тендера, либо в составе других компаний. В их числе "Келлог Брайнд Рут" - подразделение "Халлибертон", генеральным директором которой когда-то был вице-президент Дик Чейни... До этого "Халлибертон" уже получила контракт на экстренное восстановление инфраструктуры Ирака. Контракт оценивается в семь миллиардов долларов, и, возможно, срок его исполнения составит два года.

Похоже, история о марше к глобальной империи пробивалась на поверхность. Ни детали, ни тот факт, что это была трагическая история долгов, обмана, порабощения, эксплуатации, самая страшная в истории попытка завладеть сердцами, умами, душами и собственностью людей во всем мире, ничто в статье не намекало на то, что события 2003 года в Ираке явились продолжением этой постыдной истории. Не упоминалось и то, что эта история, такая же старая, как сама империя, приобретает сейчас новые, устрашающие размеры и по причине своего разрастания во времена глобализации, и вследствие той изоэщенности, с которой она проводится в жизнь. Пусть скудным ручейком, неохотно, но информация все же просачивалась на поверхность.

Образ истории, с трудом выбирающейся на поверхность, напомнил мне кое о чем. Прежде всего о моей собственной биографии и о тех долгих годах, в течение которых я откладывал ее написание. Я давно знал, что мне есть в чем исповедаться, и все-таки я медлил с этим. Сейчас, оглядываясь назад, мне кажется, что мои сомнения и чувство вины присутствовали с самого начала. Они начались еще в квартире Клодин, еще до того, как я согласился на первую поездку в Индонезию; они преследовали меня почти постоянно все эти годы.

Я знал, что, если бы сомнения, боль и вина постоянно не изводили меня, я бы никогда не выбрался. Я бы застрял, подобно многим другим. Я бы никогда не смог принять решение уволиться из МЕЙН, стоя у поручней яхты у Виргинских островов.

И все-таки я медлил, как продолжает медлить вся наша страна. Те статьи намекали на союз между крупными корпорациями, международными банками и правительствами, но, как и мое резюме в МЕЙН, они касались только внешней стороны событий. Это была всего лишь оболочка. Истинная история заключалась не в том, что крупнейшие инженерные и строительные компании опять получают миллиарды долларов на строительство страны согласно собственным представлениям - для людей, которые, по всей вероятности, не желали соответствовать этим представлениям; не в том, что группа людей, именующих себя элитой, вновь исполняла старый как мир ритуал - злоупотребление своим положением высокопоставленных государственных чиновников.

Это слишком упрощенная картина. Она подразумевает, что, если мы решим исправить ошибки системы, нам следует просто избавиться от этих людей. Она легко сходит за пресловутые теории заговора и, как следствие, позволяет легко отмахнуться от проблемы, включить телевизор и забыть обо всем, довольствуясь нашим знанием истории на уровне третьеклассника, что означает: "Они" позаботятся обо всем; государственный корабль устойчив и снова вернется на курс. Возможно, нам придется подождать до следующих выборов, но все будет хорошо". Настоящая правда современной империи - это правда о корпоратократии, которая эксплуатирует отчаявшихся людей и производит самый жестокий, эгоистичный и в конечном итоге саморазрушительный захват земель, - не имеет отношения к тому, что появилось в тот день в газетах, но зато напрямую касается нас. И это, конечно, объясняет, почему нам так трудно выслушать эту историю. Мы скорее предпочитаем верить мифу о том, что тысячелетняя социальная эволюция наконец создала идеальную экономическую систему, чем признать, что мы поверили ложной концепции и воспринимаем ее как Евангелие. Мы убедили себя, что экономический рост приносит пользу человечеству и что чем больше этот рост, тем лучше для человечества.

И наконец, мы убедили друг друга, что последствия этой концепции морально справедливы: те, кто высекают благословенную искру экономического роста, должны быть возвышены и вознаграждены; стоящие же в стороне подлежат эксплуатации.

И сама концепция, и ее следствие используются для оправдания всех видов пиратства: она санкционирует насилие, мародерство и убийство ни в чем не повинных людей в Иране, Панаме, Колумбии, Ираке. ЭУ, шакалы и армии процветают до тех пор, пока их действиями объясняют экономический рост - а рост этот демонстрируют почти всегда. С помощью "научного" манипулирования методами прогнозирования, эконометрики и статистики, если вы, например, разбомбили город и затем заново отстроили его, можно продемонстрировать огромный скачок в экономическом росте.

Истина состоит в том, что мы живем ложью. Подобно моему резюме в МЕЙН, мы создали внешний слой, который прикрывает смертоносную раковую опухоль. Эта опухоль обнаруживается только с помощью рентгеновских лучей все той же статистики, которая раскрывает ужасающий факт. Наиболее могущественная и богатая империя в истории имеет страшно высокие показатели случаев самоубийств, наркомании, разводов, растления малолетних, актов насилия, убийств. Как злокачественная опухоль, эти несчастья ежегодно проникают своими щупальцами все дальше. Каждый из нас в душе чувствует боль.

Мы кричим, желая перемен. Но мы затыкаем себе рот кулаками, заглушая эти крики, - и нас никто не слышит.

Проще всего возложить вину на организованный заговор, но мы не можем этого сделать. Империя зависит от эффективности крупных банков, корпораций и правительств, но это не заговор. Корпоратократия - это мы сами; мы сами все делаем. Именно поэтому большинству из нас трудно противостоять ей. Мы предпочитаем искать заговорщиков, прячущихся в тени, потому что большинство из нас работают на эти банки, корпорации и правительства или каким-то образом зависят от них, от тех товаров и услуг, которые они производят. Мы не можем заставить себя укусить руку хозяина, который нас кормит.

Вот об этой ситуации я размышлял, глядя на газетные заголовки на экране моего компьютера. Возникали вопросы. Как можно подняться на борьбу с системой, которая дает вам дом и машину, еду и одежду, электричество и медицинскую помощь, даже если ты знаешь, что эта же система создает мир, в

котором ежедневно умирают от голода двадцать четыре тысячи человек, а миллионы других ненавидят тебя или, во всяком случае, ненавидят политику, проводимую избранными тобой людьми? Как набраться смелости, чтобы отделиться от общей массы и бросить вызов тому, что вы и ваши соседи всегда воспринимали как Библию, даже если подозреваешь, что система готова к самоуничтожению? Я медленно поднялся и направился в дом, чтобы налить себе еще кофе.

Сделав небольшой крюк, я взял свой экземпляр "Палм- Бич пост", лежавший у почтового ящика рядом с дорожкой к нашему дому. Газета поместила перепечатку той самой статьи из "Нью-Йорк тайме". Но теперь я обратил внимание на дату: 18 апреля. Это известная дата, во всяком случае в Новой Англии. Я запомнил ее, потому что мои родители свято относились к Войне за независимость.

В этом году Страстная пятница совпала с годовщиной ночной скачки Пола Ревира. Увидев дату на первой полосе "Палм-Бич пост", я вспомнил об этом серебряных дел мастере, который скакал по темным улицам городков в Новой Англии, размахивая шляпой, и кричал: "Британцы идут!" Ревир рисковал своей жизнью, чтобы скорее сообщить эту новость, и верные американцы откликнулись на нее. Тогда они остановили империю.

Я думал: что двигало ими; почему те колонисты-американцы были готовы оторваться от массы? Ведь многие из их предводителей были хорошо обеспечены. Что заставило их рисковать своим бизнесом, кусать руку, кормившую их, рисковать своими жизнями? Несомненно, у каждого из них были свои причины, и все-таки должна была быть какая-то объединяющая сила, катализатор, искра, которая зажгла все эти маленькие костры одновременно, именно в этот момент истории.

А потом я понял: слова.

Правда о Британской империи и ее эгоцентричной и в конечном итоге саморазрушительной системе меркантилизма вызвала эту искру. Разоблачение скрытой сути происходящего, с помощью слов, произнесенных такими людьми, как Том Пейн и Томас Джефферсон, зажгло их соотечественников, открыло их умы и сердца. Колонисты задумались и тогда обнаружили новую реальность, заслонявшуюся обманом. Они разглядели истину за патиной, поняли, что Британская империя манипулировала ими, обманывала, поработала их.

Они увидели, что их английские хозяева создали систему и затем обманули большинство людей, заставив их поверить в ложь о том, будто это была лучшая система из всех изобретенных человечеством, что построение лучшей жизни зависело от получения доходов королем Англии, что имперский подход к коммерции и политике был наиболее эффективным и гуманным средством помочь большинству людей, тогда как на самом деле система способствовала обогащению избранных за счет остальных. Эта ложь и порожденная ею эксплуатация существовали десятки лет, пока наконец несколько философов, бизнесменов, фермеров, рыбаков, колонистов, писателей и ораторов не начали говорить правду.

Слова. Я думал о силе слов, пока наливал кофе и шел обратно в офис к компьютеру.

Отключившись от сайта Си-эн-эн, я раскрыл файл, над которым работал накануне вечером. Я прочитал последний написанный мной абзац:

"Эта история должна быть рассказана. Мы живем во времена ужасного кризиса - и невероятных возможностей. История именно этого экономического убийцы - это история о том, как мы оказались там, где мы есть сейчас и почему мы столкнулись с кризисом, который кажется нам непреодолимым. Эта история должна быть рассказана, потому что, только осознав ошибки, совершенные в прошлом, мы сможем использовать во благо возможности, открывающиеся нам в будущем... Но самое главное, эта история должна быть рассказана, потому что впервые за всю историю появилось государство, которое имеет возможности, средства и власть, достаточные для изменения всего этого. Это государство, в котором я родился и которому служил в качестве ЭУ: Соединенные Штаты Америки".

На этот раз я не остановлюсь. Случайные совпадения в моей жизни и тот выбор, который я каждый раз делал, сталкиваясь с ними, подвели меня к этой точке. Я пойду вперед.

Я опять подумал о том человеке, одиноком всаднике, мчавшемся по темным предместьям Новой Англии, выкрикивая свое предупреждение. Серебряных дел мастер знал, что Пейн и Джефферсон уже сказали свои слова, что люди прочитали их дома и обсуждали в тавернах. Пейн рассказал правду о тирании Британской империи. Джефферсон провозгласил, что наша страна защищает право на жизнь, свободу и счастье. А Ревир, скакавший в ночи на коне, знал, что люди во всех поселениях воодушевлены этими словами; они поднимутся на борьбу за лучший мир.

ЭПИЛОГ

Мы подошли к концу этой книги - и к ее началу. Наверное, вы задумались: так что же дальше? Что надо сделать, чтобы остановить корпоратократию и прекратить этот безумный и саморазрушительный марш к глобальной империи? Вы готовы отложить книгу и изменить мир.

Вы хотите услышать предложения; могу поделиться некоторыми.

Я мог бы сообщить, что только что прочитанная вами глава, о "Бектел" и "Халлибертон" в Ираке, уже не новость. Она может показаться ненужной. Однако значение этих газетных статей намного важнее их сиюминутного содержания. Надеюсь, эта глава изменит ваше восприятие новостей, научит читать между строк любой газетной статьи и искать подтекст в любом радио- или телерепортаже.

Все не так, как кажется на первый взгляд. "Дженерал электрик" владеет медиаконцерном Эн-би-си, "Дисней" - Эй-би-си, "Виакон" - Си-би-эс, а Си-эн-эн входит в огромный конгломерат "АОЛ Тайм Уорнер". Большинство наших газет, журналов и издательств принадлежат гигантским международным корпорациям.

Наши средства массовой информации являются частью корпоратократии. Чиновники и директора, которые контролируют почти всю информацию, знают свою работу. На протяжении всей жизни их учили, что важнейшая их задача - сохранять, укреплять и расширять унаследованную ими систему. Они очень хорошо справляются с этой работой, а когда встречают сопротивление, становятся беспощадны. Так что эта ноша падает на вас: разглядеть правду за внешним прикрытием и сделать так, чтобы ее видели все. Говорите об этом в своей семье и со своими друзьями: сейте слово.

Я мог бы предложить вам список того, что нужно сделать в практическом смысле. Например, сократите потребление бензина. В 1990 году, до первого вторжения в Ирак, мы импортировали 8 миллионов баррелей нефти; к 2003 году, к началу второго вторжения, это количество возросло на 50 процентов и составило более 12 миллионов баррелей¹. В следующий раз, когда вы соберетесь пройтись по магазинам, почитайте вместо этого книгу, сделайте зарядку или займитесь медитацией. Снизьте ваши запросы в отношении дома, гардероба, машины, офиса и почти всего остального в вашей жизни. Выступайте против "свободных" торговых соглашений, против компаний, которые с помощью потогонных систем эксплуатируют отчаявшихся людей и грабят природу.

Я мог бы сказать вам, что в современной системе заложены большие возможности, что изначально нет ничего плохого в банках, корпорациях и правительствах и в людях, управляющих ими, и что они вовсе не обязательно должны объединяться в корпоратократию. Я мог бы подробно рассказать о том, что многие сегодняшние проблемы возникли вовсе не в результате злонамеренных действий каких-то институтов; скорее, они проистекают из порочной концепции экономического развития. Виноваты отнюдь не сами институты, но наше понимание того, как они должны функционировать и взаимодействовать друг с другом, а также понимание той роли, которую играют руководители этих институтов.

В действительности эти высокоэффективные мультинациональные корпорации и сети распространения могут быть использованы для достижения позитивных перемен. Представьте, что логотипы "Найка" и "Кока-колы" и арки "Макдональдса" станут символом компаний, важнейшей задачей которых является одевать и кормить бедных, не нанося при этом ущерба природе.

Это не более фантастично, чем высадка человека на Луне, развал Советского Союза или создание инфраструктуры, которая позволила бы этим компаниям проникнуть в любой уголок планеты. Нам

нужно изменить наш подход к образованию; нам нужно побудить себя и своих детей мыслить, задавать вопросы и осмелиться действовать. Вы можете стать примером. Будьте учеником и учителем; вдохновляйте всех вокруг вас своим примером.

Я мог бы предложить вам предпринять особые действия, которые могут повлиять на те организации, где вы работаете.

Выступайте на любом собрании, пишите письма и электронные сообщения, звоните по телефону с вопросами, голосуйте за здравомыслящие школьные советы, комиссии округов и местное самоуправление. Когда вам нужно принять на работу сотрудника, делайте это обдуманно; займитесь этим сами.

Я мог бы напомнить вам о том, что сказали мне шуары в 1990 году: мир таков, каким ты его видишь. Я мог бы сказать, что в наших силах заменить этот кошмар - загрязняющие окружающую среду производства, забитые автодороги, перенаселенные города - на новую мечту, основанную на уважении к Земле и принципах взаимоподдержки и равенства. В наших силах переделать самих себя, изменить нашу парадигму.

Я мог бы перечислить поразительные возможности, имеющиеся в нашем распоряжении, для создания лучшего мира прямо сейчас: достаточное количество еды и воды для каждого; лекарства для излечения болезней и предотвращения эпидемий, уносящих сегодня миллионы жизней; системы транспортировки, позволяющие доставлять жизненно необходимые ресурсы в самые отдаленные уголки планеты; возможность поднять уровень грамотности и предоставить интернет-услуги, позволяющие всем людям на планете общаться друг с другом; способы разрешения конфликтов, делающие войны ненужными; технологии, исследующие как бесконечность пространства, так и субатомную энергию, использование которых позволит создать экологичные дома для всех и каждого; достаточные для свершения всего вышеуказанного ресурсы и многое другое.

Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы.

М.: Pretext, 2005. Предисловие, эпилог, гл. 29, 31, 32, 35.

Максим Калашников, Сергей Кугушев. Третий проект. Книга вторая

ЧАСТЬ 3. ГЛАВА 1. ОТ МАСОНЕРИИ - К ЗАКРЫТОЙ СЕТИ

Строители храма и Закрытая сеть

Вряд ли кому-нибудь нужно доказывать очевидную вещь — история делается в США. Особенно после падения Советского Союза. Но кто правит Соединенными Штатами? Кто рулит будущим? Интересный вопрос...

Одни говорят, сионисты. Другие — масоны, указывая на обильную масонскую символику в этой стране. Третьи — «комитет 300» или бидельбергский клуб.

Спору нет — еврейская община имеет огромное влияние на все стороны современной американской жизни. Верно и то, что США, как и СССР — это государство, созданное по плану, причем у истоков североамериканской государственности стояли масонские ложи. Но теперь за фасадом официального государства США стоит нечто иное. Имя этому «нечто» — Закрытая сеть. ЗС — так для краткости.

Масонство возникло как объединение энергичных людей, которые не вписывались в традиционное общество с королем, аристократами и могуществом церкви, и потому решили разрушить его. Задачами позитивными у «вольных каменщиков» выступали создание рынка, введение демократии и установление личной свободы. Частная собственность в условиях рынка порождала буржуазный строй.

Демократия предполагала переход к республиканской форме правления с разделением властей. Личная свобода требовала отделить церковь от государства и перейти к правовым методам урегулирования конфликтов и регламентации жизни. Однако за тремя созидательными задачами вставали и три негативные: разрушение абсолютистского монархического государства, католической церкви и традиционной, по преимуществу рыночной экономики.

Масоны выступили «цементом», «строительным раствором» для скрепления «кирпичей» индустриального капитализма, его основных элементов. Триста лет назад эти слагаемые уже имелись без всякого масонства. И мануфактура (зародыш фабрики), и финансовый капитал, и парламентаризм, и зачатки свободной прессы, и суды городских ремесленных корпораций, из коих выросла независимая судебная система современного Запада. Масонство не породило их, а использовало, проникая в эти структуры и наполняя их своим смыслом. Масоны задали матрицу индустриально-демократической цивилизации Запада XX столетия с ее классическими признаками: разделением властей, либерализмом, частным предпринимательством, свободой вероисповедания, всеобщими выборами и т.д. Проникая в уже готовые структуры (как вирусы в клетку) масоны перестраивали их изнутри под свою матрицу. Перекодированию подвергались все структуры: и политические, и духовно-религиозные, и финансово-экономические, и сфера информации, и промышленность, и образование. Все они служили кирпичами для возведения здания новой цивилизации капитализма, и не зря «масон» в переводе — это «каменщик», строитель Храма, здания Индустриальной цивилизации.

Однако последствия исторической деятельности масонов на этом не заканчиваются. Выступая за демократию и равенство, само-то масонство имело весьма недемократическое устройство с иерархией, со строгим делением на высших (избранных), средних и низших. Масоны делились по градусам посвящения. Рынок, за который ратовали масоны, изначально базировался на финансах. Подлинным его порождением стал не классический капитализм, а денежный строй, где финансовый капитал господствовал над всеми сторонами, сферами и факторами экономической жизни.

Государство, созданное «вольными каменщиками», конечно, стояло на разделении властей, но одновременно у него была своего рода «подкладка» в виде теневой власти. Масоны построили светское, секуляризованное общество, в котором церковь отделена от аппарата власти. Но при этом их общество оказалось насквозь идеологизированным.

Благодаря удачно сконструированной матрице масонерия быстро распространилась в Европе, и еще быстрее — в Северной Америке, принимая в каждой стране своеобразные формы. На первом этапе, когда масонам приходилось ломать старое общество, они занимались в основном дестабилизацией и динамизацией мира. Они стояли у истоков буржуазной революции во Франции, Реставрации в Англии, наших революций начала XX столетия. Их мы встречаем у колыбели гарибальдийского похода за объединение Италии и создания единой Германии в эпоху Бисмарка, среди организаторов свержения испанского владычества в Латинской Америке, демонтажа Оттоманской империи и создания турецкого национального государства.

Мобилизуя силы для разгрома докапиталистического общества, масонство стягивало под свои знамена многих энергичных людей, которые не находили себе места в современном им социуме. Именно поэтому в масоны шли личности пассионарные. Именно поэтому его ряды в восемнадцатом-девятнадцатом веках так активно пополняли евреи. Ведь они были чужими для христианской цивилизации, а пассионарный запал у евреев достигал высокого накала. Здесь оказывались предприниматели и интеллектуалы, не имевшие прав в традиционном обществе. Сюда подтягивалась часть дворянской элиты, недовольная старым порядком. Так рождалась гремучая, революционная смесь.

В масонстве с самого начала присутствовали две тенденции. Одна — творческая, созидательная. Другая — разбойничья, «трофейная». Первая делала упор на самосовершенствование человека, на самопознание, на овладение скрытыми знаниями. Вторая — ставила на технологии присвоения чужих богатств, на создание иерархического мира, стремясь разделить человечество на господ и рабов. Эти тенденции переплетались. Трофеизм позволял добыть ресурсы, творчество — превратить их в нечто новое, использовать их в созидательной деятельности.

Индустриализм окончательно победил и стал господствующим укладом экономики к началу 1930-х годов. К этому времени масонство исполнило свою историческую миссию и тем самым изжило себя. Однако возникший индустриальный социум получился очень сложным, разветвленным и противоречивым. Его структуры оказались специализированными и дифференцированными, разветвленными и многоуровневыми, имеющими собственную, не всегда совпадающую направленность изменений и их ритмику.

И тогда на место прежних религиозных орденов и традиционных масонских лож (то есть, закрытых обществ) во второй половине XX века приходит Закрытая сеть (ЗС). И мы, читатель, опишем ее суть в сжатом виде.

Суть ЗС состоит примерно в следующем. Привычные и заметные всем институты в экономике, политике, культуре, общественной жизни и т.п. как бы приобретают новое качество наряду со своими основными функциями. Начинают действовать не только в режиме функционирования, но и берут на себя задачи развития. Они становятся действующими лицами психоистории. Факторами социодинамики. В результате получается нечто, стоящее за спиной государства и общества, за фасадом экономики и финансов на Западе. Нечто, обеспечивающее тамошней цивилизации эволюцию и динамику — и чего, увы, нет у нас! — Закрытая сеть.

ЗС связывает между собой образование и финансовые структуры, закрытые клубы элиты и «мозговые центры», ядра политических партий и спецслужбы, но при этом выступает именно как сеть, а не иерархия. Здесь все связано со всем, вступая во взаимодействие. Это вам не масонство с его простой вертикальной иерархией! Тут мы имеем дело с распределенной, словно звездная туманность, многоконтурной сетью. Иерархический принцип встроен — но только в ее ячейки. Он-то и обеспечивает координацию и управление внутри ЗС.

Контур, где рождается элита

Из чего состоит ЗС? Из нескольких контуров.

Итак, контур первый — это система образования.

Система западного образования сложилась в позапрошлом веке, но новое качество обрела лишь когда вплелась в Сеть. Образование в США играет, помимо своей прямой функции, еще и особую роль — многоступенчатого фильтра для отбора людей в Закрытую сеть. Она существует для того, чтобы туда не попадали случайные личности. Через университеты в сеть попадают самые талантливые и энергичные ребята из низших и средних слоев общества. Свежая кровь, так сказать. В этом смысле западная система образования второй половины XX и начала XXI века не только обеспечивает нужды бизнеса, науки и управления, но и служит делу отбора, селекции. В этой части Сети все всех знают. Индустриальное общество — это царство формальных отношений, где все задается безличными законами, на страже которых стоит государство. Но в Закрытой Сети, которая индустриальной и постиндустриальной системой управляет, все обстоит наоборот: тут отношения неформальны, главным становится не закон, а связи. И на этом же уровне происходит первичное программирование будущих «сетевиков». В их сознание закладываются нужные вкусы, привычки и представления, формируют стереотипы и установки, необходимые для воспроизводства элиты.

Свои функции система образования осуществляет двояко. Во-первых, через собственно учебу. Во-вторых, через проведение молодежью досуга. Прежде всего через спорт. Все логично: учеба развивает дух, спорт — тело. И там, и там происходит общение. Британия создала кампус — университетский городок-лагерь, вынесенный за пределы обычных городов. Американцы полностью переняли этот принцип и творчески его развили. Благодаря кампусу молодой человек отрывается от семьи и системы привычных связей, попадая в совсем другой мир. Здесь он находится под постоянным воздействием преподавателей и наставников. Здесь ему приходится доказывать свои способности, соревноваться с другими студентами (в учебе и спорте).

Американцы привнесли в систему обучения и воспитания свою струю. В старой доброй Англии в тайные и закрытые общества вступали, в общем-то, зрелые люди. А вот у янки закрытые общества существовали (и существуют) в университетах — «Череп и кости», «Фи-Бета-Каппа» и пр. Здесь происходит отбор второго круга. Внутри элиты выделяется суперэлита, избранные. Их индоктринируют, пропитывают идеологией. Ну, как в первобытных племенах, где совершались обряды посвящения в воины, инициации, получения нового качества. Здесь отбор идет по качествам лидера. Ты — лучше и выше других, ты можешь вести за собой и руководить. Поэтому ты должен нести ответственность перед теми, кто находится с тобой в одном круге, а прочих рассматривать как средства для достижения целей.

По мере развития обществ в американских университетах они превратились из тайных в закрытые, все о них знают, но туда не всякого берут. Эти общества выполняют строго определенную функцию.

Есть ли в таких обществах свои «вожатые»? Вот у советских пионеров вожатыми были комсомольцы, а самим комсомолом руководила Партия. А у американцев? Есть. Такими обществами в их престижных, сплошь негосударственных вузах руководят не преподаватели (наемные работники), а члены попечительских советов университетов. То есть те, кто жертвует деньги на университеты, люди крупного бизнеса, политики и спецслужб. Они не извлекают из своего участия в университетской жизни прямой экономической выгоды. (Здесь действует «экономика дарения»). Выгода здесь иная: за свои деньги попечители получают доступ к самому лучшему человеческому капиталу, обретают право отбирать себе сильнейших из сильных. Таким образом, Сеть достраивает себя.

Контур второй — система совместного проведения времени, досуга.

Это — важнейший элемент нынешней согласительной экономики и общества Запада, основа тайной власти в политической и экономической сферах. Тут вам и клубы гольфа, и яхт-клубы, и закрытые бизнес-клубы. Во второй половине XX века стали возникать именно сети закрытых клубов. Сформировалась целая традиция закрытого управления, регулирования политики и экономики, основанная на совместном обсуждении проблем и согласовании важнейших вопросов на неформальной основе. Вот так — без галстуков, за клюшкой на поле для гольфа.

Так обеспечиваются процедуры согласований и технологии принятия совместных решений. Здесь происходит и вторичный отбор людей, присвоение им следующих градусов посвящения — если говорить языком масонов. Здесь отбор происходит по критерию связей. Принцип же прост: люди одного круга одинаково развлекаются. У них есть всемирные «тусовки»: чемпионаты «Формулы-1», Каннский кинофестиваль, охота на носорогов в Зимбабве, чемпионаты мира по гольфу, показы мод в Париже и Милане, дискотеки в Монако и Ибице, теннисные чемпионаты — имени Ролана Гарро или в Уимблдоне. Даже собирается элита в одних и тех же ресторанах высшего класса, в одних и тех же концертных залах, посещают одни и те же престижные магазины.

— Дело доходит до анекдотичных ситуаций, — смеётся Сергей Кугушев. — У меня есть двое хороших друзей и деловых партнеров в США. Причем друг с другом они были совершенно незнакомы. Первый — единственный наследник родовитой, богатой американской семьи. Другой — в большей степени «человек, который сделал себя сам». В США он стал блестящим инвестиционным банкиром. Сюжет состоит в том, что второй собрался жениться. И звонит мне: такую, мол, девчонку классную нашел в Париже — полуканадку-полуиспанку, манекенщицу, которая на психолога учится. Приезжай — познакомимся. Словом, встретились мы с американским другом и его моделью в Париже.

Прилетаю в Штаты. Встречаюсь с первым. Мол, Стюарт, один мой друг жениться собрался. Такая классная девчонка у него... Ну, и описал девушку. А он — чуть не падает со смеху: «Знаю ее, знаю. У неё черные волосы и голубые глаза? И рост такой вот? И работала в основном у «Джанкарло Феррэ»? «Да», — отвечаю ошарашено. А он мне рассказывает: я, мол, с ней два года назад полгода прожил. В принципе девушка-то ничего, но дальше у нее начнут проявляться такие-то и такие-то качества. В общем, говорит, нехай твой друг мне позвонит — я его проконсультирую.

Одним словом, в Закрытой Сети даже спят с одними и теми же «гёрлфрендз»...

В ЗС люди, которые в обычной жизни могут стоять по разные стороны баррикад (например, принадлежать к противоборствующим политическим партиям или быть конкурентами в бизнесе), встречаются, взаимодействуют, корректируют и согласуют свои позиции. Общество слишком сложно, чтобы им могли управлять какие-нибудь семь банкиров, будь они хоть трижды евреями. Нет, для этого нужны сложные согласительные системы, действующие как коммуникаторы и расположенные вне дела, в сфере общения и развлечений. Второй контур сети фактически занимается и консолидацией американской элиты.

Третий контур сети: оборотни среди корпораций

Порой кажется волшебной та слаженность, с которой умеет работать крупный американский бизнес. Его лидеры могут руководить чем угодно — самолетостроением, информационными делами или голливудскими киностудиями. В общем, сегодня — одним, завтра — другим, а послезавтра вообще третьим. Но при этом все они вышли из одних и тех же школ. Путь их порой извилист: кто-то сначала работал в «Боинге», потом — в Ай-Би-Эм, а нынче руководит в «Кока-коле». Кто-то начинал в «Леман Бразерс», а ушел в «Креди Свисс». Но все друг друга знают. Все они являются конкурентами. Но при этом часто садятся за круглый стол и решают проблемы не по-рыночному, а на основе соглашений, торга, уступок. Они объединены тем, что все возглавляют структуры, в большинстве случаев не имеющие конкретного собственника. Кому принадлежит «Кока-кола»? Миллионам акционеров. И та же история наблюдается в других больших корпорациях. Большие пакеты акций держат тоже безличные хозяева — пенсионные и «взаимные» фонды, инвестиционные банки и страховые компании. В этом смысле высшие менеджеры США действительно похожи на директоров советских заводов. Вроде бы они не владеют своими корпорациями, но именно эти парни все решают. Правда, нет ЦК КПСС сверху. Но менеджеры Запада отнюдь не бесконтрольны. Когда у нас управляющие избавились от контроля, Советский Союз пал. Контроль за менеджерами на Западе идет через Сеть. Они все в нее включены — и ею контролируются. Каким образом?

Дело в том, что главная особенность ЗС состоит в ее сложности. Сеть соткана из организаций-оборотней, которые, с одной стороны, включены в обычную жизнь экономики и социума, а, с другой, выполняют задачи, возложенные на них Сетью. Более того, они сами являются Сетью и в рамках ее выполняют особые миссии. С одной стороны, эти миссии связаны с основной деятельностью «оборотней», а с другой — выходят за ее пределы.

Корпорации, как организации-оборотни, составляют третий узел ЗС. О чем идет речь? Начнем с функций. Наверное, сегодня всем очевидно, что крупные корпорации не просто влияют на политику государств, не просто принимают огромное участие в выборах, но и прямо вмешиваются в эту политику, прямо осуществляют далеко идущие структурные изменения социума. Чтобы не утомлять читателя, приведем несколько примеров последних тридцати-сорока лет, когда капитаны крупного бизнеса негласно участвовали в принятии судьбоносных политических решений, которые на долгие годы вперед определили жизнь стран и целых регионов.

Вот, скажем, участие крупнейшей телекоммуникационной корпорации ИТТ в свержении режима Сальвадора Альенде в Чили 1973 года. Она не только финансировала переворот генерала Пиночета, но и при помощи своих специальных подразделений, далеко выходящих за рамки ее бизнеса, проводила операции, направленные на подрыв чилийской экономики начала семидесятых, прямо занималась консолидацией антисоциалистических сил Чили. «Интернешнл телеграф энд телефон» предоставляла этим силам и денежную помощь, и связь, и организационные услуги. Эта корпорация орудовала не только (а, может, и не столько) в интересах США, борющихся с Советским Союзом, но и в своих деловых интересах. Она изменила направление политического развития не только Чили, но и всей Латинской Америки, свернув его с социалистического на умеренно-модернизационный путь, на вариант, который дал корпорации не только доходы-прибыли, но и эффективные рынки, и устойчивое положение на них.

Есть ещё один пример. Наверное, нашему дорогому читателю известно, что в 1980-х годах на Западе поднялась мощная волна «зеленого», экологического движения. Оно появилось в тот исторический

момент, когда Западная Европа начала реально объединяться, и перед США маячил образ сильнейшего соперника — таких Соединенных Штатов Европы, с космонавтикой, ядерной промышленностью, сильнейшими научно-технологическими центрами и прочими принадлежностями мирового лидерства. И тут же буквально взорвалось экологическое движение...

«Зелёные» превратились во влиятельную силу в Германии и вошли в ее правительство, достигли серьезных успехов в Скандинавии и в странах Бенилюкса, собрали много голосов на парламентских выборах во Франции. Казалось бы, все случилось прежде всего из-за пробуждения экологического сознания в широких массах, понимания ими тех опасностей для Земли, которые несет с собой бесконтрольный технический прогресс. Триумф «зеленых» серьезно изменил политическую обстановку в Европе и привел к целой гамме последствий. Они стали силой, которая с каждым годом все явственнее тормозит технический прогресс и переводит Европу на путь так называемого «устойчивого развития» с падающими темпами технического прогресса. Тем самым Европа обрекается на отставание от Америки, ее конкурентоспособность снижается.

Благодаря усилиям «зелёных» европейцы без лишнего шума свернули целый ряд важнейших энергетических программ, связанных с дальнейшим проникновением в тайны мироздания как на уровне космологии, так и на уровне микромира. «Зеленые» стали могильщиками ядерной энергетики. Хорошо известно, что там, где «зелень» вошла в правительства, для ядерщиков настали черные дни. Из магистрального пути развития энергетического базиса АЭС в Германии превратились в изгоев. Нечто подобное наблюдается в Скандинавии. Да и во Франции, которая вместе с Россией и США является лидером ядерной энергетики, экологи чинят препоны для строительства новых ядерных станций и давят на власти, требуя закрыть действующие АЭС. Таковы последствия успехов «зеленого движения».

У нас была возможность ознакомиться с удивительными материалами. Об обстоятельствах доступа к ним умолчим. Да и цитировать прямо не станем. Они говорят об источниках финансирования избирательных кампаний «зеленых», о поступлениях денег в их фонды тогда, когда они уже прорвались в структуры власти. Оказалось, что «зелень» существует не на деньги простого народа, возжаждавшего бороться с дьяволом научно-технического прогресса, не на взносы любителей природы и домашних кошек, не на гроши «новых недовольных». Источник, как всегда, прост, хотя и хорошо замаскирован. С одной стороны, средства в «зелёных» вливали крупнейшие газовые концерны, которым нужно было убрать атомных конкурентов. С другой стороны, борцов за чистую планету субсидировали всяческие фонды, связанные с транснациональными корпорациями, со штаб-квартирами в Соединенных Штатах...

Этого следовало ожидать. Переводя энергетику Европы на газ, европейцы дарили огромную власть газовым компаниям. И вот газовики получили под контроль все жизнеобеспечение Старого Света — и тепло, и электричество. Они стали хозяевами завтрашнего дня. В конце концов, Европа оказалась беззащитной под ударом высоких цен на энергоносители в начале этого века, которые вогнали ее в экономический кризис. А вот транснациональные корпорации, базирующиеся в США, достигли иной цели: они сильно замедлили развитие Европы. Руками «зелёных» — остановили европейские научные исследования на ключевых направлениях, которые могли привести к подлинным прорывам в энергетике, в космонавтике, в создании новых материалов и в геномной инженерии. Заслуга «зеленых» в уничтожении последнего направления общеизвестна.

Вкладывая в «экологов», американцы били конкурентов. В своем обычном обличье американские компании тем самым решали свои экономические задачи, а вот уже как организации-оборотни — изменяли течение мировой истории и работали как элементы ЗС. Им удалось надолго затормозить процесс обретения европейцами научно-технологической мощи.

Наконец, остановимся на пока неизвестном, удивительном и спорном примере.

— В 2001-м я провёл почти трехчасовой разговор с активным участником избирательной кампании 2000 года в США, — рассказывает Сергей Кугушев. — Он рассказал мне, что с первых месяцев 2000 года в США началась яростная кампания за применение антитрестовского (антимонопольного) законодательства к знаменитой корпорации «Майкрософт». Как вы помните, ее пытались заставить

разделиться. Последствия этой кампании оказались поистине тектоническими. В США разразился крах «новой экономики», стал падать индекс NASDAQ, а фондовый рынок страны постиг серьезный кризис. Все это стало трагедией для средних слоев американского общества и для многих институциональных зарубежных инвесторов. Но при этом кризис оказался выгодным для ряда крупнейших корпораций «традиционной» экономики, финансовых институтов, компаний-лидеров «нью-экономики» и для политической элиты Америки.

С одной стороны, попытка расчленения «Майкрософт» по антитрестовскому законодательству сыграла роль катализатора, спровоцировавшего фондовый кризис в США. Но эта кампания ударила и по самой «Майкрософт», вызвав весьма серьезные затруднения у мирового лидера в области разработки программного обеспечения. Владелец дела, Билл Гейтс, лишился нескольких десятков миллиардов.

Такие вещи не прощаются, а особенно — компанией, выросшей на заказах Пентагона, которая оказывала пусть не афишируемые, но от того не менее важные услуги американскому разведывательному сообществу. И наш источник рассказал: в самом начале президентской выборной гонки-2000 Гейтс занял антиклинтоновскую позицию, он пошел против преемника Клинтона — Гора. При этом миллиардер не жертвовал кучи долларов Бушу, не делал широкомаштабных заявлений. Нет, он повел игру по двум направлениям. Через сложнейшую сеть взаимоотношений с прессой, телевидением и другими каналами обработки общественного сознания Гейтс в духе стратегии не прямых действий обеспечил перевес Буша-республиканца над демократом-Гором в сфере масс-медиа. С другой стороны, пользуясь надежными и хорошо законспирированными источниками в разведсообществе США, он разработал стратегию которая в сочетании с «цэрэушным» прошлым отца нынешнего президента привела к тому, что спецслужбы Америки стали оказывать очевидные услуги кампании Буша-младшего. Услуги эти были, как вы понимаете, совсем не явными, но очень важными: начиная от предоставления информации и очень осторожного побуждения влиятельных людей на местах поддержать Буша-мл. — и кончая спецоперацией по обеспечению решающего перевеса голосов на выборах.

Когда Америка раскололась почти пополам, и стрелка весов общественных предпочтений «Гор-Буш» стояла почти посередине шкалы, демократам во главе с Клинтон и Гором нужны были дополнительные голоса. Тогда Клинтон предпринял отчаянную попытку их завоевать, устроив примирение на Ближнем Востоке. Он пригласил лидеров Израиля и арабского мира в США, предложив им подписать новый Кэмп-Дэвид, новое решающее соглашение о примирении — подобное тому, что вывело в 1977-м из антиизраильского фронта самую мощную арабскую страну, Египет.

Если бы этот план удался, то Гор, будучи тогда вице-президентом США, купался бы в лучах славы вместе с Клинтон. Демократы получали голоса и влиятельной еврейской общины США, и набирающей силу арабской диаспоры. Это могло стать решающей «гирей», брошенной на весы победы демократов над республиканцами. (Победы людей с «трофейным» духом над американскими патриотами старой традиции — добавим мы). И для заключения соглашения, казалось, было все. На израильскую делегацию умело воздействовал партнер Гора, шедший кандидатом на пост вице-президента США — ортодоксальный хасид Либерман. Лидеры арабской диаспоры дружили с Клинтон, прекрасно помнили услуги, оказанные им арабским странам и вообще исламскому миру. С часу на час пресса готовилась передать на всю планету весть о последнем, сенсационном успехе Клинтона. В общем, договор казался обреченным на успех. Но...

Все сорвалось из-за того, что в самый последний момент против договора выступили влиятельные силы и в Израиле, и в арабском мире. Как поведал источник, и в этом, и в том, что американцы выбрали неверную стратегию переговоров сыграла вполне саботирующая позиция спецслужб США и, прежде всего — могущественного ЦРУ. Они сделали все, чтобы мирный договор не подписал именно демократ Клинтон, чтобы он не подарил победу именно Гору. Все миротворческие переговоры закончились полным срывом и горьким разочарованием. Такой итог породил как гнев арабской диаспоры, так и пессимизм еврейской общины. А в итоге Гор уступил на выборах техасскому ковбою Бушу.

И это стало триумфом «Майкрософт», утонченной мстостью Билла Гейтса. После поражения Гора и воцарения Буша вся «антимайкрософтовская» истерия в Америке сошла на нет, и сегодня уже никто и не

помышляет о раздроблении знаменитой корпорации на несколько компаний, как это произошло в самом начале XX века с детищем Рокфеллера, трестом «Стандард Ойл»...

Мы привели эти примеры для того, чтобы живописать функции крупных бизнес-структур как организаций-оборотней в третьем узле Закрытой Сети. Это — функция участия в динамике общества, миссия изменений тенденций-трендов развития общества. Изменение самих изменений — это не тавтология, а объективная быль нашей эпохи. Решая, казалось бы, сугубо свои экономические задачи, оборотни преобразуют мир, делая его совершенно иным.

А какие механизмы позволяют оборотням третьего узла ЗС добиваться этого?

Мы называем эти механизмы согласительно-солидарным способом взаимодействия. Этот механизм не то, чтобы прямо противостоит и рынку, и принципу свободной конкуренции, а, скорее, дополняет их. Аккурат в соответствии с принципами неклассической физики о дополнительности противоположных свойств материи. Он же соответствует и важнейшим положениям диалектической философии о единстве и борьбе противоположностей.

Укажем на три формы таких систем согласования и солидарного действия корпораций при изменении тенденций и формировании точек-«джокеров». Хотя они могут поразить вас своей тривиальностью и обыденностью, таковыми они кажутся лишь на первый взгляд. Здесь надобно вчитаться в них, вдуматься, до конца поняв, насколько сложная и эффективная система действует на Западе сегодня.

Первый паттерн — это многочисленные, все более развивающиеся юридические компании по всему миру. Хорошо известна американская шутка насчет того, что США существуют для врачей и юристов. Каждый, кто работал с американцами, слышал их непрерывные стенания о том, сколько денег приходится платить ненасытным лойерам-адвокатам. Законник в Америке нужен буквально на каждом шагу.

При поверхностном взгляде юридические фирмы представляются фабриками по производству гор всяческой документации, а законники — высокооплачиваемыми паразитами. Они сопровождают и человека, и компанию по жизни, отмечая каждый их шаг или вздох, обеспечивают защиту их интересов и решают все спорные вопросы.

А вот в ипостаси оборотней ЗС адвокатские конторы осуществляют согласования, достижение компромиссов, обеспечивая тем самым общее действие внешне противоречивых и конкурирующих между собой структур. Делают они это в основном в досудебной форме. В чем состоит главная работа юристов? В проведении технологически правильных процедур переговоров, согласований и компромиссов. В документальном закреплении достигнутых результатов. В возможной коррекции действий участников переговоров при воплощении в жизнь того, о чем они договорились. И если взять не количество бумаг, а их роль и вес, то именно эти «невидимые» документы и есть главная работа американских законников. Вместе с организацией важных переговоров и процедур. Чем выше репутация адвокатской компании — тем больше она занимается не судами, а именно такой «работой оборотня».

Вторая система солидаризации — это способ управления крупнейшими акционерными корпорациями, при котором в них самих встроены механизмы-«оборотни».

Они существуют вместе с обычными органами управления акционерными обществами, но пробуждаются к действию лишь тогда, когда компания сама начинает выполнять задачи оборотня Закрытой Сети.

Например, вместе с обычными собранием акционеров, советом директоров и правлением в американских корпорациях есть еще одна структура, о которой в России просто не знают — наблюдательные, стратегические или корпоративные советы.

Даже в самых крупных компаниях нынешней России ничего подобного и близко нет. Эти советы — отнюдь не советы акционеров, которые собираются на заседания всего лишь несколько раз в году. В наблюдательные советы могут входить даже те, кто не имеет ни одной акции компании. Это — и не исполнительная дирекция, занятая оперативным управлением. Нет, сюда входят уважаемые, очень влиятельные люди, которые получают за свою работу весьма солидное вознаграждение. При этом они

далеко не всегда принимают решения по каким-то стратегическим программам корпорации, не делят прибыли компании, определяя: вот эту долю пустим на развитие, а эту — на дивиденды.

Чем же тогда занимаются эти «синедрионы мудрецов»? Они обеспечивают взаимодействие компании с другими участниками рынка, с иными участниками крупнейших проектов. И они же организуют взаимодействие корпораций с государством, с политическими структурами, социальными движениями и с силовыми структурами. Не участвуя в оперативном управлении и не распределяя прибылей-убытков, не решая кадровых вопросов, эти советы заняты налаживанием коллективного взаимодействия.

Характерная их черта состоит в том, что в наблюдательные советы многих компаний входят одни и те же лица. Этому никто на Западе не чинит никаких препон, а, наоборот, все горячо приветствуют такое совмещение. Один и тот же человек может отстаивать интересы сразу нескольких корпораций. На этой основе возникают сложнейшие переплетения, тончайшие механизмы настроек и согласований. Разработаны особые процедуры для того, чтобы такая сеть эффективно работала. Аналогов ее у нас, к сожалению, нет...

Наконец, третьей формой механизма солидарного взаимодействия в третьем узле ЗС выступают разнообразные союзы, совещания и ассоциации крупного бизнеса. Например, Конфедерация промышленников Италии или Союз крупного французского бизнеса. Сюда же мы отнесем отраслевые структуры и советы, которые сложились в Соединенных Штатах. Общим у них является то, что эти структуры, с одной стороны, обеспечивают представительство бизнеса в разного рода политических и социальных движениях, а, с другой стороны, позволяют деловым кругам вырабатывать общие точки зрения. В нынешних условиях (особенно — в США) эта форма взаимодействия, до начала 1980-х годов выступавшая самой сильной и распространенной, сегодня теряет былое значение. Но, тем не менее, они остаются, и, возможно, в новых условиях обретут «второе дыхание».

«Мыслительные танки» в наступлении

Для того же, чтобы воспитать, запрограммировать и задать направление движения, чтобы это направление оперативно корректировать, после Второй Мировой развились невиданные прежде структуры, ставшие важнейшим элементом закрытой сети. Это «фабрики мысли», «мозговые тресты», think tanks. Это — четвертый контур ЗС.

Мы уверены, что благодаря именно им Запад смог овладеть технологией управления будущим. Именно они сделали интеллект решающей силой развития, преодолев и косность бюрократических систем, и засилье омертвевших взглядов в правящих кругах. И эти же «мыслительные танки» принесли США победу в Третьей мировой войне 1946-1991 годов.

О них сегодня говорят на каждом шагу. Независимые, не нацеленные на извлечение прибыли организации, созданные для обсуждения и проталкивания важнейших для жизни западного общества решений. Здесь создаются проекты будущего, стратегии движения вперед. Они — центры притяжения для интеллектуалов. В своем развитии они прошли несколько важных этапов.

Первые «фабрики мысли» возникли почти полтора века назад. Например, Франклиновский институт в Америке и германский Генеральный штаб при Мольтке-старшем. Но подлинный расцвет «фабрик мысли» начинается после Второй мировой, когда вызревают основные контуры и узлы Закрытой сети. Эта одновременность совершенно не случайна. Сети понадобился особый интеллектуальный контур, ответственный за глубокое исследование проблем и поиск их решений. А еще — перевод найденных решений в хорошо продуманные и скоординированные программы, обеспеченные ресурсами, технологиями, исполнителями. И они справляются с этим делом намного лучше государства. Эти принципиально новые структуры совместили в себе черты научно-исследовательского института и университета, разведки и современной корпорации, действующей в ситуации постоянной неопределенности и неустойчивости.

К нынешнему времени сложилось несколько типов «фабрик мысли». Их особенности определялись, как правило, обстоятельствами эпохи и политического строя, в коих им приходилось

работать. К примеру, ярчайшим представителем «фабрик мысли» первого поколения стала РЭНД-корпорация. Она возникла в 1948 году, в жестокую эпоху, когда государства Запада управляли почти всеми сторонами жизни общества, а в воздухе витала угроза новой «горячей» войны. В те годы Америке пришлось искать ответы на вызов со стороны сталинского СССР, ударными темпами поднимавшегося из пепла, овладевавшего атомной энергией, реактивной и ракетной техникой, электроникой. Тогда советское влияние невиданно расширило свои пределы, охватив Восточную Европу, Китай и часть Азии — всего 700 миллионов человек в общей сложности. Надо было сделать государственное вмешательство в экономику и политику на Западе наиболее рациональным и эффективным. Да и громадный интеллектуальный потенциал гражданских ученых, мобилизованных во Вторую мировую, требовалось сохранить и использовать в Холодной войне.

Поэтому и возникла РЭНД — инструмент военно-стратегических исследований в интересах Военно-воздушных сил Америки, попробовавших вкус глобальной стратегии. Первоначально она даже так и называлась — «Проект ВВС». (В советских военных и разведывательных кругах ее окрестили «Академией смерти»). Сегодня RAND занимается междисциплинарными исследованиями на ниве национальной безопасности Соединенных Штатов в самом широком смысле этого слова — от военных аспектов до проблем распространения СПИДа в стране. К 1960-м она смогла наладить дело эмпирического, бескорыстного и независимого анализа неотложных проблем Америки. При RAND возникла своя высшая школа, своя платформа для передовых образовательных программ. Среди полутысячи профессиональных исследователей корпорации почти 80 процентов — это люди с докторской степенью. Корпорация обзавелась филиалами во всех крупных городах Америки и даже в Голландии (РЭНД-Европа). Интересен набор тем, по которым работала эта «фабрика мысли» в 1999-м. Это наука о поведении; экономика со статистикой; образование, здравоохранение и благосостояние населения; информационные технологии и наука; гражданское и криминальное правосудие; международная политика; наука об управлении; технология и прикладная наука; национальная безопасность и военные исследования; внутренняя политика. В интересах и власти, и бизнеса. Посмотрите — и вы поймете, почему наше «общество» (особенно — постсоветское) отличается такой узколобостью и недалечностью, почему мы проигрываем американцам на каждом шагу.

Есть любопытное свидетельство эмигранта Валерия Коновалова, работавшего с РЭНД-корпорацией в начале 90-х:

«...Конечно, там работали и работают отделы, куда без специального пропуска ходить не разрешается. Однако вместе с тем открытая часть «РЭНД», работавшая совместно с Отделом стратегических исследований Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, была в достаточной мере доступной. В бытность мою в США этой частью «РЭНД» руководили два человека, с одним из которых, доктором Анджеем Карбоньским, мы стали друзьями. Успех «РЭНД корпорейшн» прежде всего состоял в том, что, обладая весомыми финансовыми средствами, корпорация могла субсидировать исследования практически в любой области, приглашая для этого мировые величины в науке. Порой эти научные светила, скажем, весьма далекие от сугубо военных проблем, способом так называемой мозговой атаки достигали просто ошеломляющих результатов...» (В.Коновалов. «Век «Свободы» не слышать. Записки ветерана холодной войны» — Москва, «Алгоритм», 2003 г., с.44-45).

Второе поколение «мыслительных танков» родилось в шестидесятые, когда наметились расхождения в интересах между военными и гражданскими исследованиями и когда Запад ощутил голод на новые концепции развития. Да и СССР в то время рос фантастическими темпами, поражая мир своим космическим прорывом и новым качеством жизни. Запад осознавал и глобальность встающих перед человечеством проблем. Отход РЭНД от чисто военных тем уже не спасал положения — нужны были негосударственные «мозговые тресты», нацеленные на независимые исследования публичной политики. Центры исследования будущего. И вот из РЭНД выделяются два новых «танка» — Гудзоновский институт (1961 год) и Институт будущего (1968-й).

Первый основал ныне покойный мыслитель Герман Кан, ставший, кстати, одним из интеллектуальных отцов рейгановской стратегии сокрушения СССР в 1980-х. С самого начала Гудзоновский

институт осмысливал будущее с противоречивой точки зрения, вскрывал роль новых технологий в развитии человечества и прогнозировал его тенденции в интересах правительства, деловых кругов и широкой общественности Америки. Искать решение завтрашних проблем уже сегодня — вот его принцип.

Институт будущего — это неприбыльная фирма-консалтер. Занята она тем, что постигает суть экономических, технологических и общественных изменений, предугадывая их внутренние и глобальные последствия. Все это должно помочь Закрытой сети США принимать правильные решения. Среди клиентов Institute for the Future есть крупнейшие компании США и транснациональные корпорации — ведь институт помогает им понимать глобальный рынок и обнаруживать перспективные рынки. Поэтому Институт будущего работает по четырем крупным направлениям: прогнозированию и стратегическому планированию, восходящим информационным технологиям, направлениям развития системы здравоохранения и программам для государственного сектора. Благодаря прогнозированию, «мозговые танки» второго поколения смогли активно вмешиваться в политику Соединенных Штатов.

С начала семидесятых на Западе начинается «неоконсервативная революция» — отход с позиций тотального государственного регулирования жизни. Поднимаются знамена либерализма, приватизации и свободного рынка, готовится приход к власти лидеров этой волны — Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании. Тогда же в Закрытой сети возникают и «фабрики мысли» третьего и четвертого поколений: Американский институт предпринимательства, Центр стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете, Бруклинский институт, Фонд «Наследие» и Институт урбанистики.

Рыночное поколение «мыслительных танков» называют еще «адвокатским». Они сыграли громадную роль в создании нынешней неолиберальной экономики США. В пору отказа американского государства от «советских» черт и повышения роли властей штатов (регионов) на местах возникло множество локальных «мозговых трестов». Таких, скажем, как Массачусетский институт нового общества, Институт Манхэттена и Институт Аллегени. Они помогли штатам строить новую политику, решать местные проблемы. И одновременно — становились сильнейшими центрами Холодной, Третьей мировой войны, перехвата инициативы у Советского Союза. Что их отличало? Они не только разрабатывали программы действий — этим и РЭНД занималась — но и активно внедряли их в элиту, в практическую ее деятельность.

Основанный в 1973 году Фонд «Наследие» (Heritage Foundation) — самый знаменитый образчик «мыслительных танков» третьего поколения. Это — создатель либеральной рыночной политики США. «Свобода», «семья», «патриотизм», «самоуправление и предпринимательство», «личная ответственность», «вера», «власть закона», «конкуренция» — вот принципы «Херитидж». У фонда к концу 90-х имелось почти двести тысяч вкладчиков. Именно он в 1980-м создал тысячестраничную программу «Мандат на лидерство», превратившуюся в программу действий рейгановской администрации. И вот итог: сегодня писатель Том Клэнси посвящает свои технотриллеры «Рональду Рейгану, президенту, одержавшему победу в войне».

Свой уровень заняли и «танки» четвертого поколения — локальные, вроде институтов Манхэттена и Аллегени. Скажем, первый появился в 1978-м как совместный британо-американский проект. Англичанин Энтони Фишер убедил крупный американский бизнес в том, что надо применять философию свободного рынка к публичной политике и смог организовать группы исследователей как при Тэтчер в Англии, так и при лидере республиканцев Рейгане в Соединенных Штатах. Примечательно, что американскую группу «манхэттенцев» возглавил Уильям Кейси — будущий шеф ЦРУ в восьмидесятые годы, автор и проводник агрессивной стратегии по уничтожению Советского Союза. А на щит Институт Манхэттена поднял принцип максимального раскрытия способностей предприимчивых людей — ибо это, по его убеждению, есть колоссальный резерв для развития экономики и общества. «Интеллект мы делаем влиятельной силой!» — вот лозунг этого проекта.

Надо сказать, что институту удалось стать крупным центром мобилизации всех либералов-рыночников, объединив и рыночных консерваторов, и консерваторов социально-ориентированных, и консерваторов аристократического толка, и даже часть демократов с «левыми либералами» («розовыми»). Примечательный факт: четверть своих средств институт тратит на поддержку Инновационного центра образования (у него есть еще и центры правовой политики и гражданских инноваций). В активе института

— кардинальная перестройка политики городских властей Нью-Йорка, позволившая остановить сползание мегаполиса в хаос преступности, безработицы, высоких налогов и глубокой депрессии. На обедах в Гарвардском клубе «манхэттенцев» собираются для слушания лекций сливок американского общества.

Вот — суть «мозговых танков» третьего-четвертого поколений. Иногда их называют «фабриками дела», а не только мысли.

Наконец, сегодня в Закрытой сети бурно развиваются «танки» пятого поколения — сетевые, распределенные. Они служат не только государственно-чиновным интересам, не только гражданско-предпринимательским слоям — а уже идеологии развития в целом. Пятое поколение — это виртуальные корпорации, «сетевые коллективные интеллекты», конференции-дискуссии с использованием электронных средств. Теперь объединение идет вокруг возникающих проблем. Одним из первых «мыслительных танков» этого типа возник в 1996-м по инициативе Мирового банка. Им стал «Технет», «мозги» для которого поставила организация «Добровольцы технического содействия».

С самого начала «Технет» изучает использование науки, технологии и информации в целях развития глобального масштаба. Как развивающиеся страны приобретают и распространяют знания? Какие факторы усиливают или ослабляют способности стран пользоваться знаниями? И все это — в режиме специальных семинаров и форумов для профессионалов. Еще один «сетевой танк» известен под именем «Единый мир» (One World). В этом форуме обмениваются идеями по поводу политики развития исследователи из сотни стран мира. По каким проблемам? «Управление политикой международной помощи», «Этнос и конфликт», «Инвестиции в знание», «Европейское сотрудничество», «Вода и санитарные условия».

Наконец, последний пример. В декабре 2004 года Национальный разведывательный совет (НРС) США представил впечатляющий доклад по «Проекту-2020» — «Контурь мирового будущего». Прогноз развития положения на планете к 2020 году. Объединив вокруг себя целую сеть «мозговиков» и аналитиков ЦРУ, американцы создали четыре сценария будущего — «Давосский мир», «Рах Americana», «Новый Халифат» и «Кольцо страха». Увлекательное чтение! Написаны они очень живо — в виде дневника генсека ООН, письма внука Бен Ладена и переписки преступных торговцев оружием. Никакой казенщины и скукоты российской аналитики!

Кого же объединила эта «виртуальная корпорация» Закрытой сети США помимо людей из разведслужб? Специалистов из проекта ООН «Миллениум», Центра долговременной глобальной политики, фирмы «Шелл Интернешнл Лтд» (использующую сценарии для выявления деловых рисков и возможностей), из Принстонского университета. В дело оказались вовлечены группа «Евразия», «Оксфорд Аналитика» и Стимсоновский центр, Майкл Оппенгеймер — президент фонда «Глобальные сценарии», профессор Барри Хьюз из Денверского университета, Вашингтонский центр стратегических и международных исследований, Американский институт предпринимательства, Военно-морской аналитический центр, Британское агентство оценок и исследований в области обороны, семья маститого футуролога Элвина Тоффлера... И еще — специальный проект «Тек-2020» секретнейшей службы Соединенных Штатов — Агентства национальной безопасности. Центром связи служил интерактивный, защищенный паролями веб-сайт. Кроме примерно тридцати семинаров, конференций и круглых столов проводилась своеобразная глобальная «командно-штабная игра» — при проекте сформировали Группу управления сценариями. А это, дорогой читатель, не просто аналитика и прогнозирование, а управление будущим!

Чувствуете, какую интеллектуальную мощь обретают наши цивилизационные конкуренты? Дело у них семимильными скачками движется к созданию громадного сетевого разума, по мощи опережающего к мозги администраций и министерств, «фондов эффективной политики», «центральных комитетов», ведомственных НИИ, корпоративных «аналитических департаментов» и «кухонных кабинетов» при отечественных бонзах политики.

В конце лета 2004 года в Академии государственной службы РФ на кафедре информационной политики прошел круглый стол, на котором обсуждались вещи удивительные и перспективные. На него был приглашен и один из авторов цикла — Максим Калашников.

Итак, США уверенно завоевывают господство в мировом информационном пространстве. Крепнет закрытый «Интернет-2», в полной мере доступный лишь крупным корпорациям и госструктурам Америки. На его основе создается информационная система «Абеллена», соединенная с глобальными спутниковыми подсистемами перехвата всех электронных сообщений планеты — «Эшелон» и «Оазис». Все это вписано в грандиозную программу «Технологии нового экономического роста Америки», принятую в 1993 г. Создается некая «мыслящая сеть», которая превращает общедоступный Интернет в громадную систему сбора данных со всего мира и в могучее средство навязывания остальным выгодных американцам стереотипов и представлений. Работы над «Интернетом для избранных» соединены с подпрограммой «Искусственное сознание» и политикой распространения обычного Интернета по всему миру.

По словам автора-разработчика проекта «Маркетинговая информационная система» для стран СНГ Сергея Дроздовского, вся Земля получается подключенной к Всемирной паутине, поставляя в нее океаны самых разных данных. Но только США благодаря «Интернет-2» (скорее, уже «Интранет») могут использовать эти громадные ресурсы.

- Собранная информация структурируется и форматируется для дальнейшей ее обработки искусственным «сознанием» и экспертным сообществом, а затем поставляется американским деловым кругам для принятия самых эффективных управленческих решений, — поясняет Сергей Дроздовский.

Обычные пользователи Интернета (эксплуатируемое «стадо») просто тонут в хаотических нагромождениях информации, гложут от «белого шума», поскольку уступают создателям Сети в технологиях добычи и обработки информации. Американцы же, имея особую Сеть-2, способны отсекают «белый шум», перерабатывать миллиарды килобит сведений, превращая их в стройную картину происходящих в мире процессов и в информацию совершенно нового качества. Там, где неамериканские фирмы, спецслужбы и органы власти блуждают в дремучих «информационных чащах», обладатели «второго Интернета» получают совершенно прозрачную картину. Попытки соперничать с американцами превращаются в жалкие потуги слепых, глухих и немощных выйти на боксерский ринг против обоих Кличко сразу.

Там, где обычным компаниям нужны миллиарды долларов, пользователи «Интернета-2» обойдутся миллионами. Там, где простые пользователи широкодоступной Паутины станут влетать в кризисы и нести громадные убытки из-за неверных прогнозов, «информационные маги» смогут богатеть и побивать конкурентов, вполне культурно состригая шерсть с «баранов» всего мира. И с нас тоже. Но это только одна сторона дела. Вторая заключается в том, что Интернет создавался носителями американского сознания и культуры, и потому пользователи Паутины (носители другого типа сознания) вынуждены думать на чужой манер. А что это значит? Тот, кто заимствует чужой строй мышления, неминуемо проигрывает в конкуренции тем, для кого эта ментальность — родная. Американцы, вынуждая остальных подражать себе, обеспечивают свое лидерство, постоянное отставание прочих на шаг-два. Но если бы шло только простое подражание! Специально вырабатываются якобы американские нормы и стили жизни, которые ослабляют конкурентов США. Интернет превращается в оружие, которое поражает нас разрушительными «интеллектуальными вирусами», снабжает искаженными данными, формирует искривленную картину мира.

Таким образом, Закрытая сеть на Западе обретает новое качество своей интеллектуальной мощи. Ее «мыслительные танки» сливаются в один надчеловеческий разум. Обладая таким вот прогрессирующим разумом, западники сумели выиграть XX век. Именно интеллектуальный контур ЗС позволил им применять финансовое, организационное и ментальное оружие. Именно благодаря ему США вывели из борьбы Советский Союз в середине восьмидесятых, когда, казалось, сама Америка стоит в шаге от поражения в глобальном противостоянии. Грустно об этом писать, но сегодня Росфедерация интеллектуально еще беспомощней Америки, нежели СССР. В Союзе-то, по крайней мере, был хоть какой-то противовес «мозговым танкам» в виде соответствующих структур суперпартии-КПСС. Да, грубый, нарочито «инженерный», созданный Сталиным в совсем другую эпоху. Но у РФ нет даже этого! Многие попытки создать отечественные «фабрики мысли» закончились либо жалкими нищими подобиями где-то на обочине системы, либо роскошно-крикливыми пустышками-имитациями.

Вот и получается: они во всеоружии сетевого интегрального интеллекта отслеживают и «просчитывают» нас, а мы их — нет. Они постигают тенденции современного мира, а наша «элита» — плетется у них в хвосте.

Стоит ли удивляться тому, что сегодня в России есть тьма народу, одержимого разоблачениями тайной власти «мирового правительства», «совета трехсот», супермасонского заговора и даже инопланетян, замаскировавшихся, де, под представителей высшей элиты Запада. На самом деле, эти люди воспринимают действие интеллектуальной сети высокого уровня, но еще не разглядели ее.

Пятый контур: мастера решений

Но для ЗС мало иметь «мозговой контур». Нужно еще уметь воплотить идеи в жизнь, выполнить планы, сформировать будущее. Поэтому есть и пятый контур ЗС — политические организации-оборотни, центры политических технологий.

Их бытие и развитие неотделимы от глубочайшего кризиса, поразившего либеральные демократии в конце XX века. По сути, все несущие конструкции политической системы, вынесшие на себе колоссальную нагрузку обеспечения власти при индустриализме, сегодня пребывают в глубочайшем упадке. Демократические выборы, всеобщее избирательное право, система политических партий, разделение властей, парламентаризм, публичность внутренней и внешней политики, стремление привлечь население к политической жизни — все это уже не соответствует новому миропорядку. Индустриализм уже прошел зенит своего могущества и перерождается в постиндустриализм — в переходную форму, где все четче черты будущего. Чем оно чревато? Либо невероятным по силе и размаху кризисом цивилизации, либо — переходом человечества в новую эпоху, которую мы называем Нейромиром. Поэтому институты, которые хорошо работали в индустриальном мире, сейчас дают все больше сбоев и холостых оборотов. Зачастую они лишь внешне сохраняют свое содержание, и, хотя иным наблюдателям они еще кажутся несущими конструкциями политической системы того или иного общества, на самом деле превращаются либо в пустую бутафорию, либо наполняются совершенно новым содержанием. Важнейшие элементы новой системы, центры ее кристаллизации во все большей степени становятся организациями-оборотнями.

С начала XX столетия реальность изгоняется из политики, факты подменяются представлениями о них. Жизнь заменяется ее образами в сознании общественных групп и слоев. Люди принимают решения, глядя не на истинное положение дел, а в телевизор или в газету. Действие тоже заменяется представлениями и даже спектаклями. Политики больше не идут на решительные поступки — они предпочитают манипулировать своим образом-имиджем. В этом отношении власть берет на вооружение последние достижения науки, поскольку все современные политические технологии вышли из таких направлений научной мысли, как семиотика, структурализм, аналитическая психология.

Они основаны на том, что вещь и знак, которым ее обозначают — совершенно разные явления, что можно иметь дело не с реальностью, а с ее отражениями в сознании людей. Отсюда следует вывод: можно ничего не менять в реальности, но навязывать людям такое о ней представление, какое нужно магам-манипуляторам. Не обязательно быть бесстрашным героем и проницательным мудрецом — нужно заставить людей считать тебя таковыми, создав им яркий образ на телеэкране или газетных полосах. Не обязательно выигрывать сражение — гораздо важнее сделать, чтобы люди поверили в то, что оно было выиграно тобой. В этом — суть технологий «пи ар», «паблик рилейшнз», переходящих в метод творения миров-иллюзий — в виртуалистику и фантоматику. С помощью определенных приемов, методов и процедур избирателю-потребителю можно всучить любой, даже самый протухший политический товар — достаточно играть его мнениями, устремлениями, жизненными установками, стереотипами и ценностями. Разницы с бизнесом тут очень мало. Просто для политтехнолога товар — политик, а для маркетолога — брэнд напитка, автомобиля или одежды. Уж мы-то в России все прелести таких политтехнологий познали на собственном горьком опыте.

Такая виртуальная политика породила и новые политические организации-оборотни пятого уровня ЗС. По внешней форме они действительно напоминают старые политические структуры. Прежде всего, речь идет о партиях. В старом понимании они — организации, созданные ради представления во власти тех или иных общественных слоев и групп. Они объединяют людей, разделяющих одинаковые убеждения. Ну, собрались рабочие и крестьяне под руководством продвинутых выходцев из правящих классов, чтобы бороться за победу коммунизма. Или, как вариант — стянулись в стройные ряды бизнесмены разного калибра, дабы строить либеральное общество в открытой политической борьбе, через установленные законом демократические процедуры и через участие в политической жизни, отстаивая свои идеалы, устремления и убеждения. Причем участие в политической жизни по старым представлениям мыслится именно как участие в выборах. А там, мол, по итогам подсчета голосов, партии получают ту или иную долю в законодательной, исполнительной или судебной властях.

Некоторые думают, будто партии в таком виде живут и сейчас. Но взглядишь получше — и вместо партий узришь типичных оборотней. Внешне вроде все по-прежнему: съезды с выборами руководства и кандидатов на выборы, работа с массами, работа в парламенте и правительстве, прорывы к президентскому посту. Да вот только при всем этом в самих партиях все большую роль играют структуры, которые вовсе не показываются широкому зрителю. Это — своеобразные внутренние органы политических партий. Как правило, никто их не избирает, ни перед кем они не отчитываются, и представляют они из себя замкнутые сообщества политической элиты, придерживающиеся тех или иных убеждений. Как правило, эти убеждения исторически сложились в той партии, где действуют эти «внутренние оборотни».

При этом нельзя сказать, что в такие закрытые структуры входят одни лишь «денежные мешки». Нет, все сложнее. В закрытые клубы партийной элиты входят люди разного имущественного положения. Всегда и везде именно эти структуры реально определяют курс партии, ее стратегию и тактику, утверждают людей на роль публичных политиков. И только потом все это оформляется через «демократические процедуры» съездов и конференций. Именно эти структуры-оборотни и служат истинными центрами принятия решений.

Но одновременно они работают и в роли механизмов межпартийных согласований. Люди в этих органах-оборотнях не занимают видных публичных должностей и не «светятся» на экранах телевизоров. Нет, их место — на заднем плане, их дело — постоянная работа со своими коллегами из других партий. Все эти парламентские баталии, публичные выяснения отношений между официальными политиками, между властью и оппозицией — это театр, цирк, шоу для глупцов. На самом деле все решается там, за кулисами.

Кроме партий-оборотней, есть другой элемент новой политической структуры, входящей в ЗС, и он наиболее прославлен стараниями газетчиков. Применительно к США (а мы берем их в качестве наглядного пособия) это — администрация президента и его правительство. Вроде бы, все понятно: эти структуры меняются каждые четыре года. Они разрабатывают и проводят в жизнь американскую политику, готовят и принимают самые важные решения, от которых сегодня зависит жизнь не только американцев, но и всего мира. Однако и тут мы обнаруживаем структуры-оборотни. Имен у них много, но суть одна — структуры, гнездящиеся внутри исполнительной власти, образуя ее истинное ядро. Ядро, которое определяет как идеологию власти, так и важнейшие ее решения.

Во времена Рейгана такая структура называлась «кухонным кабинетом». В его состав входили ближайшие друзья и соратники президента из Голливуда. Некоторые из них занимали важные должности, некоторых для успокоения публики назначали на какие-то посты, а иные вообще не имели никакого официального статуса. Но это не мешало им всем входить в команду, определявшую жизнь Америки.

В годы правления Клинтона (особенно во время его первого срока 1992-1996 годов) подобную теневую структуру возглавляла его жена Хиллари. По рассказам американских специалистов по управлению в кризисных условиях, допущенных в святая святых Демократической партии, там в холле стоит аквариум, где плавает маленькая акула. И зовут её ласково — Хиллари. Так же далеко не случайно, что авторитетные эксперты предрекали лидерство в Демпартии именно Хиллари Клинтон.

Никуда не делись «внутренние политические оборотни» и при президентстве Буша-младшего — их называют «призывом Буша-старшего». Это люди отца нынешнего американского лидера, которые уже двадцать лет работают вместе и прекрасно знают друг друга. Они заняли ключевые посты в структурах власти, начиная от вице-президента и советника по национальной безопасности — и кончая главами важнейших министерств. Именно «кухонные кабинеты» (это название наиболее удачно) в недрах исполнительной власти США и диктуют всю политику этой страны, влияя на жизни уже миллиардов землян.

Заканчивая сжатый обзор оборотней пятого узла ЗС, можно отметить PR-компании, рекламные фирмы, центры изучения общественного мнения и проч. Их в последнее время расплодилось очень много — около пятнадцати тысяч в США, более восьми тысяч в Англии, более тысячи — во Франции, около полутора тысяч — в Японии и т.д. Внешне эти организации нанимаются партиями для того, чтобы делать прогнозы, оценивать результаты своей политической деятельности, продвигать свои программы и помогать партиям в их претворении. На открытом уровне, на уровне функционирования так оно и есть. Однако на уровне тайной власти, эти конторы на самом деле вместе с внутренними структурами партий и являются подлинными делателями президентов, министров и парламентов. Именно они применяют последние достижения науки для манипуляции людьми — «пи ар», фантоматику и виртуалистику. Они — это «фабрики мнений». Именно они совершают все эти подлоги, заменяя смысл — формой, факты — толкованием, а реальность — представлениями. Именно они, играя мнениями и установками людей, и «продают» кандидатов электорату.

Это — громадная, сетевая «империя фантоматики».

В пятом контуре ЗС есть и «уровень активности», силовая часть.

Это — специфическая часть политической системы. По своей природе и роду деятельности она более всего интегрирована в ЗС.

Но зачем включать в ЗС и силовиков? У них вроде бы действует железный порядок «приказ-подчинение». Чего же там согласованиями заниматься?

Есть у нас ощущение: сегодня силовики действуют не по приказам, а на основе самоорганизации. Как и в любой сложной структуре, в спецслужбах, армии и полиции возникают связи кольцевой причинности. Не только власть диктует силовикам, как надо действовать, но и они ей. А как только причинность закольцевалась, возникает необходимость не в приказе, а в координации, в выработке согласительных процедур. Поскольку ЗС отвечает за развитие, динамику и творение психоистории, то ее интересы могут несколько расходиться с интересами государства. Потому силовики способны орудовать и без ведома официальной власти. Западные государства, понимая реалии современного мира, говорят: мое дело — сторона. Делайте — но я тут как бы не при чем. Сегодня это происходит особенно явно. Давно есть и частные разведки, и частные наемные армии.

Государство понимает, что в интересах изменения ситуации нужно сделать нечто. Но это может нарушить стабильность. Поэтому правящая элита решает: работу выполнит силовая сеть. Провалитесь — ответите сами. Примером тому может служить операция «Иран-контрас», когда помимо государства спецслужбы США продавали оружие Тегерану, чтобы на вырученные деньги вооружить отряды никарагуанских контрреволюционеров, воевавших с прорусским режимом в Никарагуа. Руководил всем действующий полковник американской армии Оливер Норт.

— Или вот другой пример, — рассказывает Сергей Кугушев. — У меня есть знакомый торговец оружием по кличке «Дон». Дон — бывший старший офицер разведки одной из стран Центральной Европы. Почти двадцать лет назад его уполномочили наладить продажу вооружений, поскольку по закону его страны государственным структурам в некоторых случаях делать это было затруднительно. После одной из сделок, когда информация просочилась в прессу, его даже в тюрьму посадили. Но своих элита не бросает — его быстро вытащили из-за решетки, компенсировав все тревожения и неудобства. Когда Дон еще сидел, к нему на свидание пришел пятилетний сынишка.

— Папа, а чего ты здесь сидишь и домой не идешь? — спросил мальчуган.

— Сынок, это тюрьма. Отсюда не выпускают до срока.

— Папа, а ты её уже купил?

Это не анекдот! Это чистая правда...

Особое место в силовой части ЗС составляют разведслужбы. Они обладают знаниями, информацией, способны влиять на сознание людей, без чего невозможно управление будущим.

Спецслужбы, кстати, мы считаем прообразом будущей цивилизации. Здесь воедино сходятся политика, культура и экономика, здесь мы имеем дело с наукой, искусством и ремеслом. Здесь совмещаются аналитика, планирование и действие. Именно поэтому разведки — это завтрашняя система мира, ее матрица. Точно так же, как масонство в свое время послужило матрицей индустриальной эпохи.

Сжатый, и в то же время очень глубокий анализ секретных служб как элемента тайной власти, как организаций-оборотней дал один из самых одаренных философов и гуманитарных мыслителей патриотического направления Александр Панарин. Увы, недавно умерший. Мы согласны отнюдь не со всеми его выводами в книге «Искушение глобализмом», но о спецслужбах он написал коротко и ясно:

«То, что было деструктивным с точки зрения обычных целей нормальной политики, могло использоваться в качестве полезного инструмента на эзотерическом уровне тайной власти. Пожалуй, удобно было бы назвать ее «пятой властью» и в целях отличия от известных четырех властей (исполнительной, законодательной, судебной и масс-медиа) и по ассоциативной и смысловой близости с «пятой колонной». Каждая из указанных ветвей власти имеет свои специфические установки, а также свой объект и свою проблемную сферу. Специфическим антиподом исполнительной власти является неуправляемость. Законодательной и судебной — нелегитимность, СМИ, как фабрики мнения — самопроизвольность восприятия, которую предстоит организовать и направить. А чему же противостоит пятая власть, в чем она усматривает свое антиподие? Профессиональное самоопределение этой власти, получившей название тайных служб или спецслужб, строится на дихотомиях: «специальное — общедоступное», «тайное — гласное». Здесь можно говорить о чем-то специфически антиподном демократической морали открытого общества, ценностям, в которых являются нормальными состоятельностью и гласность. В выборной республике депутатов начинает противопоставляться тайная власть экспертов, дилетантизму публичных политиков — эзотерическое знание прячущихся за кулисами профессионалов, касающееся тайных пружин и теневых сторон политики, а в принципе — не подлежащих разглашению. Пятая власть несовместима не только с провозглашенными принципами демократии (контроль снизу, подотчетность и легитимность), но и с более общими принципами Просвещения: презумпциями доверия к разуму рядового гражданина, обладающего универсальной интеллектуальной потенциальностью. С позиции новой эзотерики, исповедуемой пятой властью, позволительно расширять теневую политику, ускользающую от традиционной рациональной легитимности, вместо единого просвещенческого стандарта ввести двойной — для внешнего общественного пользования и для профессионального, «спецхрановского» пользования, недоступного остальным. Границы между доступным и недоступным, логикой Просвещения положенные в качестве временных и относительных, здесь являются непереходимыми. Общество тем самым возвращается к допросвещенческой архаике скрытых сект, к кощунственной магии нелегального, но властного жречества, наделенного правом дезориентировать и одурачивать публику. (То есть, идет возврат к эпохе до Просвещения, до XVII века — наше прим.) Такой статус спецслужб подрывает еще один важнейший принцип современного демократического общества — принцип политического суверенитета большинства. Чем шире прерогативы спецслужб, тем более призрачным и условным становится политический суверенитет большинства, от которого скрывают наиболее важные тайны и пружины власти...»

Если убрать из приведенной цитаты своеобразный «демократический пафос» автора и его искреннюю убежденность в том, что Просвещение — это хорошо, а Антипросвещение — плохо, то получается очень точный и емкий портрет спецслужб в тайной власти.

Контур шестой: координаторы

Шестой контур Сети — это контур координации.

В этом контуре происходит координация действий закрытых сетей разных цивилизаций и регионов. Тут вам — и Давосский форум, и Бильдербергский клуб, и Трехсторонняя комиссия с Советом по международным отношениям.

Многие, слишком многие считают их неким Всемирным правительством. Чушь! Что это за тайные правители, о которых все знают и все пишут в газетах? Нет, мирового правительства пока еще нет, а все эти клубы-форумы — суть толковища, тусовки, сходки-стрелки. Здесь «закрытые сетевики» собираются и с разной степенью жесткости договариваются о том, чтобы каждая из закрытых национальных и цивилизационных сетей согласовывала свою деятельность с другими по тем или иным конкретным программам и вопросам. В нынешнем мире — под эгидой американцев. Но это не правительство, а механизм согласования.

Бильдербергский клуб был создан в начале 1950-х годов ведущими политиками, финансистами, экономистами и творцами общественного мнения в Западной Европе. Свое имя он получил по названию отеля «Бильдерберг» в германском городе Остербаке. Именно в нем в 1954 году прошла первая встреча западноевропейской политической элиты. В структуру Бильдербергского клуба стали все активнее входить ведущие элитарии и по другую сторону океана — из Соединенных Штатов Америки и Канады.

В целом Бильдерберг можно описать как своего рода дискуссионный клуб, где западная политическая элита более или менее регулярно обсуждает важнейшие геополитические проблемы и согласовывает свои позиции. Ни по своему характеру, ни по задачам, ни по действенности он не может относиться к тайным обществам. Бесспорно, он является элементом закрытой сети, но в значительной степени элементом, созданным мифами средств массовой информации, скрывающими реальный механизм согласования и увязки интересов элит различных стран мира. Тем более, что в последние годы зал заседания этого клуба происходят все реже и реже, а его значение резко падает.

В качестве другого примера можно привести Трехстороннюю комиссию, которая появилась на свет в середине 1970-х годов. В ее состав вошли ведущие экономисты, политические руководители и топ-менеджмент крупнейших корпораций Соединенных Штатов Америки, Европы и Японии. Собственно и свое название — Трехсторонняя комиссия — получила в соответствии с необходимостью свести воедино систему представителей трех основных центров цивилизации, противостоящих в то время Советскому Союзу. Организаторами Трехсторонней комиссии были Дэвид Рокфеллер и Збигнев Бжезинский. Важнейшую задачу Трехсторонней комиссии обозначили так: «создать механизм глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов», как об этом откровенно в середине 1970-х годов написал Збигнев Бжезинский. К моменту своего наибольшего влияния в 1980-е годы Трехсторонняя комиссия охватывала до 200-250 наиболее значительных лидеров бизнеса, политики, общественного мнения, научной мысли, средств массовой информации из Европы, Америки и Японии. Трехсторонняя комиссия активно смогла делегировать в структуры власти многих своих членов. К примеру, членами Трехсторонней комиссии был Фрэнк Карлуччи, Министр обороны Соединенных Штатов, Алэн Гринспен — глава федеральной и резервной системы, президент США Джордж Буш-старший.

Но в новом веке деятельность Трехсторонней комиссии, равно как и Бильдербергского клуба, практически сходит на нет. Хотя именно в этот период вокруг ее деятельности начинают раздувать шумиху средства массовой информации, а общественное мнение настраивается искать мировые заговоры. Хотя именно в это время многие говорят о создании зловещего Мирового правительства, выдвигая на эту роль сходящую с исторической сцены Трехстороннюю комиссию.

Существует определенная загадка в том, что структуры Закрытой сети, расцвет которых приходится на 1960-1980-е годы, вдруг в 1990-е годы начинают активно популяризоваться, описываться во всевозможных источниках. О них создаются мифы, им посвящаются закрытые расследования. Их наименования внедряются в общественное сознание. Списки их членов гуляют по страницам периодики и веб-сайтам. Все это наталкивает на мысль о том, что указанные организации сегодня играют лишь роль ширмы. Настоящие механизмы политического согласования уже изменились и существуют не столько в виде

регулярных встреч сильных мира сего в рамках организаций с формальным членством, сколько через каждодневное общение. Это общение совершенно не «заформализовано», нигде не определено. Группы в каждом конкретном случае складываются в свою конфигурацию — под конкретную задачу дня. Для каждого решения такие группы имеют свой состав. Сеть освобождается от наследия старой индустриальной эпохи — формальных жестких иерархических услуг, отказываясь от них в пользу гибких, подвижных и эффективных паттернов, включающих в себя членов Закрытой сети.

Оборотни и антиобщество

Все контуры Сети построены на любопытном принципе, который мы используя концепцию Сергея Чернышова называем принципом «организаций-оборотней».

Что это такое? То, что ЗС использует на первый взгляд совершенно обычные структуры и институты. Ну, университет. Ну, мозговой трест. Ну, яхт-клуб с фестивалем. Ну, собрание менеджеров.

Один учит, другой — развлекает, а третий вообще доклады пишет. Вроде бы, у каждого есть обычное, без всякой мистики, дело, и все они работают отдельно.

Однако надень волшебные очки — и увидишь, что обычные на первый взгляд структуры несут совершенно иное качество. Например, история закрытых частных школ на Западе насчитывает не одно столетие. Но раньше они были элементом общества. А теперь — они еще и элементы Сети. Влившись в Сеть, они обретают новые функции. Поэтому мы и называем их оборотнями. Образно говоря, днем они работают на одно, а ночью — совсем на другое. Поэтому когда сегодня начинают искать всяких зловещих заговорщиков и масонов, то неизменно терпят неудачу. Не там искать надо. Их нету. Их время ушло. Есть обычные структуры, несущие принципиально двойственный характер, способные менять свою природу.

Закрытая сеть проникла в разные структуры и институты, пронизала и объединила их. И теперь они части одного целого, гораздо большего, чем простая сумма образовательных, развлекательных, экономических и политических заведений. Современность напоминает мир романов Стивена Кинга. Помните, как в них обыденные существа и вещи становятся оборотнями, порождениями таинственного и зловещего мира? Грузовики начинают убивать людей. Обычная машина 1950-х годов овладевает душой хозяина. Банальный «Поляроид» оказывается вратами в параллельную вселенную. Только в реальном мире мы видим общественные структуры-оборотни.

Все узлы и контуры Сети теснейшим образом взаимодействуют между собой и выступают органическим целым. Они не разнятся по своему месту в Сети по иерархическому принципу. Никто не может сказать, что военные выше университетов, а бизнес — «мозговых фабрик». Нет, они — всего лишь функциональные контуры одной ЗС.

Каждый узел сети взаимодействует и с государством, и с обществом, и с антиобществом. То есть, с тем, с чем борется государство, и что не одобряет большинство общества.

Антиобщество — это не просто преступность. Это слово не передает всего разнообразия преисподней современной цивилизации. Антиобщество — это легитимизация насилия и неравного обмена. Здесь норма — убийства, рэкет, коммерческий секс, наркотики, подпольный игорный бизнес, работоторговля и бизнес на человеческих органах, и еще многое и многое другое, что и называть пока нельзя. Здесь есть свои сообщества, которые называют мафией и бандами.

Антиобщество не признает норм регуляции вне своих банд. Человеческие, нормальные взаимоотношения существуют только внутри них. Все остальные для членов каждого конкретного антиобщества — не люди. Дети Антиобщества предпочитают использовать насилие в физической и нефизической форме для решения своих задач. Члены Антиобщества признают других людей принципиально неравными себе и смотрят на них лишь как на средства достижения своих целей. То есть, «не наших» можно обманывать и обкрадывать, насиловать и убивать. Антиобщество не признает вне себя морально-этических принципов, выработанных мировыми религиями. Антиобщество — аналог темного подсознания у Фрейда.

Закрытая Сеть обязательно входит в контакт и с антиобществом. Ведь ЗС занимается переменами, между ней и антиобществом не стоит государства. И если ты занимаешься изменениями, то в поисках ресурсов и методов иногда приходится опускаться и в преисподнюю. Там тоже бурлят энергии.

Боги сети: седьмой контур

А кто же руководит всей этой Закрытой сетью? Дотоле мы говорили, что контуры-узлы Сети не делятся по иерархическому принципу, что все они находятся на одном уровне.

Но, видимо, есть и высший контур Сети. Ее нервный узел. Самая таинственная ее часть. Боги Сети. Контур ее целеполагания.

Здесь, читатель, мы сами вступаем в область смутных догадок и предположений. Мы только формулируем гипотезы и делимся ими с вами, читатель.

Свобода, как известно, есть всего лишь осознанная необходимость. Мы предполагаем, что в любом мире есть свой бог. То есть, сила следующего уровня. Ее сознательная деятельность с более низкого по интеллектуальной мощности уровня воспринимается как естественный процесс. С чем можно сравнить эту силу? Пожалуй, с Хранителями Времени в «Конце вечности» Айзека Азимова. Цели богов Сети не осознаны. Но одна их функция бесспорна: они хранят даже не топос цивилизации, где действует ЗС, а код эпохи, который наиболее точно выражает топос одной, как правило, господствующей в этом мире цивилизации.

Можно выдвинуть две гипотезы. Первая — никаких богов Сети нет. После того, как масонство ушло в сферу досуга, в игру для взрослых, осталась сложная структура, которая самоорганизовалась и живет своей жизнью. И больше ей никто не нужен. Но против такой гипотезы говорят несколько обстоятельств. Синергетическая теория утверждает, что в любой многоконтурной системе с множеством узлов всегда есть структура координации и управления. Процесс порождения чего-то сложного из простого предполагает, как правило, наличие целеполагания и управления. Из сложного получить простое — это как нечего делать. Процесс деградации и распада лёгок. А вот чтобы сделать из простого сложное — тут без управления и целеполагания не обойтись. Законы синергетики говорит и о том, что если бифуркационный переход («джокер») идет не с упрощением, а усложнением системы, не с потерей качества, а с наращиванием одного, то такой процесс всегда управляем.

Поэтому вот гипотеза вторая: боги Сети все же есть. Но они должны оставаться скрытыми. Играть свою роль они могут лишь до тех пор, пока остаются неизвестными. Стоит им стать зримыми — и они станут такими же, как и остальные участники Сети, теряя способность задавать цель. Это как в «Сиренах Титана» Курта Воннегута, где в армии вторжения были формальные, бутафорские командиры полков, а командиры настоящие были замаскированы под рядовых. Такой же принцип есть и в «Основаниях» Азимова. Да и в армии настоящий, а не ложный командный пункт всегда норовят скрыть, замаскировать.

Эти боги Сети по канонам синергетики способны производить быструю смену целей. Их цели не должны в принципе совпадать с целями Сети, потому то, что для одних — цель, для других — просто средство. То, что для одних — смысл, для других выступает лишь поводом для реализации какой-то частной программы.

Боги не управляют Сетью в привычном смысле этого слова. Они вмешиваются лишь тогда, когда отклонения в развитии становятся слишком сильными.

Почему мы в этом уверены? Потому, что какие-то странные следы обнаруживаются в истории. Постоянно во всех цивилизациях и культурах прослеживалась легенда о невидимых правителях. Мысль о тайных вождях стала частью коллективного сознания многих народов, их социального опыта. А социальный опыт никогда не врет. Это не заговоры, это то, что стоит за официальной властью. Мол, истинный вождь всегда должен быть кем-то ведом. В XX веке было несколько случаев, когда большие люди, находясь в кризисе или «пограничном» состоянии, говорили загадочные слова, постоянно упоминая о существовании

какого-то ограниченного круга вершителей. Они называли их правителями, но тут явно ошибались, находясь в плену упрощенного человеческого стереотипа.

Вот германский канцлер Ратенау, творец Рапалльского договора с Россией. Человек, который в 1920-х годах начал выводить Веймарскую Германию из экономического кризиса. Поговаривают, что если бы все им задуманное увенчалось успехом, то Гитлер не пришел бы к власти. Смертельно раненый в результате покушения, он перед кончиной успел сказать: «Вы можете казнить того, кто стрелял в меня. Но вы не найдете тех девяносто шести человек, которые реально правят миром».

Шарль де Голль, вынужденный уйти с поста президента Франции после летних боев в Париже в 1968 году и уступить место ненавистному Помпиду, заявил министру обороны Мишелю Дебре: «Я проиграл не Помпиду, не коммунистам, не американцам и даже не еврейским банкирам. Я проиграл Синархии, тем трёмстам человекам, которые решают всё в мире». Роберт Кеннеди после убийства Джона в 1963-м сказал, что раскрыл тайну покушения, но Америка никогда не услышит правды, потому что есть силы куда более могущественные, нежели президент США, Верховный суд и Центральное разведывательное управление. Да и Горбачев предупреждал о том, что всей правды о роковом для нашей страны августе 1991 года никто и никогда не узнает. Мол, я об этом сам никогда не скажу. Бывший помощник Горбачева говорил Сергею Кугушеву: и «путчистами», и «демократами» в те дни рулила одна и та же рука. Но то был не президент США, то была сила, определяющая течение истории.

Таких высказываний можно подобрать предостаточно. Все они сказаны людьми, которые, как они сами считали, вскарабкались на самую вершину пирамиды власти. И в их словах сквозит обида: над нами ещё кто-то стоит! Нами тоже управляют — то ли девяносто шесть, то ли триста человек. Мол, я — предпоследний уровень иерархии. А так хотелось бы последним, высшим!

Но они заблуждались. Когда говорили, будто ими управляют, то следовали слишком упрощенным представлениям, не в силах понять, что есть иные способы направления истории. Если бы Комитет трёхсот и существовал, то неминуемо стал бы мировым правительством, скрыть которое в современном мире невозможно. Всегда нашелся бы проигравший, что апеллировал бы к миру, сдав всю информацию.

Но ведь по всем канонам нервный узел должен быть! Противоречие?

Нет противоречия! Это не управление в привычном нам смысле. Это не власть в нашем понимании этого слова. Мы предположили, что боги заняты двумя функциями: целеполаганием и управлением по отклонениям. Они делают так, чтобы мир сам захотел пойти в нужную им сторону. Но лишь изредка. Изменяют — а потом уходят в тень, в сторону.

Есть такой принцип: если хотите что-нибудь надежно спрятать — положите это на самое видное место.

У Карла Маркса есть зацитированная до дыр мысль о том, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой. А вовремя сформулированные план или программа, положенные на нужный стол — добавим мы — позволяют подправить историю. Сознание меняет реальность. Изменение реальности зависит от знаний в широком смысле этого слова.

Смысл, предъявленный в нужное время и в нужном месте, определяет направление истории. А план или программа — корректируют направление. Только для этого смысл должен быть принципиально новым, а программа должна стоять на эксклюзивных знаниях, — тогда она выйдет успешной.

Седьмой контур Сети — это, по-видимому, самоорганизующееся сообщество, формирующийся надличностный разум. В психоистории он проявляется через деятельность отдельных людей и их групп. Он говорит и действует через них. Такое сообщество-сверхразум становится возможным после построения сверхплотной ткани всевозможных связей и коммуникационных конфигураций. Сегодня — через Интернет и другие коммуникационные каналы. Вчера — через общение, книги и письма. Просто внезапно какой-нибудь умный человек осознает, что он — член невидимого сообщества, что он держит судьбу мира в своих руках. Что он «распаковывает» для мира некие послания извне и являет людям новый смысл. Приведем несколько примеров таких инициаций-откровений, оставивших неизгладимый след в истории.

Оставим за бортом совершенно очевидные примеры, как основатели мировых религий задавали новые направления истории. Оставим в стороне и Маркса, чье учение во многом определило XX век. Возьмем примеры менее известные, потрясающие загадочностью. Обратимся к академической науке, обычно весьма далекой от политической жизни. Но мы ведь помним, как выдающиеся ученые нередко становились (и становятся) активными практическими деятелями. Время от времени они бросают науку, идут в политику и творят чудеса. А потом, сдвинув историю на другой путь, снова уходят в тишину кабинетов и лабораторий, и никогда более во власть не возвращаются. И кажется нам, будто они выполняют какую-то таинственную миссию, связанную с тайной Седьмого контура...

Мало кто знает, что гениальный план разгрома общеевропейского нашествия на Россию — не принимать навязываемого Наполеоном генерального сражения, сохранить свои полки, втянуть его Великую Армию вглубь России, изнурить и заставить отступать по тем же опустошенным областям — предложил всемирно знаменитый немецкий географ, натуралист и естествоиспытатель фон Гумбольдт. Вместе с ним в разработке плана участвовали руководитель военной разведки Пруссии Шарнхорст и видный деятель прусских патриотов фон Штайн. План же они предложили на основе изучения поэтом Шиллером истории борьбы голландцев с испанцами в шестнадцатом веке. В 1811 году этот план лег на стол императору Александру Первому. Сгоряча царь отверг его. Но потом с подобным планом в апреле 1812 года выступил начальник военной разведки России, подполковник Петр Чуйкевич. Когда же с этими планами познакомили русского командующего Барклая-де-Толли, он назвал лучшего исполнителя — Кутузова.

Другой пример: политическое устройство Франции после революции 1789 года разработали двое ученых: основоположник термодинамики Карно и астроном Лаплас. А роль в основании США знаменитого Бенджамена Франклина, одного из творцов современной физики и исследователя природной плазмы — шаровой молнии? Ну кто в нормальной ситуации слушает учёных? А тут физики устанавливают государственный строй в Америке и Франции!

Возьмем Вторую Мировую войну. В ней есть два ключевых события — это поражение Германии и создание послевоенного мира, сформированного атомной бомбой.

Именно учёные убедили верхи США вложить немыслимые деньги и ресурсы в создание совершенно фантастического по тем временам оружия, в которое многие до конца отказывались верить. Ведь подобных проектов Рузвельту предлагали немало. Но почему он поверил именно в этот? Потому, что его уговаривал Альберт Эйнштейн? Ведь сначала в атомную бомбу поверил банкир Сакс, потом — доверенное лицо Рузвельта, Гарри Гопкинс, а уж потом завертелась вся машина, и дело поручили организовать генералу Гровсу.

Другой пример из «роковых сороковых». Мы в этой книге пришли к выводу о том, что Вторая Мировая стала победоносной войной Соединенных Штатов против всех великих держав тогдашнего мира. Все соперники США за господство в мире, будучи и формальными союзниками, и противниками американцев в той войне, были разгромлены (в большинстве случаев — чужими руками и в схватке друг с другом), а русские, хотя и не рухнули, однако понесли тяжелейшие потери и оказались отброшенными назад. Но кто разрабатывал стратегию Америки в той войне? Далекое не в последнюю очередь, два человека — математики фон Нейман и Винер. Они периодически писали доклады Рузвельту и воякам из Комитета начальников штабов.

Во Второй Мировой войне колоссальную роль сыграли флоты стратегических бомбардировщиков, «летающих крепостей» США. Армадами в сотни (иногда — свыше тысячи) воздушных кораблей они налетали на немецкие города, сбрасывая на них сотни тонн взрывчатки за ночь и превращая их в подобию лунных пейзажей. Они буквально стёрли Германию с лица земли за 1943-1945 годы. Апофеозом налетов стала трагедия Дрездена в феврале 1945-го.

С военной точки зрения такие сверхтеррористические бомбардировки были бессмысленны: военное производство в Рейхе росло до последнего, немецкие солдаты, у которых в тылу погибали семьи, дрались упорно почти до самого конца.

Но! Немецкие солдаты, узнавая о гибели своих родных и родимых очагов, часто дрались, чтобы отомстить. Но где шли самые главные наземные сражения войны? На Востоке, с русскими. Именно там немцы понесли 80 процентов всех своих потерь во Второй Мировой. Тем самым американцы перебрасывали волны ненависти немцев на нас. Обречённые гитлеровцы наносили русским большие потери, и это очень устраивало США. Ведь они не хотели слишком большого продвижения России в Западную Европу. С точки зрения немца последнего года войны «летающие крепости» представлялись чем-то страшным, плывущим на огромной высоте. Их я, мол, достать не могу. Но вот прущего на меня по чисту полю Ивана я достану, и вложу в свои выстрелы всю ненависть, всю тоску по погибшей семье. И действительно: нашим, а не американским танкам больше всего доставалось гореть от фаустников.

Да и с точки зрения психологического надлома послевоенной Германии массированный воздушный террор цели тоже достиг: немцы стали усталыми и покорными воле США, надолго забыв об имперских амбициях. Ковровые бомбежки вызвали необходимость после сорок пятого года пойти за экономической помощью к американцам и надолго попасть в экономическую и геополитическую зависимость от них. «Летающие крепости» растерли в порошок старую, гордую, мужественную Германию, Германию в сапогах и стальном шлеме, создав ФРГ — государство невоинственных бюргеров с пивными брюшками, смотрящих грубую порнографию местного производства. Причем американцы стёрли старую, солдатскую Германию не физически, а морально. Психология немцев оказалась сломанной, и не восстановилась до сих пор. Эти же налёты показали русским: «если вы столкнетесь с нами после победы над Гитлером, наши воздушные армады доломают у вас все, что не доломали немцы».

А кто возглавлял Управление специальных операций стратегической авиации США во время массированных убийств гражданского населения Германии? Сугубо штатский человек — Курт Левин, психолог. Один из самых авторитетных профессионалов в своей области, включенный современными учебниками в число основоположников... школы гуманистической психологии (несмотря на его специфический военный опыт). В 1938 году Левин разработал теорию управляемых кризисов на основе возрастающего психического напряжения. Он сделал карты психических полей и сказал: у каждого человека есть психический порог восприятия кризиса. Если его перейти, то человека можно заставить бежать куда угодно. Левин и его сотоварищи рассчитали соотношение между бомбовыми поражениями жилых районов и степенью нарастания напряженности. Они ошиблись только в цифре: рассчитали порог в 65 процентов, но немцы сломались только на 80-процентных разрушениях. Левин недооценил магическое действие гитлеровской цивилизации на свое население. Но более перспективных целей Левин все же добился.

И на этом примере мы видим ту же закономерность: как чертик из табакерки, выпрыгивает некий ученый, вдруг становясь чуть ли не во главе громадного, чудовищно дорогого предприятия, каковыми были стратегические бомбардировки. Левин работает в ключевой точке, а после войны уходит и занимается психологией... супружеских конфликтов. И еще лечением неврозов у двенадцатилетних детей.

А вот какие примеры мы отыскивали в замечательной книге Владимира Хозикова «Информационные войны».

Итак, в ответ на запуск русскими спутника в 1957 году американцы создали АРПА, агентство передовых научно-технических проектов. Программа создания единой компьютерной сети в АРПА, которая, собственно, и породила нынешний Интернет, началась в 1962 году. А возглавить ее пригласили доктора Джона Ликлайдера из Массачусетского технологического института, который накануне опубликовал почти фантастический, крайне смелый футуристический проект «Галактическая сеть», в котором и предсказал появление Интернета, связывающего все компьютеры в гигантскую сеть.

То есть, американские чиновники тогда не побоялись сделать путеводной звездой почти научную фантастику. А вот у наших государственных мужей на это смелости не хватило. Можно представить себе судьбу советского (и российского тоже) профессора, который попробовал бы предложить проект с подобным названием нашей разбухшей, неподъемной бюрократии.

Все эти странные появления ученых и «безумных полковников» можно, пожалуй, объяснить существованием некоего нечеловеческого разума, сложившегося из разумов многих людей. Некой интегральной психики. Люди становятся как бы клетками сверхмозга, которые могут даже не знать друг о друге. Понимаем, что это выглядит запредельно. Но, тем не менее...

Власть богов Сети основана не на деньгах, не на авторитете, а на своеобразной нейротехнологии, которая позволяет убеждать власть имущих и заставлять их слушать скромных ученых. Их власть жестока. Боги допустили кровавую купель XX века, его войны и революции. Это было в их интересах. Что ж, с точки зрения курицы, которую режут на обед, мы тоже жестоки и циничны.

Примеры, нами приведенные, относятся скорее к одному способу управления богов Сети — к корректировке отклонений. Но ведь есть и изменения смыслов, проследить которые гораздо сложнее. Хотя один пример мы точно знаем: создание в шестнадцатом веке мифа об ордене розенкрейцеров, которых никогда не было, но сказка о которых привела к зарождению масонства, оплодотворившего индустриальную цивилизацию. Маркс и Энгельс — тоже изменили смысл. А кем они были? Каким-то провинциальным университетским профессором и мелким фабрикантом. Но с ними имели дело столпы тогдашнего мира.

Загадки, загадки...

Напоследок попробуем ответить на мучающий многих вопрос: «Можно ли считать Закрытую сеть Запада той самой Антицивилизацией, Сообществом Тени, о которых пойдет речь в этой части цикла?»

Нет, читатель. ЗС — инструмент развития, порожденный Западной цивилизацией. В этом смысле она несомненный субъект социодинамики и фактор психоистории. Но поскольку именно в элите западного мира зародилось Сообщество Тени, Зарытая сеть сегодня стала ареной борьбы. Между кем? Внутри ЗС борются структуры Тени и носители топоса Западной цивилизации. Нелюдь и люди, верные гуманистическим ценностям в их западном понимании. Исход этой борьбы пока неясен.

По нашему глубокому убеждению, без необычайных событий в России исход этой схватки может оказаться не в пользу человечества...

*М. Калашников, С. Кугушев. Третий проект. Книга вторая
М.: Современная экономика и право, 2005. С. 368-371, 279-280.*

Иммануил Валлерстайн. "Миросистемный анализ".

I

Миро-системный анализ — это не теория о социальном мире или его части. Это — протест против способов, которыми было структурировано для всех нас социальное научное исследование при его возникновении в середине 19 в. Этот метод исследования стал набором часто неоспоримых допущений a priori. Миросистемный же анализ утверждает, что этот метод научного исследования, практикуемый во всем мире, оказал в большей степени эффект закрытия, нежели вскрытия многих наиболее важных и наиболее интересных вопросов. Находясь в шорах, сконструированных 19-м веком, мы не в состоянии выполнить социальный заказ, чего хотим мы и чего ждет от нас остальная часть человечества, — рационально представить лежащие перед нами реальные исторические альтернативы. Миросистемный анализ родился как моральный и как политический, в его самом широком смысле, протест. Однако, именно на основе научных требований, т.е. требований, относящихся к возможностям системного знания о социальной реальности, миро-системный анализ бросает вызов господствующему методу исследования.

Тогда это — спор о фундаментальных принципах, а такие споры всегда трудны. Прежде всего, большинство его участников имеют глубокие убеждения относительно фундаментальных принципов. Во-вторых, очень редко бывает, чтобы какое-либо четкое, или, по крайней мере, простое, эмпирическое

исследование могло разрешить или хотя бы прояснить эти вещи. Эмпирический спор должен быть отнесен на самый комплексный и целостный (holistic) уровень. Охватывает ли сумма полученного теоретизирования, исходящего от того или иного набора предпосылок, известные описания реальности в более "удовлетворительной" манере? Это вовлекает нас в дополнительные дилеммы всех сортов. Известные нам "описания" реальности есть — в некоторых пределах — функция от наших исходных посылок; будущие "описания" могут, конечно, трансформировать наше восприятие реальности. Действительно ли охватывает реальность "теоретизирование", претендующее сегодня охватить ее? И последнее, но не менее важное: что означает "охватить" реальность "в более удовлетворительной манере"? Есть ли этот последний критерий нечто большее, чем эстетическое определение?

Не только споры о фундаментальных принципах сходят на нет по всем этим причинам, но и каждая сторона имеет присущий ей недостаток. Защитники существующих взглядов должны "оправдывать" аномалии в следствии нашего сегодняшнего вызова. Но и бросившие вызов должны предложить убедительные "данные" в ситуации, когда по сравнению с традиционным социальным научным исследованием, существующим 150 лет, у них было гораздо меньше времени, чтобы собрать хотя бы приблизительно подходящие "данные". А данные по предмету, по своей сути не поддающемуся экспериментальной обработке, быстро собрать не возможно. Поэтому спор о фундаментальных принципах можно представить по аналогии со схваткой на чемпионате в тяжелом весе, но без рефери и между двумя некими страдающими диспепсией боксерами, у каждого из которых левая рука привязана за спиной. Возможно, это забавно наблюдать, но бокс ли это? Наука ли это?

И кто это решит? В некотором смысле будут решать зрители — и, возможно, не путем наблюдения за боксерами, а путем своей победы. Тогда зачем беспокоиться? Затем, что боксеры — часть зрителей, которые, конечно, все являются боксерами.

Чтобы мы не потерялись в аналогиях, позвольте мне вернуться к дискуссии о фундаментальных принципах. Я предлагаю взять семь общих предпосылок социального научного исследования и определить, что же заставляет меня чувствовать относительно них дискомфорт. Затем я выясню, являются ли альтернативные (или даже противоположные) положения не столь убедительными или более убедительными, и покажу направление, в котором эти альтернативные исходные положения повели бы нас.

Социальные науки состоят из нескольких "дисциплин", которые являются интеллектуально-связанными группировками, предметно отличающимися друг от друга.

Этими дисциплинами чаще всего считаются антропология, экономика, политическая наука и социология. Конечно, имеются и потенциальные добавления к этому перечню, такие, как география. Является ли история социальной наукой или нет — предмет полемики, и мы еще вернемся к этому (см. разд.2). Подобный спор идет и о психологии или, по крайней мере, о социальной психологии.

Существует растущая мода, по меньшей мере с 1945 г., выражать сожаление по поводу ненужных барьеров между "дисциплинами" и отстаивать достоинства "междисциплинарного" исследования и/или обучения. Это аргументируется по двум пунктам. Один — это утверждение, что анализ некоторых "проблемных областей" может извлечь пользу из подхода, соединяющего взгляды многих дисциплин. Говорят, например, что если мы хотим исследовать "труд", то объединение знаний, предлагаемых экономикой, политической наукой и социологией, могло бы быть очень выгодным. Логика такого подхода ведет к мультидисциплинарным командам или единому образовательному "изучению нескольких дисциплин", по крайней мере в той степени, в какой они имеют отношение к "труду".

Второе предполагаемое основание для "междисциплинарного" исследования слегка отлично. Доказывается, что когда мы проводим коллективное исследование, то становится ясно, что некоторые из наших предметов находятся на границе двух или более дисциплин. "Лингвистику", например, можно поместить на такой границе. Логика такого подхода может привести в конечном итоге к развитию новой "автономной дисциплины", каковой во многих отношениях является то, что получилось из изучения лингвистики в течение последних тридцати лет.

Мы знаем, что существует множество дисциплин и, вследствие этого, множество академических кафедр в университетах по всему миру, ученые степени по этим дисциплинам и национальные и международные ассоциации специалистов по этим дисциплинам. Таким образом, мы знаем "политически", что существуют различные дисциплины. Они имеют организации с границами, структурой и персоналом, чтобы защищать свои коллективные интересы и обеспечивать свое коллективное воспроизводство. Но это ничего не говорит нам о вескости "интеллектуальных" притязаний на обособление — притязаний, которые, по-видимому, оправдывают организационную сеть.

Восхваление достоинств междисциплинарной работы в социальных науках пока еще значительно не подорвало силы организационных аппаратов, которые защищают обособленные дисциплины. По сути, может быть справедливо и противоположное: что усилило притязание каждой дисциплины представлять логически обособленный уровень анализа, привязанный к соответствующей методологии, — так это постоянное утверждение практиков различных дисциплин, что у каждой есть, что позаимствовать из другой и чего она не могла бы узнать, оставаясь на своем собственном уровне анализа со своей специфической методологией, что это "другое" знание является уместным и важным для решения интеллектуальных проблем, над которыми каждая работает. Междисциплинарная работа ни в каком смысле не является *per se* (2) интеллектуальной критикой существующего разделения социальной науки и в любом случае нуждается в политическом нажиме, чтобы влиять на существующие институциональные структуры.

Но являются ли различные социальные научные дисциплины действительно "дисциплинами"? Для слова, так широко используемого, редко обсуждается, что же составляет дисциплину. Для этого термина нет статьи ни в "Международной энциклопедии социальных наук" ("International Encyclopaedia of the Social Sciences"), ни в "Энциклопедии философии" ("Encyclopaedia of Philosophy"), ни в "Энциклопедии Британика" ("Encyclopaedia Britannica"). Лучше мы обратимся к "Оксфордскому словарю английского языка" ("Oxford English Dictionary"), который расскажет нам, что:

Этимологически, "дисциплина", как относящееся к представителю или ученому — противоп. "доктрине" — принадлежность доктора или учителя; в последствии, в истории слов "доктрина" — больше относящееся к абстрактной теории, а "дисциплина" — к практике и исполнению.

Но, напоминая о происхождении термина, "Оксфордский словарь" не дает нам ничего лучшего в современном определении, чем описание ее как "раздела преподавания или образования; отрасли знаний; науки или искусства в его образовательном аспекте". Похоже, упор здесь делается на воспроизводство знания (или по меньшей мере его распространение), а не на его производство. Но определенно, разве понятие дисциплины не может быть не связанным с процессом производства знаний?

История социальных наук довольно ясна, по крайней мере, в общих чертах. Когда-то не было социальных наук или были только "предшественники". Затем медленно, но верно появлялся в ходе девятнадцатого века ряд названий, затем факультетов, степеней и ассоциаций, которые к 1945 г. (хотя иногда и раньше) кристаллизировались в категории, которыми мы пользуемся сегодня. Имелись и другие названия, которые были отброшены и которые, вероятно, подразумевали другие "классификации" предмета. Что охватывали такие термины, как "моральная экономика" или "наука о государстве" (Staatwissenschaft), не совсем ясно. И это не из-за того, что их защитники недостаточно ясно мыслили, а потому что "дисциплина" в реальном значении определяла себя через длительное пребывание в практике. Прерванная практика означает не состоявшуюся дисциплину. Например, знаменитое четвертное разделение антропологии (физическая антропология, социальная или культурная антропология, археология и лингвистика) было (и до известных пределов остается до сих пор) в большей степени "практикой", нежели "доктриной". Затем оно стало доктриной, преподаваемой и оправданной докторами или преподавателями. Но дало ли в сумме это целое логически связанный, оправданный уровень анализа или метод анализа или только отдельный предмет?

Мы знаем, откуда произошли все эти разделения предмета. Они интеллектуально вытекают из господствующей либеральной идеологии девятнадцатого века, которая утверждала, что государство и рынок, политика и экономика являются отдельными для анализа сферами, каждая со своими особыми правилами ("логикой"). Общество было обязано содержать их отдельно. Поскольку, казалось, было много

реалий, явно не относившихся ни к сфере рынка, ни к сфере государства, эти реалии были помещены в ящик для отходов, который обрел в качестве компенсации величественное название социологии. Существовало мнение, по которому считалось, что социология объясняет (по-видимому) внешне "иррациональные" феномены, которые экономика и политическая наука были не в состоянии объяснить. Наконец, поскольку были народы, находящиеся вне господства цивилизованного мира — отдаленные и с которыми было трудно общаться, — изучение таких народов включало специальные требования и специальное образование, которые получили спорное название антропологии.

Нам известно историческое происхождение этих отраслей знания. Нам известны их интеллектуальные маршруты, которые были сложными и разнообразными, особенно после 1945 г. И мы знаем, почему они натолкнулись на "пограничные" трудности. Поскольку мир развивался линия соприкосновения между "примитивным" и "цивилизованным", "политическим" и "экономическим" расплывалась. Научное браконьерство стало обычным делом. Нарушители границ отодвигали заборы, но, однако, не опрокидывали их.

Сегодня перед нами стоит вопрос: есть ли какие-то критерии, которые можно использовать, чтобы утвердить относительно ясно и подходящим способом границы между четырьмя предполагаемыми дисциплинами: антропологией, экономикой, политической наукой и социологией? Анализ мировых систем отвечает на этот вопрос недвусмысленным "нет". Все предполагаемые критерии — уровень анализа, предмет, методы, теоретические исходные положения — либо уже не соответствуют практике, либо, если подтверждаются ею, являются в большей степени барьерами к дальнейшему знанию, нежели стимулами к его созданию.

Или, с другой стороны, различия между допустимыми темами, методами, теориями или теоретизированием внутри какой-нибудь из так называемых дисциплин гораздо сильнее, чем различия между ними. Это означает на практике, что перекрытие является субстанциональным и в аспекте исторической эволюции всех этих дисциплин все время возрастает. Пришло время прорваться через это интеллектуальное болото, сказав, что эти четыре дисциплины — всего лишь одна. Это не значит, что все ученые-социалы должны выполнять идентичную работу. Существует потребность, и вероятность, специализации в "сфере исследования". Но давайте помнить один имеющийся у нас важный организационный пример. Где-то в период 1945 — 1955 гг. две до того времени организационно отдельные "дисциплины" — ботаника и зоология — слились в единую дисциплину, названную биология. С того времени биология стала процветающей дисциплиной и породила множество подотраслей, но ни одна из них, насколько мне известно, не носит название и не имеет черт ботаники или зоологии.

Аргумент миро-системного анализа недвусмысленен и прям. Три предполагаемых арены коллективного действия человека — экономическая, политическая или социо-культурная — не являются автономными аренами социального действия. Они не имеют отдельных "логик". Еще более важно, что переплетение принуждающих связей, условий, решений, норм и "рациональностей" таково, что ни одна применяемая исследовательская модель не может изолировать "факторы", согласующиеся с категориями: экономический, политический, социальный, — и, принимая один вид как переменную, имплицитно считает другие постоянными. Мы утверждаем, что есть единый "набор правил" или "набор принуждающих связей", внутри которых действуют эти разнообразные структуры.

Случай в сущности полного перекрытия предполагаемых областей социологии и антропологии даже еще более показателен. При каком же большом воображении можно утверждать, что "Tally Corner" Эллиота Либоу и "Street-Corner Society" Вильяма Ф. Уайта — два классических труда, один из которых написан "антропологом", а другой "социологом" — работы по двум разным дисциплинам? И, как знает каждый читатель, было бы нетрудно составить длинный перечень таких примеров.

История — это изучение и объяснение особенного, как оно реально имело место в прошлом. Социальная наука — это формулировка универсального набора правил, которые объясняют поведение человека (общества).

Теперь о знаменитом разделении между идеографическим и номотетическим способами анализа, которые, как предполагается, являются противоположными. "Жесткая" версия этого противопоставления состоит в утверждении, что только один из способов (который каждый выбирает в соответствии со своими взглядами) является законным, интересным или даже "возможным". Эта "жесткая" версия есть то, о чем был "методический спор" (Methodenstreit). "Мягкая" версия рассматривает эти два подхода как два пути внедрения в социальную реальность.

Несмотря на то, что они применяются отдельно, по-разному и по несхожим (даже противоположным) целям, было бы плодотворным для гуманитарного мира соединить эти два подхода. Эта "мягкая" позиция сопоставима с доказательством заслуг "междисциплинарной" работы в социальных науках. При отстаивании заслуг соединения двух подходов усиливается интеллектуальная законность рассмотрения их как двух отдельных способов.

Сильнейшие аргументы обеих —идеографической и номотетической — школ кажутся убедительными. Аргумент идеографической школы — это древняя доктрина, что "все течет". Если все постоянно изменяется, то всегда будет ложным любое обобщение, относящееся к двум или более предположительно сопоставимым явлениям. Все что можно сделать — это понять через вживание (emphatically) последовательность событий. Наоборот, аргумент номотетической школы как раз в том, что реальный мир (включая социальный) не является набором случайных происшествий. Если так, то должны быть правила, описывающие "повторяемость", в случае которой имеется поле для научной деятельности.

Также убедительна самая суровая критика каждой стороны в адрес другой. Номотетическая критика идеографической позиции — в том, что любое перечисление "событий прошлого" по сути представляет выборку из реальности (как это реально происходило) и, следовательно, подразумевает наличие критериев выбора и категорий для описания. Эти критерии и категории базируются на неподтвержденных, но тем не менее реальных обобщениях, которые сродни научным законам. Критика номотетического подхода — в том, что он пренебрегает теми трансформационными феноменами (в частности благодаря рефлексивности социальной реальности), которые делают невозможным "повторение" структуральных систематизаций.

Есть различные способы подхода к этому взаимному критицизму. Один из них — это путь "комбинирования" истории и социальных наук. Считается, что историк обслуживает ученого-социала, обеспечивая последнего более широкими и глубокими наборами данных, из которых выводятся его законоподобные обобщения. Считается, что ученый-социал обслуживает историка, предлагая ему результаты исследования, довольно благоразумно представленные обобщения, которые предлагают постичь суть специфической последовательности событий.

Проблема этого четкого разделения интеллектуального труда состоит в том, что оно предполагает возможность отделения "последовательности" в качестве предмета для "исторического" анализа, а "всеобщностей" — в качестве предмета для "социально-научного" анализа. Однако, на практике то, что является последовательностью для одного, всеобщность — для другого, и нейтральный наблюдатель находится в затруднительном положении относительно того, как провести различия между ними на чисто логической основе как противоположной, скажем, стилистической или описательной.

Однако, проблема гораздо глубже. Есть ли значительная разница между последовательностью и всеобщностью, между историей и социальной наукой? Два ли это занятия или одно? Синхрония сродни геометрическому измерению. Ее можно описать логически, но на бумаге изобразить только ложно. В геометрии точка, линия или плоскость могут быть изображены только в трех (или четырех) измерениях. Также и в "социальной науке". Синхрония — это понятийный предел, а не социально применимая категория. Всё описанное имеет время, и единственный вопрос в том, насколько широкий диапазон здесь подходит. Подобно этому, уникальная последовательность описывается только в не-уникальных категориях. Всякий

концептуальный язык предполагает сравнения между универсальностями. Точно также как мы не можем словесно "изобразить" точку, мы не можем словесно "описать" уникальное "событие". Изображение, описание страдает косноязычием или комплексным обобщением.

Поскольку это — неразрешимая логическая дилемма, решение следует искать на эвристических основаниях. Анализ мировых систем предлагает эвристическую ценность *via media* (3) между трансисторическими обобщениями и описаниями особенного. Утверждается, что, когда наш масштаб видения стремится к любому пределу, то результат представляет собой минимальный интерес и минимальную полезность. Он утверждает, что оптимальный метод — проведение анализа внутри системных конструкций, достаточно длительных во времени и достаточно крупных в пространстве, чтобы иметь правящую "логику", которая "определяет" наибольшую часть последовательной реальности, одновременно признавая и принимая в расчет, что эти системные конструкции имеют начала и концы и, следовательно, не должны считаться "вечными" феноменами. Тогда это означает, что в каждый данный момент мы ищем и конструкцию ("циклические ритмы" системы), которую мы описываем концептуально и образцы внутренней трансформации ("вековые направления" системы), которая в конечном итоге служит причиной гибели системы и которую мы описываем последовательно. Это означает, что задача — едина. Есть ни историк—ученый, ни ученый-социал, а только ученый-историко-социал, который анализирует общие законы отдельных систем и отдельных последовательностей, через которые эти системы прошли (грамматическое время здесь преднамеренно не является т.н. этнографическим настоящим). Тогда мы наталкиваемся на проблему определения "единицы анализа", внутри которой мы должны работать и которая приводит нас к нашей третьей предпосылке.

III

Человеческие существа организованы в целостности, которые мы можем назвать обществами и которые конституируют фундаментальные социальные конструкции, внутри которых существует человеческая жизнь.

Нет понятия более распространенного в современной социальной науке, чем общество, и нет понятия, используемого более автоматически и нерелективно, чем общество, и это несмотря на бесчисленные страницы, посвященные его определению. Школьные определения вращаются вокруг вопроса "Что есть общество?", в то время как утверждения, только что сделанные нами по поводу единства исторической и социальной науки, выводят нас к другому вопросу: "Когда и где есть общество?".

"Общества" конкретны. Более того, общества — это термин, от которого мы могли бы с успехом отказаться из-за его понятийной истории и, следовательно, его по существу неискоренимых и вводящих в глубокое заблуждение коннотаций. Общество — термин, общепризнанное использование которого в истории и социальных науках совпадает по времени с институциональным появлением современной социальной науки в девятнадцатом веке. Общество является одной частью противоречивого тандема, в котором другая сторона — государство. Французская Революция была культурным водоразделом в идеологической истории миро-системы нового времени, в которой она привела к широкому распространению идеи, что социальное изменение, а не социальный застой является нормальным, как в нормативном так и в статистическом смысле слова. В связи с этим была поставлена интеллектуальная проблема, как регулировать, ускорять, убыстрять или иначе влиять на этот нормальный процесс изменения и эволюции.

Возникновение социальной науки как институционализированной социальной деятельности было одним из главных системных ответов на эту интеллектуальную проблему. Социальная наука стала представлять рационалистическую идеологию, заключающуюся в том, что при понимании процесса (идеографически или чаще номотетически), можно влиять на него каким-то морально позитивным образом.

Политические значения такого предприятия не миновали (и не минуют) никого. Именно поэтому социальная наука остается до сегодняшнего дня "противоречивой", но также именно поэтому в

девятнадцатом веке понятие "общество" противопоставлялось понятию "государство". Много численные суверенные государства, основанные и основывающиеся, были явными фокусами политической активности. Они оказывались средоточием эффективного социального контроля и, следовательно, ареной, на которой можно было влиять на социальные изменения и осуществлять их. Стандартный подход девятнадцатого века к интеллектуально-политической теме был увлечен вопросом, как совместить общество и государство. В этой формулировке государство можно было исследовать и анализировать непосредственно. Оно действовало через официальные учреждения с помощью известных (конституционных) правил. Под "обществом" подразумевалось сплетение нравов и обычаев, которые объединяли группу людей без официальных правил, несмотря на них или вопреки им. В некотором смысле "общество" представляло нечто более устойчивое и "глубокое", чем государство, менее поддающееся манипулированию и определенно более расплывчатое.

С тех пор идет бесконечный спор о том, в каком отношении друг к другу находятся общество и государство, что из них было или будет подчинено другому и что олицетворяет более высокие моральные ценности. Постепенно мы привыкли к мысли, что границы общества и государства — синонимичны или, если нет, то должны быть (и в конечном итоге будут) таковыми. Таким образом, без точного теоретического доказательства этого историки и ученые-социалы рассматривают современные суверенные государства, перенесенные гипотетично назад во времени, как базисные социальные целостности, внутри которых ведется социальная жизнь. Некоторое спорадическое сопротивление оказывалось этому взгляду со стороны антропологов, но они сопротивлялись названию мнимой ранней политико-культурной целостности, важность которой осталась первостепенной, как утверждали многие из них.

Таким образом, через черный вход и не будучи проанализированными, вся историография и вся теория мира нового времени, пробрались как субстрат и истории, и социальной науки. Мы живем в государствах. В основе каждого государства лежит общество. Государства имеют историю и, следовательно, традиции. Прежде всего, если изменение является нормальным, именно государства нормально изменяются или развиваются. Они изменяют свой способ производства; они урбанизируются; они решают социальные проблемы; они процветают или приходят в упадок. Они имеют границы, внутри которых факторы являются "внутренними", а за пределами которых факторы являются "внешними". Государства — это логически независимые целостности, так что в статистических целях они могут быть "сравнимы".

Этот имидж социальной реальности не был фантазией и поэтому он был приемлем и для идеографических и для номотетических теоретиков, чтобы исходить с законным апломбом от этих положений об обществе и государстве и подниматься до получения некоторых правдоподобных данных. Единственной проблемой было то, что в ходе времени все больше и больше "аномалий" оказывались необъяснимыми в рамках этой конструкции и появлялось все больше и больше неисследованных зон человеческой деятельности.

Миро-системный анализ делает единицу анализа предметом спора. Где и когда существуют целостности, внутри которых происходит социальная жизнь? Он заменяет термин "общество" термином "историческая система". Конечно, это скорее семантическая замена. Но она избавляет нас от центральной коннотации, которую приобрело "общество", его связи с "государством" и, следовательно, от предположения о "где" и "когда". Более того, "историческая система" как термин подчеркивает единство исторической социальной науки. Целостность одновременно системна и исторична.

Подняв вопрос о единице анализа, простого ответа не получить. Сам я выдвинул пробную гипотезу, что существовало три известных формы или разновидности исторических систем, которые я назвал мини-системы, мир-империи и мир-экономики. Я также предположил, что вполне вероятно, что мы могли бы определить другие формы или разновидности.

Я доказываю две вещи о разновидности исторических систем: одна затрагивает связь "логики" и формы; другая касается истории сосуществования форм. Под термином формы я понимаю определение границ исторической системы, внутри которых система и люди в ней регулярно воспроизводятся посредством какого-либо типа имеющегося разделения труда. Я утверждаю, что эмпирически существовало три таких модели. "Мини-системы", названные так, потому что они малы в пространстве и, возможно,

относительно кратки во времени (срок жизни — около шести поколений), — высоко однородны с точки зрения культурной и управляющей структур. Базисная логика — логика "взаимности" в обмене. "Мировые империи"— обширные политические структуры(по крайней мере на вершине процесса расширения и сокращения, который, похоже, является их судьбой) и охватывает широкое разнообразие "культурных" образцов. Основная логика системы — извлечение дани из одновременно локально самоуправляющихся непосредственных производителей (главным образом, сельских), которая отправляется в центр и перераспределяется в тонкую, но важнейшую сеть чиновников. "Мировые экономики" — обширные неравномерные цепи из включающих производство структур, рассеченных многочисленными политическими структурами. Базовая логика в том, что накопленная прибыль распределяется неравно в пользу тех, кто в состоянии достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях. Это — "капиталистическая" логика.

История сосуществования форм может быть истолкована следующим образом. В до-сельскохозяйственную эру было множество мини-систем, чья постоянная смерть могла быть в большей степени результатом экологических происшествий плюс раскалывание групп, растущих слишком обильно. Наши знания очень ограничены. Письменности не было, и мы придерживаемся только археологических реконструкций. В период между, скажем, 8000 г. до н.э. и 1500 г. н.э. на планете одновременно существовало множество исторических систем всех трех разновидностей. Мировая империя была "сильной" формой этой эры, поскольку всякий раз, когда она расширялась, она разрушала и/или поглощала и мини-системы, и миро-экономики, а когда она сокращалась, она давала возможность для восстановления мини-систем и мировых экономик. Большая часть того, что мы называем "историей" этого периода — это история таких мир-империй, которая понятна, поскольку они воспитали культурных писцов, чтобы фиксировать то, что происходило. Мировые экономики были "слабой" формой, индивидуальной, никогда не живущей долго. Это потому, что они либо дезинтегрировались, либо поглощались мировой империей, либо трансформировались в нее (через внутреннюю экспансию единого политического целого).

В районе 1500 г. одна такая мировая экономика сумела избежать этой судьбы. По причинам, которые требуют объяснения, "современная миро-система" родилась из консолидации мировой экономики. Вследствие этого у нее было время достичь своего полного развития в качестве капиталистической системы. По своей внутренней логике, эта капиталистическая мировая экономика затем расширилась и охватила весь земной шар, абсорбируя в этом процессе все существующие мировые империи. Вследствие этого к концу девятнадцатого века впервые за все время существовала только одна историческая система на земном шаре. И мы сегодня еще находимся в этой ситуации.

Я изобразил в общих чертах свои гипотезы о формах и истории сосуществования исторических систем. Они не конституируют анализ миро-систем. Они являются набором гипотез внутри миро-системного анализа, открытых для полемики, усовершенствования, отказа. Решающий итог в том, что определение и истолкование единиц анализа — исторических систем — становится центральным объектом научного изыскания.

В дискуссии, которую я только что описал, кроется еще не выявившийся дальнейший спор о мире нового времени и его определяющих характеристиках. Это спор, в котором две основные разновидности мысли девятнадцатого века — классический либерализм и классический марксизм — разделяют определенные ключевые исходные положения о природе капитализма.

IV

Капитализм — это система, основанная на конкуренции между свободными производителями, использующими свободный труд со свободными товарами, "свободно" выражающими свое предназначение для продажи и купли на рынке.

Ограничения на такие свободы, где бы они ни существовали, являются остатками незавершенного эволюционного процесса и означают, в той мере, в какой они существуют, что зона или

предприятие — "менее капиталистические", чем при отсутствии таких ограничений. Это, в сущности, взгляд Адама Смита. Смит считал капиталистическую систему единственно сообразной "человеческой природе" и рассматривал альтернативные системы как навязывание протiwоестественных и нежелательных ограничений на социальное существование. Но это был, в сущности, и взгляд Карла Маркса. Характеризуя эту систему, Маркс сделал особый упор на важности свободного труда. Но он не считал капиталистическую систему навечно естественной и не полагал, что она желательна. Он считал ее нормальной стадией исторического развития общества.

Большинство либералов и марксистов последних 150 лет рассматривали эту картину "конкурентного капитализма" как точное описание капиталистической нормы и поэтому обсуждали все исторические ситуации, включающие не-свободный труд/производителей/товары, как отклонение от этой нормы и, таким образом, как явление должно быть объяснено. Норма в значительной степени отражала идеализированный портрет того, что, как полагали, было примером квинтэссенцией этой нормы — Англии после "Индустриальной Революции", где пролетарии (по сути безземельные, не имеющие орудий труда городские рабочие) трудились на предприятиях, принадлежащих буржуазным предпринимателям (по сути частным собственникам постоянного капитала этих предприятий). Собственник покупал рабочую силу (платил заработную плату) — главным образом, взрослых мужчин — у которых не было реальной альтернативы для выживания, кроме поиска работы по найму. Никто никогда не претендовал на утверждение, что все ситуации производства, были этой модели. Но и либералы и марксисты были склонны рассматривать любую ситуацию, отклоняющуюся от этой модели как менее капиталистическую в той степени, в которой она отклонялась.

Если бы каждую ситуацию производства можно было классифицировать по шкале степеней капитализма, как это и было, то каждое государство как месторасположение таких рабочих ситуаций можно было бы изобразить как понижающиеся на этой шкале. Экономическую структуру государства тогда можно было бы рассматривать как "более" или "менее" капиталистическую, а саму государственную систему как вполне соответствующую степени капитализма в экономике или как несовместимую с ней, в случае последнего мы могли бы ожидать, что она будет изменяться с течением времени в направлении большего соответствия.

А как быть с ситуациями производства, которые не попадают под полностью капиталистические по этому определению. Их можно рассматривать как отражение еще-не-капиталистической ситуации в государстве, которая в конечном итоге позаботится, чтобы капиталистические структуры стали доминирующими. Или их можно рассматривать как аномальные продолжения из прошлого в государстве, где капиталистические структуры доминируют.

Как можно определить "доминирование" характерного способа структурирования рабочих единиц внутри территориальной целостности(государство), никогда не было полностью ясным. В знаменитом решении Верховного Суда США судья Уильям Бреннан писал об определении порнографии: "Я узнаю ее, когда вижу ее". В некотором смысле и либералы и марксисты определили доминирование капитализма подобным образом: они узнавали его, когда видели. Очевидно, что в этом подходе имплицитно содержится количественный критерий. Но до тех пор, пока существует такой подсчет голов, необходимо знать, какие головы подсчитываются. И к этому можно еще кое-что прибавить.

Было проведено различие между производительным и непроизводительным трудом. Хотя точные определения физиократов, Сен-Симона и Маркса были довольно разными, все они стремились определить как не-рабочие, то есть как не-производительные конкретные виды "экономической деятельности". Это создало безразмерную и очень удобную лазейку в определении капитализма. Если среди различных видов деятельности, исключенной как не-производительная, падает показатель, который не соответствует модели капиталистической производство-ситуации — наиболее очевидным, но явно не единственным примером является домашняя работа, — тогда становится намного легче утверждать, что "большинство" производственных ситуаций в некоторых странах являются видами, вписывающимися в эту модель, и таким образом мы действительно можем описать некоторые "капиталистические" страны на языке этого определения. Вся эта манипуляция вряд ли была бы необходима, если бы установленная "норма"

была действительно статистической нормой. Но этого не было и нет. Ситуация со свободными рабочими, трудящимися за заработную плату на предприятиях свободных производителей в современном мире встречается в меньшинстве. Это полностью верно, если наша единица анализа — мировая экономика. Это возможно верно или вряд ли верно даже если мы проведем анализ в рамках отдельно взятых высокоиндустриальных государств в двадцатом веке.

Когда установленная норма оказывается нестатистической, т.е. когда ситуация изобилует исключениями (аномалиями, остаточными явлениями), тогда мы должны задуматься выполняет ли определение нормы какую-нибудь полезную функцию. Анализ миро-систем утверждает, что капиталистическая миро-экономика — особая историческая система. Поэтому если мы хотим установить нормы, т.е. способ функционирования этой конкретной системы, оптимальный путь — посмотреть на историческую эволюцию этой системы. Если мы обнаружим, как это и происходит, что система, похоже, включает широкие сферы оплачиваемого и не-оплачиваемого труда, широкие сферы товарных и не-товарных продуктов и широкие сферы отчуждаемых и не-отчуждаемых форм собственности и капитала, тогда мы должны будем, по крайней мере, выяснить, не является ли эта "комбинация" или смесь т.н. свободного и не-свободного сама по себе определением признака капитализма как исторической системы.

Раз вопрос поднят, простых ответов на него нет. Мы обнаружили, что пропорции смешиваний бывают неравными в пространстве и во времени. Тогда мы можем искать структуры, которые поддерживают стабильность любой отдельной смеси смесей (снова циклические тенденции), также как и скрытое давление, которое могло трансформировать — на протяжении веков — смесь смесей (вековые тенденции). Тогда аномалии становятся не исключениями, которые нужно оправдывать, а образцами, которые нужно анализировать, переворачивая таким образом психологию научного изыскания. Мы должны заключить, что определение капитализма, которое владело мыслью девятнадцатого века — как либеральной, так и марксистской — и является причиной центрального историографического взгляда, который был завещан нам.

V

Конец восемнадцатого и начало девятнадцатого века представляют решающий поворотный пункт в мировой истории, в которой капиталисты окончательно достигли государственно-общественной власти в ключевых позициях.

Два великих "события", которые произошли в этот период, — Индустриальная Революция в Англии и Французская Революция, были, как утверждает, решающими в развитии социальной научной теории. Простой библиографический просмотр удостоверит, что заметно большая часть мировой истории была посвящена этим двум "событиям". Более того, еще большая часть была посвящена анализу других "ситуаций" с точки зрения их соотношения с этими двумя "событиями". Связь между исторической центральностью, отведенной этим двум событиям, и господствующим определением капитализма нетрудно прояснить. Мы уже отмечали, что концепция о степенях капитализма неизбежно ведет к скрытому упражнению в исчислении, так чтобы мы могли определить, когда капитализм становится "доминирующим". Эта теория допускает, что несоответствие между "экономическим" господством и государственно-общественной властью вероятно и что его можно преодолеть.

Индустриальная Революция и Французская Революция интересны, потому что они предположительно представляют преодоление этого несоответствия. Французская Революция выдвигает на первый план политическую арену. Согласно сильно оспариваемой сегодня, но долго господствующей "социальной интерпретации", Французская Революция была моментом, когда буржуазия отстранила от государственной власти феодальную аристократию и посредством этого трансформировала докапиталистический старый режим в капиталистическое государство. Индустриальная Революция выдвигает на первый план плоды такой трансформации. Как только капиталисты достигают

государственной власти (или, на языке Смита, ослабляют вмешательство государства), то становится возможным значительно расширить триумфальные возможности капиталистической системы.

Исходя из таких предпосылок, можно трактовать оба эти явления как "события" и сосредоточиться на деталях того, что произошло и почему это произошло именно так. Книги по Индустриальной Революции типично обсуждают, какой фактор (или факторы) был более важен для ее возникновения, какова его точная дата и какая из различных черт, охваченных термином, была самой важной для будущих трансформаций. Книги по Французской Революции типично обсуждают, когда она началась и закончилась, какой фактор (или факторы) вызвали ее, какие группы были вовлечены в ключевой процесс, как и когда произошли перемены в составе действующих лиц и какую законность оставила Революция.

Конечно, такое подробное и, в конечном счете, идеографическое тщательное исследование этих "событий" неизбежно порождает скептицизм. Появляется все больше голосов, сомневающих, насколько революционными были революции. Тем не менее, фактически все эти анализы (и защитников, и скептиков) предполагают аналитическую систему координат, которая приводит к выделению этих двух "событий" на первое место: предположение, что капитализм (или его суррогат, индивидуальная свобода) должен в некотором смысле "триумфировать" в какой-нибудь точке внутри отдельных государств.

Более того, как бы ни считалось что история центральна только для историков, мы должны были заметить, как не замедлила она стать центральной для аналитических упражнений ученых-социалов. Идея "Индустриальной Революции" трансформировалась в процесс "индустриальной революции" или "индустриализации" и породила целую семью подкатегорий и, следовательно, подпроблем: идею "взлета"(take-off), представление о "до-индустриальном" и "постиндустриальном" обществе и т.д. Идея "буржуазной революции" стала анализом того, когда и как "буржуазная революция" (или средние классы у власти) могла произойти или произошла. Я не имею в виду, что эти споры идут не о реальном мире. Явно, Бразилия двадцатого века может быть обсуждена в терминах индустриализации, роли национальной буржуазии или отношения средних слоев к военной силе. Но снова выдвигаются ключевые исходные положения, которые должны быть исследованы.

К чему призывает анализ миро-систем — так это к оценке центральности этих предположительно ключевых "событий" в терминах длительного *dure* (4) исторической системы, в которой они произошли. Если единицей анализа миро-системы нового времени является капиталистическая миро-экономика (при этом остается "если"), тогда нам нужно спросить, представляют или нет полученные категориальные различия — сельское хозяйство и промышленность, землевладелец и капиталист — лейтмотив, вокруг которого концентрируется историческое развитие. Мы можем находиться в постиндустриальной фазе, только если была индустриальная. Различия между обладателями государственной и экономической власти могут быть, только если мы имеем дело с аналитически разделяемыми группами. Все эти категории сейчас так глубоко находятся в нашем подсознательном, что мы вряд ли сможем говорить о мире, не пользуясь ими. Анализ миро-систем утверждает, что категории, которые наполняют нашу историю, были исторически сформированы (и в большинстве всего лишь век назад или около этого). Настало время, когда они вновь открылись для исследования.

Конечно, это превалирующая история сама наполнена господствующей метафизикой современного мира. Триумф этой современной метафизики требует длительной борьбы. Но триумф она завоевала в эпоху Просвещения, что приводит нас к шестой предпосылке.

VI

Человеческая история прогрессивна и это неизбежно.

Конечно, у идеи прогресса были свои критики, но они на протяжении двух веков оставались в явном меньшинстве. Я не включаю в это меньшинство всех тех, кто критиковал наивный взгляд на прогресс и сосредотачивал свои усилия на объяснении т.н. иррационального. Эти люди делали рациональное

иррациональным. Не включая я и растущее число освободившихся от заблуждений защитников, которые впадают в отчаяние или теряют веру в прогресс. Они скорее похожи на бывших католиков из романа Г.Грина, постоянно ищущих веру, которую когда-то имели.

Настоящие консерваторы — те, кто не верил, что систематическое изменение или улучшение в мире — желательная или плодотворная коллективная деятельность, — довольно редки в современном мире. Но заметьте еще раз, как господствующие предпосылки ограничили скептиков и оппонентов. На мнение, что прогресс неизбежен, единственный ответ, похоже, вызывает огорчение, потому что этот тезис неверен или потому что он верен.

Анализ миро-систем хочет убрать идею прогресса из положения траектории и раскрыть ее как аналитическую переменную. Исторические системы могут быть лучше и хуже (и мы можем спорить о критериях оценки). Совсем не обязательно, чтобы была линейная тенденция — вверх, вниз или прямо вперед. Возможно, линия тенденции — колеблющаяся; или, возможно, неопределенная. Если бы эта возможность допускалась, тотчас открылась бы целая новая арена интеллектуального анализа. Если мир имеет множество образцов, типов, исторических систем и если все исторические системы имеют начала и концы, тогда мы захотим узнать что-нибудь о процессе, по которому происходит преемственность (во времени-пространстве) исторических систем.

Это типично обсуждалось как проблема "переходов" (transitions), но переходы анализировались в конструкциях линейных трансформаций. Мы детализируем процесс трансформации в направлении неизбежной конечной точки, которая, как мы предполагаем, есть и была единственной реальной исторической альтернативой. Но предположение о конструкциях новых исторических систем — вероятностный (стохастический) процесс. Тогда перед нами имеется полностью новая арена интеллектуальной активности.

Спор о "свободной воле" и "детерминизме" — избитая тема, но он традиционно ведется как предложение альтернативы. Что дает пересмотр проблемы переходов — как реально происходящих, как движущихся в направлении неясных исходов — это выдвигание различных формулировок этого спора. Возможно, дело обстоит так: то, что мы называем "детерминизмом" — в большей степени процесс внутренний по отношению к историческим системам, в которых "логика" системы переходит в набор само-движущихся, само-укрепляющихся институциональных структур, которые "детерминируют" долговременную траекторию. Но также, возможно, дело обстоит следующим образом: то, что мы называем "свободной волей" происходит главным образом в процессе "перехода", когда определенно из-за нарушения этих самых структур реальный исторический выбор широк и труден для прогнозирования.

Тогда это повернуло бы наше коллективное внимание к изучению именно того, как эти вероятностные процессы работают. Возможно, они окажутся совсем не вероятностными, а имеющими внутренний скрытый ключ, или, возможно, внутренний ключ и есть некоторый процесс, который делает эти процессы вероятностными (т.е. предметом, нереальным для человеческого манипулирования). Или, возможно, — что наименее приемлемо для современных обитателей земного шара — Бог играет в кости. Мы не узнаем, пока не увидим. Мы можем, конечно, не узнать даже тогда. Но как мы смотрим? Это приводит нас к последнему и глубочайшему из предположений — предположению, касающемуся природы науки.

VII

Наука — поиск правил, которые излагают в самом сжатом виде, почему все именно так и как происходят вещи.

Современная наука — это дитя не девятнадцатого века. Она восходит по меньшей мере к шестнадцатому и, возможно, к тринадцатому веку. Она сильно опустилась на детерминистскую сторону уравнения, на сторону линейности и краткости. Ученые берут под свою эгиду все больше и больше владений вселенной, и мир человека, несомненно, последнее такое владение. Именно в названии этой традиции номотетическая социальная наука утвердила себя.

Методология, которую приняла номотетическая социальная наука, имитирует основные принципы ее социально преуспевших предшественников — естественных наук: систематическое и педантичное эмпирическое исследование, затем индукция, ведущая к теориям. Чем более элегантна теория, тем более развита наука. Практическое применение, конечно, следует. Номотетическая социальная наука была наводнена своими неадекватностями — по сравнению с физикой — но имела поддержку в своей уверенности, что наука кумулятивна и однолинейна.

В наших сомнениях, касающихся предыдущих допущений, присутствовал скрытый — это теперь должно быть ясно — другой взгляд на науку. Если мы отказываемся от утилитарности номотетически-идеографического различия, то мы вызываем сомнение в полезности Ньютонова взгляда на науку. Мы не делаем этого, как делали идеографы, на основе особенности социального исследования (люди — сознательные актеры). Мы также сомневаемся в ее утилитарности для естественных наук (и действительно, за последние два десятилетия возникла тяга к нелинейной естественной науке, в которой стохастические процессы являются центральными).

Специфически, на языке того, что мы называем исторической социальной наукой, мы поднимаем вопрос, не будет ли перевернут метод восхождения от конкретного к абстрактному, от особенного к общему. Возможно, историческая социальная наука должна начинать с абстрактного и двигаться в направлении конкретного, заканчивая логически связанной интерпретацией процессов отдельных исторических систем, которая убедительно объясняет, как они следовали по особенному конкретному пути. Детерминирование является не простым, а сложным, по сути гипер-сложным. И, конечно, ни одна конкретная историческая ситуация не является более сложной, чем длительные периоды перехода, когда более простые ограничения (constraints) разрушаются.

История и социальная наука приняли свои современные господствующие формы в период полнейшего неоспоримого триумфа нашей сегодняшней исторической системы. Они — дети этой логики. Однако, мы сейчас живем в длительном периоде перехода, где противоречия этой системы делают невозможным продолжение оправдания ее механизма. Мы живем в период реального исторического выбора. И этот период — не постижим на основе положений этой системы.

Анализ мировых систем — это призыв к конструированию исторической социальной науки, которая чувствует себя комфортно с неопределенностями перехода, которая вносит вклад в трансформацию мира, объясняя выбор без апеллирования к вере в неизбежный триумф добра. Анализ миро-систем — это призыв открыть затворы, которые удерживают нас от исследования многих арен реального мира. Миро-системный анализ — не парадигма исторической социальной науки. Это призыв к спору об этой парадигме.

1. Сама по себе (лат.) 2. Среднего пути (лат.) 3. Длительность (фр.), зд. — время.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ. www.archipelag.ru

Иммануил Валлерстайн. Год 2008: Смерть неолиберальной глобализации

Идеология неолиберальной глобализации была на коне с начала 80-х. Фактически, она не была новой идеей в истории современной мир-системы, хотя и объявляла себя таковой. Идея, согласно которой правительствам мира следует сойти с пути организации больших, эффективных предприятий в попытках господствовать на мировом рынке, напротив, была очень старой. И первый вывод для экономической политики состоял в том, что правительствам (всем правительствам) следует разрешить корпорациям свободно пересекать любые границы с их товарами и капиталами. Вторым выводом стало то, что правительства (все правительства) должны отказаться от роли непосредственных владельцев этих производственных предприятий, приватизируя все, что находится в их распоряжении. И, в-третьих,

правительствам, всем правительствам, следует минимизировать, если не ликвидировать, любые виды социальной поддержки, оказываемой населению. Эта старая идея периодически входит в моду.

В 80-е эти идеи предлагались как точка зрения, в равной мере противоположная старым кейнсианским и/или социалистическим взглядам, которые преобладали в большинстве стран по всему миру: экономика должна быть смешанной (государственные и частные предприятия); правительствам следует защищать их граждан от грабительских действий квазимонополистских корпораций, принадлежащих иностранным владельцам; правительствам следует стараться обеспечивать всем равные возможности, отдавая пособия менее состоятельным жителям (в особенности в области образования, здравоохранения и обеспечения бессрочных гарантий уровня дохода); все это, конечно, требует введения налогов для более состоятельных жителей и корпоративных предприятий.

Программа неолиберальной глобализации использовала ситуацию мировой экономической стагнации, которая началась после длительного периода беспрецедентного глобального роста с 1945 года по начало 70-х, что способствовало главенству в политике кейнсианских и/или социалистических взглядов. Экономическая стагнация создала проблемы платежного баланса для большого числа правительств мира, особенно на «глобальном Юге» и в так называемых странах социалистического блока. Неолиберальное контрнаступление возглавляли правые правительства США и Великобритании (Рейгана и Тэтчер) и два межправительственных финансовых агентства – МВФ и Мировой Банк, которые совместными усилиями создали то, что было названо «Вашингтонским Консенсусом». Слоган для этой совместной политики отчеканила миссис Тэтчер: «Альтернативы нет» (There is no alternative – TINA). Этот слоган должен был донести до всех правительств, что им придется согласиться с рекомендациями этой политики – или им грозит медленный экономический рост и отказ в международной помощи при любых сложностях, которые могут у них возникнуть.

«Вашингтонский Консенсус» обещал возобновление экономического роста для всех и выход из ситуации глобальной экономической стагнации. Политически поборники неолиберальной глобализации были в высшей степени успешны. Правительство за правительством – на Юге, в так называемом социалистическом блоке и в сильных странах Запада – приватизировали промышленность, открывали границы для торговли и финансовых транзакций, сокращали социальное обеспечение. Социалистические – и даже кейнсианские идеи – были в значительной степени дискредитированы в общественном мнении и отвергнуты политическими элитами. Наиболее драматичными из видимых последствий стали падение коммунистических режимов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе и принятие рыночно ориентированной политики еще номинально социалистическим Китаем.

Единственной проблемой этого великого политического успеха было то, что он не сочетался с успехом экономическим. Стагнация промышленного сектора по всему миру продолжалась. Восходящий подъем на финансовых биржах везде основывался не на прибыли от производства, а в значительной степени на спекулятивных финансовых манипуляциях. Распределение дохода по миру и внутри стран стало очень асимметричным – значительное увеличение дохода 10% богатых, особенно «верхушки» из 1%, мирового населения, но, в то же время, снижение реального дохода большинства остального населения мира.

Разочарование в триумфе свободного «рынка» начало наступать к середине 1990-х. Об этом свидетельствует множество событий: возвращение к власти социально ориентированных правительств во множестве стран; возвращение требований государственной протекционистской политики, особенно со стороны рабочего движения и организаций сельских рабочих; мировой рост движения альтерглобалистов под лозунгом «Другой мир возможен!».

Политическое сопротивление росло медленно, но неуклонно. Между тем поборники неолиберальной глобализации не только устояли, но и увеличили свое влияние с приходом режима Буша. Правительство Буша проталкивало одновременно и еще более искаженное распределение дохода (посредством сильного снижения налогов для богатых) и внешнюю политику единоличного агрессивного милитаризма (вторжение в Ирак). Это было профинансировано фантастическим увеличением

задолженности через продажу американских казначейских облигаций владельцам мировых энергетических запасов и дешевых производственных мощностей.

Это хорошо выглядело бы на бумаге, если бы было только сухими цифрами на фондовых биржах. Но этот гигантский кредит был «дутым предприятием», которое должно было рано или поздно развалиться и сейчас разваливается, что приводит фондовые биржи в трепет. Вторжение в Ирак (а также в Афганистан и Пакистан) оборачивается полным военным и политическим фиаско. Экономическая устойчивость США была дискредитирована стремительным падением доллара. Пузырь готов лопнуть, и мировые фондовые биржи дрожат в ожидании.

Какие же политические выводы должны быть извлечены народами и правительствами? Представляется, что в первую очередь следующие. Во-первых, - конец роли американского доллара как мировой резервной валюты, что приведет к невозможности продолжения политики сверхзадолженности и для правительства США, и для его кредиторов. Во-вторых - возвращение к высокой степени протекционизма и на Севере, и на Юге. В-третьих, возвращение в государственную собственность обанкротившихся предприятий и реализация кейнсианских мер. Наконец, необходимо возвращение более социально направленной политики по перераспределению доходов.

Соотношение политических сил возвращается на старые позиции. О неолиберальной глобализации через десять лет будут писать как о циклическом отклонении в истории капиталистической мир-экономики. Вопрос не в том, закончена ли эта фаза, а в том, сможет ли это отклонение восстановить относительное равновесие в мир-системе, как это случалось в прошлом. Или нанесено уже слишком большое повреждение? И не грозит ли нам еще более жуткий хаос в мировой экономике и, следовательно, в мир-системе в целом?

Валлерстайн И. Год 2008: Смерть неолиберальной глобализации. <http://scepis.ru>

Моска Гаэтано. Правящий класс. Церкви, партии, секты

1

По свидетельству Бюффона, если определенное число оленей-самцов закрыть в загоне, они обязательно разделятся на два стада и будут постоянно враждовать друг с другом. Такого же рода инстинкт есть, видимо, и у людей. Им присуща естественная склонность к борьбе, но проявляется она лишь время от времени, и тогда один человек воюет с другим. Однако и в этом случае человек остается прежде всего существом общественным. Поэтому происходит объединение людей в группы, в каждой из которых есть лидеры и рядовые члены. Составляющие группу индивиды испытывают взаимное чувство братства и общности и проявляют свои воинственные инстинкты по отношению к тем, кто входит в другие группы.

Этот инстинкт стадности и борьбы против других групп является первопричиной и естественным основанием внешних конфликтов между различными обществами; он же лежит в основе создания всех образований и подразделений – всех фракций, сект, партий, в определенном смысле и церквей, возникающих в данном обществе и вызывающих не только моральные конфликты. В небольших и примитивных обществах, где царит значительное моральное и интеллектуальное единство и у всех индивидов одни и те же привычки, верования, предрассудки, упомянутого выше инстинкта достаточно, чтобы сохранить чувство враждебности и воинственности. Арабы и кабилы в Берберии исповедуют одну религию. Они стоят примерно на одном уровне развития и нравственной культуры. И тем не менее до завоевания французами они, в то время, когда не воевали с неверными в Алжире и Тунисе, с турками в Триполи или с султаном в Марокко, сражались между собой. Каждый племенной союз соперничал или открыто находился в состоянии войны с соседним. Существовали разногласия внутри каждого союза, и часто вспыхивали войны между входившими в него племенами. Внутри одного племени враждовали различные группы, и они нередко распадались из-за борьбы между отдельными семьями.

В других случаях, когда социальные условия весьма ограничены, внутренние конфликты возникают между малыми группами и у весьма цивилизованных народов. Для оправдания подобных конфликтов может не быть никаких моральных и интеллектуальных различий среди враждующих партий, но даже если такие различия и существуют, то они используются просто как предлог. Так, понятия "гвельфы" и "гибеллины"² служили лишь предлогом и поводом, а не причиной внутренней борьбы в средневековых итальянских коммунах; то же самое можно сказать о понятиях "либеральный", "клерикальный" и "социалистический", которые обсуждались фракциями, боровшимися за административные посты в маленьких городках на юге Италии. В периоды чрезмерной интеллектуальной апатии даже самые легковесные претензии способны вызвать серьезные конфликты в очень развитых, цивилизованных обществах. В Византии в период правления Юстиниана и позднее городские улицы часто орошались кровью из-за борьбы двух партий: "зеленых" и "голубых" ("прасинов" и "венетов")³. Такие "шайки", возникавшие в цирке, наблюдали в качестве зрителей состязания возниц, ездивших под двумя этими цветами. В конечном итоге можно быть уверенным, та или иная фракция постаралась бы перетянуть при дворе на свою сторону одну или другую из "банд". В результате то "зеленые", то "голубые" пользовались императорской благосклонностью, и таким образом партии обретали определенный политический вес, не теряя свой статус, окружение, т.е. свою "банду". Нечто похожее происходило в некоторых итальянских городах до 1848 г., когда молодежь могла создавать враждующие между собой группы и фракции, споря относительно достоинств какой-либо примадонны или балерины.

2

В маленьких сообществах так же, как и в больших, если жажда конфликта находит выход в соперничестве и войнах с иностранцами, то происходит определенное умиротворение, и уменьшается опасность, что она выльется в гражданские войны и внутренние распри. При ближайшем рассмотрении природы политических партий, философских течений и религиозных сект, развивающихся во всех цивилизованных обществах, видно, что воинственный инстинкт стадности и борьбы, который является наиболее примитивным и, можно сказать, наиболее "животным" из инстинктов, соединяется с другими, интеллектуальными и психологическими факторами, носящими более сложный и социальный характер. В больших высокоразвитых обществах, объединенных не только морально и интеллектуально, но и благодаря сильной и сложной политической организации, проявляется большая, по сравнению с маленькими и слабо организованными обществами, свобода мысли и чувств. Поэтому у великого народа политические и религиозные конфликты чаще всего вызваны обилием различных идейных течений, верований и склонностей, утвердившихся путем образования различных, своего рода интеллектуальных и моральных горнилов, в которых различным образом сплавляются убеждения и мнения.

Так, мы видим, как распространялись буддизм в брахманском обществе, пророчество и позднее различные школы саддукеев, ессеев и zelотов, будораживших жизнь в Израиле; стоицизм, манихейство, христианство и культ Митры, боровшиеся за преобладание в эллинистически-римском мире; маздакизм – вариант манихейства с явной тенденцией к проповеди общности имущества и жен, охватившего Персию в период правления Сассанидов; мусульманство, берущее начало в Аравии и быстро распространившееся в Азии, Африке и Европе. Подобные им, хотя и более соответствующие рационалистической природе современной европейской цивилизации явления – это либерализм и радикализм XIX в. и в еще большей степени социал-демократия, которая возникла почти одновременно с либерализмом, но дольше него сохранила свою действенность, поскольку остается по-прежнему одним из наиболее важных исторических факторов в XX столетии, как это было и в XIX. Помимо только что упомянутых движений нетрудно проследить великое множество других, незначительных явлений в истории цивилизованных народов, более или менее признанных доктрин, получивших то или иное распространение, но, во всяком случае, удовлетворявших инстинкты разногласий, борьбы, самопожертвований и преследований, которые так глубоко коренятся в сердцах людей.

Все эти доктрины, идейные течения, мнения, убеждения возникают примерно таким же путем и, видимо, с самого своего зарождения обладают определенными устойчивыми чертами. Человек, существо весьма слабое, чтобы совладать с собственными страстями и со страстями других людей, зачастую более эгоистичен, чем нужно, нередко тщеславен, завистлив, мелочен, и вместе с тем он несет порой в себе два стремления, два чувства, которые облагораживают, возвышают и очищают его. Он стремится к истине, любит справедливость, иногда может ради этих двух идеалов пожертвовать долей собственных удовольствий и материальных интересов. Цивилизованный человек, существо гораздо более сложное и чувствительное, нежели [12, с.98] дикарь или варвар, может в некоторых случаях подняться до весьма утонченных представлений о названных выше идеалах.

В определенные моменты в истории государства появляется человек, убежденный в том, что знает новые пути поиска истины или же является носителем более совершенной концепции осуществления принципа справедливости. Такой индивид при условии, что он обладает талантом и ему сопутствуют определенные благоприятные условия, оказывается тем зерном, из которого может произрасти дерево, оплетающее своими ветвями большую часть земного шара.

3

История не всегда хранит все подробности, которые нам хотелось бы знать о жизни этих основателей религиозных и социально-политических школ, также по существу являющихся религиями, хотя и лишенных выраженных теологических элементов. Некоторые биографии известны, однако, очень хорошо. Жизнь Мухаммеда, Лютера, Кальвина и особенно Руссо, оставившего свои мемуары, можно изучать с соответствующей достоверностью.

Все эти люди должны, по-видимому, обладать необходимым качеством – глубоко осознавать собственную значимость или, лучше сказать, искренне верить в действенность своих усилий. Если они верят в Бога, то всегда считают себя предназначенными самим Всевышним реформировать религию и спасти человечество. В таких людях, несомненно, не следует искать гармонии всех интеллектуальных и моральных качеств. Но в то же время их нельзя считать и сумасшедшими, ибо душевная болезнь – это заболевание, при котором в больном сохраняется определенная доля здравого смысла. Их скорее следует считать эксцентриками или фанатиками в том смысле, что они придают преувеличенное значение определенным сторонам жизни или человеческой деятельности и ставят собственную жизнь и все усилия, на которые только способны, на карту, стремясь добиться разработанного идеала, используя для этого непривычные пути, кажущиеся большинству людей совершенно неприемлемыми. Но очевидно, что уравновешенный человек, четко осознающий возможные результаты своих действий, соотносящий их с необходимыми усилиями и жертвами, точно и разумно оценивающий собственную значимость и реальные последствия своей деятельности, четко и хладнокровно взвешивающий все “за” и “против” продвижения вперед, никогда не пустится в какое-либо оригинальное и отважное предприятие и никогда не совершит великих дел. Стань все люди нормальными и уравновешенными, мировая история была бы совершенно иной, но, надо признаться, и довольно скучной.

Неотъемлемым качеством, присущим лидеру партии, основателю секты или религии, как, впрочем, и всякому “пастырю народов”, который стремится заявить о себе и направить развитие общества сообразно со своими взглядами, является способность внушать другим людям его собственные надежды и особенно вселять в них присущий ему энтузиазм, умение побуждать многих жить предписанной им определенной интеллектуальной и нравственной жизнью и приносить жертвы во имя целей, которые он замыслил.

Не все реформаторы обладают даром внушения собственных мнений и чувств другим людям. Те, кто лишен этого дара, могут обладать большой оригинальностью мышления и чувств, но в повседневной жизни их усилия тщетны, и нередко они кончают как пророки без верующих, новаторы без последователей, как непонятые и осмеянные гении. Те же, кто действительно обладают этим даром, не только заражают

своих сторонников и массы энтузиазмом, доходящим порой до безумия, но и вызывают в конце концов по отношению к себе своего рода чувство благоговения, становятся объектами поклонения, так что самый незначительный их шаг обретает особую значимость, каждому их слову верят без размышления, каждому жесту слепо повинуются. Вокруг них создается атмосфера экзальтации. Это сильно действует на новообращенных и побуждает их к рискованным действиям и готовности принести жертвы, что не наблюдается у людей, находящихся в обычном состоянии разума.

Этим объясняется огромный успех определенных проповедников и наставников; примером может служить необычная судьба таких разных людей как св. Франциск Ассизский и Абельяр, столь непохожих друг на друга и в равной степени привлекательных. Этим объясняется то благоговение, которое испытывали перед Мухаммедом новообращенные и ученики, сохраняя как священные реликвии его мотыгу и волоски из его бороды, и то, почему простого намека с его стороны было достаточно для того чтобы совершить убийство опасного противника. Имея в виду кого-либо, являющегося большим препятствием на пути осуществления его замыслов, Мухаммед мог сказать в присутствии какого-нибудь фанатично настроенного молодого человека: "Неужели никто не освободит меня никогда от этой собаки?" Его приверженец и последователь срывался с места и совершал убийство. Впоследствии Мухаммед, естественно, осудил бы это преступление, заявив, что он не отдавал такого приказа. Руководители сект и политических партий сознательно или бессознательно повторяют в этом отношении Мухаммеда. А сколько их поступает точно также и в наши дни! Множество людей всегда готовы были пуститься в самые рискованные предприятия по одному намеку со стороны Мадзини. В ходе различных коммунистических экспериментов, осуществлявшихся в XIX в., от Оуэна до Фурье и Лаззаретти, не было недостатка в людях, готовых и даже страстно стремившихся пожертвовать своим состоянием. Если кто-либо из этих политических или религиозных "основателей" был борцом, наподобие Яна Жижки, то ему удавалось вселить в своих последователей абсолютную веру в победу и, следовательно, убедить их в необходимости проявлять особую смелость.

Не следует ожидать особого проявления нравственности во всех действиях тех эксцентриков, которые создавали новые идейные течения. Такое ожидание совершенно напрасно. Поглощенные поисками своих идеалов, исключая все остальное, эти люди всегда готовы страдать сами и заставлять страдать других, до тех пор, пока не будут достигнуты их цели. Они даже испытывают глубокое презрение к повседневным нуждам и удовлетворению материальных потребностей или, по крайней мере, в значительной степени индифферентны к ним. Даже если они об этом не говорят, то в душе явно порицают тех людей, которые сеют, убирают урожай и запасаются продуктами. Очевидно, они уверены, что в один прекрасный день будет установлено Царство Божие, Царство Истины и Справедливости в их собственном понимании, и отныне людей можно будет без труда накормить как птичек божиих. Живя в более рационалистическое и якобы позитивное время, они не учитывают факт истощения социальных ресурсов и поэтому за попыткой осуществления их идеалов ничего нет.

Можно выделить три периода, через которые проходит жизнь всякого великого реформатора.

В первый период он постигает и разрабатывает свое учение, действуя вполне чистосердечно. Его можно назвать фанатиком, но никак не мошенником или шарлатаном. На втором этапе он приступает к проповеди, и тогда необходимость произвести впечатление с неизбежностью заставляет его сгущать краски, смещать некоторые акценты и становиться в позу. Третий этап наступает в том случае, если ему удастся добиться практического осуществления своего учения. Как только достигнута эта стадия, он сталкивается со всеми слабостями и пороками человеческой природы и вынужден, желая достичь успеха, нравственно деградировать. В глубине души все реформаторы убеждены, что цель оправдывает средства и поэтому, руководя людьми, необходимо их в какой-то степени обманывать. Итак, от компромисса к компромиссу они доходят до такого состояния, когда даже самый проницательный психолог не сможет точно сказать, где же кончается их искренность и начинаются действие и софистика.

Отец Орвальдер был в течение нескольких лет узником махдистов и описал свои злоключения. С одной стороны, он описывает Мухаммеда Ахмеда, работоторговца, основателя махдизма, как человека глубокого охваченного искренним религиозным рвением. В то же время он проявляет себя как лицемер и

шарлатан. Отца Орвальдера резко критиковали за такую непоследовательность в оценке. Но мы, со своей стороны, не находим ничего противоречивого в этих двух суждениях прежде всего потому, что они относятся к двум разным периодам жизни Махди.

Несомненно, самые несопоставимые моральные нормы могут проявляться одновременно в действиях одного и того же человека. Так было с Анфантенем, вторым по значимости столпом сенсимонизма, которому в последние дни существования этого движения один из его представителей писал: "Вас постоянно обвиняют в позерстве. Я соглашаюсь с Вашим утверждением, что позерство коренится в Вашей природе. Это Ваша миссия, Ваш дар". Мухаммед, несомненно, обладал искренним и честным устремлением к религии менее грубой, менее материалистической по сравнению с теми, которые были до того времени распространены среди арабов. Тем не менее, суры Корана, сообщенные ему наедине архангелом Гавриилом, появились в наиболее подходящий момент, когда Мухаммеду нужно было освободиться от им же самим данных скучных обещаний и от строгого соблюдения моральных заповедей, изложенных в более ранних сурах и обязательных для исполнения другими людьми. В указанное время Мухаммеду требовалось увеличить число жен до семи, поскольку этим можно было укрепить определенные политические связи и удовлетворить свою прихоть. В Коране число жен жестко ограничено четырьмя, и это правило провозглашено для всех верующих. Но особняком стоял архангел Гавриил с весьма удобным изречением, который разрешал апостолу Бога игнорировать его собственное предписание.

Упрощая свою задачу, мы исходили из того, что основатель каждой новой религии или философской доктрины – отдельная личность. Но это не совсем так. Временами, когда реформа в историческом плане морально и интеллектуально созрела и имеются подходящие условия, может одновременно появиться несколько великих учителей. Так было с протестантизмом, когда Лютер, Цвингли и Кальвин начали проповедовать почти одновременно. Иногда успех одного вызывал соперничество и плагиат. Мосейлама, например, да и немало других, пытались копировать Мухаммеда, провозглашая себя, в свою очередь, пророками Аллаха. Еще чаще случалось так, что новатор не преуспевал не только в развитии своей доктрины, но и в еще меньшей степени добивался успеха в ее реализации на практике. Тогда могли появиться один или дюжина последователей, и Судьба-злодейка давала порой учению название по имени одного из них, а не в честь его основателя. Видимо, это и произошло с современным социализмом, создателем которого, как правило, считается Маркс. На самом деле его интеллектуальным и моральным отцом был Руссо. Выдающихся последователей, продолжающих дело основателя, нельзя путать просто со сторонниками, о которых речь пойдет далее.

4

Вокруг индивида, первым формулирующего новое учение, всегда собирается более или менее многочисленная группа людей, которые ловят каждое слово учителя и глубоко вдохновляются его чувствами. У каждого мессии должны быть свои апостолы, поскольку во всякой духовной и материальной деятельности человек нуждается в обществе; при длительной изоляции всякий энтузиазм иссякнет, и вера поколеблется. Школа, церковь, вечеря любви, ложа, "регулярная встреча" – как бы ни называлось всякое собрание граждан, одинаково думающих и чувствующих, похожих друг на друга своим энтузиазмом, ненавистью, симпатиями, являющихся носителями одного образа жизни, – эти люди столь превозносят и развивают свои качества и так воздействуют на характер каждого члена группы, что все эти свойства становятся неотъемлемыми признаками данной ассоциации.

Внутри этой руководящей группы исходящее от учителя вдохновение, как правило, развивается, очищается, разрабатывается далее, чтобы стать истинной политической, религиозной или философской системой, свободной от многочисленных или слишком уж явных непоследовательностей или противоречий. В этой группе священный огонь пропаганды поддерживается даже после исчезновения основателя учения, и на данное ядро, которое пополняется автоматически в ходе отбора и сегрегации, возлагается будущее этого учения. Сколь исключительной ни были бы оригинальность мысли учителя, сила

его чувств, его способность к пропаганде – все эти качества ни к чему, если он не преуспеет еще до своей физической или духовной смерти создать школу; если же дыхание, которое оживляет школу, сильно и здорово, все несообразности и упущения, выявленные впоследствии в деятельности учителя, удастся преодолеть и постепенно исправить, а пропаганда по-прежнему будет действенной и эффективной.

Вне руководящего ядра формируется группа прозелитов. Пока она многочисленна и поддерживает секту или партию материально, но и в интеллектуальном и моральном отношении ее значение невелико. Некоторые современные социологи утверждают, что массы консервативны и ретроградны и настороженно относятся ко всему новому. Это означает, что они с трудом принимают, новую веру. Но, приняв, откажутся от нее с величайшим нежеланием, и если действительно начнут один за другим отходить от веры, то повинно в этом почти всегда руководящее ядро. Ибо оно всегда первым впадает в индифферентизм и скептицизм. Лучший способ заставить верить других – самому быть глубоко убежденным; искусство вызывать страсть обусловлено собственной способностью глубоко возбуждаться. Когда священник не тверд в своей вере, прихожане становятся равнодушными и готовы обратиться к какому-либо другому учению и найти более рьяного священника. Если офицер лишен воинственного духа и не готов пожертвовать собой ради величия своего флага, солдат не погибнет на своем посту. Если сектант не фанатик, он никогда не поднимет массы на восстание.

Что касается старых учений и верований, которые уже устоялись и обрели определенные традиции и четкие сферы проявления, то восприятие их индивидом обусловлено прежде всего его рождением и участием в созданных ими организациях. В Германии и Соединенных Штатах человек почти всегда является католиком или протестантом или же исповедует иудаизм – в зависимости от религиозной принадлежности его семьи. В Испании или Италии почти все верующие – католики. Однако если в стране идет процесс формирования новых доктрин, и они ведут активную пропаганду, всюду соревнуясь за увеличение числа своих приверженцев, тогда личный выбор среднего человека зависит от множества обстоятельств, отчасти случайных, отчасти зависящих от эффективности проводимой пропаганды. Во Франции молодой человек становится консерватором или радикалом в зависимости от воззрений своего отца, школьного учителя или одноклассников, в том случае, если они оказывают большое влияние на него тогда, когда формируются его взгляды. В том возрасте, когда основные представления мальчика еще не сложились и он нуждается в эмоциональном развитии, испытывает потребность кого-либо или что-либо любить или ненавидеть, книга, попавшая ему в руки, газета, которую он ежедневно читает, могут определить весь ход его жизни. Для многих людей политические, религиозные или философские убеждения играют, в сущности, весьма второстепенную роль, особенно когда проходит первый порыв юности и наступает время практической деятельности или бизнеса. Поэтому отчасти из-за лени, отчасти из привычки, отчасти же из-за ложной гордости и стремления проявить так называемую последовательность характера человек часто кончает, если это не вступает в серьезный конфликт с его собственными интересами, тем, что всю свою жизнь придерживается той доктрины, которую усвоил в период юношеского увлечения, отдавая ей столь же мало энергии и сил, сколь практичный человек имеет обыкновение уделять так называемым "идеалам".

Однако из того, что выбор индивидом веры или политической партии может в значительной степени быть случайным, вовсе не следует, что именно случай является главным фактором, определяющим успех данной школы или религии. Одни доктрины в большей, другие – в меньшей степени способствуют формированию прозелитов. Сможет ли политическое или религиозное учение добиться широкого признания – это почти исключительно зависит от трех факторов. Во-первых, оно должно адаптироваться к конкретной исторической ситуации. Во-вторых, удовлетворять возможно большее число человеческих чувств, страстей и склонностей, в том числе таких, которые наиболее широко распространены и глубже всего коренятся в сознании людей. В-третьих, иметь хорошо организованное руководящее ядро, или "исполнительный комитет", состоящий из людей, посвятивших свою жизнь защите и распространению духа, оживляющего веру.

Чтобы доктрина адаптировалась к данным историческим условиям, она должна прежде всего соответствовать той степени зрелости, которой достиг к тому времени человеческий разум. Монотеистическая религия легко одержит победу, если умы достаточно развиты для того чтобы понять: все естественные явления можно свести к одной причине, и существует одна сила, управляющая вселенной. Рационализм может стать основой преуспевающих концепций, когда свободное исследование и результаты развития естественных и исторических наук подрывают веру в богооткровенные религии и концепция созданного по образу и подобию человека Бога, произвольно вмешивающегося в человеческие отношения, начинает казаться правящим классам абсурдной.

В течение столетий, когда христианство распространялось в Римской империи, почти все – и язычники, и христиане – верили в сверхъестественное и в чудеса, но представления о сверхъестественном у язычников стали слишком грубыми и бессвязными, в то время как представления христиан не только лучше отвечали потребностям человеческого духа, но и были более систематизированными, более развитыми и таким образом обречены на успех. Лукиан оставался абсолютным скептиком, насмехаясь над всеми – то над язычниками, то над христианами. Но он был исключением во II в. н.э. Лучшим примером образованных людей среднего уровня, живших в то время, может служить Цельс, который был деистом и верил в сверхъестественное и в чудеса, однако высмеивал Старый и Новый Заветы. Но, встав на путь, устраивающий рационалистов и в действительности шестнадцать столетий спустя и при весьма отличных условиях столь приемлемый для Вольтера, Цельс увидел бы, что гораздо легче вызывать насмешки и отвращение к постыдной распущенности и детской возне богов Олимпа, чем по отношению к христианским историям. Сейчас стало очевидно, что классическое язычество не могло удовлетворить ни чувства, ни сознание людей того времени. По мнению Ренана, если бы греко-римский мир не стал христианским, он обратился бы к культуре Митры, или к какой-либо другой азиатской религии, более мистической и связанной по сравнению с классическим язычеством.

Также было и с Руссо. Он появился и преуспел в то время, когда сначала гуманизм и Реформация, а затем прогресс точных и естественных наук и, наконец, Вольтер и энциклопедисты дискредитировали весь христианский и средневековый мир, и таким образом, новое рациональное, не скажем обоснованное, объяснение политических институтов смогло получить признание. Если проанализировать жизнь Лютера и Мухаммеда, то легко заметить, что ко времени их появления Германия и Аравия были готовы к восприятию их доктрин.

Когда человеческое существо обладает определенной культурой и не испытывает всепоглощающего давления материальных потребностей, оно обычно поднимается над повседневными жизненными заботами и интересуется чем-то, стоящим выше его, касающимся интересов того общества, к которому принадлежит. Для новой доктрины гораздо легче получить признание там и тогда, где и когда эта идеалистическая тенденция не может в полной мере реализовываться в политической системе и где поэтому энтузиазм и амбиции человека, его страсть к борьбе, стремление к лидерству не находят явного выхода. Христианство, безусловно, не могло бы так быстро распространиться в Риме периода республики, когда государство будоражило своих граждан выборными кампаниями или когда оно вело жестокую борьбу с Карфагеном. Но империя принесла мир. Она уладила конфликты между нациями и доверила все государственные функции оплачиваемым лицам. Это создало почву для длительного периода безопасности и политической передышки, что сослужило большую службу новой религии. В недалеком прошлом консолидация бюрократического государства, завершение религиозных войн, увеличение образованного состоятельного класса, не принимавшего участия в политической деятельности, создало основу сначала для либерального, а затем для радикального социалистического движений. В жизни наций бывают иногда периоды, если можно так выразиться, психологического истощения, когда они, видимо, нуждаются в отдыхе. Это как раз то, что мы имеем в виду, говоря более или менее удачно, что народ одряхлел. Во всяком случае, если в обществе не было революций и в течение столетий не происходило серьезных политических изменений, и когда оно наконец выходит из оцепенения, гораздо легче убеждать в том, что

триумф новой доктрины, установление новой формы правления знаменует собой начало новой эры, новый золотой век, и с его приходом все люди станут добрыми и счастливыми в новой стране Cathay. Эти иллюзии весьма характерны для Франции 1789 г. В известной мере они же были распространены в Италии в 1848 г.

Вместе с тем, после серии волнений и перемен энтузиазма и вера, вызванные политическими новаторами и их политическими новшествами, явно ослабевают, и смутное чувство скептицизма и утомления овладевает массами. Однако способность верить и энтузиазм истощаются в меньшей степени, чем может показаться на первый взгляд. Разочарование в целом мало влияет на религиозные доктрины, основанные на вере в сверхъестественное, которые решают проблемы, связанные с первопричиной вселенной и переносят осуществление идеалов счастья и справедливости в другую жизнь.

Весьма странно, но даже более реалистические доктрины, которые могли бы принести плоды в этой жизни, явно преуспевают в преодолении опровержений, опираясь на опыт и факты повседневной жизни. В конце концов, иллюзии терпят, поскольку в них испытывают потребность практически все люди и испытывают ее не менее сильно по сравнению со своими материальными потребностями. Поэтому систему иллюзий нелегко дискредитировать до тех пор, пока она не будет вытеснена новой системой. Как мы часто видим, когда это невозможно, тогда даже страданий, страшных судов, вызванных еще более ужасающими явлениями, недостаточно, чтобы разочаровать людей; более того, к людям приходит, скорее, уныние, чем разочарование, и оно длится до тех пор, пока живо поколение, испытывавшее страдания. Но в дальнейшем, если нет изменений в идеях и в воспитании чувств, данная социальная энергия частично возрождается, те же самые иллюзии опять вызывают новые конфликты и несчастья. Людям свойственно отдавать предпочтение воспоминаниям о тех днях, когда они страдали, и о тех, кто был причиной этих страданий. Особенно часто это происходит по прошествии определенного времени. Массы всегда приходят к поклонению и созданию поэтических легенд о лидерах, подобных Наполеону, принесших им непередаваемую боль и несчастье, и в то же время удовлетворяющих их потребность в благородных чувствах и фантастической жажде новшеств и великих свершений.

6

Способность доктрины удовлетворять потребности человеческого духа зависит не только от требований места и времени, но и от обстоятельств, которые от них не зависят – от основополагающих психологических законов, которые нельзя недооценивать. На самом деле этот второй элемент является чрезвычайно важным для успеха амбициозных политических и религиозных доктрин.

Как правило, если система идей, верований, чувств рассчитана на массы, она должна вызывать к самым высоким проявлениям человеческого духа, должна обещать, что справедливость и равенство будут царствовать или в этом, или в другом мире; либо она должна провозгласить, что добро будет вознаграждено, а зло наказано. В то же время неплохо, если она отдаст в какой-то степени должное зависти и злобе, которые обычно испытывают по отношению к сильным и удачливым, и намекнет, что настанет время в этой или иной жизни, когда последние станут первыми и наоборот. Неплохо, если на определенной ступени доктрина сможет предложить убежище для добрых, мягких сердец, погруженных в размышления и жаждущих утешения от конфликтов и житейских неурядиц. Для доктрины также полезно, даже можно сказать, необходимо обладать определенными средствами использовать чувства отречения и жертвенности, преобладающие в некоторых индивидах, и направить их в нужное русло, хотя та же самая доктрина должна оставить немного места гордости и тщеславию.

Отсюда следует, что верующие всегда должны быть “народом”, “лучшими людьми” или “прогрессивными личностями”, выступающими как авангард подлинного прогресса. Так, христианин должен с удовлетворением думать о том, что все нехристиане будут прокляты. Брахману надо дать основание радоваться тому, что он один происходит от головы Брахмы и удостоен высокой чести читать священные книги. Буддиста надо научить высоко ценить привилегию, что вскоре он достигнет Нирваны. Мусульманин должен с удовлетворением помнить, что он один является истинно верующим и что все другие в этой жизни

– неверные собаки, а в загробной жизни станут собаками, подвергающимися мучениям. Социалист-радикал должен быть убежден, что все, не разделяющие его взгляды, либо эгоистичные, испорченные деньгами буржуа либо невежественные холопы-простофили. Все это примеры аргументации, необходимой для самоуважения и высокой оценки своей религии и одновременно для осуждения и поддержания потребности презирать и ненавидеть другие религии.

От ненависти до конфликта всего один шаг. В действительности нет ни одной политической партии или религиозной секты, которая не допускала бы борьбы, кровавой или нет, как выйдет, с теми, кто не принимает их догмы. Если же она полностью отвергает конфликт и всегда проповедует сострадание и покорность, то это признак того, что она осознает свою слабость и считает слишком рискованным развязывать борьбу. Кроме того, в борьбе принимаются в расчет не слишком благородные, но тем не менее широко распространенные свойства человеческого сердца – любовь к роскоши, жажда крови и женщин, стремление к главенству и тиранству.

Трудно дать определенный рецепт поиска устойчивости политической партии или религиозной доктрины, которая имела бы определенные дозы, нужные для удовлетворения всякого человеческого чувства. Но одно можно сказать со всей определенностью: чтобы реализовать уже упомянутую цель, необходимо определенное соотношение, сплав высоких чувств и низких страстей, ценных и простых металлов, иначе сплав не выдержит. Доктрина, которая не учитывает различные противоречивые свойства человеческой природы, малопривлекательна и должна претерпеть в этом отношении определенные изменения, если рассчитывает иметь постоянных приверженцев. Соединение добра и зла столь характерно для природы человека, что определенное количество ценного металла должно быть даже в сплаве, присущем криминальным бандам, тайным обществам и шайкам убийц; и немного металла низкого качества должно входить в комплекс чувств, вдохновляющих героев, и аскетические коммуны с их фетишем самопожертвования. Поэтому столь большой дефицит как хороших, так и плохих элементов всегда дает одни и те же результаты: это препятствует любому широкому распространению доктрины или особой дисциплины, которой требует от своих членов данная секта.

Существовали и существуют организованные группы преступников, которые практикуют воровство, убийства и нарушение прав собственности. Однако в подобных случаях преступное действие почти всегда прикрывают какой-либо благовидной политической или религиозной доктриной, которая способствует привлечению в компанию введенного в заблуждение человека, не совсем ничтожного, сохранившего крупицу благопристойности, и это делает общую развращенность более терпимой для окружающих и привносит в группировку частицу нравственности для того чтобы злодейство процветало. Бисмарку приписывают утверждение, что нужно немного добродетели, чтобы стать законченным мошенником. Сицилийская мафия, среди прочих криминальных объединений, имеет свои нормы морали, а ее члены – определенное представление о чести. Мафиози порой держали слово, данное нечленам банды, и редко предавали друг друга. Прежде всего именно этим ограничениям данные криминальные ассоциации обязаны своей удивительной живучестью. По наблюдениям Маколея, замыслы убийства почти никогда не удавались в Англии просто потому, что в английских убийцах нет ни крупицы нравственного чувства, столь необходимого для взаимного доверия. Он может быть прав или ошибаться в фактах, но сделанный им вывод, безусловно, верен.

Примером общества упомянутого типа может служить организация ассасинов¹⁸, которые опустошали Сирию и Ирак в средние века. Ассасины представляли собой вырождающееся течение исмаилитов – относительно безобидной секты, довольно широко распространенной в исламском мире около 1100 г. Доктрина и дисциплина этой секты имела немало общего с современным франк-масонством, распространенным в латинских странах. Разбойники-душители были известны в Индии до середины прошлого века. Почти все писавшие о Китае путешественники сообщают о тайных обществах. Некоторые из них распространены по всей стране и имеют или претендуют на то, чтобы иметь четкие политические цели. К этому списку можно добавить “подпольные” политические движения, распространенные сейчас в Европе и Америке.

В то же время определенные ассоциации основаны на самоотречении людей от всякого мирского тщеславия и удовольствий, на абсолютной жертвенности их членов на благо ассоциации или всего человечества. Буддистские монастыри бонз и католические религиозные ордена на Западе могут служить хорошими примерами такого рода организации. Эти ассоциации пополняются в основном за счет индивидов, особенно подходящих для их призыва либо в силу особых обстоятельств их личной жизни, либо в силу их естественной склонности к самопожертвованию и покорности. Однако нельзя утверждать, что они полностью освобождены от земных страстей. Стремление вызвать восхищение благочестивых, желание многих индивидов добиться превосходства в орденах и еще большее желание – превзойти соперничающие ордена – все это сильные мотивы, обеспечивающие долгую и процветающую жизнь данных ассоциаций.

Однако во всех этих случаях, хотя, как видим, частица добра всегда смешана со злом, а частица зла лежит в основе добра, данные ассоциации невелики. Они никогда не охватывают всех членов огромного сообщества. Несмотря на все разработанные благовидные оправдания преступлений, шайки убийц и воров были ничем иным, как большими социальными наростами. На какое-то время они могли преуспеть в терроризировании и воздействии на широкие слои. Однако их принципы не завоевали большие массы людей. Монастырь также всегда был исключением, и как бы ни распространялся монастырский образ жизни, становясь привычным для части населения, быстро начинался отход от первоначальных принципов. Эбиониты¹⁹ в эпоху первоначального христианства требовали от всех верующих объединить средства их существования, они стремились распространить монастырские нравы на все христианское общество. Но секта влачила нищенское существование и вскоре исчезла, так как если и можно добиться некоторого самоотречения небольшой группы избранных, то это невозможно в отношении всех людей, у которых хорошее уживается с плохим, и с различными их нуждами и чувствами необходимо считаться. Поэтому если эксперимент по социальному обновлению призван что-то доказать, его следует распространять на всех людей, имея в виду, что кто-то даст втянуть себя в этот эксперимент, а кого-то надо будет заставить это сделать.

Коль скоро руководящее ядро сформировано, методы завоевания масс и сохранения их лояльности к доктрине могут быть весьма разнообразными. Если нет серьезных внешних препятствий, а также препятствий, обусловленных сущностью самой политической или религиозной системы, и методы пропаганды, основанные на постепенном убеждении и образовании масс, и методы, предполагающие использование насилия, дают хорошие результаты. Сила действительно является, возможно, самым эффективным средством убеждения, хотя, естественно, ее может использовать тот, кто сильнее.

В XIX в. была широко распространена вера в то, что насилие и гонения бессильны против доктрин, основанных на истине, поскольку таким доктринам принадлежит будущее. Их также считали бессильными против ошибочных убеждений, суть которых выявится на основе здравого смысла. Теперь, если быть вполне откровенным, трудно найти понятие, которое вызывало бы большую поверхностность наблюдения и большую неопытность в осмыслении исторического факта. Это явно будет одна из тех современных идей, которая вызовет самые чистосердечные усмешки на наш счет. То, что такая теория будет проповедоваться партиями и сектами, еще не обладающими властью, легко объяснить, так как к исповедованию этих взглядов их ведет инстинкт своекорыстия и самосохранения. Глупость начинается тогда, когда она воспринимается другими. "Quid est veritas" – спрашивал Пилат, и нам следует задаться вопросом, что представляет собой истинная доктрина, а что – ложная. Научно выражаясь, все религиозные доктрины ложны, независимо от числа верующих, которое они могли иметь или имели. Никто, очевидно, не станет утверждать, что ислам, который завоевал значительную часть мира, опирается на научную истину. Точнее будет сказать, что есть доктрины, удовлетворяющие широко распространенным и коренящимся глубоко в человеческом сердце чувствам и, соответственно, обладающие значительными средствами самовоспроизводства, и есть доктрины, в меньшей степени обладающие указанными качествами и потому не столь привлекательные, хотя они и могут быть более приемлемыми с интеллектуальной точки зрения. Если кто-то желает, то можно провести различие между доктринами, которые следовало бы использовать шире в интересах цивилизации и справедливости, ибо они ведут к большему миру, нравственности и благополучию людей, и доктринами, вызывающими противоположный эффект, причем последние, к сожалению, обладают порой не меньшей способностью самовоспроизводства. Мы полагаем, что социал-

демократия угрожает будущему современной цивилизации, но, вместе с тем, вынуждены признать, что она основывается на чувстве справедливости, зависти и жажде наслаждений, а эти чувства столь широко распространены среди людей, особенно сейчас, что было бы серьезной ошибкой отрицать тот факт, что социалистические учения обладают большими способностями самовоспроизводства.

В пример всегда приводят христианство, одержавшее победу несмотря на гонения, и современный либерализм, который победил тиранов, пытавшихся задушить его. Но эти случаи свидетельствуют лишь о том, что если преследование организовано плохо, оно не может ничего сделать, и возможны ситуации, когда применяется недостаточная сила против распространения идей. Исключение не может, однако, служить основанием для общего вывода. Если преследование плохо организовано, предпринято с опозданием, осуществлялось вяло и нерешительно, оно почти всегда способствует будущему триумфу доктрины; в то же время безжалостное и энергичное преследование, которое обрушивается на противостоящую доктрину сразу же, лишь только она себя проявит, – это лучшее средство одержать над ней победу.

Христианство не всегда энергично преследовалось в Римской империи. Были продолжительные периоды терпимости, и нередко гонения применялись только в отдельных провинциях. Но оно не одержало, однако, полной победы до тех пор, пока император, обладавший законной властью, не начал благоволять ему. Также и либеральная пропаганда была не только затруднена, но встречала содействие со стороны властей, начиная с середины XVIII в. вплоть до Французской революции. Позднее она шаг за шагом одерживала победу, но этого не было повсеместно в Европе. Пропаганда победила, когда к ней обратились сами правительства или же они были сброшены внутренней либо внешней силой.

Но с этими двумя сомнительными примерами можно сравнить множество других прямо противоположного свойства! Само раннее христианство вряд ли было распространено за пределами Римской империи. Оно не было принято в Персии не только потому, что встретило препятствие в лице национальной религии страны, но и потому, что подверглось серьезным гонениям. Карл Великий²⁶ насаждал христианство среди саксов огнем и мечом на протяжении жизни одного поколения. Обращение граждан Римской империи в христианскую веру длилось столетиями. Всего несколько лет понадобилось для распространения христианства во многих варварских странах, так как христианами стали король и его приближенные, и началось массовое крещение народа. Христианство довольно быстро распространилось во многих землях англосаксов, в Польше, России, в скандинавских странах и в Литве. В XVII в. христианская религия безжалостными и потому эффективными средствами была почти полностью уничтожена в Японии. С помощью гонений было покончено с буддизмом на его родине, в Индии, с маздакизмом в Персии периода Сассанидов, с бабизмом²⁷ в современной Персии и с новой религией тайпинов²⁸ в Китае. Из-за притеснений исчезли с юга Франции альбигойцы²⁹, ислам и иудаизм в Испании и на Сицилии. Реформация в конце концов одержала победу только в тех странах, где получила поддержку правительств, а в отдельных случаях была поддержана победоносными революциями. Быстрое распространение самого христианства, приписываемое им чуду, не идет в сравнение с еще более быстрым распространением ислама. Христианство распространялось на территории Римской империи в течение трех столетий. Ислам в течение только 80 лет – от Самарканда до Пиринеев. Правда, христианство действовало лишь проповедью и убеждением. Другие проявляли явную склонность к ятагану.

Тот факт, что все политические партии и религиозные течения стремятся оказать влияние на властей преобладающих и, где только можно, стараются монополизировать власть, служит лучшим доказательством того, что если они открыто и не сознаются, то убеждены в том, что лучший способ распространения и утверждения доктрины – контроль над всеми наиболее важными силами социального организма и особенно бюрократического государства.

Что касается других средств, кроме физической силы, которые используются различными религиозными и политическими партиями для привлечения масс, доминирования над ними и использования их доверчивости, то можно говорить об обязанности создателей доктрин и самих доктрин исходить из весьма низкого уровня нравственности. Сторонники каждой политической или религиозной системы имеют обыкновение четко фиксировать проступки своих противников в отношении нравственности и в то же время провозглашают себя свободными от всякого обвинения. Фактически все они, только в разной степени, вычищены той же самой щеткой. Это наше преимущество – быть высоконравственными до тех пор, пока мы не вступаем в контакт с другими людьми и особенно до той поры, пока не пытаемся руководить ими. Но как только мы начинаем руководить их поведением, то должны играть на всех доступных нам чувствительных струнах человеческой души. Надо суметь извлечь пользу из всех человеческих слабостей, и всякий, кто взывал бы только к благородным чувствам, был бы побежден менее щепетильным. Государства управляются не молитвенниками, говорил Козимо Медичи, правитель своей страны. И действительно, трудно вести массы в определенном направлении, если нет готовности, в случае необходимости, подстраиваться под чувства, удовлетворять прихоти и страсти и вызывать страх. Конечно, если человек, каким бы нечестивым он ни был, старается управлять государством с помощью богохульства, то есть опираясь исключительно на материальные интересы и низменные чувства, в таком случае он как раз был бы столь же неразумен, как и тот человек, который старался управлять лишь при помощи молитвенника. Если бы был жив старый Козимо, он бы не преминул назвать такого человека глупцом. С помощью умелой демонстрации энергии, самопожертвования, постоянной активности, терпения и, если нужно, превосходной техники человек, стоящий у кормила власти, может в меньшей степени использовать низменные чувства и больше опираться на благородные и возвышенные устремления его подданных. Но глава государства всего лишь человек и не всегда в нужной степени обладает упомянутыми выше качествами.

Некто утверждает, что при ближайшем рассмотрении средства, используемые для оболыщения масс, более или менее одинаковы во все времена и повсеместно, поскольку проблема заключается в том, чтобы извлечь выгоду из одних и тех же человеческих слабостей. Все религии, даже те, что отрицают веру в сверхъестественное, обладают собственным напыщенным стилем, который характерен для их молитв, лекций или речей. Все они разработали собственные ритуалы и демонстрируют пышность, захватывающую воображение. Своего рода парад с зажженными свечами и церковным пением литаний. Другие маршируют с красными флагами под “Марсельезу” или “Интернационал”.

Религии и политические партии также используют тщеславных людей и создают для них ранги, должности и отличия. Точно также они используют простых, бесхитростных, всегда готовых к самопожертвованию и популярности людей с целью создания мученика. Как только он найден, они стремятся поддерживать его культ, поскольку это эффективно служит укреплению веры. Когда-то в монастырях существовала практика – выбрать из числа монахов самого глупого и представить его как святого, даже приписать ему чудеса с целью придать популярность братству, а значит, увеличить его богатство и влияние, что немедленно использовалось теми, кто направлял организацию такого фарса. В наши дни секты и политические партии весьма искусно создают супермена, легендарного героя, “человека бесспорной честности”, кто, в свою очередь, служит поддержанию блеска банды и приносит пронирам богатство и власть. Когда “мой дядя граф” напоминал провинциальному приору капуцинов о проделках отца Кристофера в юности, то приор тут же отвечал, что это служило во славу духовенства, и тот, кто вызвал скандал в миру, надев церковное одеяние, становился другим человеком. Без сомнения, типичный ответ для монаха! Но еще хуже монахов политические партии и секты, которые скрывали самые большие подлости своих приверженцев до тех пор, пока те были лояльны по отношению к ним. Для политических партий и сект всякий, кто рядится в их одежду, становится совершенно другим человеком.

Смесь притворства, изворотливости и уловок, которую связывают обычно с понятием “иезуитство”, характерна не только для последователей Лойолы. Иезуитам, возможно, принадлежит честь дать ей название, поскольку они систематизировали, усовершенствовали и превратили это в своего рода искусство; но в конце концов дух иезуитства является как раз формой сектантского духа и служит его основному назначению. Все религии и все партии, которые стремятся с более или менее искренним

энтузиазмом вести людей к определенным целям, в большей или меньшей степени используют методы, близкие к методам иезуитов, а порой и похуже. Принцип "цель оправдывает средства" был принят во имя торжества всех общих дел, самых разных социальных и политических систем. Все партии, все культы взяли за правило утверждать, что, сражаясь в рядах партии, человек велик, а все прочие – дураки или мошенники. Когда партии и культы не могут совершить ничего положительного, они упрямо замалчивают заслуги аутсайдеров. Все сектанты практикуют искусство следовать духу и букве сказанного ими, но по сути нарушают данное слово. Все они знают, как найти простые, робкие души, как добиться их лояльности, заручиться их поддержкой и заставить работать на благо "дела" и его апостолов. Поэтому, к великому сожалению, если бы даже иезуиты исчезли, иезуитство все равно осталось, и чтобы убедиться, достаточно просто оглянуться вокруг. Наиболее вопиющие, бесчестные средства чаще всего используются в ассоциациях, которые борются с существующей властью и носят в той или иной мере подпольный характер. Среди инструкций, рассылавшихся Бакуниным своим последователям, мы находим следующую: "Первое требование создания мрачного города Сверхразрушения – это серия убийств, серия смелых, даже безрассудных предприятий, которые нагонят ужас в сердца власть имущих и охватят население верой в триумф революции". Выраженные в грубой форме, бакунинские максимы напоминают слова другого великого революционера – "быть сагитированным и агитировать". В том же памфлете "Принципы революции" Бакунин продолжает: "Не признавая никакой другой деятельности кроме разрушения, мы утверждаем, что формы, в которых оно может проявляться, различны: яд, кинжал, кнут. Революция все разрешает без различия". Другой русский, пришедший в отличие от Бакунина, к совершенно иным принципам, так описывает в романе методы, с помощью которых простодушные коварно вовлекаются в революционные общества. Свидетельствует Достоевский: "...Первое, что ужасно действует, – это мундир. Нет ничего сильнее мундира. Я нарочно выдумываю чины и должности: у меня секретари, тайные соглядатаи, казначеи, председатели, регистраторы, их товарищи – очень нравится и отлично принялось. Затем следующая сила, разумеется, сентиментальность. Знаете, социализм у нас распространяется преимущественно из сентиментальности... Ну и, наконец, самая главная сила – цемент, все связующий, – это стыд собственного мнения". "Все эти чиновничество и сентиментальность, – добавляет другой собеседник, – все это клейстер хороший, но есть одна штука еще лучше: подговорите четырех членов кружка укокошить пятого, под видом того, что он донесет, и тотчас же вы их всех пролитую кровью, как одним узлом, свяжете. Рабами вашими станут, не посмеют бунтовать и отчетов спрашивать".

12

Вряд ли наступит день, когда завершатся конфликты и противостояние различных религий и партий. Это было бы возможно, если бы весь цивилизованный мир принадлежал к одному социальному типу, т.е. одной религии, и если был бы положен конец разногласиям относительно путей достижения социального совершенства. Сейчас некоторые немецкие авторы полагают, что политические партии необходимы для выражения различных тенденций, проявляющихся в человеческом существе на разных этапах его существования. Не принимая эту теорию, мы можем легко заметить, что всякая новая религия, новая политическая догма, стремящиеся к определенному успеху, неизбежно распадаются на секты под давлением инстинкта разногласий и враждебности; эти секты борются друг с другом с теми же энергией и упорством, которые проявляла исходная религия в борьбе с соперничающими религиями и партиями. Многочисленные расколы и ереси, которые пустили глубокие корни в христианстве, исламе и многих других религиях, расколы, происходящие в наши дни в социал-демократии, которая все еще далека от триумфа, вряд ли достижимого, – все это доказывает, насколько тяжело добиться этого унифицированного и всеобщего морального и интеллектуального мира, привлекающего так много людей.

Даже если такой мир и может быть создан, нельзя сказать, что он выглядит очень привлекательно. В прошлом свобода мыслить, наблюдать, судить людей и явления спокойно и беспристрастно была возможна (что понимают лишь немногие) только в тех обществах, где различные религиозные и политические течения борются за власть. Это же условие, как мы уже видели, в сущности

необходимо для достижения того, что обычно называют "политической свободой", другими словами, достижения максимально возможной, учитывая несовершенство человеческой природы, степени свободы в отношениях между управляющими и управляемыми. Фактически в обществах, где выбор из определенного числа религиозных и политических течений невозможен, так как одно из них преуспело в достижении исключительного контроля, отдельный самобытный мыслитель должен хранить молчание, а моральная и интеллектуальная монополия неизбежно связана с политической, и все на благо касты и немногочисленных социальных сил.

Современное масонское учение в Европе основано на вере в то, что человек стремится стать физически, интеллектуально и нравственно более здоровым и благородным, и лишь невежество и предрассудки, порождающие догматические религии, мешают ему следовать этим естественным для него путем и ведут к наказаниям, резне и братоубийству. Такой взгляд представляется нам нелогичным. Богооткровенные религии, которые многие называют в настоящее время предрассудками, не были внушены человеку сверхъестественным существом. Они явились порождением самих людей и всегда находили пищу и *raison d'être* в человеческой природе. Они лишь частично, порой в весьма малой степени несут ответственность за борьбу, резню и гонения. Причина чаще крылась в человеческих чувствах, а не в религиозных догмах. В действительности, согласно беспристрастной истории, объяснение временем, религиозным и политическим фанатизмом снимает только часть личной ответственности за творимый грубый произвол всякого рода. Всегда в каждой религии, в каждой доктрине любой из нас может найти и находит ту линию, которая более всего соответствует его характеру и темпераменту. Ислам не помешал Саладину проявить человеколюбие и великодушие даже по отношению к неверным, равно как и христианство не смягчило жестокость Ричарда Львиное Сердце. Этот король, считавшийся воплощением рыцарства, был ответствен за убийство трех тысяч пленников-мусульман, взятых после осады Акры, и только благодаря великодушию Саладина этот ужасный пример не был повторен в большем масштабе мусульманской армией. Одна и та же религия дала миру как Симона де Монфора и Торквемаду, так и св. Франциска Ассизского и св. Терезу. 1793 год видел жизнь и подвиги Марата, Робеспьера и Каррье (члена Конвента Каррье, приказавшего тысячами топить в Нанте детей вандейцев). Но в том же году Боншан – лидер роялистов Вандеи, находясь на смертном одре, защищал жизнь четырех тысяч заключенных-республиканцев, которых его солдаты хотели расстрелять, и добился их освобождения. Кстати, на протяжении прошлого века наиболее ожесточенные битвы, самые большие гонения и резня совершались во имя доктрин, в своей основе не имеющих ничего сверхъестественного и провозглашающих свободу, равенство и братство всех людей.

Беспристрастный приговор истории человечества вызывает естественное чувство сострадания противоречивым свойствам бедного человеческого рода, столь способного на самоотречение, порой готового на личное самопожертвование; однако каждая его более или менее удачная или совсем неудачная попытка достичь нравственного и материального совершенства связана с всплеском ненависти, злопамятства и низких страстей. Трагична судьба людей! Вечно готовые на поиски того, что они считают благом, люди всегда находят предлог убивать и преследовать друг друга. Некогда они убивали и преследовали из-за трактовки догмы или отрывка из Библии. Затем убивали и преследовали во имя Царства свободы, равенства и братства. Сейчас они убивают и преследуют, дружески мучают друг друга во славу других вероучений. Завтра, возможно, они станут убивать и мучить друг друга с целью уничтожить последние следы жестокости и несправедливости на земле!

*Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты.
Социологические исследования. – 1994. № 12. С. 97–117.*

Общациональный Русский Журнал. Как правят миром?

В западных СМИ не появилось ни объяснений, ни элементарного анализа - почему, по какой такой причине в течение последних двух лет как по мановению волшебной палочки были вынуждены уйти в отставку (именно вынуждены) первые лица стран-членов G-7 - Италии, ФРГ, Франции, Великобритании, Японии. А ведь впечатление складывается такое, как будто некое политическое цунами произошло по западным политическим структурам и в буквальном смысле "снесло" руководство этих стран.

Мировое правительство - миф?

Возникает вопрос: а не существует ли в международном плане некая сила, которая и породила это цунами?

Ответ: за всеми этими событиями стоит хорошо организованная политическая сила. Более того, известно и её месторасположение - Нью-Йорк, США. Имеет она и собственное название - Трёхсторонняя комиссия (The Trilateral Commission).

Известно, что эта организация насчитывает более 400 человек из разных государств, включая Россию, из них 40 человек составляют Исполнительный комитет. Она охватывает три географические части планеты - Северную Америку, Западную Европу и Азию в лице Японии, Южной Кореи. Поимённый список членов ТК приведён в единственной в мире монографии на эту тему британского исследователя Энтони Сэттона "Трёхсторонняя комиссия над Америкой" (1998 год).

Существует ряд фактов и свидетельств, которые позволяют прийти к выводу, что этот центр на самом деле на протяжении вот уже 30 с лишним лет стремится задать международному сообществу вектор движения к формированию так называемого атлантического единства, или, точнее, атлантической солидарности, в противовес России, Китаю, Индии, а в последние годы и мусульманскому миру. При этом политический центр не чурается и прямого вмешательства в дела других стран. Приведу два свидетельства на этот счёт.

В апреле 2006 года в Токио состоялась ежегодная конференция Трёхсторонней комиссии, на которой, в преддверии саммита G-8 в Санкт-Петербурге, обсуждался вопрос о России и её взаимоотношениях с Западом. Не стану пересказывать суть этого обсуждения, поскольку есть возможность сослаться на первоисточник: в октябре 2006 года журнал "Россия в глобальной политике" опубликовал статью "Развод или ссора". Авторов было три: Родерик Лайн, посол Великобритании в РФ в 2000 - 2004 годах; Струоб Тэлбот, заместитель госсекретаря США в 1994 - 2001 годах; Коджи Ватанабэ, посол Японии в РФ в 1993 - 1996 годах.

А начинается эта статья так:

"Весной 2005 года Трёхсторонняя комиссия попросила соавторов этой статьи написать отчёт о России и её взаимоотношениях с трёхсторонней зоной. Предыдущий доклад по России был подготовлен в 1995 году, но с тех пор многое изменилось. Трёхсторонняя комиссия, созданная в 1973 году, насчитывает около 400 членов, среди которых ведущие политики, бизнесмены и люди, формирующие общественное мнение, из Северной Америки, Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего из Японии и Южной Кореи)".

Статья являет собой крайне редкую публикацию, где члены ТК прямо признают, что:

- а) такая международная организация существует;
- б) в её состав входят практически все сильные западного мира;
- в) эта организация занимается мировыми делами вообще, а судьба Россия находится в центре внимания этой организации.

Пока ограничимся этой констатацией и перейдём ко второму примеру.

В январе 1992 года член "Трёхсторонки" Маргарет Тэтчер в выступлении перед английскими журналистами, считая, по-видимому, что с Россией как независимым и влиятельным игроком на международной арене покончено раз и навсегда, высказалась очень откровенно.

"Когда Мы получили информацию о ближайшей смерти советского лидера (речь шла о Ю.В. Андропове), - рассказывала она, - то задумались о возможном приходе к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов).

Этим человеком был М. Горбачёв, который характеризовался экспертами как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью был возможен".

Между тем, с приходом к власти М. Горбачёва ситуация в России стала стремительно меняться. Но не менялись намерения и действия тех, кого М. Тэтчер скромно назвала "экспертами". "Большие споры среди экспертов, - продолжала она, - вызвал вопрос о выдвижении Б. Ельцина в качестве лидера "Народного фронта" с перспективой последующего избрания его в Верховный Совет Российской республики и далее руководителем РСФСР (в противовес лидеру СССР М. Горбачёву). Большинство экспертов были против кандидатуры Б. Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности.

Однако состоялись соответствующие контакты и договорённости, и решение о "проталкивании" Б. Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран председателем Верховного Совета России, и сразу же (следует, повидимому, читать: "как и планировалось". - Авт.) была принята Декларация о суверенитете России".

Кто же эти Мы, которые, если верить М. Тэтчер, столь успешно манипулировали российскими лидерами на переломе эпох?

Трёхсторонняя комиссия.

В исторических и политологических исследованиях давно уже существует понятие мондиализм, которое трактуется как общественно-политическое движение, поставившее своей задачей достижение геополитического контроля над всем миром и установление власти единого мирового (всемирного) правительства. В послевоенное время с ним стало сопрягаться понятие "новый мировой порядок", автором которого можно признать З. Бжезинского. Наиболее подробно он сформулировал эту мысль в 1970 году в книге "Между двумя эпохами: роль Америки в технотронной эре", где прямо призвал к "установлению более справедливого мирового порядка" во главе с США.

В действительности движение в этом направлении началось гораздо раньше. В 1947 году, через год после знаменитой фултонской речи У. Черчилля, в США был создан "Совет по международным отношениям", включивший в себя всю американскую политическую, военную, экономическую и научную элиту, руководителей важнейших американских СМИ, всего около 380 человек. Этот Совет стал главным стратегическим центром ведения "холодной войны" против СССР.

Вначале этот Совет был филиалом "Фонда Карнеги за вселенский мир", сейчас же этот последний является филиалом Совета, а председатель "Фонда Карнеги" является неизменным членом руководящего исполнительного органа Совета. В разное время в узкое руководство Совета входили А. Даллес, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, Р. Пайпс, другие известные фигуры. Ключевой фигурой Совета с начала 1950х годов становится Д. Рокфеллер, президент "Чейз оф Манхэттэн Бэнк".

В 1950-е годы ключевые члены Совета стали ощущать, что без тесного сотрудничества с правящими кругами западноевропейских стран им не удаётся в полной мере эффективно участвовать в европейских делах. И тогда в 1954 году был создан Бильдербергский клуб (по названию гостиницы "Бильдерберг" в голландском городе Остербеке, где состоялось первое заседание Клуба). В состав Клуба, кроме американцев, вошли политики, государственные деятели, аналитики, финансисты, ученые и вообще интеллектуалы из западноевропейских стран. По количественному составу эта организация намного уже "Совета по международным отношениям", а по национальному представительству - намного шире. Третью его состава - американцы. Председателем является, конечно, представитель США.

С течением времени, однако, выяснилось, что среди правящих элит Запада присутствует дух соперничества, конкуренция интересов. Кроме того, в 1960-е годы резко возросло экономическое

могущество Японии, которой удалось даже потеснить американцев в их святая святых - на внутреннем рынке автомобилей США.

И тогда американская элита последовала золотому правилу бизнеса, сформулированному ещё Дейлом Карнеги: "Если ты не можешь помешать направленному против тебя движению - возглавь его". В 1973 году американцы создают третью мондиалистскую структуру - Трёхстороннюю комиссию, охватывающую три части света - Северную Америку, Западную Европу и Азию в лице Японии и Южной Кореи. Естественно, и эта организация возглавляется американцами. Но чтобы выделить Трёхстороннюю комиссию в качестве особой международной организации, руководство "Трёхсторонки" создало три самостоятельные штаб-квартиры в трёх частях света - в Вашингтоне, Париже и Токио.

Неформальным координатором балансирования интересов отдельных групп влияния во всех этих странах Совет назначил президента "Чейз оф Манхэттэн Бэнк" Дэвида Рокфеллера, который немедленно сделал две вещи.

Во-первых, встретился с четырьмя ведущими политологами США - З. Бжезинским, Р. Боуи, Г. Оуэном и Дж. Франклином (последний позже был назначен официальным координатором Исполнительного комитета ТК) и поручил им написать идейную платформу "Трёхсторонки". А во-вторых, в марте 1972 года он отправляется в командировку по странам Старого Света и в Японию, где проводит серию встреч с политическими и государственными деятелями и бизнес-элитами этих стран. Цель всех этих мероприятий - поиск оптимальной формулы взаимопонимания между элитами разных стран. Пока Рокфеллер совершал вояж в Старый Свет и Азию, четвёрка учёных во главе с Бжезинским создала идейную платформу "Трёхсторонки". А через несколько месяцев, в июне 1973 года, последовало публичное заявление о создании международной организации Трёхсторонняя комиссия и утвержден её символ и герб.

В главном документе "Трёхсторонки", розданном членам учредительной конференции в Нью-Йорке, говорилось, что эта организация создаётся для того, чтобы сохранить западную демократию, оздоровить мировую экономику и способствовать общему прогрессу и развитию западного мира.

В другом документе ТК можно было прочесть: "США, ЕС и Япония вместе располагают 75 процентами ВВП некоммунистического мира. Если объединить усилия всех стран воедино или хотя бы добиться неконфликтного подхода к главным мировым проблемам, тогда можно будет говорить о том, что эти страны будут развивать свои экономики и общества в прогрессивном направлении. Но не только. Они должны обеспечить прогрессивное развитие и для всего остального мира".

В программе действий "Трёхсторонки" изложенных в письменном виде, значилось, что Комиссия будет на своих заседаниях формировать заключения и рекомендации для правительств всех входящих в Комиссию стран по важнейшим вопросам мирового развития, а члены Комиссии из этих стран должны будут передавать эти решения своим правительствам и добиваться того, чтобы они принимались к исполнению.

Через два года, в марте 1975-го, исполнительный директор ТК З. Бжезинский публикует программную статью, где сказано, что создаваемый Трёхсторонней комиссией "новый мир приобретает форму глобальной общности. На первых этапах это коснётся экономического мирового порядка... Мы должны создать механизм глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов". По свидетельству британца Энтони Сэттона, автора пока единственной в мире монографии о Трёхсторонней комиссии, к настоящему моменту в составе ТК 117 человек представляют США (администрация президента, госдеп, министерство обороны, Конгресс США, американские корпорации и банки). От Японии, по той же схеме, в Комиссию входят 84 человека. Из делегаций европейских стран 26 человек представляют Италию, 22 - Францию, 21 - Германию, 19 - Англию, 26 - Бельгию (видимо, потому так много, что Брюссель - столица ЕС и НАТО). Представлены и другие страны ЕС, а также Южной Кореи.

Комиссия ежегодно собирает своих членов на пленарные заседания. Так, в 2004 году конференция Трёхсторонней комиссии прошла в Варшаве, в 2005-ом - в Вашингтоне, в 2006-ом - в апреле в Токио, а в 2007-ом - в Брюсселе.

Поскольку руководство Комиссии осуществляет плотный контроль над мировыми СМИ, информация о её деятельности практически не попадает в прессу.

Любопытно, что даже нынешний институт "Большой восьмёрки" был создан по решению исполкома "Трёхсторонки". Первое совещание "семёрки" (поначалу "четвёрки") было созвано 15 - 17 ноября 1975 года по инициативе директора Европейского направления Трёхсторонней комиссии экс-президента Франции Валери Жискар д'Эстена. Так что "Большая семёрка", которую тоже часто называют мировым правительством, является своего рода исполнительным органом Трёхсторонней комиссии.

Первые контакты

Наша страна всегда занимала видное место в числе обсуждаемых на заседаниях "Трёхсторонки" вопросов. Но в особенности после того, как генсеком ЦК КПСС стал М. Горбачёв.

Как известно, первый визит в Лондон Горбачёв совершил в середине декабря 1984 года, будучи вторым секретарем ЦК КПСС. Там состоялась его встреча с премьерминистром Великобритании. А. Н. Яковлев в своих мемуарах так описывает эту встречу с М. Тэтчер.

"Переговоры носили зондажный характер до тех пор, пока на одном из заседаний в узком составе (я присутствовал на нём, - замечает мемуарист) Михаил Сергеевич не вытащил из своей папки карту Генштаба со всеми грифами секретности, свидетельствующими о том, что карта подлинная. На ней были изображены направления ракетных ударов по Великобритании, показано, откуда могут быть нанесены эти удары и всё остальное. Тэтчер смотрела то на карту, то на Горбачёва. Помоему, она не могла понять, разыгрывают её или говорят всерьёз. Пауза явно затягивалась. Премьерша рассматривала английские города, к которым подошли стрелы, но пока ещё не ракеты. Затянувшуюся паузу прервал Горбачёв:

- Госпожа премьер-министр, со всем этим надо кончать, и как можно скорее.
- Да, - ответила несколько растерянная Тэтчер".

На военном языке документ, который представил английскому премьеру Горбачёв, называется "оперативный план" - один из самых секретных и важных государственных документов. В любом государстве такое деяние квалифицируется как государственная измена.

Положив на стол перед глазами изумлённой Тэтчер оперативный план, Горбачёв, конечно, рисковал. 18 декабря 1984 года он ещё был только вторым человеком в СССР. Генсеком был Черненко, а министром обороны - Устинов. Трудно поверить, что этот секретнейший документ второй секретарь ЦК КПСС взял бы в Генштабе для показа его английскому премьерминистру с разрешения Д.Ф. Устинова. Ещё труднее поверить, что этот документ ему дал маршал С.Ф. Ахромеев, который в сентябре 1984 года возглавил Генеральный штаб Вооруженных Сил СССР. Кстати, посол СССР в США А. Добрынин ("Сугубо доверительно", 1997) написал о странном поступке М. Горбачёва во время переговоров с госсекретарём США Д. Шульцем в апреле 1987 года в Москве.

Добрынин и Ахромеев, согласно поручению Горбачёва, подготовили рекомендации: поскольку США сильно боятся ракет средней дальности СС-23 "Ока", на уничтожение их ни в коем случае не соглашаться, используя этот аргумент как козырь в торге, в том числе и в вопросе непродвижения НАТО к границам СССР.

Горбачёв с рекомендациями согласился. Но в разговоре с Шульцем поступил ровно наоборот, дав обещание эти ракеты уничтожить в одностороннем порядке.

Решение генсека, конечно, не было недоразумением или тем, что он "забыл" о рекомендациях советского посла и начальника Генштаба. Эти действия не были случайными. Это была позиция. Много позже он пояснил это сам. В самом начале 1999 года, выступая с лекцией в Американском университете в Турции, Горбачёв заявил: "Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми. Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и в стране. Именно поэтому моя жена всё время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал всё более и

более высокое положение в стране... Мир без коммунизма будет выглядеть лучше. После 2000 года наступит эпоха мира и всеобщего процветания. Но в мире ещё сохраняется сила, которая будет тормозить наше движение к миру и созиданию. Я ИМЕЮ В ВИДУ КИТАЙ".

Россия в планах "Трёхсторонки"

Сразу после визита М. Горбачёва в Лондон на встречу с Маргарет Тэтчер, как известно, она позвонила Р. Рейгану и сказала свою знаменитую фразу: "С этим парнем можно иметь дело". Основываясь на этой информации, руководство "Трёхсторонки" принимает решение прощупать советского генерального секретаря и посылает в Москву с разведывательным визитом экс-премьера Канады Пьера Трюдо. Тот приезжает в Москву с частным визитом в качестве личного друга секретаря ЦК КПСС Александра Яковлева (этих людей связывала длительная тесная дружба ещё со времени работы Яковлева послом СССР в Канаде).

Разведывательный визит в Москву оказался столь успешным, что в марте 1986 года руководство ТК, после доклада Трюдо, принимает решение направить в Москву трёх её региональных директоров - Г. Киссинджера от США и Канады, Жискара д'Эстэна от ЕС, Ясухиро Накасонэ, бывшего премьер министра и министра обороны, от Японии.

Связь с Горбачёвым - вновь через Александра Яковлева. Впечатление от бесед с Горбачёвым - самое благоприятное. Делегация возвращается в Нью-Йорк с рекомендациями продолжить переговоры с советским генсеком, но уже на самом высшем уровне Комиссии. Ключевым игроком на этом поле выступает Д. Рокфеллер, которому к этому моменту исполнилось уже 75 лет. Принимается решение посоветовать М. Горбачёву приехать на пленарную сессию Генассамблеи ООН в декабре 1988 года для бесед с Д. Рокфеллером. Полтора года отводится на подготовку этой встречи: слишком масштабная затеяна игра с Москвой, чтобы пороть горячку.

В декабре 1988 года советский генсек приезжает в Нью-Йорк. Запланировано его выступление на Генеральной Ассамблее ООН. Но тут происходит сильнейшее землетрясение в Армении. Тысячи жертв. Горбачёв отменяет своё выступление и готовится к спешному вылету в Москву, что естественно. Однако всё время до поездки в аэропорт посвящает не изучению оперативной информации с места ЧП, а встрече с Д. Рокфеллером и Г. Киссинджером.

И вновь окончательное решение руководством "Трёхсторонки" откладывается. Принимается другое: направить в январе 1989 года в Москву делегацию Комиссии на высшем уровне. На этот раз решено расставить все точки над *i*. В делегацию для переговоров с Горбачёвым включают Д. Рокфеллера и Г. Киссинджера. А чтобы не выпячивать, кто на самом деле является хозяином Трёхсторонней комиссии, для представительности в неё включают главу Европейского отделения Комиссии француза Жоржа Бертюэна.

В январе эти люди прибывают в Москву. Но встречи проходят не только с Горбачёвым и А. Яковлевым... Повидимому, после этих встреч и было принято окончательное решение руководства Трёхсторонней комиссии о непосредственном включении СССР в процессы глобализации по сценарию США. В 2000 году покойный ныне А. Зиновьев, имевший тесные связи в кругу западных политологов, в интервью приоткрыл ещё одну сторону глобализации поамерикански в отношении России.

"Глобальное сверхобщество планирует России судьбу бастиона антикоммунизма в борьбе против коммунистического Китая. Мне в беседах с западными коллегами не раз приходилось слышать, что Вашингтону война с Китаем обойдётся в 30 - 50 миллионов русских. И это не шутка. Они же не будут воевать своими руками. Поэтому сейчас им нужно прибрать к рукам Российскую армию..." И не верить этому я не могу уже потому, что знал его, и потому, что в 1968 году сам слышал, как З. Бжезинский в лекции в ИМЭМО АН СССР уговаривал нас подумать о том, как через 50 лет России придётся воевать с Китаем и что кроме США и НАТО не будет у России верных союзников в этой войне.

В 2006 году известный итальянский журналист, а ныне член Европарламента от Италии, Дж. Кьеза в книге "Война империй. Восток-Запад" высказал прогноз, что война между США и Китаем должна начаться где-то в 2017 году. Вот тут-то американцам, по их расчётам, по-видимому, и понадобится помощь России.

Только ведь не просто так Владимир Путин создал Шанхайскую организацию сотрудничества. Наверное, российское руководство тоже планирует свою деятельность на десятки лет вперед... Однако противостояние с Китаем для США дело хоть и реальное, но всё же - это ситуация отдалённого будущего. Как показывает практика, основным спектром приложения интересов руководителей и идеологов Трёхсторонней комиссии по-прежнему остаётся Россия. Смена правительств в ровно половине членов "Большой восьмёрки" в течение очень короткого периода только на первый взгляд и только для непрофессионального наблюдателя может выглядеть случайностью.

Совсем не случайно этой смене в течение двух лет предшествовала беспрецедентно жёсткая антироссийская кампания в западных СМИ. Общественное мнение западных стран последовательно и целенаправленно подготавливалось к тому, что на смену лояльных к России лидеров в этих странах должны прийти люди, которые могут резко переложить руль в этом плане. Именно это и произошло. Новые главы правительств во Франции и Германии ещё до их избрания прямо и чётко заявляли о восстановлении особо дружественных отношений с Вашингтоном. США хотят "вновь вернуть Европу к тому положению, когда она должна соизмерять свои национальные интересы с необходимостью быть более послушной Штатам" (Е. Примаков).

Анализ Примакова находит подтверждение в выступлениях американцев. Так, 19 июля 2007 года постоянный член Трёхсторонней комиссии, видный американский политолог Ричард Пайпс (автор широко известной книги "Россия при большевиках"), объясняя в интервью, почему к власти в Европе должны прийти более проамерикански настроенные элиты, заявил: отношения между Западом и Россией "ухудшаются до такой степени, что возможен переход к новой форме "холодной войны"... Для Европы Российский вопрос может стать опаснее исламской угрозы... Эта страна опаснее Бен Ладена". "С Россией, как и с СССР, необходимо выработать тактику сдерживания, в особенности в экономическом плане. Необходимо, чтобы западные нефтяные компании перестали заключать соглашения с Россией, а банки прекратили бы инвестировать".

Для чего это необходимо сделать, пояснил 29 июня 2007 года 80летний Збигнев Бжезинский, бывший исполнительный директор Трёхсторонней комиссии и её бессменный идеолог: в случае осуществления такого политического курса через десять лет после ухода с политической арены Владимира Путина "мы увидим переход власти в России к действительно постсоветской, более международно-ориентированной, западной элите".

Яснее о целях "Трёхсторонки" в отношении России никто ещё так прямо не говорил.

Как правят миром? - Общенациональный Русский Журнал <http://www.narodsobor.ru/>

Питер Фердинанд Дракер. За фасадом информационной революции

Поистине революционное воздействие информационной революции только начинает ощущаться, однако отнюдь не «информация» питает это воздействие. Речь не идет об «искусственном разуме», и дело не во влиянии компьютеров и ускоренной обработки данных на процесс принятия решений, формирования политики или стратегии. Это то, чего практически никто не предвидел и о чем на самом деле никто даже не говорил десять или пятнадцать лет назад: Е-коммерция, или электронная торговля — взрывное по своему характеру появление и становление интернета как главного (и возможно, в конечном счете самого главного) всемирного распределительного канала для товаров, услуг и, сколь ни удивительно, для управленческих и профессиональных рабочих мест. Все это коренным образом меняет экономики, рынки и структуру промышленности; продукты, услуги и их потоки; сегментацию потребительского рынка, потребительские ценности и поведение; рабочие места и рынки труда. Однако это воздействие на общества и политику и — самое главное — на то, каким мы видим мир и себя в нем, может оказаться еще большим. В то же время неожиданно новые отрасли производства, без сомнения, появятся, причем скоро. Одна уже есть: биотехнология. Есть и другая: фермерское рыбоводство. В течение следующих пятидесяти лет это

последнее может превратить нас из «охотников и собирателей на морях» в «морских пасторалистов» — точно так же, как аналогичная инновация около десяти тысяч лет назад превратила наших предков из «охотников и собирателей на земле» в мирных земледельцев.

Похоже, что столь же внезапно появятся и другие новые технологии, ведущие к становлению новых отраслей производства. Каковы они будут, невозможно даже загадывать, но в высшей степени вероятно — более того, почти несомненно — то, что они возникнут, причем довольно скоро. И почти несомненно, что лишь немногие из новых технологий — сколь немногие из базирующихся на них отраслей — «произойдут» из компьютеров и информационных технологий. Подобно биотехнологии и фермерскому рыбоводству, каждая новинка возникнет из своей собственной, уникальной и неожиданной, технологии.

Конечно, это лишь предсказания. Однако они исходят из допущения, что информационная революция будет развиваться, как несколько более ранних «революций», основывавшихся на технологиях, развивались в течение последних 500 лет, начиная с «печатной революции» Гуттенберга от 1455 года. В частности, допущение таково, что информационная революция будет подобна революции промышленной, какой та представляла в конце XVIII — начале XIX столетий. И в самом деле, первые пятьдесят лет информационная революция проявила себя именно так.

Железная дорога

Информационная революция находится сейчас в такой точке, в какой была промышленная революция в начале 1820-х гг., примерно сорок лет спустя после того, как усовершенствованная Джеймсом Ваттом паровая машина (нововведение 1776 года) была впервые применена в 1785-м к промышленной операции — прядению хлопка. Для первой промышленной революции паровая машина была тем, чем стал компьютер для информационной — ее «спусковым крючком», но прежде всего — ее символом. Сегодня почти каждый свято верит, что в экономической истории ничто так быстро не свершалось, как — или не имело большего воздействия, чем — информационная революция. Однако промышленная революция разворачивалась, по крайней мере, с той же скоростью (если брать аналогичный промежуток времени) и, вероятно, произвела равное, если не большее, воздействие. Она тотчас механизировала подавляющее большинство производственных процессов, начав с производства самого важного промышленного товара XVIII — начала XIX веков: текстиля. Закон Мура (Moore) утверждает, что цена основного элемента информационной революции — микрочипа — падает на 50% каждые 18 месяцев. И то же самое справедливо в отношении продуктов, чье производство было механизировано первой промышленной революцией. За 50 лет, охватывающие начало XVIII столетия, цены на хлопчатобумажные ткани упали на 90%. В тот же период производство их в одной лишь Британии достигло, по крайней мере, 150-кратного увеличения. И хотя ткани были наиболее заметным продуктом первых лет промышленной революции, она механизировала производство практически всех других главных товаров — таких, как бумага, стекло, кожи и кирпич. Ее воздействие никоим образом не было сведено лишь к потребительским товарам. Производство железа и скобяных товаров — например, проволоки — стало механизированным и «движимым паром» так же скоро, как и производство текстиля, с теми же последствиями для стоимости, цены и объемов выпуска. К концу наполеоновских войн по всей Европе производство оружия стало «паровым»; пушки производились в 10–12 раз быстрее, чем прежде, а их стоимость упала более чем на 2/3. К этому же времени Эли Уитни (Eli Whitney) сходным образом механизировал производство мушкетов и создал тем самым первую в Америке отрасль массового производства.

Эти сорок или пятьдесят лет дали рост фабрике и «рабочему классу», в то время как в середине 1820-х гг. оба были еще столь малочисленны, даже в Англии, что считались статистически маловажными. Однако в психологическом плане они пришли к доминированию (что вскоре случилось также

и в политическом плане). Еще прежде чем фабрики появились в Америке, Александр Гамильтон (Alexander Hamilton) предвидел индустриализированную страну в своем «Отчете по производствам» (Report on Manufactures) от 1791 года. Декадой позже, в 1803-м, французский экономист Жан-Баптист Сэй (Jean-Baptiste Say) заметил, что промышленная революция изменила экономику путем создания «предпринимателя».

Социальные же последствия ее вышли далеко за пределы фабрики и рабочего класса. Как отметил историк Пол Джонсон (Paul Johnson) в своей «Истории американского народа» (A History of the American People) (1997), взрывной рост текстильной промышленности, основанной на применении паровых машин, возродил рабство. Считавшееся отцами-основателями Американской республики практически мертвым, рабство возродилось к жизни вместе с тем, как волокноотделитель хлопка — вскоре заработавший на пару — создал огромный спрос на низкооплачиваемый труд и на многие декады впредь сделал «разведение» рабов самой прибыльной отраслью в Америке.

Промышленная революция имела также огромное воздействие на семью. Нуклеарная семья долго оставалась единицей производства. Муж, жена, их дети вместе работали на ферме и в мастерской ремесленника. Почти в первый раз за всю историю фабрика вывела работника и работу из дому и привела их на рабочее место, заставив оставить позади членов семьи — будь то супруги взрослых фабричных рабочих либо, особенно на ранних стадиях, родители детей, работавших на фабрике.

На самом деле «кризис семьи» начался отнюдь не после Второй мировой войны — он начался вместе с промышленной революцией и, по факту, вызывал стандартную обеспокоенность тех, кто противостоял промышленной революции и фабричной системе. (Лучшее описание «развода» работы и семьи, как и его последствий для обеих, вероятно, дано в романе Чарльза Диккенса «Тяжелые времена» (Hard Times) 1854 г.).

Однако, несмотря на все эти последствия, в первые полстолетия своего существования промышленная революция лишь механизировала производство вещей, которые были всегда. Она в громадной степени увеличила выпуск продукции и в громадной же степени снизила ее стоимость. Она создала как потребителей, так и потребительские продукты — но как таковые эти продукты существовали всегда. Произведенные на фабриках, они отличались от традиционных продуктов только своей «униформой» и меньшим числом дефектов, которые прежде обнаруживались даже в продуктах, вышедших из рук лучших мастеров своего дела.

В эти первые пятьдесят лет существовало только одно важное исключение — один новый продукт: пароход, впервые запущенный в практику Робертом Фултоном (Robert Fulton) в 1807 году. Его влияние слабо сказывалось еще в течение 30 или 40 лет. Фактически, почти до конца XIX столетия парусные суда перевозили по мировому океану больше грузов, чем пароходы.

Затем, в 1829 году, появилась железная дорога — продукт, поистине не имевший прецедента, — и она навсегда изменила экономику, общество и политику.

В ретроспективе очень трудно представить, почему изобретение железной дороги заняло столь много времени. Рельсы для перевозки грузовых тележек издавна использовались в угольных шахтах. Что могло бы быть более очевидным, нежели установить паровую машину на тележку, дабы заставить ее двигаться, — вместо того, чтобы приводить в движение усилиями людей или лошадиной тягой? Однако железная дорога не «выросла» из тележек на шахтах. Она была разработана вполне независимым образом. Более того, она отнюдь не предназначалась для перевозки грузов — напротив, долгое время она рассматривалась исключительно как средство для перемещения людей. Железные дороги стали перевозить грузы лишь 30 лет спустя, в Америке. (Фактически еще в 1870–80-х гг. британские инженеры, нанятые для строительства железных дорог в обновленной вестернизированной Японии, проектировали их для перевозки пассажиров — и до сегодняшнего дня японские железные дороги по-прежнему не приспособлены для перевозки грузов.) Однако до тех пор, пока первая железная дорога не начала реально действовать, ее появления фактически никто не предвосхищал.

Тем не менее в течение последующих пяти лет западный мир был охвачен величайшим бумом, которые когда-либо знала история, — это был железнодорожный бум. Прерываемый наиболее эффектными провалами в экономической истории, этот бум длился в Европе в течение тридцати лет, до конца 1850-х гг., когда было построено большинство из основных сегодняшних железных дорог. В Соединенных Штатах он продолжался еще лет тридцать, а в отдаленных регионах — Аргентине, Бразилии, азиатской части России, Китае — и до Первой мировой войны.

Железная дорога была поистине революционным элементом промышленной революции: она не только создала новое экономическое измерение, но и быстро изменила то, что я бы назвал ментальной географией. Впервые в истории человеческие существа обрели подлинную мобильность. Впервые расширились горизонты рядовых людей. Современники немедленно оценили, сколь фундаментальное изменение произошло в их сознании. (Достойное описание этого можно найти в романе Джордж Элиот (George Eliot) «Срединный марш» (Middlemarch) 1871 г., являющемся, без сомнения, лучшим изображением общества промышленной революции в его переходный период.) Как отметил в 1986 году в своей последней важной работе «Идентичность Франции» (The Identity of France) великий французский историк Фернан Бродель (Fernand Braudel), именно железная дорога превратила Францию в единую нацию с единой культурой, тогда как прежде она представляла собой беспорядочную смесь самодостаточных регионов, удерживаемых вместе лишь политической волей. А рассуждения о роли железной дороги в создании американского Запада — конечно же, самое избитое место в истории США.

Рутинизация

Подобно промышленной революции два столетия назад, информационная революция до сих пор — то есть со времени появления первых компьютеров в середине 1940-х гг. — только трансформировала процессы, которые существовали всегда. По факту, настоящее воздействие информационной революции проявилось вовсе не в форме «информации». Почти ни одно из последствий этой «информации», предсказывавшихся сорок лет назад, не реализовалось в действительности. Например, практически никаких изменений не произошло в процессе принятия важных решений в бизнесе или в правительстве. Однако информационная революция сделала рутинными традиционные процессы в бесчисленном количестве сфер человеческой деятельности.

Программное обеспечение для настройки рояля превращает процесс, который обычно занимал три часа, в двадцатиминутную операцию. Существует программное обеспечение для составления платежных ведомостей, расписания доставок, инвентарного контроля и всех других рутинных процессов бизнеса. Составление чертежа внутренних коммуникаций (систем отопления, водоснабжения, канализации и т. д.) большого здания — такого, как тюрьма или больница — прежде потребовало бы работы, скажем, 25 высококвалифицированных чертежников в течение пяти дней или около того; сейчас же существует программа, которая позволяет одному чертежнику выполнить ту же работу за пару дней — и за крошечную долю прежних затрат. Есть программы, помогающие людям заполнять налоговые декларации, и программы, обучающие больничных «постояльцев», как опорожнять желчный пузырь. Люди, которые спекулируют сегодня на фондовом рынке в онлайн-режиме, делают в точности то же самое, чем занимались в 1920-х гг. их предшественники, которым приходилось ежедневно проводить долгие часы в брокерской конторе. Процессы совершенно не изменились — они лишь шаг за шагом превратились в рутину, экономя нам огромное количество времени и, зачастую, средств.

Психологическое воздействие информационной революции, как и революции промышленной, огромно. Возможно, в наибольшей степени оно проявилось в том, как стали обучаться маленькие дети. Начиная с четырех лет (а порой и ранее), дети теперь стремятся развить навыки пользования компьютером, быстро превосходя старших; компьютеры стали их игрушками и обучающими инструментами. Через пятьдесят лет мы, пожалуй, сможем прийти к выводу о том, что никакого «кризиса американского образования» в последние годы XX века и не бывало — было лишь нарастающее несоответствие между тем,

как учили школы XX столетия, и тем, как стали учиться дети конца того же столетия. Нечто похожее произошло в XVI веке с университетами, сотню лет спустя после изобретения печатного пресса и наборного шрифта.

Однако, что касается того, как мы работаем, информационная революция пока лишь превратила в рутину то, что делалось всегда. Единственным исключением является CD-ROM, изобретенный около двадцати лет назад для представления опер, университетских курсов, произведений писателей совершенно новым образом. Как и пароход, CD-ROM не привился в нашей жизни немедленно.

Значение электронной торговли

Электронная коммерция стала для информационной революции тем же, чем была для промышленной железная дорога — полностью новым, полностью беспрецедентным, полностью неожиданным обстоятельством. И так же, как железная дорога 170 лет назад, электронная торговля создает отчетливо новый бум, стремительно меняя экономику, общество и политику.

Один пример. Среднего размера компания с индустриального американского Среднего Запада, основанная в 1920 году и ныне руководимая внуками основателя, обычно обеспечивала около 60% рынка недорогой столовой посуды (для ресторанов быстрого питания, больниц, школьных и офисных кафетериев) в радиусе сотни миль в округе самой фабрики. Фарфоровая посуда тяжела и легко бьется, поэтому дешевый фарфор традиционно продается в пределах небольшого региона. Эта компания потеряла более половины своего рынка почти в одну ночь. Один из ее клиентов — больничный кафетерий, один из сотрудников которого «нырнул» в интернет, — обнаружил европейского производителя, который предлагал фарфор явно лучшего качества по более низким ценам, плюс доставку дешевым авиатранспортом. В течение нескольких месяцев основные клиенты в этом регионе переметнулись к европейскому поставщику. При этом, похоже, немногие из них осознавали — и еще меньше кого беспокоило, — что товар поступает из Европы.

В новой ментальной географии, созданной железными дорогами, человечество освоило расстояние. В ментальной географии электронной коммерции расстояние уничтожено — есть только одна экономика и только один рынок.

Одним из следствий этого является то, что каждый бизнес должен стать глобально конкурентоспособным, даже если он занимается производством или торговлей в пределах местного или регионального рынка. Конкуренция перестала быть местной — по факту, она не знает границ. В плане ведения бизнеса каждая компания должна стать транснациональной. При этом традиционно мультинациональное вполне может стать устаревшим: производство и распределение осуществлялось тогда в пределах некоторого числа определенных географических пространств, но в каждом из них компания выступала как местная. Однако для электронной торговли нет ни местных компаний, ни определенных географических пространств. Где производить, где продавать и как продавать — всё это останется важными деловыми решениями. Однако в последующие двадцать лет они могут перестать определять, что компания делает, как она делает и где она это делает.

В то же время остается не вполне определенным, какого рода товары и услуги будут продаваться и покупаться при посредстве интернета, а какие из них окажутся неподходящими для электронной торговли. Подобная ситуация складывалась всегда, когда появлялся новый канал распределения. Почему, к примеру, железная дорога изменила как ментальную, так и экономическую географию Запада, тогда как пароходу — при равном его воздействии на мировую торговлю и пассажирский транспорт — не удалось сделать ни того, ни другого? Почему не было «пароходного бума»?

В равной степени неясным остается воздействие более недавних изменений каналов распределения — например, перехода от местных бакалейных магазинов к супермаркетам, от отдельных супермаркетов к их «цепочкам» и от «цепочек» супермаркетов к гигантам типа «Wal-Mart» и другим

дисконтным «цепям». Уже ясно лишь то, что переход к электронной торговле будет столь же эклектическим и неожиданным.

Вот еще несколько примеров. 25 лет назад существовала всеобщая убежденность в том, что в течение немногих декад печатное слово станет доставляться электронным способом на компьютерные экраны частных подписчиков. Затем подписчики будут либо читать тексты прямо с экранов мониторов, либо распечатывать их. Таково было допущение, лежавшее в подоплке создания CD-ROM-а. Потому-то немислимое количество газет и журналов — и отнюдь не только в Соединенных Штатах — обосновались в интернете; правда, пока что лишь немногие из них стали таким образом «золотыми жилами». Однако любой, кто лет двадцать назад предсказал бы бизнес типа того, каким занимаются Amazon.com и barnesandnoble.com — то есть что книги будут продаваться в интернете, но доставляться покупателям в их «твердом», печатном виде, — был бы жестоко осмеян. Тем не менее Amazon.com и barnesandnoble.com занимаются как раз таким бизнесом, причем занимаются им по всему миру. Первый заказ на американское издание моей самой недавней, 1999 года, книги «Управленческие вызовы для XXI века» (Management Challenges for the 21st Century) поступил именно на Amazon.com, а прибыл этот заказ из Аргентины.

Другой пример. Десять лет назад одна из ведущих мировых автомобильных компаний провела основательное исследование ожидаемого влияния только-только появившегося тогда интернета на продажи автомобилей. Заключение состояло в том, что интернет станет главным распределительным каналом для подержанных автомобилей, но в потребителях по-прежнему будет жить желание видеть новые автомобили, иметь возможность потрогать их, совершить тестовую поездку. В действительности, по крайней мере до сих пор, большинство подержанных автомобилей по-прежнему приобретается не через интернет, а на стоянках у торговцев. Тем не менее до половины всех проданных новых автомобилей (за исключением авто класса «люкс») могут теперь действительно быть «куплены» через интернет. Дилеры лишь доставляют автомобили, которые покупатели выбрали задолго до того, как они вступили в реальную сделку. Что это означает для будущего местной автомобильной торговли, самого прибыльного малого бизнеса XX столетия?

Следующий пример. Во время бума 1998 и 1999 годов торговцы на американском фондовом рынке все больше покупают и продают в онлайн-режиме, а инвесторы, похоже, отворачиваются от электронных покупок. Основной инвестиционный механизм в США — «взаимный капитал» (mutual funds). И тогда как несколько лет назад почти половина всего «взаимного капитала» была приобретена электронным способом, нынешние оценки таковы, что этот показатель упадет до 35% в следующем году[2] и до 20% — к 2005 году. Это прямо противоположно тому, чего «все ожидали» 10 или 15 лет назад.

Быстрее всего электронная торговля в Соединенных Штатах развивается в тех областях, где до сей поры «коммерции» как таковой и не было, — в сфере найма профессионалов и менеджеров. Почти половина крупнейших мировых компаний набирают свой персонал через веб-сайты, и где-то два с половиной миллиона разного рода управленческого и профессионального люда (две трети из них даже не являются инженерами или компьютерщиками) разместили свои резюме в интернете — (on the Internet) — и запрашивают через его посредство предложения о работе. Результат — полностью новый рынок труда.

Всё это иллюстрирует другое важное последствие электронной коммерции. Новые каналы распределения меняют понятие того, кто является покупателем. Они меняют не только то, как покупают клиенты, но также что они покупают. Они меняют потребительское поведение, нормы экономии, структуру промышленности — одним словом, всю экономику. Вот что происходит сегодня, и не только в Соединенных Штатах, но все больше и в остальном развитом мире, и во многих развивающихся странах, включая континентальный Китай.

Лютер, Макиавелли и лосось

Железная дорога сделала промышленную революцию свершившимся фактом: что было революцией, стало обстоятельством. Однако бум, который она спровоцировала, длился почти сотню лет. Технология паровой машины железной дорогой не завершилась. В 1880–90-х гг. она привела к паровой

турбине, а в 1920–30-х — к великолепным американским паровым локомотивам, столь любимым энтузиастами железной дороги. Однако технология сосредоточивалась на паровой машине и на производственных операциях, которые уже перестали быть средоточием производства. Вместо того динамика технологии сдвинулась в сторону совершенно новых отраслей, которые появились почти немедленно после изобретения железной дороги и ни одна из которых не имела ничего общего с паром или паровыми машинами. Первыми были электрический телеграф и фотография в 1830-х; вскоре после того за ними последовали оптика и оборудование для ферм. Новая и отличная от всего, что было прежде, отрасль по производству удобрений, берущая свое начало в конце 1830-х гг., скоренько преобразовала сельское хозяйство. Публичное здравоохранение стало важнейшей и главнейшей растущей отраслью, с карантинами и вакцинацией, с обеспечением чистой водой и канализационными трубами, которые впервые в истории сделали город более здоровой средой обитания, нежели сельская местность. Примерно в то же время появились первые анестезирующие средства.

Вместе с этими главными новыми технологиями появились и основные новые социальные институты: современная почтовая служба, ежедневная газета, инвестиционное банковское дело и коммерческое банковское дело, если упомянуть хотя бы некоторые. Ни один из них не имел ничего общего с паровой машиной или с технологией промышленной революции вообще. Вот такие новые отрасли и институты стали доминировать к 1850 году в индустриальном и экономическом ландшафте развитых стран.

Всё это весьма похоже на то, что происходило во времена печатной революции — первой из технологических революций, сформировавших современный мир. В течение пятидесяти лет после 1455 года, когда Гуттенберг усовершенствовал печатный пресс и наборные шрифты, над которыми он работал долгие годы, печатная революция охватила всю Европу и полностью изменила как ее экономику, так и ее психологию. Однако книги, напечатанные в эти первые пятьдесят лет и называемые инкунабулами, по большей части содержали те же тексты, которые монахи веками утомительно копировали от руки в своих манускриптах: религиозные памфлеты и все то, что осталось от писаний античности. Порядка семи тысяч наименований было опубликовано в эти первые пятьдесят лет, в 35 тысячах изданий; по крайней мере 6700 наименований были самыми традиционными. Иными словами, в свои первые пятьдесят лет книгопечатание сделало доступной — и все более дешевой — традиционную информацию и продукты коммуникации. А затем, лет шестьдесят спустя после Гуттенберга, появилась немецкая Библия Лютера — тысячи и тысячи копий, проданные почти в одночасье по невообразимо низкой цене. С лютеровской Библией новая печатная технология возвестила приход нового общества. Она принесла с собой протестантизм, который покорила половину Европы, а в другой ее половине в следующие двадцать лет заставил католическую церковь реформировать самое себя. Лютер умышленно использовал новое средство печати, чтобы вернуть религию в центр как частной жизни, так и общества. И это развязало церковные реформы, религиозные бунты и войны, длившиеся полтора столетия.

В то же самое время, однако, когда Лютер использовал печать с откровенным намерением реставрировать христианство, Макиавелли написал и в 1513 г. опубликовал своего «Государя» (The Prince), первую западную книгу за тысячу с лишним лет, которая не содержала ни единой библейской цитаты и ни одной ссылки на античных авторов. «Государь» моментально стал «другим бестселлером» XVI века и его наиболее печально знаменитой, но также наиболее влиятельной книгой. Тотчас в изобилии появились чисто светские работы — то, что мы сегодня называем литературой: романы и книги по естественным наукам, истории, политике, а вскоре и по экономике. Это было незадолго до того, как в Англии возникла первая чисто светская форма искусства — современный театр. Возникли и новенькие, с иголки социальные институты: иезуитский орден, испанская инфантерия, первый современный военно-морской флот и наконец — суверенное национальное государство. Иными словами, печатная революция следовала той же траектории, что и начавшаяся тремя столетиями позже промышленная революция, и сегодняшняя информационная революция.

Какими будут новые отрасли и институты, пока никто не может сказать. Никто в 1520-х гг. не ожидал появления светской литературы, не говоря уже о светском театре. Никто в 1820-х гг. не ожидал появления электрического телеграфа, публичного здравоохранения или фотографии.

Лишь одно, повторюсь, крайне вероятно, если не почти наверняка определено: следующие двадцать лет станут свидетелями возникновения многих новых отраслей. В то же время, почти наверняка лишь небольшое их число выйдет из информационной технологии, из компьютера, цифрового процессора или интернета — на это указывают все исторические прецеденты, но это справедливо и с точки зрения новых, уже стремительно возникающих отраслей. Как упоминалось, биотехнология уже здесь; так же и с фермерским рыбоводством.

Двадцать пять лет назад лосось был деликатесом. Типичный условный ужин предполагал выбор между цыпленком и говядиной. Сегодня лосось стал предметом потребления — и дополнительным выбором условного меню. Большинство лосося сегодня не вылавливают в море или реках, но выращивают на рыбных фермах. То же самое становится все более справедливым и в отношении форели. Вскоре, очевидно, это будет верно и в отношении многих других видов рыбы. Например, камбала, которая среди даров моря является тем же, чем свинина — среди мясопродуктов, как раз «направляется» в океаническое массовое производство. Все это, без сомнения, приведет к генетическому выведению новой рыбы, отличной от прежней, как одомашнивание овец, коров и кур привело к выведению новых их пород.

Однако вполне вероятно, что еще дюжина или около того технологий находятся на той стадии, на которой биотехнология была лет двадцать пять назад, — то есть готовы к появлению на свет.

Есть также услуга, вот-вот готовая родиться: страхование против рисков открытых валютных курсов. Теперь, когда каждый бизнес стал частью глобальной экономики, потребность в таком страховании стала столь же срочной, как было необходимо страхование против физических рисков (пожаров, наводнений) на ранних стадиях промышленной революции, когда и возникло традиционное страховое дело. Все знание, необходимое для организации валютного страхования, уже имеется в наличии — не хватает только самого института.

Следующие две или три декады, похоже, увидят даже большие технологические перемены, нежели те, что уже произошли со времен появления компьютера, а кроме того — еще большие перемены в структуре промышленности, в экономическом ландшафте, а по всей вероятности — и в социальном ландшафте.

Джентльмен против технолога

Новые отрасли, возникшие после появления железной дороги, в технологическом плане мало чем были обязаны паровой машине или индустриальной революции в целом. Они отнюдь не были ее порождением «плоть от плоти» — они были ее «духовным порождением». Они стали возможными только благодаря созданному промышленной революцией настроению умов и развитым ею умениям. Это было умонастроение, которое принимало — и более того, со рвением приветствовало — изобретение и новацию. Это было умонастроение, которое принимало — и со рвением приветствовало — новые продукты и новые услуги. Оно также создало социальные ценности, которые сделали возможным появление новых отраслей. Но прежде всего оно создало «технолога». Социальный и финансовый успех долго ускользал от первого главного американского технолога, Эли Уитни (Eli Whitney), чей волокноотделитель хлопка в 1793 году стал таким же эпицентром триумфа промышленной революции, как и паровая машина. Но уже поколением позже технолог — по-прежнему самоучка — превратился в американского народного героя и был как принят социально, так и вознагражден в финансовом плане. Сэмюэль Морзе (Samuel Morse), изобретатель телеграфа, мог бы быть первым примером; Томас Эдисон (Thomas Edison) стал наиболее выдающимся. В Европе «бизнесмен» долго оставался социально неполноценным, но инженер с университетским дипломом стал к 1830 или 1840 году уважаемым «профессионалом».

К 1850-м годам Англия стала терять в своем превосходстве и ее, как промышленную экономику, начали обгонять сперва Соединенные Штаты, а затем Германия. Широко признано, что ни экономика, ни технология не были основными причинами такого положения. Главной причиной была социальная. Экономически и, в особенности, финансово Англия представляла собой огромную мощь вплоть

до Первой мировой войны. Технологически она могла потягаться с кем угодно на протяжении всего XIX столетия. Синтетические красители, первый продукт современной химической промышленности, были изобретены в Англии, как и паровая турбина. Однако Англия не приняла технолога социально — он никогда не стал там «джентльменом». Англичане создали первоклассные инженерные школы в Индии — и почти ни одной подобной у себя дома. Ни одна другая страна столь не почитала «ученого» — и в самом деле, Британия удерживала лидерство в физике на протяжении всего XIX века, начиная с Джеймса Клерка Максвелла (James Clerk Maxwell) и Майкла Фарадея (Michael Faraday) и до самого Эрнста Резерфорда (Ernest Rutherford). А технолог при этом оставался «торговцем». (Диккенс, например, демонстрировал открытое презрение к выскочке — железных дел мастеру в романе 1853 года «Холодный дом» (Bleak House)).

Англия не взрастила и венчурного капиталиста, который имеет средства и менталитет, необходимые для финансирования неожиданного и недоказанного. Французское изобретение, впервые изображенное в монументальной «Человеческой комедии» (La Comedie humaine) Бальзака в 1840-х гг. , — венчурный капиталист был институционализирован в Соединенных Штатах Дж. П. Морганом (J. P. Morgan) и одновременно в Германии и Японии — всеобщим банком. И хотя Англия изобрела и развила коммерческий банк для финансирования торговли, она не имела аналогичного института для финансирования промышленности, до тех пор пока два немецких беженца — С. Дж. Варбург (S. G. Warburg) и Генри Грюнфелд (Henry Grunfeld) — не основали предпринимательский банк в Лондоне перед самой Второй мировой войной.

Подкуп «работника знания»

Что может быть нужно для того, чтобы предотвратить превращение США в Англию XXI века? Я убежден, что требуется решительное изменение в социальном умысле — так же, как лидерство в промышленной экономике после появления железной дороги требовало решительного поворота от «торговца» к «технологу» или «инженеру».

То, что мы называем информационной революцией, есть в сущности революция знания. Если что и сделало возможным превратить многие процессы в производственную рутину, так только не техника; аналогично и компьютер является лишь «спусковым крючком». Программное обеспечение — это реорганизация традиционной работы, основанной на столетиях опыта, посредством приложения знания и, в особенности, систематического, логического анализа. «Ключ» отнюдь не в электронике, а в науке познания. Это означает, что «ключом» к удержанию лидерства в экономике и технологии, которые вот-вот возникнут, похоже, будут социальное положение профессионалов знания и социальное приятие их ценностей. Для них оставаться традиционными «служащими» и терпеть обращение с собой как с таковыми было бы равносильно обращению Англии со своими технологами как с торговцами (что, скорее всего, будет иметь такие же последствия).

Сегодня, однако, мы пытаемся «сидеть верхом на заборе»: сохранять традиционное умысле, в котором капитал является ключевым ресурсом, а финансист — боссом, подкупая в то же время «работников знания» путем раздачи им премий и фондовых опционов, лишь бы они были удовлетворены своим неизменным положением служащих. Но это, если оно вообще может работать, может работать только до тех пор, пока возникающие отрасли используют достоинства бума на фондовом рынке, как в случае с интернет-компаниями. Будущие главные отрасли, скорее всего, будут вести себя в гораздо большей степени как отрасли традиционные — то есть расти медленно, болезненно, с трудом.

Ранние отрасли промышленной революции — производство железа, хлопчатобумажного текстиля или железные дороги — были отраслями бума, которые в одну ночь создавали миллионеров, подобных бальзаковским венчурным банкирам или диккенсовскому железных дел мастеру, кто за несколько лет вырос из мелкой домашней прислуги в «капитана индустрии». Отрасли, которые появились после 1830 года, тоже создали своих миллионеров. Однако им пришлось потратить на это двадцать лет, и это были двадцать лет тяжелого труда, борьбы, разочарований, неудач и жесткой экономии. Все это, скорее

всего, окажется справедливым и в отношении отраслей, которые будут возникать отныне. Это уже верно в отношении биотехнологии.

Посему подкуп «работников знания», от которых зависят эти новые отрасли, просто не сработает. Ключевые «работники знания» в бизнесе, конечно же, будут продолжать ожидать того, чтобы в финансовом плане получать долю от плодов своего труда. Однако созревание финансовых плодов (если они вообще когда-нибудь созреют), скорее всего, будет занимать гораздо больше времени. И тогда — вероятно, в ближайшие десять лет или около того — станет нецелесообразным ведение бизнеса, имеющего (краткосрочные) «ценности совладельцев» в качестве главной, если не единственной цели и оправдания. Все больше отдача этих новых отраслей, основанных на знании, будет зависеть от умения организовать дело так, чтобы привлекать, удерживать и мотивировать «работников знания». Если это не может больше осуществляться путем удовлетворения жадности «работников знания», как мы сейчас пытаемся делать, это должно будет осуществляться путем удовлетворения их ценностных запросов и передачи им социального признания и социальной власти. Это должно осуществляться путем превращения их из подчиненных в равных по статусу руководителей и из служащих — не важно, сколь высоко оплачиваемых — в партнеров.

Дракер П. За фасадом информационной революции. - www.archipelag.ru

Абсцентиистская собственность - понятие, предложенное Т. Вебленом, но не получившее большого распространения. Обозначает как нематериальные активы, так и "раздутую" спекулятивную стоимость.

Альтиметрический критерий, альтиметрический подход - оценивает принадлежность к элите по факту обладания индивидуумами реальной властью и влиянием, их позиции в формальных органах власти. Без жесткой привязки к их интеллекту и морально-этическим качествам. В настоящее время альтиметрический подход к трактовке термина "элита" является преобладающим, поскольку надежных и проверяемых критериев принадлежности к элите сторонниками ценностного подхода не выработано. Однако такой подход, относящий к элите лиц, возглавляющих важнейшие политические институты стран, несет в себе опасность отождествить формальную и неформальную политические структуры. Вне списка официальных лиц обычно оказываются люди, не занимающие официальных постов, но влияющие на принятие политических решений и на общественное мнение не меньше, а быть может, и больше, чем лица, попавшие в указанный список, что отмечают многие политологи.

Антиглобализм - политическое движение, направленное против определенных аспектов процесса глобализации в её современной форме, в частности против доминирования глобальных транснациональных корпораций и торгово-правительственных организаций, таких как ВТО. Антиглобализм как понятие представляется несколько некорректным. Вернее стоит говорить об альтерглобализме, как продукте взаимодействия различных культур, народов при поиске альтернативных господствующему порядку моделей развития. Борьба идет в основном против глобального неравенства, доминирования ТНК, формирования однополярного мира, загрязнения окружающей среды. Антиглобалисты регулярно проводят в разных странах мира социальные форумы, различные акции протеста. В 1994 году произошло восстание индейцев штата Чьяпас под руководством Субкоманданте Маркоса. Субкоманданте Маркос обратился ко всем известным людям планеты, говоря о смерти ТНК и грядущей четвертой мировой войне. Была создана Сапатистская армия национального освобождения, и в апреле 2001 года Маркос возглавил мирный поход на Мехико. К этому походу присоединились Г.-Г. Маркес, О. Стоун, И. Рамоне, ряд депутатов Европарламента. Тем не менее, принято считать, что антиглобализм зародился во Франции. В июне 1998 года нескольких

французских изданий, общественных ассоциаций и профсоюзов объединились в Ассоциацию граждан за налогообложение финансовых операций, "АТТАК-Франция".

Антиэлита - образное выражение, обозначающее выродившийся деградировавший правящий слой либо социальную группу маргинального и асоциального типа, временно узурпировавшую власть.

Бизнес-элита - высший слой предпринимательно-финансовых групп общества.

Бильдербергский клуб - неофициальная международная организация, трактуемая некоторыми исследователями как тайное мировое правительство. В состав клуба входят политики и представители деловых кругов. Актив этого клуба объединяет 383 человека, из них 128, или одна треть, - американцы, а остальные - европейцы и азиаты (японцы, корейцы, сингапурцы, представители Тайваня и Гонконга). При этом в клуб не входит ни одного русского. Заседания клуба проходят в полной секретности, по особым приглашениям. Организацию совещаний и безопасность участников обеспечивает та страна, на территории которой собираются бильдербергеры - так их стали именовать по названию гостиницы "Бильдерберг" в голландском городе Остербеке, где в мае 1954 г. состоялось первое заседание клуба. Любая встреча бильдербергеров, несмотря на полную секретность, вызывает большой интерес мировой общественности. Штаб-квартира Бильдербергского клуба находится в Нью-Йорке, в помещении Фонда Карнеги.

Большая восьмерка (G-8) - международный клуб, объединяющий правительства ведущих демократических государств мира. Так же называют и неофициальный форум лидеров этих стран (Россия, США, Великобритания, Франция, Япония, Германия, Канада, Италия) с участием Европейской Комиссии, в рамках которого осуществляется согласование подходов к актуальным международным проблемам. "Большая восьмерка" не является международной организацией, она не основана на международном договоре, не имеет устава и секретариата. Решения "восьмерки" не имеют обязательной силы. Как правило, речь идет о фиксации намерения сторон придерживаться согласованной линии или о рекомендациях другим участникам международной жизни применять определенные подходы в решении тех или иных вопросов. Термин "Большая восьмерка" является неправильным переводом "Group of Eight" ("Группа восьми").

Большая шестерка (G-6) - организация-предшественник "Большой восьмерки". Возникла на совещании глав государств и правительств Франции, США, Великобритании, ФРГ, Италии и Японии в Рамбуйе 15-17 ноября 1975 г. В 1976 г. "шестерка" превратилась в "семерку", приняв в свой состав Канаду, а в течение 1991-1998 гг. поэтапно (по схеме "7+1") преобразована в "восьмерку" с участием России. Идея проведения встреч руководителей наиболее промышленно развитых стран мира возникла в начале 1970-х гг. в связи с экономическим кризисом и обострением отношений между США, Западной Европой и Японией по экономическим и финансовым вопросам. Совещание в Рамбуйе состоялось по инициативе тогдашнего президента Франции Валери Жискар д'Эстена. На встрече была принята Совместная декларация по экономическим проблемам, в которой содержится призыв о неприменении агрессии в торговой области и отказ от установления новых дискриминационных барьеров. В дальнейшем встречи проводятся ежегодно.

Бреттон-Вудская система - международная система организации денежных отношений и торговых расчетов, установленная в результате Бреттон-Вудской конференции (с 1 по 22 июля 1944 г.). Название происходит от имени курорта Бреттон-Вудс в США. Система положила начало таким организациям, как Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ). Доллар США стал одним из видов мировых денег, наряду с золотом. Это был переходный этап от Золотого стандарта к свободной конвертации на основе спроса и предложения. Такая система могла существовать лишь до тех пор, пока золотые запасы США могли обеспечивать конверсию зарубежных долларов в золото. Однако к началу 1970-х гг. произошло перераспределение золотых запасов в пользу Европы, а в международном обороте участвовало всё больше наличных и безналичных долларов США. Появились значительные проблемы с международной ликвидностью, так как добыча золота была невелика по сравнению с ростом объемов международной торговли. Доверие к доллару, как резервной валюте, дополнительно падало из-за гигантского дефицита платежного баланса США. Образовались новые финансовые центры (Западная Европа, Япония), и их национальные валюты начали постепенно так же

использовать в качестве резервных. Это привело к утрате США своего абсолютного доминирующего положения в финансовом мире. В 1971 г. Бреттон-Вудская система была отменена.

Бюрократия - (от фр. bureau - бюро, канцелярия и греч. kratos - господство, власть) - под этим словом подразумевается направление, которое принимает государственное управление в странах, где практически все дела сосредоточены в руках органов центральной правительственной власти, действующих по предписанию (начальства) и через предписание (подчиненным). Также под бюрократией подразумевают привилегированный класс лиц, состоящий из агентов центральной правительственной власти, объединенный корпоративными интересами

Вашингтонский консенсус - тип неолиберальной макроэкономической политики. Комплекс соглашений, выработанных совместно мировыми финансовыми организациями и ФРС США с тем, чтобы постепенно отменить меры, принятые государствами по регулированию деятельности финансовых рынков, и со временем добиться полной либерализации действий для этих рынков. Вашингтонский консенсус включает в себя набор из 10 мер, рекомендуемых к применению в странах, испытывающих финансовый и экономический кризис: а) поддержание фискальной дисциплины; б) снижение налогов; в) либерализация финансовых рынков; г) свободный обменный курс национальной валюты; д) либерализация внешней торговли; е) приватизация; ж) дерегулирование экономики и т.д. Термин "Вашингтонский консенсус" был введён в оборот американским экономистом Дж. Уильямсоном в 1989 г.

"Властвующая элита" (power elite) - небольшая группа людей, установившая контроль над диспропорционально большим объемом богатства, привилегий и власти.

Всемирная торговая организация (ВТО) (англ. World Trade Organization (WTO)) - международная организация, созданная в 1995 г. с целью либерализации международной торговли и регулирования торгово-политических отношений государств-членов. ВТО является преемницей Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), заключенного в 1947 г. и на протяжении почти 50 лет фактически выполнявшего функции международной организации.

Всемирный экономический форум (ВЭФ) - международная неправительственная организация, деятельность которой направлена на развитие международного сотрудничества. Форумы проводятся в Давосе (Швейцария). Создан в 1971 году. Членами ВЭФ являются около 1000 крупных компаний и организаций из разных стран мира, в том числе России. Основатель и бессменный руководитель ВЭФ - профессор из Швейцарии Клаус Шваб. Главным мероприятием ВЭФ являются ежегодные встречи. По традиции здесь, в неформальной обстановке, обсуждаются ключевые вопросы современности. В рамках давосских встреч проводится около 300 пленарных заседаний, семинаров и "круглых столов", а также "мини-встречи в верхах" с участием государственных деятелей. Здесь не принимаются резолюции или другие документы, но Форум предоставляет возможность встретиться и обсудить в неформальной обстановке многие ключевые для мировой экономики вопросы, установить новые деловые контакты, провести неофициальные встречи "с глазу на глаз" и "без галстуков". Помимо давосских совещаний, проводятся региональные саммиты ВЭФ. ВЭФ - это не только трибуна для дискуссий, он инициирует экономические и политические исследования. Начало сотрудничества России с ВЭФ было положено в 1986 году. С 1987 года российские делегации постоянно участвуют в ежегодных встречах Форума, регулярно в России проводятся выездные сессии ВЭФ.

Глобализация - процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции, основными характеристиками которого являются распространение капитализма по всему миру, мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты денежных, человеческих и производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение культур разных стран.

Глобализм - идеология сторонников неолиберализма, свободной торговли, теории сравнительных преимуществ, неограниченного капитализма, культурной унификации. Неолиберальная, западноцентричная версия глобализации. С точки зрения содержания в глобализме выражается победа западной, в особенности американской культуры над всеми остальными. Западная миросистема захватывает

в свою орбиту другие народы. Т.н. общечеловеческие ценности фактически рождаются западной, либерально-рыночной демократией. "Новый мировой порядок" - результат ее развития и несогласные с ним рассматриваются как консерваторы, стоящие на обочине цивилизационного процесса, его "изгои". Т.н. "силовой глобализм" предусматривает активное применение военной силы против "изгоев".

Глоб-троттеры - понятие, используемое во многих значениях. Буквально переводится с англ. как "кругосветные путешественники", "люди, много путешествующие по свету". Часто используется для обозначения компаний или частных лиц свободно перемещающихся (кочующих) по миру, либо имеющих глобальные интересы.

Граница факторной цены (в экономике) - кривая, выражающая соотношение между уровнем заработной платы и реальным (рыночным) уровнем дохода на капитал. По ней видно, что с ростом капиталовооруженности труда (т.н. "углублением капитала") уровень реального процента будет падать, а заработная плата будет расти. Т.о. при неизменных, слабо сокращающихся затратах и недостаточно эффективном НТП происходит снижение конечной продуктивности (что может еще усугубляться конкуренцией). Таким образом, норма прибыли должна расти за счет оплаты и объема труда. Близкая к описанной ситуация имела место и в СССР и в западных странах начиная с 1970-х гг.

Группа Всемирного банка (ВБ) (World Bank) - международная организация, создана в 1944 в результате подписания 45 государствами Бреттон-Вудского соглашения. Штаб-квартира всех организаций, входящих в группу Всемирного банка, находится в США. Главной задачей ВБ является содействие устойчивому экономическому росту в развивающихся странах. Приоритетными для ВБ являются структурные преобразования: либерализация торговли, приватизация, реформа образования и здравоохранения, инвестиции в инфраструктуру. Главное преимущество сотрудничества с ВБ для страны-получателя заключается в существенно заниженных по сравнению с другими международными кредиторами процентных ставках по займам. Другая перспективная выгода для получателя помощи ВБ состоит в том, что за кредитами ВБ идут межправительственные кредиты, повышается кредитный рейтинг страны для частных инвесторов. Отличие ВБ от МВФ состоит в том, что ВБ оказывает долгосрочную помощь и только развивающимся странам, а МВФ нацелен на преодоление временных финансовых кризисов в любой стране.

Группа давления - общественное объединение, активно добивающееся удовлетворения собственных интересов или представленных им интересов социальной группы, организации, территории путем целенаправленного воздействия на органы государственной власти (лоббирования).

Группы интересов - преимущественно добровольные объединения, приспособленные или специально созданные людьми для выражения и отстаивания своих властно значимых интересов в отношениях с государством, а также другими политическими институтами. Многообразные группы интересов обладают широким набором ресурсов для воздействия на власть, трансляции нужд и запросов населения до лиц и органов, принимающих политические решения. В качестве таких ресурсов могут выступать их экономические и финансовые возможности, информация или политическое участие их членов, организационные структуры и т.д. Для группы интересов характерно наличие программы.

Демократизация - переход страны к более демократическому политическому режиму. Демократизация может означать переход от авторитарного режима как к частичной демократии, так и к полной, а также переход от полуавторитарной политической системы к демократической. В результате данного процесса может произойти или успешная консолидация демократии или инверсия демократии (например, в Аргентине). Успех процесса демократизации в отдельно взятой стране обусловлен рядом факторов включающих уровень экономического развития, исторический опыт, наличие гражданского общества и др.

Европейский Союз (Евросоюз) - объединение 27 европейских государств, подписавших Договор о Европейском союзе (Маастрихтский договор). ЕС - уникальное международное образование: он сочетает признаки международной организации и государства, однако формально не является ни тем, ни другим. Союз не является субъектом международного публичного права, однако имеет полномочия на участие в международных отношениях и играет в них немалую роль.

"Железный закон олигархии" - принцип теории элит, впервые сформулированный Робертом Михельсом в 1911 году. Он состоит в том, что любая форма социальной организации, вне зависимости от её первоначальной демократичности либо автократичности, неизбежно вырождается во власть немногих избранных - олигархию. Р. Михельс пришёл к выводу, что стремление к олигархии заключено в самой природе социальной организации. Причинами существования этого закона Р. Михельс считал объективную необходимость лидерства, стремление лидеров ставить во главу угла свои собственные интересы, доверие толпы к лидерам и общую пассивность масс. Из железного закона олигархии следует, что демократическое управление невозможно в сколько-нибудь крупных сообществах индивидов. Чем больше организация - тем меньше в ней элементов демократии и больше элементов олигархии.

Закон Сарбанеса-Оксли - федеральный закон, принятый в США в 2002 г., также известный как "Закон о реформе отчета открытых акционерных компаний и защите инвесторов", а также "SOX". Был принят в ответ на ряд скандалов, затронувших такие компании как Enron, Tyco International, Adelphia, Peregrine Systems и WorldCom. Закон устанавливает новые стандарты для Советов директоров и менеджмента открытых акционерных компаний, включая в себя 11 пунктов, варьирующихся от введения новых обязанностей для Советов директоров, до создания нового надзорного агентства (РКАОВ). Президент Дж. Буш назвал этот закон "самой далеко идущей реформой американского бизнеса со времен Ф. Рузвельта".

"Золотой миллиард" - метафора, описывающая имущественное неравенство между населением развитых стран (приблизительно 1 миллиард) и всего остального мира. Под "золотым миллиардом" обычно подразумевают население "развитых" государств - так называемого "первого мира" - входящих в ОЭСР. По мнению некоторых авторов, за термином "золотой миллиард" стоит определённая, целостная геополитическая, экономическая и культурная концепция: развитые страны, сохраняя для своего населения высокий уровень потребления, будут политическими, военными и экономическими мерами держать остальной мир в промышленно недоразвитом состоянии в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов, источника дешёвой рабочей силы. Приверженцы концепции золотого миллиарда также указывают на то, что такие тенденции, как перемещение экономической активности за последние десятилетия, начиная с момента перестройки, в добывающие отрасли промышленности, сокращение населения, постоянно нарастающая зависимость экономики России от экспорта сырья и ввоз иностранных радиоактивных отходов вписываются в вышеназванную концепцию.

Идеальный тип идеальный тип по М. Веберу фиксирует "культурный смысл" того или иного явления, причём идеальный тип становится эвристической гипотезой, способной упорядочивать многообразие исторического материала без привязки к некоторой заранее заданной схеме. Метод идеальных типов был разработан М. Вебером, использовался им в социологических исследованиях. Вводя этот метод М. Вебер решал задачу синтеза таких различных подходов к предмету гуманитарного знания как историцизм и социальный реализм. Теоретический "идеальный тип" в социологии М. Вебера выступает как принцип понимания конкретных исторических явлений.

Идеология - система взглядов, в которой осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, выражающая интересы различных социальных классов, групп, обществ.

Империализм (от лат. imperium - власть, господство) - политика создания масштабных колониальных и экономических империй, экспансионизма, борьбы государства за мировую гегемонию. Термин империализм появился в Англии в 1890-е годы. Империализм есть всемирная система порабощения и колониального угнетения горстью "передовых" стран гигантского большинства населения Земли. Один из ключевых терминов марксизма-ленинизма. В.И. Ленин в своей работе "Империализм как высшая стадия капитализма" показал, что любая капиталистическая система мутирует в стадию империализма для захвата рынков. Признаки: 1) господство транснациональной финансовой олигархии (монополий и корпораций) как антитеза классическому частно-капиталистическому укладу; 2) единая мировая система хозяйства (экономическая мир-система), при которой промышленно развитые страны эксплуатируют колонии и зависимые страны; 3) империалистические войны за рынки сбыта и сырьё.

Имплозия - взрыв, направленный внутрь; обжатие вещества сходящейся концентрической взрывной волной. В политологии под термином "имплозия государства" подразумевается проблема "взрыва" суверенитета в связи с острейшим кризисом государственности в развитых индустриальных обществах, что предполагает поиски новых принципов государственного строительства.

Информационное общество - концепция постиндустриального общества; историческая фаза развития цивилизации, в которой главными продуктами производства являются информация и знания. Особенности: 1) увеличение роли информации и знаний в жизни общества; 2) возрастание доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в ВВП; 3) создание глобального информационного пространства, обеспечивающего (а) эффективное информационное взаимодействие людей, (б) их доступ к мировым информационным ресурсам и (в) удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах.

Информационная революция - обобщенное название совокупности важных социально-экономических и технологических трендов, актуализировавшихся в развитых странах с 80-х гг. XX в. Обозначает с одной стороны стремительное развитие информационных технологий, компьютерной техники и средств коммуникации в конце XX - начале XXI веков. С другой стороны, под термином понимается также полномасштабная трансформация экономики и социальной структуры развитых капиталистических стран: частичная деиндустриализация; переход к экономике, основанной на инновациях, где информация является важнейшим фактором производства; институционализация технократии и пр.

Кейнсианство - макроэкономическое течение, сложившееся как ответ экономической теории на Великую депрессию в США. Основополагающей работой была "Общая теория занятости, процента и денег" Дж. М. Кейнса, опубликованная в 1936 г. Появление экономической теории Кейнса называют кейнсианской революцией. По данной схеме развитые страны успешно строили экономику в течение 25 лет. Лишь в начале 1970-х начали проявляться проблемы макроэкономической политики, обострившиеся в связи с нефтяным кризисом 1973 г. Появление монетаризма, соответственно, называют монетаристской контрреволюцией. Согласно кейнсианству, государство должно регулировать экономику воздействием на совокупный спрос: увеличение денежной массы, снижение ставок процента (стимуляция инвестиционной деятельности). Недостаток спроса компенсируется за счёт общественных работ и бюджетного финансирования. Это, в свою очередь, повлечет рост совокупного предложения товаров и услуг, и общее оздоровление экономики.

Класс (политический) (от лат. classis - разряд) - большие группы людей, по теории марксизма, являющиеся основой, по которой формируется политическая организация общества: "...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства" (Ленин В.И., Полное собрание сочинений, 5 изд., т. 39, с. 15). Деление на антагонистические (непримиримо борющиеся между собою) социальные классы впервые наиболее полно и развёрнуто было разработано в марксизме.

Классовый интерес - прагматические интересы определенного социального класса, осознаваемые его членами и активно артикулируемые и пропагандируемые его ядром. Как отмечал К. Маркс, широко распространена практика подмены общественных интересов классовыми.

Клиентелла - социальная система патрон-клиентных связей, при которой образуются отношения круговой поруки, взаимной поддержки и иерархического подчинения. Как правило, клиентелла выстраивается вокруг какого-либо влиятельного лица (например, занимающего высокую должность) или клана. В политической сфере образование клиентелл чревато коррупцией.

Компрадоры (исп. comprador - покупатель), часть верхнего слоя буржуазии экономически отсталых стран (как колоний, так и независимых) осуществляющая торговое посредничество с

иностранными компаниями на внутреннем и внешнем рынках и тесно связанная с ними. Компрадоры являются экономической и политической агентурой и социальной опорой иностранных государств или компаний. Компрадоры занимают реакционную, антинациональную позицию.

"Конец истории" - концепция американского философа Ф. Фукуямы, изложенная в одноименной статье 1989 г. Автор полагает, что расцвет Западной либеральной демократии означает конечную точку идеологической эволюции человечества и финальную, самую совершенную форму правления. Универсализация Западной либеральной демократии и глобальное распространение ее ценностей как самых совершенных, единственно современных и безальтернативных знаменует собой наступление "конца истории".

Консолидация демократии - успешное завершение демократического транзита, завершившееся построением полноценного и устойчивого демократического общества. Консолидация демократии в любой стране сталкивается с тремя типами проблем: 1) институциональными; 2) контекстуальными; 3) системными и процедурными.

Конспирология (от англ. conspiracy - заговор) - это исследование истории и теории заговоров, совокупность полумаргинальных теорий о тайных заговорах элит. Теория заговора - объяснение события, или ряда событий, или всей наблюдаемой картины действительности заговором, то есть скрытым воздействием, совершаемым с некими тайными целями тщательно законспирированной группой лиц, при этом нанося ущерб (не всегда напрямую) другой группе лиц. Начальной аксиомой конспирологии является идея о существовании тайного общества, члены которого стремятся подчинить себе весь мир и создать совершенно новый порядок, в котором они будут занимать ключевые позиции и безраздельно властвовать. Основы конспирологии заложены эзотерическим традиционалистом, французским философом и беллетристом Р. Геноном. В современной России ведущим пропагандистом конспирологии является А. Дугин

Консьюмеризм - движение граждан или государственных организаций за расширение прав потребителей и усиление их воздействия на продавцов и производителей, обеспечение качества потребительских товаров (услуг) и честной рекламы. В настоящее время термин приобретает второе значение - перепотребление. Потребление становится своего рода пагубной зависимостью. Для человека, страдающего такой зависимостью, товары теряют собственную значимость и становятся лишь символом причастности к некой общественной группе. Идея о возможности достижения социального превосходства через потребление порождает в сознании покупателя веру в то, что сам акт покупки способен доставить большее удовлетворение, нежели собственно продукт, который приобретается.

Контрэлита - оппозиционная часть политической элиты, претендующая на занятие ведущих властных позиций.

Корпоратократия (англ. corporatocracy - "власть корпораций") - форма правления государством или политическая система, при которой могущественные и богатые компании имеют существенное влияние на власть. Термин был введен организацией Global Justice Movement. Дж. Перкинс называет "корпоратократией" "глобальную империю" корпораций и политических элит США.

Космополитизм (от др.-греч. kosmopolitos - космополит, гражданин мира) - идеология так называемого "мирового гражданства", которая общечеловеческие интересы и ценности ставит выше интересов отдельной нации. Крайний космополитизм призывает к отказу от патриотических чувств в отношении страны, но может заменять их аналогичными по отношению к миру, планете Земля. Часто космополитизм встречается лишь в отрицательном смысле, как простое отсутствие патриотизма или привязанности к своему народу и отечеству. Космополиты ставят права и интересы личности выше прав и интересов государства и общества.

Креакратия - постмодернистская теория, согласно которой в постиндустриальном обществе происходит постепенный переход политической власти в руки "креакратов" - неординарных, креативных людей, создающих яркие имиджи политикам и "пишущих и разыгрывающих политические спектакли". Этот переход объясняется виртуализацией современной политической сферы, распространением

политтехнологий и ростом влияния СМИ. В политической сфере можно провести определенные параллели между "креакратами" и политтехнологами.

Лоббизм (англ. lobbyism, от lobby - кулуары) - практика отстаивания интересов в парламенте неправительственными объединениями и финансово-промышленными группами. Иногда ассоциируется с коррупцией во власти или служит её эвфемизмом. Специфический институт политической системы, механизм влияния частных и общественных организаций на процесс принятия решений органами государственной власти по вопросам внутренней и внешней политики. Возник в США (где был принят в 1946 г. специальный закон о лоббизме); ныне существует во всех демократических странах. Сегодня лоббизм делится на формальный (законодательно регулируется и разведён, т.о., с коррупцией) и неформальный.

Марксизм - система связанных между собой: а) философского учения ("диалектический материализм" и созданный на его основе и развивающий материалистический подход к объяснению общественных процессов - "исторический материализм"); б) научных концепций (в первую очередь, в области экономики, социологии, политологии), в) идеологического течения (утверждающего неизбежность и необходимость классовую борьбу и ведущую роль рабочего класса (пролетариата) в развитии современного общества), сформированных Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом в середине XIX века.

Международные межправительственные (межгосударственные) организации - постоянные объединения государств, созданные на основе международного договора в целях содействия решению оговоренных в договоре международных проблем.

Международные неправительственные организации - постоянные объединения национальных союзов, ассоциаций, обществ неправительственного характера для достижения общих целей в области здравоохранения, культуры, образования, науки и техники, благотворительности и т.п. Для признания за организацией статуса международной неправительственной организации, она должна соответствовать следующим требованиям: 1) цель организации - некоммерческая деятельность международного значения; 2) учреждение организации осуществляется в соответствии с внутренним законодательством государства, а не на основе международного соглашения; 3) результативная деятельность организации осуществляется как минимум в двух государствах. В настоящее время в мире существует более 40 000 таких организаций.

Международные организации - постоянные объединения межправительственного или неправительственного характера, созданные на основе международных соглашений в целях содействия решению оговоренных в соглашениях международных проблем. Термин "международные организации" как правило, применяют для обозначения как международных межправительственных (межгосударственных) организаций, так и международных неправительственных организаций. Однако эти организации имеют различную юридическую природу.

Международный валютный фонд (МВФ) (англ. International Monetary Fund, IMF) - специальное агентство ООН, со штаб-квартирой в Вашингтоне, США. МВФ имеет статус специализированного учреждения ООН. МВФ был создан 27 декабря 1945 года на основании разработанного на Бреттон-Вудской конференции ООН по валютно-финансовым вопросам соглашения (Хартии IMF), принятого 22 июля 1944 г. В 1945 году эта Хартия была подписана 29 государствами. IMF начал свою деятельность 1 марта 1947 г. как часть Бреттон-Вудской системы. В настоящее время IMF объединяет 183 государства, а в его структурах работают 2500 человек из 133 стран. IMF предоставляет кратко- и среднесрочные кредиты при дефиците платежного баланса государства. Предоставление кредитов обычно сопровождается набором условий и рекомендаций, направленных на улучшение ситуации. Политика и рекомендации МВФ в отношении развивающихся стран неоднократно подвергались критике, суть которой в том, что рекомендации и условия в конечном итоге не направлены на повышение самостоятельности, стабильности, на развитие национальной экономики, они лишь привязывают ее к международным финансовым потокам. Основные функции МВФ: 1) содействие международному сотрудничеству в денежной политике; 2) расширение мировой торговли; 3) кредитование; 4) стабилизация денежных обменных курсов.

Меритократия - форма правления, опирающаяся на принцип индивидуальных заслуг членов правящей элиты; продвижение во властные и управленческие структуры в соответствии с личными заслугами.

Миросистемный подход - исследует социальную эволюцию систем обществ, а не отдельных социумов, в отличие от предшествующих социологических подходов, в рамках которых теории социальной эволюции рассматривали развитие прежде всего отдельных обществ, а не их систем. В этом миросистемный подход сходен с цивилизационным, но идет дальше, исследуя не только эволюцию социальных систем, охватывающих одну цивилизацию, но и такие системы, которые охватывают более одной цивилизации или даже все цивилизации мира. Этот подход был разработан в 1970-е гг. А.Г. Франком, И. Валлерстайном, С. Амином и Дж. Арриги. В качестве важнейшего предшественника мир-системного подхода, заложившего его основы, обычно рассматривается Ф. Бродель. Согласно И. Валлерстайну, современная миросистема зародилась в т.н. "длинном 16-м веке" (приблизительно 1450-1650 гг.) и постепенно охватила собой весь мир. До этого времени в мире одновременно сосуществовало множество мир-систем. Эти мир-системы Валлерстайн подразделяет на три типа: минисистемы, мир-экономики и мир-империи. Минисистемы были характерны для первобытных обществ. Для сложных аграрных обществ характерны мир-экономики и мир-империи. Мир-экономики представляют собой системы обществ, объединенных тесными экономическими связями, но не объединенные в единое политическое образование. Согласно Валлерстайну, все докапиталистические мир-экономики рано или поздно превращались в мир-империи через их политическое объединение под властью одного государства. Единственное исключение из этого правила - это средневековая европейская мир-экономика, которая превратилась не в мир-империю, а в современную капиталистическую миросистему.

Мондиализм - социальное и общественное движение за объединение мира и его отдельных регионов на федеративной основе с общим и всемирным правительством. Доктрина, согласно которой национальное и государственное как минимум второстепенно, как максимум - не имеет права на существование. Во главу угла ставятся мировая экономика и торговля, которая в идеале должна быть почти абсолютно свободна от ограничений национальными правительствами. Вес конкретной страны в мире определяется исключительно ее экономикой. Национальные традиции не имеют права на существование или по крайней мере являются второстепенными, "общечеловеческие ценности" имеют над ними приоритет. От понятия "суверенитет" отходят, страны подчиняют разного рода надгосударственным структурам (ООН, НАТО, ВТО, ЕС), цель подчинения - обеспечить свободу торговли и "общечеловеческие ценности", а также отсутствие военных конфликтов. Особую роль играют финансовые надгосударственные структуры - Всемирный Банк и МВФ, которые, возможно, и есть "мировое правительство" времен мондиализма, в силовом вопросе опирающееся на военную машину США. Военная сила применяется практически только в адрес стран, находящихся вне мондиалистской системы ("страны-изгои") или же нарушивших какие-то ее требования. По мнению ряда исследователей, современный Запад является мондиалистской системой с доминированием США, национальные интересы которых практически совпадают с установлением мондиализма во всем мире.

Мягкие деньги ("Soft money") - механизм финансирования предвыборных компаний в США. В отличие от "твердых денег" (прямых взносов, ограниченных законом), "мягкие деньги" - средства, собранные волонтерами с частных лиц и компаний. При этом суммы не фиксируются, а их траты не регулируются. "Мягкие деньги" собираются т.н. группами "527" (названными так по статье 527 "Внутреннего Кодекса о Доходах") - организациями, которые выступают с инициативой дополнительной агитации за кандидата. Де-юре эти группы не имеют никакого отношения к кандидату.

Научно-техническая революция (НТР) - коренное качественное преобразование производительных сил на основе "революционных" достижений науки и техники. Черты НТР: 1) универсальность, всеохватность: задействование всех отраслей и сфер человеческой деятельности; 2) чрезвычайное ускорение научно-технических преобразований: сокращение времени между открытием и внедрением в производство, постоянное устаревание и обновление; 3) повышение требований к уровню

квалификации трудовых ресурсов: рост наукоемкости производства; 4) военно-техническая революция: совершенствование видов вооружения и экипировки.

Неоколониализм - система неравноправных экономических и политических отношений, навязываемая империализмом странам, освободившимся от колониального господства и вступившим на путь самостоятельного развития. В результате ликвидации колониальной системы, в основном, закончен территориальный раздел мира. Неоколониализм же - борьба за экономический передел мира, за создание новых политических, экономических и военно-стратегических сфер и зон влияния. Факторами, обуславливающими неоколониализм считают последствия НТР, всё более увеличивающийся разрыв в экономическом развитии и научно-технических достижениях разных стран. Неоколониализмом, в частности, называют предоставление кредитов и субсидий через международные финансовые организации с целью подчинить экономику страны, вмешательство во внутренние дела этих стран, организацию переворотов и "цветных" революций, разжигание национальной розни, спекуляцию понятиями демократия, права человека, свобода слова, военное давление, открытую военную интервенцию. Среди "мирных" явлений неоколониализма особенно часто упоминается использование "колоний" в качестве аграрно-сырьевых придатков развитых стран, а так же превращение развивающихся стран в "производственные придатки", перенос наименее рентабельных или загрязняющих окружающую среду производств в эти страны, получение больших прибылей за счёт большого количества низкооплачиваемой рабочей силы.

Неолиберализм - направление политической экономии и философии, возникшее в 1930-е гг. и достигшее своего расцвета в конце 1980-х - 1990-х гг. XX в. В отличие от либерализма, не отрицает полностью государственное регулирование экономики, рассматривает свободный рынок и неограниченную конкуренцию как основное средство обеспечения прогресса возможного прежде всего на основе экономического роста, который измеряется ВВП. Связывается с наступлением "второй эры глобализации". Неолиберализм сформировался в качестве оппозиции развитию в середине XX в кейнсианства. Теоретически основания неолиберализма связаны с монетаризмом, трудами М. Фридмана, Р. Филлипса, Р. Манделла, А. Флеминга и других. Его ведущая идея - интенсификация и всемерное распространение свободного рынка, как экстенсивно - в международном масштабе, так и интенсивно - на все сферы жизни общества. Таким образом, неолиберализм проявляет принципиальное родство с глобализацией, особенно в экономической сфере. Экономическая политика неолиберализма заключается прежде всего в полном отрицании протекционизма. Политическая экономия неолиберализма лежит в основе принципов деятельности МВФ, Всемирного банка и ВТО. Социальная концепция основана на рыночной интерпретации всех типов общественных связей, нации и государства на мировом рынке также выступают в роли предприятий. С точки зрения философии неолиберализма, существование и функционирование рынка обладает самоценностью, а его этическая концепция возвращается к меркантилизму.

Неправительственные организации (НПО) - легальные организации созданные частными лицами без участия правительства. В России насчитывается более 277 тыс. НПО.

Неформальная экономика - совокупность форм хозяйства или секторов экономики, противостоящих государству и формализованным субъектам рынка. Это социальная экономика, характеризующаяся такими признаками как нацеленность на выживание, а не на накопление капитала, нацеленность на обеспечение занятости, а не максимизацию прибыли, "незащищенный" труд, незарегистрированное предпринимательство, нелегальность или полунелегальность, этничность, семейные производственные единицы и др.

Новые кочевники (нео-номады) - в концепции Ж. Аттали, это современные элиты, а также часть буржуазии, не привязанные к отдельным странам и культурам и свободно перемещающиеся (кочующие) по миру в поиске оптимальным условий для себя, своего досуга, бизнеса и пр.

Номенклатура (лат. nomenclatura - перечень, роспись имён). Перечень наиболее важных должностей в бюрократической системе управления. Система формирования советской правящей элиты по принципу гильдий; партийная бюрократия, формируемая через систему аппаратных механизмов продвижения на управленческие должности. Термин широко употреблялся в годы "холодной войны" по отношению к совокупности лиц, занимающих высокие должности в СССР, кандидатуры на которые

предварительно рассматривались, рекомендовались и утверждались органом Коммунистической партии соответствующего уровня.

Общество риска - концепция А. Гидденса и У. Бека. Концепция "общества риска" указывает не на то, что в современном обществе растёт уровень риска, а на то, что современное общество находится в постоянной готовности к различным угрозам. Таким образом, риск понимается, как необходимость сталкиваться с угрозами и бедствиями, обусловленными процессом модернизации. Риски в современном обществе обусловлены не обезличенной природой, но самой деятельностью человека. Т.о. общество риска, это общество - само порождающее (производящее) риски, и соответственно страдающее от них ("эффект бумеранга").

Олигархия - форма правления, при которой органы власти подчинены (контролируются) небольшой группе людей, обладающих крупной собственностью и финансовыми ресурсами и действуют в соответствии с их личными интересами, а не всеобщим благом.

Организация Объединённых Наций (ООН) (англ. United Nations) - международная организация, созданная для поддержания и укрепления международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами. Основы её деятельности и структура разрабатывались в годы Второй мировой войны ведущими участниками антигитлеровской коалиции. Окончательный текст Устава ООН был принят на конференции в Сан-Франциско и подписан 26 июня 1945 представителями 50 государств, вступил в силу 24 октября 1945. Дата вступления Устава в силу отмечается как День Организации Объединённых Наций. Сейчас членами ООН являются 192 страны.

Организация экономического развития и сотрудничества (ОЭСР) - международная межправительственная организация, в которую входит большинство экономически развитых стран мира. На долю ОЭСР приходится около 60% мирового ВВП. В 1960-е состав и географические рамки ОЭСР расширились, и сейчас в организацию входят 30 государств, в том числе большинство государств - членов ЕС. В работе организации также принимает участие на правах отдельного члена Европейская Комиссия (орган Евросоюза). Россия не входит в ОЭСР.

Открытое общество - общество с динамической социальной структурой. Концепция открытого общества была изначально создана Анри Бергсоном. Затем она была подробно разработана Карлом Поппером, который объединил философию открытого общества со своей философией научной рациональности. Открытое общество в понимании К. Поппера полностью демократично. Оно не является неограниченным капитализмом, но и не основано на марксизме или анархии. К. Поппер ставит задачу ограничения свободного рынка и одновременно задачу уменьшения влияния государства; видимое противоречие между этими задачами он называет "парадоксом государства". Он предлагает перевести общество на научную организацию, при этом государство не должно принуждать граждан "к чему-либо, даже к счастью". Открытое общество не придерживается какого-либо господствующего воззрения, а содержит в себе массу разнообразных, иногда противоположных друг другу, принципов. В этом обществе люди толерантны ко всем воззрениям, потому что они знают: истины нет, так что концепции сменяют друг друга с калейдоскопической частотой. По мнению Поппера, это не даёт людям объединиться вокруг одной какой-либо философии (или религии), что могло бы привести к тоталитаризму.

Офшорная зона - государство или его часть, в пределах которой для компаний-нерезидентов определяется особый режим регистрации и деятельности. В офшорной зоне: 1) упрощен и ускорен процесс регистрации нерезидентов, при которой уплачивается чисто символическая сумма; 2) по заниженным ставкам уплачиваются нерезидентами налоги с прибыли и подоходный налог с физических лиц; 3) гарантируется конфиденциальность деятельности офшорных компаний, они освобождены от государственного валютного контроля. В целях защиты национального бизнеса офшорным компаниям запрещено заниматься любой предпринимательской деятельностью внутри офшорной зоны. Импортируемые для нужд компаний оборудование и материалы не облагаются таможенными пошлинами. Число зарегистрированных нерезидентских фирм в одном офшоре может достигать нескольких десятков тысяч. В декабре 2003 г. Совет Федерации РФ отменил с 1 января 2004 г. инвестиционную льготу по налогу на прибыль, которую до этого имели право устанавливать местные власти. Тем самым в России упразднены

внутренние офшоры (Калмыкия, Чукотка и др.). Из офшора осталась только Калининградская область, где Налоговым кодексом, установлены льготы для резидентов особых экономических зон.

Парадокс Леонтьева - наблюдение, опровергнувшее теорию Хекшера-Олина при анализе внешней торговли США за 1947 год. Разрешение парадокса Леонтьева состоит в том, что корректное исследование требует не двухфакторной, а многофакторной модели внешней торговли. В. Леонтьев предположил, что доля капиталоемких товаров в экспорте будет расти, а трудоемких сокращаться. В действительности же при анализе торгового баланса США, доля трудоемких товаров не сокращалась. В этом и состояла суть парадокса.

Позиционный подход (метод) - вычленение и изучение членов политической элиты, основанное на предположении, что формальное положение человека в институтах государственной власти и управления и есть основной элитообразующий признак, а политический высший пост - основной признак элитного положения.

"Политический цикл" - впервые внимание к политическим циклам в экономической политике на "периферии" привлекли У. Нордхауз и А. Линдбек. Их смысл в следующем: накануне выборов возрастают правительственные расходы и снижаются налоги, а после выборов имеет место обратный процесс, нередко сопровождающийся коллапсом экономики. Еще хуже, когда сразу же после выборов нетерпеливые победители и поддерживающие их группировки элит и крупного бизнеса требуют немедленного возврата осуществленных ими "вложений" за счет государственного сектора, как это часто бывает в странах "третьего мира" (например, Латинской Америки). Политический цикл присущ всем странам, но свой разрушительный потенциал проявляет, прежде всего, на "периферии", где бедность населения повышает электоральную отдачу на предвыборные издержки, а возможность послевыборного ограничения совокупного спроса существенно ограничена повышенными аппетитами властной элиты - этого вполне достаточно для того, чтобы выборы завершились ускорением инфляции и девальвацией национальной валюты. Не случайно в Мексике все крупнейшие финансовые кризисы последнего времени (1976, 1982 и 1994 гг.) возникали сразу же после завершения президентской кампании.

Постиндустриальное общество - это общество, в экономике которого в результате научно-технической революции и существенного роста доходов населения приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг. Доминирующим производственным ресурсом является информация и знания. Научные разработки становятся главной движущей силой экономики. Наиболее ценными качествами являются уровень образования, профессионализм, обучаемость и креативность работника. Постиндустриальными странами называют, как правило, те, в которых на сферу услуг приходится значительно более половины ВВП. Сейчас к постиндустриальным странам относят США, страны Евросоюза, Японию.

Постмодернизм - социологическая, историко-философская концепция восприятия мира в эпоху постиндустриализма, опирающаяся на недоверие к традиционным реалистическим концепциям, к истинности отражения реальности человеческими органами чувств. Постмодернизм как специфическое явление в истории и социологии был выделен западными исследователями в конце 1980-х гг. В политической сфере манифестируется наступление эпохи постмодернистского общества, характеризующейся фрагментацией власти, кризисом идеологий, виртуализацией политики, транснационализацией, мутацией прежних социальных институтов и пр.

Правящая элита - руководящая часть общества, влияющая на политический процесс не только политическими, но и экономическими, информационными и иными средствами. По смыслу совпадает с термином "правящий класс", включающий политическую, экономическую, военную, культурную элиты.

Праздный класс - понятие, введенное Т. Вебленом в своей известной работе "Теория праздного класса" (1899). В данной книге (высоко оцененной и социологами и экономистами) содержалась первая проработанная критика консюмеризма. Т. Веблен доказывает, что экономическая деятельность движется не только принципом максимальной пользы, но и ценностями, сформировавшимися в первобытную эпоху. Так разделение труда привело к монополизации непроизводительного труда в руках

высших слоев общества, демонстрировавших праздный образ жизни и расточительное избыточное потребление. Этот элитарный признак отличал их от остального общества.

Псевдоэлита, квазиэлита - правящий слой, не выполняющий свои социально-управленческие функции и роли; по составу, уровню моральных и профессиональных качеств своих членов не соответствующий общественным ожиданиям и общепринятым в обществе нормам.

Рекрутирование элиты - формирование, отбор политической элиты. Существуют различные системы рекрутирования. Основные из них - система гильдий и антрепренерская. Если первая является закрытой, т.е. предполагает отбор претендентов на выдвижение из нижележащих слоев самой элиты и их постепенное продвижение, то вторая является более демократичной, открытой для различных социальных групп и основанной на конкуренции и личной компетенции.

Референтная группа - понятие в социологии, обозначающее феномен подражания одной социальной группы другой. Референтная группа рассматривается как образец другими, ориентирующимися на присущие ей образцы поведения, жизненные стандарты, ценности, моду и т.д. и пытающимися их воспроизводить. Как правило, в качестве референтной группы выступает элита. Также хорошо заметна транснационализация этого явления, когда в качестве референтной группы рассматриваются иностранцы.

Римский клуб - международная общественная организация, созданная Аурелио Печчеи в 1968 г., объединяющая представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты. Организация внесла значительный вклад в изучение перспектив развития биосферы и пропаганду идеи гармонизации отношений человека и природы. Одной из главных своих задач Римский клуб изначально считал привлечение внимания мировой общественности к глобальным проблемам посредством своих докладов. Заказ Клуба на доклады определяет лишь тему и гарантирует финансирование научных исследований, но не влияет ни на ход работы, ее результаты и выводы. Получив готовый доклад, Клуб рассматривает и утверждает его, как правило, в ходе ежегодной конференции, нередко в присутствии широкой публики, а затем занимается распространением результатов исследования. Римский клуб организует крупномасштабные исследования по широкому кругу вопросов, но в основном в социально-экономической области. Практические рекомендации учитываются при прогнозировании социально-экономического развития отдельных стран, отраслей промышленности, корпораций и фирм.

Ротация элит - постоянное обновление состава элит и их функций с целью предотвращения их бюрократизации. Отсутствие ротации элиты приводит к ее вырождению.

"Сетевое общество" - "это общество, где ключевые социальные структуры и виды деятельности организованы вокруг электронных информационных сетей" (М. Кастельс).

Сделка РЕПО (англ. repurchase agreement) - сделка покупки (продажи) эмиссионной ценной бумаги с обязательством обратной продажи (покупки) через определенный срок по заранее определенной цене.

Симулякр (от лат. *simulo*, "делать вид, притворяться") - "копия", не имеющая оригинала в реальности. В современном значении слово симулякр введено в обиход Жаном Бодрияром. Симулякр - это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует, видимость. Является ключевым понятием в учении постмодернизма.

Новый мировой порядок (НМП, *Novus Ordo Mundi*) - согласно неоколониальной трактовке понятия, - концепция мирового устройства, являющая собой отображение неоколониализма Запада и его сателлитов. Такая концепция НМП тесно связана с идеей мондиализма, т.к., согласно воззрениям сторонников этой теории, в качестве т.н. "мирового правительства", будут посажены представители конгломерата самых богатых стран мира. Таким образом - это непосредственное внедрение в мировую практику и в общественное сознание идей о том, что всё человеческое общество должно быть разделено на два класса - класс избранных и класс тех, кто их обслуживает. Политическое клише "Новый мировой порядок" нередко используется в различных теориях заговора для обозначения целей тайных обществ. Здесь НМП - это план, при котором властная, созданная с целью политического заговора организация правит миром с помощью автономного мирового правительства, которое должно заменить суверенные

государства и другие формы управления. Исторические и текущие события рассматриваются как шаги, направленные на достижение власти над миром при помощи финансирования политиков, социальной инженерии, контроля над сознанием и основанной на страхе пропаганды.

Социализм - экономическая система, характеризующаяся тем, что процесс производства и распределения доходов находится под контролем общества. Марксизм определяет социализм как общественно-экономическую формацию с преобладанием общественной собственности на средства производства. Марксизм-ленинизм рассматривает социализм как первую фазу коммунизма. Передача собственности на средства производства из частных рук под общественный контроль производится для устранения эксплуатации человека человеком, снижения отчуждения человека от результатов его труда, снижения дифференциации доходов, обеспечение свободного и гармоничного развития каждой личности. При этом сохраняются элементы экономического неравенства, но они не должны являться препятствием для достижения вышеуказанных целей. Иногда социализмом также называют идеологию, которая предусматривает построение социалистического общества.

Социальный дарвинизм (социал-дарвинизм) - антигуманистическая социологическая теория, согласно которой закономерности естественного отбора и борьбы за выживание, выявленные Чарлзом Дарвином в природе, распространяются на отношения в человеческом обществе. Социал-дарвинисты в своих учениях часто использовали мальтузианство, а также положения евгеники для обоснования превосходства наследственных свойств господствующих классов. Социал-дарвинизм не создал научной школы или ярко выраженного политического течения. Данный термин сегодня используется в академической среде для описания антигуманистических и антисоциалистических тенденций в социально-экономической теории.

Средства массовой информации (СМИ, Масс-медиа) - организационно-технические комплексы, которые обеспечивают быструю передачу и массовое тиражирование словесной, образной и музыкальной информации и имеют при этом следующие признаки: 1) массовость (применительно к законодательству РФ, 1000 и более экземпляров для газет, журналов и рассылок); 2) периодичность, которая не должна быть меньше одного раза в год; 3) принудительность: один источник сигнала (вещатель, редакция) - много слушателей. СМИ - это совокупность таких субъектов журналистской деятельности, как: 1) печать: газеты, журналы, альманахи, сборники, бюллетени; 2) телерадиовещание: радио, телевидение, кинопрограммы, видеопрограммы; 3) цифровые издания: издания на компакт-диске; 4) информационные агентства; 5) массовые (1000 и более конкретных адресатов) периодические рассылки с использованием телекоммуникационных сетей (как телефонной, так и сетей ЭВМ, в том числе и SMS-рассылки). СМИ оказывают существенное влияние на политический процесс в странах, политическую культуру и электоральные предпочтения граждан. В последние годы все более заметна глобализация в данной сфере. К СМИ в России не относятся: стенгазеты, малотиражные издания, библиотеки, Интернет в целом: блоги, чаты, форумы, конференции и т.д.

Столкновение цивилизаций (англ. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order) (1996) - историко-философский трактат С. Хантингтона, посвященный миру после Холодной Войны. Эта книга стала продолжением и развитием идей автора, изложенных в его более ранней работе - статье "Столкновение цивилизаций?" (1993). Автор выдвигает идею многополюсного мира, разделенного не по границе идеологической конфронтации, как во времена Холодной войны, а по границам основных цивилизаций. С. Хантингтон отстаивает идею множественности цивилизаций, основой которых являются язык и религия. Сам автор выделяет 9 цивилизаций.

Субэлита - термин субэлита был введен американским социологом А. Сингхемом. Автор отмечал, что некоторые мелкобуржуазные слои и представители среднего класса рассматривают свое положение как привилегированное по сравнению с "низшими" слоями и вырабатывают мировоззрение, которое можно охарактеризовать не столько как элитарное, сколько полуэлитарное или субэлитарное. Ряд представителей этих социальных слоев с завистью смотрят на элитарное положение "верхов" и с презрением на "социальные низы". Из этих социальных слоев правящая элита вербует свою социальную опору.

Телеология (греч. telos - цель; teleos - достигший цели и logos - учение) - онтологическое учение о целесообразности как характеристике отдельных объектов или процессов и бытия в целом. Ставит перед собой задачу ответить на вопрос "зачем, с какой целью?". Здесь - основная, высшая цель идеологии или движения.

Теорема Хекшера-Олина (модель, теория соотношения факторов производства) - в экономике утверждение, в соответствии с которым страна экспортирует товар, для производства которого используется интенсивно ее относительно избыточный фактор производства, и импортирует товары, для производства которых она испытывает относительный недостаток факторов производства.

Теория зависимого развития (англ. Dependency theory) - совокупность экономических и политических теорий, основанных на положении о том, что экономические ресурсы перетекают из "периферийных" неразвитых стран в пользу "ядра" мировой системы, состоящего из богатых стран. Политика последних в свою очередь направлена на консервацию отсталости и сохранение зависимости стран "периферии". Теория основана на следующих положениях: а) бедные страны открывают свои рынки для богатых, способствуя их обогащению; б) богатые страны проводят активную политику с целью сохранить зависимость разными способами; в) богатые страны активно противодействуют попыткам бедных вырваться из зависимого положения, применяя экономические санкции и военную силу. Многие сторонники теории считают, что наиболее эффективным средством борьбы с диспаритетом в рамках миротехнологической системы являются революции.

Технократия (греч. techno, "мастерство" + греч. kratos, "власть") - социально-политическое устройство, опирающееся на социальные институты науки и техники; преобладание в составе правящей элиты высших функционеров производства и научно-технической сферы, приводящее к формированию технократического стиля и подходов к социальному управлению. В широком смысле - совокупность теоретических философских концепций, возвышающих социально-преобразующую роль техники в современном обществе.

Технократы - высококвалифицированные специалисты в области техники и технологии, которые осознают, что большинство значимых социальных проблем можно решить с помощью технологически ориентированных методов. Г. Ньяльсон высказал мысль о том, что технократы в первую очередь руководствуются своим рациональным мышлением и только затем собственными интересами. Их деятельность и увеличивающийся успех их идей являются ключевым фактором распространения современной технологии, а также идеологической концепции "информационного сообщества". Технократов можно разделить на две группы: "экономкраты" и "бюрократы". Технократия - это разновидность элитизма, где управляющая элита состоит из самых высококвалифицированных. Эта элита выбирается в большей степени по принципу наибольшей профессиональной подготовленности, вместо демократических выборов и других возможных способов. Технократические идеи пользовались популярностью у футуристов.

Транзитология - дисциплина, изучающая процесс изменения политического режима в стране, преимущественно переход от авторитарного политического режима к демократическому.

Транснациональная компания (корпорация) (ТНК) - компания (корпорация), владеющая производственными подразделениями в нескольких странах. По другим источникам определение транснациональной компании звучит так: компания, международный бизнес которой является существенным. ТНК часто делятся на три больших группы: 1) Горизонтально интегрированные ТНК - управляют подразделениями, расположенными в различных странах, производящих одинаковые или подобные товары. 2) Вертикально интегрированные ТНК - управляют подразделениями в определенной стране, которые производят товары, поставляемые в их подразделения в других странах. 3) Раздельные ТНК - управляют подразделениями, расположенными в различных странах, которые вертикально или горизонтально не объединены.

Транснациональная элита - группа лиц, принимающих стратегически важные решения в масштабе глобального мира, чья компетенция выходит за рамки национальных государств.

Третий мир (развивающиеся страны) - те страны, которые отстают в своем развитии от индустриально развитых стран Запада со свободным рынком (Первый мир) и индустриально развитых бывших социалистических стран (Второй мир). Изначально термин относился к странам, которые во время Холодной войны не относились ни к Первому миру (НАТО), ни ко Второму миру (Варшавский договор). Страны Третьего мира наиболее бедные, что измеряется по уровню дохода в них на душу населения, и сконцентрированы в основном в Азии, Африке, и Латинской Америке. В странах Третьего мира живет 75% населения Земли, но они потребляют только 20% ресурсов. Средний доход на душу населения в Северном полушарии более чем в 20 раз выше, чем в Южном. Иногда беднейшие страны Африки выделяют в четвёртый мир. В целях привлечения внимания к сотрудничеству между развивающимися странами Генеральная Ассамблея ООН установила День сотрудничества Юг-Юг ООН.

Третья волна демократизации - термин, предложенный С. Хантингтоном для описания глобальной тенденции имеющей место с 1974 г. С этого периода более 60 стран в различных регионах мира пошли по пути демократизации.

Трёхсторонняя комиссия (Trilateral Commission) - международная организация, объединяющая усилия Северной Америки, Западной Европы и Азии (в лице Японии и Южной Кореи) в подходе к главным мировым проблемам. Называется некоторыми политологами основным центром глобального управления современным человечеством. Трёхсторонняя комиссия была организована в июле 1973 г. Нью-Йоркскими банкирами. Организацию возглавили владелец "Чейз Манхэттен Бэнк" Д. Рокфеллер (президент) и З. Бжезинский (исполнительный директор). Первоначально основывалась для поощрения кооперации между США, Европой и Японией. Цель - поддержка мировой гегемонии США. Первоначально членами было выбрано 200 человек, из которых 1/3 японцы, 1/3 американцы и 1/3 европейцы. Три штаб-квартиры: в Вашингтоне, Париже и Токио. В настоящее время количество участников расширено до 376. В состав комиссии входят политики, банкиры, директора крупнейших предприятий. Важность Трёхсторонней комиссии подтверждает и тот факт, что представители данного общества всегда присутствуют в высших политических кругах мира. Например - Дж. Картер, Дж. Буш старший, Б. Клинтон. Своей целью они ставят обсуждение мировых проблем, поиск их решения, и как выразился сам Рокфеллер - "Управление миром".

Федералист - "Записки Федералиста" - сборник из 85 статей в поддержку ратификации Конституции США. Статьи выходили с октября 1787 по август 1788 в нью-йоркских газетах The Independent Journal and The New York Packet. Сборник всех статей под заглавием Федералист увидел свет в 1788. Федералист считается не только ценнейшим источником толкования Конституции США (в сборнике значение положений Конституции разъясняется самими её авторами), но и выдающимся философским и политическим произведением. Авторы: А. Гамильтон, Дж. Мэдисон, Дж. Джей.

"Фермонт отель" - знаменитый отель в Сан-Франциско (США). Символ "роскошной жизни", именно в нем снимался фильм по роману А. Хейли "Отель". В сентябре 1995 г. там произошла историческая встреча представителей мировой элиты, которые обсуждали будущее занятости населения мира и соответствующую модель будущего общества. На встрече было принято решение о том, что глобальная экономика в перспективе требует невиданной раньше армии безработных, что было зафиксировано в концепции будущего "общества 20:80" и понятии "титттейнмент" (З. Бжезинский).

Фьючерс (фьючерсный контракт) (от англ. futures) - производный финансовый инструмент - стандартный срочный биржевой контракт купли-продажи базового актива, при заключении которого стороны (продавец и покупатель) договариваются только об уровне цены и сроке поставки актива, и несут обязательства перед биржей вплоть до его исполнения. Купля-продажа условий будущих контрактов с фиксацией их сроков.

Хедж-фонд (англ. hedge fund) - частный, не ограниченный нормативным регулированием инвестиционный фонд, недоступный широкому кругу лиц и управляемый профессиональным инвестиционным управляющим. Американские хедж-фонды по закону имеют право обслуживать только профессиональных инвесторов, с первоначальным взносом не менее \$5 млн. для частных инвесторов и \$25 млн. - для институциональных квалифицированных инвесторов. "Неограниченность нормативным регулированием" означает нелимитированность стратегии и нелимитированность маржинального плеча.

Появление первых хедж-фондов относится к началу 90-х годов XX в. Тогда, среди инвестиционных институтов выделился новый тип фондов, занимавшихся предсказанием экономических и политических событий и исходя из этого формировавших свой инвестиционный портфель. Широко известным стал хедж-фонд Дж. Сороса Quantum, игравший на понижение английского фунта стерлингов. В итоге в 1992 г. произошла девальвация английской валюты, а фонд Сороса заработал на этом \$1 млрд. Наиболее популярным местом расположения фондов является Лондон, на который приходится 31% этого рынка, затем следуют США с 27%. В мире насчитывается 950 хедж-фондов управляющие активами \$110 млрд, специализирующихся на развивающихся рынках. Только в 2007 г. эти фонды дополнительно привлекли \$9 млрд. новых денег. В России хедж-фонды пока не появились.

Циклы Кондратьева - длинные волны экономической конъюнктуры. Повторяющиеся синусоидные циклы развития мировой капиталистической экономики. Н. Кондратьев первым пришел к выводу о существовании больших циклов в развитии капитализма, они неравномерны по времени и занимают обычно по 40-60 лет, воспроизводя одну и ту же динамику. Сначала наблюдается "повышательная волна" (А - фаза) - производство, цены и прибыли устойчиво растут, причем рост производства опережает рост инфляции, кризисы оказываются неглубокими, а депрессии непродолжительными. Затем наступает период спада - "понижательная волна" (В - фаза). Рост экономики неустойчив, кризисы становятся более частыми, депрессии затяжными", периоды подъема сменяются длительными периодами застоя. Смена цикла мировой капиталистической экономики неизбежно затрагивает и все страны. Как указывает Н. Кондратьев, каждый "кондратьевский цикл" связан с обновлением технологий, после того как возможности повышения эффективности в рамках используемых научно-технических принципов исчерпаны, через некоторое время наступает эпоха НТР, дающая начало новой волне.

Эгалитаризм (фр. egalitarisme, от egalite - равенство) - концепция, предлагающая создание общества с равными возможностями по управлению и доступу к материальным благам всем его членам. Противоположность элитаризму. Может рассматриваться как разновидность утопического социализма, основывающегося на всеобщем уравнивании как основе социальной жизни. В социологии семьи эгалитаризм признаёт за супругами равные права в самореализации.

Элита (политическая) (от фр. elite - лучшее, отборное) - неотъемлемая и важная часть любого социума. Круг людей, обладающий высоким общественным положением. Осуществляет функции управления социумом, а также выработки новых моделей (стереотипов) поведения и ценностей, позволяющих социуму приспособляться к изменяющемуся окружению.

Элитаризм - это концепция необходимости разделения общества на элиту и массу. Согласно этой концепции отсутствие такого разделения - признак неразвитости общества. Элита в таком понимании закрыта, её члены не приемлют или презирают чужаков. Элитаризм предполагает ограничение вертикальной мобильности в обществе и межклассового диалога, пренебрежение к "социальным низам и рост стратификации и неравенства. Элитаризм - аристократическое и глубоко консервативное мировоззрение.

Элитизм - идеология, возникшая в Италии в начале XX века, развивающая идеи Н. Макиавелли об управлении государством. По ней общество состоит из элиты, управляющей его деятельностью, и народа-массы. Соответственно элитизму, элита могла лепить из массы, что угодно, а развитие общества определялось исключительно умением "гончаров". Таким образом, элитизм - также вид социальной дискриминации, проявляющейся в форме развития одних людей за счёт других.

Этос - стиль жизни какой-либо общественной группы, ориентация ее культуры, принятая в ней иерархия ценностей. В этом смысле этос выходит за пределы морали. Этос, в отличие от морали, концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни.

Bail out (англ. - выручать из беды, помогать) - экономический термин, используемый для описания ситуации, когда обанкротившееся или находящееся на грани банкротства предприятие или банк получает финансовую помощь, для того, чтобы рассчитаться по своим краткосрочным обязательствам.

Внешние финансовые вливания возможны и в случае краткосрочных или внезапных проблем компании, кризиса ликвидности и пр. Часто осуществляется правительством или консорциумом инвесторов.

Government relations (GR) - взаимоотношения с государственной властью, создание и поддержание рабочих контактов с государственными органами, отстаивание интересов бизнеса в органах власти. Специалисты по GR, как правило, обладают обширными связями. Главная задача GR посредством хорошо установленных контактов решать проблемы с государством и создавать новые возможности для бизнеса. Часто ставят знак равенства между GR и лоббизмом. Однако, если лоббизм - это определенная технология по взаимодействию с органами государственной власти, то GR - организационная деятельность по управлению взаимоотношениями с госорганами.

Абрамович, Роман Аркадьевич (род. 24 октября 1966) - крупный предприниматель; во второй половине 1990-х гг. входил в ближнее окружение семьи президента Б. Ельцина; с 24 декабря 2000 по 3 июля 2008 - губернатор Чукотского автономного округа; с начала 2000-х гг. постоянно проживает в Великобритании. Согласно ежегодному рейтингу богатейших людей мира, опубликованному американским журналом Forbes в марте 2007, состояние Абрамовича, который занимал в списке 16-е (самое высокое из российских бизнесменов) место, оценивалось в 18,7 млрд. долл.; в апреле 2008 года - в 24,3 млрд, третье место в российском списке после О. Дерипаски и А. Мордашова.

Аттали, Жак - французский философ и экономист. Приобрел особую известность в 1981 г., благодаря высокому положению в окружении Президента Франции. Является членом Бильдербергского клуба. В 1991 г. стал первым Президентом "Европейского Банка Реконструкции и Развития". Автор десятка книг. В книге "Линии горизонта" Жак Аттали разбирает эволюцию нашего общества, взятого на мировом уровне, на будущую четверть века, а также исследует сущность его экономической, политической, социальной и идеологической организации. По мнению Жака Аттали, демократия - это наилучшая политическая система, Торговый Строй - двигатель прогресса, всемогущество денег - самый справедливый порядок правления.

Бек, Ульрих (род. 15 мая 1944) - немецкий социолог. Занимается исследованием модернизации, экологических проблем и процесса глобализации. Ввел в оборот понятия "общество риска" и "Второй модерн". В своих работах У. Бек анализирует проблемы изменения условий труда в мире глобального капитализма, падения значения профсоюзов и космополитизма.

Бжезинский, Збигнев Казимеж (род. 28 марта 1928) - американский политолог, социолог и государственный деятель. Долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США. Советник и член правления Центра стратегических и международных исследований при университете Джона Хопкинса. Автор книги "Великая шахматная доска: Господство Америки и его геостратегические императивы". Широко известен своими взглядами, пропагандирующими мировую гегемонию США.

Бродель, Фернан (24 августа 1902 - 27 ноября 1985) - выдающийся французский историк. Произвел революцию в исторической науке своим предложением учитывать экономические и географические факторы при анализе исторического процесса. Заложил основы миросистемного подхода. Яркий представитель французской историографической школы "Анналы", занимавшейся доскональным изучением исторических феноменов в социальных науках. Самой известной работой Ф. Броделя считается его трёхтомник "Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв.", вышедший в свет в 1979 г. Это широкомасштабное исследование доиндустриального мира, в мельчайших деталях показывающее, как функционировали экономики европейских (и не только) стран в данный исторический период. Особенно подробно в нём характеризуются развитие торговли и денежное обращение, много внимания уделяется также влиянию географической среды на социальные процессы.

Бурдьё, Пьер (1930-2002) - французский социолог и философ, представитель постструктуралистского направления социальной теории, создатель теории социального поля (фр. champ), теории габитуса.

Валлерстайн, Иммануил Морис (род. 28 сентября 1930) - американский социолог и геополитик, один из основоположников мир-системного анализа (наряду с Андре Гундер Франком), один из лидеров современного леворадикального обществоведения. Член редакционного совета журнала "Социальная эволюция и история". Начав научную карьеру как социолог-африканист, И. Валлерстайн с 1960-х стал заниматься общей теорией социально-экономического развития. Разработанная им мир-системная теория опирается на предложенные французским историком Фернаном Броделем принципы комплексного исторического анализа. Она синтезирует социологический, исторический и экономический подходы к общественной эволюции.

Веблен, Торстейн Бунде (30 июля 1857 - 3 августа 1929) - американский экономист, социолог, публицист, футуролог. Основоположник институционального направления в политической экономии. Родился в семье норвежских переселенцев. Основным мотивом творчества Т. Веблена являлась критика современной социальной элиты Америки. Основным конфликтом своего времени Т. Веблен считал противостояние "мира бизнеса" (современной разновидности "праздного класса") и "мира индустрии" (всех занятых производственной деятельностью, среди которых ведущая роль принадлежит инженерно-техническому персоналу). Возможность позитивного социального переустройства Веблен связывал с переходом власти от "бизнеса" к "индустрии", переходом, который произошел бы, по мнению Веблена, в результате всеобщей забастовки инженерно-технических работников. Т. Веблен также явился одним из создателей социологической теории потребления, рассматривая в качестве цели приобретения какой-либо вещи не столько удовлетворение естественных потребностей человека, сколько демонстрацию принадлежности индивида к тому или иному общественному классу. Его работа "Теория праздного класса" вошла в историю как первая научная критика консьюмеризма.

Гаман-Голутвина, Оксана Викторовна (родилась в 1960) - российский политолог, историк, исследователь элит. Ей принадлежат две ключевые работы в отечественной элитологии: "Бюрократия Российской империи".- М., 1997; "Политические элиты России: вехи исторической эволюции".- М., 1998.

Гидденс, Энтони (род. 18 января 1938) - выдающийся английский социолог. Известен своей теорией структуризации и холистическим видением современных обществ. Э. Гидденс считается одним из самых продуктивных социологов нашего времени, он автор 34 книг и более двухсот статей.

Делягин, Михаил Геннадьевич (род. 18 марта 1968) - российский политолог, экономист, публицист. Академик РАЕН, Председатель президиума - научный руководитель Института проблем глобализации, бывший председатель идеологического совета партии "Родина".

Джефферсон, Томас (13 апреля 1743 - 4 июля 1826) - видный деятель Первой американской буржуазной революции, автор Декларации независимости (1776), 3-й президент США в 1801-1809, один из отцов-основателей этого государства, выдающийся политический деятель, дипломат и философ эпохи Просвещения. Т. Джефферсон был главой комитета по созданию декларации независимости. Помимо него, в комитете было ещё 4 человека: Джон Адамс, Доктор Франклин, Роджер Шерман и Роберт Р. Ливингстон. На одной из встреч комитета, эти 4 человека единогласно попросили Т. Джефферсона написать декларацию самому.

Дракер, Питер Фердинанд (19 ноября 1909 - 11 ноября 2005) - американский учёный австрийского происхождения; экономист, публицист, педагог, один из самых влиятельных теоретиков менеджмента XX века. Сформировал теорию о глобальном рынке. Автор концепции "информационного работника". Все ведущие мировые концерны с середины 40-х гг. XX в. живут "по Дракеру". П. Дракер верил, что можно создать экономический прогресс и социальную гармонию. Но, как многие великие создатели, Дракер ужаснулся своему детищу. "Корпорации, которые строились, чтобы стоять как пирамиды, теперь похожи на палатки", - не без скорби признавал он в последние годы жизни.

Зиновьев, Александр Александрович (29 октября 1922 - 10 мая 2006) - выдающийся русский логик, социолог и писатель. До периода перестройки А. Зиновьев был одним из самых ярких критиков Советской системы, в 1978 г. был вынужден уехать из страны. В 1999 г. вернулся на Родину, к

тому времени став апологетом Советского строя. А. Зиновьев признан создателем литературного жанра социологическая повесть.

Калашников, Максим - псевдоним современного российского писателя, военного историка и публициста Владимира Александровича Кучеренко (род. 21 декабря 1966). Основные идеи Максима Калашникова заключаются в создании Русского Братства (сетевая организация развития России и освоения новых технологий). Одной из самых смелых идей М. Калашникова является создание сверхлюдей на базе русских человекоразвивающих технологий. Также этот автор выступает за свержение власти Запада над миром и за выход России в лидеры мирового экономического и технологического развития. Цель Русского Братства - это возрождение России и других бывших республик СССР на основе высоких технологий и следования неаналитической стратегии ("безумной", невозможной с точки зрения строгой аналитики).

Кастельс, Мануэль (род. 1942) - испанский социолог. Считается одним из крупнейших социологов современности, специализирующимся в области теории информационного общества.

Кейнс, Джон Мейnard (5 июня 1883 - 21 апреля 1946) - английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической теории. Кроме того, Дж. Кейнс создал оригинальную теорию вероятностей, не связанную с аксиоматикой Лапласа, Р.Фон Мизеса или Колмогорова.

Кондратьев, Николай Дмитриевич (4 марта 1892 - 17 сентября 1938) - выдающийся русский и советский экономист; с 1905 г. эсер, входил товарищем министра продовольствия в последний состав Временного правительства Александра Керенского; основатель и директор Института конъюнктуры (1920-1928); основоположник теории больших циклов экономической конъюнктуры (большие циклы Кондратьева); репрессирован в 1930 г., заключен в лагерь в 1932; в 1938 умер. Реабилитирован в 1987 г.

Ленин, Владимир Ильич (10 (22) апреля 1870 - 21 января 1924) - революционер, создатель партии большевиков, один из организаторов и руководителей Октябрьской социалистической революции 1917 г., председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР и СССР. Ученый-марксист, философ и публицист, основоположник ленинизма, идеолог и создатель Третьего Коммунистического интернационала, основатель Советского государства. Один из самых известных политических деятелей XX века.

Люксембург, Роза (5 марта 1870/71? - 15 января 1919) - немецкая революционерка польского происхождения, одна из наиболее влиятельных деятелей европейского коммунистического движения. В годы между первой русской революцией и Мировой войной Люксембург начала уделять огромное внимание росту империализма. В течение нескольких лет она вела курсы экономики в партийной школе германской социал-демократической партии. Её монументальная и незаслуженно забытая работа "Накопление капитала" (1913 года) исследует проблему, над которой сам К. Маркс бился в течение свыше двадцати лет.

Макнамара, Роберт Стрэйндж (род. 9 июня 1916) - американский предприниматель и политик-демократ, министр обороны США в 1961-1968 (при Джоне Кеннеди и Линдоне Джонсоне). В бытность президентом "Ford Motor Company" создал автомобиль Ford Falcon - один из самых популярных автомобилей (в первый год было продано около 500 000 машин). Находясь на посту Министра обороны США стал идеологом войны во Вьетнаме. После ухода с должности Р. Макнамара был президентом Всемирного банка с 1968 до 1981. Постоянный член Бильдербергского клуба.

Маркс, Карл Генрих (5 мая 1818 - 14 марта 1883) - философ, экономист, политический журналист. Его работы сформировали основу коммунистического и социалистического движения - марксизм.

Миллс, Чарльз Райт (28 августа 1916 - 20 марта 1962) - американский социолог и публицист. Один из основоположников леворадикального направления в западной социологии, специализировавшийся по проблемам социальной структуры. Наиболее известен как исследователь структуры власти в США. В работе "Властвующая элита" описал доминирование институциональной элиты т.н. "Тройки" (экономической, политической и военной).

Миттал, Лакшми (род. 15 июня 1950) - индийский бизнесмен, основатель и владелец Mittal Group, совладелец крупнейшей в мире металлургической компании Arcelor Mittal. В 2008 г. согласно

рейтингу журнала "Форбс" владел четвертым по величине состоянием в мире (свыше 45 млрд. долл.). Его стальная империя увеличивалась за счет агрессивного поглощения предприятий. Бизнес всегда оставался "семейным" - для управления предприятиями привлекались "свои" люди, преданные основателю, связанные с ним семейными или дружескими связями. Характерной чертой Л. Миттала является стремление непосредственно вести дела с правительственными чиновниками, влияющими на отрасль, и главами государств, полагаясь больше на личные связи, чем на деловой этикет. Л. Миттал, единственный бенефициар своей компании, считает необходимым жесткий контроль за издержками и максимальную нацеленность на прибыль. Поэтому в странах, ориентированных на социальную защиту служащих, Mittal уже столкнулся с выступлениями рабочих на купленных им заводах.

Михельс, Роберт (9 января 1876 - 3 мая 1936) - немецкий социолог, ученик Вернера Зомбарта, Гаэтано Моски и Макса Вебера. Внёс существенный вклад в разработку теории элит. По национальности немец, в 1926 году принял итальянское гражданство. Выдвинул т.н. "железный закон олигархических тенденций" в демократии, утверждавший необходимость "активного меньшинства" (элиты) и отвергавший господство масс. Вначале социалист, затем враг марксизма. Основная работа - "Социология политической партии в условиях современной демократии" (1911) - подверглась критике В. Ленина. В ней Р. Михельс выдвинул "железный закон олигархии", согласно которому "прямое господство масс технически невозможно" и потому любой режим неизбежно вырождается во власть немногих избранных - олигархию.

Моска, Гаэтано (1858-1941) - итальянский юрист и социолог. Концепция Г. Моски о "политическом или правящем классе" - разновидность теории элиты. Демократию считал расширенной аристократией. Критиковал фашизм.

Панарин, Александр Сергеевич (26 декабря 1940 - 25 сентября 2003) - русский философ, критик американоцентричного глобализма. Доктор философских наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Панарин А.С. прошёл путь от либерального диссидента советских времён к русскому философу-патриоту эпохи рубежа второго и третьего тысячелетий.

Парето, Вильфредо (1848 - 1923) - итальянский инженер, экономист и социолог. Один из основоположников теории элит. По мысли В. Парето, общество имеет пирамидальную структуру, на вершине которой находится элита - социальный слой, руководящий и направляющий жизнь всего общества. Залог успешного развития - своевременная ротация (обновление) элиты.

Паршев, Андрей Петрович (род. 16 февраля 1955) - современный российский публицист, автор широко известной в России книги "Почему Россия не Америка". В 1999 г. выпустил книгу "Почему Россия не Америка", в которой впервые с начала реформ в книжной форме привёл тезисы, что, ввиду особенностей российской экономики, для России непригодна модель реформ, предлагавшаяся в то время Международным валютным фондом. Ранее об этом были лишь статьи С.Г. Кара-Мурзы, Л.Г. Малиновского, А.И. Орлова и др. В 2002 г. написал книгу "Почему Америка наступает", в которой вскрыл мотивы поведения на мировой арене ведущих держав, и, в частности, спрогнозировал неизбежность войны США в Ираке.

Перкинс, Джон (род. 28 января 1945) - американский писатель и общественный деятель. Стал известен благодаря книге "Исповедь экономического убийцы", где раскрыл инсайдерскую информацию об эксплуатации стран третьего мира транснациональными корпорациями, банками и правительством США. Будучи ведущим экономистом консалтинговой компании "Чаз. Ти. Мейн, инк.", Дж. Перкинс признался, что в течение 10 лет был "экономическим убийцей", помогая спецслужбам США и ТНК подкупать и шантажировать представителей элиты других стран, склоняя их к службе американской внешней политике и предоставлению выгодных контрактов американским компаниям.

Поппер, Карл Рэймонд (28 июля 1902 - 17 сентября 1994) - австрийский и британский философ и социолог, стоит в ряду наиболее влиятельных философов науки XX в. Наиболее известен критикой классического понятия научного метода, а также энергичной защитой демократии и принципов социального критицизма, которых он предлагал придерживаться, чтобы сделать возможным процветание открытого общества. К. Поппер был одним из наиболее влиятельных критиков тоталитаризма, который в своём труде "Открытое общество и его враги" (1945 г.) выступил в защиту демократии и "открытого

общества". К. Поппер утверждал, что поскольку процесс накопления человеческого знания непредсказуем, то теории идеального государственного управления принципиально не существует, следовательно, политическая система должна быть достаточно гибкой, чтобы правительство могло плавно менять свою политику. В силу этого, общество должно быть открыто для множества точек зрения (плюрализм) и субкультур ("мультикультурность").

Рейган, Рональд (6 февраля 1911 - 5 июня 2004) - 40-й президент США (с 1981 по 1989), республиканец. 33-й губернатор Калифорнии (1967-1975). Бывший актер. Был приверженцем наименьшего вмешательства правительства в регуляцию экономики. Его экономическая политика - стимулирование производства в сочетании с уменьшением налогов для обеспеченного населения, - позже была прозвана Рейганомикой. Провёл несколько военных операций за рубежом, в том числе на Гренаде и против Ливии. Его администрация была замешана во множестве скандалов, крупнейшим из которых стало дело "Иран-контрас". Придерживался политики "Мир через укрепление", что выражалось в гонке вооружений с СССР, отвергнув предыдущую модель разрядки и перейдя на прямую конфронтацию с коммунизмом. Он назвал СССР "империей зла" и открыто поддерживал антикоммунистические движения по всему миру (Доктрина Рейгана). Позже он провёл переговоры с генеральным секретарем ЦК КПСС М. Горбачёвым о сокращении ядерного арсенала.

Смит, Адам (16 июня 1723 - 17 июля 1790) - шотландский экономист, философ-этик; один из основоположников современной экономической теории. В 1776 г. ученый переехал в Лондон, где опубликовал "Исследование о природе и причинах богатства народов". Эта книга в деталях описывает последствия экономической свободы. В книгу включены обсуждения таких концепций, как laissez-faire, роль эгоизма, разделение труда, функции рынка и международное значение свободной экономики. "Богатство народов" открыло экономику как науку, запустив доктрину свободного предпринимательства. А. Смит изложил интеллектуальную систему, которая объяснила работу свободного рынка и до сих пор является основой экономического образования. Самый известный афоризм А. Смита - "невидимая рука рынка" - фраза, которую он использовал для объяснения эгоизма, как эффективного рычага в распределении ресурсов.

Сорос, Джордж (род. 1930) - американский финансист, инвестор и филантроп. Странник теории открытого общества и противник "рыночного фундаментализма". Последователь идей К. Поппера. Его деятельность вызывает неоднозначную оценку в разных странах и различных кругах общества. Часто его называют финансовым спекулянтом. Считается "человеком, который сломал Банк Англии". В 1979 году Дж. Сорос создал благотворительный фонд "Открытое общество". Сейчас более чем в 25 странах им созданы благотворительные фонды. В конце 2003 г. Дж. Сорос официально свернул финансовую поддержку своей благотворительной деятельности в России. В США его структуры осуществляют целый ряд проектов, самым масштабным из которых является борьба за легализацию наркотиков и внедрение в медицинскую практику марихуаны.

Стиглиц, Джозеф Юджин (род. 9 февраля 1943) - американский экономист. Лауреат Нобелевской премии по экономике (2001) "за анализ рынков с несимметричной информацией". Председатель Совета экономических консультантов при президенте США (1995-1997); Шеф-экономист и вице-президент Всемирного банка (1997-2000). Дж. Стиглиц известен как жёсткий критик рыночного фундаментализма, монетаризма и неоклассической политэкономической школы вообще, а также нелиберального понимания глобализации, политики МВФ в отношении развивающихся стран и либеральных реформ в России, что делает его знаковой фигурой современного антиглобалистского движения.

Тэтчер, Маргарет Хильда (род. 13 октября 1925) - премьер-министр Великобритании (Консервативная партия) в 1979-1990. Первая и пока единственная женщина на этом посту. На этом посту М. Тэтчер предприняла энергичные усилия по реформированию британской экономики и всего общества. Были приватизированы многие государственные компании, сокращено много рабочих мест и изменена система налогообложения с целью повышения эффективности экономики. Активно применялась военная

сила во внешней политике. Решительными действиями М. Тэтчер заслужила прозвище "железная леди" за непреклонное следование избранному курсу, несмотря на критику.

Фукуяма, Фрэнсис (род. 27 октября 1952) - влиятельный американский философ, политический экономист и писатель. Автор нашумевшей статьи "Конец истории".

Хантингтон, Самюэль Филлипс (род. 18 апреля 1927) - известный американский социолог и политолог. В начале научной карьеры получил известность, прежде всего, как исследователь гражданского контроля над вооруженными силами и теории модернизации. Основатель и главный редактор журнала "Международные отношения" (Foreign Affairs). Автор многочисленных работ в области политической модернизации, международных отношений, теории демократии и иммиграции. Большую известность получила его концепция "столкновения цивилизаций", которая описывает динамику современных международных отношений сквозь призму конфликтов на цивилизационной основе.

Хомский, Аврам Ноам (род. 7 декабря 1928) - американский лингвист, политический публицист и теоретик. Автор классификации формальных языков, называемой иерархией Хомского. Его работы о порождающих грамматиках внесли значительный вклад в упадок бихевиоризма и содействовали развитию когнитивных наук. Помимо лингвистических работ, Н. Хомский широко известен своими радикально-левыми политическими взглядами, а также критикой внешней политики правительств США. Н. Хомский является одной из самых известных фигур левого крыла американской политики. Сам Н. Хомский называет себя либертарным социалистом и сторонником анархо-синдикализма.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллин Р. Основы глобалистики. Уфа, 1999. СС. 20-70.
2. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
3. Ашин Г. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998, № 3.
4. Ашин Г., Понделков А., Игнатов В., Старостин А. Основы политической элитологии. М., 1999. СС. 7-12, 84-116.
5. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. СС. 15-45, 52-60.
6. Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс - Традиция, 2001. СС. 14-66.
7. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс - Традиция, 2001. Гл. 1.
8. Берд К. Гигабайты власти. Информационные технологии между свободой и тоталитаризмом. М., 2004. Гл.1,3.
9. Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997.
10. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. Гл. 1,2.
11. Бурдые П. Социология политики. М.: Socio - Logos, 1993. СС. 33-60.
12. Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995, № 4
13. Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 1997. СС. 22-56.
14. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.
15. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. Гл. 1, 5.
16. Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1981. Гл. 1.
17. Гаман - Голутвина О. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. СС. 8-74.
18. Гаман - Голутвина О. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации // Полис. 2000, № 6.
19. Государственная служба (комплексный подход): Учебное пособие. - 2-е изд. - М.: Дело, 2000. СС. 13-30.
20. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. Гл. 1.
21. Делягин М. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: Инфра - М, 2003. Гл. 1,2.
22. Дерлугьян Г. Под длань империи // Эксперт. 2004, № 12.

23. Дракер П. Эра социальной трансформации. www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/leader/transformation/
24. Жирар М. Индивиды в международной политике. М., 1996. СС. 51-57.
25. Зиновьев А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Центрполиграф, 2000. СС. 556-579.
26. Иванов В. Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. М., РУДН, 2007.
27. Иноземцев В. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Полис. 1999, № 5.
28. Ирхин Ю., Зотов В., Зотова Л. Политология: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2001. С. 7-29.
29. Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. СС. 5-42.
30. Калашников М. Конец "революции 1979 г." и начало СССР - 2 // Дуэль, 10.01.2006.
31. Калашников М. Третий проект. Точка перехода. М.: АСТ, Астрель, 2006. СС. 400 - 420.
32. Кара-Мурза С. Россия в глобализирующемся мире // Философия хозяйства. 2001, № 1.
33. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. Иноземцева В.М.: Academia, 1999.
34. Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России. www.archipelag.ru
35. Коллонтай В. О неолиберальной модели глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999, № 10.
36. Костин А. Глобальные проблемы и политические аспекты глобализации // Вестник РУДН, серия политология. 2001, № 3.
37. Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. М.: АЛЬПИНА, 2001. Гл. 1-2.
38. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. Гл. 1.
39. Неоколониализм: сущность, формы, методы. М., 1987. Гл. 1.
40. Никитченко А. Транснационализация демократии (II) "Третья волна" демократизации в свете теорий мировой экономики // Полис. 1999, № 2.
41. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. - М.: МГСУ, 1997. Глава 1. СС. 5-28.
42. Ослунд А. Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США // Отечественные записки. 2005, № 11.
43. Панарин А. Испытание глобализмом. М.: Изд.-во ЭКСМО - Пресс, 2002. Часть 1. Гл. 1,3,4,5.
44. Панарин А. Народ без элиты. М.: Эксмо, 2006. С. 13-45.
45. Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005. Часть 1,3.
46. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992. СС. 215-225.
47. Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992. СС. 18-65.
48. Сардар З., Вин Дэвис М. Почему люди ненавидят Америку? М.: Изд-во Проспект, 2003. Гл. 3,5,7.
49. Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999. СС. 150-160.
50. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М., 2004. Гл.1,2
51. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. Гл. 1,2.
52. Тоффлер О. Метаморфозы власти. М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. Гл.1, 2, 27, 28, 29, 30.
53. Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. СС. 21-41.
54. Уткин А. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. Гл. 2,3,4.
55. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // Pro et contra. 1997, Т.2, № 2.
56. Хелд Д. Глобальные проблемы трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Праксис, 2004. СС. 45-101.
57. Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002. СС. 25-62, 133-176.
58. Хорос В.Г. Глобализация и периферия // Мировая экономика и международные отношения. 1999, № 12.
59. Шаклеина Т. Современные американские концепции мирового лидерства. М.: ИСКРАН, 2000. Гл. 1.

60. Шутов Д. Глобализация и неокOLONиализм // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. трудов каф. философии МПГУ. Вып. XIII, 2002.
61. Nye J. Soft Power: The means to Successful World Politics. NY: Public Affairs, 2004. Ch. 1.
62. Skousen C. The Naked Capitalist. Salt Lake City: Reviewer, 1970. Ch. 1.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев М. Политические партии в российских регионах // Pro et contra. 2000, Т. 5, № 4.
2. Ашин Г. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993, № 7.
3. Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. СС. 23-40.
4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. - Т. 3. - Время мира. М., 1992.
5. Брэдфорд Дж. Бароны-разбойники. // Очерки о мировой экономике. Выдающиеся экономисты мира в Московском Центре Карнеги. М.: Гендальф, 2002.
6. Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется // Социс. 1997, № 1.
7. Василенко И. Политическая глобалистика. М., 2000. СС. 25-75.
8. Ведута Е. Глобализация и стратегическое планирование: Новые подходы к социально эффективному развитию // Обозреватель-Observer. 2003, № 11.
9. Ворожейкина Т. Демократия и экономическая реформа (опыт сравнительного анализа России и Латинской Америки) // Pro et Contra. 1997, Том 2, № 1.
10. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 68-98.
11. Двоскин А. Время креакратии, или креативные технологии как ближние рубежи переходных рынков. www.kreakraria.ru
12. Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание - сила. 1988, № 1.
13. Забелин С., Кортен Д., Медоуз Д., Норберг-Ходж Х., Шуберт К. Глобализация или устойчивое развитие. Сборник статей. Социально-экологический союз, 1998.
14. Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999.
15. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М.: Весь мир, 1997. Гл. 1.
16. Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991.
17. Кондратьев Н. Проблемы экономической динамики. М.: "Экономика", 1989. СС. 21-90.
18. Кузьмин О. Социология общественного мнения. Новосибирск, 1996. С. 25-40.
19. Люксембург Р. Накопление капитала. http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/nakoplenie.html
20. Максименко В. Происходит ли глобализация // Pro et Contra. 1999, № 4.
21. Малькова Е., Фролова М. Массы. Элита. Лидер. - М.: Знание. Сер. философия, 1992. С. 22-56.
22. Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994, № 10.
23. Нейматов Я. Образование в XXI веке. М.: Алгоритм, 2002. Раздел 1.
24. Нудельман Р. Кондратьевские циклы в переводе на "валлерстайновский" // Знание-Сила. 1996, декабрь. http://www.situation.ru/app/j_art_806.htm
25. Осменчонок Э. Современная технократическая идеология в США. М., 1984. Гл. 1.
26. Охотский Е. Политическая элита и российская действительность. М. 1996.
27. Поцелуев С. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999, № 5.
28. Солодухин Ю. Российские средства массовой информации: являются ли они "четвертой властью"? // СМИ в политических технологиях. М.: Энигма, 1995.
29. Талимончик В. Четвертый протокол к ГАТТ и развитие конкуренции на рынке телекоммуникационных услуг. <http://ipp.spb.ru/press/press.php?id=1552>
30. Тарасов А. Молодежь как объект классового эксперимента // Свободная мысль. 1999, № 7, 10, 11.
31. Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. М.: Логос, 2002. СС. 7-55.
32. Цвылев Р. Информационная революция: что она сулит миру // Вопросы философии. 1990, № 1.

33. Шадрин А. Трансформация политических институтов и переход к информационному обществу. <http://www.gallup.spb.ru/journal/archive/journal2/j2r1s1.htm>
34. Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997, № 2.
35. Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Элитические исследования и демократия. М., 1992. Глава 1.
36. Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976, P. 122-130.
37. Burnham J. Managerial Revolution. N.Y., 1941.
38. Creveled van M. The New Middle Ages. N.Y., 2000.
39. Domhoff W. The Power To Be. Process of Ruling Class Domination in America. New Jersey, 1974.
40. Drabkin D. Introduction to the Information Society: from Corfu to Dublin. Bruxelles, 1995.
41. Dye T. Who's Running America. N.Y., 1976
42. Elites in a Democracy. Ed. By P. Bachrach. 1991. PP. 33-29.
43. Harvey D. The new imperialism. Oxford, 2003. PP. 9-34.
44. Sklair L. The transnational capitalist Class, Oxford, Blackwell, 2001. Ch. 1.
45. Wright R. Pax Kapital. N.Y., 2000. Ch. 1,2.

Описание курса

Цели и задачи курса:

1) Познакомить учащихся с современными тенденциями трансформации социально-политической реальности, "сдвига власти" в глобальном масштабе. В настоящее время образуется политика нового типа, прежние методологические схемы оказываются недостаточными для ее адекватного понимания. Признавая существование и широкое распространение транснациональных политических и социальных пространств важно выделять транснациональную элиту, доминирующую в этих сферах. Понятие транснациональной элиты отмечает тенденции, упускаемые другими подходами к элите - принципиальное изменение прежних систем ценностей элит и их мобильности. Так как современные элиты, управляющие становящимся обществом сетевых структур, транснациональны, это лишает национальные государства пространства для маневра, может вести к относительной маргинализации "легальной", институциональной власти, национальной публичной политики, росту влияния альтернативной системы социальной регуляции - "неформальной", десизивной, транснациональной, геоэкономической форм власти. Параллельно этому процессу прогрессирует глобальная экспансия сетевых структур, конфликт между централизованной иерархией и сетевой культурой, между центростремительными и центробежными тенденциями. Взаимопереплетение бизнеса и власти, экономических и политических элит в условиях изменяющейся современности также предполагает определенные риски и негативные социальные процессы, чреватые политическими потрясениями.

2) Подробно и последовательно рассмотреть проблему политической субъектности внеинституциональных социальных образований, к коим в первую очередь относятся различные элитные группы, в том числе и транснациональные. Данный аспект при изучении функционирования системы политического управления в большинстве исследований и учебных курсов, базирующихся на институциональной методологии, как правило, остается вне научного анализа. Между тем без учета политико-элитного контекста, нельзя полностью понять сложные процессы политического властвования. В курсе рассматривается комплекс проблем, связанных со стремлением транснациональной элиты к представительству своих интересов в системе политической власти, а также к созданию и поддержке альтернативных властных структур.

3) Определить новые угрозы национальной безопасности России. Формирование новой мировой элиты требует научного осмысления, поскольку это явление в частности связано с перспективами

политического развития России, вынужденной адаптироваться к новым условиям и искать ответы на новые исторические вызовы. Речь идет о противоречии между транснациональными целями современной политической элиты, определенными современным состоянием мира и национальными интересами России.

Инновационный характер курса по:

- содержанию объясняется недостаточной концептуальной проработанностью темы в силу новационного характера самого феномена. Практическая значимость выбранной проблематики определяется как очевидной актуальностью изучаемого комплекса проблем, так и недостаточной степенью разработанности темы.

Целью настоящего курса является концептуализация феномена транснациональной элиты на основе существующих теоретико-методологических подходов; комплексный анализ особенностей и противоречий процесса становления и утверждения транснациональной элиты в качестве одного из важнейших субъектов политики в современном мире. Предложена собственная методология исследования и объяснения феномена транснациональной элиты и сопряженных с ее возникновением политических, социальных и экономических процессов, основанная на широком спектре научных методов: мироанализе, классовом подходе, теории циклов капитализма Н. Кондратьева, глобализационном подходе, постмодернизме, неокорпоративизме, институционализме, теориях "властвующей элиты", различных политологических и элитологических концепциях.

При создании курса были использованы последние научные достижения в данной области знания. Представленный курс является первым курсом по данной проблематике.

- методике преподавания заключается в широком вовлечении учащихся в обсуждение рассматриваемых проблем в диалогическом интерактивном режиме (на семинарских занятиях). Планируется проведение студенческого круглого стола, посвященного теме курса с последующей публикацией его результатов.

- литературе заключается в введении в оборот значительного числа источников, практически не рассматривавшихся прежде в России. Инновационность состоит также в том, что широкий спектр данных источников никогда прежде не использовался в рамках одного курса. К курсу прилагается обширная и проработанная библиография.

Организационно-методическое построение курса.

Курс состоит из диалоговых лекций, на которых производится обсуждение (критическая оценка) текстов по курсу, подготовка развернутых ответов на вопросы, предложенные преподавателем для обсуждения. Проводится письменное тестирование на основе пройденного материала и по дополнительной литературе. Студенты должны выступать с докладами на выбранную тему и принимать активное участие в их обсуждении.

Условия и критерии выставления оценок:

От студентов требуется посещение лекций, обязательное участие в аттестационно-тестовых испытаниях, выполнение заданий преподавателя. Особо ценится активная работа на занятиях (умение вести дискуссию, творческий подход к анализу текстов, способность четко и емко формулировать свои мысли), а также качество подготовки эссе, контрольных работ (тестов), докладов и итоговое испытание)

Балльная структура оценки:

Формы контроля

Посещение занятий – 20 баллов

Активная работа на занятиях, выступления с сообщениями – 30 баллов

Внутрисеместровая аттестация (в форме тестов на основе пройденного материала и по дополнительной литературе) – 20 баллов

Творческая работа (эссе) - 18 баллов

Итоговое испытание (экзамен) – 20 баллов

Всего – 108 баллов

Шкала оценок:

Кредит	Сумма баллов	Неуд		3		4	5	
		F	FX	E	D	C	B	A
		2	2+	3	3+	4	5	5+
1	36	менее 13	13	19	22	25	31	34
2	72	менее 25	25	37	43	49	61	67
3	108	менее 37	37	55	64	73	91	100
4	144	менее 49	49	73	85	97	121	133
5	180	менее 61	61	91	106	121	151	166
6	216	менее 73	73	109	127	145	181	199
7	252	менее 85	85	127	148	169	211	232
8	288	менее 97	97	145	169	193	241	265
Пояснение оценок								
A	Выдающийся ответ							
B	Очень хороший ответ							
C	Хороший ответ							
D	Достаточно удовлетворительный ответ							
E	Отвечает минимальным требованиям удовлетворительного ответа							
FX	Оценка 2+ (FX) означает, что студент может добрать баллы только до минимального удовлетворительного ответа							

Правила выполнения письменных работ (эссе и контрольных тестовых работ)

Список тем письменных творческих работ (эссе) и докладов предлагается студентам в начале учебного года. Студент вправе выбрать тему из данного списка или предложить свою (согласовав с преподавателем). Не разрешается представлять одну и ту же работу более чем по одному предметному курсу. Вопросы и задания по контрольным работам становятся известны непосредственно при тестировании. Требования к набранным на компьютере творческим работам: один интервал, кегль –14, цитирование и сноски в соответствии с принятыми стандартами, тщательная выверенность грамматики, орфографии и синтаксиса. Текст эссе должен быть не менее 8 и до 12 страниц.

Творческая работа не должна быть реферативного, описательного характера, большое место в ней должно быть уделено аргументированному представлению своей точки зрения студентами, критической оценке рассматриваемого материала и проблематики, что должно выявить их аналитические способности. То же касается и устного выступления–доклада, который должен представлять собой не пересказ чужих мыслей, а попытку самостоятельной проблематизации и концептуализации определенной, достаточно узкой и конкретной темы, связанной с той или иной категорией теории или истории философии религии. Тестирование проводится с тем, чтобы проверить усвоение студентами материала курса, рекомендуемой преподавателем литературы, их умение успешно концептуализировать философский материал, предложенный их вниманию, а также, применять полученные знания на практике, в анализе и в процессе “понимания” философских и религиозных текстов. Поэтому в контрольную работу включены как вопросы, проверяющие собственно степень знакомства и понимания студентами философских текстов, основных понятий философии религии, так и более свободные, творческие задания, рассчитанные на проверку способности студентов к анализу духовных и религиозных феноменов. Объем контрольной работы, включая творческие задания, - 2 академических часа.

Академическая этика

Все имеющиеся в творческой работе (эссе) сноски тщательно выверяются и снабжаются “адресами”. Не допустимо включать в свою работу выдержки из работ других авторов без указания на это, пересказывать чужую работу близко к тексту без отсылки к ней, использовать чужие идеи без указания первоисточника. Это касается и источников, найденных в интернете. Необходимо указывать полный адрес сайта. Все случаи плагиата должны быть исключены. В конце работы дается исчерпывающий список всех использованных источников.

Политические элиты: от национального к транснациональному уровню

Тематический План

ТЕМА I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ

ТЕМА II. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА

ТЕМА III. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

ТЕМА IV. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ЛОГИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

ТЕМА V. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ТЕМА VI. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ЛОГИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

ТЕМА VII. ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЕ

ТЕМА VIII. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК “НОВОЕ КОЧЕВНИЧЕСТВО”: ЛОГИКА ТРАНССОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

ТЕМА I. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ФУНКЦИИ

Этимология и значение термина "элита". Понятие социального пространства П. Бурдьё. Типология элит, как акторов, монополюно обладающих определенными типами капитала: властного, символического, экономического и др. Существование элиты обусловлено действием следующих основных факторов: а) психологическим и социальным неравенством людей, их неодинаковыми способностями, возможностями и желанием участвовать в политике; б) законом разделения труда, который требует профессионального занятия управленческим трудом как необходимого условия его эффективности; в) высокой общественной значимостью управленческого труда и его соответствующим стимулированием; г) широкими возможностями использования управленческой деятельности для получения различного рода привилегий; д) практической невозможностью осуществления всеобъемлющего контроля за политическими руководителями; е) политической пассивностью широких масс населения, главные жизненные интересы которых обычно лежат вне сферы политики. Феномен элитизма: сущность, проявления.

Политическое представительство. Особенности публичной власти. Субъекты (акторы) политики: институциональные, групповые, индивидуальные. Политическая элита: понятие, свойства и функции. Легальность и легитимность политической власти. Теневая и публичная власть. Мафия и коррупция как формы и механизмы теневого правления.

Определения политических элит: как отмечает О. Гаман - Голутвина, если структурно экономическая элита представляет собой сложную систему бизнес-корпораций, то политическая предстает как сложное дисперсное образование, в состав которого входит высший эшелон репрезентирующих государство и институты гражданского общества структур, что предполагает формы внутренней организации: группы давления, корпорации, кланы, клиентелы. Политическую элиту можно определить как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство социальную общность, являющуюся субъектом подготовки и принятия (или влияния на принятие/непринятие) важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом (О. Гаман - Голутвина).

Б. Краснов: политическая элита - это относительно небольшая социальная группа, которая концентрирует в своих руках значительный объем государственной и информационной власти, ее отличают

высокий социальный статус и интеллект. Она обеспечивает интеграцию, субординацию и отражение в политических установках интересов различных социальных групп и создает механизм воплощения политических замыслов.

Современную политику можно определить как властное распределение дефицитных ресурсов под давлением заинтересованных групп. Подобная дефиниция связана с определением роли и места элит в структуре современного политического пространства, понимаемых как категории лиц, обладающих властью (вне зависимости от того, какие факторы обусловили вхождение во власть)

Важнейшая функция элиты, конституирующая ее видообразующий признак, - принятие стратегических решений и обеспечение их трансляции на уровень массового сознания и поведения. Возможность обратного влияния внеэлитных слоев на вершину властной пирамиды определяется параметрами политического развития (особенности политической культуры, исторические традиции политического развития, тип политического развития и т.п.). В условиях патриархальной или подданической политической культуры возможности влияния внеэлитных слоев на решения элиты существенно ниже, чем в условиях активистской культуры.

Специфика элитного рекрутирования (особенности, механизмы, каналы) представляется наиболее значимым аспектом, позволяющим определить доминирующие алгоритмы элитообразования в различных типах общества (гос.аппарат, органы местного управления, армия, спецслужбы, политические партии, религиозные организации, система образования).

Нормативный и структурно - функциональный подходы к политическим элитам.

Политическая элита внутренне дифференцирована. Она делится на правящую, непосредственно обладающую государственной властью, и оппозиционную - контрэлику; на высшую, принимающую значимые для всего государства решения, среднюю, а также административную - служащие-управленцы (бюрократия).

Классификация политической элиты. Альтиметрический подход. Политическая (правящая) элита может традиционно определяться по альтиметрическому критерию, на основе позиционного подхода, т. е. в нее включаются те лица, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения. Он выделяет следующие "сквозные", функциональные группы элиты: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, бизнес-элита. Однако современная политическая реальность ставит под сомнение альтиметрический критерий. Все большее значение приобретают неформальные, теневые механизмы аппроксимации интересов элитных группировок и принятия решений.

Борьба за власть элитных групп, группы давления и интересов, лоббизм. Национальная привязка и идентичность политических элит. Типология административных структур. Типы рекрутирования и ротации элит. Дифференциация элит: образовательный уровень, социальное происхождение, возраст и пр. Элиты как референтная группа.

Идентичность и мотивация элит. Сферы ответственности, этика элиты и бюрократии.

Политическая культура элиты, особенности ее формирования. Специфика и 10 основных принципов госслужбы. Особенности госслужбы США, Франции и РФ. Формальные и неформальные (внешние, внутренние) способы и механизмы контроля над бюрократией. В настоящее время все более обращают на себя внимание новые тенденции.

Особенности ротации и эволюции российской политической элиты: основные современные тенденции.

Вопросы:

1. Обоснуйте необходимость и сущность понятия "политическая элита общества".
2. Дайте характеристику критериев и покажите классификацию политической элиты.
3. Перечислите основных классиков элитологии и назовите их работы.
4. Укажите основные научно-исследовательские подходы к политической элите.

5. Определите сущность и покажите на исторических и современных примерах России и СНГ действие закона элитарного ряда.
6. Назовите наиболее эффективные направления деятельности элиты в условиях реформирования общества.
7. Каковы основания элитистского и эгалитаристского подходов к обществу и его политическому устройству?
8. Какое место играет бюрократическая элита в современной политической жизни? Как отличается ее роль в странах с развитой демократией и в странах "третьего мира"?
9. Какие факторы оказывают существенное воздействие на формирование политической культуры элиты?
10. Какие социальные факторы играют наиболее важную роль в образовании и развитии элит в современном западном обществе?
11. Приведите пример "референтной группы", а также транснациональной "референтной группы".

Литература обязательная:

Ашин Г.К., Понеделков А.В., Игнатов В.Г., Старостин А.М. Основы политической элитологии. М., 1999. СС. 7-12, 84-116.

Гаман - Голутвина О. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М., 1998. СС. 8-74.

Бурдые П. Социология политики. М.: Socio - Logos, 1993. СС. 33-60.

Государственная служба (комплексный подход): Учебное пособие. - 2-е изд. - М.: Дело, 2000. СС. 13-30.

Общая и прикладная политология: Учебное пособие. / Под общей редакцией В.И. Жукова, Б.И. Краснова. - М.: МГСУ, 1997. Глава 1. СС. 5-28.

Ирхин Ю.В., Зотов В.Д., Зотова Л.В. Политология: Учебное пособие. М.: Юристъ, 2001. С. 7-29.

Литература дополнительная:

Ашин Г.К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. 1993, № 7.

Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994, № 10.

Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Элитические исследования и демократия. М., 1992. Глава 1.

Охотский Е. Политическая элита и российская действительность. М. 1996.

Малькова Е.П., Фролова М.А. Массы. Элита. Лидер. М.: Знание. Сер. философия, 1992. С. 22-56.

Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание - сила. 1988, № 1.

Elites in a Democracy. Ed. By P. Bachrach. 1991. PP. 33-29.

ТЕМА II. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА

В заявленных методологических и гносеологических координатах, транснациональные элиты определяются как группы лиц, принимающих стратегически важные решения в масштабе глобального мира, чья компетенция выходит за рамки национальных государств, а также предлагается и обосновывается понятие транснациональной субэлиты. В контексте набирающих силу глобализационных процессов происходит транснационализация мировой элиты, объединение: 1) крупных мировых капиталистов ("новых экономических акторов", прежде всего, крупных собственников, ТНК, финансовых игроков, крупные инвестиционные фонды и т. д.), имеющих свои экономические интересы во многих странах, и локальных олигархов и лиц, действующих в личных или узкокорпоративных интересах; 2) части национальных политических элит, привлеченных новыми для них искушениями и возможностями реализации собственных интересов; 3) части интеллектуальных элит.

Ядро политической глобализации заключается в процессе усиления взаимодействия между национальными элитами, когда на смену относительно устойчивым альянсам в рамках национальных границ и военно - политических союзов приходит гибкая и меняющаяся конфигурация система временных элитных альянсов, преодолевающих государственные рубежи. Проявления этих процессов многообразны. В частности, глобализация сопровождается снижением возможности национальных элит контролировать национальные экономики, а также отчасти сферы политики и культуры, интенсификацией контактов между национальными элитами, обретением ими новых идентичностей, снижением их зависимости перед населением (электоратами) собственных стран.

Вопросы:

1. Дайте определение транснациональной элиты. В чем заключаются основные отличия транснациональной элиты от национальной?
2. Что означает термин "субэлита"?
3. Кто из исследователей-политологов предложил термин "субэлита"?
4. Тождественны ли понятия "транснациональная элита" и "бизнес-элита"?
5. Угрожает ли современным политическим элитам утрата легитимности?

Литература обязательная:

Аболин О. Всемирный и европейский федерализм: вероятные перспективы // ПОЛИС. 1994, № 5.

Дугин А. Конспирология (наука о заговорах, секретных обществах и тайной войне). М., РОФ "Евразия", 2005. Гл. 1,5.

Филимонов В. Электронное рабство: кто "за"? Доклад на "круглом столе" "Цифровая идентификация личности (ИНН, личные коды и др.) как основа глобализационного процесса; ее оценка общественными и религиозными организациями", проведенном комитетом по делам общественных объединений и религиозных организаций Государственной Думы Федерального собрания РФ 22.05. 2001.

Игнатов А. Теневые структуры современности // Независимая газета, 7. 09. 2000.

Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997.

Литература дополнительная:

Колеман Д. Комитет 300. Тайны мирового правительства. М.: Витязь, 2001.

Сулакшин С. Измена. М., 2000. Гл. 1,2.

Назаров М. Вождю Третьего Рима. К познанию русской идеи в преапокалиптическое время. М.: Русская идея, 2004. Часть 1, гл. 1, часть 2, гл. 1.

Бородин С. Манифестация античеловечности. М., 2003. Гл. 1.

ТЕМА III. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОСТИ

В связи с глобализацией актуализировался ряд новых экономических, социальных и политических тенденций. Наблюдается образование транснационального политического пространства - современной организации политической реальности, характеризующейся появлением новых субъектов и новым надгосударственным уровнем принятия решений. Транснациональное политическое пространство является следствием возникновения постиндустриальных обществ и кризиса традиционных национальных государств в условиях глобализирующегося мира. Изменение структурной организации социума, изменение экономических и ценностных приоритетов, возникновение единой мировой экономики повлекло за собой необходимость выхода на политическую авансцену новых акторов, являющихся субъектами мировой политики. К ним следует отнести кроме традиционных государств-наций, межгосударственные и

надгосударственные организации, транснациональные корпорации, общественные и гражданские ассоциации и проч. Создание мировой экономики потребовало и создание мировой политической системы, характеризующейся новым мировым уровнем принятия решений и созданием более прозрачных границ между его традиционными и новыми субъектами.

В настоящее время государство уходит из областей, традиционного ему принадлежащих, отдавая определенные части властного и других ресурсов иным субъектам политического процесса на различных его уровнях. Основными следует считать три: уровень супернациональный, уровень децентрализации власти, уровень деконцентрации власти. Современное государство теряет функции, ему принадлежавшие, поскольку традиционные государственные институты перестают контролировать экономический процесс как в мировом масштабе, так и внутри своих границ. Как следствие, часть государственных функций передается на наднациональный уровень (прежде всего транснациональным структурам, таким как ТНК или межгосударственным организациям - МВФ, МБ, ЕС и проч.). Другая часть традиционно-государственных полномочий передается на уровни территорий и регионов, также становящихся субъектами политико-управленческой деятельности, обладающих определенным властным ресурсом.

Происходит размыв суверенитета национального государства. В то же время, транснациональное политическое пространство не исключает из своей структуры национальные государства, поскольку во многих регионах они остаются наиболее действенными субъектами мировой политики. Однако уже невозможно четко определить границы деятельности других политических акторов, наравне с национальными государствами решающих вопросы об алгоритмах разрешения мировых проблем. Как отмечает Д. Хелд, из состояния "изолированных цивилизаций" или просто международного сообщества государств, мир превратился в глобальную, внутренне взаимосвязанную систему с интенсивными моделями обмена и отчетливыми моделями власти, иерархии и неравенства.

Возникновение транснационального политического пространства, характеризующегося появлением новых субъектов и новым надгосударственным уровнем принятия решений приводит к существенным изменениям роли, статуса, мышления, мотивации и систем ценностей элит. В транснациональной политике важное место занимают частные коллективные акторы, обеспечивающие представительство интересов различных общественных групп, а также крупного бизнеса на различных уровнях. Результатом этого является рассогласование интересов и властный конфликт между национально-государственной политикой и полем деятельности транснациональных элит, когда вследствие распространенных практик глобализации, управленческие органы выносятся за пределы государств, налоги платятся в наиболее благоприятных зонах, материальное производство выносятся в регионы с дешевой рабочей силой и пр. Как следствие этого государства сталкиваются с хроническими бюджетным дефицитом, при возрастающей необходимости решать все проблемы, порождаемой такими действиями: безработицу, кризис социальных программ и пр.

Следует отметить потенциально опасную инверсию политики и экономики: новая экономическая элита заинтересована в инвестициях своих капиталов в политическую сферу по всему миру, чтобы решать свои экономические и стратегические задачи политическими способами. В то же время часть политических элит стремится использовать свой политический и властный капитал для получения максимально возможного экономического капитала.

В связи с исчерпанием прежней социально - экономической модели (общество модерна, индустриализм, социальное государство, роль национальных государств) происходит девальвация традиционных систем и институтов. В данном контексте бизнес-элиты все более ощущают свою независимость и переходят в новое транснациональное пространство, ориентируются на наднациональный уровень принятия решений и даже принуждение политических элит к реализации своих интересов. Возникновение транснациональной элиты связано с возникновением транснационального господствующего класса в рамках капиталистической миросистемы.

Среди атрибутов современных элит следует отметить: антитрадиционный характер, "контрреволюцию капитала", классовые интересы, собственную стратификацию, кочевничество, непрозрачный механизм принятия решений, алчность и обожествление ближайшей перспективы.

Одним из наиболее заметных явлений являются изменения в политической сфере: ослабление роли государства, трансформации логики и этики госслужбы, все более дрейфующей к нормам и правилам, принятым в менеджменте, маркетингизация и виртуализация публичной политики и пр.

В культурно - идеологической среде следует говорить о новой элитарной культуре и идеологии глобализма. Глобализирующийся мир посредством глобализма выстраивается согласно иерархической логике миросистемы. В условиях глобального взаимозависимого мира, основанного на данной структуре, имеет место идеологический монизм: право на существование и легитимность теряют альтернативные модели развития.

Многомерное социальное пространство (П. Бурдьё) и распоряжение элитами социальными капиталами: экономическим, социальным, символическим, культурным, силовым. Актуализация данной проблемы в современных условиях предполагает рассмотрение элит в качестве основных активных субъектов политики, при чем транснациональные элиты играют в шахматы, а национальные (государство) - в шашки (З. Бжезинский).

Увеличиваются возможности для элит в новых условиях конвертировать свою власть из одного социального поля в другое (например, из экономики в политику), власть элит снижается на национальном уровне и возрастает на наднациональном. С одной стороны, постепенное смещение центра принятия решений с национального на наднациональный уровень ослабляет степень влияния на принятие решений общегосударственного масштаба, как рядовых граждан, так и сформировавшихся групп давления (интересов). В условиях глобализации субъекты принятия решений менее доступны и легитимны, а их решения принимаются менее гласно и они менее понятны для общества. Необходимость предварительной тщательной проработки вопросов закономерно приводит к интенсификации контактов между национальными и транснациональными элитами, а также между правительствами разных стран в рамках надгосударственных организаций и взаимных обязательств. Некоторые авторы пишут даже о "всемирной координации правительств". Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных организаций и конференций негосударственных организаций стимулирует формирование взаимозависимых элит. С. Хантингтон отмечает возникновение "Культуры Давоса" и приходит к выводу, что так образуется отчетливо осознающая свою автономность транснациональная элита, слабо подотчетная национальным электоратам, а значит, процессы глобализации усиливают политическую власть элит. С другой стороны, способность политических элит контролировать национальные электораты, не считая манипуляцию и пропаганду, снижается. Принимаемые на наднациональном уровне решения постоянно стимулируют проведение политики, противоречащей интересам большинства населения многих стран. Отсюда - недоверие и ненависть последних по отношению к своим элитам. Как полагает О. Гаман - Голутвина; "опосредованным эффектом глобализации является возвращение элит в состояние неопределенности и высоких рисков, считавшееся нормой в историческом прошлом. ...Таким образом, в условиях глобализации власть элит возрастает на наднациональном и снижается на национальном уровне".

В современном мире растет уровень экономического расслоения и неравенства как между группами стран, так и внутри отдельных обществ, что обостряет социально-экономические противоречия.

Современная ситуация характеризуется недобровольной политизацией всех общественных сфер, вследствие возникновения рисков как доминанты современности. Общество риска политически нестабильно. Недоверие к существующим политическим институтам и организациям растет, что не исключает возврата к авторитарным режимам (О. Яницкий). Одновременно происходит "опасная инверсия политики и неполитики. Политическое становится неполитическим, а неполитическое - политическим" (У. Бек).

Все больше стирается и грань между государством и бизнесом, экономикой и политикой, политической пропагандой и маркетингом, этикой госслужбы и менеджментом.

Вопросы:

1. Перечислите новых современных субъектов мировой политики.
2. Что означает имплозия национальных государств? В чем она проявляется?
3. В чем суть модели общества "20/80"?
4. Что такое "культура Давоса"?
5. Дайте определение глобализма.
6. В чем проявляется кризис государства "благополучия"? Какие причины обуславливают его?
7. Как вы понимаете утверждение З. Бжезинского о том, что транснациональные элиты играют в шахматы, а национальные - в шашки?
8. Перечислите основные современные тенденции эволюции государственной службы.
9. В чем проявляется изменение этических норм госслужбы в условиях глобализации?
10. Перечислите особенности госслужбы в РФ (по сравнению с другими странами).

Литература обязательная:

Абдуллин Р. Основы глобалистики. Уфа, 1999. СС. 20-70.

Бек У. Что такое глобализация. М.: Прогресс - Традиция, 2001. СС. 14-66.

Гаман - Голутвина О. Трансформация роли элит и этики госслужбы в условиях глобализации // Полис. 2000, № 6.

Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир, 2004. СС. 15-45.

Кара-Мурза С. Россия в глобализирующемся мире // Философия хозяйства. 2001, № 1.

Хелд Д. Глобальные проблемы трансформации: Политика, экономика, культура. М.: Практикс, 2004. СС. 45-101.

Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализации: атака на процветание и демократию. М.: АЛЬПИНА, 2001. Гл. 1-2.

Уткин А. Мировой порядок XXI века. М.: Алгоритм, 2001. Гл. 2,3,4.

Делягин М. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М.: Инфра - М, 2003. Гл. 1,2.

Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. Гл. 1,2.

Панарин А. Искушение глобализмом. М.: Изд.-во ЭКСМО - Пресс, 2002. Часть 1. Гл. 1,3,4.

Костин А. Глобальные проблемы и политические аспекты глобализации // Вестник РУДН, серия политология. 2001, № 3.

Ключников Б. О глобализации, новом тоталитаризме и России. www.archipelag.ru

Литература дополнительная:

Забелин С., Кортен Д., Медоуз Д., Норберг-Ходж Х., Шуберт К. Глобализация или устойчивое развитие. Сборник статей. Социально-экологический союз, 1998.

Тураев В. А. Глобальные вызовы человечеству. М.: Логос, 2002. СС. 7-55.

Ведута Е. Глобализация и стратегическое планирование: Новые подходы к социально эффективному развитию // Обозреватель-Observer. 2003, № 11.

Василенко И. Политическая глобалистика. М., 2000. СС. 25-75.

Шмиттер Ф. Неокорпоративизм // Полис. 1997, № 2.

Бжезинский З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. М., 2006. СС. 23-40.

Максименко В. Происходит ли глобализация // Pro et Contra. 1999, № 4.

ТЕМА IV. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ЛОГИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

Значение "миросистемного" подхода как актуальной методологии анализа современных глобальных процессов. Методология мироанализа приложима к анализу феномена и процесса возникновения транснациональной элиты. Миросистемный подход - одно из наиболее влиятельных направлений современного обществоведения. Его основатели: Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др. исследователи. Основой миросистемного подхода является анализ мира не как совокупности стран или обществ, так как они, с точки зрения его представителей, мало что могут объяснить в глобальных процессах, а как определенной исторической системы: "миросистемы" или "мироэкономики", основанной на иерархии эксплуатации и разделении труда в мировой экономике, "центром" которой на протяжении последних веков выступает капиталистический Запад.

Составные части миросистемы имеют иерархический порядок: "центр", "полупериферия" и "периферия", в который входят различные группы стран. Характерна дихотомия "первый" и "третий мир". Особенности "периферийного капитализма":

Эксплуатация "центром" "периферии" на протяжении истории принимает различные формы и имеет тенденцию к интенсификации. При этом страны "центра" нуждаются в "периферии" для собственного форсированного развития и решения как социально - экономических, так и политических проблем. Механизмы лидерства стран "ядра":

- политическое и военное влияние,
- в них сосредоточено высоко диверсифицированное и технологичное индустриальное производство, в то время как "периферия" в мировом разделении труда традиционно берет на себя роль поставщика ресурсов,
- технологическая зависимость "периферии" и способность стран "ядра" сосредоточить в своих руках стратегические монополии,
- "неэквивалентный обмен" между развитыми и развивающимися странами,
- система внешнего долга,
- механизм концентрации и централизации капитала в мировом масштабе, страны "центра" обладают мировыми резервными валютами и др.

Исследование ситуации в современном мире подтверждает факт существования миросистемы глобальной капиталистической экономики поверх границ национальных государств, равно как и определенной сбалансированной и иерархизированной системы международных отношений. В современном мире, в рамках предлагаемой этим подходом центропериферийной логики, стратегии элит, тип политического режима государства и тип национальной экономики оказываются одновременно проблемами и внутренней и внешней политики, поскольку соответствуют положению страны в международной системе. Капиталистическая миросистема, движимая собственной логикой и целесообразностью и создающая свои центры силы и притяжения, собственные властные иерархии, оказывает независимо от национальных государств и часто вопреки им существенное влияние на ход мировых процессов, причем в настоящее время это влияние имеет тенденцию усиливаться. Особенность миросистемы, особенно на современном этапе, заключается в том, что в ней все страны связаны между собой и зависят как от глобальных процессов, так и от транснациональных акторов. Тип политического режима государства и тип национальной экономики оказываются одновременно проблемами и внутренней, и внешней политики, поскольку типы экономического роста и типы государства соответствуют положению страны в международной системе.

Подобная глобальная система, основанная на доминировании "ядра": ряда наиболее развитых стран и транснационального бизнеса, несмотря на активное участие в модернизационных и демократизационных процессах по всему миру, часто в собственных интересах ограничивает экономическое развитие, демократические преобразования и формирование гражданского общества во многих странах

посредством вмешательства извне и содержит в себе значительный потенциал нестабильности, что проявляется в циклических кризисах и растущих репрессивных и империалистических тенденциях. Сложившаяся система имеет элитарный характер, концептуализированный в различных моделях (например, "золотого миллиарда" и пр.), и имеет тенденцию к воспроизводству существующего диспаритета и сложившейся модели глобального лидерства и стратификации.

В политической сфере отмечаются трансформации миропорядка, тенденции к транснационализации политического пространства и деконцентрации власти, росту влияния транснациональных акторов и утраты национальными государствами части своих функций, качественному видоизменению системы международных отношений, образованию системы международных режимов и пр.

В экономической сфере обращает на себя внимание рост структурных диспропорций в рамках миросистемы, процесс форсированной глобализации, обладающий дестабилизирующей составляющей, обострение конкуренции в глобальном масштабе, высокий рост непроизводственных сфер на фоне стагнации базовых отраслей экономики, виртуализация финансовых потоков, обозначившиеся зоны структурной социально - экономической деградации.

Политико-экономическая динамика капиталистической миросистемы управляется на отрезках большой исторической длительности т.н. "кондратьевскими циклами", оказывающими воздействие и экономическую конъюнктуру, и на систему международных отношений, и на трансформации социумов, и на смену политических и экономических элит. На основе исследования теорий циклического развития, применимых к модели мироанализа: экономических фаз Н. Кондратьева, циклов расширения миросистемы и "чередования гегемонии" И. Валлерстайна, глобальной демократизации С. Хантингтона и Ф. Шмиттера и научно - технических революций А. Мангетти и Т. Куна можно сделать вывод о выявлении на их основе широкого спектра взаимозависимых факторов, влияющих на глобальные процессы, и, в частности, формирование и функционирование транснациональной элиты.

Корреляция "фаз Кондратьева" с социально - политическими процессами, происходящими в глобальном масштабе и их существенное влияние на эти процессы. Глобальные изменения в мире (миросистеме), "смещение" власти определяется структурными изменениями, отмеченными Н. Кондратьевым в своей теоретической модели. Экономическая рецессия 1970 - х гг. (обозначенная Н. Кондратьевым В-фаза цикла развития мировой экономики), достижение "пределов роста" индустриальной цивилизации, кризис сложившейся общественной модели, обозначение возможности экологического кризиса и обусловленные этими явлениями соответствующие изменения в структуре и сознании стратегических элит, инициировали ряд актуализировавшихся к тому времени тенденций, фиксируемых парадигмой становящегося постиндустриального общества как "смещение" власти в глобальном масштабе, и в частности форсировали процесс возникновения транснациональной элиты. Вместо осуществления новой НТР элита пошла по экстенсивному пути экспансии миросистемы, предполагающему большие издержки, экстернализируемые за счет страны "периферии" и наиболее уязвимых слоев населения.

Следствием данных процессов стали ускорение распада социалистического лагеря и реализация глобализационного сценария, ориентированного в первую очередь на интересы стран "ядра" и транснационального бизнеса, частичный демонтаж социального государства, отрыв элит от масс и транснационализация первых, актуализация амбивалентности "глобальное - локальное" и "традиционализм - антитрадиционализм", отказ от прежней системы социального консенсуса, растущее отчуждение, воспроизводящееся на каждом уровне социальной структуры.

Вопросы:

1. Каковы особенности стратификации в "миросистеме" И. Валлерстайна?
2. Какое место в современной миросистеме занимает Россия? Какие признаки сближают ее с "центром" а какие с "периферией"?
3. В чем, согласно мироанализу, проявляется специфика политического процесса на "периферии"?
4. Укажите особенности "третьей волны" демократизации.

5. Каковы условия успешной консолидации демократии в свете современных теорий мировой экономики?
6. Что такое циклы экономической конъюнктуры Н. Кондратьева?
7. В чем проявляется влияние смены "кондратьевских циклов" миросистемы на процессы элитообразования?
8. В чем состоит актуальность прогнозов И. Валлерстайна относительно России?
9. Что такое "неоконсервативная революция"?

Литература обязательная:

Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI века. М., 1997. СС. 22-56.

Кагарлицкий Б. Периферийная империя: Россия и миросистема. М.: Ультра. Культура, 2004. СС. 5-42.

Хорос В.Г. Глобализация и периферия // Мировая экономика и международные отношения. 1999, № 12.

Никитченко А. Транснационализация демократии (II) "Третья волна" демократизации в свете теорий мировой экономики // Полис. 1999, № 2.

Шутов Д. Глобализация и неокOLONИализм // Актуальные проблемы социогуманитарного знания. Сб. науч. трудов каф. философии МПГУ. Вып. XIII, 2002.

Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992. СС. 18-65.

Калашников М. Конец "революции 1979 г." и начало СССР - 2 // Дуэль, 10.01.2006.

Литература дополнительная:

Люксембург Р. Накопление капитала. http://leftinmsu.narod.ru/polit_files/books/nakoplenie.html

Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М., 1992.

Кинг А., Шнайдер Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба. М., 1991.

Нудельман Р. Кондратьевские циклы в переводе на "валлерстайновский" // Знание-Сила. 1996, декабрь. http://www.situation.ru/app/j_art_806.htm

Ворожейкина Т. Демократия и экономическая реформа (опыт сравнительного анализа России и Латинской Америки) // Pro et Contra. 1997, Том 2, № 1.

Кондратьев Н. Проблемы экономической динамики. М.: "Экономика", 1989. СС. 21-90.

Harvey D. The new imperialism. Oxford, 2003. PP. 9-34.

Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М.: Весь мир, 1997. Гл. 1.

Валлерстайн И. Социальное изменение вечно? Ничто никогда не изменяется // Социс. 1997, № 1.

ТЕМА V. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

2 распространенных подхода к изучению элиты: элитаристский и классовый. Применительно к транснациональной элите большей эвристической ценностью обладает классовый подход. В рамках данного подхода элита и капиталистический правящий класс в целом отождествляются; утверждается, что политические институты действуют не самостоятельно, являясь отражением более широкого распределения власти в обществе (внутри социально - экономической системы), а доступ людей к власти - производный признак, вытекающий из социально-классовой дифференциации. Власть концентрируется в руках капитала и в определенной мере зависимых от него элитных групп (в первую очередь, политической и военной

элиты). Так как, согласно рассматриваемому направлению, господствующий класс формируется, прежде всего, на основе собственности на средства производства и финансового могущества, значит, в современном мире он все в большей степени становится транснациональным (следовательно, власть переходит от национальных элит к транснациональным).

Часть господствующего класса, которая непосредственно осуществляет руководство обществом и обладает соответствующей квалификацией и легитимностью, определяют как политическую элиту (этот подход объясняет распространенный механизм перемещения элит с политических на экономические должности и обратно, более того, указывает на необходимость существования такого механизма).

Особенностью вышеизложенного подхода является то, что он ставит под сомнение альтиметрический критерий. Господствующий класс неизбежно должен выстроить неформальные или полужформальные механизмы влияния на принятие политических решений, не вписывающиеся в формальные рамки политической системы. Значительную роль в политическом процессе имеют такие механизмы, как поддержка или выдвижение определенных политиков и кандидатов, создание и поддержка политических партий, лоббизм, влияние групп давления, т.н. *governmental relations*, "мягкие деньги", неформальное воздействие на политическую элиту и пр.

Растет политическое влияние транснационального капиталистического класса, осознание им классовых и корпоративных целей и ценностей и, следовательно, его интегрированность. В его среде наблюдается тенденции к росту сплоченности, корпоративизму, в то время как в обществах в целом распространяется индивидуализм, оторванность индивида от социальных групп и дисперсия. Увеличивается политическое влияние экономических акторов и транснационального капиталистического класса, сформированы предпосылки для структурного классового господства. Это приводит к рассмотрению элитарной схемы классового подхода "господствующий класс" - "правящая элита". К сложившейся в настоящее время властной конфигурации применимы основные положения неомарксистской парадигмы. В рамках данной схемы во всех странах образуется союз экономических и политических элит (происходящих преимущественно из одного класса).

Форсирование процесса глобализации привело к тому, что если раньше правящая элита формировалась под воздействием национальных бизнес элит, то теперь - под воздействием и транснациональных, причем все в большей степени. Транснационализация каналов миграции и финансовых потоков, механизм *bail out* и др.

Транснационализирующийся буржуазный класс вносит основные инновационные импульсы в различные общества и влияет на политическую элиту. Власть больше не принадлежит национальным, государственным элитам, она все больше концентрируется в руках экономических элит, остающихся в тени. Политические и социальные процессы определяются диалектикой взаимоотношений глобального - локального, транснационального - национального, расширяющимся конфликтом в рамках треугольника: государство - бизнес - гражданское общество. Изменения в составе и мотивации элит инициируются транснациональными процессами, логикой развития капитализма и конъюнктурой.

Традиция структурного классового господства в марксизме и теориях "властвующей элиты". Она имеет потенциально недемократический, элитаристский характер, т.к. даже в демократических государствах власть распределяется между определенными элитными группировками, принадлежащими к одному классу.

В западных странах и на "периферии" могут различаться модели отношений господствующего класса и политической элиты. Если на "периферии" буржуазия в значительной мере экстерииоризирована, ориентирована вовне, а государство может быть слабым и коррумпированным, гражданское общество немногочисленное и слабое, то в "центре" сильны позиции гражданского общества, государственный аппарат может быть сильным, правовая система более эффективной, а демократические институты устойчивыми, бизнес более патриотичен.

Структура, состав и особенности транснационального господствующего класса. В контексте его транснационализации выдвигается ряд различных концепций, манифестирующих образование

"транснационального капиталистического класса" (Л. Склэр), "новой буржуазии в глобальном мире" (А. Панарин) или "транснационального гражданского общества" (У. Бек), "новой мировой буржуазии" (Дж. Розенау) и др.

Исследовательские подходы, утверждающие, что понятие господствующего класса уже в значительной мере устарело, и для обозначения транснациональной элиты более эффективны другие модели. "Менеджерская революция" Дж. Бернхем, теория сетевого общества М. Кастельса, концепция "абстрактной империи" Дж. Сороса, "Сверхобщества" А. Зиновьева, "Открытого общества" К. Поппера.

Проблемное поле глобализации охватывает разнообразные формы, процессы и структуры, охватывающие политические, экономические, социальные и культурные аспекты. На этом фоне происходит расширение и усложнение взаимосвязей и взаимозависимостей как отдельных индивидов, так и государств.

Вопросы:

1. В чем заключаются методологические различия элитаристского и классового подходов?
2. Что такое bail out?
3. В чем проявляется растущий конфликт в рамках треугольника: государство - бизнес - гражданское общество?
4. В чем, согласно Дж. Бернхему заключаются основные предпосылки "менеджерской революции"?
5. Чем объясняется высокая степень интегрированности "господствующего класса"?
6. Актуальна ли неомарксистская методология (в частности, трактовка процессов элитообразования) в современном мире?
7. Перечислите основные формы воздействия крупного бизнеса на политическую сферу.

Литература обязательная:

Туроу Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. Новосибирск, 1999. СС. 21-41.

Ашин Г. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. 1998, № 3.

Ослунд А. Сравнительная олигархия: Россия, Украина и США // Отечественные записки. 2005, № 11.

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. Гл. 1.

Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1981. Гл. 1.

Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс - Традиция, 2001. Гл. 1.

Зиновьев А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Центрполиграф, 2000. СС. 556-579.

Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. М.: Феникс, 1992. СС. 215-225.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. М.: ИНФРА-М, 1999. СС. 150-160.

Литература дополнительная:

Wright R. *Rax Kapital*. N.Y., 2000. Ch. 1,2.

Брэдфорд Дж. Бароны-разбойники // Очерки о мировой экономике. Выдающиеся экономисты мира в Московском Центре Карнеги. М.: Гендальф, 2002.

Sklair L. *The transnational capitalist Class*, Oxford, Blackwell, 2001. Ch. 1.

Burnham J. *Managerial Revolution*. N.Y., 1941.

Dye T. *Who's Running America*. N.Y., 1976.

Creveled van M. *The New Middle Ages*. N.Y., 2000.

Domhoff W. *The Power To Be. Process of Ruling Class Domination in America*. New Jersey, 1974.

ТЕМА VI. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ В ЛОГИКЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

В рамках миросистемной логики велико влияние развитых стран на формирование определенного типа зависимой транснациональной элиты на "периферии" миросистемы, где местные элиты, национальная буржуазия становятся всё более тесно связаны с глобальными, особенно с западными элитами, стремятся к большей интеграции с ними. Так, У. Робинсон отмечал появление и широкое распространение "транснациональной буржуазии" в "периферийных" странах. В отличие от прежних элит, тесно связанных с национальной культурой, традициями и образом жизни, новая транснациональная элита воспринимает себя скорее как часть мирового правящего класса. Местная принадлежность все чаще рассматривается как второстепенное обстоятельство, ее капитал и бизнес неотделимы от глобального рынка, для них имеет большое значение глобальный потребительский рынок, "аттракторы", производимые за рубежом. В отличие от национальной элиты и буржуазии прошлого, транснациональные элиты не собираются конфликтовать с "имперскими" правящими классами, бороться за независимость и отстаивать культурную самобытность. В настоящее время потенциал сопротивления национальных экономических и политических элит большинства "периферийных" стран в значительной мере исчерпан, что объясняется на наш взгляд целенаправленным и разносторонним воздействием на них извне и дискредитацией альтернативных парадигм развития.

Транснационализация элит развивающихся стран - следствие стратегической линии стран "ядра" и экспансии капиталистической экономики: иницируется создание в развивающихся странах агентов влияния для управления глобальными процессами и слоя компрадорского капитала, представители которого инкорпорируют западные ценности и элитаристскую модель "праздного класса"; их деятельность в различной степени может координироваться из Атлантистского центра. Это ведет к образованию олигархии и нередко враждебного по отношению к обществу господствующего капиталистического класса. Такая модель может отождествляться с практикой неокOLONIALИЗМА на новом уровне.

Транснациональные элиты рассматриваются в первую очередь как часть правящей элиты и господствующего класса "периферийных" стран, пошедших по пути неолиберальных преобразований, а также "неокочевые" олигархи, возникновение которых вытекает из логики развития миросистемы.

С целью реализации собственных геополитических интересов и сохранения выгодного статус кво, "центр" миросистемы во многих регионах играет также репрессивную и реакционную роль, иницирует управляемые трансформационные процессы на "периферии", с заданной логикой и определенной системой координат, при этом взят курс на ограничение несистемных, альтернативных вариантов развития. Наиболее эффективным и приоритетным является воздействие на элиты стран, осуществляемое на различных уровнях: капиталистической мирозкономики, НПО и надгосударственных организаций, государств "центра". Значительным фактором, затрудняющим развитие многих стран является экономическое, политическое, информационное и военно - стратегическое воздействие внешнего мира.

Характерно стремление как правительств развитых стран, так и транснациональных акторов воспроизводить в менее развитых и более уязвимых обществах определенный тип транснациональной, космополитичной, компрадорской элиты, тесно связанной с мировым рынком, западными странами, наднациональными организациями, в целом прозападно ориентированной, в качестве проводников своего влияния. Такие элиты обычно трансформируют свои общества в соответствии с неолиберальной моделью, приспособляющей их к интересам западных государств и транснациональных элит.

Можно провести параллель между степенью вовлеченности страны в капиталистическую миросистему и образованием транснациональной элиты. При этом, если развитые страны, легализовав процедуру политического влияния групп интересов и бизнес элит, сделали ее закрытой для нерезидентов, то в развивающихся странах иностранный капитал часто получает преференции. После Второй мировой войны начинается новый виток расширения капиталистической миросистемы, происходит очередное "цивилизационное наступление" Запада, миросистема переоформляется в сторону дальнейшего расширения, приобретения глобального масштаба. Одновременно, происходит смена гегемона миросистемы, центр власти смещается к США. Одним из инструментов этой политики является воздействие

на элиты развивающихся стран с привлечением их на свою сторону или устранением и заменой на более лояльную.

В связи с процессом глобализации, начавшимся в конце 70 - х - начале 80 - х гг. XX в. и часто рассматриваемым как вторая фаза глобального общемирового сближения в рамках капиталистической миросистемы, последующим уходом с исторической арены СССР, распространением "безальтернативной" неолиберальной парадигмы процесс формирования транснационально ориентированной элиты в "полупериферийных" и "периферийных" странах усилился. "Корпоратократия" Дж. Перкинса. В последние десятилетия широкое распространение в качестве инструмента такой политики получила доктрина неолиберализма, внедряемая в развивающихся странах как универсальная модель развития.

Интересы транснациональных элит во многом схожи, и они в целом действуют совместно, тем не менее ход глобальных процессов в значительной степени координируется из "ядра" миросистемы. Расширение миросистемы приводит к вестернизации и экстерииоризации элиты "периферии". Элиты ставят перед собой задачи усиления теллуократии, талассократии, аэрократии и эфирократии западной цивилизации, которая является оплотом новой элиты, преференциальной средой ее обитания. Также вызывает оправданные опасения стремление элиты сохранить существующее в мире неравенство путем захвата основных месторождений стратегических ресурсов, демографических и экономических программ в духе мальтузианства. Многие авторы отмечают, что для современной мировой элиты все более характерен метод ухода от мировых проблем в пространство мировой войны. Выбранная ими стратегия реализации интересов неизбежно приводит к войнам. Соответственно, все более упрочняется практика решения спорных вопросов мировой политики при помощи силы, что является серьезным вызовом для человечества.

Вопросы:

1. Что такое Вашингтонский консенсус?
2. В чем заключается деятельность "экономических убийц"?
3. Что такое "корпоратократия"?
4. В чем проявляется специфика неолиберальных реформ в развивающихся странах?
5. Какие факторы, по мнению Дж. Сороса, подрывают в среднесрочной перспективе основания гегемонии США?
6. Какое политическое будущее России в рамках складывающихся геополитических тенденций прогнозирует З. Бжезинский?
7. Как на ваш взгляд, можно противодействовать экстерииоризации элит и деятельности "экономических убийц", с целью обеспечения национальной безопасности страны?
8. Можно ли охарактеризовать т.н. "цветные революции" как элемент экспансионистской политики США?

Литература обязательная:

Панарин А. Народ без элиты. М.: Эксмо, 2006. С. 13-45.

Панарин А. Искушение глобализмом. М.: Изд.-во ЭКСМО - Пресс, 2002. Часть 1. Гл. 5.

Неоколониализм: сущность, формы, методы. М., 1987. Гл. 1.

Хомский Н. Прибыль на людях. М.: Праксис, 2002. СС. 25-62, 133-176.

Перкинс Д. Исповедь экономического убийцы. М.: Pretext, 2005. Часть 1,3.

Литература дополнительная:

Валлерстайн И. Америка и мир: сегодня, вчера и завтра // Свободная мысль. 1995, № 4.

Шаклеина Т. Современные американские концепции мирового лидерства. М.: ИСКРАН, 2000. Гл.

1.

Дерлугьян Г. Под длань империи // Эксперт. 2004, № 12.

Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М., 2004. Гл.1,2.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998. Гл. 1,2.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и изменение мирового порядка // Pro et contra. 1997, Т.2, № 2.

Коллонтай В.М. О неолиберальной модели глобализации // Мировая экономика и международные отношения. 1999, № 10.

Сардар З., Вин Дэвис М. Почему люди ненавидят Америку? М.: Изд-во Проспект, 2003. Гл. 3,5,7.

ТЕМА VII. ТЕХНОКРАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЕ

Широкий спектр научных теорий о становлении вследствие "информационной революции" постиндустриального, или "постэкономического" общества, где, согласно широко распространенному мнению, происходит переосмысление проблем стоимости и богатства, а знание должно играть доминирующую роль во всех сферах жизни социума и соответственно является источником социального неравенства, основным фактором при формировании элиты общества. В этой связи к середине 1970-х гг. господствующим классом стали называть "технократов", превратившихся не только в доминирующий класс постиндустриального общества, но и в субъекта подавления остальных социальных слоев и групп. В дальнейшем, в 1980 - 90 - е гг. выросла их роль в управлении и политическое влияние.

Этот подход четко отметил растущие тенденции и социальные проблемы развитых (преимущественно западных) обществ, все более постиндустриальных и в то же время склоняющихся к элитаризму. Однако ошибочно было бы утверждать, что "технократы" составят собой основу господствующего класса.

Данный подход к проблемам элитообразования в современных развитых обществах подчеркивает также важность такого механизма рекрутирования и циркуляции элит, как образование, его интерпретацию как обязательного типа личного капитала, необходимого для вхождения в элиту, манифестирует магистральный путь к высокому социальному положению через формальное образование. Доминирование в современном мире образовательного канала является следствием качественного изменения социальной реальности: труд заменяется знанием и капиталом. Политическим решением данного вопроса является создание возможности овладения способностями и ориентирами, которые помогают разбираться в транснациональных ландшафтах и противоречиях мирового общества. "Деньги и фабрики, информация, машины и эмблемы фирм не привязаны к определенной точке на карте, носители знания и опыта - в еще меньшей степени" (У. Бек).

Можно провести грань между двумя основными моделями образования: демократичной, предназначенной для среднего класса, и элитарной, чьей основной функцией является неявный отбор и подготовка непосредственно управляющей элиты. Эта система представляет собой специфический механизм циркуляции управляющей элиты, обеспечивающий связь "правлящего класса" и "стратегической элиты" как в масштабе отдельной страны, так и на транснациональном уровне.

В свете концепций технократии сравнительно недавно актуализировался дискурс о грядущей эпохе "медиакратии" - власти СМИ, которые уже не столько отражают и интерпретируют действительность, сколько конструируют ее по своим правилам и усмотрению. Основанием этой концепции является тот факт, что СМИ оказывают значительное влияние на формирование политического сознания индивидов и поведение электоратов. Однако это влияние представляется преувеличенным. Поскольку СМИ находятся главным образом в частных руках, то способны лишь воздействовать на власть, но не являются составной частью власти. В этой связи "медиакратия" приобретает большое значение как внутри стран, так и на глобальной арене, оставаясь, однако, продолжением и инструментом политики. Еще одно измерение "медиакратии" - т.н. "медиа-империализм" глобальных СМИ ("Soft Power" Дж. Ная).

Вопросы:

1. Что такое "информационная революция"?

2. Перечислите основных авторов концепции "технократии".
3. Согласно прогнозам Д. Белла, П. Дракера и др. ученых, какая социальная группа должна стать доминирующей в постиндустриальном обществе?
4. Каково значение образовательного канала элитного рекрутирования в настоящий исторический период.
5. Что такое "медиаимпериализм"?
6. Какие средства воздействия лежат в основании soft power ("мягкой власти")? Чем определяется эффективность ее воздействия?
7. В чем состоит специфика "Соглашения ВТО по основным телекоммуникациям" 1998 г.?
8. Являются ли СМИ "четвертой властью"?

Литература обязательная:

Тоффлер О. Метаморфозы власти. М.: ООО "Издательство АСТ", 2003. Гл.1, 2, 27, 28, 29, 30.

Дракер П. Эра социальной трансформации. www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/leader/transformation/

Иноземцев В. Социальное неравенство как проблема становления постэкономического общества // Полис. 1999, № 5.

Беседы о масс-медиа. М.: Вагриус, 1997.

Берд К. Гигабайты власти. Информационные технологии между свободой и тоталитаризмом. М., 2004. Гл.1,3.

Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. Гл. 1.

Nye J. Soft Power: The means to Successful World Politics. NY: Public Affairs, 2004. Ch. 1.

Литература дополнительная:

Цвылев Р. Информационная революция: что она сулит миру // Вопросы философии. 1990, № 1.

Афанасьев М. Политические партии в российских регионах // Pro et contra. 2000, Т. 5, № 4.

Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1976, P. 122-130.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969. С. 68-98.

Drabkin D. Introduction to the Information Society: from Corfu to Dublin. Bruxelles, 1995.

Тарасов А. Молодежь как объект классового эксперимента // Свободная мысль. 1999, № 7, 10, 11.

Осменчонок Э. Современная технократическая идеология в США. М., 1984. Гл. 1.

Нейматов Я. Образование в XXI веке. М.: Алгоритм, 2002. Раздел 1.

Поцелуев С. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. 1999, № 5.

Шадрин А. Трансформация политических институтов и переход к информационному обществу <http://www.gallup.spb.ru/journal/archive/journal2/j2r1s1.htm>

Двоскин А. Время креакратии, или креативные технологии как ближние рубежи переходных рынков. www.kreakraria.ru

Кузьмин О. Социология общественного мнения. Новосибирск, 1996. С. 25-40.

Солодухин Ю. Российские средства массовой информации: являются ли они "четвертой властью"? // СМИ в политических технологиях. М.: Энигма, 1995.

Задорин И., Бутова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание: взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление демократических ценностей. М., 1999.

Талимончик В. Четвертый протокол к ГАТТ и развитие конкуренции на рынке телекоммуникационных услуг. <http://ipp.spb.ru/press/press.php?id=1552>

ТЕМА VIII. ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ЭЛИТА КАК "НОВОЕ КОЧЕВНИЧЕСТВО": ЛОГИКА ТРАНССОЦИАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ И СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

В ряду концептуальных подходов к объяснению современных тенденций информационной революции, глобализации и либерализации движения капиталов, достаточно серьезное место занимает теория "нового кочевничества", или "неономадизма". "Неокочевничество" - достаточно широкое понятие. Можно выделять распространение самих "номадов" и распространение свойств, качеств, ценностей и предметов "номадизма". Эти концептуальные построения тесно коррелируют с феноменом транснациональных социальных пространств, аннулирующих привязку общностей к определенному месту (в национально - государственных понятиях) и отличающихся от стандартной миграции. Их особенность заключается в том, что индивиды и социальные группы могут постоянно находиться в этих пространствах. Подобное экстерриториальное пространство с собственной иерархией можно обозначить как некое параллельное общество или даже "анти-общество).

Значительная часть транснациональной элиты находится в подобном трансграничном пространстве (например, многие представители бизнеса, кочующие по миру, финансовые спекулянты, находящиеся на бирже, глоб - троттеры и т.п.), гражданство и некоторые государственные должности (например, консульские) для них являются товаром, национальная привязанность во многом превращается в фикцию. С точки зрения теории сетевых структур неономадизм рассматривается как подлинно сетевая структура, с собственной иерархией, этикой, идентичностью и системой ценностей. Неономады различаются по уровню обладания капиталом (в том числе и личным капиталом). Условно возможно выделить 3 уровня: 1) элита, крупные транснациональные экономические акторы, 2) средний класс - мигрирующие специалисты, менеджеры и пр., 3) бедные кочевники - мигранты и беженцы.

А. Панарин: глобальный индивид современности кочует не только в физическом пространстве мира. Он кочует и в "межтекстовом пространстве культуры, нигде особенно не задерживаясь, заключая лишь временные соглашения с попадающей ему на пути социальной средой. При этом его пространственные и "межтекстовые" странствия имеют определенный вектор: он мигрирует из мест, где нормы более жесткие, в места с разреженным нормативным пространством". Демократические процедуры и многие правовые нормы часто воспринимаются транснациональной элитой как ограничители их свободы, анахронизмы Модерна, поддающиеся коррекции со стороны заинтересованных групп.

Некоторыми исследователями проводятся параллели между неономадизмом и феноменом транснациональной олигархии, основанные на ряде общих черт (специфика приобретения активов, влияние на власть, непрозрачность транзакций, партикуляризация интересов и пр.). Заметно формирование особого личностного типа такой элиты, а также риски, сопряженные с приобретением ими растущего объема властных полномочий и стратегически важных активов.

Для "неокочевников" характерно наличие собственной корпоративной этики, маргинальность, стремление демонстрировать праздный образ жизни, часто к роскоши, заведомо излишнее расточительное потребление, тяга к роскоши. Озабоченность своим статусом, т.н. "завистливое сравнение" и "демонстративное потребление" (термины Т. Веблена).

Вопросы:

1. Кто такие "неономады" в концепции Ж. Аттали? В чем заключается особенность их кочевничества?
2. Что такое "номадические предметы"?
3. В чем, по мнению У. Бека заключается специфика транссоциальных пространств?
4. Что представляет собой социально-политический проект "новых кочевников" с точки зрения М. Калашникова?
5. Возможно ли выделить "новых кочевников" среди российской политической и бизнес элиты?
6. Чем отличается модель " сетевого общества" М. Кастельса от предыдущих моделей капитализма?

Литература обязательная:

Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.

Калашников М. Третий проект. Точка перехода. М.: АСТ, Астрель, 2006. СС. 400 - 420.

Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. Иноземцева В.М.: Academia, 1999.

Литература дополнительная:

Жирар М. Индивиды в международной политике. М., 1996. СС. 51-57.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. Гл. 1, 5.

Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс - Традиция, 2001. СС. 52-60.

Skousen C. The Naked Capitalist. Salt Lake City: Reviewer, 1970. Ch. 1.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

Цели и задачи курса:

1) Познакомить учащихся с современными тенденциями трансформации социально-политической реальности, "сдвига власти" в глобальном масштабе. В настоящее время образуется политика нового типа, прежние методологические схемы оказываются недостаточными для ее адекватного понимания. Признавая существование и широкое распространение транснациональных политических и социальных пространств важно выделять транснациональную элиту, доминирующую в этих сферах. Понятие транснациональной элиты отмечает тенденции, упускаемые другими подходами к элите - принципиальное изменение прежних систем ценностей элит и их мобильности. Так как современные элиты, управляющие становящимся обществом сетевых структур, транснациональны, это лишает национальные государства пространства для маневра, может вести к относительной маргинализации "легальной", институциональной власти, национальной публичной политики, росту влияния альтернативной системы социальной регуляции - "неформальной", десизивной, транснациональной, геоэкономической форм власти. Параллельно этому процессу прогрессирует глобальная экспансия сетевых структур, конфликт между централизованной иерархией и сетевой культурой, между центростремительными и центробежными тенденциями. Взаимопереплетение бизнеса и власти, экономических и политических элит в условиях изменяющейся современности также предполагает определенные риски и негативные социальные процессы, чреватые политическими потрясениями.

2) Подробно и последовательно рассмотреть проблему политической субъектности внеинституциональных социальных образований, к коим в первую очередь относятся различные элитные группы, в том числе и транснациональные. Данный аспект при изучении функционирования системы политического управления в большинстве исследований и учебных курсов, базирующихся на институциональной методологии, как правило, остается вне научного анализа. Между тем без учета политико-элитного контекста, нельзя полностью понять сложные процессы политического властвования. В курсе рассматривается комплекс проблем, связанных со стремлением транснациональной элиты к представительству своих интересов в системе политической власти, а также к созданию и поддержке альтернативных властных структур.

3) Определить новые угрозы национальной безопасности России. Формирование новой мировой элиты требует научного осмысления, поскольку это явление в частности связано с перспективами политического развития России, вынужденной адаптироваться к новым условиям и искать ответы на новые исторические вызовы. Речь идет о противоречии между транснациональными целями современной политической элиты, определенными современным состоянием мира и национальными интересами России.

Инновационный характер курса по:

- содержанию объясняется недостаточной концептуальной проработанностью темы в силу инновационного характера самого феномена. Практическая значимость выбранной проблематики определяется как очевидной актуальностью изучаемого комплекса проблем, так и недостаточной степенью разработанности темы.

Целью настоящего курса является концептуализация феномена транснациональной элиты на основе существующих теоретико-методологических подходов; комплексный анализ особенностей и противоречий процесса становления и утверждения транснациональной элиты в качестве одного из важнейших субъектов политики в современном мире. Предложена собственная методология исследования и объяснения феномена транснациональной элиты и сопряженных с ее возникновением политических, социальных и экономических процессов, основанная на широком спектре научных методов: мироанализе, классовом подходе, теории циклов капитализма Н. Кондратьева, глобализационном подходе, постмодернизме, некорпоративизме, институционализме, теориях "властвующей элиты", различных политологических и элитологических концепциях.

При создании курса были использованы последние научные достижения в данной области знания. Представленный курс является первым курсом по данной проблематике.

- методике преподавания заключается в широком вовлечении учащихся в обсуждение рассматриваемых проблем в диалогическом интерактивном режиме (на семинарских занятиях). Планируется проведение студенческого круглого стола, посвященного теме курса с последующей публикацией его результатов.

- литературе заключается в введении в оборот значительного числа источников, практически не рассматривавшихся прежде в России. Инновационность состоит также в том, что широкий спектр данных источников никогда прежде не использовался в рамках одного курса. К курсу прилагается обширная и проработанная библиография.

МЕТОДИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ ДЛЯ СТУДЕНТА

Цели и задачи курса:

1) Познакомить учащихся с современными тенденциями трансформации социально-политической реальности, "сдвига власти" в глобальном масштабе. В настоящее время образуется политика нового типа, прежние методологические схемы оказываются недостаточными для ее адекватного понимания. Признавая существование и широкое распространение транснациональных политических и социальных пространств важно выделять транснациональную элиту, доминирующую в этих сферах. Понятие транснациональной элиты отмечает тенденции, упускаемые другими подходами к элите - принципиальное изменение прежних систем ценностей элит и их мобильности. Так как современные элиты, управляющие становящимся обществом сетевых структур, транснациональны, это лишает национальные государства пространства для маневра, может вести к относительной маргинализации "легальной", институциональной власти, национальной публичной политики, росту влияния альтернативной системы социальной регуляции - "неформальной", десизивной, транснациональной, геоэкономической форм власти. Параллельно этому процессу прогрессирует глобальная экспансия сетевых структур, конфликт между централизованной иерархией и сетевой культурой, между центростремительными и центробежными тенденциями. Взаимопереплетение бизнеса и власти, экономических и политических элит в условиях изменяющейся современности также предполагает определенные риски и негативные социальные процессы, чреватые политическими потрясениями.

2) Подробно и последовательно рассмотреть проблему политической субъектности внеинституциональных социальных образований, к коим в первую очередь относятся различные элитные группы, в том числе и транснациональные. Данный аспект при изучении функционирования системы

политического управления в большинстве исследований и учебных курсов, базирующихся на институциональной методологии, как правило, остается вне научного анализа. Между тем без учета политико-элитного контекста, нельзя полностью понять сложные процессы политического властвования. В курсе рассматривается комплекс проблем, связанных со стремлением транснациональной элиты к представительству своих интересов в системе политической власти, а также к созданию и поддержке альтернативных властных структур.

3) Определить новые угрозы национальной безопасности России. Формирование новой мировой элиты требует научного осмысления, поскольку это явление в частности связано с перспективами политического развития России, вынужденной адаптироваться к новым условиям и искать ответы на новые исторические вызовы. Речь идет о противоречии между транснациональными целями современной политической элиты, определенными современным состоянием мира и национальными интересами России.

Инновационный характер курса по:

- содержанию объясняется недостаточной концептуальной проработанностью темы в силу новационного характера самого феномена. Практическая значимость выбранной проблематики определяется как очевидной актуальностью изучаемого комплекса проблем, так и недостаточной степенью разработанности темы.

Целью настоящего курса является концептуализация феномена транснациональной элиты на основе существующих теоретико-методологических подходов; комплексный анализ особенностей и противоречий процесса становления и утверждения транснациональной элиты в качестве одного из важнейших субъектов политики в современном мире. Предложена собственная методология исследования и объяснения феномена транснациональной элиты и сопряженных с ее возникновением политических, социальных и экономических процессов, основанная на широком спектре научных методов: мироанализе, классовом подходе, теории циклов капитализма Н. Кондратьева, глобализационном подходе, постмодернизме, некорпоративизме, институционализме, теориях "властвующей элиты", различных политологических и элитологических концепциях.

При создании курса были использованы последние научные достижения в данной области знания. Представленный курс является первым курсом по данной проблематике.

- методике преподавания заключается в широком вовлечении учащихся в обсуждение рассматриваемых проблем в диалогическом интерактивном режиме (на семинарских занятиях). Планируется проведение студенческого круглого стола, посвященного теме курса с последующей публикацией его результатов.

- литературе заключается в введении в оборот значительного числа источников, практически не рассматривавшихся прежде в России. Инновационность состоит также в том, что широкий спектр данных источников никогда прежде не использовался в рамках одного курса. К курсу прилагается обширная и проработанная библиография.

Организационно-методическое построение курса.

Курс состоит из диалоговых лекций, на которых производится обсуждение (критическая оценка) текстов по курсу, подготовка развернутых ответов на вопросы, предложенные преподавателем для обсуждения. Проводится письменное тестирование на основе пройденного материала и по дополнительной литературе. Студенты должны выступать с докладами на выбранную тему и принимать активное участие в их обсуждении.

Условия и критерии выставления оценок:

От студентов требуется посещение лекций, обязательное участие в аттестационно-тестовых испытаниях, выполнение заданий преподавателя. Особо ценится активная работа на занятиях (умение

вести дискуссию, творческий подход к анализу текстов, способность четко и емко формулировать свои мысли), а также качество подготовки эссе, контрольных работ (тестов), докладов и итоговое испытание)

Балльная структура оценки:

Формы контроля

Посещение занятий – 20 баллов

Активная работа на занятиях, выступления с сообщениями – 30 баллов

Внутрисеместровая аттестация (в форме тестов на основе пройденного материала и по дополнительной литературе) – 20 баллов

Творческая работа (эссе) - 18 баллов

Итоговое испытание (экзамен) – 20 баллов

Всего – 108 баллов

Шкала оценок:

Кредит	Сумма баллов	Неуд		3		4	5	
		F	FX	E	D	C	B	A
		2	2+	3	3+	4	5	5+
1	36	менее 13	13	19	22	25	31	34
2	72	менее 25	25	37	43	49	61	67
3	108	менее 37	37	55	64	73	91	100
4	144	менее 49	49	73	85	97	121	133
5	180	менее 61	61	91	106	121	151	166
6	216	менее 73	73	109	127	145	181	199
7	252	менее 85	85	127	148	169	211	232
8	288	менее 97	97	145	169	193	241	265
Пояснение оценок								
A	Выдающийся ответ							
B	Очень хороший ответ							

	C	Хороший ответ					
	D	Достаточно удовлетворительный ответ					
	E	Отвечает минимальным требованиям удовлетворительного ответа					
X	F	Оценка 2+ (FX) означает, что студент может набрать баллы только до минимального удовлетворительного ответа					
	F	Неудовлетворительный ответ (либо повтор курса в установленном порядке, либо основание для отчисления)					

Правила выполнения письменных работ (эссе и контрольных тестовых работ)

Список тем письменных творческих работ (эссе) и докладов предлагается студентам в начале учебного года. Студент вправе выбрать тему из данного списка или предложить свою (согласовав с преподавателем). Не разрешается представлять одну и ту же работу более чем по одному предметному курсу. Вопросы и задания по контрольным работам становятся известны непосредственно при тестировании. Требования к набранным на компьютере творческим работам: один интервал, кегль –14, цитирование и сноски в соответствии с принятыми стандартами, тщательная выверенность грамматики, орфографии и синтаксиса. Текст эссе должен быть не менее 8 и до 12 страниц.

Творческая работа не должна быть реферативного, описательного характера, большое место в ней должно быть уделено аргументированному представлению своей точки зрения студентами, критической оценке рассматриваемого материала и проблематики, что должно выявить их аналитические способности. То же касается и устного выступления–доклада, который должен представлять собой не пересказ чужих мыслей, а попытку самостоятельной проблематизации и концептуализации определенной, достаточно узкой и конкретной темы, связанной с той или иной категорией теории или истории философии религии. Тестирование проводится с тем, чтобы проверить усвоение студентами материала курса, рекомендуемой преподавателем литературы, их умение успешно концептуализировать философский материал, предложенный их вниманию, а также, применять полученные знания на практике, в анализе и в процессе “понимания” философских и религиозных текстов. Поэтому в контрольную работу включены как вопросы, проверяющие собственно степень знакомства и понимания студентами философских текстов, основных понятий философии религии, так и более свободные, творческие задания, рассчитанные на проверку способности студентов к анализу духовных и религиозных феноменов. Объем контрольной работы, включая творческие задания, - 2 академических часа.

Академическая этика

Все имеющиеся в творческой работе (эссе) сноски тщательно выверяются и снабжаются “адресами”. Не допустимо включать в свою работу выдержки из работ других авторов без указания на это, пересказывать чужую работу близко к тексту без отсылки к ней, использовать чужие идеи без указания первоисточника. Это касается и источников, найденных в интернете. Необходимо указывать полный адрес сайта. Все случаи плагиата должны быть исключены. В конце работы дается исчерпывающий список всех использованных источников.

Иванов Владимир Геннадьевич

Кандидат политических наук, ассистент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук (ФГСН) Российского университета дружбы народов РУДН.

Образование – высшее. В 2006 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук по теме: "Транснациональная элита: концептуальное поле исследования". С 1 сентября 2005 года работает ассистентом кафедры сравнительной политологии, является заместителем заведующего кафедрой по работе с аспирантами, ответственным секретарем журнала "Вестник РУДН: серия политология". В 2008 г. проходил стажировку в Йельском Университете, США.

Область научных интересов – политические компаративные исследования, теория политики, сравнительные исследования политических элит, теории политического лидерства, международные отношения.

Читает курсы по политологии, политической философии. Им разработаны авторские курсы и для бакалавров и магистров: "Международные конфликты", "Мировые интеграционные процессы и становление глобальной взаимозависимости", "Политическая философия", "Политическая этика", "Современная элита России", "Основы законодательной деятельности", "Этноконфликтология", "Структура государственной и муниципальной власти в РФ".

Основные работы:

I. Монографии

Транснациональные элиты: кто они? Концептуальное поле исследования. – М.: РУДН, 2007. – 12 п.л.

II. Наиболее значимые статьи

1. Политика: эстетические механизмы функционирования // Актуальные проблемы политологии: сборник научных работ студентов и аспирантов РУДН / под ред. Д.Е. Слизовского - М.: МАКС Пресс, 2001. - 0,6 п.л.
2. Трансформация идеологии транснациональной элиты в контексте глобализационных процессов // Вестник МГУ, серия 12 политические науки, № 4, 2003. - 0,3 п.л.

3. Новая конфигурация межэлитных альянсов: феномен транснациональной элиты. Россия, Франция, Германия и Португалия в контексте европейской интеграции / Под ред. Н.С. Кирабаева, Ю.М. Почты, М.М. Мчедловой.- М.: Изд-во РУДН, 2005. - 0,3 п.л.
4. Кризис на пути или кризис пути? Перспективы демократического транзита на постсоветском пространстве // Вестник РУДН, серия Политология, № 7, 2006. - 0,3 п.л.
5. Кризис концепции технократии в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук, №1, 2007. - 0,3 п.л.
6. Перспективы демократического транзита в России в свете теории "третьей волны" демократизации // Вопросы гуманитарных наук, №3, 2007. - 0,3 п.л.
7. Медиакратия: симулякр политики? // Современные гуманитарные исследования, №3, 2007.- 0,2 п.л.
8. "Циклы Кондратьева" как подход к изучению проблем глобализации // Вестник РУДН: серия экономика, №1, 2007. - 0,7 п.л.
9. Основные глобальные тенденции развития госслужбы как вызов процессу модернизации государственного управления в РФ // Вестник РУДН, серия Политология, № 3, 2008. - 0,25 п.л.